

Родней
Арисменди

ЛЕНИН,
революция
и Латинская
Америка

Перевод с испанского

А. Б. Белякова, Ю. К. Козлова,
С. И. Семенова, А. В. Старостина

Редакция перевода В. Е. Тихменева

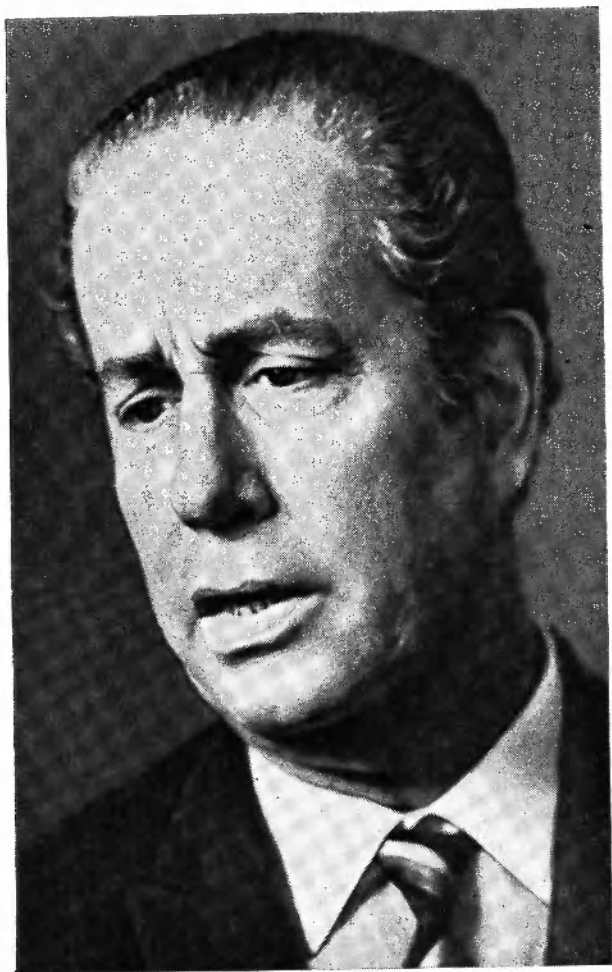
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

Москва 1975

Rodney
Arismendi

LENIN,
la revolución
y América
Latina

Ediciones Pueblos Unidos
Montevideo, 1970

КО ВТОРОМУ РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Имя Роднея Арисменди — выдающегося деятеля международного и латиноамериканского коммунистического и рабочего движения — хорошо известно в Советском Союзе. Стойкий борец за интересы трудящихся Уругвая, мужественный руководитель уругвайских коммунистов, он является пламенным революционером-интернационалистом, верным другом Советской страны, великой партии Ленина. Признанием его заслуг в международном коммунистическом движении и в укреплении дружбы между советским и уругвайским народами было награждение Роднея Арисменди в начале 1973 года орденом Октябрьской Революции.

Родней Арисменди — видный теоретик марксизма-ленинизма. Им написано свыше ста работ по экономическим, политическим и теоретическим вопросам, со многими из которых советская общественность знакома в русском переводе. Еще в 1963 году Роднею Арисменди было присвоено звание почетного доктора исторических наук Московского государственного университета. Такие его капитальные труды, как «Вторжение доллара в Латинскую Америку» (1948 г.), «Проблемы Латиноамериканской революции» (1963 г.) и, наконец, «Ленин, революция и Латинская Америка» (1970 г.), получили высокую оценку не только у нас, но и во многих странах Европы, Америки и Азии.

Второе русское издание книги «Ленин, революция и Латинская Америка» — яркое свидетельство огромного интереса советского читателя к тем проблемам, которые с революционной страстью и публицистическим мастерством анализирует Родней Арисменди. И хотя реакция после тюремного заключения выслала из стра-

ны великого сына уругвайского народа, он, как всегда, на переднем крае политической и идеологической борьбы ведет бескомпромиссный бой против всяческих извращений марксистско-ленинского учения, творчески развивает его применительно к латиноамериканским условиям, борется за торжество коммунистических идеалов в Уругвае и во всемирном масштабе.

Центральная тема данного труда — глубокое и всестороннее исследование стратегии и тактики революционного движения на Латинском континенте, который начиная с середины 50-х годов вступил в период подъема антиимпериалистической борьбы, обусловленного как внутренними, так и внешними факторами. Однако было бы неверно полагать, что работа ограничивается только рамками этого региона мира. Родней Арисменди рассматривает происходящие в Латинской Америке процессы в их неразрывной связи и взаимозависимости с мировым революционным движением, с учетом накопленного им опыта классовой борьбы. Другими словами, анализируя кардинальные проблемы революции в Латинской Америке, он в то же время как бы исследует на этом фоне общие принципы революционных сражений.

Творческому анализу латиноамериканской действительности автор предпосылает концентрированное изложение ленинского учения, стратегии и тактики нашей партии. Но это вовсе не значит, что он стремится подогнать сложную реальную обстановку в Латинской Америке под готовые схемы. Марксизм-ленинизм для Родней Арисменди — вечно живое и развивающееся революционное учение. Опираясь на него, пользуясь ленинской методологией при исследовании проблем, все время обращаясь к Ленину, он творчески глубоко осмысливает великое коммунистическое учение применительно к латиноамериканской действительности, к нарастающему на континенте революционному движению.

Круг проблем, анализируемых автором, очень широк и разнообразен, и их простое перечисление представляется нецелесообразным хотя бы потому, что в этой книге читатель имеет возможность ознакомиться с осущением их самим Роднеем Арисменди — блестящим

публицистом, талантливым исследователем, замечательным оратором-трибуном.

В наши дни, когда империализм и реакция пытаются организовать в Латинской Америке фронтальное контраступление против демократических сил, подавить революционное движение на континенте или хотя бы затормозить его рост, книга Роднея Арисменди служит грозным оружием в руках революционеров. Она нацеливает их на всесторонний учет объективных и субъективных факторов революционной борьбы, творческую оценку быстро меняющейся обстановки, призывает быть бдительными в отношении любых происков сил реакции и империализма, вселяет уверенность в торжество нашего великого дела.

П. Родионов,
заместитель директора Института
марксизма-ленинизма при ЦК КПСС,
доктор исторических наук

ПРЕДИСЛОВИЕ К АРГЕНТИНСКОМУ ИЗДАНИЮ

Это предисловие должен был бы написать сам Родней Арисменди. Сегодня Арисменди в тюрьме *. Он заключен туда в результате грубейшего произвола уругвайской диктатуры, и требования его освобождения решительно звучат во всем мире. Мы, естественно, не в состоянии выполнить то, что должен был бы сделать сам автор. И все же мы сочли необходимым написать настоящее предисловие, потому что он сам хотел это сделать и потому, что нельзя пройти мимо новых исторических событий, порожденных латиноамериканским революционным процессом и ярко характеризующих ряд важных черт современного положения на нашем континенте.

Прошло уже четыре года, как была написана и опубликована эта книга, и почти два года после ее издания в Советском Союзе. К русскому изданию Арисменди

* Аргентинское издание готовилось к печати в период, когда Р. Арисменди находился в тюрьме. — *Прим. ред.*

написал обширное послесловие, включенное также и в данную книгу. Это послесловие обновило и обогатило книгу новыми идеями.

Потеряла ли за эти прошедшие годы книга свое значение, стала ли она уже пройденным рубежом для революционного мышления, служит ли ее содержание «руководством к действию» и в настоящее время? Конечно, не стоит вдаваться в отдельные детали и частные аспекты, значение которых изменилось в той или иной степени в наши дни. Очевидно, в определенной мере, хотя это и может показаться парадоксом, сами изменения обстановки с новой силой подтверждают неизменность центральной идеи, идеи о конвульсивном развитии революционной обстановки, характерной для всей Латинской Америки, идеи, наметившей подъема и спады, зигзагообразное, диалектически противоречивое развитие. «Мы полагаем, что сохраняем объективность,— писал Арисменди в своей книге,— когда считаем, что 70-е годы будут для Латинской Америки периодом ускорения всего... революционного процесса». При этом он подчеркивал: «Было бы легкомысленным забывать, что мы прошли трудный и опасный путь, очень тяжелый, часто кровавый, и что такой характер нашего пути в основном сохраняется и в дальнейшем [стр. 523, курсив наш]. В то же время сама борьба этих противоречий подчеркивает непреходящую ценность основных положений марксизма-ленинизма, развитие которых составляет основную цель книги.

НЫНЕШНЯЯ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Кровавый фашистский переворот, который уничтожил революционное правительство Альенде в Чили в 1973 году, во многом усложнил картину борьбы народов на континенте. В том же году произошел, хотя и в ином плане и в иных масштабах, реакционный переворот в Уругвае, в результате которого был установлен диктаторский режим. Внутри этого режима на фоне общей слабости, неустойчивости и противоречий проявляются самые различные тенденции, среди них име-

ются и такие, которые тяготеют к усилению фашизации государства, однако соотношение между этими тенденциями изменчиво и подвижно. Значение обоих событий, главным образом первого, возрастает, если вспомнить, что сам Арисменди указывал, что 1970 год завершился «новым поворотом событий в Латинской Америке, прежде всего в результате победы Народного единства в Чили», и что он также говорил, что «Чили и Куба в историческом и социальном плане представляют собой ведущую ось для всего демократического и антиимпериалистического движения континента» (стр. 509, 521).

Может быть, эти выводы были поспешными, явились результатом преувеличенного оптимизма, который последующие события развеяли как дым? Сам Арисменди выступает против подобных зазнайства и переоценки, когда решительно высказывается об общем позитивном содержании революционного процесса¹. Ясно, что было бы слепотой при оценке серьезности поражения революционного дела в Чили не принимать во внимание «тех изменений, которые последовали за ним в соотношении политических сил в континентальном масштабе, и того факта, что *фашистское и империалистическое контрнаступление все еще продолжается*»². Однако было бы также неправильным проецировать тень чилийского фашизма в пространстве и времени. Было бы неправильным забывать о диалектике революции и контрреволюции, которую рассматривает Арисменди в своей книге³.

¹ «Однако, несмотря на мнения скептиков, кризисные потрясения наблюдаются на всем континенте. Об этом свидетельствуют победы, которым мы радуемся, а также и поражения. Учет подъема освободительной борьбы народов нельзя вести в одной конторской книге, регистрирующей только победы» (стр. 542).

² Fragmentos de una carta sobre temas latinoamericanos (выдержки из письма Р. Арисменди по проблемам Латинской Америки), Montevideo, marzo de 1974, "Análisis y Orientación", № 6, p. 2 (*курсив наш*).

³ «...революция порождает контрреволюцию, и наоборот... развитие мирового социализма и освободительного движения... обостряет все внутренние противоречия капиталистической системы и в короткий срок может привести к усилению агрес-

С другой стороны, это сложное сочетание света и тени, являющееся обычной, типичной формой проявления общей революционной ситуации во всей Латинской Америке, не следует рассматривать лишь с точки зрения внутренней диагностики данной страны, а необходимо анализировать его в рамках развития диалектического процесса в континентальном масштабе. В этом случае негативным фактам будут противопоставлены явления положительной значимости, несмотря на их большую сложность, поскольку они еще до конца не проявились, например явления, происходящие в такой крупной стране, как Аргентина. «Мы уже отмечали, что после чилийского поражения фактом наибольшей важности стала смена правительства в Аргентине, которая будет иметь важные последствия... Пестрая картина сопротивления империализму янки и его ставленникам в Бразилии и других странах включает в себя все различные проявления этого сопротивления в разных странах Латинской Америки — от социалистической Кубы и передовой, националистической Перу до Аргентины»¹. Ясно, что аргентинский процесс очень сложен: «Аргентинская националистическая буржуазия, с одной стороны, проводит во многих аспектах весьма позитивную политику в международном плане — это отношения, экономические связи с СССР и социалистическим лагерем, соглашения с Кубой... с другой стороны, она пытается внутри страны укрепить свою власть как класса, закрывая дорогу независимому рабочему движению и широким, радикально настроенным массам средних кругов, особенно молодежи, которая по убеждению или интуитивно стремится к социализму»². Смерть Перона привнесла в эту обстановку еще не выясненные сложности, однако трудно предполагать, что все может снова вернуться к прежнему положению ве-

сивности империализма и местных эксплуататоров...» «Революция учится, но то же самое делает контрреволюция. Революция укрепляется, а контрреволюция ослабляется и в то же время ожесточается...» (стр. 218, 219).

¹ Fragmentos, p. 2.

² Ibid., p. 3.

щей: явный поворот вправо означал бы для перонизма срубить сук, на котором он сидит.

Ко всему этому следует добавить глубокие радикальные изменения перуанского процесса — как его антиимпериалистического аспекта, так и его социально-экономических преобразований; то же самое можно сказать о Панаме и Гондурасе. Многие страны занимают позиции большей независимости и даже противостояния империализму янки, например, по такому определяющему вопросу, как отношения с Кубой и уже терпящая серьезный крах ее экономическая блокада. Вопросу определяющему потому, что Куба утверждает необратимость существования социализма в Латинской Америке, что правильно отметил Арисменди, когда говорил, что Куба — это «качественное изменение в положении на континенте» (стр. 279).

Несмотря на свои признанные способности делать хорошую мину при плохой игре, государственный секретарь США «Киссинджер в Мехико (на встрече с министрами иностранных дел стран — членов ОАГ. — *Ред.*) играл роль ласкового тельца, старательно избегая столкновений по экономическим вопросам и обходя существо кубинского вопроса. И все это — несмотря на позицию поддержки империализма, занятую диктаторами Бразилии, Уругвая, Парагвая и Боливии, несмотря на то, что среди латиноамериканцев не было представлено правительство Альенде, вместо него были убийцы из чилийской хунты...»¹.

Наконец, нельзя рассматривать латиноамериканскую обстановку в отрыве от соотношения сил на мировой арене, где зримо увеличивается роль СССР и социалистического лагеря, так же как и роль стран Азии и Африки, освободившихся от колониализма; в некоторых из них разворачиваются своеобразные процессы движения к социализму. Не лишне будет вспомнить победу вьетнамского народа, важные успехи левых сил на выборах во Франции и Италии, изменения, которые привели Скандинавские страны к более радикальным выступлениям на международной арене, позитивные

¹ Fragmentos, p. 2.

сдвиги, несмотря на существующие трудности, в положении на Ближнем Востоке, поражение в Греции кровавого режима «черных полковников» и многие другие факты, заслуживающие внимания. Все это происходит на фоне серьезных симптомов экономического кризиса, которые наблюдаются во всем капиталистическом мире и заставляют многих обозревателей со страхом вспоминать о призраке 1929 года. Историческая победа португальского народа над фашизмом, появление на улицах Лиссабона Алваро Куньяла в окружении солдат и народа с красными гвоздиками в руках, усиление поворота влево в этой стране, что выразилось в позитивном решении правительственного кризиса,— это чрезвычайно красноречивая примета нынешних новых времен. «Когда Киссинджер изображает из себя голубя мира, то этим он выражает наиболее умную позицию империализма янки перед лицом своих трудностей и своего бессилия: перед лицом укрепления социализма, провала «холодной войны», поражения во Вьетнаме, новой обстановки в Африке, развития финансового и экономического кризиса и т. д.¹ Поездка Л. И. Брежнева на Кубу, его дружеские объятия с Фиделем Кастро под лучами тропического солнца прямо отражают зависимость положения дел в Латинской Америке от соотношения сил на мировой арене, которое все больше складывается в пользу социализма. И лишь откровенные лжецы могут осмеливаться говорить, что это свидетельствует о вмешательстве СССР в наши внутренние дела; или, наоборот, также лживо утверждать, что США и СССР осуществили раздел мира на зоны влияния, согласно которому беззащитная Латинская Америка якобы отдана на потребу империализма янки. Нет, это не так! Народы нашего континента в борьбе за свое национальное и социальное освобождение всегда получают бескорыстную и мощную поддержку со стороны СССР и других социалистических стран.

В 1964 году, в критическое время, когда фашистские гориллы осуществляли реакционный переворот в Бразилии, Арисменди ответил решительным отрицани-

¹ Fragmentos, p. 1.

ем на вопрос: «Начинается ли, как думают некоторые, черное пятилетие наступления империализма и реакции?» Спустя почти 10 лет, прошедших с того времени, несмотря на события в Чили и Уругвае, нам ясно, что этот отрицательный ответ был правильным. И это не случайно: позиция Арисменди не была основана на простом оптимизме или пустом волюнтаризме, а на марксистском анализе реальной обстановки и выводах, сделанных на основе теории классовой борьбы: «Для тех, кто думал, что ход событий будет идиллическим и что он выльется в триумфальную прогулку, явное ожесточение борьбы может принести потерю перспективы. Наоборот, мы считаем, что *находимся на этапе перехода к крупным революционным сражениям, которые, как это и естественно, будут отмечены также попыткой жестокого контр наступления империализма янки*»¹. Если этот отрицательный ответ был справедлив тогда, то как он верен сейчас, когда за прошедшее время семимильными шагами развивался мировой и латиноамериканский революционный процесс! Отвергая любое приукрашивание революционной борьбы, мы можем утверждать, что: «На континенте неизбежно будут развиваться новые политические, экономические, военные кризисы». «Ход нашей революции труден и тяжел, в целом он кровавый. И несмотря на тяжелое чилийское поражение и временный отрицательный поворот в уругвайской ситуации, латиноамериканская революция будет развиваться и снова проявит себя в ряде различных аспектов»².

НЕКОТОРЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОГО АНАЛИЗА РЕВОЛЮЦИИ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

У того, кто не руководствуется компасом научной теории об обществе и об изменениях в нем, непрямое развитие революции может породить уныние

¹ «Estudios», 1964, № 31, p. 29 (*курсив наш*).

² Fragmentos, p. 2 и 4.

и даже отчаяние. Для марксиста-ленинца, наоборот, существуют определенные координаты, являющиеся устойчивыми точками опоры для правильного анализа самих изменений постоянной ориентировки в повседневной борьбе. Они глубоко развиты Арисменди в его книге. Думается, что будет полезным, несомненно, перечислить некоторые из этих положений, хотя придется это сделать в сжатой и схематичной форме.

1. Передовой характер революции в Латинской Америке. Он определяется рядом факторов, среди которых: тот факт, что большинство стран континента являются формально независимыми уже полтора века; то, что в них имело место довольно значительное капиталистическое развитие; то, что, следовательно, велик численный и социальный вес пролетариата, а в общем плане вес лиц наемного труда; то, что нынешние революционные процессы развертываются в историческую эпоху, характеризующуюся переходом от капитализма к социализму в мировом масштабе. Поэтому, если эти процессы уже в самом начале имеют демократическое и национально-освободительное содержание, любая подлинная революция в обязательном порядке, с самого начала предпримет меры антикапиталистического характера, направленные не только против банков и предприятий, принадлежащих империалистическому капиталу, но и против крупной местной буржуазии, тесно связанной с империалистическим капиталом, и перейдет в короткие исторические сроки к социалистическому этапу.

Это определяет авангардную роль, которую пролетариат обязательно выполняет в революции. Приведем только один недавний пример — это всеобщая 15-дневная забастовка, с помощью которой уругвайский рабочий класс выступил против переворота 27 июня 1973 года. Это было дисциплинированное и организованное, сознательное выступление, и забастовка была поддержана классовыми организациями трудящихся, несмотря на тяжелые репрессии со стороны диктатуры и провалившейся попытки «приручения» рабочих с помощью «желтых» профсоюзов. Все это ясно показало всем классам и партиям, кто играет роль авангарда, и

стало главным свидетельством внутренней слабости диктатуры Бордаберри и его приспешников, а также того, что никто не в состоянии предотвратить развитие социально-экономических движений, которые приведут к падению диктатуры.

Само содержание революции и авангардная роль пролетариата определяют также и тот факт, что антикоммунизм и антисоветизм, исходящие как от правых, так и «ультралевых», наносят глубокий вред не только делу социалистического будущего, но и настоящей борьбы за демократию и национальное освобождение. Помимо того, что само развитие революционного процесса неизбежно осуждает антикоммунизм и антисоветизм, необходимо энергично бороться с ними и разбить их политически и идеологически.

2. Сама социально-экономическая природа первого этапа революции определяет его, несмотря на то, что будет существовать широкий спектр классов и социальных слоев, и будет играть в ней роль движущих сил. Это определяет двойную и сложную задачу, которую Арисменди формулирует так: «Создание социально-политической силы революции на всех этапах и при всех обстоятельствах — первая великая задача революционера. А передовая роль рабочего класса и марксистско-ленинской партии в рядах этой силы — объединенного народа — является предпосылкой и гарантией перехода к социализму» (стр. 548). «Важная и обязательная проблема для партии пролетариата» — это хорошо понять и правильно решить проблему «участия мелкой буржуазии, в особенности ее радикальных кругов, в латиноамериканской революции, а также... определенные стороны бунта молодежи». Вред фальшивых идей, которые неизбежно привносятся в движение подобным участием, нельзя избежать, если рассматривать их «лишь — или преимущественно — доктринерски», с ними надо бороться, основываясь на опыте масс, участвующих в социальных и политических битвах, соединенном с теоретическо-пропагандистской работой, что и приведет к созданию широкого и прочного единства с теоретическим и практическим установлением в нем в то же самое время гегемонии пролетариата. «Идео-

логическая победа в борьбе с фальшивыми идеями может быть достигнута на пользу революции только при условии, если в качестве руководящей основы массового движения одержит верх теоретическая и тактическая линия пролетариата» (стр. 392—393). Трагедия Чили дает один из самых важных уроков: тот факт, что передовое правительство Альенде не смогло привлечь на свою сторону широкие круги средних слоев.

Чрезвычайно важным аспектом этого вопроса являются национализм и классовая борьба. Арисменди предупреждает против недооценки национализма как идеологического выражения важных социальных течений: «...Нам представляются неправильными рассуждения об уменьшении роли «национального фактора» (используем этот несколько вольный термин) революции. Задачи национального освобождения не только «не растворяются», а приобретают еще более драматический характер...» (стр. 300). Но «...революционеру-националисту угнетенной нации, естественному союзнику коммуниста в патриотической и социально-прогрессивной борьбе, трудно правильно оценить роль социальных классов в революции... это заставляет националиста питать предубеждение против теории классовой борьбы, как если бы она была уловкой коммунистов, движимых стремлением к гегемонии. И если, кроме того, предрасудки националиста сделали его сектантом, он подумает, что вся эта теория просто одна из фигур тех «мировых шахмат», в которые играют СССР и социалистический лагерь.

Наш долг — при контактах с националистами — соблюсти правильное соотношение между единством и идеологической борьбой, что сегодня приобретает громадное практическое значение как для нас, так и для них. Потому что, не говоря уже о ложном, механическом противопоставлении национального интернациональному, а патриотического интернационалистическому, националисты могут стать игрушками той же самой классовой борьбы и империализма, жизненно заинтересованного в том, чтобы отделить национально-освободительный поток от международной социалистической революции» (стр. 552). Само по себе ясно значение и

современность этого высказывания в середине наших бурных 70-х годов.

3. Вопросы о власти и путях революции, остро и полемично проанализированные Арисменди в этой книге, сегодня вдвойне актуальны, особенно после горького чилийского опыта. Когда, отвечая на вопрос: «Предполагает ли мирный путь полное или частичное преодоление положения Маркса, Энгельса и Ленина о неизбежном сломе пролетарской революцией военно-бюрократической машины буржуазного государства?» (стр. 210), Арисменди не ограничивается сухим отрицанием, а дает тщательный анализ проблемы, которому предпослано справедливое предупреждение против идеалистических, фальшивых интерпретаций известных положений XX съезда КПСС и международных Советаний коммунистических и рабочих партий 1957 и 1960 гг. Этот анализ Арисменди делает, не копируя классические положения, а руководствуясь главным образом живым духом марксизма-ленинизма, который всегда требует «конкретного анализа конкретной обстановки». На основе этого анализа можно не только с точностью определить, как, когда и где возникают возможности мирного пути, но и отвергнуть его, как крайне маловероятный на большей части континента.

И все же это не означает, что было бы полностью неправильно в Чили начиная с мирной победы на выборах президента республики (даже не располагая при этом парламентским большинством) не идти по пути глубоких революционных преобразований. Наоборот, эта абсолютно необычная возможность, предложенная коварством истории, вызвала энтузиазм у Арисменди, который посвящает этому событию наиболее обширную главу из своего обращения к советскому изданию своей книги. И в соответствии с определениями Коммунистической партии Чили, в том числе и ее генерального секретаря Л. Корвалаана, жизнь которого подвергается сегодня серьезной опасности со стороны хунты Пиночета, Арисменди подчеркивает, «что... завоевание или незавоевание всей власти — это ключ, который позволяет определить, пойдет ли развитие интереснейшей чилийской ситуации по более или менее болезненному

пути», и далее он указывает, что в этом случае прежде всего «речь идет о политической, экономической и идеологической битве» (стр. 535). «Мы как-то говорили, что этот путь подхода к власти дает громадное преимущество, не заставляя народ приносить жертвы, неизбежные в гражданской войне... Но этот «путь» в свою очередь содержит особые трудности, которые нужно иметь в виду. Они вытекают из того, что народ и правительство должны действовать в рамках юридических учреждений, которые задуманы как гарантия капиталистических производственных отношений и неизбежно должны будут подвергнуться глубоким изменениям, причем необходимо будет также сломать соответствующую часть государственного аппарата, выполняющую антинародные репрессивные функции» (стр. 532, курсив наш). Необходимо также привести и другое замечание, которое дал Р. Арисменди: «...мы полагаем, что эта неизбежная работа по слому государственной буржуазной машины и ее замене машиной с другим классовым содержанием может быть в некоторых странах облегчена идеологическим воздействием на военные кадры. Причем успех этого воздействия иногда может быть обеспечен всем предшествующим опытом, уже давшим положительные результаты» (стр. 540—541).

Трагический чилийский опыт подтверждает ценность этих мыслей. В то же время с помощью конкретного анализа обстановки в каждой стране эти мысли могут сыграть неоценимую роль при оценке новых, зреющих в разных местах событий.

4. Также похоже, что подтверждается, в том числе и поражениями в той или иной стране, положение о существовании революционной ситуации общего характера во всей Латинской Америке (стр. 419—423). Это положение не предполагает, как иногда его ошибочно понимают, желания втиснуть в единую и узкую схему богатое разнообразие национальных процессов. В определенной степени все наоборот: общая революционная ситуация предполагает сложное переплетение побед и поражений в разных странах, тесно и диалектически взаимосвязанных, что ускоряет общее движение вперед и победу латиноамериканской революции.

Она действительно предполагает необходимость того, чтобы революционеры каждой страны без ущерба для своих «национальных» устремлений, которым они отдают преимущества, считали весь континентальный процесс своим, что подчеркивает, в частности, их долг по проведению активной взаимной солидарности, особенно необходимой в наше время. Она предполагает также быть бдительными и готовыми с тем, чтобы суметь действовать в связи с возможными быстрыми изменениями «общей» картины, когда подобные повороты могут ускорить создание «конкретных» революционных ситуаций или, короче говоря, когда проблема власти станет на повестку дня.

5. В последние годы, как мы видим, выросла роль вооруженных сил в Латинской Америке. Эта тема не могла остаться вне поля зрения такого глубокого мыслителя, как Арисменди, столь умело проводящего тщательный анализ объективной обстановки в лучших традициях марксизма-ленинизма. Не только в работах, которые вошли в данную книгу, но и в более ранних, как, например, в статьях за 1964 г., опубликованных в журнале «Эстуднос» и посвященных анализу бразильского переворота, Арисменди проводит в отношении этой темы, принципиальную линию, которой Компартия Уругвая последовательно придерживалась даже в те особые для страны моменты, когда это было нелегко понять военным или гражданским кругам, настроенным полностью антиимпериалистически. Другими словами, чем характерна эта линия? Своим классовым содержанием: «Армия не может обойтись без народа, а народ должен стремиться завоевать на свою сторону или вовлечь в свои ряды патристические группировки вооруженных сил» (стр. 311). Таким образом, отвергается как мессиапская миссия или военный патернализм, который аннулирует главенствующую роль рабочих и народных масс, так и вульгарный антимилитаризм, когда из-за необдуманных побуждений или поверхностного анализа событий, в которых армии играли отрицательную роль, оставляется без внимания столь важная проблема революции, как попытки завоевать на ее сторону как можно более широкие круги военных. Созревание револю-

ционных условий в Латинской Америке обостряет противоречивый характер положения вооруженных сил: с одной стороны, согласно роли, которую им предназначает буржуазное государство, они призваны господствующими классами для подавления и разгрома революционных движений; с другой стороны, обострение политического и экономического кризиса, собственная неспособность и неорганизованность «гражданского» аппарата государства порождает тенденции, часто идеологически противоречивые, направленные на отказ, в большей или меньшей степени, от подчинения армии этому гражданскому аппарату, что благоприятствует пониманию военными кругами самых животрепещущих проблем. Однако многие военные, ослепленные антикоммунистическими бреднями, питают отвращение к концепции «классовая борьба не задерживается у дверей казарм». Это проявляется особенно остро и в такие моменты, как теперь, когда классовая борьба находится в полном разгаре. И нельзя не обращать внимания на то обстоятельство, что, как правило, в Латинской Америке военные в социальном плане принадлежат к средним слоям, сильно затронутым кризисом, как, например, это происходит в Уругвае.

Этим и определяется важность принятия правильной позиции по отношению к вооруженным силам. «Мы подчеркиваем, как это делали не раз, высказывая наше мнение о политике, которой нужно следовать в отношении вооруженных сил. То же — о необходимости проведения линии стратегической перспективы в отношении военных, далекой как от военного патернализма, так и от дешевого антимилицаризма. В этом отношении мы продолжаем верить (несмотря ни на что; ни на что — это также Чили и Уругвай) в необходимую дифференциацию подхода к вооруженным силам в качестве одного из условий революционной победы. Однако все это имеет цену, если мы не впадаем в хвостизм и выжидательство и будем делать главный упор на борьбу, мобилизацию и воспитание масс, на единство народа и укрепление партии»¹. Эта дифференциация

¹ Fragmentos, p. 4.

ция должна основываться на двух основных критериях: программных положениях и отношении к рабочему и народному движению. Эта дифференциация может быть претворена в жизнь, если политический авангард широко развивает борьбу рабочего класса и народа, оказывая давление на позицию вооруженных сил с помощью организованных и убежденных масс.

6. Арисменди отмечает важность ленинской концепции «путей подхода» к революции — речь идет о трудных путях и дорогах, не всегда «ясно» обозначенных, но ведущих к революции. Основываясь на опыте латиноамериканских стран, Арисменди говорит, что этот опыт показывает, что «в рамках нынешней ситуации так называемые *пути подхода* часто являются оригинальными и многообразными и в некоторых случаях на этом этапе руководство процессом может находиться в руках отдельных слоев мелкой буржуазии «в военной форме или без нее» (стр. 512). Основное — это то, чтобы авангард мог бы умело выбирать эти пути, являющиеся часто необычными и противоречивыми, пути процесса, чтобы уметь их использовать без тактических перегибов, в то же самое время прилагая максимум усилий к руководству действиями масс, чтобы они влияли самым прямым образом на достижение основных революционных целей. Для этого необходимы наибольшая тактическая гибкость и в моменты усиления контрреволюции умение использовать как можно шире политическую тактику в целях единства всех сил, которые, хотя и с колебаниями, выступают против контрреволюции: «Чем сильнее наступление врага, тем больше сил должны мы объединять, мы не должны замыкаться в себе и быть бездейственными и не гнаться за ненужным радикализмом»¹.

В этом отношении важна проблема демократии и ее соотношение с борьбой за социализм. Марксизм-ленинизм всегда выступает за то, что более прямой и удобный путь подхода к социализму — это путь демократии, даже с политическими и социальными ограничениями, присущими буржуазной демократии. В то же самое

¹ Fragmentos, p. 2.

время коммунисты ориентируются на то, чтобы преодолеть эти ограничения при социализме, что в политическом плане определяется «как демократия нового типа», в тысячу раз более демократичная, чем самая «совершенная» буржуазная демократия. Поэтому нет ничего более фальшивого, чем домыслы реакционной пропаганды, которая пытается противопоставить марксизм и свободу. Маркс, Энгельс и Ленин всегда указывали на то, чтобы пролетариат был во главе борьбы за демократические свободы, единственный способ обеспечить самое широкое и глубокое осуществление демократии на первом этапе революции, а также облегчить и ускорить переход к следующему, второму, высшему, социалистическому этапу. Историческая практика борьбы против фашизма, нацизма и всех тираний показала, до какой степени героизма и жертвования способны пойти рабочий класс и коммунисты в борьбе за свободу. Этот опыт и традиции необходимо применять и распространять их в тех из наших стран, которые находятся под пятой кровавых диктатур: борьба за свободу в этих странах, объединенная с борьбой за насущные требования широких масс, может стать путем подхода, который перерастет в действия глубокого революционного характера. В этой борьбе пролетариат и его авангард должны отказаться от какого бы то ни было узкого сектантства и уметь создавать широкие политические и социальные коалиции, которые должны идти вместе на этом этапе и ускорить таким образом осуществление важнейших исторических изменений.

УРУГВАЙ В ЭТОТ ЧАС ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Как мы сказали вначале, автор этой книги заключен в тюрьму диктатурой Бордаберри и его подручных. Но рабочий класс и уругвайский народ, коммунистическая партия, для укрепления которой так много сделал Арисменди, последовательно и смело борются в тяжелых условиях за поражение диктатуры. И борьба завершится победой. «Нынешний момент в Латинской Америке бесспорно труден. Нам предстоит пережить

еще очень трудные часы. Однако снова подтверждаю сказанное в «Письме к кадрам»: революционный процесс будет продолжать свое развитие. *А Уругвай является одним из слабых пунктов диктатуры горилл на континенте...* От Гватемалы до Чили продолжает проливаться кровь. То же самое происходит и в Уругвае, но в других масштабах... Впереди у нас дни тяжелой борьбы; но если мы умеем бороться и если объединим демократические силы континента и Уругвая, то нас не ожидает «темное пятилетие» или «черное десятилетие»... *Впереди новые военные, политические и экономические кризисы. И развертывание этих событий может ускориться*¹.

Углубление борьбы масс за свои насущные политические и экономические требования ускорит возникновение и глубину этих кризисов, что в свою очередь приблизит падение диктатуры. В рамках этих потрясенный массовое выступление рабочего класса и народа может придать этим кризисам передовой и позитивный аспект и довести дело до завоевания полных свобод и прав для политических и профсоюзных организаций, до установления временного правительства с широким народным участием, способным начать претворение в жизнь программы-минимум, которая не исключает, естественно, реальных решений основных проблем уругвайского народа.

В этой ситуации и с этой перспективой новое издание книги признанного лидера рабочего класса и коммунистов Уругвая является выражением солидарности и надежды на то, что приблизится время свободы и глубоких социальных изменений, борьбе за которые автор посвящает свою жизнь.

Издательство «Пуэблос унидос»

¹ Ibid., p. 3 и 4: выделено в оригинале.

Эту книгу посвящаю:

Основателям и активистам коммунистического движения Латинской Америки.

Фиделю Кастро и его товарищам, среди них — бессмертному Геваре, тем, кто привел к победе первую социалистическую революцию на нашем континенте.

Молодым коммунистам Уругвая, среди них — Либеру Арсе, Сусане Пинтос и Уго де лос Сантосу, павшим в недавних боях за свободу нашей Родины.

ОТ АВТОРА

Эта книга была задумана как произведение, состоящее из двух основных частей: первый том должен был быть посвящен изучению материальной базы латиноамериканского революционного процесса, главным образом экономической эволюции капитализма с момента окончания второй мировой войны и до наших дней; во втором томе внимание предполагалось сосредоточить на теоретических и тактических вопросах, которые, собственно, и рассмотрены в публикуемой книге. Напряженная политическая обстановка позволила осветить лишь вопросы, рассматриваемые в настоящей книге.

Три первые главы раздела «Ленин и пути революции» были написаны в Уругвае в январе и феврале 1968 г., а отрывки из них напечатаны в ряде номеров журнала «Эстуднос». Основное содержание этих глав было изложено в журнале «Коммунист», теоретическом органе ЦК КПСС. Четвертый раздел книги, подготовленный в апреле 1969 г., посвящен проблемам партизанской войны. Последняя его часть по ряду причин в книгу не включена.

Остальные разделы книги были закончены в январе — феврале 1970 г.

Черты Ленина— революционера-коммуниста и вождя революционеров

Человек прошел по Земле,
И Землю согрел на много столетий вперед...
И так же, как жизнь твоя была жизнью для жизни,
Твоя смерть стала смертью для смерти...
Человек прошел по Земле,
И призыв его запылал в сердцах людей.

Висенте Уидобро

1. ДВА ЧЕЛОВЕКА... И ВЕСЬ НАРОД

...Двое идут по улицам Петрограда. Множество конных патрулей рыщут по ночному городу, шпики и полицейские пристально вглядываются в темноте в лица прохожих, проверяют документы.

Близится полночь 24 октября 1917 г., капун вооруженного восстания, начало социалистической революции.

Холодная темная ночь; слышны шаги по мостовой двух прохожих. Их задерживает патруль: повсюду ищут Ленина. Есть приказ убить его. Один из прохожих, похожий на финна, Эйно Рахья,—связной Центрального Комитета большевистской партии, привлекает к себе внимание патрульных, а тем временем его спутник уходит. Свет уличных фонарей обрисовывает силуэт коренастого человека невысокого роста, удаляющегося энергичной, порывистой походкой, у него голова Сократа, столь привлекающая к себе внимание скульпторов.

...Ныне, немногим более полувека спустя, сотни миллионов людей узнали бы в этом слегка загримированном человеке Ленина, вождя мировой социалистической революции.

За несколько часов до залпа «Авроры» Леппп, которого на каждом шагу подстерегает смерть, быстро идет по направлению к Смольному, генеральному штабу восстания, расположенному в другом конце наступившего, замершего в ожидании города.

Кругом — огни, огни, огни...
Оплечь — ружейные ремни... —

писал Александр Блок в своей поэме «Двенадцать».

Эйно Рахья догоняет Ленина; вместе они подходят к Смольному. В Смольном работает мозг большевистской партии. «...Ленин появился совершенно неожиданно. Он вошел в Смольный прямо с улицы, охрана его не сопровождала. Изумительный по своей смелости поступок Ленина поразил всех присутствовавших. Всем нам было хорошо известно, что агенты контрреволюции буквально охотятся за Лениным, что за его голову Временным правительством назначена крупная награда. И вдруг без предупреждения, без охраны Владимир Ильич идет в Смольный через бушующий Петроград, где за каждым углом его мог поджидать враг!»¹ — вспоминает И. Еремеев, бывший начальник пулеметной дружины путиловцев.

Не совсем ясно: покинул ли Ленин конспиративную квартиру Фофановой на Выборгской стороне, в рабочем предместье Петрограда, по решению партии или же он сам взял на себя ответственность за этот риск с тем, чтобы непосредственно руководить большевистской партией и восстанием, которое он готовил с июля 1917 г. В ходе этой подготовки Ленин вел широкую и глубокую теоретическую, политическую, организационную и военно-техническую работу, зачастую полемизируя как со своими старыми товарищами по партии, так и с теми, кто вступил в нее недавно, подобно Троцкому с его давними антибольшевистскими взглядами.

Это был период блестящего и высшего проявления зрелости, мощи гения Ленина. Ему было тогда 47 лет. Оставалось еще семь лет жизни, заполненных титанической работой, в ходе которой закладывались основы нашей эпохи — эпохи победы социализма в международном масштабе. Для этого нужно было отстоять завоевания революции, победить в гражданской войне, разработать в обстановке разрухи и отсталости конкретные и не изведенные до этого времени пути строи-

¹ «История Великой Октябрьской социалистической революции», М., 1962, стр. 158.

тельства социализма, основать Коммунистический Интернационал и руководить им, разработать стратегию и тактику мировой социалистической революции, обязательным элементом которой является восстание народов колониальных и зависимых стран, вскрыть диалектические связи между проблемой мира и проблемой революции в мире, расколотом на антагонистические общественные системы, смертельно враждебные друг другу. Быть вождем партии, самой боевой и закаленной партии пролетариата, являющейся вдохновляющим примером для всех рабочих партий мира, — это значит стать во главе руководящего коллектива, объединенного марксистскими принципами, выкованного, подобно металлу, в огне идеологической борьбы, действующего на основе сознательной дисциплины и индивидуальной ответственности.

О культе личности Ленина не может быть и речи — он был подлинно народным вождем. (Однажды, еще в молодые годы, ему пришлось защищать *авторитет вождей*², и к этому же вопросу он вернется после революции в своем замечательном труде «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»³.) Он был вождем, которого партия и народ любили и уважали; он никогда не платил дани недостойной демагогии, решительно критиковал за ошибки, но эта критика была свободна от сухой, бюрократической педантичности. В совершенстве владея марксистской методологией, он обладал богатейшими теоретическими знаниями. Уже в своей работе «Что делать?» Ленин, говоря о европейских вождях, цитировал следующее высказывание Энгельса: «В особенности обязанность вождей будет состоять в том, чтобы все более и более просвещать себя по всем теоретическим вопросам, все более и более освобождаться от влияния традиционных, принадлежащих старому миросозерцанию, фраз и всегда иметь в виду, что социализм, с тех пор как он стал наукой, требует, чтобы с ним и обращались как с наукой, т. е. чтобы его изучали»⁴.

² См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 121—127.

³ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 22—29.

⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 27.

И все это сделал Ленин в последние семь лет жизни.

Но можно было бы привести в качестве примера любой другой период его жизни, и в каждом из них проявляется величие Ленина. Это — новизна и теоретическое богатство в обобщении им процессов, собственных империалистической фазе капитализма, и его борьба против империалистической войны, и разработка теории русской революции, учения о роли пролетариата как гегемона на ее демократическом и социалистическом этапах, и его борьба против ревизионизма на конгрессах II Интернационала.

Действительно, здесь трудно выделить что-нибудь одно, все это восхищает и служит источником вдохновения, и все это сделано Лениным.

Вместе с тем личность Ленина, на наш взгляд, особенно полно раскрывается в последние перед революцией месяцы 1917 г. — от провозглашения Апрельских тезисов, от исторического призыва Ленина «Да здравствует социалистическая революция!», которым он закончил речь с броневика⁵, до спокойного, полностью осознанного вызова, брошенного смертельной опасности в полночь 24 октября на пути к Смольному. Этот последний эпизод, который показался бы абсурдным для людей холодных и расчетливых, никогда не подвергающих себя подобной опасности, дает ключ, как нам кажется, к пониманию этого гениального человека, выдающегося ученого, страстного революционера, вождя партии. Смыслом всей жизни Ленина была социалистическая революция. После казни брата Александра гимназист Володя — Владимир Ильич Ульянов, позднее взявший революционный псевдоним Ленин, — беззаветно любивший брата, произнес, однако, свою знаменитую фразу: «Нет, мы пойдем не таким путем». С того дня, когда он смело ответил тупому полицейскому приставу, который его вез в тюрьму⁶, Ленин всю свою жизнь

⁵ См.: «История Великой Октябрьской социалистической революции», М., 1967, стр. 51.

⁶ «Ну что вы бунтуете, молодой человек, — ведь стена!» — назидательно сказал пристав. «Стена, да гнилая, — ткнул, и развалится!» — ответил Ленин. («Владимир Ильич Ленин. Биография», изд. 4-е, М., 1970, стр. 13.)

посвятил этой цели — социалистической революции — и сумел создать живое орудие для ее осуществления — партию большевиков, русскую марксистскую партию. Вот почему Ленин прежде всего является *революционером-коммунистом, вождем революционеров-коммунистов, организованных в партию-авангард.*

Это тот же самый Ленин, который в юношеские годы изучает «Капитал»⁷, или анализирует — год за годом, цифру за цифрой — особенности развития капитализма в России, или удаляется на год или на два в библиотеку Британского музея, или штурмует сотни книг по философии и физике с тем, чтобы начать битву своей книгой «Материализм и эмпириокритицизм», или штудировать сотни страниц, чтобы накануне первой мировой империалистической войны дать анализ империалистической стадии капитализма, или же детально изучает и конспектирует Гегеля, чтобы высвободить «живую душу» марксизма — диалектику, используя ее как оружие в борьбе против оппортунизма⁸.

Ленин тщательно изучает Клаузевица и других стратегов, делает выписки из книги Ключезрэ об уличных боях, читает и перечитывает историю великих революций, сосредоточивая внимание как на их политическом аспекте, так и аспекте техническом. Он с удовлетворением отмечает, что 1905 г. вновь показал значение партизанской борьбы, хотя и в другой ее форме — тактики баррикад, отвергнутой по военным соображениям Энгельсом после уличных боев 1848 г. и Парижской Коммуны.

И Ленин же после бессонных ночей, в моменты принятия ответственных решений, сожалеет, что, находясь

⁷ «Месяцы пребывания Ленина в Казани были заполнены упорной работой по овладению теорией марксизма, общением с молодыми казанскими марксистами. Он тщательно изучает главный труд К. Маркса «Капитал»... Владимир Ильич был целиком захвачен великими идеями Маркса, неотразимой логикой и глубиной его научных выводов». («Владимир Ильич Ленин. Биография», стр. 16.)

⁸ «Нельзя вполне понять «Капитала» Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв всей Логики Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса 1/2 века спустя!!» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 162.)

рядом с богатой библиотекой, он не может уделить времени для изучения творчества современных художников. И он же сдерживается, чтобы не разволноваться, слушая бетховенскую «Аппассионату»⁹, потому что видит свою главную задачу в освобождении рабочего класса и угнетенных народов в том, чтобы преобразовать человека путем ликвидации социальных условий эксплуатации человека человеком.

Сейчас, по прошествии стольких лет, вызывает чувство изумления кристальная ясность, с которой формулирует молодой Ленин эту задачу в своих работах. Именно эти работы стали незыблемым теоретическим фундаментом победы социалистической революции в России. Я имею в виду такие произведения, как «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад», «Две тактики социал-демократии в демократической революции».

В произведении «Что делать?», в котором ленинское творчество характеризуется свободой изложения, блестящей аргументацией, содержится следующее заме-

⁹ «В. А. Десницкий-Строев сообщил мне, что однажды он ехал с Лениным по Швеции, в вагоне, и рассматривал немецкую монографию о Дюрере.

Немцы, соседи по купе, его спросили, что это за книга. В дальнейшем оказалось, что они ничего не слышали о своем великом художнике. Это вызвало почти восторг у Ленина, и дважды, с гордостью, он сказал Десницкому:

— Они своих не знают, а мы знаем.

Как-то вечером, в Москве, на квартире Е. П. Пешковой, Ленин, слушая сонаты Бетховена в исполнении Исаия Добровейна, сказал:

— Ничего не знаю лучше «Appassionata», готов слушать ее каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка. Я всегда с гордостью, может быть, наивной, думаю: вот какие чудеса могут делать люди!

И, прищурясь, усмехаясь, он прибавил невесело:

— Но часто слушать музыку не могу, действует на нервы, хочется милые глупости говорить и гладить по головкам людей, которые, живя в грязном аду, могут создавать такую красоту. А сегодня гладить по головке никого нельзя — руку откусят, и надобно бить по головкам, бить безжалостно, хотя мы, в идеале, против всякого насилия над людьми». (М. Горький и, Собр. соч., М., 1952, т. 17, стр. 39—40.)

чательное положение: «История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является **наиболее революционной** из всех **ближайших** задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. *Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата.* И мы вправе рассчитывать, что добьемся этого почетного звания, заслуженного *уже нашими предшественниками, революционерами 70-х годов, если мы сумеем воодушевить наше в тысячу раз более широкое и глубокое движение такой же беззаветной решимостью и энергией*»¹⁰.

2. ПРАВИЛЬНАЯ ЛИНИЯ, ПРОЛЕТАРСКАЯ ПАРТИЯ ПЛЮС РЕВОЛЮЦИОННАЯ СТРАСТНОСТЬ СТАРОГО ПОКОЛЕНИЯ

Ленин никогда не прибегал к украшательским фразам, никогда не подменял ясных концепций броскими литературными оборотами. В четко сформулированном и приведенном выше положении он предвосхищает всемирно-историческую роль русской революции, ее влияние на страны Запада и Востока. Позднее это вылилось в ленинскую теорию всемирной социалистической революции, слияния всех потоков современной революции — пролетарских, демократических, антиимпериалистических. Но мы хотели бы отметить также, что Ленин вспоминает и предшествующее поколение русских революционеров, той горстки людей с бомбой и револьвером в руках, которые выступили против чудовищного царского самодержавия. Ленин как бы говорит нам, что наше движение, пролетарское, социалистическое, более широкое и глубокое, должно *вдох-*

¹⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 28. [Полужирным шрифтом здесь и далее в произведениях как В. И. Ленина, так и К. Маркса и Ф. Энгельса выделены места, подчеркнутые ими самими. Светлым курсивом выделены места, подчеркнутые автором.— *Прим. ред.*]

новляться революционной страстью, энергией и героизмом старого поколения народников.

Неоценимый урок для всех коммунистических партий мира!

Это обусловлено, как отмечалось в печати, тем, что Ленин родился на рубеже двух поколений революционеров: старого поколения 70-х годов XIX века¹¹ и следующего поколения, из которого вышли и развились марксисты.

Такое мнение до известной степени может быть приемлемым, если, учитывая эту хронологическую близость, не упускать из виду, что Ленин и в теории, и на практике преодолевает слабости народников¹², и различать — а он этого требовал постоянно — классовое содержание любого движения. (*«Урок нашей революции состоит в том, что только партии, опирающиеся на определенные классы, сильны и уцелевают при всех и всяких поворотах событий»*¹³.)

Отправной точкой критики «Народной воли» и практического преодоления ее отрицательных сторон, осуществленных Лениным (ранее начатых Плехановым и его группой), явилась правильная историческая оценка положительных сторон этого движения. Наследство «Народной воли» нельзя было отдавать партиям и группам, стремившимся сделать своим знаменем именно недостатки народовольцев в области идеологии и тактики с целью оспорить руководство революцией у марксистов, рабочего класса и его партии.

Ленин с революционной страстностью говорит об этом героическом поколении, учеником которого

¹¹ Поколение 70-х годов — самое знаменитое поколение русских революционеров-народников, предшествовавших появлению марксистов в России. К 70-м годам относится и возникновение Парижской Коммуны.

¹² «Если деятели старой «Народной воли» сумели сыграть громадную роль в русской истории, несмотря на узость тех общественных слоев, которые поддерживали немногих героев, несмотря на то, что знаменем движения служила вовсе не революционная теория, то социал-демократия, опираясь на классовую борьбу пролетариата, сумеет стать непобедимой». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, стр. 176.)

¹³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 350.

был его брат Александр. Свою известную работу «Насущные задачи нашего движения», в которой говорится: «*Надо готовить людей, посвящающих революции не одни только свободные вечера, а всю свою жизнь...*»¹⁴, Ленин заканчивает словами из замечательной речи рабочего-революционера Петра Алексева на суде.

Ленин с уважением относится к таким революционерам, как Андрей Желябов и Софья Перовская, входившим в группу, убившую в марте 1881 г. царя Александра II.

Говоря об участниках «Земли и воли», Ленин с похвалой отзывается не только об их революционной страстности и героизме, но и о *превосходной организации*¹⁵, «которая нам всем должна бы была служить образцом...», а «...видеть в боевой революционной организации что-либо специфически народофильское нелепо и исторически и логически, ибо всякое революционное направление, если оно только действительно думает о серьезной борьбе, не может обойтись без такой организации»¹⁶.

В статье «С чего начать?»¹⁷, в которой кратко сформулированы основные положения будущей классической работы «Что делать?», Ленин отвергает идеи тех, кто видит в существовании «боевой организации» поворот в тактике. Как ведение «политической агитации», так и создание «боевой организации»¹⁸, говорит он, являются постоянными задачами. Отвечая тем, кто считает необоснованным существование «боевой организации» в периоды медленного общественного развития, Ленин добавляет: «...именно при такой обстановке и в такие периоды особенно необходима указанная

¹⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, стр. 376.

¹⁵ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 135.

¹⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 135.

¹⁷ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 5, стр. 1—13.

¹⁸ Там же, стр. 6. В. И. Ленин говорит: «... работать над созданием боевой организации и ведением политической агитации обязательно при какой-нибудь «серой, мирной» обстановке, в период какого-нибудь «упадка революционного духа...»

работа, ибо в моменты взрывов и всплесков поздно уже создавать организацию...»¹⁹

Ошибка же революционеров 70-х годов «...была в том, что они опирались на теорию, которая в сущности была вовсе не революционной теорией, и не умели или не могли неразрывно связать своего движения с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества»²⁰.

В этой связи можно сказать, что большевизм, возглавляемый Лениным, развивался в борьбе на два фронта: как против течений «экономизма», меньшевизма и т. д.—русского отражения европейского социал-демократического ревизионизма и реформизма, так и против социалистов-революционеров, которые ошибочные теоретические и тактические положения народников превратили в свою генеральную линию. Эти ошибки вытекают из отрицания исторической роли пролетариата, которому противопоставлялось крестьянство как главная революционная сила. Во имя этой концепции, диаметрально противоположной основополагающему тезису марксизма²¹, народники шли в деревню «пробуждать крестьян». Потерпев неудачу, они все больше стали развивать идею о просвещенном и *героическом меньшинстве*, все больше изолировались от масс, прибегали к индивидуальному террору, к «политической сенсации», впадали в авантюризм. Эту тактику с ее методами унаследовали социалисты-революционеры. Вместе с тем она походила и на методы, которыми пользовались анархистские течения в Западной Европе.

На протяжении всей своей жизни Ленин боролся с подобным направлением в теории и тактике²².

¹⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 5, стр. 6.

²⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 135.

²¹ «Главное в учении Маркса, это — выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как созидателя социалистического общества». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, стр. 1.)

²² См. особенно работы, в которых Ленин характеризует социалистов-революционеров и выступает против теории и тактики, которых они придерживались.

Много раз он касался вопроса о тактике террора, критикуя ее и доказывая ее бесплодность. Ленин противопоставлял ей марксистскую революционную тактику *массовых* действий. При этом Ленин бесконечно далек от филистерского и лицемерного отношения к подобным вопросам, свойственного социал-демократическим лидерам. В статье «С чего начать?» он отвергает мысль об отказе от террора вообще, об отказе по принципиальным соображениям. Это — *одно из военных действий*, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо при известных условиях... «Но суть дела именно в том, что террор выдвигается в настоящее время отнюдь не как одна из операций действующей армии, тесно связанная и сообразованная со всей системой борьбы, а как самостоятельное и независимое от всякой армии средство единичного нападения»²³. Т. е. одно дело, когда он используется при революционной ситуации, в рамках всенародных выступлений, или применяется как составная часть стратегии в обстановке гражданской войны или войны освободительной. (Ленин допускал террор в 1906 г., в революционной атмосфере той поры, в том числе в целях уничтожения шпионов и палачей²⁴.) Другое дело — применять в любой политической ситуации подобный метод, ведущий к изоляции от масс и отвлекающий от главных задач по революционному воспитанию и организации, метод, отвлекающий «...наиболее активных борцов от их настоящей, наиболее важной в интересах всего движения задачи...»²⁵.

Типичным примером ленинской методологии нам представляется его речь, произнесенная 4 ноября 1916 г. на съезде Швейцарской социал-демократической партии. Анализируя борьбу течений в международном социалистическом движении, Ленин (в это время беспощадно громил социал-демократический ревизионизм вождей II Интернационала) глубоко рассматривает вопрос о терроре в связи с получившим большой резо-

²³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 5, стр. 7.

²⁴ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 13, стр. 365.

²⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 5, стр. 7.

нанс убийством Штюргка, австрийского премьер-министра, австрийским социал-демократом Ф. Адлером.

Террор «как тактика» состоит в «...систематической организации политических убийств без связи с революционной борьбой масс...». Замечательное определение!

Ленин не знает, следовал ли Адлер такой ошибочной тактике или же это убийство было «...лишь отдельным шагом в переходе от оппортунистической несоциалистической тактики официальных австрийских социал-демократов с их обороной отечества к тактике революционного массового действия»²⁶. Если последнее предположение правильно, то такой шаг заслуживает «полной симпатии».

Обращает на себя внимание то, что Ленин не оправдывает этот акт сам по себе. Он относится к нему с «симпатией» только в том случае, если речь идет об отдельной революционной акции, направленной против оппортунизма.

Таким образом, в методологии Ленина нет места ни филистерству, ни хныканью. Он строго анализирует факт — как если бы речь шла об изучении естественнонаучного явления, — рассматривает все его политические последствия.

Тактика террора является ложной — таков первый вывод: она не помогает делу революции, но зато помогает реакции атаковать революционное движение, приводит к бессмысленной гибели революционеров, к выступлениям без участия масс.

Ленин дает определение и объясняет существо дела. Он ссылается на русский опыт, на историю большевистской партии. «Во всяком случае, — говорит Ленин, — мы убеждены, что опыт революции и контрреволюции в России подтвердил правильность более чем 20-летней борьбы нашей партии против террора, как тактики».

Эта идеологическая борьба увенчалась успехом, так как «тактике террора» была противопоставлена подлинно революционная тактика масс. Последняя сочетала теоретическую пропаганду и практическую деятель-

²⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 182.

ность. Ленин выделяет три определяющие причины, или три предпосылки, этой победы:

1) «...эта борьба велась в тесной связи с беспощадной борьбой против оппортунизма, который был склонен отвергать всякое применение насилия со стороны угнетенных классов против угнетателей»;

2) «...мы связали борьбу против терроризма с многолетней, начавшейся за много лет до декабря 1905 г., пропагандой вооруженного восстания»;

3) «...еще за четыре года до революции мы поддерживали применение насилия со стороны масс против их угнетателей, особенно во время уличных демонстраций...».

«Мы стали все больше задумываться, — говорит Ленин, — над организацией выдержанного и систематического сопротивления масс полиции и армии, над вовлечением посредством этого сопротивления возможно большей части армии в борьбу между пролетариатом и правительством, над привлечением крестьянства и войска к сознательному участию в этой борьбе»²⁷.

Ленин разъясняет и доказывает, что для разоблачения терроризма как ложной тактики недостаточно лишь занимать правильную критическую позицию по отношению к нему — не говоря уже о позиции беспомощного доктринерства, — необходимо противопоставить ему подлинную революционную тактику.

Ленин таким образом смог воспринять героические революционные традиции «Народной воли» и в то же время выковать партию пролетариата на незыблемом теоретическом фундаменте, в ходе непрерывной идеологической борьбы против ошибочных теоретических и практических концепций мелкобуржуазного толка²⁸.

Н. К. Крупская комментирует известные положения Ленина, касающиеся требований к члену партии.

²⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 182—183.

²⁸ «Социал-демократия всегда будет предостерегать от авантюризма и безжалостно разоблачать иллюзии, неизбежно оканчивающиеся полным разочарованием. Мы должны помнить, что революционная партия только тогда заслуживает своего имени, когда она на деле руководит движением революционного класса». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 385.)

Раньше, пишет она, существовала партия «Народная воля», в ней было «много героев, которые, идя на убийство царя, его чиновников, жандармов, сознательно шли на верную смерть во имя дела. С величайшим уважением относился Ленин к героям «Народной воли»...» Однако Ленин в противоположность им считал, отмечает Н. К. Крупская, что «...изменить существующий строй можно лишь усилиями миллионов организованных масс, их борьбой...». «Но героизм деятелей «Народной воли» наложил печать и на работу нашей партии... Наша партия, — продолжает Н. К. Крупская, — впитала в себя понимание необходимости для члена партии революционной закалки, боевой готовности, умения отдавать себя беззаветно, целиком на борьбу за дело пролетариата, за дело победы социализма. Без революционной закалки, без революционной выдержки и дисциплины своих членов в условиях царизма наша партия никогда не могла бы стать силой»²⁹.

3. ПРЕЖДЕ ВСЕГО — ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР

Ленин — прежде всего профессиональный революционер, замечательный пример для кадровых партийцев, о необходимости формирования которых он говорил. По его замыслу такие кадровые работники должны были стать ядром партии пролетариата в новую эпоху. Рассказывают, что один из меньшевистских руководителей — Дан — жаловался на то, что Ленин непобедим, ибо он постоянно думал о революции и жил ради нее.

И как говорится у нас, в Латинской Америке, в «горячий час решений», ночью 24 октября 1917 г., Ленин был там, где должен был быть; иначе и быть не могло.

Ради этого момента он жил, мыслил, работал, был в ссылке, в эмиграции, прошел через все опасности, неизбежные в жизни коммуниста.

По поводу этого исторического эпизода ночью 24 ок-

²⁹ Н. К. Крупская, Ленин и партия, М., 1963, стр. 98.

тября кое-кто, возможно, пустится в рассуждения о роли случая в цепи исторических событий или о значении личности либо о том, что могло бы случиться, если бы Ленина похитили или убили в канун Великого Октября. Может быть, найдутся и такие, кто захотел бы указать Ленину на ошибочность его поступка, в духе тех «непогрешимых» немецких профессоров, о которых говорил Бисмарк³⁰. От подобных спекулятивных рассуждений отдаёт бюрократическим или профессорским педантизмом. А с абсолютной гарантией того, что вожди никогда не будут подвергаться смертельной опасности -- подобно литературным «генералам, которые умирают в постели», — революции не делаются. Вместе с тем очевидно, что оберегать своих вождей — это долг партии и революционных организаций, а обязанность вождей — находиться там, где этого требуют исторические обстоятельства.

Кто осмелился бы обвинять Ленина, приписывая ему черты опрометчивости, азартности, авантюризма? Наоборот, когда было нужно, он работал за границей. Он всегда высмеивал авантюризм. Он заклеил так называемых «левых коммунистов» как носителей морали шляхтичей³¹. В истории известен типичный для Ленина эпизод, который, с одной стороны, свидетельствует о его личной смелости и решимости, а с другой — о чувстве ответственности, которому чужд всякий неоправданный и легкомысленный риск. 3 июня 1907 г. произошел столыпинский переворот. Ленин некоторое время находился в Финляндии, но полиция искала его и там. Нужно было выезжать в Стокгольм. В поезде Ленин заметил за собой слежку, он вышел из вагона и пошел пешком в город Або. В Або Ильич должен был сесть на пароход, с капитаном которого была договоренность, что

³⁰ Бисмарку приписывают фразу: «Бог знает все, но еще больше знает немецкий профессор».

³¹ «Что они говорят? «Никогда сознательный революционер не переживет этого, не пойдет на этот позор». Их газета носит кличку «Коммунист», по ей следует носить кличку «Шляхтич», ибо она смотрит с точки зрения шляхтича, который сказал, умирая в красной позе со шпагой: «мир — это позор, война — это честь». Они рассуждают с точки зрения шляхтича...» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 22.)

он примет одного пассажира. Но так как Ленин опоздал к отходу парохода, ему пришлось добираться до места следующей его остановки. Идти надо было напрямик, по льду. Лед под ногами трещал, на каждом шагу подстерегали полыньи. Ленин рассказывал, что он подумал тогда: «Эх, как глупо приходится погибать». Нет, он не поступал опрометчиво. Ленин был подлинным революционером. Он любил жизнь³² и не хотел бесцельно потерять ее. Вместе с тем вождь пролетариата ни секунды не колебался, когда речь шла о необходимости занять свое место в борьбе, использовать весь огромный потенциал великой личности в час принятия решений.

Конечно, не следует искать в нем черты героя из романтической литературы. Прежде всего, повторяем, он был профессиональным революционером. Но вместе с тем он был героем, преимущественно героем эпохи всемирной социалистической революции. Люди, подобные ему, вдохновленные марксистско-ленинской идеологией, находились в авангарде при решении epochальных проблем. Это русские революционеры 1905 г. Это опытные конспираторы и подпольщики, которые на протяжении нынешнего века в разных странах умело обходят смертельно опасные ловушки, расставляемые тираническими режимами, империализмом и фашизмом в страхе перед призраком революции. Это большевики, сражающиеся на баррикадах и воздвигающие Днепровскую ГЭС. Это организаторы и герои Интернациональных бригад, многие из которых пали на полях сражений. Это победители нацистской чумы, боровшиеся в окопах, выдержавшие пытки в концлагерях, герои подполья и партизаны-маки. Это те, кто победил врага благодаря умелой организаторской дея-

³² Н. К. Крупская с негодованием отвергает стремление изобразить Ленина каким-то аскетом. Она говорит, что люди «невольно как-то поэтизировали свою работу, рассказывая о ней Ильичу. Страшно увлекался Ильич людьми, страшно увлекался работой. Одно с другим переплеталось. И это делало его жизнь до чрезвычайности богатой, интенсивной, полной. Он впитывал жизнь во всей его сложности и многогранности. Ну, аскеты не такие бывают». (Н. К. Крупская, Ленин и партия, М., 1968, стр. 23.)

тельности и применению правильной тактики. Это исходивший всю Азию Хо Ши Мин, который нес слово Ленина сотням миллионов жителей этой части света, открывая им светлые горизонты. Это Димитров, гордо стоявший перед судом в Лейпциге, уверенный, что будущее — за ним. Это Юлиус Фучик, подобно многим другим доказавший, что революционер сильнее любых пыток. Это Никос Белояннис с красной гвоздикой в руках. И многие, многие другие. Это тысячи латиноамериканских коммунистов, убитых, замученных, сгоревших в борьбе, суровой, но вселяющей в народы надежду.

Таков Мелья. Таковы Фидель Кастро и его соратники, пришедшие к коммунизму, потому что они душой и телом были преданы народу и революции. Таков Че Гевара. «Если я умру, пусть другие руки протянутся и возьмут винтовку...» Это те, о которых Бертольт Брехт говорит, что «без них не обойтись»³³.

Переделывая мир вместе с пролетариатом, возглавляя движение всех угнетенных, они иногда совершали ошибки³⁴. Но как избежать их, когда речь идет о неизведанном деле — завершении предыстории человеческого общества? Эти люди — стержень революционной эпохи нашего времени, и даже их противники втянуты в вихри бури, которая поднята ими.

Чего только не говорили об этих людях, о революционерах из рабочего класса, о кадровых работниках революционной партии, о которой мечтал Ленин, которую он выковал, превратив ее в великую партию мирового значения, и поныне воплощающую в себе гений человека, стоящего в центре нашей эпохи!

³³ «Есть люди, которые борются час, это — хорошие люди. Есть люди, которые борются многие годы, это — очень хорошие люди. Но мало кто борется всю жизнь, это те, без кого не обойтись».

³⁴ «... если бы даже на 100 наших правильных актов приходилось 10 000 ошибок, все-таки наша революция была бы, и она будет перед всемирной историей, велика и непобедима, ибо первый раз не меньшинство, не одни только богатые, не одни только образованные, а настоящая масса, громадное большинство трудящихся сами строят новую жизнь, своим опытом решают труднейшие вопросы социалистической организации». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 61.)

Для анархистов и прочих взбесившихся мелких буржуа коммунисты — это бюрократы или диктаторы... До чего только не доходили в лагере империалистов или в среде радикально настроенной мелкой буржуазии, представляя коммуниста то бездушным кровожадным чудовищем, для которого «цель оправдывает любые средства», то карикатурным черствым чиновником, неспособным на героический порыв!

Когда коммунисты отвергают пустую «революционную» фразеологию и формулируют задачи в зависимости от политического момента и степени готовности масс, их, напротив, обвиняют в реформизме. Когда они справедливо выступают за активную роль партии, против перерождения ее на позитивистский, ревизионистский, социал-демократический лад (революция однажды свершится автоматически... для наших внуков), их обвиняют в бланкизме и волюнтаризме. Коммунистов обзывают догматиками, когда они отстаивают принципы, теорию и перспективы социалистической революции, и ее неотъемлемую часть — интернационализм. Вместе с тем их же обвиняют в оппортунизме, поскольку они применяют марксистскую теорию и методологию к конкретной действительности, в конкретный политический момент...

Используется все: термин «марксизм-ленинизм», традиции, опыт, жизненный путь некоторых из этих коммунистов для того, чтобы противопоставить их другим коммунистам или всему движению в целом.

Все это не ново. Пожалуй, возросла лишь ярость этих нападок, поскольку временем доказано, что марксизм-ленинизм — это самая передовая теория, а коммунисты, кадровые работники партии, профессиональные революционеры (в самом высоком ленинском значении этого слова) — победоносный авангард человечества самого революционного периода мировой истории, начавшегося в октябре 1917 г.

Едва ли возможны большая разнузданность и ярость в оскорблениях! Мариэтта Шагинян в замечательном рассказе об одном из периодов жизни Владимира Ильича отмечает: «Человека, вошедшего в пашу эпоху безмерно деликатным и скромным, чутким и добрым,

простым и равным — и любимым за это; как никто другой на земле, — этого человека в чем только не обвиняли! В антидемократизме, догматизме, насилии над чужим мнением, желании диктаторства, зажиме критики, «литературщине» * и даже — *horribile dictu*³⁵ — в создании культа своей персоны! Но на личные нападки Ильич отвечал почти равнодушно и даже с иронией»³⁶.

Много лет назад я узнал мнение о Ленине одного французского анархо-синдикалиста, увлеченного идеями Сореля и познакомившегося с Лениным в парижский период его жизни. Этому человеку, заплутавшемуся в дебрях *рассуждений о насилии*, Ленин показался ординарным профессором политэкономии, выдававшим себя за социалиста, осторожным приверженцем организаторской работы. Само насилие этот господин считал демиургом *революционной ситуации* и самой революции (известны бергсонские идеалистические философские корни взглядов Жоржа Сореля). Ленин, который не на жизнь, а на смерть боролся с социал-демократическим реформизмом и который видел в анархизме наказание за оппортунизм и реформизм многих вождей II Интернационала, рассматривал проблемы насилия как часть классовой борьбы, а методологию в вопросе о насилии ставил в зависимость от политики. Во время революционной бури или в период подготовки революции меланхоличным реформистам или центристам-соглашателям Ленин казался заблуждающимся марксистом, зараженным *бланкизмом и анархизмом*. Когда же обстоятельства изменялись и была необходима большая широта и гибкость в вопросах тактики, то анархистам, социалистам-революционерам, отзовистам и «левым коммунистам» он казался «слишком большим сторонником пацифистских действий» и тому подобное.

* До этого додумался Л. Надеждин в брошюре «Канун революции». (У Ленина упомянуто в: Полн. собр. соч., т. 6, стр. 154—155.— М. III.)

³⁵ Страшно сказать (*лат.*).

³⁶ Мариэтта Шагинян, Четыре урока у Ленина, «Роман-газета», № 3(349), 1970, стр. 42.

Но Ленин всегда оставался Лениным. Это Ленин смело предвосхищает в своей работе «Партизанская война»³⁷ новые формы борьбы и не допускает, чтобы их путали, руководствуясь поверхностной аналогией, с бланкизмом или анархизмом. Ленин пишет с сарказмом: «Неопытные революционеры часто думают, что легальные средства борьбы оппортунистичны, ибо буржуазия на этом поприще особенно часто (напаче в «мирные», не революционные времена) обманывала и дурачила рабочих; — нелегальные же средства борьбы революционны. Но это неверно. Верно то, что оппортунистами и предателями рабочего класса являются партии и вожди, не умеющие или не желающие... применять нелегальные средства борьбы в таких, например, условиях, как во время империалистской войны 1914—1918 годов... *Но революционеры, не умеющие соединять нелегальные формы борьбы со всеми легальными, являются весьма плохими революционерами*»³⁸.

Таков Ленин во всей его цельности и единстве, воплощающий в себе отличительные черты, которых он требовал от члена коммунистической партии: революционная энергия, способная сдвинуть горы, в сочетании с самой научной, критической и бесстрашной оценкой конкретной обстановки, служение делу революции.

Добиться подобного трудного гармоничного сочетания — историческая миссия партии. Единство партии подразумевает единство в вопросах программы, тактики и организации³⁹. Партия, созданная на принципах демократического централизма, должна сочетать — а это дело нелегкое — чистоту своего учения и своих рядов со всем многообразием и широтой своих связей с массами, строгую организацию партийных кадров — с широкими связями со всем пролетариатом и народом, ясность цели и завоевание политической власти пролетариатом — с конкретным характером и гибкостью своей тактики, т. е. с постановкой конкретных политических задач на определенный период. Уже в своей работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против

³⁷ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 1—2.

³⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 81—82.

³⁹ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 8, стр. 374—377.

социал-демократов?» Ленин, будучи верным марксизму, не превращая его в готовый рецепт, предупреждает: «„Лозунг борьбы” нельзя дать, не изучая со всей подробностью каждую отдельную форму этой борьбы, не следя за каждым шагом ее, при ее переходе из одной формы в другую, чтобы уметь в каждый данный момент определить положение, не упуская из виду общего характера борьбы, общей цели ее — полного и окончательного уничтожения всякой эксплуатации и всякого угнетения»⁴⁰. Поэтому «марксизм указал верную позицию, одинаково далекую и от преувеличения значения политики и от заговорщичества (бланкизм и проч.), и от пренебрежения политикой или сужения ее до оппортунистского, реформаторского социального штопанья (анархизм, утопический и мелкобуржуазный социализм, государственный социализм, профессорский социализм и проч.)»⁴¹.

Партия, соединив в себе — в творческом и динамическом единстве — теорию, политику и организацию, явится формой преодоления этих ошибочных взглядов. Именно потому, что Ленин твердо ставил вопрос о таком единстве, он был обвинен оппортунистами в требовании «бюрократического централизма», авторитарной организации бюрократов...

Эти крикливые обвинения продолжают раздаваться против коммунистических партий на протяжении всего нынешнего века... Действительные бюрократы и умы бюрократизированные, появившиеся на почве антикоммунизма и яркого антисоветизма, различные буржуазные идеологи, анархисты или анархистствующие, взбесившиеся мелкие буржуа, ставшие «революционерами на час» в обстановке развертывающейся революционной бурн, и всякого рода ренегаты продолжают выдвигать это немислимое обвинение против профессиональных революционеров, против якобы существующей «партийной машины». Но на все эти вопли ответ дает сама история — замечательная история XX века. Любая современная революция является продуктом объектив-

⁴⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 341.

⁴¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, стр. 171—172.

ных условий, марксистский анализ которых дал Ленин, делом рук народов, ведомых ныне международным коммунистическим движением. Несмотря на все повороты и особенности, история нашего времени вращается вокруг этой оси — современного рабочего класса, руководимого его партией, созданной так, как задумал и организовал ее на пороге нынешнего века Ленин, развивший известные положения Маркса и Энгельса.

Конечно, в ходе этого движения миллионов — нарастающего в различных районах мира, при самом разнообразном уровне общественного развития, в обстановке небывалых поворотов в классовой и национально-освободительной борьбе, — делаются ошибки, возникают иногда деформации или тенденции, влияющие на мощь и силу этого движения, замедляющие исполнение им своей функции «локомотива истории». И против них, как учил Ленин, следует вести борьбу. В действительности только марксизм-ленинизм и его организационное воплощение — коммунистические партии идут во главе историко-общественного преобразования и созидания нового мира.

А где-то на обочине истории умирают, на час возрождаются и снова увядают все другие теории и организации, выступающие против коммунистического движения: оппортунистический ревизионизм социал-демократии, крикливый мелкобуржуазный анархизм, тысячи комбинаций между этими двумя течениями, которые преподносятся как «новейшие» теории, являющиеся на деле продуктом интеллектуального и тактического «мини-мышления» и появляющиеся на сцене на какой-то миг в условиях великих современных сдвигов. Вместе с тем речь идет также и о тех же сектах домарксистского периода, о которых Маркс говорил Больте⁴².

Социалистическая и антиколониальная революция, как и прежде, продолжает свое движение вперед, что и предвидел Ленин, а отряды коммунистического движения все более крепнут.

Разрабатывая основы строительства партии, Ленин — к удивлению Плеханова, к неудовольствию Каут-

⁴² См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 33, стр. 277.

ского и Бебеля и при непонимании даже со стороны замечательной Розы Люксембург⁴³ — настаивает на необходимости фронтальной борьбы по вопросу об организационных основах партии нового типа. Ленин скажет с присущей ему страстностью, энергией и во весь голос: «У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации»⁴⁴. Пролетариат станет непобедимой силой, перед которой не устоит ни царское самодержавие, ни «дряхлающая власть международного капитала», когда «идейное объединение его принципами марксизма» будет закреплено «...материальным единством организации, сплачивающей миллионы трудящихся в армию рабочего класса. ...Эта армия,— писал Ленин,— все теснее и теснее будет смыкать свои ряды, несмотря ни на какие зигзаги и шаги назад, несмотря на оппортунистические фразы жирондистов современной социал-демократии, несмотря на самодовольное восхваление отсталой кружковщины, несмотря на блестящие и шумиху интеллигентского анархизма»⁴⁵.

Эти пророческие слова, написанные в 1904 г., были подтверждены всей революционной историей нашей эпохи.

Лишь одна партия — партия большевиков, — выкованная в ходе трех революций и в обстановке мировой империалистической войны, выполнила эту задачу. Ядром этой партии явились кадры революционеров, образцом для которых был В. И. Ленин.

4. ЛЕНИН ИДЕТ В СМОЛЬНЫЙ

Этот вызов Ленина, брошенный истории в канун Октября, имеет свою предысторию. Н. К. Крупская в одном из своих выступлений говорила просто, как солдат рассказывает о сражении⁴⁶, о жизни Ленина

⁴³ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 9, стр. 39.

⁴⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 8, стр. 403.

⁴⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 8, стр. 403—404.

⁴⁶ См.: Н. К. Крупская, Ленин и партия.

в канун Октября, точнее, в период от написания им работы «Удержат ли большевики государственную власть?»⁴⁷ до прихода в Смольный. Крупская упоминает о двух письмах в Центральный Комитет, в которых Ленин ставит вопрос о восстании и взятии власти. Речь идет о знаменитых письмах «Большевики должны взять власть»⁴⁸ и «Марксизм и восстание»⁴⁹. Эти документы — настоящие классические произведения. «Затем, — говорит Крупская, — Ильич решил переехать в Петроград. Он стал перебираться поближе. Из Гельсингфорса переехал в Выборг...»⁵⁰ «...Владимир Ильич написал мне химическую записку, чтобы я нашла ему квартиру» (речь идет о доме Фофановой на Выборгской стороне). «Владимир Ильич всегда обращал внимание на то, чтобы никогда не забывать старых конспиративных навыков». «Финские товарищи перевезли его в Петроград»⁵¹. Далее Крупская отмечает следующее: «Сейчас же кое-кто из товарищей начал ворчать: «Без разрешения приехал»; но не такое время было, чтобы ворчать. Собрался ЦК. Владимир Ильич поставил вопрос о необходимости вооруженного восстания, революции. Громадное большинство ЦК было за... Дело в том, что к этому времени Советы встали уже на сторону большевиков... Советов были уже за восстание»⁵².

Ленин всегда стремился к тому, чтобы быть ближе к центру восстания. С момента, когда правительство после июльской демонстрации объявило Ленина вне закона, вынудив его уйти в глубокое подполье, прошло уже 110 дней. Ленина упорно искали, чтобы убить его. Он работал и руководил всей революционной деятельностью из различных мест, в том числе из своего знаменитого шалаша в Разливе, рядом с Финским заливом. За этот период им было написано много работ. Среди них — «Государство и революция».

⁴⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 287—339.

⁴⁸ Там же, стр. 239.

⁴⁹ Там же, стр. 242.

⁵⁰ Н. К. Крупская, Ленин и партия, стр. 121—122.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

В свете современных технических средств конспирации вызывает восхищение мужество Ленина. Преследуемый, находящийся под угрозой смерти, он переходит из одного убежища в другое — он, вождь самой великой революции в истории, вождь самой организованной, железной и закаленной партии всех времен.

Ленин скрывался в домах рабочих Петрограда на Выборгской стороне, в шалаше около озера Разлив, в жилищах финских трудящихся. И все это до того часа, когда он пошел по улицам Петрограда, с тем чтобы самому непосредственно осуществлять руководство заключительным этапом вооруженного восстания — началом социалистической революции. Вот Ленин переодет в рабочего. Вот Ленин косит луг. Вот Ленин пересекает границу как кочегар на паровозе. Вот Ленин в парике, без усов. Он неузнаваем. Неузнаваем? На изменившемся лице по-прежнему светятся пронией глаза, взгляд его полон решимости. Именно таким мы видим Ленина на фотографии его удостоверения на имя рабочего К. Иванова. Вот Ленин идет в Смольный...⁵³

Не подтверждают ли все эти действия Ленина в октябре 1917 г. его отношение к революции 1905 г.

14 июня 1905 г. недалеко от Одессы вспыхивает восстание на броненосце «Потемкин». Ленин сейчас же разыскивает большевика М. Васильева-Южина и поручает ему немедленно выехать в Одессу. Какие задачи ставит перед ним Ильич? Убедить моряков высадиться, занять город, вооружить рабочих, начать агитацию среди крестьян. «Дальше необходимо сделать все, чтобы захватить в наши руки остальной флот... — говорил Ленин. — Тогда немедленно посылайте за мной миноносец. Я выеду в Румынию»⁵⁴.

Восстание 1905 г. терпит поражение. Но Ленин и в то время, в 1905 г., «шел к восстанию». 8 ноября 1905 г. он приезжает в Петербург и становится непосредственно во главе партии. Ленин выступает за то, чтобы отложить восстание до весны. Но 5 декабря на-

⁵³ См. Н. К. Крупская, Ленин и партия, стр. 124.

⁵⁴ «Воспоминания о Ленине», М., 1956, т. I, стр. 292.

чалась всеобщая забастовка, а 7-го — развернулась борьба на баррикадах...

Ленин живет в 1905 г. с полным сознанием всемирно-исторического значения этих событий. В то время как Плеханов и другие говорят, что не надо было браться за оружие, Ленин приветствует революцию, предвестницу новой эпохи, будущей победы рабочего класса. Это первая народная революция эпохи империализма, отметит Ленин позднее.

Вполне понятна характеристика, данная Лениным этой революции в работе «Исторические судьбы учения Карла Маркса» как начала нового периода всемирной истории. У Ленина горячее сердце и холодная голова, и таких качеств он требует от коммунистических кадров. Предметом его изучения является все: роль только что возникших Советов, появление пролетариата на арене борьбы в качестве руководящей силы, позиция классов в революции 1905 г., явившейся «генеральной репетицией» Октября, как скажет он позднее⁵⁵. Эта революция, в частности, конкретно подтвердила его тезис о союзе рабочих и крестьян как движущей силы русской революции⁵⁶, правильность марксистского положения о непрерывной революции (синтез опыта 1848 г. и Парижской Коммуны), наличие реальной возможности победы вооруженного восстания «при современных условиях военной техники и военной организации»⁵⁷, роль политических и экономических забастовок рабочего класса и их взаимосвязь с вооруженным восстанием⁵⁸ (т. е. речь идет о концепции, отличной от старой анархистской идеи всеобщей забастовки как какой-то панацеи) и, наконец, роль партии пролетариата, вооруженной правильной теорией и соответствующим образом организованной.

Полной жизнью революционера живет Ленин в период бури 1905 г. Он знает, что вступившая в эпоху империализма, раздираемая противоречиями царская

⁵⁵ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 9—10.

⁵⁶ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 221—227.

⁵⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 48.

⁵⁸ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 13, стр. 369—377, и т. 30, стр. 306.

Россия является самым слабым звеном в цепи мировой системы империализма, что даже во времена террора и реакции 1907—1910 гг. продолжают существовать объективные причины для нового взрыва, подготавливающие неизбежный прорыв этой цепи.

Ленин — это сама *актуальность*, сама неизбежность революции, это — социалистическая революция на повестке дня. Таким он представляется на протяжении всей нашей эпохи.

Ленин жил и работал во имя этой почти 24 октября, во имя победоносного восстания 25 октября. (Сегодня рано, 26-го будет поздно, надо начать 25-го!)

5. «БЕЗ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ И РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ»

Возможно, из сказанного мною некоторые сделают вывод, что Ленин придавал второстепенное значение теории по сравнению с практикой, что отличительной чертой его личности было то, что он — человек действия, профессиональный политик-практик и к тому же руководитель партии. Но это совсем не так. Более того, до сих пор находятся люди, которые продолжают искусственно противопоставлять образ Маркса — мыслителя и философа образу Ленина — революционера-практика, осуществляющего революцию на практике. В обоих случаях такой взгляд является ложным. Маркс никогда не был кабинетным ученым. Ленин, как известно, писал: «Без революционной теории не может быть и революционного движения» («Что делать?»). Ленин целиком и полностью разделяли отстаивал мировоззрение Маркса и Энгельса, даже когда «великие оракулы», подобно Каутскому, за которыми следовали любители хитроумных махинаций вроде Троцкого, провозглашали философию частным делом или же когда «светочам» II Интернационала казалась абсурдным академизмом эта «мания» большевиков беспрерывно обсуждать теоретические и идеологические проблемы, защищать теоретическую чистоту партии пролетариата.

Мы убедимся далее, что сила ленинизма состоит именно в правильности его теоретического предвидения, в том, что он отстаивал и творчески развивал марксистскую теорию. Эта теория является алгеброй социалистической революции. И ее сущность — как в теории, так и в политике — состоит в диалектическом единстве с практикой. Уже молодой Маркс, как бы бросая вызов, отмечает это существенное отличие его теории от всех других идеологий, понимаемых как «ложное сознание»: «...мы выступим перед миром не как доктринеры с готовым новым принципом: тут истина, на колени перед ней!..» «Ничто не мешает нам, следовательно, связать нашу критику с критикой политики, с определенной партийной позицией в политике, а стало быть, связать и отождествить нашу критику с действительной борьбой»⁵⁹.

Достаточно привести его знаменитый тезис: философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его. Эта мысль направлена не на принижение теории, а на то, чтобы поднять теорию, которая рождается и развивается на основе практики и воплощается в политике, поскольку последняя служит выражением классовой борьбы, ибо классы будут существовать вплоть до полного торжества коммунизма. Партия, если она действует на научных основах, воплощает это взаимодействие практики и теории, теории и практики. И это делает партию авангардом пролетариата, как об этом сказали Маркс и Энгельс еще в «Манифесте Коммунистической партии». В статье «Наша программа»⁶⁰, написанной, когда марксизм был в России еще течением меньшинства, Ленин отмечает: теория Маркса «...выяснила настоящую задачу революционной социалистической партии: не сочинение планов переустройства общества, не проповедь капиталистам и их прихвостням об улучшении положения рабочих, не устройство заговоров, а организацию классовой борьбы пролетариата и руководство этой борьбой, конечная цель которой — завоевание

⁵⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 381 (Маркс к Руге).

⁶⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, стр. 182.

политической власти пролетариатом и организация социалистического общества»⁶¹.

Ленин выполняет эту задачу. Для ее решения была необходима теоретическая, политическая и организационная деятельность. Ленин разрабатывает теорию русской революции, творчески соединив теоретические положения Маркса и Энгельса с действительностью России, испытывающей постоянные революционные потрясения. Наше учение не догма, а руководство к действию, пишет Ленин. Ленин не только заявляет об этом неоднократно, но гениально претворяет в жизнь это положение. В 1917 г. он повторяет эту мысль иным образом в «Письмах о тактике» — своем новом теоретическом труде: всякая теория «в лучшем случае лишь намечает основное, общее, лишь **приближается** к охватыванию сложности жизни»⁶².

В своей оценке революционного момента в России, когда революция делает поворот (см. ленинские работы от апреля 1917 г.), Ленин остается верным творческому и антидогматическому духу марксизма и благодаря этому остается верным самому себе: для подтверждения этого достаточно обратиться к его произведению «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», написанному, когда Ленину было 24 года. Он уже тогда писал, что теоретическая и практическая работа сливаются вместе в одну работу.

Рост большевистской партии — трудный путь, пройденный с 1903 по 1917 г. в обстановке бурь в России и международных потрясений, — явился результатом правильной *программы* и верной *тактики*, которые соответствовали реальному революционному процессу. Это было блестящее сочетание марксизма с русской революционной действительностью.

Развитие революционного процесса в царской России в период перехода капитализма в его империалистическую стадию, конец «мирного» периода, последовавшего за поражением Парижской Коммуны (о его завершении возвестили события 1905 г. и «пробуждение

⁶¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, стр. 183.

⁶² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 134.

Азии»), — все это оказало свое влияние на появление вождя такого исключительного масштаба, каким был Владимир Ильич Ульянов-Ленин. Вместе с Лениным возникла партия пролетариата, которая, находясь во главе всего народа, изменила курс мировой истории.

Ленин как историческая личность сформировался как результат сочетания национального и международного развития.

Не случайно в волнующем абзаце работы «Что делать?» Ленин требует от марксистской партии, вышедшей с точки зрения теоретической и классовой по отношению к старым поколениям русских революционеров, преемственности революционных традиций своей родины, преемственности вдохновенной, страстной и героической.

Как в период революционной бури, так и во время упорной, систематической и терпеливой работы по организации движения Ленин проходит через все испытания, через великие испытания, которых пролетариат и история требуют от своих вождей.

Гениальность, целеустремленность и другие исключительные личные качества Ленина сочетаются в нем с качествами выдающегося революционного коммунистического вождя победоносного движения, насчитывающего ныне миллионы участников, — движения, которое превращает наш век в эпоху победы коммунизма.

Ленин, диалектика и учение о партии

Мы должны своими могучими руками
подавить слепую смерть, уничтожить
ужасы жизни,
построить справедливое общество
и жить счастливыми.

Поль Элюар

1. ФИЛОСОФИЯ, ПОЛИТИКА И РЕВОЛЮЦИЯ

«Ничто не ново под Луной» — это полное горечи выражение Экклезиаста является, по словам Жана Жореса, самой грубой фальсификацией истории. Луна, говорит Жорес, была новостью в свое время, как новостью была также и Земля.

Французский трибун, который так никогда и не понял диалектики Карла Маркса, своим острым замечанием попадает точно в цель, в этом с ним согласится каждый марксист.

С развитием естественных наук начиная с эпохи Возрождения, по мере углубления и дифференциации общественных наук идея эволюции превратилась в общепринятую концепцию, стала частью совокупности элементарных понятий.

Есть еще, правда, философы и социологи, упорно стремящиеся доказать, что идеи и институты, исторически рожденные в буржуазном обществе, составляют одну субстанцию с предполагаемой вечностью человеческой природы. Прибегая к крайне сложным формам выражения, они повторяют натуралистическую мистификацию, воплощавшую в абстрактной человеческой природе отличительные качества человека-буржуа эпохи зарождения капитализма. Иные же из них лишь повторяют в этом отношении робинзонаду¹, давно уже раскритикованную Марксом.

¹ Буржуазные экономисты пытались утверждать, что герой романа Д. Дефо являл собой прототип: он доказывал, что основой накопления богатств и прогресса является дух предпри-

Однако — и мы неоднократно имели возможность подчеркивать это — доминирующей чертой наиболее серьезных историков и философов, хотя и не сумевших переступить границы буржуазного мировоззрения, является релятивизм. Бесспорная идея изменения связана у них со скептицизмом, с отрицанием объективных законов развития, с отрицанием элемента абсолютности, составляющего относительность научного познания... Другими словами, преобразующая деятельность человека, революционная борьба рабочих сводится к погоне за мифами, призраками «метафизических истин», противостоящих относительности научных суждений.

Релятивизм тем самым становится общей чертой различных противоречивых во многих случаях философских течений. При первом же знакомстве с авторами, представителями существующих ныне всевозможных разновидностей неопозитивизма и прагматизма, вы убеждаетесь в правильности сказанного. Им приходится разрешать проблемы с такой философской позиции, которая предусматривает связь с научным опытом, в то время как их теория познания продолжает сохранять характер агностицизма, если не идеализма, а их подход к историческому развитию является идеалистическим. Все это напоминает больше модернизированный эмпиризм, вооруженный всеми средствами современного научного познания, который ищет прибежища в релятивизме, вместо того чтобы попытаться установить — при

нимательства. Маркс в своей работе «К критике политической экономии» и в других трудах называет робинзонадами подобную универсализацию и идеализацию образа человека-буржуа времен Возрождения.

Гаэтано делла Волпе замечает в отношении американского издания «Робинзона Крузо» с прологом Л. Кроненберга: «...Робинзон настойчив, решитель, уверен в себе, практичен и невозмутим... он один добивается превращения дикого Эдема в «маленькую и отлично организованную Англию», он сумел — при помощи «раба» Пятницы — добиться создания «небольшой Индии», после чего готовится к возвращению... это типичное изображение английского буржуазного предпринимателя XVI в. было возведено в образец инициативы человека вообще...» (G. Della Volpe, Rousseau y Marx, ed. Platina, p. 162—165.)

помощи всех данных средств, позволяющих постоянно расширять познания человечества, — траектории движения философии и науки, как это делает материалистическая диалектика. Другими словами, они используют философскую идею для отрицания философии. В результате же они сами суживают свою научную концепцию; это не позволяет им преодолеть идею ограниченного «опыта», так свойственную эмпиризму.

Подобная картина наблюдается и в области этики. Однако в релятивизме ищут убежища не только неопозитивисты и прагматики, но и экзистенциалисты. Верная мысль о необходимости исторического объяснения моральных понятий преобразуется у них в отрицание всего гуманного содержания, общего для морали различных эпох. Они начинают заниматься морализацией в высокомерном и «критическом» тоне, который в конечном итоге ведет к попранию ценности любых моральных норм поведения.

Общим явлением в сегодняшней марксистской литературе является стремление разграничить в области философии отношения между материалистической диалектикой и релятивизмом², а в области истории — между историческим материализмом и историческим релятивизмом. Но еще в свое время Ленин был вынужден обратиться к Гегелю и Энгельсу с тем, чтобы поставить эти категории на свои места: «Диалектика, — как разъяснял еще Гегель, — **включает в себя** момент релятивизма, отрицания, скептицизма, но **не сводится** к релятивизму. Материалистическая диалектика Маркса и Энгельса безусловно включает в себя релятивизм, но не сводится к нему, т. е. признает относительность

² «Релятивизм, как основа теории познания, есть не только признание относительности наших знаний, но и отрицание какой бы то ни было объективной, независимо от человеческого существующей, мерки или модели, к которой приближается наше относительное познание. С точки зрения голого релятивизма можно оправдать всякую софистику, можно признать «условным», умер ли Наполеон 5-го мая 1821 года или не умер, можно простым «удобством» для человека или для человечества объявить допущение рядом с научной идеологией («удобна» в одном отношении) религиозной идеологии (очень «удобной» в другом отношении) и т. д.» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 139.)

всех наших знаний не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к этой истине»³.

Это положение, которое Ленин выводит в плане гносеологии, полностью сохраняет свою силу и в отношении истории, общества и идеологии. Много лет назад мы уже касались этого вопроса в связи с теоретическими выкрутасами Аяа де ла Торре*. Научная ценность марксизма — идеологии пролетариата — основана на его соответствии объективной действительности; в этой теории нет ничего похожего на догму. Она исходит из исторической относительности действия пролетариата: рожденный в недрах капиталистического производства, он призван — и в этом его всемирно-историческая роль — дать миру бесклассовое общество — коммунизм. И сам пролетариат как социальная категория перестанет существовать. Эта теория сочетает «научную трезвость» в изучении объективной действительности, предвидение неизбежности пролетарской революции — следствия противоречий капиталистического общества — с использованием «революционной энергии» пролетариата и других передовых классов, включая формирование рабочей партии — авангарда, — которая концентрирует в себе теорию и практику и понимает теорию как руководство к действию. Эта политическая партия также перестанет существовать на высших этапах коммунизма, как перестанут существовать классы, государство и политика.

Однако делать из этого положения об исторической относительности роли рабочего класса и партии вывод об отсутствии научной истины в теории, которой он руководствуется, и в его действиях — значит отрицать диалектику и скатываться к релятивизму.

Для Маркса преобразующая роль и деятельность человека является отличительной чертой его мировоззрения. Именно этот момент он выделяет в процессе создания своего учения, в период, когда, вступив в схватку с Фейербахом и Гегелем, с «созерцательным»

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 139.

* См.: Родней Арисменди, Проблемы латиноамериканской революции, М., 1964, стр. 541—572.— *Прим. ред.*

материализмом и диалектическим идеализмом, он подошел к узловому пункту — к объединению материализма и диалектики. Человек — исторически обусловленный продукт природы и общества, в свою очередь изменяет их и одновременно изменяется сам. Без учета этого основного положения трудно понять марксистскую постановку вопросов — от теории познания до ленинского учения о партии пролетариата в нашу эпоху.

Здесь же мы находим корни марксистского критерия в отношении связей между теорией и практикой, подтвержденного как всей историей мышления и развития техники, так и научным характером политических действий рабочего класса и его партии.

Ленинское учение о партии является естественным результатом использования марксистской теории, в частности исторического материализма, противопоставленного позитивизму, спонтанности и вульгарной эволюции — теоретическим субстанциям оппортунизма.

Когда мы говорим, что Ленин изучает Гегеля с тем, чтобы еще больше отточить остроту своего полемиического оружия против ревизионизма, то мы не хотим сказать, что он делает это для того, чтобы «приспособить» философию к вставшим перед ним неотложным политическим задачам. Между ленинской философией и ленинской политикой существует полное соответствие. Если политика — выражение классовой борьбы и средство достижения социальных перемен — решительно противопоставляет философскую концепцию и методу свершения исторических преобразований, то что-то не срабатывает: или философия возвращается к своему спекулятивному прошлому, или политика попадает в руки политически близоруких людей, или она сводится к интригам буржуазного или реформистского политического деятеля, интригам, затеянным на французский манер — за завтраком, в промежуток «между грушей и сыром».

Ленин с сарказмом пишет о тех, кто опопляет диалектику, ограничиваясь примерами, взятыми из природы: не только ячмень растет по Гегелю, партия рабочего класса также развивается диалектически.

Вот почему нельзя соглашаться с коварной снизводительностью И. Бохенского, известного неотомиста, когда он говорит о Ленине: «Этому столь ярко выраженному человеку действия диалектика давала основания для приоритета действия и открывала ему для этого действия безграничную область»⁴.

Верно, что только материалистическая диалектика дает ответы на запросы революционного действия; это научный метод, так как он соответствует объективности социального процесса. Таким образом, связь теории и практики диктует соответствующий метод действия. Диалектика не является философской маской, служащей для того, чтобы «оправдать» действие. Без революционной теории, скажет нам Ленин, не может быть и революционного движения. Это суждение мы всегда любим приводить вместе с известными словами Маркса о Фейербахе: философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его.

Между диалектическим и историческим материализмом и учением о партии существует естественная и тесная связь. Говоря словами Гегеля, это как бы разные «моменты» марксистско-ленинского мировоззрения. Как естественно и то, что за политическим самодовольством лидеров II Интернационала, снявших с себя ответственность за руководство массами в революционном преобразовании и переложивших ее на «развитие производительных сил», скрывается — с теоретической подкладкой или без оной — объективистская концепция⁵. Тем самым метод Маркса и Ленина отличается самым существенным образом от какого-либо фатализма или идеализма.

В одной из своих первых теоретических работ Ленин выступает против Струве: «Основная черта рассуждений автора... это его узкий объективизм, ограничиваю-

⁴ Цит. по: М. М. Розенталь, Ленин и диалектика, М., 1965, стр. 12—13.

⁵ В конспекте книги Гегеля «Наука логики» В. И. Ленин замечает: «Объективизм: категории мышления не пособие человека, а выражение закономерности и природы и человека...» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 83.)

щийся доказательством неизбежности и необходимости процесса и не стремящийся вскрывать в каждой конкретной стадии этого процесса присущую ему форму классового антагонизма...»⁶

Для Ленина, как и для Маркса, классовая борьба — это форма диалектического развития общества, от первобытного коммунизма до наших дней. Эта борьба ведется конкретно, находя свое выражение в многочисленных своеобразных, противоречивых, изменяющихся, относительных формах, которые на протяжении времени неизбежно найдут свое выражение в социализме. Однако конкретный процесс определяется политической практикой рабочего класса под руководством его авангардной партии. Другими словами, здесь, естественно, действуют стратегия и тактика, хотя это и не отвергает «использования» философии и общественных наук в качестве элементов, формирующих политику.

Одним словом, мы напомнили, что релятивизм — это главный козырь философов и историков современного буржуазного мира. Мы сказали также, что подобное видение истории затуманивает разум. И это тоже логично. Каким бы сложным ни был творческий процесс, создающий теорию, он не может быть оторван от своего времени. Подобная мода на релятивизм, ставший почти общей основой стольких доктрин, воспринимается нами как логичное отражение нынешнего крушения капитализма под ударами победоносной социалистической революции и пробуждением — одновременно с этим — бывшего колониального мира. Мы не стремимся к тому, чтобы механически устанавливать связь между идеологиями и конкретным и определенным историческим периодом упадка капитализма. Но разве нас можно обвинить в упрощенчестве или в надуманности выводов, если в нынешнем релятивизме мы видим отражение определенного мира, где все быстро меняется, где рушатся верования и разбиваются понятия, где социальная революция и научно-техническое чудо совпадают в одном и том же историческом отрезке времени?

⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 526.

Положение нашей маленькой плапеты в космосе, траектория ее движения стоили многих мучений Галилео Галилею и другим ученым. Сегодня же это элементарное понятие известно учащимся начальной школы, для которых в то же время почти обыденным стали сообщения о блистательных подвигах человека в космосе и о других удивительных научно-технических достижениях.

Буржуазные мыслители, радующиеся при виде превращения сказочного в обыденное, сами живут на этой же маленькой планете, но при этом упускают из поля зрения социальную революцию. Однако Земля как никогда стала относительно маленькой для своих обитателей и является сегодня ареной колоссального свершения — социалистической революции, которая кладет конец «предыстории» человеческого общества. На этой земле, как бы уменьшенной в объеме средствами связи и быстроходным транспортом, существуют два мира, два общества, одно из которых развивается, а другое загнивает. И они неизбежно противостоят друг другу, не говоря о том, будет или не будет определяться будущее посредством ядерной войны... Это одна из своеобразных форм революции нашего времени. Если не понять этого диалектического процесса, то тогда можно говорить об «интеграции» или конвергенции двух систем. Это значит также не понимать связи между миром во всем мире и революцией. Или можно рассматривать историю как повторяющийся процесс возникновения и крушения систем, результат сменяющихся друг друга иллюзий, диктующих деяния человека на земле. В этом случае цели революционера далеки от подлинной науки, его действия являются скорее следствием веры, нежели научно обоснованной борьбой за новый общественный строй. Но в таком случае политика и наука порывают между собой навсегда.

2. ЭВОЛЮЦИИ И РЕВОЛЮЦИИ

Идея постоянных изменений, непрекращающихся социальных и естественных перемен, содержащаяся во фразе Жореса, является лишь отправной точкой.

Отсюда можно пойти или к вульгарному эволюционизму, или к диалектическому воззрению. И это не только разные, но и диаметрально противоположные направления. В своих известных заметках «О диалектике» Ленин указывает на это, резко разграничивая понятия столь актуальной проблемы «развития».

«Две основные (или две возможные? или две в истории наблюдающиеся?) концепции развития (эволюции) суть: развитие как уменьшение и увеличение, как повторение, и развитие как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношение между ними).

При первой концепции движения остается в тени само движение, его двигательная сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится во вне — бог, субъект, etc.). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание источника «само»движения.

Первая концепция мертва, бледна, суха. Вторая — жизненна. Только вторая дает ключ к «самодвижению» всего сущего; только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового»⁷.

Вторая концепция — диалектическая — является отражением реального движения в природе и в обществе. Она и послужила основой для революционного открытия Маркса и Энгельса — материалистического понимания истории.

Предметом исследования Маркса и Энгельса является главным образом капиталистическое общество. На основе изучения его материального базиса и законов его развития, классовой борьбы, развивающейся в его недрах между пролетариатом и буржуазией, Маркс и Энгельс делают вывод о неизбежности социалистической революции, падения буржуазного строя, установления власти пролетариата, призванного построить коммунистическое общество. В этих понятиях предельно четко изложена марксистская концепция. Естественно-

⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 317.

но, мы не ставим перед собой задачу разъяснения того, что представляет собой исторический материализм, и рассчитываем, что читатель знаком с постановкой вопросов в предисловии «К критике политической экономии», с марксистской — многосторонней и глубокой — оценкой взаимосвязи между материальным базисом и юридической, политической и идеологической надстройкой. Достаточно сказать, что марксизм отличается от любой фаталистической идеи как небо от земли, что уже в «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс выдвигают задачу организации пролетариата в самостоятельную партию с целью свершения социалистической революции. Не случайно же этот труд называется «Манифест Коммунистической партии». Об этом говорили тысячи раз, и сегодня, при современном распространении марксистской литературы, любой грамотный человек имеет возможность убедиться в этом.

«Каков бы ни был ход истории,— говорит Энгельс,— люди делают ее... история развития общества... отличается от истории развития природы ...в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям... Но как ни важно это различие для исторического исследования,— особенно отдельных эпох и событий,— оно нисколько не изменяет того факта, что ход истории подчиняется внутренним общим законам»⁸.

Наконец, кто не понимает или делает вид, что не понимает внутренней, тесной взаимной связи в марксистском мышлении между исторической обусловленностью и человеческой деятельностью, между неизбежным крушением капитализма и политической борьбой рабочего класса и его партии, тот отвергает противоречивость развития, диалектическое развитие как «единство противоположностей».

В этом случае они обычно приходят к метафизической альтернативе: или фатальность, или волюнтаризм. Если предвидение социальных перемен как результат

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 305—306.

объективного процесса является научным, то не является необходимой преобразующая деятельность человека, что в общественно-политической жизни означает отрицание необходимости революционной борьбы пролетариата и его партии. И наоборот.

Этот род критики широко распространен: от кратких заметок до многотомных трудов уважаемых профессоров. Откроем, например, «Историю экономической мысли» Э. Виттакера и, не задерживая своего внимания на посредственном изложении экономической теории Маркса, остановимся на стр. 309. Мы неизбежно столкнемся с уже давно разбитыми критическими замечаниями, окутанными жалкой напыщенностью: «Очевидно, что между идеями Маркса относительно революции и его теорией общественного развития имеется определенное противоречие... Если марксистская теория исторического детерминизма верна (т. е. если бы ход истории определялся материальными факторами), то как можно считать, что идеи людей, выраженные посредством агитации, революции или любой другой формы, могут изменить этот ход? Следует предположить, что цель при этом — ускорить падение режима, которое Маркс считал неизбежным при определенных экономических условиях»⁹.

Кстати, попытка Виттакера представить нам Маркса с относительной объективностью, пусть даже это представление обеднено, заметно отличается от упрощенных рассуждений некоего Роберта Л. Хейлброннера («Неизбежный мир Карла Маркса») ¹⁰, который «опровергает» марксистские предвидения при помощи ссылок на экономику США, обрисованную при этом пером апологета. Р. Хейлброннер — профессор Гарвардского университета — публично продемонстрировал свои способности... представителя агентства по «общественным связям». Но что можно требовать от какого-то Хейлброннера, когда его коллега более высокого полета Поль Самуэльсон, один из «яйцеголовых» команды

⁹ Edmond Whittaker, Historia del pensamiento económico, Mexico, 1948.

¹⁰ См.: «Vida y doctrina de los grandes economistas», ed. en español de Aguilar.

Дж. Кеннеди, впадает в другую банальную крайность. Чтобы разбить тезис об экономической обусловленности и о развитии экономики согласно объективным законам, он «разделяется» с Марксом с помощью следующего хорошо отредактированного идиотизма: «Сейчас мы подошли к черной овце отары, которая выходит за бесцветные рамки точной классической традиции,— к Карлу Марксу. Бежав из Германии, он работал в Британском музее свои теории о неизбежности падения капитализма, клянясь, что буржуазия заплатит за страдания, которые причиняли ему фурункулы»¹¹.

Подобная «критика» вызывает скуку и желание вернуться вновь к изречению библейского поэта: «Ничто не ново под Луной». Да, все это не является чем-то новым. Все это ношло и отдает гипшлю. Эти лишешные воображения «аргументы» пержеживают с той самой минуты, когда родился марксизм.

Если бы не требования пропаганды — в хорошем марксистском понимании этого понятия,— то было бы

¹¹ Цитата взята из работы М. Lebedinsky, *Introducción a la economía*, ed. Platina, p. 51. В последних изданиях: Paul Samuelson, *Curso de Economía Moderna* (ed. Aguilar, Madrid, 1966, 14-е издание, сделанное по 5-му американскому изданию) фраза в данном виде не встречается. Как мы уже говорили, работа Самуэльсона — это вопиющий труд в защиту капитализма. Его ссылки на Маркса носят случайный характер, его оценки экономики социалистических стран не поднимаются выше вульгарного уровня. Можно оценить «научную объективность» П. Самуэльсона, воспроизведя его толкование учения Ленина об империализме, которое он предлагает своим читателям и ученикам.

Он пишет: «Теорию Ленина об экономике империализма можно изложить следующим образом: богатые капиталистические страны постоянно сталкиваются со все более выраженным внутренним кризисом, кризисом чрезмерного накопления. Чтобы избежать уменьшения прибылей и отсрочить наступление все более тяжелых кризисов, они вынуждены выбрасывать свои товары за границу. Лишь по причине этого эгоизма они на первый взгляд поддерживают процесс развития остальных стран. Фактически же они опутывают эти страны узлами колониализма; возможно, что они развязывают войны между собой в своем соперничестве за обладание колониями» (стр. 822). Это «толкование» не является даже карикатурой на ленинское учение об империализме, это — грубейшее ее извращение.

достаточно распространить в виде листовок заметки Ленина в отношении книги некоего Иоганна Пленге: «архипошляк! [Пленге не может понять, как совмещается «материализм» с революционностью (называя ее «идеализмом» и т. п.) и злится на свое непонимание!!!»

Ленин добавляет: «теоретическая сторона диалектики не замечена!!»¹²

3. О ЛЮБВИ И НЕНАВИСТИ РЕСПЕКТАБЕЛЬНЫХ

«Архипошляк!» — говорит Ленин. И действительно: никто не вспоминает об этом Пленге и его умопомрачающих «изысканиях», рассматривая столь богатую и актуальную тему, как связь между Марксом и Гегелем. Но сколько таких, которые идут по его пути!

С момента рождения марксизма слышатся голоса, обвиняющие его в использовании неразрешимого логического противоречия: с одной стороны, марксизм провозглашает неизбежность социалистической революции как естественного продукта всего предшествующего социального развития и разрешение, на определенной стадии развития производительных сил, основного противоречия капиталистического общества — противоречия между общественным характером производства, доведенного до самого высокого уровня, и частнокапиталистической собственностью; с другой стороны, он восхваляет революционную энергию масс и говорит о необходимости создания самостоятельной партии, авангарда пролетариата, способной повести рабочий класс и всех угнетенных на завоевание политической власти, то есть на ликвидацию старого строя и на строительство коммунизма. На подобные обвинения отвечали бесчисленное множество раз, что учение Маркса и Энгельса, развитое Лениным в эпоху империализма и мировой социалистической революции, и тем более сейчас, когда (как доказательство) существует социалистическая система, оказывающая решающее воздей-

¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 360

ствие на мировой исторический процесс, не содержит в себе никакой фатальности, никакого автоматизма в видении всемирной истории, готовой склониться перед первой же формой индивидуальной или коллективной мессии.

И если верно, что ключ к пониманию истории следует искать в объективных законах, которые управляют развитием ее материального базиса и изучать его как естественноисторический процесс, то верно и то, что история — это также результат творений людей, результат классовой борьбы, которая ведется во всех областях — экономической, политической, идеологической и военной, — так как и эта форма — военная — борьбы, если использовать выражение Клаузевица, которого цитирует Ленин, является продолжением политики иными средствами.

Если весь XX век являет собой доказательство правоты Маркса и Энгельса о неизбежности мировой социалистической революции, то этот же век — отмеченный войнами и революциями — свидетельствует о длительности свершения во времени этого основного исторического изменения и о разнообразии ситуаций, которые возникают из-за разрыва, в вызревании объективных и субъективных факторов революции. С одной стороны, весь капиталистический мир объективно созрел — а в некоторых местах почти перезрел — для социалистической революции. С другой же стороны, во многих странах капиталистического мира происходит отставание в вызревании субъективных факторов революции. Подобное положение является иногда следствием своеобразных особенностей и неравномерности общественно-исторического развития, а иногда — следствием медлительности, просчетов или ошибок в деле становления и борьбы пролетарских партий.

Естественно, что именно к этому важному положению марксизма упорно обращаются — начиная с профессоров и кончая политическими коммивояжерами — противники коммунизма и заклятые враги революции. Именно на этом диалектическом соотношении базируется учение Маркса и Энгельса о социалистической революции. И именно здесь дал два своих основных сра-

жения Ленин — за марксизм и за осуществление русской и мировой социалистической революции.

При жизни Маркса и Энгельса на марксизм нападали именно под этим углом, выдвигая ложную дилемму: *наука* или *политика*. Как будто политика не может быть научной (Ленин изучает ее как науку и как искусство), или как будто общественная наука, чтобы сохранить свой характер, как таковой, должна укрыться в несуществующей объективности¹³. Мы уже касались этого в данной работе.

С течением времени эти же полемические приемы выливаются в стремление противопоставить Маркса Ленину, что как бы предвосхищает искусственное противопоставление Маркса Марксу; это и свидетельство того, что уже никто не может отрицать неисчерпаемого богатства марксизма. Однако одновременно это и попытка нарушить теоретическую целостность марксистской мысли, представляя ее в виде древнего и почтенного «теоретического древа», способного давать плоды — гибриды разного вида и на любой вкус. Диалектика историй, не раз говорил Ленин, вынуждает противников Маркса рядиться марксистами, чтобы попытаться опро-

¹³ Еще и сегодня можно встретить подобные нападки в работе: Eric Roll, *Historia de las doctrinas económicas*, FCE, p. 297—298.

«Что всегда затрудняло объективную оценку учения Маркса, так это почти не поддающаяся распутыванию взаимосвязь между наукой и политикой в самом учении и использование его во многих случаях в исключительно политических целях... Сам Маркс оставил в стороне обвинение в том, что при использовании научного исследования для политических целей нарушается требование, что наука должна быть беспристрастной и что поиски познания должны вестись ради познания. Его философия помешала ему принять правило, согласно которому наука должна быть абсолютно чистой как в смысле того, что она должна быть оторвана от всякого практического использования, так и в смысле свободы от всякого политического вмешательства». Было бы неплохо, если бы Ролл сказал нам, кто из великих экономистов в своих трудах не связан с политикой. Физиократы? Адам Смит и Рикардо? Представители «вульгарной» политэкономии? Австрийская школа? «Маргиналисты»? Кейнс?.. Он бы мог прогуляться по этому миру с фонарем Диогена. И направить его, кстати, на самого себя..

вергнуть его. Так поступал классический ревизионизм¹⁴, так поступают и ныне: от рассудительных профессоров до самых различных мелкобуржуазных политических групп. Кстати, здесь нам не хотелось бы вдаваться в анализ попыток — более сложных и заслуживающих иногда уважения — тех, кто стремится найти в Марксе подтверждение своих немарксистских философских или религиозных концепций.

Даже сегодня мы не можем удержаться от смеха (смех — как говорил Кола Брюнон — не мешает плакать. Можешь смеяться или плакать, главное, чтобы ты видел), когда вновь в тысячный раз перечитываем суждения, уже давно потерявшие всякую научную респектабельность, торжественно повторяемые такими «священными коровами» кафедр, как покойный Джозеф Шумпетер. Не будем забывать, что австрийская школа экономики — в которой сформировался Шумпетер — была в конце XIX и в начале XX века одним из источников ревизионизма в политической экономике наподобие неокантанству и позитивизму в философии и реформизму и буржуазному демократизму «мирных лет» в политике. Элизабет Б. Шумпетер принадлежит следующее необъяснимое обычными словами признание: «Шумпетер и Маркс разделяли именно эту концепцию (она имеет в виду идею об определяющем характере экономического процесса в социальных изменениях), но на этой основе они пришли к крайне различным результатам: один — к страстной защите капитализма, другой — к его осуждению»¹⁵.

Как же важно для Маркса заслужить похвалы со стороны г-жи Шумпетер!

Австрийский профессор, который пытался свести воедино теории Венской школы — всех этих менге, бем-баверков и т. д. — с маргинализмом и математической школой, чувствует себя удобнее по сравнению

¹⁴ В. И. Ленин дал характеристику и вскрыл историческое значение этих уклонов в работах «Исторические судьбы учения Карла Маркса», «Марксизм и ревизионизм» и «Оппортунизм и крах II Интернационала».

¹⁵ J. A. Schumpeter, De Marx a Keynes, ed. Alianza, Madrid, p. 10.

со своими коллегами в своем невероятном стремлении «разделять взгляды» Маркса и одновременно «страстно защищать капитализм».

Шумпетер стремится представить Маркса в качестве заурядного профессора, «экономиста — интерпретатора истории», поставить его чуть ли не на уровень Селигмана, о котором почти никто не вспоминает¹⁶. Как великолепно «научно» выглядел бы марксизм, если бы он не включал в себя теорию прибавочной стоимости, диалектику, социализм, уверенность в неизбежности коммунистического будущего и теоретическое и политическое оружие для борьбы за это будущее!

Спустя почти полтора века после написания «Манифеста Коммунистической партии» подобные теоретические кривлянья не являются новостью для читателя, который внимательно следит за историей развития рабочего движения. Буржуазно-либеральные и мелкобуржуазные разновидности этого кривлянья — будь то классическая ревизионистская позиция Бернштейна или более утонченные догматические писания столпов II Интернационала — наводняют Европу в «мирный» период, наступивший после разгрома Парижской Коммуны. В царской России возникает «легальный марксизм», марксизм «экономистов», марксизм меньшевиков и т. д., иногда с чертами, схожими с теми, которые в наши дни присущи «марксизму технократов». Победа марксизма в бывшей царской империи, то есть идеологический триумф ленинизма во всем международном рабочем движении, — это и победа над всеми этими «концепциями», сгоревшими в огне социалистической революции. Ленин предельно четкими фразами говорит нам об этом благотворном соединении русской революции с марксизмом¹⁷.

Шумпетер пытается объяснить неуязвимость Маркса и теоретический триумф марксизма при помощи таких доводов, которые — в лучшем случае — отводят Марксу лишь одно из мест в истории нашего времени, среди

¹⁶ См.: E. Seligman, *La interpretación económica de la historia*.

¹⁷ См.: В. И. Ленин *Полн. собр. соч.*, т. 41, стр. 7—8.

гениальных предвозвестников... и, естественно, облачают в стерильный халат кабинетного ученого. «Величие того или иного учения определяется его способностью к возрождению,— пишет Шумпетер,— что дает, помимо прочего, то преимущество, что тем самым оно становится свободным от нашей любви или нашей ненависти»¹⁸.

Уважаемый профессор стремится «приправить» Маркса таким образом, чтобы сделать его съедобным для официального американского университета. Он говорит нам о «Марксе-пророке»... но лишь для того, чтобы тут же добавить: «марксизм — это религия», эту старую пошлость, но изреченную здесь с кафедры. Это придает ей торжественность, но не делает менее идиотской. Ленин в свое время разъяснил¹⁹, что одно дело — это позиции партии в отношении тех, кто утверждает, что «социализм есть религия», чтобы перейти от религии к социализму, и совсем другое — в отношении тех, кто стоит на противоположных позициях.

Маркс, свободный от «любви и ненависти» этого *страстного защитника капитализма!* Да он почти заслужил портрет в календаре!

На деле же оказывается, что с момента создания своего учения Марксу пришлось противостоять потокам ненависти, которая преследовала его при жизни в лице полицейских или сжимала тисками голода — от истощения погибло несколько детей гордого Мавра и прекрасной Женни. Эта же ненависть постоянно преследовала его учеников и последователей. Ненависть жандармов, провокаторов и палачей, концентрационные лагеря и расстрелы и «ученая» ненависть, наполнявшая клеветой и искажениями фарфоровую чашу псевдообъективности. Эта ненависть вызвана не тем, что его теория перестала быть научной, чтобы сделаться революционной, а потому что это учение революционно, так как оно научно, потому что оно основывается на

¹⁸ J. A. Schumpeter, De Marx a Keynes, ed. Alianza, Madrid, p. 17.

¹⁹ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 422—423.

объективности, то есть на необходимости осознания социалистических революционных перемен.

И именно поэтому его не только ненавидят. Сегодня он пользуется любовью сотен миллионов, строящих социализм и коммунизм или штурмующих старый мир — от развитой Европы до Азии, Африки и Латинской Америки, — вооруженных уже не только научной теорией, как таковой, но теорией, полностью подтвержденной всемирно-исторической практикой, международным коммунистическим движением миллионов, возглавляющих и руководствующихся этим учением.

Это является следствием воплощенного в марксизме нерушимого единства научной точности и революционной энергии, теории и метода, мировоззрения и диалектики классовой борьбы, единства концепции исторического материализма и революционной роли пролетариата.

Конечно, высокоумному профессору довольно выгодно отделаться от марксизма нашей эпохи — от ленинизма — при помощи пары затасканных фраз²⁰; но он пытается также отнести Маркса к разряду «средних личностей» с тем, чтобы свести на нет его революционную теорию. Он рисует нам Маркса как обычного политика-прагматика, который отходит от науки во имя борьбы за разрешение социальных задач. Он говорит: «Маркс... думая о необходимости создания оружия для социальной борьбы, был вынужден иногда искажать или отказываться от тезисов, которые по логике должны были вытекать из его собственной системы. Однако, если бы Маркс не был нечто большим, нежели изобретателем терминологии, то он давным-давно был бы забыт». «Человечество не сохраняет благодарности за услуги подобного рода и быстро забывает имена тех, кто пишет либретто для политических опер...»

²⁰ «Процесс последующей канонизации привел к тому, что между подлинным выводом Маркса и практикой и теорией большевизма пролегла такая же глубокая пропасть, какая существовала в средние века между верой скромных галилеев и практикой и идеологией князей церкви и феодальных господ». (J. A. Schumpeter, *De Marx a Keynes*, ed. Alianza, Madrid, p. 18.)

Без ненависти и без любви — как мы видим — пишет о Марксе г-н Шумпетер. Как будто есть хоть одна строка в «Капитале», которая не служит *оружием для социальной борьбы* или «либретто для политических опер», как они называют революции нашего времени — от Октября 1917 года до Кубы или Вьетнама!

А вот «либретто» профессора Шумпетера — где уж тут до любви и ненависти или до классовой борьбы! — это действительно либретто музыкальной драмы, сегодня слишком скучной и надоедливой: спасти Маркса... от марксизма.

4. «ЛЕНИН ПРОТИВ МАРКСА»; МАРКС ПРОТИВ МАРКСА...

Борьба, начатая против Маркса — чтобы сокрушить его или *воспользоваться* его учением, — продолжается против Ленина на той же почве метафизического исключения: материальная и социальная «необходимость» и «свобода»; историческая обусловленность и действия человека; неизбежность крушения капитализма, подточенного неразрешимыми социально-экономическими противоречиями, и теория классовой борьбы пролетариата; неизбежность революции угнетенных масс и создание передовой рабочей партии — «единство программы, тактики и организации».

Эта борьба — в обстановке огромных революционных потрясений нашей эпохи — ведется на двух фронтах: а) аргументы правого толка, которые сводятся к *объективным условиям* и отрицают или сводят на нет роль передовой партии; в конечной степени они являются повторением — модернизированным в определенной степени — механистической ограниченности и социал-демократического фатализма, разгромленных Лениным; и б) «левацкие» аргументы — бланкистские, волонтаристские, с определенным привкусом старой эсеровщины или подновленного анархизма — согласно которым партия, а если таковой нет в действительности или «нет», по мнению «леваков», то группа решительных людей может «сделать революцию». К этому мы еще вернемся.

Пока же мы хотели бы констатировать, что именно в этой области ведется основное теоретическое, политическое и организационное противоборство в последние десятилетия. И это естественно. Мы живем в эпоху социалистической революции, крушения колониальной системы империализма, когда менее чем за 50 лет сформировалась мировая социалистическая система, которая все больше определяет диалектику современного развития, когда уже недалек неизбежный конец столетий угнетения и классовой борьбы. То, что борьба мысли и действия ведется вокруг теории мировой социалистической революции и одного из ее аспектов — учения о партии, это также естественно, как человеческое дыхание. Естественно также, что эта тема является предметом работ многих публицистов.

Ю. Красин в своей блестящей работе²¹ сделал критический обзор многочисленных высказываний авторов, считающих, что ленинская теория социалистической революции — это «волютаристская интерпретация марксизма»²². К этому они добавляют: «Маркс и Энгельс делали акцент на движении пролетариата, где находило выражение движение истории... Ленин сделал акцент на партии как на действительном меньшинстве, как «авангарде пролетариата». (A. Pietre, Marx et marxisme...)»²³ «Субъективный фактор революционной стратегии монополизирован партией, которая принимает характер профессиональной организации, направляющей пролетариат. Происходит трансформация пролетариата из субъекта в объект революционного процесса». (H. Marcuse, Soviet Marxisme.)²⁴.

Ю. Красин приводит высказывания А. Мейера, А. Улама, Р. Даниэлса, Д. Сэбай, Липсета и других. Мы со своей стороны могли бы дополнить этот список другими именами...

²¹ Ю. Красин, «Социология революции» против революции, М., 1966.

²² Цит. по: Ю. Красин, «Социология революции» против революции, стр. 35.

²³ Там же, стр. 44.

²⁴ Там же.

Этот род литературы, в которую постоянно пытаются вдохнуть новые силы, можно сравнить с галиотом, выгребаящим против течения в ее попытке противопоставить Ленина Марксу в том, что касается задач революции. По сути же дела, все они приходят — хотя и с разных позиций — в один и тот же лагерь метафизической (механистической) оппозиции: в равной степени не понимают или произвольно отказываются от понимания диалектической взаимосвязи между объективными и субъективными факторами революции. Ни одна революция не делается по заказу, говорил Ленин²⁵. Что же касается Латинской Америки, то во Второй Гаванской декларации отражены объективные факторы нашей континентальной революции²⁶. Без совокупности социально-экономических условий и политических условий, которые сложились в многонациональной царской империи, противоречий, которые драматически обострила первая империалистическая война, ни Ленин, ни боевой отряд большевиков не смогли бы осуществить социалистическую революцию.

Ошибается С. Хук (рenegаты — это всегда самое отвратительное), когда злобно пишет: «Коммунисты — не акушеры социальной революции, ожидающие ее рождения. Они инженеры или профессиональные специалисты революции в любое время, в любом месте»²⁷.

Если, прибегая к сравнению, Хук хочет сказать, что здоровую женщину можно заставить рожать после трех месяцев беременности в результате манипуляций

²⁵ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 117.

²⁶ «Раздав кубинскую революцию, они надеются рассеять терзающий их страх, прогнать угрожающий им призрак революции. Уничтожив кубинскую революцию, они надеются уничтожить революционный дух народов. Они прибегают к бредовому утверждению, что Куба экспортирует революцию. В мозгу одержимых бессонницей торговцев и ростовщиков засела мысль, что революции можно покупать или продавать, заказывать и предоставлять займы, экспортировать или импортировать, как товар. Не зная объективных законов, определяющих развитие человеческого общества, они считают вечными свои монополистические, капиталистические и полуфеодальные режимы». («Правда», 6 февраля 1962 г.)

²⁷ Цит. по: Ю. К р а с и н, «Социология революции» против революции, стр. 35.

или заговора «профессиональных специалистов», то он ошибается; он всего лишь претендует на то, чтобы представить учение о партии в виде волюнтаристской концепции. Кстати, и в этом он не оригинален. Вместе с тем он считает, что быть марксистом — значит сидеть в «ожидании», на манер социал-демократии, момента, когда «производительные силы» совершат революцию или когда массы стихийно подойдут к революции, однако и в этом он ошибается. Против этой концепции автоматизма и пассивности Ленин нацелил свою работу «Что делать?», в которой разъяснил взаимосвязь между сознанием и классом, между стихийностью и теорией; с этой же целью он создал партию большевиков, способную предвидеть развитие революции, способную воспитывать массы на собственном опыте, способную вести их на революцию. Как мы видим, С. Хук пытается расставить ловушки по обе стороны пути. Ему можно было бы ответить его собственной книгой «Чтобы понять Маркса», написанной 40 лет назад; от нее он скатился к троцкизму, а сегодня, как и другие, является специалистом по «коммунизму», одним из ценных «экспертов» правительства США.

Ленин также говорил иногда о родах и революциях. В работе «К десятилетнему юбилею «Правды» он писал: «... «вумные» вожди рассуждают постоянно так, будто из того обстоятельства, что через девять месяцев после зачатия следует ожидать рождения ребенка, вытекает возможность определить и час, и минуту родов и положение ребенка при родах, и состояние роженицы во время родов, и точную степень болей и опасностей, которые предстоит претерпеть ребенку и роженице»²⁸.

Ленин сравнивает этот период девяти месяцев с революционной эпохой, а различные непредвиденные возможности — с различными обстоятельствами, которые могут возникнуть — в области тактики — в период конкретной революционной ситуации.

Если понимать все это буквально, то может показаться, что речь идет о механическом отождествлении

²⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, стр. 176.

целого ряда моментов, отличающих социально-исторический процесс от физиологии родов. Но цель Ленина не в этом, так как среди подобных моментов находится — и в этом нет сомнения — способность партии ускорять процесс в определенной социальной обстановке. Партия не только вбирает в себя опыт масс, но и активно содействует тому, чтобы массы воспитывались на собственном опыте. Она учит массы и учится у масс. Партия руководит процессом формирования субъективных факторов революции, но не может делать это по своей прихоти и без участия масс. В упомянутой статье Ленин на примере десяти лет существования «Правды» дает обзор пяти большевиков, начиная с периода, когда они являли собой горстку революционеров, до завоевания большинства пролетариата и народа в течение 1917 г. В этом динамичная и диалектическая спланированная партия.

Наиболее видные деятели II Интернационала с Каутским во главе сделали боевым коньком стремление противопоставить Ленина Марксу — и прежде всего в том, что касается теории революции и теории партии. И на этом пути их ожидал бесславный конец.

С одной стороны, утверждения о том, что ленинизм является лишь русским вариантом марксизма, т. е. ограничен в своем применении к отсталой, евро-азиатской действительности, не дает методологического подхода к проблемам, который выдвигает развитый капитализм. С другой — бескопечно повторяемая галлматья о том, что Ленин и большевики запятнали марксизм бланкизмом и волюнтаризмом. А между тем и другим — целые потоки самых разнообразных обвинений подобного характера.

Эти нападки на Ленина — исключительно одаренного, глубокого и творческого теоретика-марксиста — продиктованы отрицанием международного значения его учения и опыта большевиков. Естественно, что это отрицание не имеет ничего общего с диалектическим требованием об обязательном критическом использовании любого имеющего международное значение опыта в условиях конкретной действительности, а именно это и советовал Ленин, и об этом также свидетельствует

опыт большевиков. Нет, это абсолютное отрицание, отказ признать принципиальный характер опыта русской революции в вопросе о революции и ее путях, в вопросе диктатуры пролетариата и партии. И все это для того, чтобы преподнести удобный для них образ Ленина, человека, которому были свойственны гибкость и размах, обходя молчанием его качества неустанного защитника революционного духа марксизма, организатора революционной партии. Богатство тактики они используют для того, чтобы скрыть ее корни и питательную среду — теоретические открытия и революционную страстность ленинизма. Современные ревизионистские течения выставляют себя тем самым в качестве борцов за творческий характер марксизма-ленинизма. При этом они взывают к Ленину против Ленина.

С другой стороны, но не всегда под флагом необходимости «творческого развития» они пытаются отбросить в сторону то, что сами называют «метафизикой», «теоретизированием», а на самом деле — теоретическое богатство и принципы марксизма-ленинизма. И все это для того, чтобы дать нам такой образ Ленина, где он был бы лишь человеком действия, почти прагматиком, пассивно нарушающим историческую закономерность при помощи действительного средства — централизованного партийного аппарата. Подобные лица возводят «формы борьбы» в ранг постасей. И тогда самым важным становится «методология» действия, отбрасываются принципы, ленинское учение о роли масс, целях революции и о роли классов. Ленин — вождь пролетарской революции — превращается таким образом в мастера государственных переворотов, в заговорщика, обладающего даром точно угадывать момент использования насплыва с целью захвата власти.

Естественно, что на этом направлении великого теоретического, политического и практического сражения нашей эпохи сталкиваются домыслы наших врагов и борьба тенденций в самом лагере революции.

Когда многочисленные группы «специалистов» по коммунизму — главным образом в США — занимаются исследованиями «противоречий» между Марксом

и Лениным и переносят эти «противоречия» именно в эту область борьбы, то тем самым они ведут не только арьергардные идеологические бои, но и дают пищу для ведения психологической войны своему пропагандистскому аппарату, своим полицейским и разведывательным службам. Всякие домыслы, которые в области теории отражают недиалектический способ мышления, в политике используются для изображения коммунистов в качестве секты заговорщиков. И получается, что революция — это уже не неизбежный результат социального развития, естественный ответ рабочего класса и угнетенных народов на социальное и национальное закабаление, на банкротство империалистической системы... Нет! Это лишь дело рук агитаторов и заговорщиков. А с момента образования СССР и социалистического лагеря наложение подобного «клейма» еще больше упрощается: это только дело рук агентов Кремля или Гаваны — в Латинской Америке. Социальная проблема, а заодно и экономическая, политическая и идеологическая классовая борьба превращаются в полицейскую проблему. Или проблему для морской пехоты и «зеленых беретов».

С другой стороны, метафизическое противопоставление объективной социальной обусловленности практической деятельности людей полностью переносится на борьбу тенденций при социалистическом движении, борьбу вокруг теории революции в ее различных аспектах. Это и полемика большевиков с меньшевиками о роли пролетариата в демократической революции в России, это и дискуссии на II съезде РСДРП по вопросам строительства партии. В обоих случаях это борьба диалектики с механистической точкой зрения, борьба против ложных ссылок на объективность, якобы парализующую революционное действие пролетариата и отрицающую социалистическую перспективу. С другой стороны — и также во имя материалистической диалектики, — это разоблачение эсеровского волюнтаризма²⁹ и его отрицания общественно-исторических законов, его непонимания классовой борьбы.

²⁹ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 7, стр. 43—50.

Если рассматривать эту проблему во всемирном масштабе, то это борьба ленинизма против социал-демократии вокруг учения о мировой социалистической революции в эпоху империализма. По мнению социал-демократии, социалистическая революция может быть осуществлена лишь тогда, когда наступит наиболее высокая точка развития производительных сил и пролетариат будет составлять свыше половины населения. Тем самым социал-демократия считает, что объективная действительность способна автоматически определить момент для революции. Ленин же утверждает, что в эпоху империализма вся капиталистическая система беременна революцией, цепь империализма прорвется в наиболее слабом звене. Тем самым усиливается и роль субъективных факторов и неизмеримо возрастает роль партии. Революционная перспектива сочетается таким образом с повседневной борьбой.

В области социальной борьбы — идеологической и политической — находит свое классическое отражение антагонизм между диалектической концепцией марксизма-ленинизма и «позитивистским вырождением», к которому, как говорил Тольятти, стремится свести марксизм социал-демократический реформизм.

Ведь в теории социалистической революции — дополненной учением о партии — выкристаллизовалось основное в учении Маркса, концепции практики, отрицание «созерцательного» характера старого материализма, что и отличает марксизм от антропологии, возводя его в степень самой гармоничной и законченной революционной теории. Вокруг проблемы взаимоотношений между социально-экономической обусловленностью и деятельностью человека (революционных классов, масс) группируется множество проблем и противоречий — неразрешимых без их диалектического понимания, — связанных между собой самым различным образом (в плане философии и морали: необходимость или детерминизм и свобода; в плане социальном и идеологическом: класс в себе и класс для себя, стихийность и сознательность; в плане политическом: партия, класс, массы при подготовке, ускорении и свершении револю-

ции; в плане взаимодействия объективных и субъективных факторов революционных преобразований).

Не напрасно в своем знаменитом Тезисе Маркс отмежевался от философов, которые пытались лишь объяснить мир, когда главное состоит в том, чтобы его переделать.

* * *

На долю Ленина выпала историческая миссия — восстановить и защитить революционную сущность марксизма, которую после смерти Энгельса пытались скрыть под слоем оппортунизма и реформизма ревизионистские течения (ставшие определяющими) во II Интернационале. Нам досталась в наследство целая сокровищница фундаментальных трудов, которые дают панорамную и документированную картину размаха и боевого характера этого сражения. Эти труды идут от «Нашей программы» и «Протеста социал-демократов», в которых устанавливается связь между первоначальными задачами марксизма в России с борьбой против буржуазности, против его влияния на общественно-политическое мышление в России, до борьбы с противниками марксизма периода империалистической войны и социалистической революции в России и защиты молодой Республики Советов. В плане этой деятельности Ленин ведет борьбу в самых различных областях развития теории — в области философии, социологии, экономики, политики и организации. Он постоянно обращается к трудам Маркса (по свидетельству Крупской, в каждый критический момент Ленин вновь и вновь обращался к написанному и сказанному в сходных обстоятельствах его гениальным учителем или Энгельсом).

Но так как необходимо было защитить целостность марксистского учения от ревизионизма, то это мог сделать именно последовательный марксист, далекий от всякого догматизма, сделавший учение и метод Маркса *руководством к действию*, воспринявший это положение в его самом широком смысле, а не как оп-

опортунистическое приспособление теории к повседневной политической практике³⁰.

Именно поэтому ленинизм выступает в истории одновременно как защитник чистоты марксизма и как ниспровергатель теоретических и тактических догм и фетишей, которые свято чтит вожди II Интернационала. В процессе этой борьбы ленинизм громит все виды вульгаризации марксизма, все позитивистские наскоки, пытающиеся иссушить диалектическую душу революции, укрепляет концепцию практики, практическое утверждение преобразующей роли человека в истории. Другими словами, ленинизм укрепляет марксистскую диалектику как учение о пролетарской революции.

Именно поэтому учение о партии является основной составной частью ленинизма.

5. УЧЕНИЕ О ПАРТИИ — ЧАСТЬ ТЕОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Пальмиро Тольятти писал, что Ленин обогатил марксизм тремя новыми разделами³¹. Это: а) теория империализма, как высшей стадии капитализма; б) теория революции и, следовательно, государства, власти; в) теория партии.

³⁰ «...великую гегелевскую диалектику, которую перенял, поставив ее на ноги, марксизм, никогда не следует смешивать с вульгарным приемом оправдания зигзагов политических деятелей, переметывающихся с революционного на оппортунистическое крыло партии, с вульгарной манерой смешивать в кучу отдельные заявления, отдельные моменты развития разных стадий единого процесса. Истинная диалектика не оправдывает личные ошибки, а изучает неизбежные повороты, доказывая их неизбежность на основании детальнейшего изучения развития во всей его конкретности. Основное положение диалектики: абстрактной истины нет, истина всегда конкретна... И еще не следует смешивать эту великую гегелевскую диалектику с той пошлой житейской мудростью, которая выражается итальянской поговоркой: mettere la coda dove pop va il saro (просунуть хвост, где голова не лезет)». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 8, стр. 400—401.)

³¹ П. Тольятти, Избранные статьи и речи, т. II, М., 1965, стр. 144.

«Эти три раздела тесно связаны, почти слиты один с другим, и каждый из них содержит теорию и практику, представляя собой реальную действительность в ее развитии, то есть теорию, которая не только формулируется, но и подвергается проверке фактами, историческим опытом и которая в процессе проверки этим опытом развивается, оставляет позиции, которые нужно было покинуть, завоевывает новые позиции и, следовательно, создает кое-что новое».

Тольятти отмечает то идеологическое потрясение, которое произвели ленинская теория социалистической революции и ее подтверждение историей.

Это было восстановлением творческого характера марксизма. «Ленин возвращает марксизму его творческий характер, освобождает учение Карла Маркса от педантизма, псевдоматериалистических, экономических, позитивистских истолкований, делает тем самым из марксизма то, чем он и должен быть, — руководство революционным действием».

Очевидно, таким образом можно классифицировать основной вклад Ленина в марксизм. А если эту классификацию синтезировать еще больше, то можно сказать, что вождь русских коммунистов разработал всеобъемлющую теорию мировой социалистической революции в эпоху империализма, теорию, подтвержденную Октябрьской революцией и более чем полувекковой историей социалистической эры, которую она открыла. Естественно, что мы не считаем это полным определением ленинизма; оно куда более широко, как в этом можно убедиться при изучении соответствующих работ. Во всяком случае, очевидно, что важно остановиться на двух замечаниях Тольятти: восстановление творческого, а тем самым и практического революционного характера марксизма, что предполагает размах его диалектического подхода и внутреннее единство, неразрывность трех разделов, вписанных Лениным в труд Маркса и Энгельса. Каждый из этих разделов можно изучать в отдельности, он имеет, как говорит Тольятти, свою теорию и свою практику, но между ними тремя существует неразрывная, диалектическая связь. Так, учение о партии является частью теории

социалистической революции в эпоху империализма. И хотя Ленин создает свое учение о партии в прямой связи с неотложными задачами русской революции в первые три-четыре года XX века, то есть когда он еще не разработал своей теории империализма, ленинские тезисы об участии и гегемонии пролетариата в демократической революции тем не менее сохраняют свое значение и в эпоху империализма. И действительно, ведь меньшевики опираются на механистическое повторение формул, актуальных для эпохи буржуазных революций в Европе XIX века. Это знаменитая полемика в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Меньшевики не поняли диалектики демократической и социалистической революции нового времени. Они путают *характер* революции с ее движущими силами³².

Учение о партии, основанное на демократическом централизме, является для Ленина составной частью его теории революции в России. «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад» и «Две тактики социал-демократии в демократической революции» фактически являются главами одного труда: подготовки победы социализма во многонациональной царской империи путем свержения самодержавия и развития демократической революции.

Ленин включает эту концепцию русской демократической революции в свою теорию мировой социалистической революции.

Его метод является классическим марксистским методом: разрабатывая теорию революции в России, он тщательно изучает ее материальную основу, особенности капиталистического развития в России; в процессе разработки своей теории мировой социалистической революции он изучает империализм, как высшую стадию капитализма.

В обоих случаях он приходит к заключению о революционной перспективе, ставит социалистическую революцию на повестку дня. Он говорит о ней как о конкретной задаче рабочего класса, как о результате дея-

³² См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 386.

тельности людей того времени, а не результате стечения обстоятельств.

Маркс и Энгельс считали, что социалистическая революция произойдет вначале в наиболее развитых странах и что победит она в результате единого международного развития событий в большинстве этих стран. Ленин, изучив империализм, приходит, как известно, к иному выводу; он применяет марксистский метод — творческий по своей природе, чуждый догматизму — к новой действительности.

Ленин доказывает, что империализм, как высшая стадия капитализма — с исторической точки зрения, — является «умирающим капитализмом», кануном «социальной революции пролетариата». Он созрел для социалистической революции, эта революция — конкретная цель, задача эпохи.

Империализм — это всемирная система «колониального угнетения и финансового удушения группой «передовых» стран гигантского большинства населения земли»³³.

Ленин выводит из этого доказательства новые главные характерные черты мировой социалистической революции. Эта революция не будет только или главным образом борьбой пролетариата развитых стран против своих капиталистов; она будет также «борьбой всех угнетенных империализмом колоний и стран... против международного империализма»³⁴.

Пролетариат должен объединить в единый революционный поток борьбу — социалистического характера — пролетариата, с действиями — демократического и национального характера — угнетенных народов.

Таким образом, оценка условий для свершения социалистической революции не должна ставиться в зависимость от степени капиталистического развития в той или иной стране; она должна быть связана с оценкой состояния всей системы, которая в своей совокупности созрела для социализма. Империалистическая система — цепь, которая прорвется в наиболее слабом

³³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 305.

³⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 327.

звене. Тем самым Ленин как бы снимает с пролетариата всех стран тяжелую плиту фатальности, которая вынуждает его к ожиданию роста производительных сил и сводит к нулю перспективу революции. Из явления скачкообразного и неравномерного развития экономики империализма Ленин делает вывод о возможности первоначальной победы социализма в одной или нескольких странах, даже когда большинство мира продолжает оставаться «буржуазным или добуржуазным», как он говорит в работе «Военная программа пролетарской революции»³⁵.

Ленинская теория социалистической революции обращена ко всем силам, устремленным на мировую революцию, — к социалистическим, демократическим, антиимпериалистическим революционным течениям, которые взаимосвязываются между собой, что и составляет одну из характерных черт нашей эпохи. Такова реальная действительность мира. А поэтому учение о партии становится насущной проблемой в международном масштабе, поэтому же значение полемики о характере партии, об обязанностях члена партии, придавшей особую остроту борьбе течений в социал-демократии в России начиная с 1903 г. и оставившей последнее слово за большевиками, обретает затем мировое значение. И как перспектива создания Коммунистического Интернационала, и как насущная необходимость создания национальных партий в духе партии большевиков. Партия становится мерилom возможности победы революции.

Империалистическая война, русская революция и создание первого в мире пролетарского правительства, революции, которые с 1917 г. по 20-е годы держали Европу в состоянии накала, воочию показали важность проблемы партии рабочего класса. Опыт поражений революций, последовавших за первой империалистической войной, вызывает к необходимости создания партии на основе *единства программы, тактики и организации* — требование ленинского учения о партии. На языке тезисов это будет названо «партией нового типа».

³⁵ В. И Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 132.

Ленин говорит об этом на II конгрессе Коммунистического Интернационала. Он отвечает тем, что утверждает, что европейская буржуазия переживает «кризис абсолютно безвыходный». Буржуазия, говорит Ленин, «ведет себя, как обнаглевший... хищник», она делает глупость за глупостью и ускоряет свою гибель... Однако пытаться «доказывать» наперед «абсолютную» безвыходность было бы педанством или игрой в словечки. Только практика может дать нам доказательство.

В свою очередь это должно стать делом партий. «Буржуазный строй во всем мире, — пишет Ленин, — переживает величайший революционный кризис. Надо «доказать» теперь практикой революционных партий, что у них достаточно сознательности, организованности, связи с эксплуатируемыми массами, решительности, умения, чтобы использовать этот кризис... для победоносной революции»³⁶.

История доказала правильность ленинского учения о партии. Это доказательство было получено в самых суровых испытаниях нашего времени, и это — триумфальное доказательство, о чем свидетельствует политическая и социальная действительность мира спустя более чем 50 лет, прошедших после Октября. Всемирная победа социализма и антиимпериалистических сил в остающиеся годы нынешнего века как никогда раньше является *делом партии*.

6. НЕ ТОЛЬКО ЯЧМЕНЬ РАСТЕТ ПО ГЕГЕЛЮ. НО И ПАРТИЯ..

Уже в «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс выдвигают необходимость создания коммунистической партии для победы пролетариата в его революции. Исторически этот великий труд является документом о стратегии и тактике такой партии. Это концентрированное теоретическое изложение марксистской теории, причем с момента своего рождения эта теория связана с определением характера пар-

³⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 228.

тии. Наука и политика гармонически сливаются в этом партийном манифесте.

Маркс и Энгельс заложили тем самым основы учения о партии. Тезис об организации рабочего класса в самостоятельную авангардную политическую партию является неотъемлемой частью общей теоретической концепции Маркса и Энгельса.

Во II главе «Манифеста Коммунистической партии»³⁷ определены основные черты этой партии. Ее цель — завоевание пролетариатом политической власти; в процессе борьбы с буржуазией она защищает интересы всего движения как в национальном, так и в международном плане. Партия занимает авангардное положение среди других организаций рабочего класса. Это объясняется тем, что она «ведет вперед остальных» и в «теоретическом» отношении у нее «перед остальной массой пролетариата преимущество в понимании условий, хода и общих результатов пролетарского движения».

Маркс и Энгельс посвятили всю свою жизнь делу создания такой партии. Они основали и возглавили I Интернационал. Энгельс отдал много лет делу становления германской партии в напряженной борьбе с оппортунизмом. Достоинства этой партии, о которой неоднократно упоминает Ленин, в значительной степени являются результатом той постоянной помощи, зачастую резкой по форме, но всегда острой и боевой, которую Энгельс оказывал ей до последнего дня своей жизни.

Вот почему нет ни грана правды в утверждениях многочисленных врагов ленинизма, будто Маркс безразличен к вопросу создания самостоятельных рабочих партий. Это такой же абсурд, как и утверждение, будто Маркс и Энгельс допускали организационное сосуществование различных теорий, когда самое большее, на что они соглашались, так это на право постоянного творческого обсуждения. Неоднородный состав I Интернационала, т. е. упорное стремление Маркса объединить передовые и социалистические рабочие

³⁷ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4.

и демократические течения периода, называемого домарксовым, относятся к историческому моменту становления, к своего рода объединению, который нельзя смешивать с неустанной борьбой Маркса и Энгельса за идеологическую чистоту как политическую и теоретическую основу партии пролетариата. Доказательством служат даже не столько теоретические и тактические выступления против Прудона, Бакунина и им подобных или против различных разновидностей социализма, разгромленных уже в «Манифесте Коммунистической партии», сколько критика в адрес германской партии, ее программы, ее тактики, процесса объединения с Лассалем и так далее. Это образцы марксистского мышления о единстве и идеологической закалке партии.

Не существует, таким образом, благодушия Маркса, якобы либерально относившегося к игре идеологий внутри партии, и нетерпимости Ленина, который провозгласил: «...буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет»³⁸ — и отстаивал необходимое единство программы, тактики и организации³⁹.

Ленин не выступает против Маркса в стремлении создать партию «заговорщиков», подчиненных «бюрократической» или «военной» дисциплине — как его обвиняли в то время, — еще меньше он стремится создать подобие армии Магомета, сплоченной слепой верой и дисциплиной в своем стремлении взять власть.

Наоборот, Ленин, опираясь на основные идеи Маркса и Энгельса, создает законченное учение о партии.

Фундаментом этой теории были два события, о которых мы уже говорили: созревание русской революции, которая разразилась в 1905 г., и выступление человечества в эпоху войн и революций, и в этом смысле московское восстание явилось первой зарницей, вспыхнувшей в период высшей стадии капитализма — империализма. Не понимать этого — значит ничего не попятить в борьбе, которую вел Ленин по организационным вопросам. Более того, если мы забудем об этом, то можем воспринять ленинское учение о партии как засу-

³⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 39.

³⁹ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 8, стр. 403—404

шенную схему, выпаренную в колбе изобретателя революционных стратегий.

Ленинское учение о партии рождается из неизбежности революции и для революции. Это и придает его учению характерную для него диалектическую гибкость. Это отличает ее не только от секты, но и от партий II Интернационала с их идеологической неразберихой и революционным бессилием.

Требование Ленина — дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию! — отмечает главную веху на пути создания учения о партии. Ленин как бы заранее предупреждает о том, какого типа партия необходима — боевая, организованная, способная действовать при любых обстоятельствах. Но одновременно Ленин предостерегает от создания узкой организации, изолированной от широких масс, организации, ошибочно считающей себя способной в отрыве от масс изменить ход истории как некий творец. Ленин четко определяет тип партии, которая должна сочетать в себе идеологическую закалку и организационную целостность, основанные на единстве программы и практики, имеющую тесные, живые связи с большинством рабочего класса и масс. Синтез этих двух компонентов и дает партии возможность на деле быть авангардом, определяет ее конкретную революционную деятельность. Без партии, способной руководить рабочим классом и народом на любых этапах классовой борьбы, при любых поворотах, экономических, политических и идеологических сражений, в борьбе за завоевание власти, не может быть и социалистической революции. Другими словами, способность партии вести пролетариат и массы на революцию складывается для Ленина из «подготовки»⁴⁰ — иногда на протяжении ряда лет — и способности определить момент взятия власти («способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно сильные, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не «упадет», если его не „уронят“») ⁴¹.

⁴⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 31—32.

⁴¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 219.

Противопоставлять задачу формирования партии и задачу «подготовки» — при самых различных обстоятельствах — масс к революции задаче взятия власти или противопоставлять боевой характер партии ее способности к политической агитации, способности устанавливать связи с массами и руководить массами является грубой механической ошибкой. Ленинская теория о партии обладает всем богатством и возможностями диалектического подхода.

Точно так же нельзя сводить ленинское учение о партии к организационной работе или к действенному организационному плану. Верно, что именно через организационные вопросы проходит водораздел между меньшевиками и большевиками, а если иметь в виду нынешние понятия — между социал-демократами и коммунистами. Но верно также и то, что именно здесь решалась судьба и всех других вопросов революции.

Несомненно, что без ленинских принципов организации учение о партии дает трещину и повисает в пустоте. «Оппортунизм в программе естественно связан с оппортунизмом в тактике, и с оппортунизмом в вопросах организационных», — говорит Ленин⁴². Уставные положения и организационные вопросы, вокруг которых велась полемика в тот период, и должны были определить: будет ли партия способна повести массы на завоевание власти. Эти положения широко известны, все они связаны с принципом демократического централизма — классическим организационным принципом каждой коммунистической партии. Они касаются единства партии, гарантированного идеологической чистотой и единством действий, выборности руководства и демократического обсуждения всех вопросов в сочетании с подчинением — в период между съездами — нижестоящих организаций вышестоящим, права на самое широкое обсуждение в рамках принципов марксизма-ленинизма, но с одновременным запрещением создания фракций.

Подобные принципы построения партии сохраняют свою действенность, если верна теоретическая кон-

⁴² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 3, стр. 386.

цепция и политическая линия. Диалектическая связь программы, тактики и организации и составляет то, что мы называем ленинским учением о партии. Без организационной структуры, основанной на железной дисциплине, большевистская партия не смогла бы победить. Дисциплина также является основным условием существования партии. Ленин говорит об этом в своей работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»⁴³. Эта дисциплина сохраняется, проверяется и подкрепляется:

сознательностью пролетарского авангарда и его преданностью революции, его выдержкой, самопожертвованием и героизмом;

его умением слиться с массами и руководить массами;

правильностью политического руководства при условии, что массы на собственном опыте убедились в этой правильности.

Говоря другими словами, какой бы высокой ни была революционная сознательность и каким бы верным — политическое руководство, ни то ни другое не сможет привести к победе без соответствующего уровня организации и организационной работы. Но и никакой уровень организации сам по себе не сможет спасти партию, лишенную единства и правильного политического руководства.

В рамках этой взаимосвязи всех моментов диалектики партии⁴⁴ уровень организации не является застывшим понятием, так как правильная теоретическая и политическая концепция сочетаются — и это мы видим на примере деятельности Ленина в 1903 г. — с соответствующим организационным подходом. В свою очередь соответствующая организация дает возможность разрабатывать теоретические вопросы, конкретно связывать с практикой общие теоретические направления, подходить к политике как к науке и искусству, воспитывать кадры, которые в конечном итоге опреде-

⁴³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 6—7.

⁴⁴ «Часто у Гегеля слово «момент» в смысле момента связи, момента в сцеплении». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 132.)

ляют судьбу всей деятельности, создавать широкую систему связей с массами, находить новые пропагандистские и организационные средства, способствующие активизации всей партийной деятельности. Организация призвана обеспечивать защиту партии от ударов реакции, без чего героизм и сознательность ее членов сводятся лишь к трагическим жестам; одновременно это и условие для успешного наступления партии в определенные моменты революционного процесса.

В этом смысле партия — результат сплава ее теоретического, политического, кадрового и организационного опыта. Формируются и «вожди», так как правильное руководство предполагает длительную школу политико-идеологической работы, борьбы в рядах партии и выработку стиля работы⁴⁵. Вот почему для осуществления правильного руководства необходимо создание руководящего ядра, состоящего из идейно закаленных руководителей, обладающих авторитетом в партии и в массах, к которым мог быть применен принцип постоянного обновления, не сводящийся к механической замене. Руководство не может быть неустойчивым или временным, но и не должно носить характера партийной элиты, чуждой обновляющей диалектики жизни.

Теоретическая подготовка руководства и членов партии, неразрывно связанная с идеологической закалкой, с верностью принципам, гарантирует то, что они не раскиснут от порывов ревизионистских ветров, не поддадутся различным «модным новшествам». Одновременно это содействует их формированию в творческом духе марксизма. Естественно, что и здесь этот вопрос ставится в диалектическом развитии: речь идет не о каком-то «национальном марксизме», а о теории революции как результате применения марксизма к конкретной действительности определенной страны. Это именно то, что осуществил Ленин сначала в России, а затем в международном плане в эпоху империализма.

⁴⁵ «Ни один класс в истории не достигал господства, если он не выдвигал своих политических вождей, своих передовых представителей, способных организовать движение и руководить им». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, стр. 375.)

В своей работе «Наша программа» Ленин называет это «независимым развитием» марксизма. Каждая партия, руководствуясь марксизмом-ленинизмом, обязана разработать не только стройную теорию *своей* революции, но одновременно гибкую и конкретную тактику, которая в каждый данный момент призвана содействовать развитию революционного процесса.

«Недостаточно быть,— говорит Ленин,— революционером и сторонником социализма... Надо уметь найти в каждый особый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену, причем порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты, и не так глупы, как в обыкновенной, кузнецом сделанной цепи»⁴⁶.

Сами основные понятия организации — понятия демократического централизма — требуют к себе диалектического подхода. Связи между централизмом и демократией — единство противоположностей организационного принципа партии — должны рассматриваться с учетом постоянно изменяющейся действительности. В периоды крайней реакции, гражданской войны или в другие критические моменты централизм может стать господствующим аспектом, в периоды легальной деятельности, в рамках буржуазной демократии, внутрипартийная демократия получает большее развитие, более гибкими могут быть также и требования к члену партии. Ленин в период относительной легальности, который наступил после событий 1905 г., пишет работу «О реорганизации партии», в которой подчеркивает важность организационной гибкости. Этот критерий приобретает еще большее значение, когда партия должна решать одновременно две задачи: расширять свои ряды и укреплять свою организационную структуру. Партия должна постоянно помнить о диалектической взаимосвязи: если она забудет о централизме, об укреплении дисциплины, о воспитании членов партии и т. д., она скатится в либерализм соци-

⁴⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 205.

ал-демократического характера и ослабит себя. Если она ослабит внутрипартийную демократию, подавит дух обсуждения, критику и самокритику, перестанет сверять свою линию с практикой, она впадет в бюрократизм, в подмену сознательной дисциплины администрированием.

Дисциплина в партии — это не военная дисциплина, но — в определенных условиях — она может стать таковой, как указывал Ленин в своей работе «Партизанская война».

Ленинская теория учит, что партия не рождается во всеоружии, партия выковывается. Выковывание партии складывается по крайней мере из трех компонентов: *политического опыта самой партии, опыта масс и организационного опыта*, без чего невозможно подлинное становление самой партии; *постоянных политических и идеологических дебатов и теоретической подготовки*, которая не должна быть результатом стихийности или личного желания каждого члена партии. В отношении международного движения процесс становления партии предусматривает изучение опыта всего движения и его творческое использование с учетом опыта данной страны, а также осознание того, что интернационализм является незыблемым принципом марксистско-ленинской партии.

Ленинское учение о партии с момента его создания стало мишенью для клеветнических нападок. Не нова и та фраза, которая так прельщает сегодня ревизионистов и ренегатов, пытающихся найти в демократическом централизме причину ошибок движения, эта затасканная фраза о «бюрократическом централизме», составляющем якобы основу учения Ленина о партии. Ее изобрели меньшевики, а позднее она стала любимым коньком Троцкого в его клеветнической кампании. Ленин ответил им в своих работах «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад» и в других трудах. Все аргументы, которые мы используем сегодня, уже были выдвинуты Лениным в свое время. Но сегодня существует также и более чем полувековая история побед и поражений революций, которая дала ответ на эти нападки, и дала этот ответ, несмотря на отдельные более

или менее серьезные ошибки, допущенные в этот период.

Ясно, что любой культ личности, любая неосознанная дисциплина, любое подавление творческой мысли, любое проявление бюрократии должны подвергаться сокрушительной критике. «Я волком бы выгрыз бюрократизм», — говорим мы вместе с Маяковским. Но мы также решительно выступаем против любой попытки превратить нас в какую-то бессодержательную социал-демократическую организацию или в кафе для болтунов-литераторов.

Одним словом, ленинское учение о партии диалектично по своей сути. Эта диалектика проявляется во внешних — самых различных — связях партии пролетариата и во внутренних, свойственных ее развитию.

Что касается внешних, то она проявляется в неразрывной связи понятий авангарда и класса, партии и масс, объективных и субъективных факторов революции, политического действия и руководства и организационной структуры.

Во внутренних она проявляется во взаимосвязи понятий централизма и демократии, коллективности всей работы и руководства, личной ответственности, дисциплины и обсуждения, творческих дебатов и способности к действию, принципов руководства, самокритики и выборности.

В международном плане это единство противоположностей воплощено в самом последовательном интернационализме в сочетании с действительной ответственностью за судьбы революции в каждой стране.

7. КТО ЖЕ ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ — РОБОТЫ ИЛИ СОЗНАТЕЛЬНЫЕ БОРЦЫ?

Если судить по сообщению, появившемуся в одной из уругвайских газет, то Жан-Поль Сартр сделал новый шаг в своем изменчивом и обычно враждебном отношении к коммунистам. Автор статьи явно доволен сартровской диатрибой, мало оригинальной в данном случае и непростительной для человека его возраста.

Не утруждая себя дискуссией, Сартр оскорбляет коммунистов, прибегая к затасканному способу: он просто выставляет их в качестве автоматов или роботов, или — куда уж дальше — бюрократившихся умов... И дальше никуда, как говорится, не сворачивает. Но можно ли в разгар революционных событий нашего времени говорить подобные вещи без риска обратить огонь на самого себя? Или без риска выставить самого себя как человека, лишенного как раз этих самых свойств «критического» мышления? Или, не выставляя напоказ свое непонимание и неприязнь перед лицом крупнейшей революции в истории, которая продолжает свой неумолимый ход и, кстати, определяет позиции «за» и «против» самого Сартра и всех других, чье отрицательное отношение к ней является также отражением этой бури?

Ведь если отбросить все легкодоступные ответы на давно опровергнутое сравнение коммунистов с роботами — и, уж конечно, докибернетического периода, — первый весомый аргумент, приходящий на ум, очень прост, но неоспорим. Мы не знаем, как не знает никто другой, иной социалистической революции, чем та, которую предсказали Маркс и Энгельс и которую со времени Ленина возглавляют коммунистические партии. Этой действительности нельзя противопоставить даже разнообразия форм исторического развития, включая кубинскую революцию, которая в свое время привела Сартра в восхищение и «улучшила» его на некоторое время.

Это историческое движение не остановилось, его главный результат еще впереди, и оно не служит препятствием революционному развитию. Оно продолжает развиваться. И когда оно на определенном этапе задерживается или отступает в том или ином месте, то возобновляется и вновь проявляется, например в своеобразной форме развития Африки или в потенциальном пути развития Латинской Америки после кубинской революции или таких крупных европейских стран, как Франция, Италия или Испания.

Основой революции нашего времени, включая все ее «неожиданные» повороты, *единственной, которая*

совершается (не известно и не будет известно иной), является мировая социалистическая система, творцы этих колоссальных изменений — рабочий класс и мировое коммунистическое движение. И если каждого узнают по плодам его труда — просветим же при помощи Библии наши «склеротические умы», — то до чего же бесплоден этот труд — противопоставлять этот великий исторический перелом тем, кто теоретически предсказал его в основных чертах, кто озарил его своим трудом, который, кстати, не был ни легким, ни удобным, кто вложил в его основание свое сердце и кто затем создал на этом основании невиданное доселе творение. Может быть, люди-роботы или носители сухих формул, превращенных в символы веры, и могут «вклинить» отдельные эпизоды в историю. Но они не могут стать творцами целой эпохи освобождения. Социалистическая революция в своих двух проявлениях — в уничтожении старого строя и создании нового, — которая была и остается существом нынешней истории, смогла стать реальностью для сотен миллионов людей потому, что она является плодом вечно живого учения и деятельности, тесно связанной с многообразными явлениями конкретной действительности. Это результат деятельности коммунистического движения, партий коммунистов. Научный характер этой истины не был затронут ни ошибками, допущенными в немногие 50 лет революции, ни нынешними трудностями, возникшими в результате отступничества Мао и китайских лидеров, как не могут ее затронуть отрицательные моменты в деятельности той или иной партии, затрудняющие эту деятельность на какой-то период времени. Еще Ленин предупреждал, что в действительности борьба за свободу куда сложнее, чем в интернациональном гимне, где говорится о том, что «весь мир насилья мы разрушим до основанья...». Однако, несмотря на сложности, на неудачи, даже ошибки, грандиозно то, что с точки зрения всемирной истории мир действительно *изменился до основания.*

В этом заключается существо дела для каждого, кому не свойственно непостоянство мелкобуржуазного мышления — эта классическая трусость ума, скрывает

мая под показной смелостью хвастливого критического мышления. Это «колеблющиеся гамлеты» со своими «картонными шпагами».

Со стороны коммунистов было бы больше чем глупостью скрывать и не исправлять допущенные ошибки. Однако и эти ошибки исправляли действующие лица, а не зрители и критики. Если смогли самокритично проанализировать вредные явления, явившиеся следствием культа личности Сталина — или других, меньших култов, — то это благодаря тому, что раньше был построен социализм, разгромлен германский фашизм и японский милитаризм, развернулось во всю свою мощь коммунистическое движение, выросли марксистско-ленинские кадры на всех континентах. С точки зрения всемирной истории мировой социалистической и антиимпериалистической революции важно лишь последнее. И в этом случае ошибкам, вызванным культом личности, критически отводится их место, как черной странице в монументальном и грандиозном свершении, которое определило наше настоящее и открыло путь к ближайшему будущему.

Сегодня мы переживаем новые главы этого свершения. Оно не было и не будет идиллией. Это свершение было чрезвычайно трудным делом. Ведь пришлось «осквернить» священные принципы частной собственности, утвержденные веками классового господства, ведь нужно было вывести на авансцену массы, дотеле отсталые и невежественные, которые, переделав бывшую царскую империю, переделали в идейном и моральном отношении и самих себя. Это было трудно также и потому, что ни один господствующий класс не сдает добровольно своих позиций и не идет сам к своей могиле. Революция должна поставить его на колени. Для советских людей эта истина подтверждена годами гражданской войны и ипохондричной интервенции, смертельной борьбой против германского фашизма. Для пролетариата и коммунистов остальной части мира эта истина подтверждена всей историей от Октября до создания социалистической системы, историей, за которую отдали жизнь сотни тысяч героев-борцов.

Сегодня же мы являемся свидетелями иной исторической картины. Никто не может дать гарантию того, что не будут допущены ошибки, но это будут уже не старые и не столь крупные ошибки. Никто не может предсказать, в какой форме окончательно будет решен спор между капитализмом и социализмом. Но все мы видим зарю победы. И у нее будет свое политическое имя — коммунистическая партия.

Это утверждение не проявление верования, оно основано на железной убежденности. Именно этого не понимают люди, подобные Сартру. Они не видят, что их «отвращение» к коммунизму — это и отвращение к своей собственной судьбе; оно отражает их собственную неспособность понять великую драму современной истории.

Пониманию этих людей недоступны поступки таких борцов, которые, несмотря на все возникающие лично для них трудности, с непоколебимой верой в коммунизм, в партию берут на себя главную ответственность за продолжение начатого дела. Так поступают и советские коммунисты. Все они с революционной страстью разделяют глубокую правду слов Маяковского:

«Партия — это единственное, что мне не изменит».

Ленин и пути революции

...революция, настоящая, глубокая «народная», по выражению Маркса, революция есть невероятно сложный и мучительный процесс умирания старого и рождение нового общественного строя, уклада жизни десятков миллионов людей.

В. И. Ленин

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ленин. Учение и история

I. АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛОК

Надо знать конкретно, чем страдает данное движение в данный момент... Послушайте новоискровцев — и вы придете к выводу, что партии... грозит опасность выкинуть за борт пропаганду и агитацию, экономическую борьбу и критику буржуазной демократии, увлечься не в меру военной подготовкой, вооруженными нападениями, захватом власти и т. д.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 11,
стр. 94—95.

1. УЧИТЬ РЕВОЛЮЦИЮ

Чтобы дать ответ на неотложные вопросы, поставленные действительностью в России и в Европе, потрясенных войной и чреватых революцией, В. И. Ленин объединяет в высшем синтезе принципы, вытекающие из его теоретических взглядов и из международного опыта всего рабочего движения и конкретного анализа особенностей революционного процесса на его необъятной родине. Таким образом, теоретическое и тактическое наследие марксизма обогащается научной объективной оценкой новых явлений, которые появляются в поле зрения пролетариата и его партии эпохи империализма в условиях социально-исторических особенностей революции в бывшей царской империи.

Таков его метод; иными словами, это марксистский метод, ибо Ленин является учеником Маркса в том значении этого слова, в каком это можно о нем сказать; этот метод, свободный от схоластических ассоциаций, метод постоянной теоретической разработки; это — восхождение марксистского мышления по виткам спи-

рали познания, отражение и результат переплетения практики и теории.

Этот подход к динамике действительного процесса — на основе конкретного анализа конкретной ситуации — выявляется при рассмотрении вопросов, связанных с завоеванием власти. Решение этих вопросов позволяет марксистско-ленинской партии осуществить боевую проверку ее владения теорией, воплощенной в деятельность миллионов человек по преобразованию общества, ее способности познавать действительность и творчески действовать в те моменты, когда противоречивые отношения между мышлением и действием приводят их почти к тождеству.

Интеллектуальная деятельность Ленина приобретает в этот период характер героического творчества, суть которого он сам определил в 1905 г.: *не только учиться у революции, но и суметь научить ее*¹.

Этот подход выражает всю ленинскую концепцию о роли партии. Теоретические и тактические моменты тысячами нитей соединяются в ней, как если бы по ним беспрерывно сновал невидимый челнок.

2. НАСИЛЬСТВЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ЗАКОН

Так рассматривает В. И. Ленин вопросы *о путях* революции: конкретно учитывая объективную реальность, имеющую определяющее значение, но не снижая темы до уровня простого тактического вопроса. Он предвидел, что *«насильственная революция»* является, вообще говоря, историческим законом² перехода от капитализма к социализму и утверждал, в том чис-

¹ «Несомненно, что революция научит нас, научит народные массы. Но вопрос для борющейся политической партии состоит теперь в том, сумеем ли мы научить чему-нибудь революцию?» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 11, стр. 4.)

² Позднее, полемизируя с Каутским, В. И. Ленин напишет: «Такие законы имеют в виду лишь типичное, то, что Маркс однажды назвал «идеальным» в смысле среднего, нормального, типичного капитализма». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 247.)

ле в книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции» и в других работах, что восстание — это наиболее целесообразный путь для рабочего класса на демократическом этапе революции и что гегемония пролетариата — т. е. его союз с крестьянством для свержения самодержавия³ — осуществится наилучшим образом через восстание. Однако особенности революционного процесса в России после Февральской революции создавали реальную возможность продолжать двигаться к социализму мирным путем. И Ленин изучал эту возможность.

Вопрос, который он ставит перед собой, формулируется следующим образом: *будут ли необходимы новые вооруженные действия для победы социалистической революции после Февральского восстания, положившего начало буржуазно-демократическому этапу?*

Ленин осмысливает новую стратегическую и тактическую ситуацию и излагает ее в «Апрельских тезисах» и других работах.

В них он критикует некоторых старых большевиков, взгляд которых затуманивают схемы, еще вчера имевшие полную силу, но сегодня уже устаревшие. Буржуазная революция закончена, говорит Ленин, несмотря на то что революционно-демократическая диктатура рабочих и крестьян не установлена, теперь необходимо переходить к социалистической революции; вследствие мелкобуржуазных колебаний меньшевиков и эсеров на месте прежнего правительства создано *двоевластие* Советов и буржуазного правительства Керенского. В этом заключалось новое и неожиданное в процессе русской революции. В связи с этим изменением условий задачи создалась возможность *мирного развития социалистической революции*. Ленин подходит к этому заключению, исходя из строго научных предпосылок и четкой теоретической и методологической отправной точки, задавая вопрос, *что произошло с военно-бюрократической государственной машиной?* Это наиболее важный ориентир для Ленпна. Этот фактор служит для Маркса, Энгельса и Ленина *пробным камнем*, с по-

³ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 11, стр. 38.

мощью которого они определяют, по какому пути — вооруженному или мирному — будет развиваться революция.

В дальнейшем мы увидим, что и другие факторы входят в комплекс политических и социальных условий, которые должны учитываться при этом определении. Другими словами, они также являются частью метода, с помощью которого Ленин подходит к проблеме и решает ее. Но в своем анализе классики марксизма делают ударение на характере и структуре репрессивного аппарата государства.

Ответ Ленина не ограничивается, следовательно, тактическими рамками, он исходит из основных теоретических положений, сопоставляет их со своеобразным ходом революции в России и на основе обобщения разрабатывает стратегические и тактические выводы. Именно это мы надеемся показать с помощью сопоставления его выводов.

Поэтому Ленин, скрывающийся от преследования, Ленин — вождь партии, Ленин, который пишет почти ежедневно статьи, письма и директивы членам Центрального Комитета по поводу каждого тактического оттенка, неустанно пишет в Разливе книгу «Государство и революция». Это важнейшее произведение марксизма и по поводу государства и по поводу революции в их взаимной связи, в него включены выписанные из «Синей тетради»⁴ почти все значительные высказывания Маркса и Энгельса по этому вопросу. Дело в том, что марксистско-ленинская концепция *путей революции* является в значительной мере обратной стороной или, вернее, естественным выводом из марксистско-ленинской теории государства вообще и теории диктатуры пролетариата в частности.

Мы никогда не могли бы понять ленинскую стратегию и тактику с апреля по июль 1917 г. (*этап возможного мирного пути*) и их изменение после июля, исчер-

⁴ «Синяя тетрадь» содержит заметки, сделанные Лениным в Поронине и затем в Цюрихе по поводу высказываний Маркса и Энгельса о государстве. Именно эта тетрадь служила Ленину в Разливе основой для написания книги «Государство и революция».

ывающе объясненное Лениным в статье «К лозунгам»⁵, и тем более примечание к статье «О компромиссах»⁶, написанной 1 сентября, если бы не исходили из теоретических основ отношений между революцией и государством⁷.

Вот почему Маркс, а затем и Ленин придавали такое значение опыту Парижской Коммуны, показавшему, что социалистическая революция должна не только овладеть «военно-бюрократической государственной машиной», но и сломать ее.

3. ТАКТИЧЕСКИЕ ШАГИ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПРЕДВИДЕНИЕ

Обобщая этот опыт, Маркс и Ленин придают ему всемирно-исторический, т. е. *теоретический и методологический* характер. Поэтому проблема, носящая ныне специфическое название проблемы «*путей революции*», не может быть решена марксистом-ленинцем как простой тактический вопрос, зависящий в большей или меньшей степени от обстоятельств.

И если в конечном счете проблема должна конкретизироваться в плане непосредственных тактических шагов (применение или неприменение лозунга Учредительного собрания; изменение характера и практически снятие лозунга «*Вся власть Советам!*» и т. д. *стем, чтобы придать* этому лозунгу *реальность*, передав Советам подлинную власть), то определение пути революции тоже происходит в результате предварительного рассмотрения, как это случилось с большевиками в названном примере. И даже непредвиденные изменения, которые, с той или иной степенью вероятности, могут произойти, могут быть учтены и правильно оценены лишь в свете уже проделанного политико-теоре-

⁵ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 10.

⁶ Там же, стр. 133.

⁷ «Энгельс ставит... теоретически тот самый вопрос, который практически, наглядно и притом в масштабе массового действия ставит перед нами каждая великая революция, именно вопрос о взаимоотношении «особых» отрядов вооруженных людей и «самодействующей вооруженной организации населения». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 10—11.)

тического анализа, в свете стратегического предвидения, осуществленного на основе учета всего социально-исторического и институционального развития данного общества, его государственного устройства, расстановки классовых сил и борьбы между классами. Другими словами, даже учитывая возможность самых непредвиденных событий, более того, исключительных и случайных обстоятельств, революционная марксистско-ленинская партия обязана включить в свою стратегическую перспективу вопрос о пути завоевания власти, что конкретно выражается, в частности, в определении наиболее вероятного *пути* революции. Это предвидение может осуществляться, как мы уже указывали, лишь на основе учета более или менее постоянных социально-исторических данных, а не только политических.

Против этого взгляда приводятся иногда совершенно несостоятельные аргументы.

Например, утверждается, что определение путей революции никогда не занимало ведущего места в программных документах международного рабочего движения. Что же пытаются доказать с помощью столь ученой ссылки? Что марксизм не считает принципиальным вопросом определение того или иного пути революции? Кто же может утверждать обратное, не увязая в болоте идеализма?

Но можно задать и другой вопрос: сводил ли когда-либо марксизм эту проблему до эмпирического уровня? Разве был такой момент, когда он не определял наиболее вероятный способ осуществления революции?

И хотя мы ощущаем соблазн пойти по этой боковой тропе и заняться историческим исследованием того, *как и в какой степени* вопрос о «путях» фигурирует в программных документах международного рабочего движения *различных эпох*, мы предпочитаем идти по уже проложенной дороге: *в главных произведениях теоретического характера, так же как и в основных трудах о стратегии и тактическом руководстве партии, Маркс, Энгельс и Ленин дают нам ясные методологические указания о постановке вопроса и о его решении*, т. е. о том, как определить в связи с конкретными социально-историческими условиями *наиболее вероятный путь революции*

Историческая ссылка на программы приводится в упомянутом случае с явным намерением немного передернуть факты, рассматривая положение, которое можно, скажем, охарактеризовать так: *о неопределенности революционного пути во время неревлюционной ситуации*. И возможно, что с этой целью попытаются даже использовать слова Ленина, написанные им в 1899 г.:

«Вот почему программа «рабочего социализма» и говорит вообще о завоевании политической власти, **не определяя** способа этого завоевания, ибо выбор этого способа зависит от будущего, которое с точностью мы определить не можем»⁸.

Эта статья Ленина направлена как раз против тех, кто хотел свести действия пролетариата к легальной деятельности при царском самодержавии; она была написана в то время, когда марксизм в России находился на этапе слияния социализма и рабочего движения, т. е. создания основ партии. Но даже в этом случае ссылка на Ленина не может служить аргументом против нашего мнения. Это легко доказать, приведя следующее высказывание Ленина:

«...редакторы «Раб. Мысли» относят к рабочему социализму только такой, который достигается мирным путем, исключая путь революционный. Это сужение социализма и сведение его к дюжинному буржуазному либерализму составляет опять-таки громадный шаг назад против взглядов всех русских и громаднейшего, подавляющего большинства европейских социал-демократов. *Рабочий класс предпочел бы, конечно, мирно взять в свои руки власть* (мы уже сказали раньше, что этот захват власти может быть произведен только организованным рабочим классом, прошедшим школу классовой борьбы), *но отказываться от революционного захвата власти было бы со стороны пролетариата, и с теоретической и с практическо-политической точки зрения, безрассудством и означало бы лишь позорную уступку пред буржуазией и всеми имущими классами. Очень вероятно — даже наиболее вероятно — что бур-*

⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, стр. 264.

жуазия не сделает мирной уступки пролетариату, а прибегнет в решительный момент к защите своих привилегий насилем. Тогда рабочему классу не останется другого пути для осуществления своей цели, кроме революции. Вот почему программа...» (далее в тексте следует уже цитированное нами)⁹.

Очень вероятно, даже наиболее вероятно, пишет Ленин, правильный путь революции. Это было написано в 1899 году, но если мы заинтересуемся, что пишет Ленин спустя несколько лет, то прочтем следующее:

«Говорить надо, если вы хотите быть сторонником революции, о том, необходимо ли восстание для победы революции. Уклоняясь от вопроса о необходимости восстания, г. Струве выражает этим глубочайшую подоплеку политической позиции либеральной буржуазии»¹⁰.

Это было написано в книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции», но все мы знаем, что важнейшие положения этого произведения (гегемония пролетариата, движущие силы, вооруженное восстание как путь и временное правительство — революционная диктатура рабочих и крестьян) относятся прежде всего к области стратегии, если мы будем употреблять современную марксистско-ленинскую терминологию.

Верно, что за те пять или шесть лет, что отделяют эти два труда Ленина, назревала русская революция и работа «Две тактики социал-демократии в демократической революции» была написана в разгар революции 1905 года. Однако с исторической точки зрения было бы неправильно утверждать, что Ленин говорил так о пути потому, что находился непосредственно перед *штурмом власти*. И это не какое-либо толкование; сам Ленин писал буквально следующее:

«Хотите ли вы пояснения этой разницы между вульгарным революционизмом и хвостизмом революционеров на истории социал-демократического движения

⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, стр. 264. Ленин употребляет в этом случае слово «революция» как синоним «вооруженной революции».

¹⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 11, стр. 58.

в России? Мы вам дадим такое пояснение. *Припомните 1901—1902 годы, которые миновали так недавно и которые кажутся уже нам теперь каким-то отдаленным преданием.* Начались демонстрации. Вульгарный революционеризм *поднял крик о «штурме»... выпускались «кровавые листки»... нападали на «литературищину» и кабинетный характер идеи всероссийской агитации посредством газеты... Хвостизм... выступал тогда, наоборот, с проповедью, что «экономическая борьба есть лучшее средство для политической агитации».* Как держалась революционная социал-демократия? [т. е. какова была позиция Ленина. — *Р. А.*] «Она нападала на оба эти течения. Она осуждала *вспышкопускательство и крики о штурме*, ибо все ясно видели или должны были видеть, что открытое массовое выступление есть дело завтрашнего дня. Она осуждала хвостизм и выставляла *прямо лозунг даже всенародного вооруженного восстания*, не в смысле *прямого призыва... а в смысле необходимого вывода, в смысле «пропаганды»... в смысле подготовки тех именно «социально-психических условий»* [революции.—*Р. А.*]. «Тогда пропаганда и агитация... действительно выдвигались объективным положением вещей на первый план. Тогда оселком работы по подготовке восстания могла выставляться (и выставлялась в «Что делать?») работа над общерусской политической газетой... Тогда лозунги: массовая агитация *вместо непосредственных вооруженных выступлений*, подготовка *социально-психических условий восстания вместо вспышкопускательства* — были единственно правильными лозунгами революционной социал-демократии. *Теперь эти лозунги превзойдены событиями!..»*¹¹

4. МЕНЯЕТСЯ СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ РАЗЛИЧНЫМИ СПОСОБАМИ БОРЬБЫ

Эта цитата из книги Ленина особенно богата концепциями и выводами, связанными со стратегией и тактикой. Мы вернемся к ней, когда будем рассматривать

¹¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 59—60.

другие стороны этого вопроса (например, взаимосвязь между понятиями *пути революции, революционные моменты и время* взятия власти).

Сейчас мы сделаем на основании этой цитаты некоторые выводы, подтверждающие наше мнение.

Ленин предусматривает путь вооруженного восстания в качестве пути для свержения царского самодержавия: а) он делает это, когда *еще* нет конкретных условий для *штурма власти*, в период, который он называет *подготовительным* (т. е. в те исторические моменты, «когда открытого политического выступления масс нет, а его никакие путчи не заменят и искусственно не вызовут»¹²). В такие периоды, говорит Ленин, «слово тоже есть дело», т. е. агитация и пропаганда имеют глубоко революционный характер; б) Ленин не только *предусматривает* путь — и это подтверждает еще раз, что его метод противоположен всяким эмпирическим и прагматическим вывертам, — но даже защищает лозунг «*вооруженного восстания*» не «в смысле *прямого призыва...* а в смысле *необходимого вывода*» (т. е. предвидимого развития событий в соответствии с объективными факторами, вытекающими из исторически рассматриваемой социально-политической действительности) и в смысле «пропаганды» (т. е. как часть субъективной подготовки масс и перспективы, стоящей перед кадрами революционеров). Это означает, что в *подготовительный* период (мы употребляем в качестве эквивалента другую категорию, также использовавшуюся классиками марксизма-ленинизма: период *накопления сил*), длившийся в тогдашней России несколько лет. Ленин не только предусматривал путь вооруженного восстания, но и отстаивал его как в борьбе против хвостизма, принижающего революционные цели пролетариата и отказывающегося, в частности, ставить вопрос о путях революции, так и против вульгарного революционаризма (вспышкопускательского и авантюристического), который зовет «на штурм» при любых обстоятельствах, в любое время и всюду и нелепо принижает значение агитации и пропаганды в подготовительные периоды.

¹² В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 14, стр. 59.

Ленин показывает, что меняется в соответствии с тактическим моментом *не путь* («необходимый вывод» о развитии революции), а *соотношение между различными способами борьбы*: одна постановка вопроса (вооруженное восстание «в смысле пропаганды») относится к 1902—1903 гг., когда на первом плане нахолятся агитация и пропаганда; другая—к июню—июлю 1905 г. (первым пунктом повестки дня является *организация вооруженного восстания*).

Даже самый ловкий жонглер понятиями не сможет утверждать, если будет основываться на этих цитатах, что Ленин *отождествляет* марксистские понятия *пути и способов борьбы*, хотя, разумеется, между ними существует тесная диалектическая взаимосвязь. Уже ставя вопрос о *пути* вооруженного восстания как части своей стратегической концепции, Ленин видит в своей книге «Что делать?» главную непосредственную задачу в очень скромной по виду «...работе над общерусской политической газетой, еженедельный выпуск которой казался идеалом»¹³.

Но, кроме того, при внимательном чтении книги Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции» легко заметить, что в своем главном выводе о демократической революции и о ее потенциальном превращении в социалистическую он *объединяет* (речь идет о сочетании взаимосвязанных вопросов) *определение характера революции и ее движущих сил, роль пролетариата как гегемона и путь, т. е. вооруженное восстание, которое позволит создать революционное временное правительство* (революционно-демократическую диктатуру рабочих и крестьян). *Мирное развитие* означало следующее: соглашение между буржуазией и царизмом, бессильный парламент (подобный франкфуртскому) и эволюция по буржуазному пути при сохранении царя и прежних учреждений для использования их против пролетариата и деревенской бедноты (отсюда важность создания республики для пролетариата, т. е. разрушения старого аппарата самодержавия и дальнейшего развития революции). *Определение пути было, следовательно, неотъемлемой частью общей стра-*

¹³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 11, стр. 10.

тегии революции, которую Ленин наметил не только на основе объективных данных, но также и исходя из *стремления партии*, стоящей во главе пролетариата и народных масс, придать данный курс событиям и *«научить чему-нибудь революцию»*.

Нам кажется, что, не усвоив стратегической концепции Ленина, изложенной в книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции», трудно, если не невозможно, понять повороты политики большевиков с апреля по июль и с июля по октябрь 1917 г.

Приведенные примеры подтверждают такую постановку вопроса — менее грубую, — когда в открытой или замаскированной форме пытаются утверждать, что марксистско-ленинский авангард может определить путь лишь в зависимости только от революционной ситуации. Утверждается: Маркс, Энгельс и Ленин тоже поступали таким образом, а развитие русской революции с февраля по октябрь показывает, что *«необходимо готовиться к любому пути»*, ибо возможности могут быть *двойки*. Даже если эта формулировка может применяться в международном плане, поскольку она имеет наиболее общий характер и позволяет подчеркнуть новые возможности нашей эпохи, дело обстоит по-прежнему, когда мы говорим о конкретной ситуации в какой-либо стране или районе мира. К тому же даже с точки зрения логического мышления трудно представить себе ситуацию с возможной двойкостью путей. Мы, правда, не будем отрицать, что такая оригинальная возможность может иногда представиться, но, видимо, лишь на короткое время, например в период неустойчивого равновесия между силами революции и контрреволюции и в конечном счете как один из вариантов, возникающий в результате не поддающихся учету обстоятельств, той схемы пути развития — вооруженного или невооруженного, — которая предусматривалась авангардом, но претерпела в действительности естественные изменения в результате процесса с участием масс.

Ссылки на классиков не помогают тем, кто пытается руководствоваться такой перспективой. То же можно сказать и о так называемых исторических аналогиях, например о развитии русской революции в течение

1917 года, и о ссылках на Маркса и Энгельса и на некоторые их обусловленные эпохой формулировки *о путях*¹⁴. Во-первых, потому что они исходили из общей перспективы вооруженного восстания в Европе; во-вторых, потому что их высказывания являются предупреждением против возведения в абсолют возможного мирного пути в Англии и других местах. Для марксиста, исходящего из принципов классовой борьбы, т. е. считающего при всяких обстоятельствах, что эксплуататоры не передадут добровольно власть, вполне естественно предупреждать против абсолютных формулировок о так называемом мирном пути, что не является столь же обязательным в обратном случае. Абсолютизированная постановка вопроса всегда противоречит марксистской диалектике, но во всем «относительном» есть часть *абсолютного*¹⁵, о чем забывают сторонники стратегической неопределенности в вопросе о путях, скатываясь либо к релятивизму, либо к софистике.

К тому же положение о том, что путь революции можно предвидеть лишь при приближении «революционной ситуации» или когда она уже наступит, приводит к сближению и почти отождествлению понятий *путь революции* и *«штурм власти»*. Эта путаница приводит к браку по расчету между теми, кто занимает левые позиции в этом вопросе, и теми, кто занимает правые позиции (см. по этому поводу тот раздел статьи Ленина «*Оппортунизм и крах II Интернационала*», где он полемизирует с Аксельродом)¹⁶.

¹⁴ Например, в знаменитом предисловии Энгельса от 5 ноября 1866 г. к английскому изданию «Капитала» сказано: «Несомненно, что в такой момент должен быть услышан голос человека, теория которого представляет собой результат длившегося всю его жизнь изучения экономической истории и положения Англии, голос человека, которого это изучение привело к выводу, что, по крайней мере в Европе, Англия является единственной страной, где неизбежная социальная революция может быть осуществлена всецело мирными и легальными средствами. Конечно, при этом он никогда не забывал прибавить, что вряд ли можно ожидать, чтобы господствующие классы Англии подчинились этой мирной и легальной революции без «бунта в защиту рабства»». (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 34.)

¹⁵ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 328.

¹⁶ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 124—125.

5. НЕ ВОЗВОДИТЬ ИСКЛЮЧЕНИЯ В ПРАВИЛО

Таким образом, ссылки на работы и исторические параллели доказывают обратное. Маркс, Энгельс и Ленин всегда предвидели один вероятный путь социалистической революции, ставя эту гипотезу в зависимость от социально-исторического и политического процесса, от исторических законов развития капитализма вообще и учитывая существование некоторых возможных исключений в различных странах в соответствии с конкретным анализом их политического и государственного развития. Но они никогда не превращали этот вопрос в своего рода улыбку сфинкса или в исчерпывающий ответ богов.

Мы надеемся доказать это с помощью частого сравнения цитируемых текстов, хотя оно и делает более странном наше изложение. Опыт Ленина и большевиков также не ведет, как это иногда утверждают, к выводу о *равноценности* возможных путей, а как раз наоборот. Постараемся доказать это также с помощью точных ссылок.

Наконец используются документы международного коммунистического движения — Декларация 1957 г. и Заявление 1960 г. (оба документа говорят одно и то же по этому поводу) с тем, чтобы сделать ошибочные выводы:

1. Говорят — раз в этих документах утверждается, что партии *должны готовиться ко всем возможным путям*, — теоретико-политические (и, в частности, стратегические) обязанности каждой партии какой-либо страны, района или континента сводятся к простому повторению этого положения, в то время как на самом деле эти документы носят общий и международный характер, т. е. в них говорится как о Финляндии, так и о Гватемале или других странах Латинской Америки.

2. В этих документах говорится о новых задачах и возможностях, связанных с развитием нашей эпохи, эпохи социализма, и в частности ее нынешнего этапа, этапа могучего влияния системы социалистических государств и изменения международного соотношения

сил между противоположными социальными системами, в том числе и *расширения возможности мирного перехода в некоторых странах*. Из этого правильного положения делается вывод, который заставил бы умереть от зависти самого закоренелого метафизика: так называемый *мирный путь* возводится в характерную черту — главный закон или тенденцию — революционного развития второй половины XX века. Провозглашают даже, что под благотворным влиянием социализма, солища нашей эпохи, более сильным, чем любые другие факторы, в Латинской Америке произрастут с тропической пышностью цветы мирного развития! Основные тенденции эпохи поглотят, таким образом, внутренние противоречия и возможную империалистическую интервенцию... *Мирный путь становится, таким образом, всеобщей возможностью, а вооруженный путь лишь частным случаем!* Так было передернуто положение Ленина об империалистической эпохе, в которой «насильственная революция» является «всеобщим правилом». Значение всех остальных выводов, которые отражают основные тенденции определенной эпохи и входят в метод Ленина при определении путей (например, о военно-бюрократической структуре, о политических и государственных особенностях, о географическом местоположении и т. д.), таким образом, сводится до минимума особенностями развития эпохи, влиянием наиболее общих факторов исторических изменений и мирными возможностями, возникшими в международных отношениях и в национальном масштабе. Все к лучшему, как сказал бы знаменитый герой Вольтера, в этом лучшем из миров!

3. Положение указанных международных документов применяется иногда взамен анализа конкретной обстановки в определенной стране или районе. Таким образом, не определяют возможный путь революции, а лишь используют формулировку, которая лишается вследствие этого жизненного содержания, забывают, что в действительности *общее* может существовать «*лишь в отдельном, через отдельное*»¹⁷.

¹⁷ В. И Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 318.

В других случаях это положение используется как полное изложение возможностей, как уже законченный, не подлежащий изменению список вероятных случаев.

Исходя из всех этих соображений, мы должны обратиться к тому, как рассматривали эту проблему Маркс, Энгельс и Ленин, чтобы понять их *методологию и рассмотреть опыт ее применения.*

И пусть нам не говорят, что на этом пути нам могут встретиться призраки догматизма, не исчезнувшие еще в должной мере из международного рабочего и революционного движения. Все вероятно, когда мировая обстановка чревата столькими неизведанными возможностями. Хотя, по правде говоря, не только эти призраки бродят на свободе по миру...

Кроме того, мы не надеемся открыть у Маркса и Ленина заповедей закона божьего, способных уберечь нас от соблазнов и опасностей. Но мы не считаем и того, что границы, отделяющие догматизм от ревизионизма, являются очень четкими. Не будем забывать, что в свое время самые педантичные и чванливые теоретики II Интернационала сумели объединить догматизм и ревизионизм в своей борьбе против Ленина, т. е. против современного понимания международной социалистической революции!

Нам известны случаи, когда догматизм превращал ссылки на учение классиков и искусственные исторические аналогии в святые мощи. В то же время мы знаем и не хотим забывать, что путь ревизионизма всегда отмечен ссылками на *новые* обстоятельства, которыми пользуются для того, чтобы порывать с принципами и отказываться от подлинно творческого подхода или принижать марксистскую методологию, заменяя ее почти скептическим релятивизмом, либо близоруким эмпиризмом, либо неопозитивизмом, эклектизмом и софистикой. Вместо того чтобы изучать меняющиеся социально-политические обстоятельства на основе теории и применения марксистско-ленинского метода, акцентировали свое внимание на самих явлениях, не понимая их сущности: в теоретическом плане это привело к непониманию законов социально-исторического развития, к непониманию наиболее глубоких процессов и основ-

ных этапов развития; в области практики это свело теоретические положения (которые дают компас и перспективу революционной борьбе и в сочетании с объективной действительностью служат основой для стратегии) до нужд *определения политики на ближайший период времени*.

И если зачастую догматизм приводит к поглощению тактики во имя общих теоретических положений — картина, столь свойственная детской болезни «левиэны», — то правый оппортунизм почти всегда принижает теорию до уровня тактики. Даже некоторые действия или высказывания, возможно необходимые по тактическим соображениям в связи с преходящими политическими условиями, которыми не всегда можно пренебрегать, будучи облачены в пышные одежды «теоретического осмысливания», — возведенные даже в ранг теоретических положений! — представляют собой лазейку для реформизма.

6. ТВОРЧЕСКИ РАЗВИВАТЬ ТЕОРИЮ, НЕИЗМЕННО СОХРАНЯЯ ВЕРНОСТЬ ПРИНЦИПАМ

С тем большим основанием мы обратимся к основным работам Маркса, Энгельса и Ленина, чтобы разобраться в интересующей нас теме. Мы не ожидаем найти у них ни ответы на все вопросы, которые выдвигает развитие революции на нашей планете, ни цветные стекла для того, чтобы приспособить наше зрение к действительности, «которая всегда зеленее любой теории». Мы хотим показать еще раз творческие возможности марксизма-ленинизма, подчеркнуть пригодность его метода — как руководства — для анализа великих проблем рождающейся истории. В этом состоит наше отличие, помимо других теоретических соображений, от эмпириков и прагматиков.

В конце концов нас не пугает даже возможность оказаться в положении людей, ломящихся в открытые двери. Это было бы смешным жестом, если бы мы претендовали на оригинальность, но представляет собой полезное дело, если рассматривать его с точки зрения целей популяризации. А в данном случае популяризация слу-

жит защите теоретических и методологических принципов.

Помимо этого, мы не должны удивляться, если при изучении положений Маркса, Энгельса и Ленина мы встретимся с тенденциями, образом мышления и аргументами, которые были сурово раскритикованы ими же и которые вновь появляются ныне под видом «самых передовых идей нашего времени». Дело в том, что победа марксизма-ленинизма — как теории и практики революции и построения нового, социалистического общества — сопровождается буйным расцветом различных возродившихся форм классических уклонов как вправо, так и «влево». Что только не делается под прикрытием клятв о верности марксизму! Одни призывают к его «святому имени» и сводят его до уровня хранилища цитат, которые история обязана осуществлять до малейших деталей, другие «развивают» марксизм так, что он становится неузнаваем. На деле же они заимствуют старые логические выверты и уловки, которые прежний ревизионизм использовал против Ленина.

Социальная причина этого идеологического и политического явления заключается, как бы парадоксально это ни звучало, в самой грандиозности современной революции. С одной стороны, благодаря своей широте и глубине социалистическая революция выдвигает *исподволь* и беспрестанно новые проблемы. С другой стороны, она осуществляется и развивается в международном плане как сочетание пролетарской революции и революционного подъема различных социальных классов и слоев, угнетенных империализмом. Ареной революции является уже не тот или иной континент, а весь земной шар. В международный идеологический тигель зримо и бурно врываються наряду с пролетарскими воззрениями противоречивые взгляды непролетарских слоев общества, поднявшихся против империалистического капитализма. Субъективно воспринимая социализм, они хотят слить свои взгляды с марксизмом-ленинизмом, вместо того чтобы усвоить его. Нам кажется также, что в некоторых кругах нашего коммунистического движения повторяется ошибка «приспособления» нашей методологии к потребностям случайных, почти эпизодиче-

ских событий. А это нежелательный путь. Подобная ошибка является, может быть, отражением драматического противоречия, заключающегося в следующем: наша эпоха, начиная с октября 1917 г., поставила в повестку дня вопрос о власти как задачу международного масштаба; на нынешнем этапе развития социалистической революции, ускорения национально-освободительных, демократических и других революций, когда углубляется кризис капиталистической системы со всеми особенностями, присущими его третьему этапу, международные перспективы «ускоренного»¹⁸ исторического процесса вступают в противоречие с конкретным «отставанием» той или иной страны или района, при котором партия рабочего класса находится в иных условиях—в условиях «отставания», когда национальные особенности, вызванные теми или иными социально-историческими факторами, не позволяют предвидеть значительных перемен. Другими словами, *уровень возможностей некоторых частей нашего движения, являющихся реальными политическими силами, не позволяет им ставить конкретно в национальном масштабе революционные задачи, стоящие первым пунктом повестки дня в международном плане.* И в этом случае делается попытка преодолеть это противоречие путем перемещения тактических формулировок в сферы, принадлежащие исключительно теоретическим положениям. И тогда случается, что вместе с водой выплескивают и ребенка. Маркс сказал однажды, что «каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ»¹⁹, но он имел в виду необходимость *начинать борьбу*, пользуясь хотя бы ограниченной «программой действий», если определенные принципиальные формулировки превратятся в препятствие для единого боевого фронта. Однако он специально предупреждал против «торгашества принципами»²⁰.

Все эти соображения заставляют творчески развивать бессмертное учение Маркса, Энгельса и Ленина.

¹⁸ Используя это слово в том смысле, в каком Ленин подчеркивает факторы «ускорения» исторического процесса.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 22.

²⁰ Там же, стр. 12.

После XX съезда КПСС эта задача ставится весьма настоятельно, хотя не менее важно защищать главную сущность их теоретических воззрений, неотделимых от их метода, дабы не впасть в ту или иную форму ревизионизма. Поэтому мы рискнули прибегнуть к систематическому и утомительному изложению цитат относительно использования марксистско-ленинского метода при определении *пути революции*.

Классики марксизма-ленинизма неоднократно высказывались по этому поводу, и не от случая к случаю, а в своих основных трудах. Им приходилось много раз возвращаться к рассмотрению этого вопроса во всех его теоретических, политических, организационных и даже технических аспектах.

Спустя более века после появления «Манифеста Коммунистической партии» их высказывания по этому вопросу представляют собой существенную часть теоретической сокровищницы международного рабочего и коммунистического движения. Они прошли испытание на опыте рабочего класса и народов в самую революционную эпоху всех времен. Они составляют значительную часть содержания замечательной и поучительной эпопеи, связывающей все формы мирового освободительного движения с социалистической революцией.

В этом направлении прошли революции различного типа и характера (демократические, аграрные, антиимпериалистические, социалистические и т. д. либо сочетавшие различные виды освободительной борьбы), обогатившие имеющийся опыт новыми возможностями. Мы располагаем достаточным материалом для того, чтобы не сомневаться *в действительности марксистско-ленинских положений, в их методологической ценности, в сохранении их как руководства для исследования как в первоначальном анализе, так и в последующих обобщениях. Можно прекрасно определить и способ, с помощью которого Маркс, Энгельс и Ленин ставят и решают эту проблему, или, что то же самое, с помощью каких необходимых, обязательных данных они отвечали на этот вопрос.*

II. МЕТОД МАРКСА И ЛЕНИНА ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПУТЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

...вопрос о власти есть коренной вопрос всякой революции.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 10.

1. ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Согласно учению Маркса и Энгельса, переход от одной социальной формации к другой — в обществах, разделенных на антагонистические социальные классы, — может осуществляться только путем социальной революции.

Когда эксплуатируемые классы, указывает Энгельс, не способны сломать устаревший угнетательский строй, может наступить период длительного социального разложения (так обстояло дело с рабовладельческим строем и с переходом к феодализму).

Маркс и Энгельс показывают основное противоречие капиталистического строя. С одной стороны, производство концентрируется и принимает все более общественный характер; с другой стороны, крайне усиливается частная собственность на орудия и средства производства. В социальном плане антагонизм выражается в острой борьбе между современным пролетариатом и буржуазией, основными классами капитализма. Это непримиримая борьба, порожденная объективными законами капиталистической социальной эволюции и развивающаяся на их основе, борьба, которая неизбежно закончится социалистической революцией.

Историческая миссия рабочего класса естественно вытекает из объективных законов социального развития, из внутренней диалектики развития капитализма¹.

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 449—459.

Пролетариат, связанный с самыми современными формами производства, с крупной промышленностью, является единственным классом, который постоянно растет численно и который все больше и больше концентрируется на крупных предприятиях. Пролетариат, по их положению наемных рабочих, нечего терять, кроме цепей капиталистического рабства, а между тем им предстоит завоевать весь мир. Освобождаясь, рабочий класс освобождает одновременно все другие классы или социальные слои, угнетенные капитализмом².

По существу, социалистическая революция есть действие рабочего класса, выступающего во главе всех эксплуатируемых и угнетенных, всего народа, который свергает власть капиталистов и устанавливает новую власть, диктатуру пролетариата, делая общей или общественной собственностью основные средства производства. Эти акты, которые означают устранение экономических основ классового угнетения и причины существования антагонистических социальных классов, расчищают путь для строительства коммунизма, первой фазой которого является социалистическое общество.

Эта революция является сегодня эпицентром гигантских преобразований, характерных для нашей эпохи. С октября 1917 г. прошло уже более 50 лет, сейчас создана мировая социалистическая система, идеи Маркса и Ленина проявляются во всех революциях нашего времени, они влияют на все идеологические движения.

Антиколониальная борьба сотен миллионов людей, борьба за демократию вообще, социальные выступления и протесты, вырастающие на почве капиталистической системы, чреватой всеобщим кризисом, тем или иным образом вливаются в основной поток социалистической революции. Международная победа социализма превратилась в практическую задачу нынешних поколений.

В условиях этих социальных потрясений происходит еще не виданная по своему размаху научно-техническая революция. Ее достижения как бы предвещают

² См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 419—459

бескопечные возможности, открывающиеся перед коммунистическим миром будущего.

Однако в ближайшем будущем нам предстоят жестокие и решающие бои. История ускоряет свою поступь, наука совершает чудеса; но основные истины марксизма-ленинизма сегодня, как и прежде, и с еще большей ясностью, чем прежде, указывают на путь революции. И среди этих истин особенно действенны положения, уже высказанные в «Манифесте Коммунистической партии» относительно превращения пролетариата в господствующий класс и характера социалистического переворота.

Жизнь подтвердила — с четкостью, не имеющей равных в истории идей, — правильность научных предвидений «Манифеста Коммунистической партии», придающих ему ту воздушную прочность, которая производит столь большое впечатление в греческих колоннах.

В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс выдвигают два тезиса, которые они же сами развили позже, после того как накопили опыт европейского революционного движения с 1848 г. до Парижской Коммуны.

Мы считаем обязательным исходить из этих понятий, предпринимая попытку марксистского подхода к неоднократно освещавшейся теме «путей».

Первый тезис относится к характеру новой власти, которую должен будет установить пролетариат³: упомянутый европейский опыт позволил Марксу и Энгельсу дополнить свою теорию государства и диктатуры пролетариата и рассмотреть отношения между диктатурой пролетариата и революцией.

Второй тезис касается отношений между путями революции и структурой государственного аппарата; при изучении изменений машины буржуазного государства в течение XIX века Маркс и Энгельс окончательно раскрывают теоретическую суть всего вопроса.

³ «Мы видели уже выше, что первым шагом в рабочей революции является превращение» (буквально — возведение) «пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии». (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 446.)

В «Манифесте Коммунистической партии»⁴ эти тезисы только еще провозглашаются; видно, что это еще семя, а не взрослое дерево, изобилующее плодами.

Ленин подчеркивает, что в первом понятии — *превращение пролетариата в господствующий класс* — вырисовывается одна из «самых замечательных и важнейших идей марксизма» по отношению к государству, идея о диктатуре пролетариата⁵.

Впоследствии в ряде своих важнейших работ Маркс и Энгельс часто упоминают диктатуру пролетариата, характеризуя таким образом *содержание* государства переходного периода между капитализмом и коммунизмом. Маркс даже подчеркивает в знаменитом и часто цитируемом письме Вейдемейеру⁶, что эта идея — неотделимая от тезиса относительно всемирно-исторической миссии современного пролетариата — является главной отличительной частью его учения.

Поскольку известное положение Маркса из «Критики Готской программы» представляет собой определение программного значения, то имеет смысл привести его здесь:

«Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения

⁴ «Описывая наиболее общие фазы развития пролетариата, мы прослеживали более или менее прикрытую гражданскую войну внутри существующего общества вплоть до того пункта, когда она превращается в открытую революцию, и пролетариат основывает свое господство посредством насильственного низвержения буржуазии». (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 435.)

⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 24.

⁶ «Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов». (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 28, стр. 424—427.)

первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*»⁷.

Как напоминает Ленин, только после Парижской Коммуны Маркс и Энгельс прибегают к этому определению государства, возникающего в результате социалистической революции. Однако в скрытом виде это понятие содержится в их предыдущих произведениях. В частности, положения об отношениях между революцией и государством они разрабатывали в период с 1848 по 1851 г., ибо, хотя в «Манифесте Коммунистической партии» и в работе «Нищета философии»⁸ государство выступает как выражение классовой борьбы, а конкретнее как аппарат господства одного класса над другим и эта идея дополняется идеей необходимой насильственной революции пролетариата, было бы неточно утверждать, что марксистская теория государства родилась законченной, совершенной, во всеоружии, как Афина из головы Зевса, если употребить сравнение, к которому любят прибегать классики.

Период от появления «Манифеста Коммунистической партии» до написания работ «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884) и «Анти-Дюринг» (1878) — время всестороннего творческого совершенствования марксизма. В этих последних работах Энгельс излагает марксизм в законченном виде, он исторически рассматривает в них зарождение и развитие государства и предвидит его отмирание на высшей стадии коммунистического общества.

2. «ОБОБЩЕНИЕ ОПЫТА», ОСВЕЩЕННОЕ ГЛУБОКИМ ФИЛОСОФСКИМ МИРОСОЗЕРЦАНИЕМ...

Столь обширная задача требует для своего осуществления большого опыта. Только этот опыт может про-

⁷ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 27.

⁸ В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс также неоднократно упоминали о природе государства. (См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3.)

вернуть все гипотезы, подвергнуть логическую дедукцию освежающей критике практики. Европа в бурные 1848—1851 гг. была сценой и действующим лицом этого эксперимента. В этот период у Маркса и Энгельса созревают идеи, которые будут в дальнейшем пополнены замечательным опытом восставшего Парижа 1871 г. Главные дополнения теории государства в связи с революцией и ее путями обязаны своим появлением этой почве, вспаханной великими социальными потрясениями XIX века.

Ясно, почему Ленин привлекает наше внимание к эволюции марксистских идей по данному вопросу с 1848 по 1852 г. Из трудов Маркса и Энгельса в тот период в области истории, социологии, политической экономики и революционной политики Ленин извлекает чистое золото теории, методологическое руководство для всестороннего объяснения отношений между государством и революцией.

«Если государство есть продукт непримиримости классовых противоречий, если оно есть сила, стоящая над обществом и «все более и более отчуждающая себя от общества», то ясно, что освобождение угнетенного класса невозможно не только без насильственной революции, но и без уничтожения... аппарата государственной власти...»⁹

Ленин показывает нам творческую работу Маркса. Он показывает лабораторию ученого, где опыт, бурлящий в ретортах европейской революции, превращается в новые теоретические обобщения. Руководством для него служит обширная цитата из Маркса об изменениях, происшедших за это время в структуре буржуазного государства. Это отрывок из работы «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»¹⁰.

Маркс описывает, как современное буржуазное государство полностью формируется за период от заката феодализма до создания буржуазной Франции; его выковывают удары классовой борьбы в ходе революций и государственно-политических кризисов в Европе.

⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 8.

¹⁰ Там же, стр. 27.

В этот период получает окончательные очертания буржуазная государственная машина (то, что и является, собственно говоря, государством в соответствии с марксизмом)¹¹ с ее главными учреждениями, *бюрократией* и *армией*, которые потом укреплялись и чрезмерно раздувались. «*Эта исполнительная власть с ее громадной бюрократической и военной организацией, с ее многосложной и искусственной государственной машиной... этот ужасный организм-паразит... возник в эпоху абсолютной монархии...*»—пишет Маркс. (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 205—206.) «Первая французская революция развила централизацию, „но вместе с тем расширила объем, атрибуты и число пособников правительственной власти”». Наполеон завершил создание этой государственной машины. Последующие монархии продолжали эту работу; парламентарная республика усилила централизацию власти и меры репрессии, чтобы бороться против новой революции, зарождавшейся в недрах буржуазного общества.

В результате этого анализа Маркс формулирует вывод, который Ленин подчеркивает благодаря его теоретическому и стратегическому значению для пролетарской революции; в этом выводе сочетаются, как части единого целого, *учение о государстве диктатуры пролетариата и метод, позволяющий определить, каким будет основной путь социалистической революции:*

«Все перевороты совершенствовали эту машину вместо того, чтобы сломать ее»¹².

Ленин добавляет следующий комментарий, который не допускает двойного толкования:

«*Этот вывод есть главное, основное учение марксизма о государстве*»¹³.

Маркс разработал эти тезисы, не допуская никакого доктринерства, никакого догматического толкования. Ленин подчеркивает это: Верный своей философии дп-

¹¹ Следует перечитать приложение к работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» В. И. Ленина, посвященное Вандервельде. (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 332.)

¹² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 28.

¹³ Там же.

алектического материализма, Маркс берет в основу конкретную историю всего этого периода, ставя вопрос о том, как исторически возникла машина буржуазного государства, какие изменения она претерпела и какие задачи стоят перед пролетариатом по отношению к этому государственному аппарату. *«Учение Маркса и здесь — как и всегда, — говорит Ленин, — есть освещенное глубоким философским мирозерцанием и богатым знанием истории подытожение опыта»*¹⁴.

Отмечая, что таков метод Маркса, Ленин формулирует вопрос принципиального характера; ответ на него проводит грань между частным и исключительным, свойственным тогдашней Франции, и тем, что должно быть обобщено, то есть тем, что приобретает теоретическое значение и что поэтому мы должны считать методологической предпосылкой для всякого анализа.

*«...Правильным ли, — говорит он, — является обобщение опыта, наблюдений и заключений Маркса, перенесение их на пределы более широкие, чем история Франции за три года, 1848—1851 годы?»*¹⁵.

Вчитайтесь как следует — «обобщение опыта», то есть *поднятие* его до уровня общего положения, придание ему теоретического характера, значения методологического руководства. Иными словами: в будущем нельзя будет с марксистской точки зрения отвечать на вопрос об основных или вероятных путях революции, не проведя анализа роли, выполняемой военно-бюрократической государственной машиной, хотя это и не единственное неизвестное, которое нам нужно узнать, и история может дать нам какой-нибудь непредвиденный, то есть исключительный, вариант или альтернативу.

Ленин утвердительно отвечает на вопрос, который он сам начал теоретическим зарядом. Во всех «передовых странах» в конце XIX и в начале XX века повторяется процесс «усовершенствования и укрепления», усиления и концентрации *исполнительной власти*, ее военно-бюрократического аппарата. Я подчеркиваю

¹⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 29.

¹⁵ Там же, стр. 31.

правовое, юридическое выражение — *исполнительная власть*, которым пользуются Маркс и Ленин, чтобы показать, где проходит ось марксистского определения государства в его связи с революцией. Энгельс тоже подчеркивает эту центральную роль *исполнительной власти* в буржуазном государстве в своих критических комментариях к Эрфуртской программе, как мы в дальнейшем увидим.

Это общие черты *«всей новейшей эволюции капиталистических государств вообще»*.

Франция представляла собой, таким образом, как бы тип буржуазного государства со всеми репрессивными чертами, для него характерными и сложившимися как в странах, где государство принимает монархическую форму, так и в парламентских республиках.

Четкость классового противоборства, которая отличала в то время Францию¹⁶, предвосхищает тот образ современного государства, которое впоследствии, на империалистической фазе, приобрело чудовищный характер вплоть до крайних форм, которых Ленину уже не пришлось знать, — гитлеровская машина и государство гипертрофированного милитаризма в США, являющиеся особыми формами государственно-монополистического капитализма.

В конечном счете основная часть книги «Государство и революция», отличающаяся полемическим характером, посвящена тому, чтобы восстановить марксистское учение о государстве и доказать, что современ-

¹⁶ «Франция — та страна, в которой историческая классовая борьба больше, чем в других странах, доходила каждый раз до решительного конца. Во Франции в наиболее резких очертаниях выковывались те меняющиеся политические формы, внутри которых двигалась эта классовая борьба и в которых находили свое выражение ее результаты. Средоточие феодализма в средние века, образцовая страна единообразной сословной монархии со времени Репессапа, Франция разгромила во время великой революции феодализм и основала чистое господство буржуазии с такой классической ясностью, как ни одна другая европейская страна. И борьба поднимающего голову пролетариата против господствующей буржуазии тоже выступает здесь в такой острой форме, которая другим странам неизвестна». (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 258—259.)

ное буржуазное государство заставляет пролетарскую революцию сломать военно-бюрократическую машину¹⁷ — что возможно «как общее правило» только путем «насильственной революции» — и установить диктатуру пролетариата.

«Учение Маркса и Энгельса о неизбежности насильственной революции относится к буржуазному государству. Оно смениться государством пролетарским (диктатурой пролетариата) не может путем «отмирания», а может, по общему правилу, лишь насильственной революцией»¹⁸.

3. ОБЩЕЕ ПРАВИЛО ВСЯКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ленин говорит не только о пролетарской революции, но также и о любой народной революции. Неужели он стал бы забывать «Две тактики социал-демократии в демократической революции» и многие другие свои работы?

С характерной для него глубиной анализа и с замечательной логикой и критичностью стиля Ленин подчеркивает следующее понятие, которое также связано с нашим изложением: «разрушение бюрократическо-военной государственной машины является „предварительным условием всякой действительно народной революции“»¹⁹.

Мы должны коснуться здесь как конкретного значения этого положения, так и примеров, которые использует Ленин:

а) это марксистское положение действительно для всякой революции, в которой активно участвуют прочайшие массы. Некоторые из недавних политических

¹⁷ Ленин напоминает, что Маркс и Энгельс в предисловии от 24 июня 1872 г. считают необходимым внести эту единственную «поправку» в «Манифест Коммунистической партии». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 36. См. также: письмо Маркса Кугельману от 12 апреля 1871 г., К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 33, стр. 172—173.)

¹⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 22.

¹⁹ Там же, стр. 38—39.

революций, которые привели к созданию ряда независимых национальных государств в Азии и Африке, произошли *мирным путем*, но не были *действительно народными*. И может быть, самое худшее из всех их нынешних затруднений состоит в том, что они не сломали старую репрессивную машину, частично унаследованную от колониального периода;

б) участие широких народных масс накладывает свой отпечаток на революционный процесс, «по-плебейски» сметает самые серьезные препятствия и, разрушая административный и репрессивный аппарат господствующих классов, подводит революцию к высшей фазе социального развития. В этих случаях политическая независимость и социальные перемены обязательно переплетаются. Ленин напоминает, что так не произошло во время португальской и турецкой буржуазных революций XX века, которые не были подлинно народными.

4. РЕЧЬ ИДЕТ О САМОЙ ВЕРОЯТНОЙ ФОРМЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРЕХОДА

Заметим, что в первой цитате Ленин пишет: *«по общему правилу, лишь насильственной революцией»*, т. е. он не отрицает, что в некоторых частных случаях процесс может протекать другим путем. Он сам был свидетелем возможности мирного развития социалистической революции в России, одновременной или почти одновременной, с созданием произведения, которое мы анализируем. И хотя за последнее время появились публицисты, историки и политики, которые стремятся убедить нас, что Ленин, видимо, с февраля до октября 1917 г. взвешивал в уме равные возможности путей русской социалистической революции, книга «Государство и революция» свидетельствует о другом. В ней помещены два предисловия — одно написано в августе 1917 г., другое — в декабре 1918 г. Но и в этих предисловиях Ленин не считал себя обязанным давать как-либо разъяснения этой своей мысли или ослаблять ее категорическую формулировку.

Конечно, Ленин предупреждает в другой, позднейшей работе, что *«Маркс не связывал себе... рук насчет форм, приемов, способов переворота»*²⁰. Всякая революция всегда вызывает «массу новых проблем», в том числе проблему, как изменится «обстановка» и как *«часто и сильно»* может она меняться «в ходе переворота». Он тоже «не связывает себе рук», поскольку пишет «по общему правилу»; однако Ленин исходит из предвидения пути революции, вытекающего из анализа объективных факторов, в частности способности господствующих классов воспрепятствовать с помощью насилия военно-бюрократической машины приходу к власти рабочего класса и народа. Ленин конкретизирует этот вопрос так, как мы уже упоминали:

«Энгельс ставит... теоретически тот самый вопрос, который практически, наглядно и притом в масштабе массового действия ставит... *каждая великая революция, именно вопрос о взаимоотношении «особых» отрядов вооруженных людей, и „самодействующей вооруженной организации населения“*»²¹.

В конечном счете в этой цитате содержится одно из самых важных методологических указаний о путях революции.

Ленин знает, что вооруженный путь революции (*насильственная революция*, как пишут и повторяют Маркс, Энгельс и он сам, во избежание полного отождествления этой категории с другой — средствами и формами борьбы) является не теоретическим принципом общего характера, а *главной формой, в которой будет осуществлен революционный переход*, и что эта форма соответствует конкретным социально-историческим условиям, порожденным капитализмом — в частности, остроте классовой борьбы, — в определенную эпоху и в определенной стране или районе мира.

И хотя общие теоретические принципы марксизма не являются символом веры или априорными категориями, которым должна подчиняться действительность, такой гениальный теоретик, как Ленин, не обошелся

²⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 304.

²¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 10—11.

бы без комментариев, если бы он обнаружил конфликт между теорией и реальным процессом, особенно если он сам выступал в качестве участника этих событий. Таким образом, речь идет о решении конкретной проблемы, подлежащей определению в свете исторического, социального и политического анализа в соответствии с марксистской идеологией, но не об общем теоретическом принципе и в то же время не о чисто тактической вариации.

Ленин сразу же, в апреле 1917 г., замечает возможность мирного развития русской социалистической революции, несмотря на «общее правило», о котором он как раз в это время упоминал в работе «Государство и революция».

Выступая на I съезде Советов в июне 1917 г., Ленин следующим образом комментирует развитие событий, и на это стоит обратить внимание:

«Вы пережили 1905 и 1917 годы, вы знаете, что революция по заказу не делается, что революции в других странах делались кровавым тяжелым путем восстаний, а в России нет такой группы, нет такого класса, который бы мог сопротивляться власти Советов. В России эта революция возможна, в виде исключения, как революция мирная»²².

Эта цитата очень показательна. Во-первых, Ленин не забывает и о новых обстоятельствах нормативного критерия (насильственная революция есть «общее правило»; в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» он называет ее «историческим законом» революций); во-вторых, подтверждая возможность мирного развития русской революции, он еще раз указывает, что вооруженный путь, будучи *общим теоретическим принципом* — краеугольным камнем марксизма, — это основной путь, самый вероятный, развития современной социалистической революции, вытекающий из эволюции капитализма и из политико-государственной структуры капиталистического государства («в России нет такой группы, нет такого класса, который мог бы сопротивляться власти Советов»). Метод

²² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 32, стр. 270

Ленина, как и метод Маркса, противоречит как нынешним формулировкам эпигонов Мао Цзэ-дуна, которые возводят вооруженный путь в теоретический принцип общего порядка, так и тем, кто прищипывает вопрос о путях до размеров непосредственных изменений тактики. Когда мы в отдельном разделе проанализируем причины, заставившие великого вождя большевиков говорить о появлении возможностей мирного развития русской социалистической революции в марте—апреле 1917 г., мы ясно увидим эту методологическую преемственность.

5. ВОЕННО-БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ГОСУДАРСТВА И ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭПОХА: САМЫЕ ВАЖНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ

Ленин напоминает о взглядах Маркса и Энгельса на возможность мирного развития революции в Англии и США в определенный период XIX века. Он признает правильность этих суждений для своего времени, не отрицает их принципиально, а рассматривает исторически. Это рассмотрение еще больше подтверждает творческий характер марксистского метода; еще раз он показывает свою сущность, чуждую всякого доктринерства. Ленин не цитирует тексты, как нечто застывшее, а проводит исторический социальный и политический анализ каждой конкретной ситуации; он устанавливает особенность каждого периода и намечает различия в первую очередь между эпохой восходящего развития капитализма и эпохой империализма. Ясно, что Ленин рассматривает *конкретное* не как релятивист, скептик или позитивист любого оттенка, которые, перерядившись в марксистов, торжественно заявляют нам, — от имени диалектики! — что конкретно предвидеть пути революции можно только в зависимости от соотношения непосредственных политических сил, только замыкая *конкретное* в высокие стены национального изоляционизма.

Наоборот, историко-материалистический метод позволяет Ленину предсказывать наиболее вероятный ход событий: вплоть до того, что он формулирует в этот

период «общее правило», «исторический закон» революционного перехода.

Маркс и Энгельс, указывают Ленин, считали, что европейская социалистическая революция будет совершена, вообще говоря, вооруженным путем. Однако в своей амстердамской речи — и в некоторых других случаях — Маркс допускает, что Англия и США могли бы быть исключениями²³.

²³ Напомним мнения Маркса и Энгельса, которые анализирует Ленин, ведя идейную упорную борьбу с европейскими ревизионистами и конкретно с Каутским.

Маркс говорит:

«Рабочий должен со временем захватить в свои руки политическую власть, чтобы установить новую организацию труда; он должен будет ниспровергнуть старую политику, поддерживающую устаревшие институты, если не хочет, подобно первым христианам, преобрегавшим и отвергавшим политику, лишиться навсегда своего царства на земле.

Но мы никогда не утверждали, что добиваться этой цели надо повсюду одинаковыми средствами.

Мы знаем, что надо считаться с учреждениями, правами и традициями различных стран; и мы не отрицаем, что существуют такие страны, как Америка, Англия, и если бы я лучше знал ваши учреждения, то может быть прибавил бы к ним и Голландию, в которых рабочие могут добиться своей цели мирными средствами. Но даже если это так, то мы должны также признать, что в большинстве стран континента рычагом нашей революции должна послужить сила; именно к силе придется на время прибегнуть, для того чтобы окончательно установить господство труда». (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 154.)

«В Англии, например, перед рабочим классом открыт путь проявить свою политическую мощь. *Восстание было бы безумием там, где мирная агитация привела бы к цели более быстрым и верным путем.* Во Франции множество репрессивных законов и смертельный антагонизм между классами делают, по-видимому, неизбежным насильственную развязку социальной войны». (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 17, стр. 635.)

Энгельс говорит:

«Голландия, кроме Англии и Швейцарии, единственная западноевропейская страна, которая в XVI—XVIII столетиях не была абсолютной монархией и имеет благодаря этому некоторые преимущества, в частности — остатки местного и провинциального самоуправления без настоящей бюрократии во французском или прусском духе. Это большое преимущество для развития национального характера, а также и для последующего развития; произведя сравнительно немного изменений, трудящийся народ мог бы установить здесь свободное

На чем основывались Маркс и Энгельс, когда оценивали таким особым образом положение в этих странах?

Ленин конкретно отвечает на этот вопрос в книгах «Государство и революция»²⁴ и «Пролетарская революция и ренегат Каутский»²⁵.

В этих двух произведениях ответы Ленина касаются двух типов вопросов, имеющих *общее методологическое значение*: *во-первых*, вопроса об изменениях структуры буржуазного государства, чему мы уделили столько внимания; *во-вторых*, вопроса о влиянии факторов, свойственных определенной исторической эпохе.

Оба эти вопроса связаны и переплетены друг с другом, они взаимообусловлены. В отношении первого вопроса Ленин пишет:

«Было ли в 70-х годах нечто такое, что делало из Англии и Америки исключение в рассматриваемом отношении? Всякому, сколько-нибудь знакомому с требованием науки в области исторических вопросов, очевидно, что этот вопрос необходимо поставить. Не поставить его — значит фальсифицировать науку, значит играть в софизмы... революционная диктатура пролетариата есть насилье против буржуазии; необходимость же этого насилия в особенности вызывается, как подробнейшим образом и многократно объясняли Маркс и Энгельс (особенно в «Гражданской войне во Франции» и в предисловии к ней), — тем, что существует военщина и бюрократия. Как раз этих учреждений, как раз в Англии и в Америке, как раз в 70-х годах XIX века, когда Маркс делал свое замечание, не было! (А теперь они и в Англии и в Америке есть)»²⁶.

Другими словами, Ленин выражает то же самое понятие в работе «Государство и революция». Он заканчивает предложением, требующим особого внимания:

самоуправление, которое должно быть нашим лучшим орудием при преобразовании способа производства. Ничего этого нет ни в Германии, ни во Франции — там это придется еще создавать заново». (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 36, стр. 368—369.)

²⁴ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 11.

²⁵ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 246—248.

²⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 247.

«Бесспорно, мы живем на рубеже двух эпох, и происходя-

«Теперь и в Англии и в Америке «предварительным условием всякой действительно народной революции» является ломка, разрушение «готовой» (изготовленной там в 1914—1917 годах до «европейского», общеимпериалистского, совершенства) „государственной машины“»²⁷.

Последние слова прямо имеют в виду государство эпохи империализма, иными словами, они непосредственно подводят нас ко второму вопросу — вопросу о значении основных тенденций исторической эпохи для установления вероятного пути революции. Мы применяем понятие исторической эпохи в том ее понимании, какое встречаем у Ленина²⁸.

«Историк» Каутский так бесстыдно фальсифицирует историю, что «забывает» основное: домонополистический капитализм — а апогеем его были именно 70-е годы XIX века — отличается, в силу экономических его коренных свойств, которые в Англии и Америке проявились особенно типично, наибольшим сравнительно миро-

²⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 38.

²⁸ «Метод Маркса состоит прежде всего в том, чтобы учесть объективное содержание исторического процесса в данный конкретный момент, в данной конкретной обстановке, чтобы прежде всего понять, движением какого класса является главной пружиной возможного прогресса в этой конкретной обстановке». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 139—140)

«Бесспорно, мы живем на рубеже двух эпох, и происходящие перед нами величайшей важности исторические события могут быть поняты лишь при анализе, в первую голову, объективных условий перехода от одной эпохи к другой. Речь идет о больших исторических эпохах; в каждой эпохе бывают и будут отдельные, частичные движения то вперед, то назад, бывают и будут различные отклонения от среднего типа и от среднего темпа движений. Мы не можем знать, с какой быстротой и с каким успехом разовьются отдельные исторические движения данной эпохи. Но мы можем знать и мы знаем, какой класс стоит в центре той или иной эпохи, определяя главное ее содержание, главное направление ее развития, главные особенности исторической обстановки данной эпохи и т. д. Только на этой базе, т. е. учитывая в первую голову основные черты различия разных «эпох» (а не отдельных эпизодов истории отдельных стран), можем мы правильно построить свою тактику; и только знание основных черт данной эпохи может послужить базой для учета более детальных особенностей той или иной страны». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 141—142.)

любием и свободолубием. А империализм, т. е. монополистический капитализм, окончательно созревший лишь в XX веке, по экономическим его коренным свойствам, отличается *наименьшим миролюбием и свободолубием*, наибольшим и повсеместным развитием *военщины*. «*Не заметить*» этого, при рассуждении о том, насколько типичен или вероятен мирный или насильственный переворот, значит опуститься до самого дужинного лакея буржуазии»²⁹.

Ленин каждый раз подчеркивает слово «экономические» с очевидной целью отметить, что речь идет не об одном лишь эпизоде, не об одном факте или ряде нетипичных фактов, а о целой тенденции, обусловленной экономическим базисом — монополистическим капиталом, — которая отражается на всей политической надстройке и, в частности, усиливает бюрократические и репрессивные черты буржуазного государства.

В какой мере мы могли бы применить аргумент Ленина к нашим дням? В какой степени развитие государственно-монополистического капитализма, военно-промышленного комплекса в США и агрессивная политика империализма в мировом масштабе, пахотящая внутри страны соответствие в полицейских мероприятиях — бонапарты кажутся грудными детьми по сравнению с ними, — дают нам материал для продолжения анализа Маркса и Ленина?

Однако не будем отвлекаться от нашей значительно более скромной задачи: попытаться наметить контуры марксистско-ленинского метода, очертить *обязательные* рамки, в которых следует применять любое научное предвидение — не оппортунистическое и не субъективистское — путей революции.

Для этой цели мы уже нашли две главные установки: мы должны применять наш анализ к конкретной исторической эпохе, улавливать ее основные тенденции и проявления этих тенденций в международном и национальном масштабах;

мы должны дать характеристику государственного аппарата — его бюрократических и репрессивных черт,

²⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 247—248.

иными словами, потенциальных возможностей приходи к власти — вооруженным или невооруженным путем— революционных масс во главе с рабочим классом.

Кроме того, на этой стадии рассмотрения вопроса необходима также терминологическая точность. Во всех указанных нами случаях Маркс и Ленин, говоря о социалистической революции, применяют выражения «насильственная» или «мирная» в качестве указания на возможное применение или неприменение вооруженной повстанческой борьбы. Ленин говорит о *насильственной* революции *как об общем правиле*. Он критикует Каутского: „«Не заметить» этого [развития милитаризма в современную эпоху] при рассуждении о том, насколько типичен или вероятен мирный или насильственный переворот, значит опуститься до самого дюжпнного лакея буржуазии»³⁰. А Маркс, рассматривая исключения — Англию, США и, может быть, Голландию в XIX веке, — пишет, что там «рабочие могут добиться своей цели мирными средствами»³¹. («О Гаагском конгрессе».) «В Англии, например, перед рабочим классом открыт путь проявить свою политическую мощь. *Восстание* было бы безумием там, где мирная агитация привела бы к цели *более быстрым и верным путем*». (Загисъ интервью Маркса для газеты «Уорлд».)

Иными словами, категории *насильственного пути* и *мирного пути* употреблялись классиками в этих случаях для того, чтобы указать на наличие или отсутствие вооруженного восстания — в той или иной форме — при осуществлении революционного социалистического переворота.

Маркс и Энгельс — и в гораздо большей степени Ленин, которому пришлось упорно сражаться с социал-демократическим ревизионизмом и отрицанием им вооруженной революции, — употребляли эти термины во множестве случаев в их очевидном и общепринятом понимании. Однако было бы упрощением марксистского понимания *революционного насилия*, если бы мы свели его к формам вооруженной борьбы. Когда Маркс гово-

³⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 248.

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. 18, стр. 154.

рит о том, что английским рабочим, возможно, удастся добиться их цели *мирными средствами*, он не отказывается от своего положения о необходимой экспроприации экспроприаторов и о неизбежности переходного периода, характеризующегося установлением диктатуры пролетариата, т. е. применения форм революционного насилия. Иными словами, социалистическая революция всегда предполагает, что необходимо свергнуть власть старых классов, ликвидировать капиталистический строй и начать строить основы нового общества. И это всегда требует применения революционного насилия независимо от того, пришли ли пролетариат и народ к власти через вооруженное восстание или нет. А формы, сила и длительность революционного насилия будут зависеть от конкретных исторических обстоятельств, от способности к сопротивлению свергнутых эксплуататорских классов, от остроты классовой борьбы. Наиболее определяющее значение из всех этих факторов имеют структура государственного аппарата и международное положение, причем это последнее рассматривается не только в рамках соотношения сил в данную историческую эпоху, но также в более тесных рамках, определяемых географическим положением данной страны.

В общем и целом вооруженная борьба в виде восстания является наиболее вероятной формой революционного насилия, необходимого для завоевания власти, но, во всяком случае, согласно Марксу и Ленину, такое насилие всегда необходимо для победы социализма. Однако насилие не есть ни единственная, ни главная черта диктатуры пролетариата; организация высшего социального строя, основанного на мобилизации и воспитании широких масс, — вот главная задача государства пролетариата.

Необходимо добавить еще одно соображение, а именно то, что неточное использование терминов, а иногда и их смешение тоже способствовало нынешней полемике, не всегда добросовестной и честной. Например, китайские руководители исключают из революционного насилия политические аспекты и аспекты экономического принуждения и отождествляют его просто с вооружен-

ной борьбой, явно вульгаризуя марксизм-ленинизм. Другие, напротив, подслащивают концепцию социалистической революции Маркса и Ленина, превращая ее чуть ли не в евангельское предприятие; они хотят превратить марксизм-ленинизм в нечто «респектабельное» с явным привкусом социал-демократии.

6. «МИРНЫЙ ПУТЬ» В КРИТИКЕ Ф. ЭНГЕЛЬСОМ ЭРФУРТСКОЙ ПРОГРАММЫ

Поскольку мы касались мнений Маркса по поводу относительной и имеющей характер исключения вероятности *мирного пути* в некоторых капиталистических государствах во вторую половину XIX века, следует вспомнить, что Энгельс признает эту возможность еще в 1891 г.³² *для стран с широкими демократическими свободами при условии, что партия пролетариата сможет повести за собой большинство населения.* Ленин отмечает, что Энгельс в этой связи касается данной темы в умозрительном плапе,³³ больше как логической возможности, чем как реальной возможности, сказали бы мы.

Работа «К критике проекта социал-демократической программы 1891 года»³⁴, в которой Энгельс проводит этот анализ, была направлена против социал-демократического оппортунизма, хотя, как это ни парадоксально, оппортунисты неоднократно пытались перевернуть высказывания Энгельса таким образом, чтобы использовать их для утверждения тезиса о *мирном вращении* капитализма в социализм.

Это выражение фигурирует в работе «К критике проекта социал-демократической программы 1891 года» (*«Можно себе представить, что старое общество могло*

³² Ленин отмечает, что в работе «К критике проекта социал-демократической программы 1891 года» Энгельс уже предвосхищает «основное в теоретической оценке новейшего капитализма, т. е. империализма, именно, что капитализм превращается в монополистический капитализм». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 67—68.)

³³ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 68—69.

³⁴ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 227—

бы мирно вращать в новое в таких странах, где народное представительство сосредоточивает в своих руках всю власть...»). Ревизионизм в свое время воспользовался этим литературным оборотом—«мирно вращать»,—чтобы из этого, к сожалению, двусмысленного выражения извлечь целое обоснование социал-демократического реформизма, очень далекое, конечно, от неумолимого требования революционных преобразований, которые решительно защищал Энгельс до самой своей смерти.

В работе «К критике проекта социал-демократической программы 1891 года», чрезвычайно интересной в теоретическом и политическом отношениях, Энгельс касается не только некоторых вопросов о том, как «понимать» или «представлять себе» «мирный путь» в некоторых случаях; в ней он особо подчеркивает заинтересованность пролетариата в республиканско-демократическом политическом строе; рассматривает отношения между политическими формами буржуазного государства и переходом к социализму, диктатуре пролетариата. В письме Каутскому от 29 июня 1891 г. Энгельс объясняет цели этой своей работы очень содержательным упоминанием вопроса о путях революции:

«Я счел более важным разобрать частью предотвратимые, а частью и неизбежные недостатки раздела политических требований, так как это давало мне повод ударить по миролюбивому оппортунизму... и по... «врастанию» старого свинства «в социалистическое общество»³⁵.

Как мы видим, это произведение было написано против тех, кто, опасаясь введения антисоциалистического законодательства в Германии, изображал в пидлических тонах переход к социализму.

Энгельс рассматривает тему как с тактической точки зрения (как добиться того, чтобы не подставить партию под удары реакции), так и с теоретической точки зрения (переход к социализму всегда означает революционное насильственное изменение старого общества, но этот переворот, несомненно, будет более острым при полусамодержавном политическом строе). Следует вос-

³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч. т. 38, стр. 105.

произвести еще одно высказывание Энгельса, хотя и довольно большое, так как оно мало известно в латиноамериканских странах (что можно сказать и о всей работе «К критике проекта социал-демократической программы 1891 года»).

«Из боязни возобновления закона против социалистов, или вспоминая некоторые сделанные при господстве этого закона преждевременные заявления, хотят теперь, чтобы партия признала теперешний законный порядок в Германии достаточным для *мирного* осуществления всех ее требований. Убеждают самих себя и партию в том, что *«современное общество вырастает в социализм»*, не задавая себе вопроса, не перерастает ли оно тем самым с такой же необходимостью *свой старый общественный порядок*; не должно ли оно разорвать эту старую оболочку так же насильственно, как рак разрывает свою, не предстоит ли ему в Германии, кроме того, *разбить оковы* еще полуабсолютистского и к тому же невыразимо запутанного *политического строя»*³⁶.

В этом тексте, дающем столь богатый материал для исследования, Энгельс высказывает по меньшей мере следующие положения:

нелепо приспосабливать определение *пути* революции — имеющее громадное значение для стратегической перспективы и подготовки пролетариата и партии — к диктату определенного правопорядка. Заботы тактического характера, которые вытекают из нежелания глупо подвергнуть партию репрессиям, не объясняют и не оправдывают искажения, доходящего до самого подлого оппортунизма политико-теоретической постановки проблемы о *пути*;

совершенно неправильно делать вывод, что нынешнее общество переходит или может постепенно перейти к социализму; необходимо насильственно разорвать старую социальную оболочку («общественный строй», как пишет Энгельс)³⁷, для того чтобы могли родиться новые

³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 236.

³⁷ Для того чтобы лучше понять мысль Маркса и Энгельса, необходимо уточнить понимание ими некоторых категорий, например, категории «общественный строй». В письме К. Маркса П. Ашценкову от 28 декабря 1846 г. говорится: «Возьмите

социалистические производственные отношения, основа новой социально-экономической формации;

неправильно и смешно ставить вопрос об изменении производственных отношений, не ставя вопрос об изменении политических надстроек, тем более в условиях господства учреждений, которые являются реакционными даже с точки зрения демократических и парламентских форм буржуазного государства.

Эти уточнения в значительной части повторяют основные концепции исторического материализма, но нужно отметить, что Энгельс подчеркивает характеристику *форм* буржуазного государства. Мы вернемся к более широкому рассмотрению этого вопроса, когда будем рассматривать тактические ошибки левацкого ребячества. Пока что нужно подчеркнуть, что Энгельс включает *изучение форм буржуазного государства в определенной стране* в качестве *обязательной составной части разработки любой гипотезы о путях революции*. Иными словами, это составная часть обязательных данных, которые позволяют поставить проблему конкретно.

Как и Маркс в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», Энгельс останавливается на юридическом аспекте, на *отношениях между властями буржуазного государства* и вновь отвергает упрощения, чуждые марксистскому методу. В двух-трех фразах он обнажает структуру германского имперского государства. Он показывает характер прусско-германских учреждений, которые ограничивают и урезают выражение народного представительства. Он обличает имперскую конституцию *с точки зрения ограничения прав, представляемых*

определенную ступень развития производительных сил людей, и вы получите определенную форму обмена (commerce) и потребления. Возьмите определенную ступень развития производства, обмена и потребления, и вы получите определенный *общественный строй*, определенную *организацию семьи, сословий или классов*,— словом, определенное *гражданское общество*. Возьмите определенное гражданское общество, и вы получите определенный политический строй, который является лишь официальным выражением *гражданского общества*. (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 27, стр. 402.)

народу и его представительству³⁸. «Правительство обладает всей полнотой власти, а палаты не имеют даже права отклонять налоги...»³⁹. Эта конституция, с которой в моменты конфликта «...правительство могло делать все, что ему заблагорассудится...»⁴⁰. Либкнехт назвал этот рейхстаг *фиговым листком абсолютизма*⁴¹.

Говорить о мирном пути, замечает Энгельс, когда ты подчинен политическому строю такого характера, нелепо; хуже того, это «...значит снимать *фиговый листок с абсолютизма и самому становиться для прикрытия наготы*»⁴².

Что сказал бы Энгельс, имевший острый язык, если бы услышал, как о *мирном пути* говорят в странах, которые в качестве юридической нормы знают только саблю и дубинку кровавых тираний! Или если бы он узнал о высказываниях такого типа в странах, где структура буржуазного конституционализма, теория трех видов власти, которую в один прекрасный день сформулировал Монтескье, выражается, говоря словами старой поговорки, в кавалерии, артиллерии и пехоте, если мы оставим в стороне авиацию!⁴³

Энгельс идет даже дальше в своей оценке государственных форм буржуазного аппарата, т. е. шпроты п глубины политического демократизма, и другой стороны медалл — возможности завоевать на свою сторону большинство народа — в качестве фактора для изучения вероятного пути революции. И он делает это в

³⁸ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 236.

³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 236.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, стр. 237.

⁴³ «Подобная политика может лишь, в конце концов, привести партию на ложный путь. На первый план выдвигают общие, абстрактные политические вопросы и таким образом прикрывают ближайшие конкретные вопросы, которые сами собой становятся в порядок дня при первых же крупных событиях, при первом политическом кризисе. *Что может выйти из этого, кроме того, что партия внезапно в решающий момент окажется беспомощной, что по решающим вопросам в ней господствует неясность и отсутствие единства, потому что эти вопросы никогда не обсуждались?*» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 237.)

1891 г., когда зрелый марксизм существовал уже почти полвека и когда сам Энгельс ведет беспощадную борьбу против оппортунизма, которую он будет вести до последнего вздоха!

«Можно себе представить, что старое общество могло бы мирно впасть в новое в таких странах, где народное представительство сосредоточивает в своих руках всю власть, где конституционным путем можно сделать все, что угодно, если только *имеешь за собой большинство народа*; в демократических республиках, как Франция и Америка, в таких монархиях, как Англия, где предстоящее отречение династии за денежное вознаграждение ежедневно обсуждается в печати и где эта династия бесплыва против воли народа»⁴⁴.

В «Государстве и революции» Ленин комментирует «Критику проекта Эрфуртской программы», приписывая ей очень большое теоретическое значение. «Критика проекта Эрфуртской программы... — говорит он, — не может быть обойдена при разборе учения марксизма о государстве, потому что она посвящена, главным образом, именно критике **оппортунистических воззрений социал-демократии** в вопросах **государственного устройства**»⁴⁵.

Ленина не останавливает тот факт, что Энгельс в октябре 1891 г., когда капитализм уже подходил к своей империалистической стадии, все еще приводит в качестве примера Англию, где возможна «мирная» социалистическая революция, и США и, мало того, присоединяет к ним и Францию.

По-видимому, Ленин рассматривает это мнение Энгельса главным образом как подчеркивание значения республиканских свобод для теоретического — *а скорее даже умозрительного* — рассмотрения возможности мирного пути. И он делает это, чтобы противопоставить эту возможность абсурдности такого допущения в монархической стране, не имеющей демократических прав и свобод, — Германии.

«Что германские социал-демократы действовали по боязни возобновления исключительного закона, этот

⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 236—237.

⁴⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 67.

основной факт Энгельс выдвигает на первый план и, не обинуясь, называет его оппортунизмом, объявляя, именно в силу отсутствия республики и свободы в Германии, совершенно бессмысленными мечты о «мирном» пути. Энгельс достаточно осторожен, чтобы не связать себе рук. Он признает, что в странах с республикой или с очень большой свободой «можно себе представить» (только «представить»!) мирное развитие к социализму, но в Германии...»⁴⁶.

Ленин не останавливается специально на воззрениях Энгельса по поводу *формальных* черт буржуазного государства, как особого фактора, который следует принимать во внимание при анализе наиболее вероятного революционного пути, однако он рассматривает этот вопрос более широко и многосторонне — с точки зрения диалектических связей между буржуазной демократией и пролетарской демократией, между демократической республикой и диктатурой пролетариата. Энгельс пишет, что *«наша партия и рабочий класс могут прийти к господству только при такой политической форме, как демократическая республика. Эта последняя является даже специфической формой для диктатуры пролетариата, как показала уже великая французская революция»*⁴⁷.

Комментарий Ленина, папсапный в разгар русской революции, когда уже был взят курс на Октябрьское восстание, имеет очень большое теоретическое и методологическое значение. В. И. Ленин подчеркивает: *«Энгельс повторяет здесь в особенно рельефной форме ту основную идею, которая красной нитью тянется через все произведения Маркса»*⁴⁸.

«Именно, что демократическая республика есть ближайший подход к диктатуре пролетариата. Ибо такая республика, несколько не устраняя господства капитала, а следовательно, угнетения масс и классово́й борьбы, неизбежно ведет к тому расширению, развертыванию, раскрытию и обострению этой борьбы, что, раз

⁴⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 69.

⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 237.

⁴⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 70.

возникает возможность удовлетворения коренных интересов угнетенных масс, эта возможность осуществляется неминуемо и единственно в диктатуре пролетариата, в руководстве этих масс пролетариатом»⁴⁹.

II Интернационал забыл эту «основную идею», пишет Ленин, как показало поведение меньшевиков в революционном 1917 г.

И Ленин добавляет далее: «Энгельс не только не обнаруживает равнодушия к вопросу о формах государства, а, напротив, с чрезвычайной тщательностью старается анализировать именно переходные формы, чтобы учесть, в зависимости от конкретно-исторических особенностей каждого отдельного случая, переходом от чего к чему данная переходная форма является»⁵⁰.

Эти высказывания Энгельса и Ленина, хотя они и выходят далеко за рамки «вопроса о путях», тем не менее затрагивают его: они не только предупреждают нас против всяких метафизических шор, которые затемняют «конкретные исторические особенности», «переходы от чего к чему», «формы перехода» государства, но и бьют по тем, кто, подобно меньшевикам, забывает отправные пункты, которые марксистский метод обязывает нас учитывать, в данном случае государственный строй буржуазного аппарата. Поэтому была пелерой, более того, была ползучим оппортунизмом попытка осуществить коренные преобразования в рамках тогдашнего прусско-германского политического режима или создать впечатление, будто мирным путем можно осуществить демократические и социалистические требования в условиях приукрашенного имперского абсолютистского режима⁵¹.

В общем, Энгельс считает громадной иллюзией говорить о мирном пути в стране с «сильным» — и тем более тиранническим правительством, — с урезанным парла-

⁴⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 70—71.

⁵⁰ Там же, стр. 72.

⁵¹ «Тот факт, что в Германии нельзя даже выступить с открыто республиканской партийной программой, доказывает, насколько сильна иллюзия, будто в этой стране можно мирным путем установить республику, и не только республику, но и коммунистическое общество». (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 238.)

ментом и с ограниченным «народным представительством». И речь идет не только об оценке перехода к социализму: это относится и к завоеванию или отвоеванию свобод, которые классически воплощаются в буржуазной демократии. В вопросе определения путей революции Энгельс приписывает важное значение возможности, даже теоретической, завоевания *большинства населения*, которую абстрактно предоставляет урезанная буржуазная демократия. Но, как отмечает Ленин, когда речь идет о социалистической революции, т. е. о том, чтобы поставить под вопрос существование капиталистического режима производства, такие возможности сужаются, и буржуазия на практике отвергает политическую доктрину, которую она же исторически создала. Но мы грешили бы политической близорукостью, если бы недооценили форм буржуазного государства не только с тактической точки зрения, но и с точки зрения определения наиболее вероятных путей революции.

С одной стороны, Энгельс подчеркивает значение возможностей демократических действий для пролетариата и его партии, с другой — наносит решительный удар по тем, кто пытается «приспособить» постановку проблем о *пути* к требованиям чрезвычайных законов. Говорить о *мирном пути* — «и притом без всякой надобности» — при абсолютистском, деспотическом политическом режиме, хотя бы этот деспотизм и был прикрыт некоторыми формальностями, например урезанным парламентом, означает «снимать фиговый листок с абсолютизма и самому становиться для прикрытия наготы».

Так и кажется, что Энгельс пишет для нашей Латинской Америки с ее привычными тираньями, для стран, которые находились «в обществе свободы только один раз — в день ее погребения», если употребить горькое замечание молодого Маркса о его немецкой родине; для нашего континента, где империализм диктует состав парламентов, устраивает подстроенные выборы и с помощью юридических атрибутов маскирует применение сабли и «большой дубинки» — фиговые листки для зловещих горилл и для американского экономического, политического и военного контроля.

И наконец, Энгельс, столь суровый с оппортунистами, не занимается фразерством, он не исключает любую возможность легальных действий, возможность использования каждой легальной правовой зацепки для того, чтобы способствовать организации и воспитанию пролетариата. Поэтому он не критикует Эрфуртскую программу за то, что она не ставит открыто задачу свержения абсолютизма, и не говорит о возможном вооруженном пути германской демократической революции. Беспощадно выступая против тех, кто пытается превратить тактические потребности — например, защиту легальности партии — в программные требования *мирного пути*, Энгельс предлагает редакцию, которая в ее общих чертах, в основном правильных, должна помешать тому, чтобы партия подставлялась под вражеские удары.

«С точки зрения законов, как будто не разрешается прямо включить в программу требование республики,— писал он.—...Впрочем, вопрос о республике можно, в крайнем случае, обойти. Но что на мой взгляд следует и можно включить в программу, это—требование сосредоточения всей политической власти в руках народного представительства. И этого пока было бы достаточно, если уж нельзя идти дальше...»⁵².

В своей критике Энгельс, с одной стороны, не преклоняется услужливо перед экстремизмом, а с другой стороны, он не игнорирует безответственно, как это делают некоторые фразеры того времени, революционные преимущества легальной деятельности партии, которые нельзя смешивать с отречением от принципов или с оппортунистической практикой; но он также не допускает, чтобы директивы в области стратегии и установление на основе исторически-конкретного анализа основных путей революции определялись в соответствии с рамками, отличающимися различными вариациями в зависимости от страны, юридических распоряжений или ордонансов, продиктованных полицейским сатрапом или политиканом, случайно оказавшимся во главе того или иного министерства внутренних дел.

⁵² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 237—238.

7. ГЕОГРАФИЯ — ФАКТОР,
КОТОРЫЙ МОЖЕТ ОКАЗАТЬ ВЛИЯНИЕ
НА ОТДЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ ВЫБОРА ПУТЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

В настоящей момент, строго придерживаясь нашей краткой схемы, мы могли бы объявить исчерпанными общие аспекты нашего исследования. Именно на них главным образом заостряет Ленин внимание в своей полемике как в книге «Государство и революция», так и в книге «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Именно их он рассматривает как основные путевые вехи, когда исследует с теоретической и тактической сторон изменения в ходе русской социалистической революции — с апреля по июль и с июля по ноябрь — за ее два наиболее характерных периода.

Однако Ленин предвидел конкретные условия, в которых осуществление общего принципа (*никакой господствующий класс не отдает власти добровольно*) будет обставлено (в какой-либо стране или области) столь важными внешними факторами, что способность эксплуататорских классов к насилию будет значительно сокращена и ослаблена.

Ленин, в частности, упоминает особое положение маленькой страны по соседству с большой страной, осуществившей социалистическую революцию. Он не исключает возможности так называемого *мирного пути* в такой стране, где география — а также и история: победа пролетариата в большой соседней стране — окажут влияние в качестве внешнего могучего фактора на внутреннее соотношение сил. Однако следует обратить внимание на то, что это частный случай взаимодействия, в особых обстоятельствах, облич факторов (*структур военно-бюрократической машины господствующих классов и основных тенденций исторической эпохи*).

Ленин теоретически поставил этот вопрос в работе «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»»⁵³.

⁵³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 122.

«Вопрос о диктатуре пролетариата имеет такую важность, что не может быть членом социал-демократической партии, кто отрицает или только словесно признает ее. Но нельзя отрицать того, что в отдельных случаях, в виде исключения, например, в каком-нибудь маленьком государстве после того, как соседнее большое уже совершило социальную революцию, возможна мирная уступка власти буржуазией, если она убедится в безнадежности сопротивления и предпочтет сохранить свои головы. Гораздо вероятнее, конечно, что и в мелких государствах без гражданской войны социализм не осуществится, и потому единственной программой интернациональной социал-демократии должно быть признание такой войны, хотя в нашем идеале нет места насилью над людьми». [Заметим, что в этом случае Ленин говорит о «программе». — Р. А.]

Очевидна методологическая основа этого суждения. Сократилась перспектива успешного использования господствующими классами государственного аппарата. Если они прибегнут к гражданской войне, то более чем вероятно, они потеряют собственную голову.

Но даже в этом случае кажется проблематичным, чтобы революция могла перепрыгнуть через требование слома этого аппарата, если только очень своеобразные социально-политические условия — которые трудно себе представить — не ослабят его до положения, аналогичного тому, которое Маркс наблюдал в Англии XIX века. И кроме того, — употребляя современную терминологию, — если империалистические державы будут не в состоянии экспортировать контрреволюцию и превращать малую страну в базу агрессии против социализма, победившего в более крупной стране⁵⁴.

Эта возможность приобретает конкретные очертания в Финляндии после Февральской революции 1917 г. Финляндия тогда, несмотря на угнетение со стороны царизма, представляла собой страну с высоким капита-

⁵⁴ Ленин имеет в виду и другое положение — что в главных капиталистических державах одержит победу социализм и вследствие этого мирный путь появится в качестве возможности и в малой стране. (См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 40, стр. 138.)

летическим развитием и буржуазно-демократическими государственными традициями. Падение самодержавия, переплетение процессов борьбы за независимость и народной революции, удельный вес финского пролетариата дополнялись географическим соседством великой русской нации, озаренной огнем революции. В своем третьем «Письме из далека» Ленин так ставит вопрос о Финляндии:

«Не забудем также, что под боком у Питера мы имеем одну из самых передовых фактически республиканских стран, Финляндию, которая с 1905 по 1917 г., под прикрытием революционных битв в России, сравнительно мирно развила демократию и завоевала **большинство** народа на сторону социализма. Российский пролетариат обеспечит Финляндской республике полную свободу, вплоть до свободы отделения... и именно этим завоеует **полное** доверие и товарищескую помощь финских рабочих общероссийскому пролетарскому делу... финские рабочие лучшие организаторы, они нам помогут в этой области, они двинут **по-своему** вперед учреждение социалистической республики.

Революционные победы в самой России, — мирные организационные успехи в Финляндии под прикрытием этих побед, — переход русских рабочих к революционно-организаторским задачам в новом масштабе — завоевание власти пролетариатом и беднейшими слоями населения — поощрение и развитие социалистической революции на Западе, — вот путь, который приведет нас к **миру и к социализму**»⁵⁵.

Мы не должны забывать того, что случилось впоследствии. Большевики обеспечили независимость Финляндии. Импералистическая интервенция помешала революционному развитию событий. Имперализм и господствующие классы создали военно-полицейский аппарат, руководимый фашистом Маннергеймом, потопили в крови социалистическую революцию и превратили передовую северную страну в одну из укрепленных оплотов окружения социалистической революции. И сегодня, после разгрома нацистов, хотя Финляндия —

⁵⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 46—47

это страна с буржуазно-демократической формой правления, сторонница мирного сосуществования с СССР, она остается капиталистическим государством.

Ленин вернулся впоследствии к опыту Финляндии в своей работе «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата»⁵⁶. Эта статья представляет большой интерес с точки зрения теории и тактики. В ней Ленин ясно определяет, что он понимает под *завоеванием большинства населения* в отношении к проблеме власти.

Мелкобуржуазные демократы, говорит Ленин, рассуждают так:

«Пускай сначала, при сохранении частной собственности, т. е. при сохранении власти и гнета капитала, большинство населения выскажется за партию пролетариата, — только тогда она может и должна взять власть». И он отвечает им: «Пускай сначала революционный пролетариат низвергнет буржуазию, сломит гнет капитала, разобьет *буржуазный государственный аппарат*, — тогда пролетариат, одержавший победу, сможет быстро привлечь на свою сторону сочувствие и поддержку *большинства трудящихся непролетарских масс*, удовлетворяя их за счет эксплуататоров», — говорим мы. Обратное будет в истории редким исключением (да и при таком исключении буржуазия может прибегнуть к гражданской войне, как показал пример Финляндии)»⁵⁷.

8. ОЦЕНКА ОБЩЕГО СООТНОШЕНИЯ СИЛ

Эту тему можно было бы еще более расширить, если привести в качестве примера Австрию, господствующие классы которой после окончания второй мировой войны были весьма скомпрометированы, государственная машина разбита, более того, советские войска находились в ее столице. И, однако, Австрия до сих пор продолжает оставаться капиталистическим государством.

⁵⁶ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 40, стр. 1—24.

⁵⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 40, стр. 22.

Если этот пример — как и пример Финляндии — является доказательством, неопровержимым свидетельством того, что революция не экспортируется, он доказывает также важность соотношения внутренних классовых сил для любого революционного переворота, соотношения, которое в данном случае *измеряется главным образом настроением пролетариата и широких масс.* Ф. Энгельс оставил нам знаменитое предупреждение — победоносный пролетариат не может навязать другому народу свое счастье, не ставя под удар свою собственную судьбу.

Возможно, что в Австрии могли иметь значение другие, дополнительные факторы, например стратегические потребности антинацистской коалиции, но, очевидно, ни в Австрии, ни в Финляндии не было субъективных условий для перехода к социализму, несмотря на идеально благоприятные условия, созданные банкротством репрессивных аппаратов, сломом фашистской машины под ударами Советской Армии. Мы не забываем, что присутствие в Австрии американских войск относительно снижает важность указанного факта. И тем не менее кажется, что в двух указанных странах был тогда налицо классический случай *возможного мирного развития социалистической революции.* Таким образом, мы можем — как ни тривиальна на вид эта истина — думать, что даже в идеальных условиях (т. е. исторически типичных с объективной точки зрения — в условиях слома государственной репрессивной машины) *необходимо, чтобы представители революционных классов, народ, возглавляемый рабочим классом и его передовой организацией, были способны осуществить социалистическую революцию.*

И здесь мы подходим к последнему аспекту нашего обзора. Маркс и Ленин резюмируют в одной методологической норме свой подход к проблемам *пути, средств и форм* борьбы всякой революции: *только конкретная оценка соотношения борющихся сил позволит сказать последнее слово о столь же конкретном развитии революционного процесса.*

9. МАРКСИЗМ ИЛИ ЭМПИРИЗМ?

Эта норма служит руководством для всех моментов⁵⁸ стратегии и особенно тактики. Иными словами, она действительна как для конкретизации общей гипотезы, касающейся наиболее вероятного пути революции (гипотезы, которая является одним из аспектов общей стратегической линии, охватывающей все проблемы революционной перспективы на данной фазе или этапе), как для перевода этого вопроса в задачи немедленного действия (момент, час и формы завоевания власти), так и для того, чтобы удостовериться, что мы переживаем период накопления сил в течение какого-то этапа классовой и национально-освободительной борьбы.

Как прийти на основе подобного подхода к проблемам революционного процесса к выводу об определении «пути», выводу, обусловленному узкими рамками «революционной ситуации» или еще более скоротечной потребностью момента возможного успешного штурма власти?

Отсюда до искажения марксистско-ленинского метода только один шаг.

Маркс, Энгельс и Ленин говорят о *насильственной революции*, когда употребляют этот термин в качестве эквивалента захвата власти вооруженным путем, приравнивая ее к историческому закону перехода к социализму не только в бурной Европе «первой эпохи»⁵⁹ (1848—1871), но также и в эпоху *мирного развития* после разгрома Парижской Коммуны, т. е. в период медленного *накопления сил*; с другой стороны, им никогда не приходило в голову смешивать проблему *пути с широкими средствами легальных действий*, используемых Германской социал-демократической партией⁶⁰.

⁵⁸ «Марксизм требует от нас самого точного, объективно проверимого учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента. Мы, большевики, всегда старались быть верными этому требованию, безусловно обязательно с точки зрения всякого научного обоснования политики». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 132.)

⁵⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 131—154.

⁶⁰ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 20, стр. 10—18.

Ленин делает то же самое до 1905 г.⁶¹ и после 1905—1907 гг., в период революционного спада⁶², или в ходе полемики против полуанархистского экстремизма «отзовистов» и «ликвидаторов»⁶³.

Это разъяснение очевидно для всякого человека, более или менее сведущего в историческом материализме: понятие исторического закона в марксизме не равняется слепому и механистическому детерминизму разновидности фатализма. Это — законы-тенденции, которые показывают главное направление развития в определенном обществе и в определенную эпоху. Это характерно для исторических законов; как напоминает Энгельс⁶⁴, история сама по себе не делает ничего, историю делают люди; она разворачивается в определенных объективных рамках, но в конечном счете она является делом этих людей, которые вносят в него сложную гамму своих потенциальных ошибок и удач, особенно своих индивидуальностей, причем к этому — помимо всего — прибавляются элементы случайности, неотделимые от всякого социально-исторического процесса, несмотря на его внутреннюю закономерную обусловленность.

Иными словами, всякий предусмотренный ход событий в этой области — так происходит и с «путями» — подвержен изменениям, он неизбежно может быть обогащен жизнью со всеми ее «хитростями» или «уловками». Более того, он в какой-то мере может быть изменен в результате появления непредвиденных и непредвидимых обстоятельств. Однако проблема определения революционной стратегии, включая наиболее вероятный путь, — это не лотерея, не реакция на какой-то случайный эпизод, по отношению к которому авангард может занять только эмпирическую позицию печального футбольного вратаря, ожидающего штрафного удара. *Предвидение авангарда и его действия также являются факторами, формирующими процесс.*

⁶¹ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 9.

⁶² См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 37—51.

⁶³ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 20, стр. 64—108.

⁶⁴ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 306

Ленин писал о русской революции, что «в революционные времена объективная ситуация меняется так же быстро и круто, как быстро вообще течет жизнь. А мы должны суметь приспособлять свою тактику и свои ближайшие задачи к особенностям каждой данной ситуации»⁶⁵. И больше того, в своем первом «Письме из далека» он сказал: «Чудес в природе и в истории не бывает, но всякий крутой поворот истории, всякая революция в том числе, дает такое богатство содержания, развертывает такие неожиданным-своеобразные сочетания форм борьбы и соотношения сил борющихся, что для обывательского разума многое должно казаться чудом»⁶⁶. И сам Ленин подтверждает, что развитие Февральской революции не совпало, как форма с моделью, со схемой развития, предусмотренной большевиками.

Но кто поэтому может считать, что Ленин сделал не так, когда предвидел — и стратегически и тактически разработал свое предвидение — ход революции, ее характер и движущие силы, ее путь, формы и наиболее вероятные средства борьбы?

Разве оказалось ошибкой предвидение *пути вооруженного восстания в 1905—1907 гг. и «желание его»* — прочитаем «Две тактики социал-демократии в демократической революции!» Или же лозунг превращения империалистической войны 1914—1918 гг. в войну гражданскую лишь потому, что в феврале вместо демократической диктатуры рабочих и крестьян возникло двоевластие, которое было условием появления возможного мирного пути?

Никто этого не говорит и не осмелится этого сказать — это значило бы открыто выступить против Ленина!

Но некоторые ходячие характеристики большевистской тактики от февраля к октябрю, несомненно, исподволь сводятся к такому утверждению самой постановкой вопроса о *пути революции*. Поэтому необходимо обратиться к изучению большевистского опыта 1917 г.

⁶⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 45.

⁶⁶ Там же, стр. 11.

10. ВОЗМОЖНОСТЬ «МИРНОГО ПУТИ» В РУССКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

«...большевистские лозунги и идеи в общем вполне подтверждены историей, но конкретно дела сложились иначе, чем мог (и кто бы то ни был) ожидать, оригинальнее, своеобразнее, пестрее».

В 1917 г. произошли два вооруженных восстания, но именно в этом году появляется «редкая» и «ценная» возможность «мирного пути» социалистической революции.

Предупреждение Ленина о том, что революция не похожа на Невский проспект, вполне оправдано уже одним этим фактом.

Путь «Великого Октября» — сегодня классический образец — был (что касается его осуществления) резким вызовом доктринерству, как таковому. Прежде всего он был явным доказательством теоретического переполоха, который вызвали положения Ленина в царстве ходячих догм II Интернационала. Но произошло большее — революция пошла дальше, чем позволяли самые смелые мысли некоторых старых большевиков, упорно стремившихся к тому, чтобы революция текла от этапа к этапу без изгибов, по заранее установленному руслу. И во многих отношениях — включая каверзный вопрос о «путях» — дело произошло иным образом. Своеобразие процесса вышло даже за рамки схемы Ленина, правильной *по существу*.

Это напоминание хода событий предостерегает нас против «революционного академизма», против возможной опасности отхода из-за различных опасений от марксистской диалектики. Действительно, нет ничего более печального, чем фигура революционера, дошедшего до того, что он бродит среди незнакомой социальной и политической обстановки, своеобразных форм революции, ничего не понимая, гордо нацепив очки исторических аналогий и опираясь на посох самых знаменитых цитат.

Однако лекарство от этих недугов состоит не в том, чтобы стать эмпириками. История не есть нагромождение случайностей — хотя случайность, как дьявол,

иногда показывает в ней свое копыто, — она течет по своим законам, т. е. в соответствии с социальными закономерностями, которые нужно понять. Можно в основном предвидеть ровный или бурный ход истории, хотя «дела» могут «конкретно» сложиться «иначе». И революция представляет собой не больше и не меньше как «локомотив истории». Отказаться от научного прогноза ее возможных форм развития — значит отречься от одного из главных достоинств марксистского метода.

С этой точки зрения — элементарной для исторического материализма — от понимания революции как преобразующей практики отклоняется как тупой доктринер, самодовольный компилятор классических цитат, которого Ленин сравнивал с «Человеком в футляре» Чехова, так и мнимый антидогматик, который подменяет теоретическое предвидение процесса и стратегический и тактический планы определенными условными формулами наподобие исследователя, который отказался бы во время опыта от какой бы то ни было центральной рабочей гипотезы. Применяя терминологию, используемую в международной полемике, можно сказать, что ревизионистами были как Бернштейн, провозгласивший, что движется все, а цель («конечная борьба») ничто, так и Каутский и Плеханов, которые могли чуть ли не на память привести самые малоизвестные цитаты из трудов Маркса или Энгельса.

Урок, данный нам Лениным в течение всего неповторимого 1917 г., противостоит обоим положениям.

Нелепо приклеивать Ленину — как это делают некоторые публицисты из «левых» — ярлык «гениального оппортуниста» за то, что он смог распознать удобный момент для революции вплоть до точной даты «штурма власти». Однако разве не скатываются на позиции, близкие к этому ложному суждению, — хотя они, конечно, этого не говорят — те товарищи, которые истолковывают позицию Ленина — в отношении *пути* — до и после июля 1917 г. просто как гениальную гибкость *тактического маневра*, в крайнем случае *обусловленную предварительной подготовкой ко всем «формам борьбы»*? И что, собственно говоря, значит эта «под-

готовка ко всем формам борьбы»? Ведь ясно, что подготовка к вооруженной форме борьбы требует одних политических и технических условий (времени, кадров, самоотверженности), а «мирные» формы борьбы требуют иных политических условий и средств связи с массами. И это всегда так, причем когда мы привыкаем к подобной терминологии, то на практике она получает двойный смысл, а иногда вводит в заблуждение. Как мы все знаем, в классовой борьбе и в политических действиях очень многие выступления и методы нельзя охарактеризовать как «мирные», потому что они создают угрозу помещичье-буржуазному порядку, а другие, на вид насильственные, могут вызвать самое большое пустячную политическую сенсацию. И вообще, когда классовая и национально-освободительная борьба усиливается, в жизни перемешиваются и сочетаются различные формы борьбы, от одних форм переходят к другим прежде всего в зависимости от обстоятельств и политических требований. Если говорить о точности определений, то кажется более предпочтительным разделение форм борьбы по Ленину — на «низшие» и «высшие».

Кроме того, неоднократные указания Ленина о необходимости учитывать все формы борьбы и овладеть ими имеют значение еще и потому, что он говорит об условном характере всякого предвидения «мирного пути», как бы он ни был обоснован, потому что обязательной составной частью взятия власти является подготовка к вооруженной борьбе.

Во всех случаях важной проблемой для марксистско-ленинской партии является ее способность осуществления *политического руководства*—существенный аспект концепции Ленина об авангардной роли пролетариата и о завоевании им гегемонии. По этой же причине требовании *овладения всеми формами борьбы*—которое является постоянной тактикой ленинизма — должно пониматься *прежде всего* как предупреждение против возможной *неподготовленности к вооруженной борьбе*. Эта борьба предъявляет более жесткие требования, поскольку она ведется на критических участках классовой борьбы, а также еще и потому, что она добавляет

свои собственные специфические законы — политические и технические — к общим политико-теоретическим законам (соотношение сил, отношения между авангардом и массами, важность организации и т. д.), которые должны определять работу революционной партии рабочего класса.

Если исходить из противного, то как понять призыв к *подготовке ко всем формам борьбы*, когда анализ конкретных исторических условий заставляет предвидеть в качестве пути революции вооруженную борьбу, или же как понять обучение военной борьбе в том случае, когда предоставляется мирная возможность?

Логически говоря, для этого уже недостаточно изменить терминологию; одна уже постановка проблемы свидетельствует о необходимости уточнения понятий. Ответ на предыдущие вопросы может быть только один: понятия *методов и форм борьбы* не отождествляются полностью с понятием путей революции, более широким и общим. Правильное предупреждение, обращенное ко всем марксистско-ленинским партиям, относительно необходимости «оглашения всеми формами борьбы» *не устраняет необходимости предвидеть вероятный путь революции вместо того, чтобы переносить момент этого прогнозирования на период конкретной революционной ситуации.*

Овладевать всеми методами и формами борьбы — «мирными» и «немирными» — в обстановке движения, для которого прогнозирован вооруженный путь революции, означает пользоваться всеми тактическими орудиями, которые могут помочь процессу контакта с массами и политического руководства ими в зависимости от переживаемого *политического момента.* Ленин — мы уже говорили об этом раньше — предвидит для царской России путь восстания и тем не менее считает центральной задачей в определенный момент выпуск «Искры» и использует во *всех случаях все возможности урезанной царской легальности.* В течение всей своей деятельности он показывает образцы смелого использования самых различных методов и форм борьбы.

С другой стороны, партия, которая считает наиболее вероятной возможностью вооруженный путь и серьезно готовится к нему, по многочисленным политическим причинам может думать об использовании главным образом невооруженных методов в течение важных периодов своей деятельности.

Различие между позицией Ленина и упомянутым ранее «толкованием», по-видимому, то же самое, которое существует между марксистской диалектикой и релятивизмом, носящим по преимуществу скептический характер. Или же, если хотите, между марксизмом-ленинизмом как теорией и методом анализа, как *руководством к действию* и многочисленными разновидностями позитивизма. Иными словами, это толкование приводит к отрицанию внутренних связей между *теоретическим руководством и политическим и организационным руководством.*

Возможно, что именно этот период — от февраля к октябрю 1917 г. — дает нам наиболее яркий пример синтеза качеств Ленина как теоретика и как вождя партии. В этот период находит концентрированное выражение его мудрость, накопленная в течение столь долгого времени, начиная с работ «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Что делать?», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», и составляющая 24 или 25 полновесных томов его Полного собрания сочинений до февраля 1917 г., — вся история большевизма, которую Ленин излагает в периодизированном виде в «Детской болезни «левизны» в коммунизме»⁶⁷. В тигле этого опыта были зарегистрированы самые высокие температуры — в 1905 г. или во время первой мировой войны, — которые сожгли дотла концепции стольких групп и партий, от пересвященников II Интернационала до улюлюкающих анархистов, превратившихся, согласно выражению одного из них, в «окопных анархистов». Естественно, что в час бури подвергаются испытанию теории, люди и партии. Это очищение огнем, эти идеологические и политические битвы обеспечивают пре-

⁶⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 8—13.

емственность — хотя и не всегда победу — передовых идей, свойственных передовым социальным классам и воплощенных в передовых партиях.

Ленин, начиная с анализа империалистической фазы капитализма — как экономического явления и исторической эпохи, — полностью разработал теорию мировой социалистической революции. И в качестве части этой теории он закалпл металл теории русской революции, ее международного значения и ее особенности. Из международного анализа вытекает подтверждение возможности победы социалистической революции в царской империи, самом слабом звене мировой капиталистической системы; но одновременно Ленин предвидел своеобразие этой революции, он изучил и определил его по крайней мере с 1905 г. Это определение — как мы уже подчеркивали — охватывает, с одной стороны, *характер, фазы, движущие силы и роль пролетариата в руководстве демократической революцией и ее превращении в социалистическую*; а с другой стороны, путь революции через восстание и создание *временного правительства* (демократической диктатуры рабочих и крестьян) в качестве естественного, стратегического следствия вооруженного восстания. Поэтому мы указали в другом месте данной работы, что без изучения «Двух тактик...» трудно, если не невозможно, проникнуть в теоретическую глубину ленинской стратегии и тактики с февраля до июля и затем с июля до октября 1917 г.

Другое важное произведение для понимания ленинской мысли относительно *путей* — работа, написанная в 1917 г., году, наполненном событиями, — «Государство и революция». Эта работа была написана в перпод между двумя ситуациями (от июля до августа), и пет необходимости доказывать, что основные ее идеи были во всех своих деталях разработаны гораздо раньше, хотя их систематическое изложение в письменной форме появилось при свете революционного костра ⁶⁸.

⁶⁸ Эта фундаментальная работа Ленина была написана в Разливе в шалаше на основе заметок, собранных в так называемой «Большой синей тетради». Елизавета Драбкина, уча-

И в то время революционная практика, процессы классовой борьбы и развитие политической обстановки под влиянием действий миллионов людей вносят различия, «поправки» в правильную в своей основе схему Ленина и большевиков. Эти процессы влияют на социальное развитие, перестраивая его, изменяя его, размывая его русло, как отдельные препятствия изменяют течение реки. Ленину приходится иметь дело с непредвиденными обстоятельствами, изменениями, которые вместе с тем не аннулируют принципиального теоретического анализа, основ стратегии и тактики, а, скорее, подтверждают этот анализ и эти основы, показывая их методологическую действенность. Его прогноз «углубляет» жизнь, как это делает художник, когда работает над верно выполненным эскизом. И вероятнее всего, так происходит всегда. Не забудем примечание Ленина на полях «Конспекта «Науки логики». Учение о сущности: «*Явление богаче закона*»⁶⁹. Историческое явление русской революции было гораздо богаче, чем богатая, гениальная и принципиально верная гипотеза развития событий, которой руководствовался Ленин и большевики с 1905 г. И это в свою очередь повлияло на предвидение пути революции. В течение 1917 г. события происходили следующим образом: в начале февраля народное восстание свергает царизм; с марта—апреля по июнь, может быть, с эпизодическим появлением этого момента еще раз в сентябре вследствие разгрома Корнилова, открывается возможность *мирного пути* социа-

стипца Октябрьской революции, тогда молодой член партии, дочь двух видных партийных руководителей, рассказывает по этому поводу: «...важность, которую Ленин придавал этой тетради, видна из письма, направленного им в июле 1917 г., когда над ним нависла смертельная опасность: Entre nous [между нами]: если меня ужокошат, я Вас прошу издать мою тетрадку: «Марксизм о государстве»... Синяя обложка, переплетенная. Собраны все питаты из Маркса и Энгельса, равно из Каутского против Паннекука. Есть ряд замечаний и заметок, формулировок. Думаю, что в неделю работы можно издать. Считаю важным, ибо не только Плеханов, но и Каутский напутали. Условие: все сие абсолютно entre nous!»⁷⁰ (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 49, стр. 444.)

⁶⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 137

лизма; с июля путь идет к вооруженной пролетарской революции, которая побеждает в октябре после классического петроградского восстания.

Этот динамизм развития событий, подвергнувший испытанию способности Ленина как политического руководителя, который слова показал свои достоинства тактика, в то же время подтвердил, что Ленин в любых быстро меняющихся ситуациях не отрывался от своей исходной теоретической и методологической базы. И эту внутреннюю связь между политикой и теорией необходимо изучить. Мы ничего не выиграли бы, если бы стали повторять неэффективную формулу, с помощью которой часто выходят из затруднения: «...было доказано, что революция могла быть мирной или насильственной в зависимости от обстоятельств...» Поскольку теоретический багаж и стратегические установки революционного марксиста-ленинца состоят не в фразах, необходимых для того, чтобы выдержать экзамен в первый класс, а в том, чтобы вооружить методом, который позволяет предвидеть ход событий и соответствующим образом воздействовать — в качестве авангарда — на эти события, такой ответ равносильно ружью без затвора. Его теоретическая внушительность позволяет нам сохранить спокойную совесть, но мы, как и прежде, остаемся без «руководства к действию».

И это еще не самое печальное. Помимо того, что эта формула недействительна, она самодовольно закрывает нам дорогу для изучения столь богатого процесса — *поскольку лишь единственный раз Ленин во всех своих многочисленнейших произведениях конкретно предусматривает реальную возможность мирного пути социалистической революции*. Не считая, конечно, гениального предвосхищения *некапиталистического пути* развития некоторых освободившихся стран, *по-видимому мирного*, если судить по материалам II конгресса Коммунистического Интернационала.

С методологической точки зрения важно ответить — поскольку выяснение этого вопроса открывает плодотворные пути перед различными направлениями работы — на следующие вопросы:

Чем отличался прогноз русского революционного развития, данный Лениным, от конкретного процесса революции?

Из каких объективных данных исходил Ленин для установления того, каков будет в том или ином случае путь революции? Можно ли было оценить эти данные только в условиях *революционной ситуации* или же они уже с того времени обуславливали главные направления большевистской стратегии?

Хотя на первый, а частично и на второй вопрос мы дали в основном ответ в предшествующих разделах этой главы, необходимо дать короткое резюме этих ответов. В схеме Ленина русская революция была демократической революцией эпохи империализма, в которой пролетариат был призван выполнять функцию гегемона; движущие силы революции состояли в основном из пролетариата и крестьянства, к которым присоединялись трудящиеся города и деревни и передовая интеллигенция. Поскольку русское самодержавие было тюрьмой народов, в революции сливались в одно целое демократическая борьба, борьба рабочего класса, крестьянская война и национальные восстания народов, угнетенных царизмом. Революцию нужно было осуществить путем вооруженного восстания. Это восстание должно было разрушить военно-полицейскую и бюрократическую структуру самодержавия и установить демократическую диктатуру рабочих и крестьян и осуществить «до конца» демократические преобразования, что должно было позволить ускоренным шагом продвигаться к социализму⁷⁰. *Мы не нашли у Ленина никаких конкретных упоминаний о том, будет ли этот переход ко второй фазе революции мирным или вооруженным.* Не следует ли думать, что Ленин допускает возможность одного лишь народного восстания, которое, *вру-*

⁷⁰ «„Решительная победа революции над царизмом“ есть революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства... И такая победа будет именно диктатурой т. е. она неизбежно должна будет опираться на военную силу, на вооруженные массы, на восстание, а не на те или иные, «легальные», «мирным путем», созданные учреждения». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 11, стр. 44.)

чив пролетариату гегемонию — внизу и сверху, на улице и в правительстве, — обеспечит знаменитый безболезненный переход к социализму? ⁷¹. Ясно, что при этом необходимо представить себе, что развитие событий определяется «вооруженным массам».

Как же происходят события и в каких аспектах они отличаются от ленинской схемы?

Конечно, это различие не относится к необходимости свергнуть царизм путем народной вооруженной революции. Февральская буржуазно-демократическая революция была подлинно народной революцией, вооруженным восстанием, во главе которого выступали рабочие и крестьяне «в солдатских шинелях». С 23 по 28 февраля (с 8 марта и далее по новому стилю) народное восстание — согласно рассказу советского историка ⁷² — расширяется, пока не происходит отречение царя. 23 февраля (8 марта) проводятся крупные демонстрации против царизма и империалистической войны и за хлеб. В этих демонстрациях участвуют крупные массы рабочих — бастующих или безработных. 9 марта около половины пролетариата Петрограда прекращает работу. Большие колонны направляются из рабочих кварталов в центр. 10 марта начинается всеобщая забастовка, в которой участвует около 400 тысяч рабочих. Непосредственное требование относительно нехватки хлеба отошло на второй план, массы прямо ставят вопрос о свержении царского правительства. Царь отвечает приказом расстрелять рабочих, но массовые выступления продолжаются. 12 марта петроградский гарнизон (180 тысяч человек) переходит на сторону народа с оружием в руках. В свою очередь рабочие нападают на арсеналы и вооружаются. *В этот же день возникают Советы как выражение воли восставшего на-*

⁷¹ Эта фраза («безболезненный переход» или «наименее болезненный переход»), которую Ленин заимствует у Энгельса и использует в ряде случаев, сейчас, в наше время, включена в лексикон многих партий. После Октябрьской революции Каутский попытался превратить ее в предмет насмешки в своей полемике с Лениным.

⁷² И. Пушкарева, Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России (историографический очерк). Институт истории АН СССР

рода. Советы могли бы взять всю власть в свои руки и создать временное революционное правительство, как требует Ленин в «Двух тактиках социал-демократии в демократической революции». Но «стихийное движение масс» большинством голосов выбирает в эти Советы меньшевиков и социалистов-революционеров (эсеров), т. е. мелкобуржуазных представителей революционного движения. А они — как правильно указывает историк Пушкарева—не поддерживали этой гипотезы (гипотезы о революционном временном правительстве как демократической диктатуре рабочих и крестьян); они исходили из неизбежности правительства либеральной буржуазии. Это позволяет буржуазии, которая не порывает с самодержавием, создать одновременно свою собственную власть — временный комитет Думы. 15 марта царь отрекается от престола после неудачных попыток разгромить вооруженный парод военным путем. Революция на плечах рабочих и крестьян (включая в эту последнюю категорию широкие массы солдат) побеждает в самых важных центрах.

На практике создается *двоевластие*, может быть, самая характерная особенность русского революционного процесса: одна власть — это буржуазное правительство, а другая — правительство вооруженного народа, нашедшее свое выражение в Советах. Это обстоятельство, несомненно, служит ключом к тем изменениям, которые претерпевает в жизни стратегическая схема большевиков.

Напомним, что с 1905 г. происходит полемика большевиков и меньшевиков вокруг двух стратегических и тактических *планов*, которые должны быть проведены в жизнь в ходе развития российской буржуазно-демократической революции. Это знаменитые «две тактики», выражение, ставшее бессмертным благодаря замечательному произведению Ленина. Для меньшевиков эта революция должна была привести к относительно длительному периоду буржуазного развития, поэтому во главе ее должно стоять правительство буржуазии; пролетариату останется только роль «крайней оппозиции» в духе того, что происходило при буржуазно-де-

мократических режимах Запада⁷³. Для большевиков буржуазно-демократическая революция — вследствие участия пролетариата, стремящегося к гегемонии, — должна быть увенчана созданием народного правительства (демократической диктатуры пролетариата и крестьянства) и представлять собой пролог социалистической революции.

Несмотря на то что этот стратегический план Ленина, имеющий свои теоретические корни, был принципиально правилен, как доказала революция и тем, что она сделала, и тем, что она не сделала, ни одна из «двух тактик», которые Ленин противопоставляет друг другу в указанном споре, не смогла получить полное выражение, т. е. окончательно победить, в ходе февральского восстания. В первые месяцы революции частично навязываются концепции революционной мелкой буржуазии (меньшевиков и эсеров), которые теоретически и стратегически отрицают диалектику демократической и социалистической революций в эпоху империализма, а тактически призывают пролетариат к роли придатка либеральной буржуазии. Их успех носит отрицательный характер — они требуют власть не для себя, а для буржуазии, иными словами, они, составляя большинство в Советах, мешают взятию «всей власти Советами», полному осуществлению революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьян. Они допускают существование рядом с собой буржуазного правительства, причем они согласились бы даже — если бы массы им это позволили — передать ему функции и атрибуты единственной реальной власти⁷⁴. С другой стороны, победили — в некоторых аспектах — концепции Ленина, которые требовали глубокого народного

⁷³ «Из того, что содержание революции буржуазно, у нас делают глосский вывод о буржуазии, как о двигателе революции, о подсобных, несамостоятельных задачах пролетариата в этой революции, о невозможности пролетарского руководства ею!» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 373.)

⁷⁴ Меньшевики и эсеры «тащат революцию назад, — говорит Ленин, — от Советов к «единовластиям» буржуазии, к обычно-буржуазной парламентарной республике». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 123.)

переворота путем вооруженного восстания — «по-плебейски», — которое не только будет поддержано, но и организовано рабочим классом и его партией. Таково было одно из необходимых условий завоевания руководства—или гегемонии—пролетариатом, г. е. дальнейшего перехода к социализму. Революция была *народной и вооруженной*⁷⁵, на улицах героически боролась и погибали члены большевистской партии. Благодаря *народной и революционной форме* революция не только свергла самодержавие, но даже потрясла основы нарождающегося капиталистического режима. С точки зрения соотношения сил, которое в конечном счете сводится к вопросу о власти, буржуазно-демократическая революция, таким образом, исчерпала свои возможности, хотя аграрный вопрос и другие демократические задачи и были унаследованы социалистической революцией; эти задачи были полностью решены только Октябрем. Народная и вооруженная революция подвела всю бывшую царскую империю к порогу социализма. Но для того чтобы пересечь эту линию, нужно было воплотить в жизнь основную тезис большевиков — гегемонию пролетариата. Иными словами, нужно было воплотить в реальные политические отношения политическое руководство широкими массами со стороны большевиков, *одних или в едином фронте* с революционной мелкой буржуазией, которая сама себя также называет *социалистической*. Но этот тезис — ключ к стратегии большевиков — не одерживает победы в феврале; большевики представляют собой меньшинство в органах, которые призваны стать новой властью. Однако ленинская концепция создала предпосылки для победы: наличие *боевого и вооруженного рабочего класса*, сосредоточенного в Петрограде и Москве, репаящихся политических центрах страны, и существование, уже не только в зачаточном виде, учреждений *новой государственной власти*, организация комитетов рабочих, крестьян и солдат (Советов). В свою очередь па-

⁷⁵ «Не Государственная дума — Дума помещиков и богатей, — а восставшие рабочие и солдаты низвергли царя». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 63.)

родная революция, ускорившаяся в результате чудовищного кризиса, вызванного войной, разбила старую военно-бюрократическую машину и вручила миллионам «крестьян в солдатской шинели» — с винтовками за плечами — возможность оказать решающее влияние на соотношение сил. В какой-то мере *проблема армии в социальном плане выявляется в качестве одного из аспектов союза рабочих и крестьян.*

Все это создает особо сложную ситуацию, в которой должны действовать Ленин и большевики⁷⁶. Революция должна развиваться и перерасти в социалистическую или погибнуть. Но как этого добиться?

Ответы Ленина охватывают темы взаимосвязанные, но различные; но их связь как раз и составляет проблему власти, *неотделимую от проблемы путей социалистической революции.* Ленин говорит: есть две власти, одну из них, власть буржуазии, нужно свергнуть; но сейчас этого нельзя сделать, потому что другая власть — Советы рабочих депутатов — еще ее поддерживает. А эта другая власть есть *«единственно возможное революционное правительство, прямо выражающее сознание и волю большинства рабочих и крестьян»*⁷⁷.

⁷⁶ Ленин пишет в своем первом «Письме о тактике»: «Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства уже осуществилась, по чрезвычайно оригинально, с рядом в высшей степени важных видоизменений... Кто ставит вопрос о «заключенности» буржуазной революции по-старому, тот приносит в жертву живой марксизм мертвой букве.

По-старому выходит: за господством буржуазии может и должно последовать господство пролетариата и крестьянства, их диктатура.

А в живой жизни уже вышло иначе: получилось чрезвычайно оригинальное, новое, непредвиденное, переплетение того и другого. Существуют рядом, вместе, в одно и то же время и господство буржуазии (правительство Львова и Гучкова) и революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, добровольно отдающая власть буржуазии, добровольно превращающаяся в придаток ее». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 134—135.)

⁷⁷ «Выше, лучше такого типа правительства, как Советы рабочих, батрацких, крестьянских, солдатских депутатов, человечество не выработало и мы до сих пор не знаем». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 147.)

Иными словами, чтобы свергнуть буржуазное Временное правительство, нужно было отнять у него поддержку организаций, которые пользовались доверием большинства революционных масс и которые, более того, потенциально были учреждениями «нашей естественной власти», а в России единственно возможной формой будущей социалистической власти.

Пытаться решить первую задачу, не решив вторую, значило применить силу против масс, которые нужно было завоевать на свою сторону. Это было бы авантюрой, бланкистской ошибкой⁷⁸. Таким образом, необходимо было завоевать большинство в Советах. Ленин указывает также на другую сторону того же вопроса: учитывать, поняли ли массы необходимость перейти к насилию против временного правительства после того, как оно прибегло к насилию против масс⁷⁹.

Из этого величия и из этой слабости Февральской революции, из этого двоевластия, в котором воплощены противоположность и частичная победа друг над другом каждой из «двух тактик», рождается возможность мирного пути русской социалистической революции.

Победа буржуазно-демократической революции, результат народного восстания, создала реальную возможность мирного перехода к социализму, детище двоевластия. Это положение отражает активное участие народных масс в революции, реальность существования вооруженного народа; но она отражает и временное преобладание мелкобуржуазных, колеблющихся меньшевиков и эсеров в органах, представляющих широкую массу. Путь для перехода к социализму мог состоять только в мирном пути завоевания большинства в Советах, иными словами, нужно было окончательно завоевать политическое руководство пролетариата, причем эта гегемония была возможна только — как и сама революция — с помощью союза с крестьянством и массами городской и сельской мелкой буржуазии. Эта дорога может позволить даже

⁷⁸ «Мы не бланкисты, не сторонники захвата власти меньшинством». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 147.)

⁷⁹ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 147.

*«демократическое взаимодействие политических партий»*⁸⁰ в рамках Советов.

Таков был, говоря словами Ленина, «самый безболезненный» путь, по которому мы, *марксисты, всегда хотели бы идти*⁸¹. Появление возможности этого мирного пути основывается не на какой бы то ни было спекуляции по поводу плюзорных и формальных демократических гарантий; оно исходит из того, что *нет никакой силы, способной выступить против власти Советов* вследствие разложения государственного аппарата, который царизм завещал буржуазии, и вследствие вооружения народа.

Так родилась возможность мирного пути русской социалистической революции.

Достаточно голой правды исторического факта, она сама по себе поучительна.

Мы не будем заниматься исследованием побочной темы, связанной с нашей, и говорить о полемике Ленина с бланкизмом, к которой мы привлекаем внимание с 1960—1962 гг.⁸² Эта дискуссия касается в данном случае главным образом *условий взятия власти* и их частного аспекта, *момента вооруженного восстания*, которые не должны полностью отождествляться с упомянутой проблемой о путях; они пока что не входят в тематику, связанную с *целесообразностью революционной «насилия»* — которую Ленин подразумевает в одной из приводимых нами цитат, — поскольку она прямее связана с другим вопросом о диалектических связях, которые должен учитывать каждый марксист, *между средствами и формами борьбы и сознанием масс.*

⁸⁰ «Взяв всю власть, Советы могли бы еще теперь — и, вероятно, это последний шаг их — обеспечить мирное развитие революции, мирные выборы народом своих депутатов, мирную борьбу партий внутри Советов, испытание практикой программы разных партий, мирный переход власти из рук одной партии в руки другой», — пишет Ленин еще в сентябре после разгрома Корнилова. (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 237.)

⁸¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 12.

⁸² См.: «Проблемы латиноамериканской революции», М., 1964, 690 стр. а также: “Informe de balance al XVIII Congreso del Partido Comunista de Uruguay”, и “Encuentros y desencuentros de la Universidad con la revolución”, etc.

Строго ограничиваясь проблемой *путей*, мы можем в свете бурных событий 1917 г. сделать некоторые предварительные выводы:

1. Большевики предусматривают с момента образования большевизма как политического течения, что русская буржуазно-демократическая революция *произоидет* вооруженным путем; они готовились к ней политически, организационно и технически; более того, они придают вооруженному восстанию и участию пролетариата в его организации решающее влияние на развитие — сначала демократическое, а потом социалистическое — этой революции. Таким образом, они действовали не на основании благодушной перспективы двух *путей* и не откладывали решение проблемы до самой бури; *вооруженное восстание* входит составной частью во всеобщую концепцию Ленина о том, как «учить революцию», как претворить волю пролетариата в революционный процесс.

2. Мирный путь появляется, не говоря о других причинах, главным образом как следствие февральского *вооруженного восстания*⁸³ и того своеобразия, которое оно порождает: *двоевластия*. Мирный путь действительно выступает сразу же в рамках русской «революционной ситуации» как своеобразный вариант, возникший из-за неустойчивого равновесия факторов власти и идущий от гипотезы вооруженного пути, который послужил руководством для большевиков, особенно после начала первой империалистической войны («превратить войну империалистическую в войну гражданскую»).

3. «Мирный путь» появляется здесь при соппально-политических условиях, к которым подходит уже упоминавшаяся фраза Энгельса: «Каждая великая революция... практически, наглядно и притом в масштабе массового действия ставит перед нами... вопрос о взаимоотноении «особых» отрядов вооруженных людей и „самодельствующей вооруженной организации населения“».

⁸³ Ясно, что, если бы в нашей книге речь шла о полном историческом анализе, нужно было бы добавить вопрос о связи революции с войной и, кроме того, вопрос о наследии 1905 г., этой «генеральной репетиции», по словам Ленина.

После этих заключений мы должны уяснить: Ленин, открыв возможность мирного пути и сочтя, что логично, чтобы революция пошла по этому пути, изменил ли он как-то установки методологического характера, которыми руководствовался до тех пор; говоря яснее, *перестал ли он пользоваться методологией, позволившей ему определить мирный путь*, той методологией, которая позволила ему ранее предвидеть вооруженный путь (напомним весь анализ предыдущих разделов, относящихся к методу).

Совершенно ясно и конкретно — нет!

Не говоря о непредрешенных тактических приемах — тактика всегда столь подвижна, — ленинский анализ вопроса о том, *почему* возможен мирный путь, методологически определяется тем же комплексом, по которому намечено основное направление в «Государстве и революции». Это очень легко проверить на примере работ от «Апрельских тезисов»⁸⁴ до «Письма к товарищам»⁸⁵ или до советов о теории восстания⁸⁶, где всегда можно найти примеры тактических приемов 1917 г. В частности, статья «К лозунгам»⁸⁷ является основным документом, который мог бы занять место одной из незавершенных глав «Государства и революции» или же быть включенным в их состав. То же самое можно сказать о «Письмах о тактике».

Ленин неоднократно настаивает: мирный путь есть возможность, порождаемая двоевластием; лозунг *«Вся власть Советам!»* есть лозунг периода *мирного развития* революции. Осуществление этого лозунга означало бы нарушение в пользу социализма неустойчивого равновесия, своеобразного соотношения сил, когда классический аппарат буржуазного государства, наполовину сломанный⁸⁸, не в состоянии помешать взятию власти

⁸⁴ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 113—118.

⁸⁵ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 398—418.

⁸⁶ Там же, стр. 242—247.

⁸⁷ Там же, стр. 10—17.

⁸⁸ «...нельзя забывать, что фактически в Питере власть в руках рабочих и солдат; насилия над ними новое правительство не производит и не может произвести, ибо ни полиции, ни особой от народа армии, ни стоящего всецело над народом чиновничества нет». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 135.)

пролетариатом и крестьянством; буржуазному Временному правительству противопоставляется власть Советов, практически образовавшаяся форма нового государства, содержанием которого является *вооруженный народ*⁸⁹.

Меньшевики и эсеры хотели бы решить данный вопрос, оставив *реальную власть* буржуазии, и превратить Советы в показную «власть» (раскрашенную по-русски копию знаменитого франкфуртского парламента германской революции 1848 г., над которым издевались Маркс и Энгельс⁹⁰ и о котором неоднократно вспоминает Ленин при каждом анализе хода революции)⁹¹.

Иными словами, это «власть», которая не есть власть без вооруженных сил, т. е. без способности к принуждению и к управлению. И все время — от февраля до июля — реакция стремится ускорить это выхолащивание Советов.

По всем этим причинам Ленин связывает *мирный путь* — переход от двоевластия к единовластию Советов — с реальными факторами могущества борющихся

⁸⁹ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 10—17.

⁹⁰ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 3—113.

⁹¹ Ленин посвятил в «Двух тактиках социал-демократии в демократической революции» целую главу (Послесловие III. *Вульгарно-буржуазное изображение диктатуры и взгляд на нее Маркса*) опыту революций 1848 г., а некоторые аспекты его анализа вопроса о двоевластии показывают, что этот опыт очень живо и певзримо присутствует при всяком анализе. Например, вот что он говорит о результатах победы пролетариата в Берлине 18 мая 1848 г.: «С одной стороны, народное вооружение, право союзов, фактически завоеванное самодержавие народа; с другой стороны, сохранение монархии и министерства Кампаузена — Ганземапа, т. е. правительство представителей крупной буржуазии. Таким образом, революция имела двойного рода результаты, которые неизбежно должны были прийти к разрыву. Народ победил: он завоевал свободы решительно демократического характера, но непосредственное господство перешло не в его руки, а в руки крупной буржуазии». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 11, стр. 124.) (Цитата эта взята Лениным у Маркса.) Что касается франкфуртского парламента, Ленин также цитировал Маркса: «Какой толк будет от наилучшего порядка дня и от наилучшей конституции, если немецкие правительства в это время поставили уже штык в порядок дня?» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 11, стр. 123.)

сил, с возможностью действительного применения «насилия» по отношению к господствующим классам (применяя в данном случае понятие «насилие» не как вооруженную борьбу, но как способность любого государства осуществлять *классовую диктатуру*, которая в социальном смысле всегда является его основной задачей). Вот суть острых комментариев Ленина в его работе «К лозунгам». Но кроме того, когда Ленин пишет 7-й пункт «Задач революции», указывая, что временно появилась возможность *мирного пути*, в дальнейшем закрытая польскими репрессиями, он связывает эту возможность с военно-политическим фактом разгрома Корнилова⁹², т. е. с разгромом «специального отряда» *репрессивного* (государственного) аппарата буржуазии, с фактом глубочайшего разгрома «военно-бюрократической машины» эксплуататорских классов. Силы реакции были разбиты; автором поеды является вооруженный народ. Снова возникло положение, имевшее место с февраля по июль; однако меньшевики и эсеры закрыли *мирный путь*, отказавшись от единого фронта с большевиками для перехода к социализму.

Работа «К лозунгам» имеет громадное историческое значение. В ней говорится о переходе большевиков к подготовке вооруженного восстания. Сохраняется ли еще лозунг «Вся власть Советам!», спрашивает Ленин. Этот лозунг был верен с 27 февраля по 4 июля — теперь он уже перестал быть верным. Ленин имел в виду момент, когда господствовало двоевластие, *материально и формально выразившее неопределенно-переходное*

⁹² «Союз большевиков с эсерами и меньшевиками против кадетов, против буржуазии, еще не испытан. Или, если быть более точным, такой союз испытан только по одному фронту, только в течение пяти дней, 28—31 августа, во время Корниловщины, и такой союз дал за это время полнейшую, с невиданной еще ни в одной революции легкостью достигнутую победу над контрреволюцией, он дал такое сокрушающее подавление буржуазной, помещичьей и капиталистической, союзно-империалистической и кадетской контрреволюции, что гражданская война с этой стороны развалилась в прах, превратилась в ничто в самом начале, распалась до какого бы то ни было „боя“» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 221—222.)

состояние государственной власти». А вопрос о власти есть коренной вопрос всякой революции. Ленин уже здесь переходит к определениям, которые имеют общее методологическое значение; он уже касается не только своеобразия процесса в России и создания Советов, подготовленных революцией 1905 г. и являющихся государственной формой новой социалистической власти, выкованной в среде русских пролетариев. Ленинская аргументация является путеводителем, который позволяет нам разобраться в сложной классовой борьбе в любом месте капиталистического мира:

«Советы представляли из себя делегации от массы свободных, т. е. никакому насилью извне не подвергающихся, и вооруженных рабочих и солдат. Оружие в руках народа, отсутствие насилия извне над народом — вот в чем была суть дела. Вот что открывало и обеспечивало мирный путь развития вперед всей революции. Лозунг: «Переход всей власти к Советам» был лозунгом ближайшего шага, непосредственно осуществимого шага на этом мирном пути развития»⁹³.

Вот указание общего характера: «суть дела» состояла в том, что «оружие в руках народа», т. е. вооруженных рабочих и солдат, не подвергающихся никакому насилью извне.

В этих условиях ни у кого не было силы, чтобы помешать мирному переходу к социализму. Советы были «по своему классовому составу... органами движения рабочих и крестьян, готовой формой их диктатуры»⁹⁴. Если бы Советы имели всю полноту власти, то можно было бы мирно сменить одни партии другими, иными словами, заменить руководящее влияние мелкой буржуазии влиянием пролетариата, утвердить рабоче-крестьянский союз, и «связь всех советских партий с массами могла бы оставаться прочной и неослабленной».

Советы облегчили бы широкий союз рабочего класса, крестьянства, мелкой буржуазии, передовой интеллигенции и т. д. Это и был «самый безболезненный

⁹³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 11.

⁹⁴ Там же.

путь», наиболее желательный, и «за него надо было всего энергичнее бороться»⁹⁵.

Этот мирный путь закрывается с июля, потому что теперь государственная власть находится в руках «военной шайки», русских кавеньяков. Лозунг о «мирном пути» «звучал бы теперь как донкихотство или как насмешка»⁹⁶. «Только вооруженное восстание может изменить положение»⁹⁷.

Наконец, Ленин продолжает писать о возможности «мирного» пути социалистической революции до конца сентября, когда остается лишь несколько недель до Октябрьской революции. Например, он посвящает этой возможности 7-й пункт «Задач революции»⁹⁸, а также очерк «Русская революция и гражданская война»⁹⁹, в которых он дает великолепные определения.

«Мирное развитие какой бы то ни было революции вообще вещь чрезвычайно редкая и трудная, ибо революция есть наибольшее обострение самых острых классовых противоречий, но в крестьянской стране, когда союз пролетариата и крестьянства может дать измученным несправедливейшей и преступнейшей войной массам мир, а крестьянству всю землю — в такой стране, в такой исключительный исторический момент мирное развитие революции при переходе всей власти к Советам возможно и вероятно. Внутри Советов борьба партий за власть может идти мирно, при полном демократизме Советов...»¹⁰⁰.

При этих политических условиях ни одна гражданская война, начатая буржуазией против Советов —

⁹⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 12.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ 27 сентября Ленин пишет письмо председателю Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии: «...партия должна поставить на очередь вооруженное восстание. События заставляют это сделать. История сделала коренным политическим вопросом сейчас вопрос военный». Ленин объясняет, что если не будут приняты серьезные военные и конспиративные меры, «мы можем оказаться в смешных дураках... с прекрасными резолюциями и с Советами, но без власти!» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 264—265.)

⁹⁸ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 237.

⁹⁹ Там же, стр. 214.

¹⁰⁰ Там же, стр. 222—223.

если она передаст им *всю власть*, — станет невозможной; «этакая «война» не дошла бы даже ни до одного сражения, буржуазия во второй раз, после корниловщины, не найдет даже и «дикой дивизии», даже прежнего числа эшелонов казачества для движения против Советского правительства!»¹⁰¹.

Но если вся власть не перейдет к Советам, будет неизбежна жестокая гражданская война. «Если эта возможность будет упущена, то весь ход развития революции, начиная от движения 20 апреля и кончая корниловщиной, указывает на неизбежность самой острой гражданской войны между буржуазией и пролетариатом»¹⁰².

И дело произошло таким образом, как предвидел Ленин: после Октябрьской революции Советской Социалистической Республике пришлось выдержать ужасную гражданскую войну, к которой добавляется иностранная интервенция 14 империалистических и капиталистических стран.

11. ВМЕСТО РЕЗЮМЕ

Социалистическая революция обязательно начинается свержением буржуазных господствующих классов и установлением диктатуры пролетариата — государства, соответствующего переходному периоду от капитализма к коммунизму. Для этого революция должна сломать старую военно-бюрократическую государственную машину и построить новую, позволяющую защитить новый порядок и организовать экономически, политически и с административной точки зрения нарождающееся, строящееся общество — социализм.

Содержание революционного процесса, который приводит к власти рабочий класс в союзе с крестьянством и во главе всего народа, всегда будет таким. Однако это содержание может принять различные формы. Это различие — как показала нам история — может быть следствием особенностей одной страны или

¹⁰¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 222.

¹⁰² Там же, стр. 238.

группы стран, а также и обстоятельств, в которых произошла революция.

Еще в последние годы XIX века молодой Ленин писал в «Нашей программе», что теория Маркса не есть «нечто законченное и неприкосновенное», напротив, «она положила только *краеугольные камни той науки, которую социалисты должны двигать* дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни». И Ленин добавлял: «Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима самостоятельная разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общеприкладные положения, которые применяются в частности к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России»¹⁰³.

Совокупность вопросов, которые ставятся и должны быть решены в результате слияния этих «общих руководящих принципов» с особенностями данной страны, иногда называется *путем* ее к социализму.

В этом понятие категория *путь к социализму* охватывает совокупность программных, стратегических и тактических целей, достижение которых, по мнению марксистско-ленинской партии, вероятно в результате развития революции в определенной стране или группе стран. Другими словами, в значительной степени эта категория является *независимым развитием марксизма*, которого требовал и которое осуществлял Ленин на своей огромной родине.

Таким образом, в понятие *путь к социализму* одной страны или определенного района — если мы будем употреблять термины в этом столь широком смысле — входят различные группы проблем, которые отличаются друг от друга как темы, в частности в плане теории, стратегии или тактики, по которым объединены и взаимозависимы из-за общего содержания общественно-исторического процесса, перехода от капитализма к социализму¹⁰⁴.

¹⁰³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, стр. 184.

¹⁰⁴ «Таковыми общими закономерностями являются: руководство трудящимися массами со стороны рабочего класса, ядром которого является марксистско-ленинская партия, в проведе-

Например, может отличаться процесс установления диктатуры пролетариата (или демократическая революция, перерастающая в социалистическую, или чистая социалистическая революция, или революционное движение за независимость в колонии, которая вступает на некапиталистический путь развития, и т. д.); может отличаться государственная структура диктатуры пролетариата (Советы, народно-демократические государства и т. д.)¹⁰⁵; могут отличаться и другие аспекты, связанные с данным моментом: широта политического демократизма, многопартийная или однопартийная система и т. д. Накопец, может меняться форма осуществления революции (она может быть результатом вооруженного восстания, длительной гражданской войны или коренного изменения классовых сил, которое позволит «мирный приход» к власти).

С теоретической точки зрения эти три — по меньшей мере — типа связанных между собой вопросов можно превосходно отличить друг от друга; но в жизни, в повседневном развитии революции, они, как общее правило, составляют одну единую ткань. Однако

ни пролетарской революции в той или иной форме и установлении диктатуры пролетариата в той или иной форме; союз рабочего класса с основной массой крестьянства и другими слоями трудящихся; ликвидация капиталистической собственности и установление общественной собственности на основные средства производства; постепенное социалистическое преобразование сельского хозяйства; планомерное развитие народного хозяйства, направленное на построение социализма и коммунизма, на повышение жизненного уровня трудящихся; осуществление социалистической революции в области идеологии и культуры и создание многочисленной интеллигенции, преданной рабочему классу, трудовому народу, делу социализма; ликвидация национального гнета и установления равноправия и братской дружбы между народами; защита завоеваний социализма от покушений внешних и внутренних врагов; солидарность рабочего класса данной страны с рабочим классом других стран — пролетарский интернационализм». («Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм», Госполитиздат, М., 1961, стр. 12—13.)

¹⁰⁵ Ленин, говоря о демократической диктатуре рабочих и крестьян, писал: «...эта «формула» предвидит лишь соотношение классов, а не конкретное политическое учреждение, реализующее это соотношение...» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 133—134.) Это замечание относится также и к диктатуре пролетариата.

необходимо предупредить против возможных недоразумений. Например, некоторые публицисты смешивают все эти аспекты. Они доходят до того, что смешивают понятие «путь к социализму» в его наиболее общем понимании, которое употребляется для отражения своеобразия возможного национального исторического процесса (*в отношении государственных форм, многопартийности или однопартийности большего или меньшего политического демократизма, преемственности и обновления традиций, укоренившихся в народе, методов связи пролетариата с его союзниками, в частности с интеллигенцией, и т. д.*) с употреблением этого выражения для определения *формы* взятия власти, что является темой настоящей главы. Несомненно, форма осуществления революции, как общее правило, влияет на формы диктатуры пролетариата, новой революционной власти, она может наложить на них глубокий отпечаток и даже предопределить их характер. А некоторые стороны, например возможности политического демократизма, связаны, по крайней мере на какое-то время, с остротой борьбы классов и с их самым высоким политическим выражением, с завоеванием власти, и с методами, необходимыми для экспроприации старых эксплуататорских классов, и с защитой социалистического порядка ¹⁰⁶.

И в этом смысле, если смотреть с общетеоретической точки зрения, можно объединить воедино сложные разносторонние вопросы. Исходя из этого, мы могли бы сказать, что соединение положений, которые гармонически сочетаются в «Двух тактиках социал-демократии в демократической революции», и явило собой *путь*

¹⁰⁶ Напомним, что Ленин в работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» пишет: «Об ограничении избирательного права я не говорил ни слова. И теперь падо сказать, что вопрос об ограничении избирательного права есть национально-особый, а не общий вопрос диктатуры. К вопросу об ограничении избирательного права надо подходить, изучая **особые условия** русской революции, **особый путь** ее развития... было бы ошибкой заранее ручаться, что грядущие пролетарские революции в Европе непременно дадут, все или большинство, ограничение избирательного права для буржуазии...» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 265—266.)

к социализму, намеченный Лениным и большевиками в соответствии с особыми условиями России и всей царской империи. Как мы неоднократно повторяли, в этой работе объединяются в одно целое определения, начиная с определения характера революции и ее движущих сил вплоть до обоснования необходимости организовать вооруженное восстание и необходимости участия большевиков во Временном правительстве.

Но если нельзя допускать стирания различий, которые охватывает в своем единстве это объединение взаимосвязанных проблем, нельзя допускать и другой крайности — определять все программные, стратегические и тактические аспекты... *намеренно избегая предвидения наиболее вероятной формы осуществления революции.* Это не по-ленински как в подходе к постановке общих вопросов, так и к более узким положениям (например, к определению вооруженного или невооруженного пути и т. д.); Ленин никогда не избегает предвидения, и он никогда не ожидает момента созревания *«конкретной революционной ситуации»*. Дело в том, что при этом Ленин исходит главным образом не из конъюнктурных факторов, хотя в свое время ему придется усиленно считаться с ними — вспомним период с апреля по июль 1917 года, — а из анализа более постоянных моментов: *структуры буржуазной государственной машины, конкретных форм политических учреждений* (деспотические, полуабсолютистские, буржуазно-демократические и т. д.), влияния международного положения и общих тенденций исторической эпохи и т. д. Эта позиция Ленина строго соответствует классическому подходу Маркса и Энгельса.

Ленин считает, что социалистическая революция в эпоху империализма, как «общее правило», пойдет по пути «насильственной революции». Страны, в которых был возможен мирный переход, упомянутые Марксом и Энгельсом — Англия и США в XIX веке, — переставали быть исключением и стали уже подчиняться норме. И там гипертрофия военно-бюрократической машины — милитаризм, связанный с государ-

ственно-монополистическим капитализмом¹⁰⁷ и сложившийся под влиянием грабительских войн и колониальной агрессии, — была наиболее характерным явлением.

И в рамках *революционной ситуации общего типа*, которую объективно создала в Европе империалистическая война, партии должны были подготовиться и подготовить пролетариат к революционной гражданской войне. «Нельзя знать, — пишет Ленин, — в связи с 1-ой или 2-ой империалистской войной великих держав... возгорится сильное революционное движение...»¹⁰⁸. Но предвидение пути (гражданская война) и необходимость подготовки партий к столь трудному обстоятельству повторяются чуть ли не постоянно в его блестящих полемических произведениях. Ведь без этой перспективы создавался риск заражения оппортунизмом всех остальных проявлений и форм борьбы рабочего движения.

Оппортунизм, который Ленин сокрушает мечом самой лучшей теоретической закалки, — это не тема для академической дискуссии, это препятствие на пути революции. Это не только мутный теоретический мираж, это настоящий отказ от революции, сокрушающей старый мир и основывающей новую власть. Ленин одновременно сокрушает и высмеивает иллюзии о мирном пути, порожденные верой в мирное «врастание» капитализма в социализм, иллюзии о том, что социалистическая революция не должна разрушать репрессивную машину буржуазного государства. Ленин осуществляет это в теоретическом и тактическом планах: буржуазия — с ее раздутым репрессивным аппаратом — никогда не отдаст власть добровольно. Она не остановится ни перед результатами выборов, ни перед юридическими и моральными препятствиями, когда на карту будут поставлены ее своекорыстные классовые интересы.

Однако — мы видели это — после Февральской революции, считает Ленин, создалась реальная возможность — «исключительная» и чрезвычайно «ред-

¹⁰⁷ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 131.

¹⁰⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 325.

кая» — осуществить социалистическую революцию без нового вооруженного восстания и, может быть, без последующей гражданской войны. Тогда Ленин зовет к завоеванию власти «*без жестокого и кровавого пути восстания*». Поверхностный комментатор может подумывать, что упрямые факты опровергли прогноз великого революционера в отношении «насильственной революции». Или по крайней мере, что ему пришлось отложить определение этого положения до дней приближения революционного кризиса или до самого кризиса. Мы уже видели, что дело обстоит не так: *мирная возможность* создалась под влиянием империалистической войны и Февральской демократической революции, двух фактов, которые, собственно говоря, не являются мирными. Как Ленин сказал однажды: ружье на плече рабочего — это гарантия демократии.

И мы ничего не поняли бы — ни в теоретическом, ни в политическом плане, — если бы стали повторять под гимны в честь тактической гибкости большевиков, что они подготовились ко всем путям.

Для Ленина у революции не было предвидимого («мирного или немирного») развития, по отношению к которому, в зависимости от того, как пойдет дело, партия, если только она была наготове, могла менять тактику, как коня. И это не по аналогии с нашей поговоркой, которая советует не менять коня посередине реки, потому что Ленин показал, что партия, должным образом подготовленная, может справиться с величайшими *хитростями истории*, она может сменить своего коня восстания на другого, «мирного», а потом снова пересесть на первого. Однако мы писали, что отошли бы от понимания подлинной сути дела, если бы подумали, что в данном случае суть дела состоит главным образом в том, чтобы подчеркнуть тактическую способность перейти от одной ситуации к другой, соответствующим образом изменив *формы* и средства *борьбы*. Такой взгляд означал бы чисто тактическое воззрение на великую теоретическую, стратегическую и тактическую проблему о путях революции; хуже того, с другой точки зрения это равносильно пренебрежению методом, использовавшимся Марксом, Энгельсом и Лениным в отноше-

нии предвидения указанных путей. И это объективно ведет к снижению роли авангарда, поскольку в соответствии с его характером прогноз взятия власти является одной из главных задач. Эта перспектива охватывает вполне закономерно и наиболее вероятный путь революции.

В том или ином программном документе, может быть, целесообразно или нецелесообразно говорить о вооруженной борьбе; но необходимо иметь ясное и реальное понимание этого вопроса, особенно, конечно, в эпохи великих революционных преобразований, подобных нашей.

И, как мы повторяли много раз, Ленин исходил при определении возможности вооруженных или невооруженных путей революции, так же как Маркс и Энгельс, из совокупности объективных факторов, в которые входили а) *общеисторические условия (эпоха развивающегося капитализма, эпоха империализма и т. д.); б) конкретные исторические условия страны или группы стран (прежде всего структура государственного аппарата и политических условий — наличие или отсутствие демократических свобод); в) географическое расположение (возможность революционного развития без обязательной необходимости гражданской войны в малой стране, находящейся рядом с большой социалистической страной; в таком случае перспектива экспорта контрреволюции и сопротивления старых классов ограничивается); г) всегда — конкретное соотношение общественно-политических классовых сил данной страны или группы стран.*

Совокупность этих факторов (а в конкретных вопросах и ряда других — было бы глупо составлять законченный, полный список) дает методологическое руководство для прогноза вероятного революционного развития, в том числе для прогноза реальной стратегической возможности — так делает Ленин в «Двух тактиках социал-демократии в демократической революции» — пути взятия власти.

И этому не противоречит — как не противоречили ленинскому прогнозу изменения положения в 1917 году — возможное изменение обстоятельств в ходе гигант-

ского взрыва, который представляет собой революция. По этой же причине никто не может гарантировать, что уже намеченные пути — вооруженная борьба или невооруженная борьба — никогда не будут изменены жизнью в *рамках собственно революционной ситуации*. Иными словами, никто не может наметить этот путь раз и навсегда, потому что исторически может представиться возможность мирного революционного пути, а в дальнейшем этот путь может не удался. И паборот, вооруженное восстание может приобрести при благоприятных условиях относительно «мирный» характер — т. е. с ограниченным числом потерь и жертв, — а затем, в результате иностранного вмешательства или неблагоприятной международной обстановки, может превратиться в долгую и кровавую гражданскую войну.

Сами формы вооруженной или мирной борьбы с целью захвата власти могут изменяться, как это доказывает вся новейшая история. И точно так же, как вооруженная борьба не обладает одной-единственной формой (вооруженное восстание в одном или нескольких городах, партизанская война, острая классовая борьба в сочетании с вооруженной самообороной народа, которая может перейти и в гражданскую войну, и т. д.), мирный путь тоже не ограничивается одной только формой (например, победой на выборах с использованием парламента для облегчения революционного перехода); он может выступать во многих других формах и, конечно, ни при каких обстоятельствах не может подчиняться никакой избирательной арифметике «половина избирателей плюс один голос».

Историческое развитие — и революции, которые его ускоряют, — нельзя сравнивать с нагромождением случайностей или непредвиденных фактов. Поэтому методологические координаты, по которым ориентируются Маркс и Ленин, чтобы предвидеть *путь* революции, касаются не только непосредственных и текущих событий; они позволяют осуществить стратегическое предвидение. В противном случае передовая партия рабочего класса опустилась бы теоретически на уровень ползучего эмпиризма, до функции зеркала исторической практики, зеркала, которое может отра-

жать только с запозданием. Вместо того чтобы быть авангардом, революционная партия рабочего класса обрекла бы себя на постоянную стратегическую оборону, на запоздалую реакцию перед лицом проблем, которые будет ставить перед ней в вечном ходе непредвиденных случайностей сложная, трудная и пестрая действительность.

Но, как мы все знаем, исторический материализм говорит прямо противоположное. Его научная ценность состоит в том, что он дает прогноз главной линии социальных событий для того, чтобы можно было воздействовать на нее, дает теоретическую и методологическую возможность для того, чтобы мы могли понять ход событий и участвовать в их формировании. Сколько раз в ходе пропаганды и во время полемики марксизм-ленинизм сравнивали с компасом!

Или, как говорил Ленин, повторяя Энгельса, марксизм есть руководство к действию.

И партия поднимется до самого высокого — критико-практического — выражения общественно-исторического современного процесса, если только она станет непреложным формирующим фактором революционных социалистических действий, если она будет учиться у революции и будет в состоянии учить ее.

III. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА О «ПУТЯХ» В НАШЕ ВРЕМЯ

...им совершенно чужда всякая мысль о том, что при общей закономерности развития во всей всемирной истории несколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, стр. 379.

1. «МИРНЫЙ ПУТЬ» В ТЕКСТАХ ДЕКЛАРАЦИИ 1957 г. И ЗАЯВЛЕНИЯ 1960 г.

XX съезд Коммунистической партии Советского Союза в феврале 1956 г. подтвердил, что возможности «мирного» перехода к социализму расширяются. Менее чем через два года после бурных обсуждений, теоретической и политической подготовки 67 коммунистических партий приняли Декларацию, разработанную совместно Коммунистической партией Советского Союза и Коммунистической партией Китая. В этой Декларации имеется обширный раздел (IV) о путях перехода к социализму (эти положения вошли без изменений и в Заявление 1960 г.¹).

¹ «Формы перехода различных стран от капитализма к социализму могут быть разнообразными. Рабочий класс и его авангард — марксистско-ленинская партия — стремятся осуществить социалистическую революцию мирным способом. Осуществление этой возможности соответствовало бы интересам рабочего класса и всего народа, общенациональным интересам страны.

В современных условиях в ряде капиталистических стран рабочий класс во главе со своим передовым отрядом имеет возможность на основе рабочего и народного фронта и других возможных форм соглашения и политического сотрудничества разных партий и общественных организаций объединить большинство народа, завоевать государственную власть без гражданской войны и обеспечить переход основных средств производства в руки народа. Опираясь на большинство народа и давая решительный отпор оппортунистическим элементам, не-

Тексту этих положений в Декларации предшествует небольшой вступительный абзац, в котором говорится, что в мире возникли «более благоприятные условия для победы социализма» в результате «глубоких исторических изменений», в результате коренных «сдвигов» в пользу социализма в международном соотношении сил и в результате «притягательной силы идей социализма» «для рабочего класса, трудового крестьянства и трудовой интеллигенции».

Этот абзац очень краток. И положения, которые следуют за ним, формулируются в общем смысле с явным намерением не выходить за рамки общей постановки вопроса. Можно заметить и тщательную редакцию — соблюдение равновесия в этих положениях разумно обусловлено почти в каждом предложении.

Простое чтение этих текстов приводит прежде всего к заключению: мы имеем дело с подходом к более

способным отказаться от политики соглашательства с капиталистами и помещиками, рабочий класс имеет возможность нанести поражение реакционным, антинародным силам, завоевать прочное большинство в парламенте, превратить парламент из орудия, служащего классовым интересам буржуазии, в орудие, служащее трудовому народу, развертывать внепарламентскую широкую массовую борьбу, сломить сопротивление реакционных сил и создать необходимые условия для мирного осуществления социалистической революции. Все это будет возможно только путем широкого, непрерывного развития классовой борьбы рабочих, крестьянских масс и средних городских слоев против крупного монополистического капитала, против реакции, за глубокие социальные реформы, за мир и социализм.

В условиях, когда эксплуататорские классы прибегают к насилию над народом, необходимо иметь в виду другую возможность — немирного перехода к социализму. Ленинизм учит и исторический опыт подтверждает, что господствующие классы добровольно власти не уступают. Степень ожесточенности и формы классовой борьбы в этих условиях будут зависеть не столько от пролетариата, сколько от силы сопротивления реакционных кругов воле подавляющего большинства народа; от применения насилия этими кругами на том или ином этапе борьбы за социализм.

В каждой отдельной стране реальная возможность того или иного способа перехода к социализму определяется конкретными историческими условиями». («Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм», Госполитиздат, 1961, стр. 17—18.)

широкой и актуальной постановке старой проблемы, имеющей давнюю историю в международном рабочем движении. Здесь нет претензии априорно объявить все решенным для каждой страны или группы стран. Нет здесь и исчерпывающего определения.

Следует подумать над тем, сохраняют ли свою действительность некоторые граничащие друг с другом или сходные положения любой характеристики путей, относительно которых в заявлении нет никакого упоминания; самое важное из этих положений — это марксистско-ленинское положение, определяющее отношение между социалистической революцией и государством.

Изучив этот вопрос, следует конкретно разобраться в своеобразных условиях каждой страны и каждого момента, реальной возможности и степени вероятности того или другого пути революции. В противном случае всякое объявление войны догматизму, заявления, обличающие теоретический склероз и методологическое закоснение, будут неэффективны по тем же самым причинам, если только не будет найдено «спасение» в виде какой-то цитаты из нового текста.

Таким образом, речь идет о творческом подходе, а не цитатничестве, движении вперед, а не топтании на одном месте.

К сожалению, так случалось не всегда. В некоторых случаях простое переписывание указанных отрывков заменяло анализ общественно-исторических и политических условий, на котором должна основываться всякая оценка «путей». При этом теряет свой смысл новизна постановки вопроса, которая становится ритуальной фразой — самой древней формой ухода от жизни, — не годящейся для подлинного революционного процесса. В других случаях цитирование этих мест служит паспортом для самых различных невероятных доводов в пользу *мирного пути*.

Может быть, это последнее заключение вызвано лишь логикой подачи этого абзаца из Декларации. Мы уже говорили, что содержание абзаца имеет общий характер; однако изложение части текста становится

совсем конкретным, когда в качестве единственного примера «мирного пути» приводится путь, идущий через парламент.

Было ли это сделано намеренно? Или это было результатом одного из многих соглашений, свидетельствами которых мы были во время совещания 1957 г., а затем это положение было подтверждено на более сложном совещании 1960 г.?

Но если не говорить об этих соглашениях, если действительно с предубеждением перечитать этот отрывок, то можно подумать, что перед нами в какой-то мере отождествление «мирного пути» с печально известным «парламентским путем».

Так это и сделали китайские руководители, намеренно забывшие об участии Мао в составлении документа, когда позже они начали критиковать его «слева». И так же его истолковали с правых позиций в других местах. Из упомянутого отрывка устранили непременные условия и пояснения и заявили, что, дескать, «парламентский путь» — подлинный путь к социализму для значительной части человечества.

Такое толкование, конечно, явное злоупотребление; но все же текст положений 1957 г., несомненно, требует уточнения и развития. В нем *наше внимание обращают на одну из форм возможного мирного пути*. А именно на тот путь, который протекает в рамках — или с помощью — *государственных форм*, наиболее характерных для *буржуазной демократии* с вероятным использованием *всеобщего избирательного права*, так как там говорится о том, чтобы *«завоевать прочное большинство в парламенте»*. Иными словами, действия масс («широкая массовая борьба», которой удается *«сломить сопротивление реакционных сил»*)² развертываются — по меньшей мере на этапах подхода к революции — в условиях, характеризующихся юри-

² В тексте Декларации и Заявления, когда говорится о массах, явно имеются в виду движущие силы передовой демократической революции, находящейся на пути к социализму. В них говорится о необходимости развития «классовой борьбы рабочих, крестьянских масс и средних городских слоев» [против монополистического капитала и реакции].

дическими и государственными атрибутами буржуазной демократии.

Данное описание, по-видимому, скорее соответствует *фазам перехода* или *подступу* к подлинной возможности взятия власти пролетариатом, чем самому акту установления диктатуры пролетариата без применения восстания. Говоря военным языком, это описание, как кажется, больше соответствует *маршу на сближение*, чем *наступлению* или атаке. В Программе КПСС разъяснение этой темы прямо связано с самым широким кругом вопросов, которые касаются диалектики общих законов и особенностей перехода к социализму в том или ином месте. Программа различает **переходные ступени** «в развитии борьбы за диктатуру пролетариата» и установление этой диктатуры³. Иными словами, она обращает внимание скорее на поиск возможных «менее болезненных» путей в *переходные моменты* в странах с различными особенностями, чем на предопределение мирного пути.

Если мы будем продолжать разбирать тексты Декларации и Заявления, то увидим, что они имеют в виду переход к социализму в некоторых европейских странах: так, там упоминаются случаи крайнего углубления демократической борьбы «*против крупного монополистического капитала*» и «*реакции*». Условия «мирного» перехода к социализму будут создаваться в результате радикализации демократического курса;

³ При общности главных закономерностей социалистической революции, присущих всем странам, разнообразие исторически сложившихся национальных особенностей и традиций порождает специфические условия революционного процесса, разнообразие форм и темпов прихода пролетариата к власти. Этим обусловливается возможность и необходимость в ряде стран *переходных ступеней* в развитии борьбы за диктатуру пролетариата, *разнообразие форм* политической организации общества, строящего социализм. Но в какой бы форме ни совершался переход от капитализма к социализму, он возможен лишь путем революции. Как бы ни были разнообразны в период строительства социализма формы новой народной государственной власти, сущность их одна — **диктатура пролетариата**, представляющая собой подлинную демократию, демократию для трудящихся». («Программа КПСС», Политиздат, 1968, стр. 41.)

в результате глубоких *«социальных реформ»*, которые приведут к последующему обострению *классовой борьбы*, с тем чтобы сломить силою масс *«сопротивление реакционных сил»*. Фронт народных сил, возглавляемый пролетариатом, повернет в другую сторону острее законности, поставит ее на службу себе; то же самое случится и с традиционным органом «народного представительства» (Энгельс) — парламентом.

Если «эксплуататорские классы», которые никогда добровольно не отказываются от власти, прибегнут к «насилию над пародом», нужно иметь в виду возможность «немирного перехода к социализму», как говорится в Декларации и Заявлении.

Если мы не будем заострять внимание на различных особенностях и частностях, то сможем заметить, что некоторые формулировки этого положения имеют точки соприкосновения с действиями испанского народа и его коммунистической партии в период до фашистской интервенции, т. е. с возможностями мирного перехода буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Мне пришлось — по методологическим соображениям — остановиться на вопросе о мирном пути, как его определяют Декларация и Заявление; это потому, что было бы неправильно и даже грубой клеветой приписывать этим документам или положениям XX съезда КПСС цель — выставлять мирный путь как общий принцип или стратегическую норму, с тем чтобы разубедить в необходимости вооруженного пути какую-либо партию или движение, которые будут придерживаться его как вероятного или несомненного пути революции. Нельзя возлагать на Декларацию и Заявление ответственность за оппортунистические грехи, совершаемые от их имени, не имея при этом в виду недочетов, которые в них легко найти. Мы неоднократно доказывали это, особенно в полемике с китайскими руководителями.

Декларация и Заявление имеют общий характер по ряду вполне понятных причин; этот общий характер — мы уже говорили об этом — отчасти вступает в противоречие с самим собой, когда он останавли-

вается на одном из случаев возможного *мирного пути*, с понятной целью учесть положение и потребности некоторых европейских партий⁴, которые с последних дней второй мировой войны действовали в этом направлении.

2. ОБ ОТСТАВАНИИ В ТЕКУЩЕЙ РАЗРАБОТКЕ ПРОБЛЕМЫ

Было бы естественно, если бы с XX съезда до сегодняшнего дня — ведь прошло уже много лет — эти общие и продуманные тексты, рассматривающие важную проблему, которую нужно решать всем, а не каждому в одиночку, были бы отработаны еще больше. На основе конкретного исторического изучения реальных ситуаций их следовало бы развивать теоретически и методологически; следовало бы даже выработать и принять общую терминологию, которая способствовала бы развитию научных дебатов, устранила бы богословскую игру в выражения и содействовала бы лучшему взаимопониманию.

Неодинаковое употребление терминов затруднило обмен мнениями, хотя было бы неверно преувеличивать эту сторону и сваливать всю вину на семантические расхождения. Использование некоторых выражений (*мирный, вооруженный или мирный путь, мирный и немирный* и т. д.) оказало неблагоприятное влияние на дискуссию и продолжает его оказывать. Но это еще далеко до того, чтобы превратить эти невинные выражения — *мирный или мирный путь* — в козлов стпущения для всех теоретических неточностей и оппортунистических обмолвок, которые имели место. Кроме того, не следует забывать, что некоторые из этих выра-

⁴ В Декларации и Заявлении говорится о «некоторых капиталистических странах»; даже в материалах XX съезда говорится: «...завоевать прочное большинство в парламенте и превратить его из органа буржуазной демократии в орудие действительной народной воли... В таком случае это традиционное для многих высокоразвитых капиталистических стран учреждение может стать органом подлинной демократии, демократии для трудящихся». («XX съезд КПСС», Госполитиздат, 1956, стр. 40).

жений почти буквально взяты из произведений Маркса, Энгельса и Ленина.

Постановка вопроса в Декларации и Заявлении сама по себе требовала дальнейшего развития и исследования; из нее вытекает множество теоретических, стратегических и тактических положений, и процесс их усвоения был медленным. Но, кроме того, естественный путь развития марксизма (то, что Ленин называет в «Нашей программе» его *«независимым развитием»*) в каждой стране или группе стран, т. е. анализ конкретной действительности в свете теории и обогащения теории практикой, охватывает *вопрос о путях*. И в этом отношении, между прочим, «независимое развитие» происходило тоже очень медленно. В то же время вопрос о путях, меньше чем когда бы то ни было, должен бы быть темой для умозрительных ухищрений. Проблема власти — с международной точки зрения — появилась на повестке дня.

Для некоторых вся проблема, к сожалению, была решена так, что они обнаружили «мирные пути» даже под копытами лошадей некоторых тираний. «И без всякой надобности!» — как протестовал Энгельс в работе «К критике проекта социал-демократической программы 1891 года». Для других постановка этого вопроса дала удобный случай выбросить за борт под предлогом освобождения от догматических уз основные принципы, выработанные марксизмом-ленинизмом. Если КПСС самокритично анализирует свою славную историю и зовет на штурм бастионов догматизма, зовет понять разнообразие новой эпохи, почему бы не провозгласить некоторые древние ревизионистские уклоны, сотни раз приговоренные историей, чистым золотом современной науки, «новой волной» творческого марксизма? И если этот марксизм является «национальным», частным случаем — что ж, тем лучше. Мимоходом на широкую спину ленинской партии ваяют все собственные глудости, просто приклеивая им ярлык пережитков сталинских отклонений. Через 12 лет после XX съезда есть еще публицисты, которые, как опытные велосипедисты, с успехом кружатся вокруг этой маленькой лужи, в то время как рядом с ними происходят госу-

дарственные перевороты, восстания, локальные войны и другие политические потрясения!

В других случаях проблема решалась путем старого, хотя все еще недостаточно дискредитированного метода формализма: достаточно было почти дословно повторить какой-нибудь абзац документов и — *дело с концом!* Иными словами, вместо подлинного анализа конкретных обстоятельств, которые делают возможным тот или иной путь в той или иной области мира, нам дают кость без мяса, формулу, имеющую международное значение и потому не учитывающую конкретную национальную и местную действительности, в качестве руководства для действия. Ясно, что мы не против возможного *использования обусловленных программных формулировок*, подвергнутых по некоторым соображениям определенной редакции. Мы говорим, как и во всей этой работе, о самом факте, о подлинном анализе, о подлинном, исторически конкретном определении путей.

Это положение создалось в результате постепенного сведения всей проблемы к вопросу о тактике из-за смешения и отождествления ее с необходимыми методами или формами борьбы.

В других случаях брали правильную исходную точку и доводили ее до абсурда. Я говорю о влиянии основных тенденций нашей исторической эпохи, и в частности о ее новых фазах развития, как элементе, обуславливающим появление в более значительном числе случаев возможности мирного пути. Когда этот фактор возводят в ранг ипостаси, он приводит к абсурду (или к двум абсурдам): *первый* — *влияние и растущая мощь социалистического строя в обстоятельствах почти букволического мирного сосуществования дарит нам отдаленный, но мирный переход к социализму* (вспомним иронию Ленина⁵ в полемике с Отто Бауэром); *второй* —

⁵ «Теоретически, т. е. в данном случае вполне абстрактно, говоря: конечно да. Например, допустим, что в девяти странах, в том числе во всех великих державах, Вильсоны, Ллойд Джорджи, Мильераны и прочие герои капитализма находятся уже в таком положении, как у нас Юденич, Колчак и Деникин с их министрами. Допустим, в десятой маленькой стране

революция, если мы будем логичны, должна быть *продуктом экспорта*. Иными словами, добродушное лицо «мирного пути» иронически превращается в маску Марса революционной войны. Если мы пойдем по этому пути до конца, то оптимист доктор Панглосс и запоздавший Лев Троцкий дружелюбно подадут друг другу руки.

Действительно, в результате этого и других подобных искажений люди боятся взять за рога большого теоретического быка — вопрос о том, действительны ли или нет положения Маркса, Энгельса и Ленина об отношениях между *государством и революцией*.

Когда мы начинали наш анализ, мы напоминали, что *марксистско-ленинское понимание путей революции в значительной мере является производным от теории государства вообще и диктатуры пролетариата в частности*. Эта концепция появилась из основных тенденций определенной исторической эпохи, является пробным камнем метода Ленина.

В связи с этим возникает неизбежный вопрос — предполагает ли мирный путь полное или частичное преодоление положения Маркса, Энгельса и Ленина о неизбежном сломе пролетарской революцией военно-бюрократической машины буржуазного государства?

На историческом примере периода с апреля по июль 1917 г. русской революции мы видели, что нет. Меняется ли это положение на нашем этапе эпохи, в которую мы живем?

Возможности «мирного пути» (для Ленина — «редкое исключение», которое подтверждает «правило») отно-

после этого капиталисты предлагают рабочим: давайте, мы вам добросовестно поможем, подчиняясь вашим решениям, проведем «упорядоченную» и мирную (без разрушений!) «экспроприацию экспроприаторов», получая за это первый год $\frac{5}{9}$ прежнего дохода, второй год — $\frac{4}{9}$.

Вполне мыслимо, что в указанных мною условиях капиталисты десятой страны такое предложение в одной из наиболее маленьких и «мирных» стран сделают и ровно ничего худого со стороны рабочих этой страны не будет, если они это предложение деловым образом обсудят и (поторговавшись: купец без запроса не может) примут». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 40, стр. 138.)

сительно увеличились в наше время, но слепо даже в этих обстоятельствах забывать или стирать диалектическую связь между *военно-бюрократической* машиной и *революцией*. Это отношение будет всегда фактором первого разряда, важнейшим ориентиром, когда мы собираемся на научной основе делать прогноз путей. Старый репрессивный государственный аппарат *никогда не вырастет (даже при самом мирном пути)* в социализм. Мы не говорим о людях или о группах людей, входящих в состав военной машины⁶, — мы говорим о структуре, которую Энгельс и Ленин определяют как *государственный аппарат*.

В ленинском подходе к этому вопросу имеется по крайней мере два момента:

1) роль *сопротивления* аппарата — усовершенствованного орудия классового господства, — созданного в целях подавления движения вперед и возможного мирного прихода рабочего класса и народа к власти. Значит, чем сильнее эта машина, тем более тяжелым и трудным будет путь к власти. Можно добавить: нынешнее «совершенство» этой машины и ее кадров, приспособленных для внутренней гражданской войны, кроме того, в империалистических странах для колониальной войны или интервенции, приводит прежде всего к превентивной организации контрреволюции.

2) невозможность установить новый порядок путем простого овладения старым государственным аппаратом, как если бы кто присвоил себе какое-нибудь ружье или дубинку. Маркс, Энгельс и Ленин и все их последователи дали множество доказательств этого положения.

Это положение не затрагивается прямо в Декларации 1957 г. и Заявлении 1960 г.; там говорится только о том, чтобы «сломить сопротивление реакционных кругов».

⁶ Как известно, в русской революции и других революциях этого времени было много офицеров и военных специалистов, перешедших на сторону народа. См., что пишет по этому вопросу Ленин в своих заметках «О диктатуре пролетариата». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 264.)

Эта недоработка весьма заметна. И она станет еще более заметной, если мы вспомним постановку этого вопроса на XX съезде КПСС. На нем говорилось, что «в тех странах, где капитализм еще силен, где в его руках огромный военно-полицейский аппарат, там неизбежно серьезное сопротивление реакционных сил. Там переход к социализму будет происходить в условиях острой классовой, революционной борьбы»⁷.

А в речи А. И. Микояна — одного из тех, кто уделил этому вопросу наибольшее внимание, — можно прочитать: «В других случаях, когда буржуазия обладает сильной военно-полицейской машиной, она навверняка навяжет пролетариату вооруженную борьбу, чтобы отстоять свое господство, к чему пролетариат заранее должен быть подготовлен»⁸.

М. А. Сулов также включил в свою речь предупреждение относительно действенности марксистско-ленинского положения, которое определяет отношения между социалистической революцией и государством: «Однако и при этих условиях [которые в некоторых случаях создают возможность мирного пути. — Р. А.] в ряде капиталистических стран, где особенно сильны реакционные силы и военно-полицейская машина, переход к социализму будет сопровождаться бешеным сопротивлением эксплуататорских классов, а потому острой революционной борьбой рабочего класса»⁹.

Предполагает ли упоминание *парламента* и «устойчивого» и «прочного большинства» — скрытый намек на использование всеобщего избирательного права и некоторых традиционных буржуазно-демократических учреждений — *ограничение, частичную замену или устарение в определенных случаях этих марксистско-ленинских положений?* Мы так не думаем. Об этом мы еще будем конкретно говорить.

Как уже было сказано, все это — и многое другое — должно было стать предметом откровенного обсуждения международным коммунистическим движением.

⁷ «XX съезд КПСС», Госполитиздат, 1956, стр. 40.

⁸ Там же, стр. 316.

⁹ Там же, стр. 274.

И это нужно сделать теперь. В рядах движения, как и в рядах партий, проблемы, которые существуют в жизни, должны обсуждаться и находить отражение в теории. И те недоработанные пункты, по отношению к которым мы занимаем позу страуса, рано или поздно проявляют себя и больно бьют нас по частям, которые мы оставляем открытыми и которые, как нам казалось, мы сохранили тем, что спрятали голову в песок.

3. УГРОЗА РАСКОЛА ДВИЖЕНИЯ КАК ФАКТОР ПОЛИТИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОТСТАВАНИЯ

Основная причина перебоев, опасений или сдержанности при обсуждении, откровенном и братском, некоторых из упомянутых тем вызвана опасностью раскола, которая серьезно угрожала нашему международному движению. Теоретическая дискуссия, которая была начата XX съездом, — дискуссия потенциально широкая, хотя в ходе ее, возможно, были совершены те или иные методологические ошибки, — тормозится или затрудняется в результате угрозы со стороны ревизионизма и догматизма.

Используя в своих целях разоблачение культа личности Сталина и самокритику в отношении некоторых теоретических и политических положений, ревизионизм и догматизм оказывают отрицательное, вредное влияние, поскольку, будучи центробежным течением, они ведут к идейному разброду и способны даже нанести ущерб — как фактически и получилось — претворению в жизнь совместных стратегических и тактических обязательств в борьбе с империалистическим врагом. И это происходит в момент величайших побед и на пороге невиданных достижений!

Сегодня легко увидеть и определить причины явления, которое мы тогда сурово осудили. Когда было рассеяно очарование мифической непререкаемости престижа Сталина, когда уже были превзойдены организационные формы международного единства, которые в свое время воплощал Коминтерн, тогда, хотя и были

решительно выявлены историческое величие и гигантская революционная сила нашего движения, вокруг которого вращалась история XX века почти так же, как Земля вокруг своей осп, вышли на поверхность разногласия и недочеты, связанные с его ростом. В рамках этого могучего движения стали очевидны некоторые слабости и различия в уровнях. Залп «Авроры» призвал сотни миллионов людей на штурм бастионов империализма; страшная война закончилась появлением социалистической системы государств с населением в миллиард человек, вызвала бурю в колониях и появление коммунистических партий как в странах, равных по величине континентам, так и на экзотических островах, едва различимых на карте. Когда было рассеяно очарование догматического авторитета, все эти явления получили своеобразное идейное и политическое отражение как вследствие различия исходных позиций каждой частицы движения, так и потому, что «гномы» прошлого, как заметил еще Карл Маркс, всегда тяготеют над психикой людей настоящего. Кроме того, рост движения вширь не мог сопровождаться соответствующей глубиной и автоматическим идейным созреванием. Все эти факторы — возможно, неизбежные и необходимые, если говорить с философской точки зрения, — частично вызвали неудачу в творческой работе.

Они даже стали препятствием в осуществлении исторической задачи сплочения, выдвинутой партией Ленина, действия которой были затруднены в тот момент собственной самокритикой и соображениями благоразумия, *которое требует теоретического и стратегического восстановления единства движения без использования авторитета или административных методов.* К этому нужно еще добавить, что критическая острота постановки вопроса XX съездом потребовала и от КПСС, после того как она пересмотрела ряд теоретических положений и устранила недочеты, поставить все на соответствующие места.

Произошло так, что остались совсем не исследованные области и, более того, *было затруднено откровенное коллективное и глубокое исследование* некоторых недо-

работанных тем. И тема *путей* по своей природе была среди тех, которыми больше всего занимались, но которые меньше всего коллективно изучались. И создалось парадоксальное положение — *оппортунистические ошибки падали на голову всего движения; но при этом права каждой партии на независимость выступали в качестве священной весталки: чтобы никто не вмешивался в дела «моей страны», не вмешивался в «мою» частную, национальную историю, в «мою» марксистско-ленинскую теорию!*

И хотя Заявление 1960 г. говорило о том, что каждая партия отвечает перед своим пародом и перед международным движением в целом¹⁰, получалось так, что интернационалистическим содержанием были наполнены только малые, незначительные вопросы, а национальная принадлежность — вспомним Маркса! — делила на части, как непреодолимая преграда, все теоретическое, стратегическое и тактическое поле дискуссии. Дело ясное! Призывы к интернационализму могли использоваться и для того, чтобы требовать международного оправдания частных и национальных промахов! И хуже того — как ханжа прикрывает свои проделки именем бога, точно так же собственная вина прикрывается ссылкой на «священное имя» КПСС, причем затем это положение используется — разве это не лакомый кусочек для них! — всеми антисоветскими деятелями и слева и справа. Империалистическая пресса, всегда готовая к провокациям, очень быстро придумала прозвище «просоветских партий», чтобы охарактеризовать совсем не «просоветские» спекуляции в отношении «путей» и других тем, которыми занимались отдельные течения в движении.

С одной стороны, под прикрытием табу «права» на национальную изоляцию выпускаются на волю ревизионистские тенденции, и с их помощью пытаются протащить через едва приоткрытую дверь исследовательского спора затасканные «теории», которыми в свое

¹⁰ См.: «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм», стр. 83.

время гордились самые знаменитые мумии II Интернационала, и в том числе слегка подлакированные отдельные части теории о «мирном вращении капитализма в социализм». Именно здесь тема о «путях» звучит словно соленое слово среди пасхальной обеды. С другой стороны, в атаку бросились доктринеры, готовые принять метод XX съезда в отношении свержения фетишей, но с условием установления собственных божеств в пустующем святилище.

Так, Мао Цзэ-дун и его свита начинают использовать самым примитивным образом действительно принципиальное содержание *вооруженного пути* к социализму. Фактически это их боевой конек; за ним они скрывают хладнокровно разработанную стратегию раскола международного коммунистического движения, вызванную другими причинами. Их метод состоит в использовании передернутых или вырванных из контекста цитат, чтобы приписать КПСС главный уклон — стремление к «мирному пути», больше того, заявить, что тот «мирный путь» проистекает из межгосударственной политики мирного сосуществования между капитализмом и социализмом, а поэтому и обвинить КПСС во всеобщем поощрении этого пути у всех партий и в упорной оппозиции вооруженной борьбе.

Хотя все это отрицательно сказалось на выработке глубокой стратегии коммунистического и антиимпериалистического движения, препятствовало использованию некоторых возможностей и привело к некоторым поражениям, однако еще более отрицательно это повлияло на изучение проблемы *путей* с учетом опыта десятилетних непрерывных классовых и национально-освободительных боев.

В этой борьбе правизна и «левизна» — скажем так для удобства выражения — дополняли друг друга и соответствовали друг другу. Мало того, оппортунизм одних служил для того, чтобы оправдывать оппортунизм других. К сожалению, до сегодняшнего дня правые ревизионисты и маоисты, как Паоло и Франческа в дантовском кругу, по-прежнему влюбленные друг в друга, все время идут вместе.

4. ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПРАВДАНИЕ ПОСТАНОВКИ ВОПРОСА О ПУТЯХ НА XX СЪЕЗДЕ КПСС

Но действительно ли было необходимо ставить отдельным вопросом на XX съезде КПСС вопрос о расширении возможностей мирного пути?

Иногда нас спрашивали об этом люди, честно озабоченные трудностями, которые мы пытались здесь охарактеризовать в сравнительно юмористических тонах.

Постановка вопроса XX съездом, а в дальнейшем Декларацией и Заявлением имеет свое объяснение и свою необходимость, хотя через несколько лет можно было найти определенные недостатки в их текстах.

Эти документы, конечно, принимают во внимание изменения, происшедшие в результате развития нашей эпохи, в результате образования и последующего роста международного значения системы социалистических государств, в результате распада колониальной системы и ликвидации империалистического контроля над значительной частью мира. Коммунистическое движение, составляя часть этих великих потоков истории, охватывает своим влиянием десятки миллионов людей, а марксизм-ленинизм превращается в идеологическую ось всех течений обновления, а также в центр притяжения для поднимающихся народов колоний, народов, борющихся за демократию и независимость, чья деятельность объективно совпадает с развитием социализма, в то время как субъективно они воспринимают его теорию.

Как же можно не изучать влияния столь коренных преобразований новейшей истории на дальнейший мировой революционный процесс? Как же можно не видеть качественных изменений курса, указанного в октябре 1917 г., который чрезвычайно ускоряется после второй мировой войны? Разве сама исходная позиция — та, что империализм уже не может повернуть вспять, даже военными средствами, ход социалистической революции, что развитие социалистической системы необратимо, — разве она частично не изменяет в некоторых районах мира перспективы господствующей

щих классов и потенциально революционных масс? И не только в отношении их нынешних политических перспектив, но также в *некоторых случаях* в плане самого широкого понимания классовой борьбы в отношении использования реакционного и революционного насилия. Общая тенденция эпохи — это действительное постоянное усиление лагеря революции (в результате объединения социализма, демократических движений и борьбы за национальное освобождение) и одновременное ослабление в результате обострения внутренних и внешних противоречий лагеря империалистической контрреволюции.

Но, кроме того, двойная забота — в одном случае *теоретического характера*, а в другом — *тактического* — закономерно обуславливала постановку вопроса в 1956 г. относительно расширения возможностей *мирного пути*. *Первое* намерение состояло в том, чтобы сломать догматические перегородки, которые мешают понять неизвестные ранее движения этой новой действительности, осветить их с программной точки зрения; *второе* намерение — облегчить деятельность некоторым партиям, которые, несмотря на столь благоприятную международную обстановку, наталкиваются на укоренившиеся в массах предрассудки или в течение десятилетий не находят точек опоры, которые позволили бы им включить их теоретическое мышление в социально-исторический процесс развития их народов или же превратиться, как требовал Ленин в «Детской болезни «левизны» в коммунизме»¹¹, в «реальную политическую силу».

Что касается первого намерения, то для его осуществления нужно было изучить — преодолевая устаревшие понятия — по меньшей мере три типа явлений, касающихся международной стратегии и прямо связанных с вопросом о путях:

1) социалистическая революция на некоторых этапах протекала по относительно мирному пути в ряде стран Европы, в большинстве так называемых стран народных демократий; новые исторические события

¹¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 1—104.

повторили то, что могло произойти в России с апреля по июль 1917 г.: переход к социализму без гражданской войны. И я добавлю — то, что произошло в Венгрии в 1919 г. Иными словами, исключительные обстоятельства 1917 г. (которые были проанализированы в ряде речей на XX съезде), проявившиеся и в венгерской социалистической революции, повторяются и умножаются благодаря победе советского народа во второй мировой войне;

2) XX съезд рассматривал как первостепенный вопрос оценку распада колониальной структуры империализма и его влияния на международные соотношения сил. Процесс распада колониальной системы влечет за собой появление во многих странах демократических и антиимпериалистических правительств. И это ставит в порядок дня связанные с этим процессом две важные темы — *некапиталистический путь развития и мирный переход к социализму*. Как подходить — в тех местах, где пролетариат существует как независимая сила, — к задачам достижения уровня радикального демократизма и затем расширить его, двигаясь по направлению к социализму? Это особенно относится к странам, которым угрожает империализм и которые получают экономическую и военную помощь от Советского Союза и других социалистических стран. Возможность *мирного пути* в этих странах появилась как неотложная задача, имеющая практическое значение. То же произошло и в тех странах, где пролетариат еще только зарождался и для них стал возможен некапиталистический путь развития;

3) изучение в некоторых высокоразвитых капиталистических странах отношений между демократическим движением и социализмом (отношений, рассмотренных в свое время Марксом и Энгельсом и более детально Лениным) и возможности создания демократического (антимонополистического) фронта, который мог бы объединить широкие массы, борющиеся за власть, и облегчить политический и идейный переход большинства рабочего класса на коммунистические позиции, требовало более гибкого подхода. Я говорю о некоторых странах Европы.

Что касается второго вопроса, то, хотя проблема о путях не есть тактический вопрос, метод освещения отношений с массами — именно такой вопрос. И форма постановки вопросов, относящихся к революции и ее путях, в частности в периоды «накопления сил», может иногда быть обусловлена необходимостью добиться понимания со стороны масс. Самое явное различие между доктринерством и марксистской диалектикой всегда будет состоять в том — если мы будем говорить в политическом плане, — что теоретические положения марксиста высказываются для того, чтобы превратиться в боевую силу, что возможно только в том случае, если они проникнут в массы. Это не означает, что теоретические положения или стратегический план должны подчиняться требованиям того или иного аспекта тактики.

В новом подходе к проблеме *путей* со стороны международного коммунистического движения, во-первых, учитываются новые возможности, появившиеся в новых условиях, а во-вторых, как следствие этого, необходимо, чтобы тактика соответствовала этим возможностям. Иными словами, такая постановка вопроса стремится открыть путь для понимания со стороны широких народных слоев, которым мешают антикоммунистические предрассудки, в момент быстрого роста авторитета социализма и распространения идей марксизма-ленинизма. Это явление в наши дни даже благоприятствует диалогу с католиками и другими верующими и способствует их сближению с нашим мировоззрением и с нашей революционной деятельностью. В тактическом плане это означает удар по старой, но все время повторяемой антикоммунистической выдумке, той грубой клевете, которая рисует коммунистов как людей, от природы стремящихся к применению силы, организаторов конспиративных заговоров, в общем, как говорят французы, «людей с ножом в зубах».

Иными словами, речь идет о том, чтобы сломать перегородку, которая затрудняет переход в революционный лагерь масс, чья психика сформирована под влиянием массовой капиталистической информации, а иногда под воздействием доктринерской фразеологии,

выставляющей коммуниста как носителя насилия всякого рода (внутри страны — гражданская война плюс полуанархистские методы действия; в международном плане — экспорт революционной войны; в формах правления социалистических стран — смещение диктатуры пролетариата с тиранией или господством полицейского диктата и т. д.).

Потенциальная возможность некоторых форм мирного перехода к социализму могла даже способствовать большей свободе политического положения некоторых частей коммунистического движения, поскольку она поощряла поиск *путей подхода* к революционным изменениям.

Все это имеет положительное значение при условии, если не смешивать тактику с принципами, не подменять тактическими соображениями стратегические предвидения и, наконец, быть готовым к борьбе против ревизионистских тенденций, которые обязательно проявляются, пытаясь замаскироваться пустопорожней болтовней.

С другой стороны, когда Декларация 1957 г. и Заявление 1960 г. говорят, что *«рабочий класс и его авангард — марксистско-ленинская партия — стремятся осуществить социалистическую революцию мирным способом»*, они не нарушают никакого принципа, если только мы будем иметь в виду часть другого абзаца: *«Ленинизм учит и исторический опыт подтверждает, что господствующие классы добровольно власти не уступают. Степень ожесточенности и формы классовой борьбы в этих условиях будут зависеть не столько от пролетариата, сколько от силы сопротивления реакционных кругов воле подавляющего большинства народа, от применения насилия этими кругами на том или ином этапе борьбы за социализм»*.

И далее говорится: *«В каждой отдельной стране реальная возможность того или иного способа перехода к социализму определяется конкретными историческими условиями»*.

Делать из этого положения вывод, что мирный путь в современном мире является *общим принципом* — а так писали некоторые, — а революция через восста-

ние или главным образом через вооруженные формы борьбы — это частное, заставляет нас неметь от изумления.

Еще Энгельс в одном из основных трудов нашего учения, в проекте Манифеста, писал нечто похожее на это место из указанных документов¹², ведь трудно заниматься софистикой частного и общего в условиях баррикадной борьбы и вооруженных столкновений в Европе 40-х годов прошлого века. И Ленин неоднократно подчеркивает желание большевиков использовать всякую возможность мирного перехода к социализму. Даже в сентябре 1917 г. он пишет, как мы уже указывали не раз: «Пролетариат не остановится ни перед какими жертвами для спасения революции... По пролетариат всемерно поддерживал бы Советы, если бы они осуществили последний их шанс [до восстания оставалось меньше месяца.— Р. А.] на мирное развитие революции»¹³.

Положения XX съезда, Декларация и Заявление дают партиям в руки новое тактическое оружие: но это оружие не заменяет и не может заменить анализ со стороны каждой партии *«конкретных исторических условий...»*. И конечно, эта категория — *конкретные исторические условия* — не может быть приравнена к выбору самого вероятного пути революции, осуществляемому

¹² В брошюре «Принципы коммунизма» Энгельс пишет: «16-й вопрос: Возможно ли уничтожение частной собственности мирным путем?»

Ответ: Можно было бы пожелать, чтобы это было так, и коммунисты, конечно, были бы последними, кто стал бы против этого возражать. Коммунисты очень хорошо знают, что всякие заговоры не только бесполезны, но даже вредны. Они очень хорошо знают, что революции нельзя делать предумышленно и по произволу и что революции всегда и везде являлись необходимым следствием обстоятельств, которые совершенно не зависели от воли и руководства отдельных партий и целых классов. Но, вместе с тем, они видят, что развитие пролетариата почти во всех цивилизованных странах насильственно подавляется и что тем самым противники коммунистов из всех сил работают на революцию. Если все это, в конце концов, толкнет угнетенный пролетариат на революцию, то мы, коммунисты, будем тогда защищать дело пролетариата действием не хуже, чем сейчас словом». (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 331.)

¹³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 238.

вплоть до наступления «конкретной революционной ситуации» или к выработке простой тактической гибкости.

Мы, коммунисты, всегда были и остаемся принципиальными противниками насилия над людьми или насилия одной нации над другой; насилие (как *категория* вообще, в целях перехода к социализму) или же использование при осуществлении революции некоторых из конкретных форм насилия, в том числе гражданской войны, всегда вытекало из законов классовой борьбы и конкретно-исторической обстановки, которая обуславливается определенными и неизбежными факторами, причем следует иметь в виду, что эти факторы могут быть относительно вызваны и ходом самой революции. Поэтому было бы нелепо понимать фразу коммунисты «стремятся»* и т. д.— из Декларации 1957 г. и Заявления 1960 г.,— как то, что общей *тенденцией* перехода к социализму в нашу эпоху является мирный путь. Во-первых, потому что *тенденция* в марксизме — если мы будем пользоваться этим словом в его теоретическом понимании — равняется закону, в данном случае *историческому закону* (тенденция — это закон, встречающий препятствие для своего развития, определяет Маркс)¹⁴.

И не говорит и не может говорить об этом текст Декларации и Заявления. И второе, но самое главное: положение в мире явно не позволяет присоединиться к этой точке зрения во многих капиталистических странах.

Другими словами, если вопрос перенести в область тактики, то логично, а во многих случаях обязательно, избегать «революционного фразерства», которое играет на руку реакции; и здесь недолго дойти до «пацифист-

* По-испански «стремятся» будет «tienden», т. е. имеют тенденцию.— *Прим. перев.*

¹⁴ В испанском переводе Программы КПСС устраняется это смещение между общепринятым употреблением глагола и философским пониманием слова. Там говорится «La clase obrera y su vanguardia, los partidos marxistas-leninistas prefieren efectuar la revolucion socialista por via pacifica». («Programa del PCUS», p. 43.)

ских» измышлений. Слова Энгельса, который написал проницательно знаменитую фразу: «*Стреляйте первые, господа буржуа*»¹⁵, не являются ни малейшей уступкой оппортунизму во всем интересном и поучительном анализе во введении к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции». А между тем Маркс и Энгельс «не связывали себе рук», как хорошо разъясняет Ленин.

5. С МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ВАЖНО УСТАНОВИТЬ, КОГДА И КАКИМ ОБРАЗОМ ПРОИСХОДИЛИ СЛУЧАИ МИРНОГО ПЕРЕХОДА

Положение о вооруженном пути, в общем, представляется ясным, и дискуссии ведутся не вокруг того, что это означает. Даже теоретики «мирных путей» признают, что вооруженный путь — это реальное социально-историческое явление, которое в некоторых случаях... даже повторится вновь! Разногласия наблюдаются в основном по вопросу об условиях, способствующих применению оружия в борьбе за власть или по вопросу о формах вооруженной революции (внезапное восстание, партизанская борьба в виде начала восстания, сочетание всех этих форм и т. д.).

Но когда речь заходит о «мирном пути», дискуссии обостряются. В Декларации 1957 г. и Заявлении 1960 г. говорится об одном случае, и мы уже рассматривали его. Но насколько широко значение этого мирного пути? Каковы его известные классические или новые примеры? *И о какой революции мы говорим?*

Если мы начнем с ответа на последний вопрос, то столкнемся с самой сутью темы. Очевидно, речь идет о *мирном переходе... к социализму*.

В этом отношении существуют исторические прецеденты и примеры последних десятилетий, хотя эти события не протекали в таком идиллическом и пасторальном виде, как утверждают некоторые. Таким образом, утверждение о том, что история не знает ни одного

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 254.

случая мирного перехода к социализму, является неверным.

Однако почти все имеющиеся примеры связаны с крупными историческими кризисами, такими, как первая империалистическая война или вторая мировая война, в которой, безусловно, решающую, определяющую роль сыграло участие Советского Союза, великой социалистической державы. Большинство этих примеров относится также к мирному переходу к социализму, которому предшествует демократическая революция, во многих случаях вооруженная.

Исторические прецеденты (включая те случаи, которые Ленин расценивал как реальную возможность мирного пути и которые тем не менее не осуществились) являются, по существу, следующими.

В связи с первой мировой войной:

а) разновидности, имевшие место во время революции 1917 г. в России, день за днем изученные Лениным;

б) возможности, созданные благоприятными условиями в Финляндии, которые буржуазия свела па нет, спровоцировав кровавую гражданскую войну¹⁶;

в) венгерская социалистическая революция, которая создала государство, существовавшее в 1919 г. в течение нескольких месяцев. Ленин очень образно описал своеобразный путь перехода власти в Венгрии в руки пролетариата:

«В Венгрии революция произошла необыкновенно оригинально. Венгерский Керенский, которого там зовут Кароли, сам вышел в отставку, и венгерские

¹⁶ После поражения финской революции Ленин еще несколько раз возвращался к примеру Финляндии, в том числе в декабре 1919 г., с целью уяснения связей между революционным методом и выборами:

«„Пускай сначала революционный пролетариат низвергнет буржуазию, сломит гнет капитала, разобьет буржуазный государственный аппарат,— тогда пролетариат, одержавший победу, сможет быстро привлечь на свою сторону сочувствие и поддержку большинства трудящихся непролетарских масс, удволевая их на счет эксплуататоров” — говорим мы. Обратное будет в истории редким исключением (да и при таком исключении буржуазия может прибегнуть к гражданской войне, как показал пример Финляндии)». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 40, стр. 22).

соглашатели — меньшевики и эсеры — поняли, что нужно пойти в тюрьму, где сидел венгерский товарищ Бела Кун, один из лучших венгерских коммунистов. Они пришли и сказали ему: «Вам придется взять власть!» (Аплодисменты.) Буржуазное правительство подало в отставку. Буржуазные социалисты, меньшевики и эсеры Венгрии, влились в партию венгерских большевиков и образовали единую партию, единое правительство. Тов. Бела Кун, наш товарищ и коммунист, полностью прошедший практический путь большевизма в России, когда я с ним разговаривал по радио, говорил: «У меня нет большинства в правительстве, но я одержу победу, потому что массы за меня, и созывается съезд Советов»¹⁷.

В другом случае Ленин говорит:

«Буржуазия сама сдала власть коммунистам Венгрии. Буржуазия показала всему миру, что, когда наступает тяжелый кризис, когда нация в опасности, буржуазия управлять не может»¹⁸.

Каково то особое значение, которое Ленин придает этому своеобразию метода взятия власти в Венгрии, кроме того, что во всемирно-историческом плане это была вторая победившая социалистическая революция?

Ленин подчеркивает два аспекта пропагандистского характера: 1) пример Венгрии будет решающим для пролетарских масс и трудящегося крестьянства Европы: «...есть только одна власть в мире, которая способна руководить народами в тяжелую минуту,— это власть Советов»¹⁹, и 2) он показывает массам, что тяжелый и кровавый путь русской революции был навязан большевикам империалистическим насилием: «„Посмотрите на Россию,— говорили немецкие меньшевики своим рабочим:— война, голод, разорение! Этого ли вы хотите для социализма?“ И они запугали этим рабочих. А Венгрия показала пример революции, которая рождается совершенно иначе»²⁰.

¹⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 260.

¹⁸ Там же, стр. 233.

¹⁹ Там же, стр. 261.

²⁰ Там же, стр. 260.

Венгерская социалистическая революция, которая существовала с 21 марта по август 1919 г. и которая была задушена в результате иностранного вмешательства и капитулянтской политики венгерских соглашателей, являлась, таким образом, переходом к социализму *без восстания* против буржуазно-демократической власти*. Конечно, ни в одном из своих высказываний Ленин не отождествляет этот переход со спокойным течением. Наоборот, он настойчиво предупреждает Бела Куна о неизбежной остроте классового боя, без которой немислима социальная революция. В «Привете венгерским рабочим» он с классической ясностью определяет функции диктатуры пролетариата. Более того, Ленин, который по понятным причинам употребляет во многих своих работах (например,

* В номере 49 «Estudios» мы перепечатали статью Бела Куна «О венгерской пролетарской революции 1919 г.». В редакционном примечании мы писали следующее:

Бела Кун говорит: «...Пролетариат взял власть, не прибегая к вооруженному восстанию, и основал Венгерскую Советскую Социалистическую Республику. Да, без вооруженного восстания, но не без применения оружия, не без боя: буржуазия не подарила власть рабочему классу, отказалась от нее под давлением событий, когда у нее не было уже средств сохранить ее».

Бела Кун перечисляет различные факторы, которые создали своеобразную обстановку в Венгрии в 1919 г.; в числе решающих факторов он называет разложение военно-бюрократической машины буржуазного государства, вооружение пролетариата и рост влияния партии на вооруженные силы. Мы приведем только три абзаца:

«...Внутри страны, под руководством Венгерской коммунистической партии, широкие пролетарские массы в союзе с еще более широкими массами средних слоев сражались с этой буржуазной властью, надломленной военным поражением (речь идет о первой мировой войне), не имевшей уже фактически вооруженной силы, на которую она могла бы рассчитывать, и потерявшей основную часть свою в массах опор...»

«...Партия не довольствовалась тем, что требовала вооружения пролетариата; она организовала это вооружение сама, в ходе повседневной работы...»

«...Не существовало ни одной вооруженной организации буржуазии — армии, милиции и т. п., — в которой коммунистическая партия не имела бы организованного, во многих случаях преобладающего влияния... Коммунистическая партия... оказывала влияние на крупные контингенты солдат во многих секторах, часто решающих, и руководила ими».

в «Государстве и революции») категорию «насилие» в обычном понимании этого слова, приемлемом в случае с переходом к социализму путем вооруженного восстания — революции, в «Привете венгерским рабочим» подчеркивает более широкое значение этого термина²¹, неотделимого от функции государства при социальном строе, в котором существуют или продолжают существовать антагонистические классы. Мы уже рассматривали это в резюме ко второй части настоящей работы.

В результате второй мировой войны и огромных изменений, порожденных ею в социальной и политической обстановке в Европе, появляются другие примеры перехода к социализму, при которых пролетариат не был вынужден прибегать к вооруженному восстанию. Разгром нацизма и его союзников и решающая роль Советских вооруженных сил в войне создали условия для этого.

Национально-демократические режимы в ряде европейских стран были заменены народно-демократическим (социалистическим) строем без вооруженного восстания. То, что лживая империалистическая пропаганда назвала «пражским переворотом», являлось на самом деле провалом попытки буржуазного государственного переворота, направленного против законного строя. Буржуазный империалистический заговор не смог развязать гражданскую войну и был сорван «без боя», как сказал Ленин, характеризуя провал Корнилова в 1917 г. И мы не намерены сводить этот вопрос к подсчету, много ли было убитых в том или ином случае, как это делают иногда некоторые публицисты, сторонники «мирного пути», не замечая, что договариваются до абсурда. Ведь так даже Парижская Коммуна до агрессии версальцев была бы мирной! К сожа-

²¹ Он говорит, что диктатура пролетариата «предполагает применение беспощадно сурового, быстрого и решительного насилия для подавления сопротивления эксплуататоров... Но не в одном насилии сущность пролетарской диктатуры, и не главным образом в насилии». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 38, стр. 385.)

лению, по мнению Маркса и Энгельса, давших ее великолепный анализ, она была *слишком мирной*²².

С чисто теоретической точки зрения, т. е. имея в виду характер и классовое содержание революции, правильно утверждать, что *замена пролетариатом у власти других социальных классов, или, иначе говоря, установление власти, представляющей собой одну из форм диктатуры пролетариата, произошло мирным путем* в нескольких европейских странах.

Но мы скатились бы до уровня самого блаженного рисовальщика раскрашенных открыток, если бы подняли шумиху вокруг этого, не прибегнув к конкретному историческому анализу и необходимому методическому обобщению обстоятельств, обусловивших это «безболезненное» появление социализма на свет. С самого начала мы обнаружим два следующих обстоятельства: *во-первых*, с вступлением в войну СССР изменился ее характер и широкие массы стали бороться за такие цели, как социализм, демократия и национальная независимость; *во-вторых*, все эти примеры показывают переход от *демократической революции к революции социалистической*. И если из второго аспекта можно сделать вывод о том, что глубокие демократические перемены облегчают подход к «менее болезненному пути» к социализму, не менее обязательным является проводить *границу между переходом к социализму, являющимся результатом перерастания демократической революции, и тем переходом, который совершается в первом акте революционной драмы*. Зачастую эти два момента в дискуссиях смешиваются и неразбериха затрудняет достижение теоретической ясности и мешает ответить на вопрос о непосредственных задачах: *какой путь — мирный или вооруженный — должен быть использован для свержения реакционных диктатур и правительств «горилл» и осуществления вслед за этим радикальных демократических преобразований и т. д.* Нечто вроде этого случилось с теми социал-демократами, которые были *готовы вести разговоры о социали-*

²² См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 189—201; т. 33, стр. 172—173.

стическом будущем, но тщательно избегали упоминания о необходимости завоевания республики, для чего нужно было свергнуть либо царя, либо кайзера и Бисмарка. Как известно, Энгельс и Ленин направили именно против них острые стрелы своей иронии. Как охарактеризовали бы они наших блаженных описателей путей к социализму в том или ином месте, избегающих ответа на ясный вопрос масс о том, *как покончить с язвой тираний?*

Указанные отличительные черты в большинстве случаев переплетаются, ибо имеют общий исторический фон: потрясение, вызванное войной, и ее общедемократические цели. Но они подчеркивают также огромное значение в вопросе о путях марксистско-ленинского положения о роли государственного репрессивного аппарата и о его сломе социалистической революцией.

Когда изучается влияние войны — с ее ужасами и лишениями для масс — как источника объективной революционной ситуации²³, нужно уделить особое внимание тому, что она означает для побежденных стран²⁴, хотя то же самое может произойти также в странах-победительницах, особенно если они были объектом оккупации. По своему собственному характеру это подтверждает вторая мировая война. Такие условия приносят с собой частичное или полное разрушение государственной военно-бюрократической машины. С одной стороны, разложение армий и возможность того, что самые ярые сатрапы превратятся из преследователей в преследуемых, *предполагает выход* (в масштабах, которые невозможно представить себе в обычное время) масс и вообще *вооруженного народа* или по крайней мере народа, *имеющего оружие, на аван-*

²³ Революционной ситуации *общего характера* в Европе в 1914 г. и в последующие годы, о которой говорил Ленин, либо революционного кризиса или собственно конкретной революционной ситуации в данной стране, как это классически определяется в работах «Крах II Интернационала» (См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 209—265) или в «Детской болезни «левизны» в коммунизме». (См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 1—104.)

²⁴ См. ленинский анализ венгерской революции в упомянутых ранее работах.

сцену важных политических решений. С другой стороны, если речь идет об оккупированных странах, жестоко поработанных империализмом, обескровленных и подвергающихся самым бесчеловечным унижениям, как это было при нацизме в большей части Европы, народное сопротивление, особенно если оно вылилось в восстание, и движение за сопротивление были равноценны национально-демократической революции. Это еще в большей степени относится к тем странам, в которых партизанские действия, размах и эффективность сопротивления приняли характер национальной революционной войны.

Если отвлечься (что возможно в качестве логического упражнения, хотя и не в условиях подлинного противостояния сил) от факта присутствия иностранных армий в одних случаях в социалистических, в других — в империалистических странах, в дапном случае выступавших в союзе против нацизма и фашизма, то и тогда переход этих европейских стран к социализму носит своеобразные черты, порожденные сильным воздействием войны. Во всех этих случаях военно-бюрократическая машина развалилась, ибо она была тесно связана с фашистским оккупационным аппаратом: местные репрессивные квислинговские силы находились в услужении у оккупантов, а основные силы армии фашизма перемалывались в великой битве на Востоке. Ее поражения сковывали способность квислинговцев оказывать сопротивление народу. Все это происходило в рамках падения политического престижа самых реакционных слоев господствующих классов и подъема авторитета и мобилизующей силы народных масс, пролетариата и его партии.

И если при этом на примере второй мировой войны мы исторически правильно оценим *гигантскую роль Советских вооруженных сил*, то увидим, что они означали гораздо больше, нежели соседство «крупной социалистической страны» с маленькой социалистической страной, о чем говорил нам Ленин.

Но мы столкнемся также и с другой очевидной истиной: указанные ранее примеры относятся к *переходу без вооруженной борьбы от революции демократи-*

ческой к революции социалистической. Таков пример социалистических республик Европы. Таким мог быть переход русской революции к социализму в марте — июле, а затем в сентябре 1917 г., после разгрома Корнилова. Кубинская революция, которая не была связана с мировой войной, показывает нам такой же пример начиная, видимо, со второй половины 1960 г. и т. д. Все это говорит о необязательности *новой вооруженной борьбы* для перехода от революционно-демократического государства к народно-демократическому государству, являющемуся своеобразной формой диктатуры пролетариата. Я не собираюсь рассматривать детали или заметные различия, вызванные степенью развития вооруженной борьбы в той или иной стране, партизанским движением и через него образованием многотысячных армий, руководимых коммунистами, и т. д., но, конечно, эти оттенки не являются маловажными в рассмотрении данной проблемы.

Вообще речь идет о переходе к социализму от передового демократического строя в своеобразных условиях, порожденных войной или вызванных гражданской войной, которая в основном разрушает репрессивный государственный аппарат господствующих классов. Иначе говоря, подтверждается предвидение Ленина: *это неминуемое условие всякой действительно народной революции.*

* * *

Ставя вопрос о путях, XX съезд КПСС учитывал широкую картину пробуждения к жизни обширных районов колониального, полуколониального и зависимого мира в Азии и Африке в результате распада колониальной системы империализма. Это явление, имевшее место в условиях нового этапа эпохи перехода от капитализма к социализму в мировом масштабе и бывшее фактором и выражением третьего этапа общего кризиса капиталистической системы, представляло целину для теоретического анализа и, кроме того, превращало в практический вопрос — в международном масштабе — предположение Ленина о пекапиталисти-

ческом «пути» развития. Как известно, на II конгрессе Коминтерна²⁵ Ленин подчеркнул, что эта возможность существовала после победы социалистической революции в России. Это была также проблема, которая возникла в только что создавшемся Союзе Советских Социалистических Республик. Решение национально-колониального вопроса было одной из задач русской социалистической революции, которая сумела соединить демократические требования (аграрные требования крестьян, национальные требования азиатских и европейских народов, поработенных царизмом, и всенародное требование мира) с социалистическими целями пролетариата. Это слияние создавало основу для союза рабочего класса, пришедшего к власти только в СССР, с крестьянством и угнетенными народами всего мира. Позже примеру СССР последовала народная Монголия, пошедшая по своеобразному пути. После второй мировой войны в результате участия в ней СССР возникло большое число независимых национальных государств. Социальные отношения во многих из них несут на себе отпечаток той жестокой эксплуатации, которой подвергал их империализм. В некоторых странах при достижении более или менее реальной, более или менее формальной политической независимости²⁶ к власти приходят чиновники и представители слоев, связанных с прежним колониальным строем. В других странах за штурвал государства становятся патриоты и передовые люди, которые до известной степени находятся под влиянием социалистической идеологии, сознающие социально-историческую отсталость своих стран и противоречия капитализма. Для этих деятелей помощь стран социалистической системы (и особенно СССР), которую, как правило, они уже получали на этапе борьбы за освобождение, является залогом экономического развития и социального прогресса. Некоторые из этих стран добились освобождения в результате патриотического восстания или длительной граждан-

²⁵ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 236.

²⁶ Об этом я писал в работах «Мировая социалистическая система и революция колониальных и зависимых народов» и «Проблемы латиноамериканской революции», М., 1964.

ской войны. По мере созревания социально-экономических условий, усиления военного или неокOLONИАЛИСТСКОГО ДАВЛЕНИЯ ИМПЕРИАЛИЗМА, в силу завершения демократических задач происходят классовые сдвиги и углубление процесса внутреннего развития. Другими словами, при этих и некоторых других обстоятельствах на повестку дня встает вопрос, поставленный Лениным, вопрос о *некапиталистическом пути развития*, а альтернативой ему является неокOLONИАЛИСТСКОЕ РАБСТВО.

«Некапиталистический путь» проявляется на практике в обратно пропорциональной зависимости от степени капиталистического развития и, следовательно, формирования и борьбы классов при капитализме — современного пролетариата и современной буржуазии. *Постановка вопроса об этом пути зависит от глубины революционных действий в борьбе за политическую независимость, т. е. от степени участия народа в этой революции.*

Таким образом, тезис Ленина находит во второй половине XX века широчайшее подтверждение во всем мире — это международное влияние социалистической системы в экономическом, военном и идеологическом планах. Союз пролетариата, крестьянства и угнетенных народов в этом случае приобретает форму межгосударственных отношений. Ленин полагал, что Советская власть через помощь и пропаганду, т. е. пропаганду своих достижений, пропаганду передовых марксистско-ленинских идей, облегчит сложный некапиталистический путь развития, путь к социализму, минуя капитализм.

В этих условиях в тех странах, где к власти приходят демократические партии и передовые демократические деятели, вообще придерживающиеся социалистических идей, а иногда и находящиеся под влиянием марксистской идеологии, появляется реальная возможность перехода к социализму своеобразным путем, без вооруженного восстания или гражданской войны, без нового завоевания власти исключительно левыми, социалистическими силами. Международное коммунистическое движение, учитывая подобные возможности,

обратило внимание на расширение реальных возможностей мирного перехода к социализму.

Совершенно ясно, что даже в этих случаях жизнеспособность строя и его способность к продвижению вперед непосредственно связаны с участием народных масс, особенно рабочего класса, пусть даже еще только нарождающегося, а также беднейших крестьянских масс и передовой интеллигенции. Эти обстоятельства могут оказать воздействие на структуру государственного аппарата, т. е. на степень разрушения машины, унаследованной от колониальной администрации, на то, будет ли создана новая государственная структура, в первую очередь новые вооруженные силы, а также новый политический и административный аппарат.

Уже одни эти примеры подтверждают правильность прогноза расширения возможностей мирного перехода от капитализма к социализму, высказанного на XX съезде КПСС, а затем в Декларации 1957 г. и Заявлении 1960 г. Ленин говорил, что «насильственная революция» является «общим правилом», «истинным законом» перехода к социализму, и квалифицировал как «редкий» и «исключительный» случай мирную замену правящего класса. Когда, с одной стороны, происходят такие случаи мирной замены, а с другой — ясно видна постоянная тенденция к изменению соотношения сил в пользу социализма на международной арене, вполне логично, что указать на эти новые и более широкие возможности стало необходимым. Тем более если иметь в виду, что в тактическом плане перспектива обязательной гражданской войны за социализм может сузить лагерь союзников в общедемократической и антимонаполистической борьбе в Европе и антиимпериалистической и демократической борьбе в колониях и зависимых странах.

Но, как уже было сказано, эти документы ограничиваются указанием на то, что возможности мирного пути расширяются вследствие изменения условий и соотношения сил в мире, своеобразных процессов, имеющих место в некоторых странах, и всего хода развития эпохи перехода от капитализма к социализму в международном масштабе. Но даже при таких условиях эти

возможности не могут быть возведены в правило. Более того, я отважился бы сказать, что трудно представить себе этот мирный путь как самый распространенный. Разве что мы займемся некоторыми предположениями, использованными в свое время Лениным для того, чтобы высмеять Отто Бауэра. Допустим, что в девяти основных капиталистических странах, в том числе во всех великих державах Европы, капиталисты разгромлены, а в десятой «маленькой» и «мирной» стране представители капитала предлагают рабочим: давайте мы подчинимся вашим решениям и поможем провести «упорядоченную» экспроприацию нашего состояния, писал Ленин²⁷. Ну что ж! Кто знает, не обратится ли пророчество Ленина в реальную возможность при благоприятном ходе мировой исторической эволюции в ближайшие десятилетия. Но работать сейчас на основе подобной гипотезы означает уподобляться литературному персонажу, который, вызывая в воображении обильные трапезы, запивал глотком воды корку черствого хлеба — своей единственной пищи.

6. НАСКОЛЬКО «МИРНЫМ» ЯВЛЯЕТСЯ ЗНАМЕНИТЫЙ «МИРНЫЙ ПУТЬ»

В конечном итоге под мирным путем можно понимать, если придерживаться марксизма-ленинизма, только взятие власти рабочим классом, стоящим во главе всего народа, без необходимости прибегать к восстанию или к гражданской войне.

Но даже неискушенный и наивный политик, едва он спускается с безоблачного неба общих определений на эту неблагодарную землю, сейчас же сталкивается с тем же вопросом, что и рабочий, впервые подошедший к станку, на котором ему предстоит работать: «А как им управлять?»

Если бы все зависело только от наших желаний!.. Маркс, Энгельс и Ленин говорили и повторяли всегда, когда это было нужно: мы предпочитаем наименее

²⁷ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 40, стр. 138.

болезненные пути достижения социализма. Но мы не субъективисты и не считаем, что великие революции, тем более социалистическая революция, призванная заключить собой «общественную предысторию человечества», могут уподобляться похождениям Франциска Ассизского, его нравоучительной истории с волком*. Мы исходим из объективной и научной оценки реальности, отраженной в бессмертном положении *Манифеста* о том, что вся история была историей классовой борьбы и останется таковой, пока существуют антагонистические общественные классы, эксплуатируемые и эксплуататоры, и что эта борьба будет тяжелой и ожесточенной.

Даже капиталист с самыми изысканными вкусами, поклонник изящной живописи или церковной музыки, или дама, увешанная побрякушками (вспомним элегантных парижанок, которые зонтиками выкалывали глаза пленным коммунарам), превращаются в самых жестоких зверей, когда ставятся под угрозу «незыблемые права» капиталистической собственности. История всех революций неоспоримо подтверждает этот закон, этот процесс развития высших форм классовой борьбы. Маркс, Энгельс и Ленин, проложившие дорогу к социалистической революции, отбросив мусор социал-демократического оппортунизма, признавали в особых случаях возможность «выкупа», то есть экспроприации с возмещением убытков помещикам и буржуазии, возможность менее болезненного пути, но с тем обязательным условием, чтобы эксплуататоры были предварительно лишены политического и военного могущества. Ленин детально изучает мнение Маркса по этому вопросу и сравнивает его с положением в России в работе «О левом» ребячестве и мелкобуржуазности».

Декларация 1957 г. и Заявление 1960 г. подчеркивают, что этот принцип (эксплуататоры не отказываются от власти добровольно) остается неизменным. Это аксиома марксизма-ленинизма.

Но в нашей современной истории этот принцип конкретизируется и проявляется с определенными

* Святой Франциск Ассизский, по преданию, укротил дикого волка.— *Прим. перев.*

особенностями. И это зависит от соотношения сил, а не от педагогических упражнений, рассчитанных на то, чтобы смягчить сердца эксплуататоров. Поступательное развитие нашей эпохи, характеризующееся победой социализма на четвертой части земного шара, подъемом на борьбу миллионов людей колониальных и зависимых стран и грядущими переменами в новых важных районах Европы, оказывает на борьбу в национальных рамках положительное влияние.

Понимание основных тенденций развития своей эпохи — это обязательная отправная точка для каждого революционера, стоящего на марксистско-ленинских позициях. Это очевидно. И тот, кто забывает об этом, обречен власть в доктринерство.

Но разве не впадает в ту же самую ошибку тот, кто преувеличивает влияние внешних, к тому же всемирно-исторических факторов, и рисует перед паппкартппу «мирного развития» некоторых стран или даже целых районов, забывая о внутренних противоречиях и даже о конкретном соотношении сил между социализмом и империализмом в каждом географическом районе?

Поэтому тот, кто пытается установить «самый вероятный путь» революции, превращает в мертвую букву тот *принцип* (именно *принцип!*), что эксплуататоры сами не отдадут власть. Вольно или невольно они забывают о том, что революция порождает контрреволюцию, и наоборот. Если исторически развитие мирового социализма и освободительного движения благоприятствует революционному процессу во всех странах, то это развитие в то же время обостряет все внутренние противоречия капиталистической системы и в *короткий срок* может привести к усилению агрессивности империализма и местных эксплуататоров и, более того, способствовать достижению ими временных преимуществ в некоторых районах, а это, как известно, влечет за собой обострение борьбы. Вспомним высказывание Маркса относительно его родины, Германии, расположенной в самом сердце Европы, которую в то время потрясали революционные бури: «...мы разделяли с современными народами реставрации, не разделяя с ними их революций. Мы переживали

реставрации, во-первых, потому, что другие народы отваживались на революцию, и, во-вторых, потому, что другие народы страдали от контрреволюции; в первом случае потому, что наши повелители испытывали страх, а во втором — потому, что наши повелители не испытывали страха. С нашими пастырями во главе мы обычно оказывались в обществе свободы, только один раз — в день ее погребения»²⁸.

Развитие мирового революционного процесса, который исторически и политически, в общем и целом, стимулирует развитие революционного процесса во всех странах, может сопровождаться временными успехами контрреволюции, которая также извлекает опыт из всего международного развития.

Представители указанного доктринерства учитывают важную истину: расширение положительных возможностей нашей эпохи, обусловленных влиянием социалистической системы и марксистско-ленинской идеологии; но они «забывают» и даже пытаются скрыть другую сторону того же самого явления: неизбежное обострение классовой борьбы в международном и национальном масштабах, а также всех противоречий, порождаемых именно этими историческими обстоятельствами. А ведь это действительно диалектика, а не пошлая политическая метафизика *положительного* и *отрицательного*, которой в свое время рассмешил Маркса Прудон²⁹.

Революция учится, но то же самое делает контрреволюция. Революция укрепляется, а контрреволюция ослабляется и в то же время ожесточается, пока не потеряет окончательно своих возможностей. К тому же, если мы вспомним, что в этой международной и национальной, всемирной и региональной битве мы сталкиваемся не с буржуа девятнадцатого века, тип которого выведен Бальзаком или французскими реалистами, и даже не с «финансистом» Драйзера. Финансовая олигархия монополистического капитала, империа-

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 416.

²⁹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 65—185.

лизма, превратилась в чудовищный социальный нарост³⁰, в кучку крупных капиталистов, руководящих слиянием крупных монополий с государством. И кучка семейств контролирует гигантский экономический комплекс, опутавший своими щупальцами весь остальной капиталистический мир, и командует многомиллионными армиями людей и огромным полицейско-бюрократическим аппаратом.

Вся история говорит нам о том, к каким крайностям приводит подобное положение.

Это — запланированное гитлеровское безумие с его лагерями смерти и промышленной переработкой волос и костей замученных людей. Или, как показывает агрессия во Вьетнаме, это — моральная и психическая деградация морской пехоты и других войск США, обученных ведению антипартизанской борьбы, солдат, путем идеологической обработки и специальных тренировок превращающихся в послушных убийц, которые почище любых садистов со спокойной совестью вспарывают живот ребенку или уничтожают население целых деревень.

Либеральному буржуа или честному и возмущенному нацифисту это серийное производство убийц может показаться изолированным проявлением вырождения человеческой личности под влиянием бесноватого Гитлера, или лицемерного Джонсона, или сегодня Никсона — марионетки крупных дельцов. Но марксист знает, что это — крайнее обострение классовой борьбы со стороны империалистической финансовой олигархии, когда она видит, что близится ее конец.

Поэтому развитие классовой борьбы в международном масштабе, выражающейся в противоборстве социа-

³⁰ «Государство стало комитетом по управлению делами монополистической буржуазии. Резко усиливается бюрократизация всей хозяйственной жизни. Государственно-монополистический капитализм соединяет силу монополий с силой государства в единый механизм в целях обогащения монополий, подавления рабочего движения и национально-освободительной борьбы, спасения капиталистического строя, развязывания агрессивных войн». («Программа КПСС», стр. 26—27.)

листической и капиталистической систем, подтверждает, что мировая война перестала быть неотвратимой, т. е. *не является фатальной неизбежностью*, показывает реальную возможность избежать войны в результате всех изменений и воздействия различных факторов международного развития, но в основном военного превосходства СССР над империализмом и дает возможность полагать, что последняя авантюра империалистов обернется для них полным поражением.

Однако в своей так называемой глобальной стратегии американские империалисты прибегают к интервенциям, «локальным» войнам, государственным переворотам.

Поэтому основывать возможность мирного пути только или в основном путем ссылок на изменение соотношения сил в международном масштабе или на основные тенденции развития нашей эпохи — значит не отвечать на вопрос по существу. Тот, кто применяет этот метод мышления, занимается тем же жонглерством, что и Мао в своей скоморошьей «диалектике» стратегии и тактики. Мао говорил, что империалистического врага следует презирать в стратегическом смысле, надо обязательно принимать его в расчет в тактике. Эта живописная формулировка (типичный пример того, что Ленин называл превращением материалистической диалектики в вульгарную софистику), которая в свое время ослепила своим сиянием не одного политически безграмотного человека, явилась карикатурой на марксистско-ленинскую концепцию: *исторически* капитализм обречен, по это не означает, что по нем везде уже звонят колокола. Плох будет тот руководитель революционной партии, который, исходя из этой правильной исторической оценки, более того, из уверенности в том, что в нашу эпоху возросли в огромной степени возможности победы, не прибегнет, бросаясь в «последний бой», к тщательному стратегическому и тактическому анализу соотношения сил в своей стране и даже в соседних странах!

Антимарксистский метод Мао Цзэ-дуна не может превратиться в «творческий марксизм», когда исследуются возможные «мирные пути» революции.

Когда речь идет о «мирном пути», необходимо уточнение обстоятельств, нужно придерживаться по меньшей мере первоначальной системы координат, которые, как мы уже видели, обуславливают метод Маркса, Энгельса и Ленина при исследовании этой стратегической линии. Так поступал Ленин в апреле 1917 г.

Необходимо хорошо знать, как работает эта «машина», дабы не обмануть себя слащавостью воскресных картинок.

И мы не ссылаемся на заявления о *предпочтительности* в том или ином документе или на использование *условных* формул, поскольку ими пользовались Маркс и Энгельс, да и Ленин. Это мы говорили не один раз. Мы прекрасно понимаем, что — особенно в периоды накопления сил и в условиях буржуазно-демократического строя — необходимо четко разъяснять широким массам, что *ответственность за насилие* падает на господствующие классы. «Стреляйте первые, господа буржуа!» — писал Энгельс, который отнюдь не был таким идальго испанского «золотого века». Но говорить о *реальных возможностях мирного пути* и даже провозглашать *«совершим революцию мирным способом»*, основываясь лишь на изменении условий в мире, означает в лучшем случае пустую фразу, а в худшем — сновторное для того, чтобы не видеть жестокой действительности. Тем более что эти поучительные теоретические высказывания делаются вместо того, чтобы определить *конкретный путь свержения проимпериалистической тирании, господствующей в той или иной стране.*

Прибегая к историческим примерам, мы уже показали некоторые аспекты политико-теоретической проблемы, называемой *«мирный путь»*. Мы уже удостоверились, что зачастую речь идет о *переходе от демократической революции к революции социалистической* и что вообще выражение *«без вооруженного восстания»* означает в большинстве этих случаев отсутствие необходимости *нового вооруженного восстания, с последующей гражданской войной или без нее.* Мы смогли также убедиться, хотя и в общих чертах, что, когда речь идет о некоторых странах Африки, *завоевавших свою политическую независимость, где не возникала*

необходимость в вооруженном восстании, на общем фоне послевоенного распада колониальной системы, мирный путь связан — как правительственная политика или программное требование — с множеством проблем, которыми чреват так называемый «некапиталистический путь» развития к социализму. Подобный ход развития также не усыпан розами, как это показывает печальный опыт Ганы.

Если же мы подойдем ко всем этим вопросам с другой стороны, в глаза бросится доказательство иного рода: нельзя говорить лишь об одной форме «мирного пути».

Мы уже говорили, что нам представляется нарушением логики изложения, носящей по необходимости общий характер, когда в Декларации 1957 г. и Заявлении 1960 г. рассматривается лишь один случай мирного развития, а именно предполагающий использование государственных форм, созданных буржуазией. В данном случае использование равнозначно относительному формальному сохранению этих форм, хотя и при изменении содержания, что позднее должно отразиться и на форме. В качестве иллюстрации названные документы приводят такой вид мирного перехода, в котором сочетаются в своеобразных условиях острой классовой борьбы, с одной стороны, завоевание парламентского большинства фронтом народных сил, возглавляемых рабочим классом и его партией, а с другой — действия масс, способные сломить сопротивление реакции. Подчеркивается, что частью этого процесса является завоевание большинства рабочего класса в идеологической борьбе марксизма-ленинизма против реформистских и соглашательских концепций.

Мы помним, что потенциальный «мирный путь» русской революции имел другие особенности. Там Советы, возникшие как органы народной борьбы, превратились в учреждения новой власти. И лозунг «Вся власть Советам!» противостоял именно лозунгу Учредительного собрания, которое по механизму своей деятельности наиболее походило на буржуазный парламентаризм. Пока что мы не будем подчеркивать аргументы, приведенные Лениным, чтобы противопоставить детище

масс — Советы — «государство типа Парижской Коммуны» — буржуазному парламентаризму с его пороками, среди которых фигурирует и парламентский кретинизм социал-демократии. Пока мы хотим отметить, что упоминание об использовании парламента и о завоевании большинства в нем, что предполагает широкое осуществление всеобщего избирательного права, *может быть понято лишь как особый случай, а не как столбовая дорога прихода к власти без вооруженного восстания.*

Мы не думаем, что в международном плане можно считать эту возможность наиболее вероятной; вместе с тем не пытаемся решить проблему удлинением списка таких случаев. Но нам приходят в голову некоторые возможные ситуации. Например, можно также считать «мирной» революцией срыв государственного реакционного переворота с помощью действий народа и части вооруженных сил, не доводя дело до гражданской войны (как это было с корниловским мятежом), после чего к власти приходят передовые силы и имеет место демократическая радикализация. Как следствие этого, центр тяжести может переместиться от правящих партий коалиции, возглавляемой левыми буржуазными или мелкобуржуазными элементами, к коалиции, во главе которой стоит пролетариат в союзе с крестьянством и радикальной мелкой буржуазией. Точно так же нам приходит на ум другая гипотеза: случай падения диктатуры вследствие всеобщей забастовки, поддержанной вооруженными группами народа, но без восстания и при дифференциации внутри вооруженных сил. На основе этих *национальных и демократических* действий могло бы сформироваться правительство с участием рабочего класса, опирающееся на объединенные народные организации (профсоюзы, организации студентов, крестьян, служащих, интеллигенции, различные народные организации и др.). Перед лицом угроз внутренней реакции и империалистической интервенции извне страна могла бы пойти по *менее болезненному пути* к социализму в ходе углубления демократического, антиимпериалистического процесса. И этот путь тоже можно было бы назвать *мирным пу-*

тем к социализму. Можно было бы продолжить подобные примеры. Все они *теоретически* могут быть охвачены понятием *мирного пути революции* (или перехода к социализму). Но сколь велика разница между этими примерами и некоторыми нелепостями, достойными проповедей «Армии спасения», которые порой приходится слышать!

7. УПОМИНАНИЕ РОЛИ ПАРЛАМЕНТА ЗАСЛУЖИВАЕТ СПЕЦИАЛЬНОГО РАЗДЕЛА

Пожалуй, стоит остановиться немного на формулировке о завоевании «устойчивого парламентского большинства».

Первое замечание возникает, если будем рассуждать строго аналитически: по самой своей сущности гипотеза о «мирном пути» может соответствовать лишь совершенно определенным в политическом и историческом отношениях случаям. В качестве переходного пункта берется необходимая объективная предпосылка: в виде политической арены выступает *буржуазно-демократический строй, притом такой строй, в котором парламент формально, юридически не является* простым «фиговым листком абсолютизма» (вспомним слова Энгельса в «Критике Эрфуртской программы») и существуют определенные политические и государственные условия, позволяющие укрепление рядов пролетариата. Кроме того, парламент как учреждение должен иметь определенную демократическую историю, пользоваться хоть какой-нибудь популярностью среди масс, иметь хоть какие-то перспективы прихода к власти. В своей знаменитой лекции «О государстве»³¹, прочитанной в Свердловском университете, и также в статье «Два мира»³² Ленин говорит о подобных ситуациях, не смешивая их, однако, с основной проблемой неизбежной ломки бур-

³¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 64—68.

³² Ленин говорит о «предреволюционной ситуации», которая отличается «наибольшим... господством законности...» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 20, стр. 16)

жуазного государственного аппарата, когда речь идет о переходе к осуществлению экономических преобразований, т. е. к изменению материальной основы строя.

«Демократическая республика и всеобщее избирательное право по сравнению с крепостническим строем были громадным прогрессом: *они дали возможность пролетариату достигнуть того объединения, того сплочения, которое он имеет, образовать те стройные, дисциплинированные ряды, которые ведут систематическую борьбу с капиталом...* Буржуазная республика, парламент, всеобщее избирательное право — все это с точки зрения всемирного развития общества представляет громадный прогресс. Человечество шло к капитализму, и только капитализм, благодаря городской культуре, дал возможность *угнетенному классу пролетариев осознать себя и создать то всемирное рабочее движение, те миллионы рабочих, организованных по всему миру в партии, те социалистические партии, которые сознательно руководят борьбой масс. Без парламентаризма, без выборности это развитие рабочего класса было бы невозможно*»³³.

Ленин подчеркивает, что значение подобных государственных учреждений выросло на благоприятной исторической почве. В сознании народных масс представление о них слилось с борьбой за свои свободы и права, вследствие чего иногда затрудняется задача по разъяснению их классового содержания, исторически обусловленного характера классических форм буржуазной демократии.

Напротив, в странах, где не существует такого государственного устройства и где парламент в сознании масс не связан с периодом демократических революций и завоевания прав и свобод, т. е. не влияет на сознание масс хотя бы благодаря «исторической инерции» (Энгельс), обращение к нему не представляется столь необходимым при определении социалистических перспектив власти. И подобно тому как является глупым — «полуанархистским», — как говорил Ленин, — примитивизмом всякое безразличие револю-

³³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 32.

ционеров по отношению к формам буржуазного государства (например, демократической или фашистской), столь же бессмысленной спекуляцией представляется, когда при определении «мирных путей к социализму» предусматривается — даже при самых исключительных и благоприятных обстоятельствах — *переход с помощью всеобщего избирательного права и парламента при тираническом и деспотическом строе*. Очевидно, что стратегическая оценка пути к социализму обусловлена в этом случае другим предварительным стратегическим условием: *путем к свержению полицейской или военной диктатуры для завоевания того политического демократизма, который заставлял Ленина воскликнуть в 1905 г.: «Кто хочет идти к социализму по другой дороге, помимо демократизма политического, тот неминуемо приходит к нелепым и реакционным, как в экономическом, так и в политическом смысле, выводам»*³⁴. Ленин также учил, что в зависимости от способа свержения самодержавия³⁵ будет более близок или далек переход к социализму. Более того, после Октября он ссылается на *«исторические факты и ход, формы борьбы, определяющие формы диктатуры»*³⁶ [пролетариата].

Что подумал бы Ленин, если бы столкнулся с людьми, которые принялись бы с ученым видом рассуждать о мирном пути к социализму и даже о юридически определенной роли парламента в этом деле в обстановке политических джунглей, когда реальная стратегическая задача в отношении власти может заключаться лишь в свержении путем демократического восстания фашистской дворцовой диктатуры и обычного правления горилл. Считаю, что это зрелище показалось бы ему смешным, если бы оно имело безобидные, а не драматические последствия, т. е. если бы подобные рассуждения не компрометировали партию пролетариата перед массами и перед самой собой.

Нам легче представить себе, что возможность мирного пути может условно возникнуть как вероятность,

³⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 11, стр. 16.

³⁵ См.: Там же, стр. 38—39.

³⁶ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 283.

вытекающая из свержения деспотического правительства того или иного типа в связи с решительным словом репрессивной государственной машины, который привел бы к падению данного политического режима. Это может быть полезно и необходимо как пропагандистское положение, предназначенное для укрепления тактической связи с социальными классами или слоями, как орудие для создания доверия в лагере демократического единства против фашиствующего деспотизма. Но мы считаем, что такая постановка вопроса допустима, если только она не затмевает другой постановки; иными словами, всем, и в первую очередь самой партии, должно быть ясно, что современная перспектива, великая задача, стоящая на повестке дня, заключается в свержении фашиствующей диктатуры или диктатуры горилл, что в нынешних условиях может совершиться с наибольшей вероятностью путем вооруженной борьбы.

После установления этой исходной отправной точки представляется необходимым разобраться в целом комплексе встающих перед нами вопросов и проблем. С теоретической марксистско-ленинской точки зрения самой важной проблемой является, как мы уже говорили выше, *теория государства вообще и диктатуры пролетариата в частности*. Другой стороной этой проблемы является *путь революции*.

«Каутский не может не знать, — пишет Ленин, — что формула: «диктатура пролетариата» есть лишь более исторически-конкретное и научно-точное изложение той задачи пролетариата «разбить» буржуазную государственную машину, о которой (задаче) и Маркс и Энгельс, учитывая опыт революции 1848 и еще более 1871 года, говорят с 1852 до 1891 года, в течение сорока лет»³⁷.

Означает ли это *формальное сохранение* парламента, о котором говорится в Декларации и Заявлении, т. е. сохранение типично буржуазной с исторической точки зрения государственной формы, и его превращение из «орудия буржуазии» в орудие революционного

³⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 242.

народа, — означает ли оно ограничение основного положения марксизма-ленинизма об обязательном разрушении старого государственного аппарата? Если мы видим в этом «завоевании устойчивого парламентского большинства» *переходный этап* к завоеванию власти, который может непосредственно предшествовать последнему, *но не является сам по себе завоеванием власти*, вопрос отпадает, ответ напрашивается сам собой. Противопоставление парламента настоящему центру буржуазной государственной машины — исполнительной власти — не отличалось бы *по сути* от противопоставления Советов правительству Керенского... если бы только народные силы нашли бы поддержку не только в голосах, поданных за них, и в политической популярности, но и в других средствах «убеждения». Кроме того, в тексте Декларации и Заявления имеется в виду, на наш взгляд, более длительный по времени переходный период, чем собственно социалистическая революция: *«Все это будет возможно только путем широкого, непрерывного развития классовой борьбы рабочих, крестьянских масс и средних городских слоев против крупного монополистического капитала, против реакции, за глубокие социальные реформы, за мир и социализм»*.

Из текста ясно, что переход осуществляется по наиболее демократическому пути, т. е. по пути приближения к социализму, хотя его темп может быть ускорен.

Можно предположить, что в ходе этого процесса — я вновь обращаюсь к опыту Народного фронта в Испании — будет проявляться стремление ликвидировать государственный репрессивный аппарат и его полицейскую машину. До каких пор это будет возможным без вооруженных столкновений? Декларация отвечает на этот вопрос: *«Степень ожесточенности и формы классовой борьбы в этих условиях будут зависеть не столько от пролетариата, сколько от силы сопротивления реакционных кругов воле подавляющего большинства народа, от применения насилия этими кругами на том или ином этапе борьбы за социализм»*.

Теоретическая проблема государства и революции продолжает оставаться на повестке дня.

Оставим в стороне тех, кто передергивает тексты трудов классиков марксизма-ленинизма с тем же старанием, как это делают, но в собственных целях пришепники Мао, при этом едва прикрываясь освященным канонам: изменение исторических условий.

Поскольку эта проблема является кардинальной, необходимо ставить вопрос прямо: *возможно ли говорить о каком-либо пути к социализму без разрушения буржуазной государственной машины? Предполагает ли эту возможность упоминание о парламенте?*

Есть серьезные люди, которые верят в это, хотя и со многими оговорками. И они не принадлежат к числу тех, кто, сталкиваясь со сложными проблемами, начинает ссылаться на «влияние эпохи» и решает их наподобие греческих трагиков, посылавших богов на сцену, чтобы вывести героев из тяжелого положения. Поэтому необходимо дать конкретные ответы. Это важный теоретический вопрос, который нельзя обойти или отложить в долгий ящик вместе с другими докучливыми вопросами.

Например, в некоторых случаях утверждают, что использование парламента в той форме, как об этом говорится в Декларации и Заявлении, предполагает *преодоление либо ограничение (частичное преодоление)* марксистско-ленинской теории государства. К этому, на наш взгляд, ошибочному выводу приходят, сравнивая некоторые цитаты из трудов Ленина с выдержками из этих документов. В приводимых цитатах содержатся известные отрицательные суждения Ленина о парламентаризме и «обычной буржуазной парламентарной республике» по сравнению с *Советской властью, типом государства*, более высоким во всех отношениях, чем самая совершенная буржуазная демократия.

Мы не думаем, что в этом заключается суть вопроса.

Верно, что Ленин указывал с полемической страстью до и после Октября в материалах советской Коммунистической партии и в тезисах III Интернационала, что *Советы как тип государства, как прямая организация трудящихся и эксплуатируемых масс* были *государственной* формой более подлинно демократичной, действенной, менее бюрократической и даже более

дешевой, чем наилучшим образом организованный парламентарный строй. Ленин опирался на опыт двух русских революций, давших начало организации Советов, и на теоретическое положение Маркса о *государстве типа Парижской Коммуны*³⁸.

На I конгрессе Коммунистического Интернационала Ленин ясно излагал глубокие мысли:

«Величайшей нелепостью было бы думать, что самая глубокая революция в истории человечества, первый в мире переход власти от меньшинства эксплуататоров к большинству эксплуатируемых может произойти внутри старых рамок старой, буржуазной, парламентарной демократии, может произойти без самых крутых переломов, без создания новых форм демократии, новых учреждений, воплощающих новые условия ее применения и т. д.»³⁹.

В работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» Ленин говорит о новом *типе государства*, более демократическом и действенном, о *государстве типа Парижской Коммуны*.

«Коммуна должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы... Вместо того, чтобы один раз в три или шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять... народ в парламенте, вместо этого всеобщее избирательное право должно было служить народу, организованному в коммуны, для того, чтобы подыскивать для своего предприятия рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров, как индивидуальное избирательное право служит для этой цели всякому работодателю»⁴⁰.

У нас прежде всего возникает следующая мысль: хотя Ленин полемизирует, исходя из опыта русской революции, это его положение имеет всемирно-историческое значение; оно правильно и актуально. Чтобы

³⁸ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 256 и след.

³⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 498—499.

⁴⁰ Там же, стр. 253 (Ленин приводит здесь слова К. Маркса из его работы «Гражданская война во Франции»).

попятъ это лучше, мы должны избежать ловушки в первом вопросе: ложного противопоставления между *советской формой* и другими *возможными формами диктатуры пролетариата*. Ленин всегда называл Советы не исключительной формой, а *«одной из форм диктатуры пролетариата»*. Главное в ленинской постановке вопроса заключается не в превращении советского образца в нечто официальное; Ленин не создает догм, чтобы повергнуть догмы. Главное — это необходимость участия несокрушимой мощи масс в социалистической революции и их способности создать различные формы диктатуры пролетариата, которые превзошли бы все до сих пор известные государственные формы, и в частности парламентскую республику, наиболее совершенную форму буржуазной демократии. Но даже допуская, что парламентская форма, унаследованная от буржуазии, сможет служить новому *содержанию* и что под влиянием его она изменится и даже превратится в новый *тип государства*, вроде Парижской Коммуны или Советской власти; более того, зная, что это уже происходит, что существуют формы парламента в европейских странах народной демократии, необходимо считать всегда, что *формы*, возникшие в недрах революционных масс, будут лучше служить новому содержанию, пролетарскому государству переходного к коммунизму периода. И это будет тем очевиднее, чем более народной будет революция. Последнее слово в этом вопросе будет принадлежать слиянию революционной инициативы народа и революционных традиций данной страны. Помимо этого, Ленин выдвигает советскую форму государственной власти и отмечает ее влияние на европейские революции, но он никогда не пытается превратить ее в шаблон. Революции не совершаются *по заказу*, повторял он не раз на протяжении всей своей плодотворной жизни.

Представляется также неверным способ выхватывать фразы из трудов Ленина, направленные против социал-демократии и якобы принижающие значение использования всеобщего избирательного права для того, чтобы противопоставить их затем известному предупреждению

Энгельса: немецкие рабочие «так пользовались избирательным правом, что это принесло огромную пользу им самим и стало служить примером для рабочих всех стран. Избирательное право, говоря словами французской марксистской программы, было ими transformé de moyen de duperie qu'il a été jusqu'ici, en instrument d'émancipation — превращено из орудия обмана, каким оно было до сих пор, в орудие освобождения»⁴¹. И не только потому, что можно привести другие, более обширные высказывания Ленина и порассуждать о том, что хотел сказать Энгельс, доказав отсутствие противоречия между ними, а главным образом потому, что ленинские аргументы направлены не против возможностей революционного использования всеобщего избирательного права, а против подчинения вопроса о власти *избирательной арифметике завоевания половины голосов плюс еще один*⁴². В частности, Ленин стремится разрушить социал-демократические иллюзии в отношении того, что класс буржуазии почтительно относится к своему собственному демократизму, к праву и законности, порожденным его строем. Эти воззрения Ленина не отличаются от взглядов Маркса и Энгельса и сохраняют поныне свою силу.

Рискуя вызвать утомление у читателя излишними деталями, попытаемся определить взгляды Ленина по этим вопросам.

Во-первых, мы должны устранить, как это делает Ленин, опираясь на Маркса, частое смешение понятий «форма правления» и «государство».

«**Форма правления** тут решительно не при чем, ибо бывают монархии, не типичные для буржуазного государства, например, отличающиеся отсутствием военщины, и бывают республики, вполне в этом отношении типичные, например, с военной и с бюрократией»⁴³.

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 539.

⁴² См., в частности, работу В. И. Ленина «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата». (Полн. собр. соч., т. 40, стр. 1—24.)

⁴³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 241.

Также не нужно смешивать, как это делает Каутский, вопросы, относящиеся к избирательному праву, т. е. ограничение или не ограничение избирательных прав буржуазии после взятия власти. Ограничения, установленные русской революцией, есть «чисто русский вопрос, а не вопрос о диктатуре пролетариата вообще»⁴⁴. «Но было бы ошибкой заранее ручаться, что грядущие пролетарские революции в Европе непременно дадут, все или большинство, ограничение избирательного права для буржуазии»⁴⁵.

Во-вторых, следует ясно различать понятия «государственная машина» и «формы государства»; нам даже кажется, что, вероятно, нужно проводить различие в марксистско-ленинской теории между «типом государства» и «формами государства». Эти категории в действительности тесно связаны между собой, но эта связь является единством противоположностей, свойственным любой категории социально-исторической диалектики.

Разница между «формами государства» и «государственной машиной» (понимая в качестве последней «военно-бюрократический» аппарат) совершенно очевидна. Однако, поскольку нас интересуют высказывания Ленина по этому вопросу, напомним, как он дидактически пояснял эту разницу в уже упоминавшейся лекции в Свердловском университете. Ленин начал там с главного: «Государство — это есть машина для поддержания господства одного класса над другим»⁴⁶. Формы государства были чрезвычайно разнообразны⁴⁷ на протяжении истории не только в различных общественных формациях, но и в пределах каждой из них; однако, говоря исторически и с классовой революционной точки зрения, государство «всегда было известным аппаратом, который выделялся из общества и состоял из группы людей, занимавшихся только тем или почти только тем, или главным образом тем, чтобы управлять». «Этот аппарат, эта группа людей, которые управляют

⁴⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 265.

⁴⁵ Там же, стр. 266.

⁴⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 73.

⁴⁷ См.: Там же, стр. 74.

другими, всегда забирает в свои руки известный аппарат принуждения, физической силы...»⁴⁸.

Что же касается другого различия, различия между *формой* и *типом государства*, то в некоторых работах Ленина эти категории сопоставляются. В частности, в полемике с Каутским отмечается, что Маркс «говорит не о *форме правления*, а о *форме* или *типе государства*»⁴⁹. При поверхностном взгляде может показаться, что Ленин отождествляет *форму* и *тип государства* с помощью этого «или» (предполагающего, казалось бы, знак равенства). Некоторые буквальные сравнения, высказанные в лекции в Свердловском университете, могут внушить мысль, что Ленин отождествляет *форму государства* и *форму правления*⁵⁰. Однако мы видели по ленинским же работам, что он думает по-иному. С другой стороны, в тексте той же лекции несколькими страницами ниже Ленин уточняет, что любое государство, в котором господствует капиталистическая собственность, «есть *государство капиталистическое*, оно есть машина в руках капиталистов, чтобы держать в подчинении рабочий класс и беднейшее крестьянство. *А всеобщее избирательное право, Учредительное собрание, парламент* — это только *форма...*» «*Форма господства* государства может быть различна: капитал одним образом проявляет свою силу там, где есть одна *форма*, и другим — где *другая...*» независимо от того, «*есть ли республика демократическая*»⁵¹.

Это различие становится еще более очевидным в знаменитых тезисах 1917 г., озаглавленных «Задачи пролетариата в нашей революции». В одиннадцатом тезисе под заголовком «*Новый тип государства, вырастающий в нашей революции*»⁵², можно прочесть:

«Советы рабочих, солдатских, крестьянских и пр. депутатов не поняты не только в том отношении, что

⁴⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 72.

⁴⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 250.

⁵⁰ См., например, о «разнообразных формах правления» в работе «О государстве». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 75).

⁵¹ Там же, стр. 81.

⁵² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 162.

большинству неясно их классовое значение, их роль в русской революции. Они не поняты еще и в том отношении, что они представляют из себя новую форму, *вернее, новый тип государства*».

Ленин явно проводит здесь различие между категорией *новый тип* государства и понятиями, относящимися к *различным формам государства* с одним и тем же классовым содержанием. Кроме того, он различает *форму государства от государственной машины* в собственном смысле этого слова, ибо пишет далее в том же одиннадцатом тезисе:

«Наиболее совершенным, передовым из буржуазных государств является *тип парламентарной демократической республики: власть принадлежит парламенту; государственная машина, аппарат и орган управления обычный; постоянная армия, полиция, чиновничество, фактически несменяемое, привилегированное, стоящее над народом*»⁵³.

Ленин доказывает далее преимущество «государства типа Парижской Коммуны» над буржуазным парламентарным государством. Он приводит для этого несколько соображений, но подчеркивает два главных, отличающих коммунистов от анархистов (*которые не признают необходимости государственной власти в революционный период*) и от социал-демократов (*которые скрывают необходимость разрушения аппарата угнетения, государственной машины*). Плеханов, Каутский и другие, пишет Ленин, считают, что революция нуждается в такие периоды в *«обычной парламентарной буржуазной республике»*, а не в государстве типа Коммуны. От парламентарной буржуазной республики можно повернуть назад, если не сломана машина угнетения. *«Коммуна и Советы... разбивают... эту машину»*. Помимо этого, они расширяют *прямое участие народа* в осуществлении власти.

Здесь Ленин уже говорит (чтобы понять это, достаточно уметь читать) *о двух формах «государства типа Коммуны»*: Парижской Коммуне и Советах. Тот факт, что Ленин говорит о *«государстве типа Коммуны»*,

⁵³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч. т. 31, стр. 162.

чтобы подчеркнуть преимущества *Советской власти*, уже доказывает нам, что он не отождествляет *тип государства с формами*, которые оно может принять в каждом конкретном случае установления диктатуры пролетариата.

Эти уточнения, несмотря на свою кажущуюся академичность, имеют огромное практическое значение, ибо позволяют отличать доброе зерно от плевел.

Итак, необходимо сосредоточить внимание на *основном* в марксистско-ленинской теории о государстве: а) классовом характере государства, б) необходимости разрушения пролетарской революцией военно-бюрократической машины буржуазного государства и в) замене этого последнего государства *нового типа*, первой формой которого была Парижская Коммуна, а второй, победоносной формой — Советская власть. По мере распространения социалистической революции возникли другие «*формы*» этого государства *нового типа*, содержанием которого всегда была и будет диктатура пролетариата.

Понятие *тип государства* складывается для Ленина из двух частей: а) *классовый характер*, б) *структура государственного аппарата*.

Таким образом, первый вопрос в связи с парламентом — и парламентаризмом — должен быть связан с его «*исторической ограниченностью и условностью*»⁵⁴, с его классовым характером. Этот исторический характер учреждения (т. е. конкретная определенность его классового характера) является частью другого, более широкого вопроса о буржуазной демократии, тоже *условной и ограниченной* по своей классовой сущности⁵⁵. Поэтому в этой части рассмотрения проблемы не обсуждается (нелепо примешивать его сюда,

⁵⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 255.

⁵⁵ «Буржуазная демократия, будучи великим историческим прогрессом по сравнению со средневековьем, всегда остается — и при капитализме не может не оставаться — узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной, раем для богатых, ловушкой и обманом для эксплуатируемых, для бедных». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 252.)

как это делают левые и правые оппортунисты) *тактический вопрос* об использовании пролетариатом пего партней парламента и «парламентаризма» в рамках буржуазной государственности. Леппп делает специальную оговорку по этому поводу⁵⁶. В данном случае речь идет о *теоретическом вопросе* — о взаимоотношениях между государством и революцией. Первое важное противопоставление, которое Леппп делает в отношении Советской власти и буржуазного парламентаризма, не сводится ни к *форме правления*, ни даже к более широкой области — формам государства при диктатуре буржуазии и диктатуре пролетариата. Речь идет о подлинном *демократизме* пролетарской диктатуры, следствии ее *классового характера*, обеспеченном *советской государственной формой*, ее *типом государства*.

Следовательно, нельзя ставить вопрос так, будто бы для Лепппа главное противопоставление делалось между Советами (формой диктатуры пролетариата) и парламентаризмом (в отношении формального, политического демократизма — наиболее совершенной формой диктатуры буржуазии, но *непригодной как тип пролетарского государства*).

Это противопоставление определяется другим, ранее упомянутым.

Леппп восхищается Советами как той формой, которую приняло в России *государство типа Парижской Коммуны*, стоящее намного выше буржуазного парламентарного государства. Однако он никогда не провозглашал Советы в качестве *универсальной формы* диктатуры пролетариата. Наоборот, он предупреждал против этого.

В очень интересных набросках к неоконченной книге «О диктатуре пролетариата»⁵⁷ Леппп говорит

⁵⁶ «Из этого не следует, что не надо использовать буржуазный парламентаризм (и большевики так успешно использовали его, как едва ли другая партия в мире, ибо в 1912—1914 годах мы завосвали всю рабочую курию в IV Думе). Но из этого следует, что только либерал может забывать *историческую ограниченность и условность* буржуазного парламентаризма, как забывает об этом Каутский». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 255.)

⁵⁷ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 259—268

о триумфальном шествии *советской идеи* по всему миру. Тем самым он отмечает эффективность этой формы государства диктатуры пролетариата, нашедшей свое выражение в Советах рабочих и солдат в Германии и других странах (вспомним, что Грамши отмечает существенное сходство фабричных органов, созданных при занятии фабрик в Италии в 1918 г., с формой Советов). И в наши дни можно утверждать, что там, где борьба рабочего класса и трудящихся масс поднимается на высокий уровень народной революции, всегда могут возникнуть зародыши форм, подобных Советам, созданные в ходе борьбы за пролетарскую власть.

В тех же набросках Ленин пишет в 16-м пункте: «16. Бюрократия. Суды. Милитаризм.

Диктатура буржуазии, прикрытая *парламентскими формами*»⁵⁸.

Ленин видит разницу между парламентской формой и государственной машиной в собственном смысле этого слова. И в полемике с Каутским, как и в других работах, Ленин ставит на первый план вопрос об *устройстве государства* и диалектическую связь между этим последним и его *классовым характером*. (Ленин: «Возьмите устройство государства. Каутский хватается за «мелочи»... по сути дела не видит. Классовой сущности государственного аппарата, государственной машины, он не замечает»⁵⁹.)

Парламент — это *одна из форм государства* буржуазной диктатуры и как форма этого государства является чуждым и враждебным пролетариату *орудием угнетения*... Но мы представляли бы себе слишком упрощенно марксистскую теорию государства, если бы считали, что в этом случае перестает действовать диалектическая связь формы и содержания и что, кроме того, все государственные учреждения одинаково осуществляют классовое насилие. Нет, в теоретическом плане Маркс, Энгельс и Ленин сосредоточивают свое внимание на *военно-бюрократической машине* в прямом смысле этого слова. Поэтому они отвергают

⁵⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 268.

⁵⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 256.

любое безразличное отношение к формам государства (см. «Государство и революция») и считают «парламентским кретинизмом навыворот» отказ анархистов и *ребячествующих* от участия в буржуазных парламентах (см. полемику с «отзовистами» или «Два мира»). Если никакое буржуазное правительство не потерпит в «нормальной ситуации» участия на основании всеобщего избирательного права (со всеми его классовыми предпосылками) представителей пролетариата в руководстве своими вооруженными силами, то присутствие представителей пролетариата в парламентах и местных органах власти или в национализированных предприятиях буржуазно-демократическое государство в нормальных условиях допускает. В других учреждениях (например, учебные заведения) складывается целое сочетание противоречивых ситуаций⁶⁰, но они не перестают поэтому быть учреждениями классового государства.

Иными словами, будет либеральной пошлостью забывать о классовом характере *всех* учреждений буржуазного государства, каким бы демократическим оно ни было; но будет упрощением марксистско-ленинской теории государства ставить в один ряд или мешать в одну кучу без учета противоречий, всяких степеней и оттенков все эти различные учреждения, т. е. совершать ошибку, состоящую в растворении форм в содержании.

Когда Энгельс высмеивает возможности мирного пути в Германии («Критика Эрфуртской программы»), он останавливается на государственном устройстве и подчеркивает лишь декоративный характер парламента, не обладающего действительными полномочиями, причем оценивает эфемерность его прав не по сравнению с пролетарской демократией, а в свете буржуазно-демократического парламентарного строя (употребляя терминологию государственного права). Маркс рассматривает ту же последовательность ситуаций — и на это рассмотрение опирается Ленин в «Государстве и революции», — когда описывает эволюцию буржуаз-

⁶⁰ См. мою брошюру «Encuentros u desencuentros de la Universidad con la Revolución».

ного государства на примере истории Франции в XVIII и XIX веках. Комментируя этот анализ, мы намеренно подчеркивали⁶¹, что Маркс и Ленин пользовались совершенно определенной терминологией, взятой из государственного права: до некоторой степени они отождествляли процесс создания мощной военно-бюрократической машины с укреплением исполнительной власти (т. е. главного органа силы, ибо в ее руках находится полиция, армия и большая часть бюрократического аппарата). В работах «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и «Гражданская война во Франции» Маркс изучает особенности чудовищного развития этого аппарата. Не делая никаких уступок парламентаризму и не попадаясь в ловушки либеральных извращений, специалистами по которым были социал-демократические лидеры, Ленин ясно видит разницу между значением и ролью различных учреждений в государственном аппарате. Это различие он проводит не с формально-юридической точки зрения, а исходя из интересов высшего акта классовой борьбы — социалистической революции.

Во всех своих работах, написанных после 1905 года, когда Ленин был вынужден вести ожесточенную борьбу как против правого, так и против «левого» оппортунизма, столь похожего своими оттенками на некоторых представителей нашей местной фауны, ему приходилось неоднократно делать эти уточнения. Например, в «Заметках публициста»⁶² Ленин изучает различные тактические ситуации, возникающие перед марксистами по отношению к Думе в соответствии с особенностями каждого момента революционного процесса, но в это изучение он включает формулировки не только тактического, но и теоретического характера. Именно в одной из таких формулировок он говорит о противоречии «парламент — репрессивная государственная машина». Посмотрим, что говорит Ленин:

«Почему, например, большевики в 1906—1907 гг. так часто противопоставляли оппортунистам лозунг:

⁶¹ См. гл. II настоящей работы о методе К. Маркса и В. И. Ленина.

⁶² См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 19, стр. 239.

«революция не кончилась»? Потому, что объективные условия были таковы, что о завершении революции в узком смысле слова не могло быть и речи. Возьмите хоть период II Думы. *Самый революционный парламент в мире и едва ли не самое реакционное самодержавное правительство.* Отсюда не было *непосредственного* выхода, кроме *переворота сверху* или *восстания снизу* и, как бы ни качали теперь головой великомудрые педанты, а до переворота никто не мог ручаться, что он правительству удастся, что он сойдет гладко, что Николай II не сломит себе на нем шею»⁶³.

«Как? — воскликнут многие метафизики из «левых», пропитанные до мозга костей дряхлыми теоретическими и тактическими положениями анархизма, — революционный парламент при Николае II? О каких реформистских нелепостях говорит нам этот бедный господин Ленин?»

Но ссылка на величайшего в истории революционного вождя не принесет радости и тем, кто надеется найти выход, не разрешая противоречия «парламент — государственная машина». И не только потому, что период 1906—1907 гг. был продолжением революции 1905 г., но и потому, что вследствие этого установилось неустойчивое равновесие классовых сил: не было *никого непосредственного выхода*, кроме *переворота сверху* или *восстания снизу*, включая сюда возможность неудачного переворота и народного контрнаступления, т. е. того, что «Николай II сломит себе на нем шею».

Но подобный перелом «шей» императора, переведенный на язык теоретической терминологии марксистско-ленинского понимания государства, означает не что другое, как разрушение военно-бюрократической машины самодержавия. И пусть простит нас призрак его величества за то, что мы связываем его августейшую «шею» с плебейскими сложностями теории Маркса и Ленина.

Диалектически рассуждая, Маркс и Ленин видят разницу между многообразием форм государства

⁶³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 19, стр. 248

и государственной машиной. Несомненно, что формально существуют противоречия между той или иной *формой государства* и даже *формой правления* без изменения классового содержания того или иного государства и что эти формальные неантагонистические противоречия превращаются в антагонистические, когда меняется сущность или содержание государства. Поэтому диктатура пролетариата нуждается в *государстве нового типа*, в новой государственной машине, возникшей в результате слома старого репрессивного бюрократического аппарата. Если эта новая машина облачится в парламентские одежды вследствие особенностей исторического процесса и хода борьбы, которые обуславливают «*формы диктатуры*»⁶⁴, это уже не имеет такого теоретического значения. Подобный парламент — это уже не прежний парламент, который возник в лучшие времена развития буржуазии. Об этом парламенте можно сказать то же, что Энгельс говорил о *государстве типа Коммуны*, «которая не была уже *государством в собственном смысле слова*»⁶⁵. Энгельс имел в виду структуру государства, его репрессивно-бюрократический аппарат.

Я не хочу сказать, что марксизм-ленинизм недооценивает формальную сторону. Но он подходит к ней в зависимости от типа государства, а это понятие включает две основные определяющие черты: классовое содержание и государственную структуру (аппарат). С помощью этого метода Ленин решает формальное противоречие, возникшее в русской революции в противопоставлении между Учредительным собранием и Советами. Ленин горячо ратует за Советскую власть, исходя из ее классового содержания и из той поддержки, которую массы оказывают ей как новой форме новой государственной машины. Но он не исключает, говоря абстрактно, того, что какое-то Учредительное собрание могло бы выполнить когда-либо и в каком-либо уголке земли ту роль, которую

⁶⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 283.

⁶⁵ Ф. Энгельс, Письмо Бебелю от 18—28 марта 1875 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 5.)

в России должны были выполнить советские организации⁶⁶.

В конечном итоге мы можем сказать, что, когда речь идет об отношениях между социалистической революцией и государством, Маркс, Энгельс и Ленин считают, что основное заключается в разрушении старой государственной машины. Здесь проходит как бы водораздел всех вопросов: диктатуры пролетариата, главный элемент этого разрушения, согласно Ленину: важность высказываний Энгельса и Ленина о *типе государства* (антагонизм между государством типа Коммуны, Советов или другой формой диктатуры пролетариата и «обычной буржуазной парламентарной республикой»); наконец, значение положения о «пути революции» в Декларации 1957 г. и Заявлении 1960 г.

Не напрасно Ленин бросает в лицо Каутскому — и Каутский должен был знать причину этого — утверждение, что устройство государства неотделимо от его классового *содержания*.

Так мы и понимаем тезисы Ленина для ненаписанной работы о диктатуре пролетариата, где в 20-м пункте говорится:

«20. Исторический перелом от буржуазной к пролетарской демократии. «Перерастание», «вползание», или ломка первой, рождение второй? = Революция или без революции? Завоевание политической власти новым классом, свержение буржуазии или сделка, соглашение классов?»⁶⁷

В связи с вышеизложенным наша тема в значительной мере сужается. Несомненно, что парламент может играть определенную самостоятельную роль по отношению к буржуазной государственной машине в прямом

⁶⁶ Во 2-м пункте «Тезисов об Учредительном собрании» В. И. Ленин пишет: «Выставляя требование созыва Учредительного собрания, революционная социал-демократия с самого начала революции 1917 года неоднократно подчеркивала, что республика Советов является более высокой формой демократизма, чем обычная буржуазная республика с Учредительным собранием». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 162.)

⁶⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 266.

смысле этого слова. Это случается тысячи раз, пока дело не выходит за рамки буржуазного общества. Не понимать это означает совершать ошибку, на этот раз в другом плане, положую на ту, что совершали представители течения, которое Ленин называл «империалистическим экономизмом», не отличавшие экономические явления от политических. Вопрос заключается в другом. Речь идет о том, сможет ли парламент выполнять подобную роль до такой степени, что этот государственный институт *превратится в фактор революции* и сможет ли эта *старая государственная форма*, порожденная буржуазной революцией, приспособиться к новому содержанию в силу этой новой роли и в связи с изменением соотношения сил между классами, т. е. с *разгромом сопротивления реакции*.

На этот вопрос можно дать полностью утвердительный ответ только в том случае, если процесс обострения классовой борьбы распространится и на вооруженные силы и повлечет за собой — до завоевания или непосредственно после завоевания «парламентского большинства» — слом главных репрессивных сил государственной машины.

В конечном счете события будут развиваться, по определению Энгельса, «как проблема взаимоотношений между «специальными» отрядами вооруженных сил и стихийной вооруженной «организацией» населения»⁶⁸.

И в этом случае «подготовка ко всем формам борьбы» не отождествляется с понятием «пути революции». Ибо даже в случае наиболее классического *мирного*

⁶⁸ Когда эта книга уже была написана, мы нашли в учебнике В. Афанасьева «Научный коммунизм» следующее положение: «Было бы наивным полагать, что взять власть и удержать ее рабочий класс может одной лишь победой на выборах в парламент. Только тогда, когда победа в парламенте будет подкреплена реальной силой класса, готового отстаивать результаты своей победы всеми средствами, в том числе и силой оружия, можно быть гарантированным, что результаты голосования не окажутся растоптанными буржуазией...» (В. Г. Афанасьев, Научный коммунизм, М., 1966, стр. 103.)

пути, осуществляющегося посредством приближения к революции, допустимого в рамках государственных форм буржуазной демократии (победа на выборах и т. д.), последнее слово скажут подготовка к формам вооруженной борьбы и слом самого аппарата буржуазного государства⁶⁹.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ К ГЛАВЕ

В свете исторического опыта оправдано, что XX съезд КПСС, Декларация 1957 г. и Заявление 1960 г. указали на расширение возможностей мирного перехода к социализму.

Констатация эта относится к очевидным явлениям, которые нельзя обойти ни в теории, ни в стратегии. Исторически она отражает характер некоторых революционных процессов в Средней и Восточной Европе в связи с результатами второй мировой войны. В стратегическом плане речь идет о реальных возможностях, возникших в некоторых странах вследствие изменения соотношения сил между социализмом и капитализмом на мировой арене. В частности, подтверждается своеобразие развития на пути к социализму некоторых новых государств, образовавшихся в результате распада колониальной системы империализма.

⁶⁹ Член Политбюро ЦК КПСС, Секретарь ЦК КПСС М. А. Сулов подчеркивал, говоря об изменении в социальном составе населения крупных капиталистических стран: «Марксистское положение о том, что буржуазия никогда не уступит власти добровольно, действует и сегодня. Но опыт рабочего движения показывает, что формы революционного насилия могут быть разными в зависимости от конкретно-исторических условий. Основная проблема наступательной стратегии современного рабочего движения заключается в том, чтобы способствовать созданию таких объективных и субъективных условий, в которых революционные массы могли бы покончить с властью монополистической буржуазии». (М. А. Сулов, Карл Маркс — гениальный учитель и вождь рабочего класса. Доклад на торжественном заседании, посвященном 150-летию со дня рождения Карла Маркса, М., 1968, стр. 29.)

Это положение помогает лучше понять некоторые новые тенденции в современной действительности при условии, что при его применении будут придерживаться научной марксистско-ленинской методологии, не будут бездумно распространять его на многие страны и не будут формулировать его в законченных или почти законченных выражениях.

Тем не менее за короткое время это положение приобрело сначала слишком преувеличенное, а затем опасное значение. В некоторых странах провозглашаются устаревшими методологические посылки, из которых исходят Маркс и Ленин для определения «путей», или попросту их предают забвению. В таких случаях выбор мирного пути, отождествляемый к тому же с так называемым «парламентским путем», распространяется почти на всю Европу и на немалую часть других континентов.

Крайний характер китайского уклона как бы рикошетом породил правый уклон и подтолкнул его развитие, ибо как можно еще назвать эту столь разрекламированную перспективу перехода к социализму большинства народов современной капиталистической системы через эти «мирные ворота»?

На протяжении всей главы мы останавливались на анализе тех случаев, когда социалистическая революция не нуждалась в вооруженном восстании для своей победы. Мы поступали так, не только чтобы яснее изложить нашу мысль, но еще и потому, что иногда историю «подправляют» в целях оправдания невероятного заключения о мирном переходе к социализму большинством человечества. Действительные примеры, сами по себе богатые и поучительные, обедняются с тем, чтобы их можно было безболезненно втиснуть в заранее заготовленные схемы.

В плане строго теоретического определения можно сказать, что мирный переход к социалистическому этапу революции имел место в ряде стран Европы после окончания второй мировой войны, в Венгрии в 1919 г. и мог также совершиться в России в 1917 г. Но эти примеры искажаются и теряют ценность для теоретического обобщения, если умолчать о неко-

торых факторах, определивших возможность такого перехода, или не придают им значения. А эти факторы как раз наиболее важны для марксистско-ленинской методологии. Такими факторами были не больше ни меньше как: в России — Февральское народное вооруженное восстание, которое одним ударом решает буржуазно-демократические задачи революции и подрывает ее государственный аппарат; в Венгрии — разрушительные последствия войны, развалившей венгерскую армию, влияние русской революции и общий революционный кризис в Европе, не говоря уже о влиянии молодой коммунистической партии в вооруженных силах; в европейских странах народной демократии — сочетание демократических народных движений с присутствием освободителей — Советских вооруженных сил.

Когда ссылаются на примеры некоторых новых государств Африки и Азии, необходимо иметь в виду два момента. Во-первых, ни одно из них не совершило еще перехода к социализму; в некоторых случаях сравнительно мирным путем была завоевана политическая независимость. Во-вторых, сложное продвижение некоторых из этих стран к социализму идет по так называемому некапиталистическому пути развития. В таких случаях речь идет о своеобразных ситуациях, которые нельзя сравнивать с проблемами, свойственными более или менее высокоразвитому капиталистическому обществу.

Не будем говорить о возможностях мирного пути в небольших странах, граничащих с социалистическим лагерем или расположенных близко от него. Там этих возможностей больше, чем в других частях мира, но их положение должно равным образом рассматриваться конкретно, в соответствии с требованиями марксистско-ленинского метода, в зависимости от их политико-государственного устройства, или потому, что империализм превратил их в базу агрессии, или в зависимости от этих двух причин.

Равным образом трудно себе представить переход к социализму простым и редким путем победы на выборах и завоевания большинства в парламенте в столь же редких условиях более или менее классического буржу-

азно-демократического строя. Во-первых, потому, что не так уж много рабочих партий, которые могут поставить себе подобную конкретную задачу в одиночку или в составе демократического фронта. Во-вторых, потому, что всегда будут необходимы социально-политические столкновения большого размаха, способные привести в негодность государственный репрессивный аппарат, другими словами — возникновение соотношения сил, равнозначного революционному кризису.

Может быть, в одном из таких случаев возможно слияние демократического пути подхода к социалистической революции с частичным или полным сломом буржуазного государственного аппарата. Современный рабочий класс в состоянии парализовать жизнь развитой страны, повести за собой большинство народа, в особенности ту его часть, которая играет важную роль в духовной и технической жизни, и даже определенную часть вооруженных сил. Победа на выборах может обеспечить начало такого процесса. Победа на выборах в Испании привела в движение, как мы помним, могучий механизм. Но при любых обстоятельствах нелепо забывать или отодвигать на второй план решающий фактор любого революционного процесса — конкретное отношение между революцией и государством, т. е. между рабочим классом и народом, поднявшимся на борьбу против монополий и за демократию, с одной стороны, и буржуазной государственной машиной — с другой.

Не считая исключений, могущих возникнуть вследствие благоприятной международной обстановки и удобного географического расположения, с позиции классовой борьбы нельзя смешивать глубокий переворот, производимый социалистической революцией, с чисто парламентским путем, т. е. путем, ограниченным буржуазным государственным строем.

В итоге мирный путь требует трудного, хотя не всегда невозможного сочетания двух положений:

а) нахождение пути подхода к социалистической революции, который сделал бы ненужным вооруженное восстание или столкновение:

б) неизбежное разрушение военно-бюрократической машины буржуазного государства, являющееся «условием всякой подлинной революции».

Проведение или непроведение выборов, «завоевание устойчивого парламентского большинства», образование широкого демократического фронта против монополитической олигархии, разгром капитулянтских (т. е. социал-демократических) идеологических течений и другие условия, включенные в документы 1957 и 1960 гг., — все они касаются пункта а) и не имеют отношения к пункту б).

Этот односторонний подход может вызвать, несмотря на добрые намерения, и мысли о «мирном вырастании» социализма в капитализм. А это уже относится к социал-демократическим понятиям. Это классический ревизионизм.

Так можно довольно далеко отойти от основного содержания положений, принятых на XX съезде КПСС.

От условных положений совершим переход к законченным формулировкам. А эти последние — давайте их сверим с политической обстановкой в мире — означают не что иное, как запланированный заранее мирный путь для большинства стран современной капиталистической системы. И этот путь провозглашали некоторые рабочие партии, которые за много лет своего существования не смогли стать реальной политической силой в своих странах, где их историческая роль авангарда пока не больше, чем теоретический постулат... Для чего же они это делали? Может быть, они считали, что вина за такое положение падает на учение Маркса и Ленина о революции и государстве? Это было похоже на приращение революционной перспективы до уровня повседневного тактического маневра, причем и в этой области не удалось достигнуть особенного успеха.

Условные положения допустимы с тактической точки зрения в некоторые периоды, если они основываются на ясном понимании партией неизбежной остроты классовой борьбы и на одновременной подготовке к возможной вооруженной борьбе, пока ускорение револю-

ционного процесса не потребует категорического определения возможности или неизбежности вооруженной борьбы за власть.

Чем более осложняется международная обстановка, тем более американский империализм и его союзники разворачивают свою глобальную стратегию агрессии и контрреволюционной или просто антидемократической интервенции, тем более очевидной становится опасность чрезмерного распространения тезиса о возможности мирного перехода. И еще более ощущается ошибка, заключающаяся в скрытом отказе от тезиса или в его забвении о сломе социалистической революцией буржуазной государственной машины.

Во всем капиталистическом мире наблюдается чрезмерный рост государственной машины: в высокоразвитых странах — как надстройки государственно-монополистического капитализма, в других, как, например, в странах Латинской Америки, — в результате соединения внутренних факторов с факторами внешними, вызванными военно-полицейской организацией американского империализма на континенте и во всем мире.

Леппи уже раскрыл это явление как следствие империалистической эпохи. Ныне оно перешло на более высокую ступень. Государственно-монополистический капитализм соединяется с государственной машиной. Власть обонх сливается таким образом, что буржуазное государство превращается в этих странах в «комитет по управлению делами монополистической буржуазии». Государство вмешивается в любой экономический и финансовый процесс. Чудовищно растет милитаризация экономики. Распухает государственный аппарат, служащий целям империалистической войны, подготовке агрессий против социалистического лагеря, против новых государств и национально-освободительного движения. Широко разросшийся военно-бюрократический аппарат опирается на международные полицейские связи, на гигантские службы шпионажа и провокаций, на использование достижений научно-технической революции для целей войны и подавления освободительных движений и т. д.

Военно-промышленный комплекс США является типичным тому примером. Но какая империалистическая держава не охвачена этим процессом? И есть ли место в мире, не подвергающееся прямым или потенциальным угрозам с его стороны?

Все это сопровождается уменьшением роли парламентов и представительных учреждений, укреплением исполнительной власти и переходом деспотических функций в руки президентов и премьер-министров, а также ростом средств обмана общественного мнения.

Можно ли забыть этот фактор при любой оценке революционных перспектив, не впадая в слащавый утопизм?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Коммунистическая партия Уругвая, момент, переживаемый Латинской Америкой, и пути революции

Марксист не зарекается от подзаконной борьбы, от мирного парламентаризма, от «планомерного» подчинения рамкам исторической работы, определенным Бисмарками и Беннингсенами, Столыпинскими и Милюковыми. Но марксист, используя *всякую*, даже реакционную *почву* для борьбы за революцию, не опускается до апофеоза реакции, не забывает о борьбе за *наилучшую возможную почву деятельности*. Поэтому марксист *первый* проводит наступление революционной эпохи и начинает будить народ и звонить в колокол еще тогда, когда филистеры спят рабским сном верноподданных.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 159.

Революционные классы России разбиты в первой кампании, но революционное положение остается. В новых формах и иным путем — иногда гораздо более медленно, чем мы бы желали — революционный кризис надвигается еще раз, назревает снова. Длительная работа подготовки к нему более широких масс, подготовки более серьезной, учитывающей более высокие и более конкретные задачи, должна быть выполнена нами... [работа] подготовки новых кадров более могучей революционной силы.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 360—361.

I. ВОСПОМИНАНИЕ, КОТОРОЕ МОГЛО БЫТЬ ПРОЛОГОМ

В человеческой истории происходит то же, что в палеонтологии. Даже самые выдающиеся умы принципиально, вследствие какой-то слепоты суждения, не замечают вещей, находящихся у них под самым носом. А потом наступает время, когда начинают удивляться тому, что всюду обнаруживаются следы тех самых явлений, которых раньше не замечали.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. 32, стр. 43—44.

1. ГРОЗОВЫЕ ТУЧИ НАД ПОБЕРЕЖЬЕМ

Яркие лучи солнца радостно озаряют побережье Монтевидео. Разноцветные машины катят на восток, и это движение напоминает ход бесконечной киполенты. То тут, то там среди сосен виднеются дома с красными крышами и зелеными дверями. Дома наступают на шоссе, асфальтовая лепта которого убегает вдаль.

Улыбающиеся, самодовольные, иногда даже пронически настроенные люди из средних слоев проводят здесь очередное счастливое лето. А в это время писатели-нонконформисты из их же среды выпускают бумажные стрелы, целясь в образ этой «благодатной страны», как будто бы далекой от всяких трагических перспектив и кровавых испытаний.

Большая пресса тешит себя крупными заголовками: промышленный рабочий Монтевидео по своей покупательной способности занимает первое место среди рабочих других стран Латинской Америки. По потреблению мяса на душу населения — о, эта великолепная статистика! — Уругвай занимает первое место в мире.

Ноябрь 1955 г. Можно сказать, перефразируя Хемингуэя: Монтевидео был праздником.

Уругвай — латиноамериканская Швейцария — прогрессивная, конституционная, туристическая, представляется поверхностному наблюдателю образцом буржуазной и филистерской стабильности. Однако первые признаки надвигающегося кризиса уже вызывают ворчание среднего уругвайца. В северной части Монтевидео нарастает волна забастовочного движения. Оно перерастает в первые всеобщие забастовки. Неподалеку от ворот завода «Ферросмалт» падает сраженная пулями работница-коммунистка Мария дель Кармен Диас. Ее смерть — свидетельство того, что страна находится на пороге нового периода классовой борьбы и национально-освободительного движения.

Два-три года спустя вся страна становится ареной бурных событий.

То, что в Уругвае сказывается еще только как признаки будущих событий, в некоторых других странах

Латинской Америки проявляется как сильное землетрясение. Революции в Боливии и Гватемале это подтверждают. Об этом мы писали: «Все заставляет нас предвидеть наступление периода борьбы по всей Латинской Америке». «...Латиноамериканский революционный процесс будет носить очень острый характер. И хотя вполне могут иметь место многие тактические изменения и возникать возможности мирного развития событий в некоторых национальных ситуациях, однако очевидно, что борьба на континенте не завершится без периода очень тяжелых и кровавых битв»¹.

В ноябре 1955 г. мы делаем попытку объяснить в Монтевидео нашу позицию двум видным руководителям одной европейской партии. Сделать это не просто. С одной стороны, это сложно сделать в существующей политической обстановке, с другой — этому не способствует само состояние нашей партии, выздоравливающей после длительного внутреннего кризиса. В это время партия уже на подъеме, но она невелика, и раны ее еще не зарубцевались. Несмотря на то, что эти руководители ведут диалог по-братски и в деликатной форме, мы чувствуем, что наши аргументы отскакивают от панциря предубежденности. Мы их понимаем: нелегко разобраться, что в этой обстановке партия — после своего XVI съезда — делает упор на теоретическую и политическую разработку проблем аграрной и антиимпериалистической революции. Еще труднее понять нашу настойчивость в том, чтобы связать процесс в нашей стране с моментом, переживаемым всей Латинской Америкой, и открывающейся перед ней перспективой, что было нами охарактеризовано как начало *революционного подъема*. Наша постановка проблем уругвайской и континентальной революции отличается от некоторых признанных ценностей. Наш диагноз, возможно, представляется им доктринерским мудрствованием плп, пожалуй, симптомом детской болезни. Тем не менее наша острая озабоченность проблемами, связанными с перспективой, включая вероятный путь революции,

¹ Цитаты из документа «Acerca de la coordinacion de las actividades de los PPCC de América Latina». marzo de 1956.

не уводит нас от вопросов тактики; наоборот, такая озабоченность сопровождается более глубоким пониманием конкретных политических задач, неотделимых от столь же конкретной системы связей с массами. И это будет подтверждено в последующий период — и продолжает подтверждаться сейчас — выступлениями рабочих и народных масс, политикой партии и более чем десятикратным ростом ее рядов*.

Конечно, не следует думать, что наши собеседники проявляют хотя бы намек на социал-демократические опасения: они действительные представители нашего движения, это люди, сформировавшиеся в подполье, прошедшие тюрьмы и пытки, герои испанской войны и вооруженного сопротивления фашизму в своей стране. Усилиями таких людей — последователей большевиков — в огне революции выковывается облик нашей эпохи.

А дело просто в том, что, когда говорили о социалистической власти в Латинской Америке, похоже было на то, что историческую перспективу путали с конкретной возможностью. Это была революционная мечта, замечательная мечта, но в конечном счете всего лишь мечта. Кроме того, естественна была их предубежденность против революционной фразеологии, которую, кстати говоря, мы не употребляли. Мы характеризовали переживаемый момент и анализировали перспективы. И объяснимой была их предубежденность: дело было накануне XX съезда КПСС.

Да, в Латинской Америке колокольный набат возвестил начало революционного подъема. Мы уже говорили о боливийской и гватемальской революциях. Еще один эпизод, тогда оставшийся для нас не замеченным, — штурм Монкады — вскоре обрел всю свою историческую значимость. Можно указать и на другие события различных масштабов.

С тех пор прошло много лет. На континенте это были годы революционных потрясений, годы политической неустойчивости и кризисов, вооруженной борьбы и го-

* Ко времени публикации этой книги КПУ выросла не в 10, а в 15 раз по сравнению с 1956 г.— *Прим. ред.*

сударственных переворотов, крупных массовых выступлений рабочего класса, студенчества и интеллигенции, американских вторжений и интервенций. Это были годы роста национального сознания среди широких слоев народа, годы обострения экономических, социальных и политических противоречий, напряженной классовой борьбы. И в центре всех этих событий — победа кубинской революции и ее десять плодотворных и напряженных лет социализма, ее решающего влияния на латиноамериканские народы.

Если уругвайским летом 1955 г. обсуждение вопроса о путях нашей революции, как части конкретной проблематики, могло показаться интеллигентским теоретизированием или мечтой, то ныне мало кто может продолжать так думать. Кажется, Горацию принадлежит высказывание: если природу выгнать в дверь, она вернется через окно. Так было в прошлом, так будет и впредь.

Подобные диалоги ныне ведутся не в академиях. Эти темы давно уже стали объектом политических дебатов, о них пишет печать, они волнуют умы людей, о них думают политические группы и коммунистические партии.

И хотя вокруг этих дебатов появляются определенные «герои визга», всегда использующие чужие взгляды, или же вокруг них завязывается бесконечная, чисто формальная, крикливая риторическая полемика, было бы близорукостью не заметить, что тема дебатов выдвинута самой жизнью, т. е. требованиями латиноамериканской революции, и что ее текст во многих случаях пишется кровью бессмертных героев. Как с точки зрения исторической правды, так и с точки зрения тактики было бы неправильным путать одну ситуацию с другой. Для марксиста-ленинца первостепенно важно определить объективные условия и связь этих условий с национально-освободительной и классовой борьбой, связь, превращающую вопрос — в данном случае о путях — в практический вопрос. И всякий увидит, что проблема носит объективный характер. Она уже существует, будучи обозначенной историческими вехами нашего времени.

2. РАССВЕТ 1959 г. ФИДЕЛЬ ВСТУПАЕТ В ГАВАНУ

На протяжении последних 15 лет Латинская Америка почти непрерывно была в центре внимания всего мира. Поначалу многим могло показаться, что речь идет о конъюнктурных явлениях или об эпизодах, пмевших место в стороне от «большой истории», эпизодах, свойственных «третьему миру» — пестрой категории, которая в силу своей двойственности легко могла быть объектом спекуляций как со стороны правых, так и со стороны экстремистов. Даже проникательные люди рассматривали латиноамериканские потрясения лишь как события, вызывавшие трещины в стенах старого здания, трещины, хотя и предвещавшие перемены, но лишь в очень отдаленном будущем. «Пробуждение Азии», охарактеризованное Лениным как начало эпохи «войн и революций», продолжалось более полувека, прежде чем оно слилось с победой советского народа над напизмом и японским империализмом и привело к победе социалистических революций в Китае, Кореи и Вьетнаме, к распаду колониальной системы и достигнутию политической независимости другими странами. Африка же со столь характерной для нее социальной отсталостью, населенная двумя большими исторически сформировавшимися группами — арабской и негритянской, — Африка, в то же время столь связанная с Евразийским материком, вызывала к себе более непосредственный интерес в области теоретической, стратегической и тактической. И хотя борьба в Латинской Америке началась раньше, была даже известная логика в том, что событиям на нашем далеком континенте придавалась меньшая актуальность.

Даже если бы мы захотели найти недостаток в таких документах, сыгравших важную историческую и политическую роль, как Заявление и Декларация коммунистических и рабочих партий 1957 г. и 1960 г., то можно было бы без большого труда обнаружить его в меньшем внимании к проблемам латиноамериканской революции, в отсутствии попытки обобщения ее опыта. Возможно, и здесь сказались препятствия — следствие ревизионистского давления справа и слева, — препят-

ствия, помешавшие критическому анализу (употребляю это слово в его философском значении) ее своеобразной революционной проблематики. Ведь ныне все повторяют следующее: хотя наш континент и имеет то общее с Азией и Африкой, что он входит в историческую зону колониального и полуколониального угнетения или зависимости, — зону, поднявшуюся на борьбу с империализмом, в то же время он имеет и специфические отличия. Это различие заключается в уровне зависимости от империализма, в уровне капиталистического развития — а следовательно, в положении социальных классов, — в господстве империализма янки и в конечном счете в особенностях всего исторического пути, пройденного Латинской Америкой. Ответственность за этот недостаток ложится на нас, латиноамериканцев, ибо мы должны были провести обсуждение — обстановка для которого была создана XX съездом КПСС, — решительно выдвинув новые теоретические положения, что возможно лишь с помощью обсуждения и разработки обобщений на континентальном уровне. Благодаря такому подходу удалось бы преодолеть национальные «исключительности», повторяя выражение Ленина, на которое мы уже ссылались в других случаях.

...Конвульсии предвещали муки родов. В январе 1959 г. кубинские революционеры входят в Гавану. Полтора года спустя, в августе 1960 г., они вступают на путь социализма, о чем официально заявляют позднее, в апреле 1961 г. Действенная помощь Советского Союза и социалистического лагеря, оказанная кубинцам, солидарность со стороны народов Латинской Америки и всего мира привели к срыву планов прямой агрессии империализма янки. Произошло качественное изменение в положении на континенте. Под самым носом у Соединенных Штатов возникло и окрепло социалистическое государство. А это обстоятельство имело большие политико-экономические и идеологические последствия.

Друзья и враги по-разному ощущают всю важность этого события. На протяжении всего истекшего десятилетия оно, подобно звезде первой величины, оказывает притягательное влияние на борьбу наших народов, на разрешение стоящих перед ними проблем.

II. КУБИНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО МОМЕНТА. ПЕРЕЖИВАЕМОГО ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКОЙ

Кубинская революция разорвала цепь империалистического гнета в Латинской Америке и привела к созданию первого социалистического государства на Американском континенте, ознаменовав исторический поворот и открыв здесь новый этап революционного движения. В этом районе мира развиваются боевые демократические и антиимпериалистические движения, революционные процессы, которые откроют путь к социализму.

«Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы», М., 1969, стр. 314.

1. «КУБИНСКИЕ ПАЛЬМЫ» И «КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

Всякая подлинная революция исторически является единственной в своем роде. Это означает, что она соединяет в себе особый характер, типичные ситуации, определенную расстановку общественных классов и политических организаций, события национальной истории, положение в мире и даже меру способностей организаций и революционных вождей к руководству. И даже национальные особенности уклонов — вспомним, что говорил Ленин по этому поводу в своей работе «Шаг вперед, два шага назад»: «Кто ждет «чистой» социальной революции, тот никогда ее не дожидется»². Такой *нечистый* характер подлинной и глубокой революции состоит именно в ее своеобразии, т. е. в совокупности социально-исторических и политических явлений, ко-

¹ «Конечно, национальные особенности различных партий и неодинаковость политических условий в разных странах налагают свой отпечаток, делая немецкий оппортунизм совсем не похожим на французский, французский на итальянский, итальянский на русский». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 8, стр. 391—392.)

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 54.

торые ей свойственны и которые поэтому делают непригодными всякое услужливое копирование или включение ее в сборник удобных рецептов какого-либо доктора революционных наук. Так было с русской революцией. Так было и с азиатскими и европейскими революциями. То же самое происходит и с кубинской революцией. Когда Фидель Кастро заявляет, что эта революция является «кубинской, как и пальмы Кубы», он не пускает в обращение формулу, сбивающую с верного пути. Нет, он говорит о национальных корнях своей революции и, возможно, о ценности победы, достигнутой в первую очередь собственными силами.

Конечно, существуют общие законы общественного развития, определяющие переход от капитализма к социализму в международном масштабе. И по существу своему роль основных классов общества будет той же самой, несмотря на всю сложность и запутанность фактов, определяющих своеобразный характер каждой социалистической революции. Но только по существу. Все это уже было объяснено много раз. Но мы должны в некоторых случаях повторять сказанное в противовес культу частного, особенного, который исповедуют некоторые националистические или ревизионистские теоретики. Речь не об этом.

Не принимать в расчет особенностей кубинской революции, более того, ее абсолютно своеобразного характера означало и означает проявлять политическое недомыслие. В то же время рассматривать эту революцию (с латиноамериканской точки зрения) как историческую случайность или в большей или меньшей степени произвольное и исключительное событие — это и при снисходительном диагнозе по меньшей мере выглядит близорукостью.

Любой критический анализ кубинской революции как исторического события первостепенной важности требует рассмотрения двух аспектов. В жизни они неотделимы друг от друга, но в интересах исследования разделить их можно. Речь идет о вопросах теории, стратегии и тактики как специфически кубинских, так и тех, которые могут иметь значение для всего континента. Хотя прошло уже более десяти лет после победы рево-

люции, такое систематическое исследование еще не написано. И мы не будем предпринимать здесь такой попытки, ибо перед нами стоит иная цель.

Как тогда, так и сейчас, спустя более десяти лет, перед нами со всей остротой стоит задача раскрыть значение кубинской революции для континента. На первый взгляд ответ ясен: существование социалистической страны, своим светом озаряющей континент, само по себе означает качественную перемену в положении наших стран. В то же время такой интернациональный долг, как солидарность с кубинской революцией, является национальной задачей в революционной стратегии каждого народа Латинской Америки. В свете теории и тактики такая постановка вопроса правильна. Но это лишь общее положение.

С континентальной же точки зрения нам представляется обязательным предпринять по крайней мере две попытки:

1) проанализировать победу на Кубе с точки зрения оценки — и, следовательно, определения как категории — момента или революционного этапа, переживаемого Латинской Америкой;

2) серьезно изучить кубинский опыт в целях обогащения континентального опыта, критического усвоения первого для нужд марксистско-ленинской революционной практики в наших странах.

В замечательной статье «К оценке русской революции»³, написанной в 1908 г., Ленин советует в таких случаях изучить два основных и взаимосвязанных вопроса: *о классовом составе тех сил, которые способны одержать победу в революции*, и *о значении высших форм борьбы, которые выдвинула революция*, — и, говоря конкретно о русской революции 1905 г., — *о значении вооруженного восстания*. «Всякий, сколько-нибудь вдумчиво относящийся к событиям русской революции социалист (в особенности же марксист) должен будет признать, что это действительно коренные, краеугольные вопросы в оценке русской революции, а также в оценке той тактической линии, которая предприни-

³ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 37—51.

сывается рабочей партии теперешним положением вещей»⁴. Следовательно, речь идет о проблемах характера, движущих сил, пути революции.

Ленин неоднократно напоминает и подчеркивает: «Чтобы оценить революцию действительно по-марксистски, с точки зрения диалектического материализма, надо оценить ее как *борьбу живых общественных сил, поставленных в какие-то объективные условия, действующих так-то и применяющих с большим или меньшим успехом такие-то формы борьбы*. На почве такого анализа и, разумеется, лишь на этой почве вполне уместна, мало того, необходима для марксиста и оценка технической стороны борьбы, технических вопросов ее»⁵.

Ленин полемизирует — в то время еще опираясь на Каутского, — с оппортунистами, пытающимися предпринять анализ русской революции, обходя при этом вопрос о *путях и формах борьбы*. Речь идет об опыте восстания 1905 г., в том числе о его технических аспектах, которым Каутский уделяет достойное похвалы внимание. Попутно Ленин ограждает свой анализ от всяких ошибок бланкистского толка («на почве такого анализа, и, разумеется, лишь на этой почве...»), т. е. ставит дело в зависимость от анализа соотношения социальных сил. А это связано с вопросом о *характере* революции и определением ее движущих сил.

Перейдем к кубинской революции и постараемся следовать ленинскому анализу. Мы видим, что, несмотря на ее особенности, это демократическая и антиимпериалистическая революция, которая быстро превращается в социалистическую. Ее движущие силы представлены городскими и сельскохозяйственными рабочими, мелкими и средними земледельцами, интеллигенцией, студенчеством, широкими слоями трудящихся и средними городскими слоями.

Но один слой буржуазии не вошел в число движущих сил кубинской революции. Но Фидель Кастро очень умело использовал в тактическом отношении в деле завоевания власти и развития революции проти-

⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 42.

⁵ Там же, стр. 43.

воречия с тиранией Батисты различных партий и групп буржуазии, в том числе и сельской буржуазии. Соответствующая программа («История меня оправдает»), формирование *социальной силы* революции в ходе двустороннего процесса — политического и вооруженного — при постоянной позитивной связи с рабочей партией (Народно-социалистической партией) и умелое тактическое использование всех противоречий в целях изоляции тирании и срыва плапов империализма янки — таковы, по нашему мнению, наиболее важные черты кубинского опыта. В этом опыте обращает на себя внимание большая роль студенчества и принадлежащей к средним слоям интеллигенции, столь активной на всем континенте. Такое положение не дает оснований для отрицания или принижения исторической роли пролетариата как авангарда. Вместе с тем оно указывает на антиимпериалистический, радикально-демократический и «квазисоциалистический»⁶ революционный потенциал (я пользуюсь ленинскими определениями) этих социальных групп в нашей революции. В то же время это свидетельствует о сложном характере деятельности общественных классов на *этапах приближения к революции. Передовой характер кубинской революции, а также вооруженный путь и диалектика использовавшихся средств борьбы* — таковы два существенных момента кубинской эпопеи, проектирующиеся на революционный горизонт континента. Они имеют то достоинство, что представляют новый и поучительный опыт, подлежащий, «и это естественно», *критической конкретизации* в каждой стране, но являющийся обязательным составным элементом, необходимым для понимания латиноамериканского революционного процесса.

2. ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ НА ТУ ЖЕ ТЕМУ

Если мы выразим то же самое, но уже не в утвердительной форме, а в форме вопросительной, то, возможно, возникнут следующие вопросы.

⁶ Так называл Ленин революционные течения русской мелкой буржуазии.

Можно ли подвиг Фиделя Кастро и кубинского народа расценивать — с должным учетом контраргументов, уважаемые поборники своеобразного! — как проявление *общеконтинентального положения, ситуации, сложившейся в Латинской Америке*, рассматривая это положение в его наиболее общих чертах, не забывая о значительных различиях между странами и зонами. Ведь даже самый рассеянный ученик, изучающий политическую тактику, может заметить такие различия и даже просветить нас в этом отношении с завидным рвением.

Является ли передовой характер кубинской революции явлением *исключительным* или же он отвечает *объективным условиям*, которые — *при различиях в степени — существуют почти во всей Латинской Америке и связаны с своеобразным развитием капитализма в наших странах и с новой структурой их общественных классов?*

Теперь о путях революции. Кубинцы пришли к победе путем вооруженной борьбы, по-своему использовав форму партизанской борьбы. Является ли это просто кубинской особенностью или же означает, что можно сделать более широкие предположения в отношении *наиболее вероятного пути* революционного развития на континенте? Далее поставим вопрос в рамках такого предвидения: *до какой степени партизанская война как одна из форм вооруженной борьбы* (не возводимая в ранг исключительной формы) является оружием, имеющим будущее, в арсенале закабаленных и борющихся народов Латинской Америки?

Мы говорим не о рабском копировании того или иного опыта. Мы по-прежнему думаем, что не следует кому-либо подражать. Так считал и Ленин⁷. Но оценить *самое существенное* в каждом опыте нужно, а ку-

⁷ «Что значат все рассказы Серрати и его партии о том, будто русские только того и желают, чтобы им подражали? Мы требуем как раз противоположного... мы заранее против коммунистов, знающих наизусть ту или иную резолюцию. Первым условием истинного коммунизма является разрыв с оппортунизмом...

Революция в Италии будет протекать иначе, чем в России». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 18—19.)

бинский опыт — это единственный опыт победоносной революции на нашем континенте. Поэтому нельзя легкомысленно относиться к нему.

В конечном счете теоретическая проблема, а именно оценка кубинской победы, взгляд на нее, как на продукт определенной объективной реальности, вызревающей в противоречивой форме во всей Латинской Америке, превращается в проблему перспективы. Она влечет за собой другой важный вопрос, вопрос практический: возможно или нет, что в исторически короткие сроки появятся «новые Кубы»?

Ответы на первый вопрос, которые были даны несколько лет назад, могут быть объединены в три группы теоретического и политического характера.

1) Есть публицисты и политики, рассматривающие победу кубинской революции как изолированное событие, в котором много исключительного. Они видят в ней скорее результат случайности, чем составную часть общего революционного процесса, который характеризуется объективными условиями, относительно схожими почти на всем континенте. В таком толковании первые места отводятся неоспоримому своеобразию кубинской революции и еще тому обстоятельству, что она застигла врасплох империализм янки.

Те, кто так думает, метафизически противопоставляют неравномерность социально-исторического и политического развития различных стран или районов (неравномерность, обуславливающую различия в тактике и неодновременность хода революционного процесса в том или ином месте) возможности определения *момента революционного подъема* в континентальном масштабе или возможности определения степени зрелости объективных условий, толкающих латиноамериканские страны к переходу к новой, высшей фазе революции.

Правда, есть и такие люди, которые легкомысленно верят в триумфальную прогулку, или ошибочно полагают, что все страны находятся в состоянии перманентного «революционного кризиса», или же пренебрегают национальными особенностями, уровнем социально-экономического развития и своеобразием политической истории каждой страны. Но такой теоретический и так-

тический примитивизм свидетельствует лишь об ошибке его носителей, а не оправдывает ошибок других.

2) Другие люди также говорят об особой исключительности победы кубинской революции, хотя и подходят к этому вопросу под иным углом зрения. Для них исключительным и нетипичным является именно передовой характер революции и в еще большей степени — нашумевший вопрос о вооруженном пути. Они считают, что значительные районы Латинской Америки в соответствии с тенденциями нашей эпохи могут эволюционировать в сторону достижения большей независимости и политики «неприсоединения». Такие люди думают, что это облегчит мирный путь революции на континенте. Переоценивая степень противоречий между отдельными кругами господствующих классов, особенно слоя так называемой национальной буржуазии с империализмом США, они считают, что легко может быть начат процесс демократизации, рассчитанный на длительный срок. Более того, они верят в возможность таких этапов развития, которые ознаменуются почти химически чистым антиимпериализмом при главенствующей роли национальной буржуазии.

Каждый из тезисов имеет свою собственную неумолимую логику. Если в «прицеле» прогноза появляются потенциальные латиноамериканские буржуазные национальные лидеры, например в азиатском стиле, трудно попятить, о чем свидетельствует звон колоколов кубинской революции, симптомом чего она является и что вскрывает в том положении, в котором находятся все наши страны, несмотря на все различия и своеобразия в темпах и времени развития процесса в каждой из них. Иначе говоря, таким людям трудно выделить то, что есть *континентального* — да будет нам позволено употребить это раздражающее словечко — в неоспоримо своеобразном характере кубинской революции. Однако и здесь ускоренное развитие этой революции и ее превращение в революцию социалистическую указывают нам на аспекты, общие для всего континента: речь идет о невозможности на практике, в диалектике социально-политического развития этих стран отделить национальный фактор революции от ее социаль-

ного фактора. Эти аспекты указывают и на ошибку, состоящую в принижении значения классовой борьбы во имя каких-либо спекулятивных стратегических или тактических расчетов, указывают, насколько важно видеть — наряду с рабоче-крестьянским союзом и гегемонией пролетариата — растущую роль радикальной мелкой буржуазии, в частности входящих в нее широких слоев интеллигенции, студенчества и т. д. Правильная тактическая оценка и необходимость учета возможных промежуточных обстоятельств не могут скрыть того, что революция, в основе своей антиимпериалистическая и аграрная, неизбежно несет в себе целую гамму антикапиталистических целей, неотделимых от целей этой революции.

На другом полюсе мы видим субъективизм иного рода: возникают латиноамериканские группы, игнорирующие объективную реальность на континенте, путающие обязательные этапы революции с социалистическими целями, к которым стремится авангард революции, смешивающие критерий социально-исторического единства революционного процесса на его антиимпериалистическо-демократическом и социалистическом этапах с возможностью перескакивать через эти этапы. Они не замечают, что этого не произошло ни на Кубе, ни в каком ином месте.

И несмотря ни на что, они говорят о буквальном повторении пути, пройденного Фиделем Кастро на Кубе.

В итоге можно сказать, что эти группы абстрагируют революционный процесс, общий для двадцати стран, от всей сложности переживаемого последними социально-исторического и политического момента, от национального своеобразия каждой из них.

Одни упускают из вида грубое вмешательство американского империализма и противоречивое единство между его господством и властью крупной буржуазии и латифундистов, недооценивая, следовательно, остроту классовой борьбы, присущей своеобразному капиталистическому развитию латиноамериканских стран; тем самым они впадают в идиллические концепции революционного развития. Другие же рассматривают кубин-

скую революцию скорее как любопытный случай, чем как серьезный опыт. Однако для всего коммунистического и революционного движения на континенте это жизненно важный опыт, от изучения которого нельзя уклониться. Но подобный опыт необходимо создавать заново в каждой стране. С другой стороны, такие люди вдохновляются относительной легкостью достигнутой победы, не замечая, как готовились условия, сделавшие ее возможной. А готовились они в ходе суровых, длительных и, как правило, кровопролитных боев ведущейся сейчас так называемой Второй войны за независимость.

К обеим позициям применимы слова Ленина: «С «принципом развития» в XX веке (да и в конце XX века) «согласны все». — Да, но это поверхностное... «согласие» есть того рода согласие, которым душат и опошляют истину»⁸.

3) Наша партия, как и другие партии, исходила из другой оценки. Предпосылки для нашего анализа, как это неоднократно подчеркивалось на наших съездах, связаны с причинами, вызвавшими партийный кризис 1955 г. По существу, этот кризис явился выражением острого несоответствия между способностью партии выполнять роль авангарда и начавшимся периодом созревания латиноамериканского революционного процесса. Этот период совпал с изменениями на мировой арене в соотношении сил социализма и сил капитализма и с началом третьего этапа общего кризиса капитализма.

Мы не всегда приходили к законченным теоретическим определениям относительно всего этого положения. Однако мы сознавали, что в Латинской Америке возникла новая реальность, настойчиво требующая решений. И это было выражено нами в документах конца 1955 и начала 1956 г., значение которых возросло для нас после положений, со взрывной силой прозвучавших на XX съезде КПСС. С января 1959 г. мы обратили внимание на историческое значение кубинской революции и на ее отличие от других демократических

⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 229.

движений, имевших место на континенте. Мы заявили об этом в феврале 1959 г. во время обмена мнениями между партиями. Эти идеи легли в основу нашей солидарности с революцией на Кубе. Отсюда исходит также систематическая постановка нами вопроса о необходимости общей стратегии в борьбе против империализма Соединенных Штатов и тесной и координируемой солидарности — то, что некоторые называют «теорией континентальной революции».

Победа кубинской революции намного превзошла то, что мы ожидали в нашем прогнозе 1956 г.⁹ Тогда мы проявляли осторожность, носившую почти объективный характер. Вместе с тем эта победа подтвердила существо нашей оценки революционного момента, переживаемого Латинской Америкой. Более того, она требует от нас продолжить изучение новых проблем. Мы стараемся делать это, уточняя положения, совершенствуя концепции, используя новый опыт, внося поправки в развитие наших идей.

Для нас кубинский успех означал возникновение большого потока социально-исторического течения, захватывающего весь континент. Объективно кубинская революция показала, какой степени напряженности достигли противоречия, корпящиеся в материальной базе латиноамериканских обществ. Она свидетельствует о созревании кризиса социально-экономических структур и обострении антиимпериалистической и классовой борьбы, достигшей не вданного ранее уровня. Ей предшествовали боливийская и гватемальская революции. Ей предшествовала и волна рабочих, демократических, национально-революционных движений и т. д., распространившаяся накануне кубинской революции почти по всему континенту и свергнувшая несколько тиранических режимов. Это был период революционных потрясений, который — в различных формах, с известными отклонениями от общего главного направления развития — продолжается вплоть до наших дней.

⁹ См.: «Acerca de la coordinación de las actividades de los PCC de América Latina», marzo de 1956

В этом — ключ к толкованию событий, участниками которых мы являемся. Куба знаменует собой определяющую веху. Кубинская революция, которую история сделала центральным событием этого периода, хронологически относящаяся почти к его середине, является фактором, ускоряющим темпы социально-политического развития на континенте. Будучи отражением новой объективной реальности, эта революция сама становится еще одним объективным фактором, обостряющим все антагонистические противоречия. Помощь Кубе, которая была быстро оказана Советским Союзом и социалистическим лагерем, солидарность с ней, возведенная в стратегический принцип всего освободительного движения, даже само своеобразное и опасное географическое положение острова — все это подчеркивает международное, всемирно-историческое значение этого события. Но это не только не ослабляет латиноамериканского характера кубинской революции, ее теснейшей связи с самыми насущными проблемами, стоящими перед континентом, а, наоборот, усиливает их.

Бессчетное количество раз говорилось и повторялось: *социалистическая революция пустила свои корни на нашем полушарии. Об ее актуальности свидетельствует проблема власти. Это конкретная стратегическая цель настоящего периода, а не просто необходимый вывод в свете исторического материализма.*

Речь идет не о том, что на нашем континенте впервые заговорило оружие, что раньше не было других спорадических попыток завоевать власть. Предшествующие десятилетия антиимпериалистического и рабочего движения в латиноамериканских странах ознаменованы многими боевыми выступлениями, получившими большое значение и размах. Они были как вооруженными, так и невооруженными, но обычно кровопролитными. Такие, как подвиг Сандино или поход колоппы Престеса, стали поистине легендарными.

Даже буржуазные преобразования во многих странах явились результатом жестокой борьбы или длительных гражданских войн, хотя они и не достигли уровня, характерного для подлинной революции. Исключениями явились мексиканская революция в первой

половине века и боливийская и гватемальская революции, которые произошли уже в начале нынешнего исторического периода.

История Латинской Америки знает многочисленные народные восстания против тиранических режимов, крестьянские бунты, взрывы рабочего и демократического движения. Среди них следует выделить некоторые, например восстание на флоте Чили и закончившуюся неудачей революцию 1935 г. в Бразилии. В последних случаях вопрос о власти, возглавляемой рабочим классом, ставится уже как конкретная цель. При этом мы не касаемся значительных различий между этими событиями. Возможно, нужно добавить: с оружием в руках боролись костариканские коммунисты в самом начале послевоенного периода, а также парагвайцы в ходе народного восстания против диктатуры в середине 40-х годов. И двадцать с лишним лет назад то в горах, то в лесах Колумбии раздавалось эхо от выстрелов винтовки одного из руководителей коммунистов Маруланды. Нужно сказать, что влияние партизанской войны в Колумбии сказывалось и сказывается на нашем историческом этапе.

Проведение широких сравнений и параллелей с трудным историческим путем, пройденным нашими странами на протяжении полутора веков их истории, также не поможет нам правильно оценить момент, переживаемый Латинской Америкой. Конечно, все это бурное прошлое накладывает свой отпечаток на нынешние события, ибо ни один народ, даже совершая величайшие революционные преобразования, не может отделить себя от своей собственной истории, не может обойтись без нее. Недаром кубинские руководители столь высоко отзываются о влиянии войны на Кубе за независимость и последовавших восстаний против Мачадо и его хозяев-янки на определение путей, которые привели к победе. И все мы чувствуем незримое присутствие освободителей, а также продолжателей их дела, вдохновляющих нас на нынешние тяжелые битвы, как ощущаем и то, что твердо стоим на фундаменте, воздвигнутом коммунистическим, рабочим и антиимпериалистическим движением на протяжении десятилетий суровой и слож-

ной борьбы. Все эти революционные традиции наложили отпечаток на те задачи, которые мы должны решить. И это прошлое также говорит нам о том, что страны континента, за исключением четырех, получили свои нынешние очертания частично благодаря силе оружия.

Однако все это приобретает особое значение, освещается новым светом, если мы будем исходить из понимания того, что Латинская Америка в целом, независимо от различий в уровне развития той или иной страны, вступила в новый период своей революционной истории и что все революционные потрясения, происходящие с начала 50-х годов, обладают уже другими характерными чертами. Они породили качественно иную обстановку на континенте и во всем мире, историческую ситуацию более высокого уровня. Свидетельством этого является кубинская революция. Приобретая социалистический характер, кубинская революция обозначила собой границу между двумя периодами революционного процесса, тем, что начался в середине 50-х годов событиями в Боливии, Гватемале и т. д., и тем, что продолжается в Латинской Америке до сегодняшнего дня*.

Отправная точка этого революционного развития, как качественно отличного процесса, лежит в начале 50-х годов, когда *в международном плане* начинается *третий этап* общего кризиса капитализма и когда *в плане внутреннем* становится очевидным, что социально-экономический кризис латиноамериканских обществ достигает во многих странах апогея. Я не буду анализировать здесь эти вопросы. В многочисленных статьях, книгах и в других публикациях начиная с 1956 г. мы рассматривали проблемы латиноамериканской действительности, порожденные особенностями капиталистического развития Латинской Америки, гнетом со стороны империализма, особенно американского, т. е. все то, что мы называли материальной базой латиноамериканской революции.

* В работе «Уругвайская революция в час Широкого фронта» (1971 г.) Р. Арисменди отмечает, что второй исторический период латиноамериканской революции охватывает события от Кубы до Чили (победа Народного единства на выборах 1971 г.). — *Прим. ред.*

III. ЕЩЕ РАЗ О ДИАЛЕКТИКЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И КОЕ-ЧТО О ПЕРУ И БОЛИВИИ

Социалистические мечтания превратились в социалистическую борьбу миллионов людей только тогда, когда научный социализм Маркса связал преобразовательные стремления с борьбой определенного класса. Вне классовой борьбы социализм есть пустая фраза или наивное мечтание.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 45.

... думать, что мыслью социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии *со всеми ее предрассудками*, без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. шута, — думать так значит *отвекаться от социальной революции*. Должно быть, выстроится в одном месте одно войско и скажет: «мы за социализм», а в другом другое и скажет: «мы за империализм» и это будет социальная революция!..

Кто ждет «чистой» социальной революции, тот никогда ее не дожидется.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 54.

Преждевременные попытки восстания были бы архиперазумны. Рабочий авангард должен понимать, что основными условиями своевременного — т. е. победоносного — вооруженного восстания в России являются поддержка рабочего класса демократическим крестьянством и активное участие армии.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 21, стр. 345.

1. НЕКОТОРЫЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ

Во многих случаях мы говорили о лепинском методе. Иногда мы делали это, чтобы изучить, как «функционалировал» метод Маркса, будучи использован лепинским творческим гением, в других случаях — чтобы

установить отправные моменты, обязательные для марксиста-ленинца при анализе конкретной обстановки, в частности при рассмотрении вопроса о характере нашей революции.

Мы сосредоточили внимание на таких работах, как «Наша программа», «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Что делать?», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Шаг вперед, два шага назад», в которых Ленин разрабатывает теорию русской революции.

Совсем молодым Ленину приступает к решению этой беспримерной задачи, пользуясь марксистским методом и методологией, в которую он сам внес большой вклад. Единая концепция, выработанная Лениным, остается основополагающей при изучении динамики революционного процесса, в ходе которого решаются демократические задачи.

Ленин наносит сокрушительный удар по бывшей в ходу мифологии полуправд и показывает диалектическую связь между демократическими и социалистическими революциями новой эпохи; рабочий класс перестает быть статистом — а такую роль ему отводили меньшевики — и неудержимо вступает на историческую сцену как руководитель демократической революции. Социализм из отдаленного результата стихийного развития производительных сил превращается в конкретную перспективу, присущую самому радикальному курсу демократической революции. Социализм является результатом осуществления стратегического плана, исходящего из объективной действительности, по способного преобразовать эту действительность. План включает в себя, как мы уже говорили в первой части этой работы, задачи пролетариата и его партии после завоевания гегемонии, вопросы о характере будущего правительства, о наиболее вероятном пути демократической революции, вооруженном восстании и одновременно о самом «желательном» пути с точки зрения превращения демократической революции в социалистическую.

После 1905 г. в своей работе «К оценке русской революции» Ленин обобщает этот методологический

опыт в двух пунктах, о которых мы говорили. Речь идет о двух совершенно обязательных вопросах (*определить характер и движущие силы, предвидеть путь революции*). На эти вопросы должен будет ответить пролетариат в любой современной революции.

Естественно, коммунистические партии Латинской Америки не уходят от этих вопросов. В различные периоды своей деятельности они стремятся ответить на них. На своей Первой конференции в 1929 г.¹ партии уделяют особое внимание характеристике революции и ее движущих сил. После VII конгресса Коминтерна эти темы вновь становятся предметом горячей дискуссии. То же самое происходит после второй мировой войны, после XX съезда КПСС, а также в другие моменты. Определение, явившиеся результатом этих усилий, несли в себе возможные ошибки, которые наше движение самокритично исправляет или преодолевает на новых, более высоких ступенях теоретической и практической зрелости.

В Латинской Америке коммунистическое движение характеризуется многими общими чертами. В то же время компартии отличаются друг от друга в разных странах и зонах по своему «возрасту», по особенностям накопленного опыта, имеющего то или иное своеобразие, по характеру пройденной «школы» борьбы, в которой случаются годы, стоящие двадцати лет, по, так сказать, «персональной» истории каждой партии, особенностям формирования ее кадров и руководства. Специфичность этих черт, сложившихся при формировании партий, так или иначе проявляется во всей их деятельности. Хорошо это или плохо, но они составляют неотъемлемый элемент всего движения. Ленин дал следующую обобщенную оценку рабочего движения в Европе: «Каждая страна вносит свои ценные, оригинальные черты в общий поток, но в каждой отдельной стране движение страдает той или иной односторонностью, теми или иными теоретическими или практическими недостатками отдельных социалистических пар-

¹ Conferencia de los PPCC de América Latina de 1929. Ediciones del Buró Latinoamericano de la I. C.

гий»². Если исходить не из буквы цитаты, а из ее *сущности*, то из него естественно вытекает урок или совет: только усвоение опыта всех — и критический подход при применении его в той или иной стране и в еще большей степени в конкретный политический момент — может дать одновременно концепцию в отношении целого и тактическое умение руководить широкими массами и ускорять ход революционного процесса.

Если коллективный анализ, братский обмен мнениями между партиями недостаточны, то это может привести к утрате широких возможностей теоретического обобщения опыта и исследований, может явиться фактором, задерживающим наш ответ на новые требования, постоянно предъявляемые практикой. И наоборот.

В моменты крутых поворотов и потрясений, в моменты, когда некоторые события так замаскированы историей, что не всегда ясны, а признанные ориентиры не дают верного направления, и также в периоды глобального наступления или контрнаступления империализма Соединенных Штатов роль этого негативного фактора возрастает и приверженность частному дает врагу значительные преимущества. И это неизменно способствует идеологической разобщенности.

Кубинская революция, которой предшествовали и за которой последовали социальные, теоретические и политические потрясения и бури, подтверждает эти истины. Было бы клеветой утверждать, что партии абсолютно не имели определений, основанных на трудах Ленина, тех неожиданных поворотов истории, о которых мы говорим. Вопрос в том, что после кубинской революции следует подходить к подобным событиям на ином, более высоком уровне. И не только потому, что жизнь богаче любой теории, как утверждает классический афоризм. Ныне такие определения должны отвечать неотложным требованиям, диктуемым новым периодом революционного процесса. А это требует более

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 182.

точных определений, более конкретной перспективы и лучших ответов³.

На примере первой победоносной революции в Латинской Америке история как бы предупреждает нас, что ответы на два вопроса, являющиеся обязательными в ленинской методологии и сформулированные в работе «К оценке русской революции», не могут быть отделены один от другого, если мы находимся на историческом этапе, характеризующемся зрелостью объективных предпосылок революционных перемен, живем в период социальных и политических потрясений. Теория революции, понимаемая как *руководство к действию* в конкретном случае, только тогда приобретает единый и полный характер, соответствующий ленинской концепции, когда эта теория отвечает требованиям, выдвинутым в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции».

Такой точки зрения мы и придерживаемся.

Ради удобства изложения мы повторим здесь некоторые соображения о характере и движущих силах латиноамериканской революции, а в следующей главе изложим взгляды нашей партии по вопросу о путях этой революции.

2. ХАРАКТЕР, ЦЕЛИ И ЭТАПЫ РЕВОЛЮЦИИ

В большинстве стран Латинской Америки революция по своему характеру продолжает оставаться демократической и антиимпериалистической, несмотря на

³ Совершеннейшей глупостью являются утверждения некоторых болтунов, что весь теоретический багаж коммунистических партий Латинской Америки сразу был тогда поставлен под угрозу. Несмотря на недостатки, отставание и ошибки, которые на каждом этапе само движение подвергало критике, единственная серьезная попытка ответить на континентальную проблематику исходила от коммунистических партий, являясь результатом их многолетней деятельности. Еще более вздорный характер носят «труды», в которых говорится, что деятельности коммунистов характеризуется постоянными расхождениями «европейских» теорий с местной действительностью и ее толкователями из числа якобы коренных жителей континента.

сравнительно значительный уровень капиталистического развития. Такое положение — результат зависимости от империализма, в первую очередь империализма США, и сохранения некоторых пережитков докапиталистических отношений. Прежде всего это проявляется в сохранении крупной земельной собственности. Вместе с тем революция в наших странах выделяется по своему типу, будучи революцией потенциально передовой и народной. Уже на своем первом этапе она ставит перед собой важные антикапиталистические цели. Эта оценка подтверждается господствующими социально-экономическими отношениями, определяющими положение и расстановку классов общества⁴. Относительно высокий уровень капиталистического развития накладывает свой отпечаток — в большей или меньшей степени — на все эти страны. Если воспользоваться несколько схематичными показателями, модными среди экономистов, то можно сказать, что, в общем, речь идет о буржуазных обществах «среднего уровня развития».

Несмотря на этот уровень развития производительных сил и на преобладающий удельный вес капиталистических производственных отношений, зависимость латиноамериканских стран от империализма янки не только не уменьшается, а, наоборот, возрастает. Мы неоднократно показывали, как уродливое капиталистическое развитие порождает серию острых экономических противоречий, которые — если они не преодолеваются в результате революционных перемен — ведут к еще большей зависимости континента от империализма янки. Но одновременно они ведут к резкому обострению всех социальных антагонистических противоречий. Это причина политической неустойчивости, обо-

⁴ Все эти вопросы на протяжении последних 15 лет были предметом анализа со стороны нашей партии и других коммунистических партий Латинской Америки. Мы уже дали экономическое и социально-историческое обоснование этого процесса («Лучше изучать проблему соотношения сил» или «Проблема латиноамериканской революции», доклады на XVIII и XIX съездах КПУ и т. д.). Это освобождает нас от необходимости возвращаться здесь к данному вопросу

стрения структурного кризиса, ускоренного созревания объективно революционных факторов.

Следует сказать, что зависимость от американского империализма приобретает самые своеобразные формы. Не отказываясь от классических экономических и финансовых средств проникновения, империалисты Соединенных Штатов, т. е. правительство вкупе с монополиями, сочетают такую типичную для государственно-монополистического капитализма форму, как финансовые пути, накладываемые банками и международными плп панамериканскими агентствами, с наднациональной военной и полицейской сетью, связанной с государственным аппаратом каждой страны. Империалисты стремятся согласовать свои интервенционистские планы с созданием местного или зонального жандармского корпуса на службе США, отводя жандармские функции крупнейшим странам континента, в которых к власти предварительно приходит военщина — так называемые гориллы.

Несмотря на относительно высокий уровень капиталистического развития, нам представляются неправильными рассуждения об уменьшении роли «национального фактора» (используем этот несколько вольный термин) революции. Задачи национального освобождения не только «не растворяются», а приобретают еще более драматический характер по мере того, как усиливается борьба народов и углубляется структурный кризис в наших странах. Недавние события в Перу и Боливии*, думается нам, подтверждают нашу известную оппозицию. При этом не следует забывать, что вопросы борьбы за национальную независимость исторически являются задачами демократическими, а не социалистическими.

Аграрная проблема и империалистическое угнетение определяют главные демократические задачи — задачи старого типа — революции. К ним присоединяются другие задачи, которые хотя и являются по своей исторической и социально-экономической природе демо-

* Книга Р. Арисменди написана до военного переворота в Боливии 1971 г. — *Прим. ред.*

кратическими, но в настоящее время, будучи поставленными радикальным образом, подрывают основы господства класса капиталистов. Такие цели, как национализация банков, внешней торговли или осуществление ограничений, запретов и конфискаций в отношении монополистического капитала, несут, как неоднократно разъяснял Ленин⁵, демократический характер, но радикальное осуществление указанных целей подводит нас к порогу социализма. То же самое происходит и с национализацией земельной собственности⁶, когда следует приступить к ее проведению. Если мы добавим сюда меры *революционно-политического характера*, предпринимаемые в отношении групп буржуазии, замешанных в действиях, враждебных революции, а также создание и расширение государственного сектора (что необходимо для экономического планирования), то увидим, что значительная часть радикально-демократической и антиимпериалистической программы неизбежно затрагивает широкий круг интересов крупной буржуазии.

По всем этим причинам только глубокая народная революция, основная роль в которой принадлежит рабочему классу и другим наиболее передовым слоям народа, осмелится перейти эти столь «священные» границы.

По одному знаменательному поводу⁷ Ленин говорил, что ни анархисты, ни мелкобуржуазные демократы — «квазисоциалисты» в духе эсеров, ни реформисты II Интернационала «не сумели понять» соотношения, существующего между демократической революцией и революцией социалистической. («Первая перерастает во вторую. Вторая, мимоходом, решает вопросы первой.... *Борьба и только борьба решает, насколько удается второй перерасти первую*»⁸.)

По мере того как в ходе уродливого капиталистического развития латиноамериканских стран главная роль среди господствующих классов переходит к монополистической, главным образом финансовой, буржуа-

⁵ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 161 и след.

⁶ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 16, стр. 271—304.

⁷ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 147.

⁸ Там же.

зии, революция все в большей степени обращает свое острие не только против империализма, латифундистов и тех групп буржуазии, которые являются агентами империализма, но также против классового господства крупной монополистической буржуазии, главным образом финансовой, против так называемой *олигархии*, тысячами штет связанной с международными монополиями, в основном американскими⁹. Такие изменения в структуре господствующих классов, а следовательно, в социальных отношениях в целом уже завершаются во многих странах Латинской Америки; в других странах континента такой процесс идет, хотя он связан с некоторыми особенностями той или иной страны, например с более «колониальным» характером сельского хозяйства или с большими докапиталистическими пережитками. Как мы однажды уже отмечали, речь идет, в частности, о странах с большей долей индейского населения, для которых были в большей степени характерны государственные учреждения и социальные отношения, пересаженные на их почву в их колониальный период из позднего испанского феодализма. (Необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство: страны, где демократическое движение приобретает наиболее своеобразные формы, где буржуазия участвует в проведении радикальных реформ или в демократических революциях — в прошлом и теперь в Боливии, в Гватемале, в настоящее время в Перу, — это страны, отличающиеся вышеуказанной характерной чертой.)

Революция — если это революция, а не одиночная реформа — не может уже протекать как чисто политическое национально-освободительное движение¹⁰. Антиимпериалистические цели присутствуют в напряженной

⁹ См.: "Cuadernos de Estudios", № 1. Informe sobre la situación uruguayana.

¹⁰ Помимо возражений теоретического характера, которые мы выдвинули против тезиса, разделяющего главное противоречие нашего общества на два момента (национальный и демократический). (См. книгу «Проблемы латиноамериканской революции», раздел «Быть латиноамериканской революции национально-демократической или социалистической», стр. 315—397, М., 1964.)

классовой борьбе. Эта борьба будет обостряться вследствие резких социально-экономических антагонистических противоречий, потрясающих материальную основу общества. Об этих неизбежных тенденциях нашей действительности свидетельствуют, как мы отмечали во многих других работах, экономические показатели за последние 10—15 лет.

Изменения в социальной структуре населения означают появление нового социального взрывчатого материала. В зависимости от того, где это происходит, взрыв может последовать сразу или быть замедленным, но процесс этот уже идет повсюду. Прежде всего следует отметить активность значительного промышленного и сельскохозяйственного пролетариата. Наряду с ним ведет борьбу, выдвигает свои требования широчайший слой работников наемного труда, принадлежащих к различным категориям.

В свою очередь передовой интеллигенции, студентам и другим группам, выходцам главным образом из средних городских слоев, принадлежит активнейшая роль. Много раз благодаря проявленному ими боевому духу, их активности они буквально потрясали общественную, политическую и идеологическую жизнь; в ряде случаев они действовали под прямым или косвенным влиянием успехов мирового социализма. В ряде стран массы крестьян и мелких землевладельцев-полупролетариев образуют большинство (или почти большинство) населения.

Коснемся одной характерной черты, носящей почти общий характер: представители (либо движения) радикальной мелкой буржуазии или передовой интеллигенции стремятся стать в авангарде революционного процесса. Они противоречиво отражают положительный факт — вступление в лагерь революции этих широких и влиятельных слоев со всеми достоинствами (боевым духом, проявленным в недавний период нашей истории) и со всеми их слабостями: неустойчивостью и идеологическими колебаниями, о которых говорили Маркс и Ленин.

В этой связи перед пролетариатом и его партией, перед нами, коммунистами, возникает сложная и труд-

ная проблема, от решения которой нельзя уйти: как достигнуть *противоречивого единства с такими силами*. В решении этой задачи вопросы стратегии и тактики переплетаются с проблемами идеологической борьбы. Во имя стратегической цели достижения единства живая правильная революционная тактика должна устранить из идеологической борьбы всякие проявления доктринерства. Гегемония пролетариата никогда не будет достигнута в результате увлечения доктринерством. Она завоевывается в жизни, на практике. Гегемония пролетариата — это воплощение на деле правильного теоретического положения в ходе политической и классовой борьбы. Такая гегемония является в конечном счете конкретным воплощением авангардной роли партии, роли, понимаемой как способность партии увлечь весь народ за нашей программой. Преобладание в идеологической области явится следствием превращения социалистической идеологии в идеологию, оказывающую главное влияние на все движение, в идеологическую ось, вокруг которой *практически* должны будут вращаться, несмотря на расхождения, другие концепции — непролетарские, полупролетарские, «квазисоциалистические», вновь ожившие домарксистские концепции, радикально-демократический национализм и т. д. Все эти концепции неизбежно присутствуют в сложном комплексе народного действия, даже в системе партий и организаций, объединившихся во фронт освобождения или вливающих в революционный лагерь.

Дело это не простое. В момент, переживаемый ныне Латинской Америкой, оно означает немалые трудности. Существует опасность впасть в педантическое доктринерство или пойти на идеологические уступки, ведущие к припижению роли пролетариата. Но такие опасности неизбежны. Даже с осторожностью подходя к этому вопросу, можно сказать: пусть лучше произойдут эти бури; для марксиста-ленинца самые худшие периоды — это время медленного социального развития. Ведь никому не придет в голову учиться плавать методом заочного обучения...

Кроме того, нельзя дать гарантии, что в ходе революционного процесса наш арсенал классовых определе-

ний будет соответствовать классическим канонам. Наоборот, следует полагать, что вступление некоторых стран в демократическую и антиимпериалистическую фазу, возможно, произойдет на разных *путиах подхода*. Возможно, что в некоторых случаях радикальная мелкая буржуазия, представленная группой интеллигенции, военной или иной группировкой, в течение некоторого времени будет руководить движением. Разве не наблюдалось нечто подобное в Гватемале, где произошло восстание против тирании, возглавляемое студентами и армейскими капитанами, среди которых был Арбенс? А кризис в Доминиканской Республике в середине шестидесятых годов? А разве перспектива развития событий в Чили — независимо от того, победит или нет блок Народного единства на выборах, — не зиждется на своеобразном единстве пролетариата и широких средних слоев? * Разве не говорит нам программа, принятая недавно Коммунистической партией Чили, о народном правительстве, которое основывается на противоречивом единстве, связанном с многопартийностью и, следовательно, с идеологическим плюрализмом?

Перейдем теперь к самым ярким историческим примерам. Разве в Советах, возникших в пламени Февральской революции 1917 г., меньшевики и эсеры в какой-то момент не имели большинства? И разве не состояла линия Ленина в том, чтобы выковать единый фронт в этих организациях, не обеспечив себе предварительно перевеса, — подчеркиваю, перевеса пролетарской идеологии большевиков над мелкобуржуазной идеологией других течений, — с целью облегчить переход к социализму?

3. КЛАССЫ, НАРОД, АРМИИ...

Мы не хотим приводить аналогий, легко приходящих на ум, но такие важные проблемы, несмотря на очевидные различия, возникали и в ходе кубинской револю-

* Работа Р. Арисменди написана до победы коалиции Народного единства в Чили. — *Прим. ред.*

ции. На Кубе существовало исключительное и благоприятное обстоятельство: Фидель Кастро, Че Гевара, Рауль Кастро, Кампило Сьенфуэгос и другие — в их числе, конечно же, и Дортикос! — имели в основном социалистический взгляд на цели революции. Можно себе представить, насколько важным было это обстоятельство!

В какой степени это может повториться в других местах?

Завоевание на практике пролетариатом и его партией авангардной роли, несомненно, является единственным и естественным общим ответом на все возникающие трудные проблемы. Но и в этом случае нельзя говорить о таком «статусе» гегемонии, при котором другие революционные группировки находились бы в подчинении или стали бы просто нашими помощниками. К тому же не все партии Латинской Америки в состоянии уже выполнять указанную роль. Не следует ли подумать в таких случаях о том, что вклад в дело социалистического развития может в нашу эпоху происходить также из диалектического сочетания — солидарности со стороны социалистической системы и международного коммунистического движения и своевременных действий партии внутри страны при ее правильном отношении к целям революции. Последний момент имеет решающее значение на этапе, получившем классическое название этапа подхода к революции, который может начаться с радикальных реформ.

Ставя эти вопросы, предусматривающие возможные ситуации, мы отнюдь не признаем правоту тех, кто выступает за принижение роли коммунистических партий. Некоторое время назад мы готовы были ответить на резкую статью Хуана Боша¹¹, написанную в связи с известной брошюрой Режп Дабре. Бош, основываясь на аргументах, согласиться с которыми нельзя, приходит к выводу, что коммунистические партии не являются необходимыми для свершения революции в Латинской Америке и что на смену этим партиям должно прийти

¹¹ См.: Juan Bosch, Un manifiesto anticomunista, статья опубликована в доминиканской печати

ти объединение националистов с коммунистами. Уже после революции, говорит Бош, трудящиеся действительно будут нуждаться в сотрудничестве с социалистическим лагерем. Это, по его словам, будет необходимо как для того, чтобы продержаться, так и для того, чтобы достичь более радикальных целей.

Ни в том, что касается требований тактики, ни в области стратегической перспективы, тесно связанных между собой самим диалектическим развитием революции, партии рабочего класса не должны отрекаться от принципов, определяющих их социальный и структурный состав, их идеологическую самостоятельность. Всегда будет трудно и сложно гармонически сочетать оперативную тактику — не только в направлении развития событий, но и в темпах такого развития — с принципом организационной и идеологической независимости пролетариата, принципом, выражаемым партийным авангардом. Соответствующие примеры мы приводили.

* * *

В условиях Латинской Америки общезвестна неспособность быть руководящей силой революции тех слоев буржуазии, которые получили название национальной буржуазии. С тех пор как этот вопрос в 50-х годах вновь стал предметом теоретических и политических дискуссий в международном коммунистическом движении, роль национальной буржуазии в революции еще более упала¹². Это объясняется остротой классовой

¹² «Характер революции, т. е. ее объективное содержание, не всегда автоматически совпадает с одноименными движущими силами. Участие определенного класса или социального слоя в революции связано с конкретными историческими обстоятельствами, и, как показывает прошлая и нынешняя история демократических революций, самой переменчивой оказывается роль буржуазии. В то время как позиция крестьян естественно вытекает из характера революции, позиция различных слоев буржуазии связана с исторической эпохой, с отношениями между данной страной и империалистическими державами, с остротой ее классовой борьбы против пролетариата, с расстановкой сил внутри данного государства и на международной арене». (Р. А р и с м е н д и, Проблемы латиноамериканской революции, стр. 368—369.)

борьбы, а также страхом перед социалистической развязкой, возникшим после неожиданного для них развития событий на Кубе. В общем и целом эти слои ныне трудно отнести к числу движущих сил революции. Тем не менее здесь следует избегать упрощенческого подхода. Некоторые слои такой буржуазии, испытывающие на себе жестокие удары со стороны империализма и со стороны продающих национальные интересы местных правительств, слои, разоряемые олигархией — монополистами, крупной буржуазией и помещиками, — действуют в некоторых странах в демократическом духе. Иногда они вносят свой вклад в националистические движения, а их противоречия могут быть тактически использованы в интересах революции. Это также вытекает из опыта кубинской революции.

Мы никогда не переоценивали роли так называемой национальной буржуазии в Латинской Америке. Еще менее мы склонны к этому сейчас. Вместе с тем любопытно наблюдать, как многие представители мелкой буржуазии, чья радикальность направлена на отрицание всякой политической роли упомянутой буржуазии, в то же время прославляют «революционную» роль, к примеру, режима Перона, как будто бы он был чужд классовой борьбе, или же превозносят как панацею некоторые новые ситуации — Перу, Боливия, — не анализируя роли классов в этих демократических движениях. Тем самым они связывают себе руки и не могут дать реального истолкования их социального и политического значения. А без этого нельзя разработать правильную стратегию и правильную тактику, как невозможно и предвидеть противоречивого развития событий, т. е. неизбежной классовой борьбы, которая разгорится (уже разгорается) и будет сопровождаться вмешательством империализма и противодействием латиноамериканской реакции.

За похожими мушкетерами и внешней однородностью военных организаций можно увидеть как в Перу, так и в Боливии своеобразный и противоречивый союз мелкой буржуазии и слоев национальной буржуазии. Мы не касаемся здесь, конечно, многих особенностей, отличающих одно движение от другого. Нельзя забы-

вать и об относительной и неустойчивой самостоятельности, которую может проявлять армия в известные периоды по отношению к прямым классовым требованиям. Об этом уже говорили Маркс и Энгельс, разбирая исторические ситуации, относящиеся к определенным случаям.

Это предупреждение не преследует цели преуменьшить в стратегии освободительной борьбы в Латинской Америке значение прихода в власти правительств, осуществляющих национализацию предприятий, принадлежащих империалистам, или передовые демократические реформы, как, например, аграрную реформу в Перу¹³. Наоборот, с теоретической точки зрения

¹³ Как в оценке процесса в Перу, так и в том, что касается тактической осторожности, — во всем этом мы разделяем известное мнение Фиделя Кастро: «Первая мера была направлена против империалистической нефтяной компании, грабившей и эксплуатировавшей народ Перу. Это была хорошая мера, патристическая и смелая. Позднее был принят Закон об аграрной реформе.

Наше мнение об этом законе таково: действительно речь идет о радикальной мере. Если она будет проводиться в жизнь последовательно, то она может быть охарактеризована как революционная мера.

Конечно, в Перу сложилась особая ситуация, которая недаром беспокоит империалистов.

В Латинской Америке оплотом реакции и консервативных сил были армии и католическая церковь. Но в последнее время в католической церкви Латинской Америки стали возникать сильные прогрессивные течения. Их участники стали осознавать жгучие социальные проблемы, раздирающие страны континента, и высказываться в пользу проведения структурных преобразований, а в некоторых случаях и за революционные перемены. Таким образом, в церкви — одном из двух оплотов реакции и империализма — начали происходить перемены, возникать прогрессивные и революционные течения.

Самым же замечательным было то, что в среде традиционной армии, — армии, бывшей на протяжении истории Перу твердой реакцией, орудием репрессий, армии, в которую верили империалисты, — возникло движение военных совсем иного характера. Это движение национализировало предприятие, принадлежавшее янки, провозгласило закон о радикальной аграрной реформе и мужественно заявило о своем намерении любой ценой развивать перуанскую экономику. А это, естественно, не может не внушать большое беспокойство империалистам и олигархии.

Мы уже говорили ранее, что были умеренны в наших суждениях, чтобы не создать впечатления, что мы кого-то под-

подобные движения — уже имевшие место в Африке и Азии — независимо от того, характеризуют ли их формы политической демократии или нет, вливаются, как показывал Ленни, в мировой освободительный поток международной социалистической революции. Об этом нам, как и многим другим, приходилось неоднократно писать.

Мы были по времени в числе первых, кто приветствовал шаги, предпринятые перуанским правительством, кто говорил о *позитивных мероприятиях* военного правительства Боливии, несмотря на боль воспоминаний, которые вызывают в нас — с волнением следивших за трагической эпопеей Че Гевары, — некоторые из его деятелей. Кроме того, мы уже давно отмечали ту важную роль, которую играют военные в различных странах Латинской Америки, где происходят революционные процессы. Мы призывали обратить внимание на патристические и демократические настроения, со всей остротой проявляющиеся в армиях некоторых стран. Такие настроения являются отражением классовой борьбы и реакцией на то пагубное, разрушительное воздей-

ствалкиваем. Мы старались не сказать ни одного слова, которое могло бы помешать делу, задеть кого-то, произвести впечатление, что мы занимаем здесь оппортунистическую позицию по отношению к процессу, развертывающемуся в Перу. Мы можем сказать и говорим следующее: на наш взгляд, предпринятые меры объективно носят революционный характер.

Мы, естественно, считаем, что любое правительство, любое движение, находящееся в положении нынешнего перуанского движения, должно действовать смело, но в то же время умно и осмотрительно. Никто не может, находясь здесь, сказать, какие проблемы там стоят, какие существуют течения, какими силами располагает реакция внутри страны и даже в самой армии. Никто не может сказать этого. Именно поэтому мы должны проявлять осторожность в наших оценках.

Мы должны быть осторожными даже в связи с заявлениями вроде тех, которые были сделаны по поводу Кубы. Речь идет о затасканном обвинении в подрывной деятельности. Подобные аргументы, кроме всего прочего, будут использоваться империалистами, если в Перу будет развиваться подлинная революция. В этом случае мы увидим, как империалисты будут маневрировать, чтобы пролидровать страну, установить блокаду, чтобы совершить против нее агрессию».

стве, которое оказывает империализм янки на экономическое развитие континента. В то же время это следствие позорной деформации роли вооруженных сил в соответствии с планами США: армии латиноамериканских стран должны быть не защитниками национального суверенитета, а цепными псами, охраняющими интересы американской империи и олигархии, должны быть силами, оккупирующими свои собственные страны, своего рода иностранным легионом.

Мы попутно выступили тогда против абсурдного упрощенчества определенных групп, кричавших, что в ходе борьбы, раздражающей Латинскую Америку, пришли в столкновение «фиделисты» и милитаристы. Это глупое утверждение, полностью смазывающее вопрос о социальных причинах борьбы, оказывало в то же время бесплатную услугу империализму янки. Тогда же мы подвергли критике положение, выдвинутое Гарсиа Луно и представителями других течений аргентинского национализма. Они заявляли, что армии в целом осуществляют революционные функции, и практически отводили им роль «партии авангарда»¹⁴.

Коренная проблема всегда одна и та же: учение о классовой борьбе по-прежнему действует в Латинской Америке. Армия не может обойтись без народа, а народ должен стремиться завоевать на свою сторону или вовлечь в свои ряды патристические группировки вооруженных сил. Особенности движения в той или иной стране ни в коем случае не избавляют нас от необходимости образования стратегического фронта, направляющего в единое русло революционную энергию, объединяющего социальные силы революции¹⁵.

¹⁴ "Anotaciones sobre la tática del movimiento obrero y popular", segundo artículo "Después del golpe en Brasil", "Estudios", 1964, № 29.

¹⁵ После того как эта работа уже была написана, мы познакомились с двумя интересными статьями. Одна из них — о Боливии — написана Савалета Меркадо («Марча», январь 1970 г.). В статье правильно отмечается, что решающая роль в дилеммах, стоящих перед нынешним боливийским режимом, принадлежит народу. В то же время автор близок к тому, чтобы распространить на военное правительство такого типа определение *бонапартистское*, что спорно и таит в себе вероятную

Любопытно наблюдать, как некоторые крикуны начинают всемерно поддерживать старый тезис упомянутых аргентинских публицистов. Они готовы провозгласить режим *военного патриархата бесспорной судьбой Латинской Америки*. Они не склонны поддержать антиимпериалистические меры некоторых военных правительств (Перу и Боливии) или разумно поддерживать и стимулировать революционное развитие этих стран. Не собираются они и защищать их, опираясь на действия масс, от атак со стороны империализма и олигархии. Нет, сегодня эти крикуны противопоставляют народному характеру революции такую сомнительную панацею, как мессианские действия армии. После 1905 г. Ленин писал, что для революции решающее значение имеет возможное сочетание борьбы рабочих

опасность. Другая статья, представляющая большой интерес, принадлежит советскому ученому Г. Мирскому («Новое время», 1969, № 48). Статья озаглавлена «Развивающиеся страны: армия и общество». Мы приводим ниже несколько абзацев из статьи, отмечая, что наше мнение совпадает с мнением ее автора.

«На другой день после захвата власти перед военными встает вопрос: что делать, к какому берегу плыть? Армия стала хозяином в стране, она уже не зависит от «политиков». Но закономерно ли считать армию полностью независимой от общества, от борьбы внутри него, которую не может устранить никакой переворот?»

Было бы слишком упрощенно рассуждать так: раз армия — это осколок с общества, совокупность представителей различных классов, значит, она неизбежно всегда отражает интересы этих классов. В отдельные периоды развития общества надстройка, как это убедительно доказали Маркс и Энгельс, может на какое-то время приобрести известную самостоятельность, лавировать между классами общества. Государственной властью в эксплуататорском обществе присуща тенденция к отчуждению от него, и в определенные исторические моменты эта тенденция проявляется довольно сильно. Эта власть может, как писал Маркс, попирает иногда даже «интересы господствующих классов».

Свобода маневра и относительная автономность действий может быть у военного режима и в экономически отсталой стране, особенно когда «господствующие классы» слабы и дискредитированы.

Но при всем этом нельзя забывать, что армия не надклассовая и не внеклассовая сила, что она дышит атмосферой общества, из которого она вышла. Армия у власти занимается государственной деятельностью, она проводит определенные

и крестьян с военными восстаниями¹⁶. Однако самое существенное в ленинской постановке вопроса всегда состояло в том, что революция должна носить народный, массовый характер. Не впадая в искусственное упрощенчество в связи с указанными ситуациями, не отрицая того, что может сложиться такая реальность, влияя на которую своими решениями мы не имеем возможности, мы хотели бы в то же время подчеркнуть следующее: чтобы не совершать ошибок, нужно всегда руководствоваться классовыми критериями.

За самыми своеобразными движениями в истории мы должны обнаруживать реальные действующие классы. Это будет правильным научным подходом, в том числе и с точки зрения тактики. *Существенные* линии развития (в тех или иных *формах*, с теми или иными особенностями, даже с такими своеобразными чертами,

социально-экономические мероприятия (или воздерживается от их проведения). В любом случае она вольно или невольно отражает какую-то общественно-политическую ориентацию, способствует тому или иному пути развития страны. Следовательно, в конечном счете при всей своей относительной самостоятельности армия своими конкретными действиями прокладывает курс, отвечающий интересам одних классов и противоречащий интересам других. И рано или поздно перед взявшими власть военными неизбежно встает дилемма: капитализм или социализм? От этого выбора никуда не уйти в переживаемую нами эпоху перехода от капитализма (или докапиталистических формаций) к социализму». «...марксисты никогда не считали и не могут считать, что военные режимы — это та единственная форма власти, которая наилучшим образом способна обеспечить переход к прогрессивному устройству общества. Путь военных переворотов отнюдь нельзя рассматривать как неизбежный и чуть ли не единственный путь обновления унаследованной от колониализма социально-экономической структуры.

Армия, даже возглавляемая патриотически и прогрессивно настроенными офицерами, не способна заменить собой общественную организацию, партию, мобилизующую массы на проведение коренных социально-экономических преобразований. Это все яснее понимают сейчас в тех странах, где военные внесли свой значительный вклад в антиимпериалистическую и антифеодалную борьбу. Характерно, что, судя по высказываниям офицеров, организовавших перевороты в Судане, Ливии, а также и в Перу, они не ставят своей целью увековечить гегемонию армии в политической жизни».

¹⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 153—154.

которые граничат с исключительностью) будут в конечном счете определяться классовыми причинами, классовой борьбой в сочетании с противоречиями, порождающими антиимпериалистическое движение.

Развитие революционного процесса, даже когда речь идет об оригинальных непредвиденных путях подхода к революции, всегда будет подчиняться этой диалектике. Революция должна продвигаться вперед без излишней торопливости, но и без перерывов, что может привести ее к постепенному истощению и смерти еще на этапе капиталистического развития. Защита завоеванного в Перу и Боливии и продвижение к более радикальным целям будут зависеть от дифференциации в среде тех, кто представляет интересы буржуазии и интересы радикальной мелкой буржуазии, проявляющиеся в рядах вооруженных сил. Это случится в будущем и будет обуславливаться степенью народного участия, активности народа в той новой ситуации, которая возникнет. При мобилизации народа правительства этих стран не смогут ограничиться популистской проповедью в духе «общественных контактов» армии. На исторической сцене должен будет обязательно действовать парод.

Вся диалектика революционных перемен, могущая повести Перу и Боливию дальше, за рамки нынешних важных, иногда даже радикальных реформ, будет зависеть от роли, которую сыграет парод (пролетариат, крестьянские массы, интеллигенция, студенчество, средние городские слои), от его способности поддерживать *позитивную* программу нынешних правительств, осуществить на этой основе более значительные антиимпериалистические выступления. Это будет зависеть от еще более активной борьбы за ликвидацию экономического и социального могущества олигархии, от решительных усилий, направленных на то, чтобы правительство опиралось не на чисто военную организацию, а на организованную коалицию революционно-демократических групп вооруженных сил, рабочего класса и других передовых слоев населения. Мы думаем, что таковы важные условия перехода от радикальных реформ к народной революции.

Судьбы революции в ближайшем будущем могут зависеть от того, насколько умелой и инициативной будет тактика рабочего и народного движения, насколько правительство и военные осознают необходимость установления с народом не патриархальных, а действительных отношений. Нужно поддерживать правительство в его борьбе с империализмом янки и мобилизовать народ в этом направлении. В то же время следует вести дело к изоляции в тактическом отношении тех слоев буржуазии, которые думают: «Хватит с нас революции». Именно эти слои больше всего боятся участия народных масс в принятии политических решений. В определенный момент они могут отказаться от идеи развития страны по пути, отвечающему интересам народа, и принять участие в заговоре совместно с ЦРУ.

В Бразилии можно услышать заявления о том, что не нужна *партия революции*, что эти функции должна осуществлять армия. Такие утверждения не только неправильны, но и опасны для военных, стремящихся к более радикальному развитию, чем нынешнее. Разумеется, партия, подобная существующей в Мексике, не нужна, но необходим фронт народа, коалиция, мобилизующая массы, имеющая программу перспективных действий. Роль народа и передовых сил армии, способность создать революционный стратегический фронт — вот что будет определять судьбы движений в Перу и Бразилии, и все мы должны содействовать их нынешним антиимпериалистическим мероприятиям¹⁷.

¹⁷ Генерал Овадо, а также один из перуанских военных руководителей заявили, что их правительство не намерено следовать социалистической модели, что речь идет о «революции, характерной для стран „третьего мира“», о революции, опирающейся на национальную действительность. Некоторые были огорчены таким заявлением, другие радовались, полагая, что наконец-то — после того как Куба не оправдала надежд, возлагавшихся на нее сторонниками таких революций, — они могут мечтать о торжестве своей ошибочной и изрядно полинявшей теории о «национальной левой силе». С нашей точки зрения, в настоящее время следует пожелать правительствам Перу и Бразилии только одного: чтобы они были действительно выразителями демократической национально-освободительной революции, революции с присущим ей своеобразием, отвечающей действительности этих стран. Но такими выразителями они

Вернемся к положению общего характера: в большинстве стран Латинской Америки революция с самого начала располагает материальными предпосылками для такого далеко идущего развития, которое может облегчить их переход к социализму. В соответствии с марксистской аксиомой, вобравшей в себя опыт всех революций, такой переход будет зависеть от участия рабочего класса и от того, насколько весь народ объединится вокруг рабочего класса на протяжении обеих фаз революции. В противном случае революционный процесс не сможет выйти за рамки капитализма и зайдет в тупик. И тогда наверняка возникнет риск отступления революции и ее гибели.

Следовательно, главным и существенным всегда будет единство и организованность рабочего класса, руководимого марксистско-ленинской партией. Такая партия должна расти, становиться еще более зрелой в ходе борьбы. Она должна выковывать единство рабочих и крестьян, должна уметь объединять вокруг себя передовую интеллигенцию, студенчество, средние городские слои и т. д. Опираясь на эти социальные силы, пришедшие в движение, повышая их революционную сознательность, нужно поддерживать, стимулировать, радикализировать всякую демократическую и антиимпериалистическую борьбу, всякое реальное продвижение вперед по революционному пути.

Это положение реальной жизни, со всеми ее трудностями и переменами, всегда находится под обстрелом противника, всегда является объектом идеологической борьбы, ведущейся даже с потенциальными или близкими союзниками. И все это заключается в ленинском определении партии авангарда. Ленин учит, что недостаточно провозгласить себя авангардом — роль авангарда завоевывается в жизни. Только в великих соци-

должны быть *до конца*. Что же касается социалистических идей, то последние должны быть результатом классового размежевания и борьбы с врагом в ходе революционного процесса. А такое размежевание и борьба неизбежно будут иметь место. И тогда революция пойдет дальше, или этот новый вариант того, что однажды уже пережила Боливия, будет обречен на гибель. Сторонники же «национальной левой силы» не выходят за рамки буржуазной перспективы мирового развития.

ально-исторических схватках, только собственным опытом¹⁸ рабочие и народные массы приобретают социалистическое сознание, а партии удастся превратиться в реальную политическую силу. Только так революция приобретает пролетарский характер.

Мне хотелось бы привести следующие знаменательные строки из статьи А. И. Микояна «Революционный и государственный гений Ленина»: «Ленин никогда не пользовался пустыми, пышными фразами». В 1902 г. Ленин сказал: «...дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!»¹⁹. «Вместе со своими соратниками он вытеснял партию нового типа, партию коммунистов». «Небольшая партия, насчитывавшая к марту 1917 г. всего около 24 тыс. человек, достигла через полгода 350 тыс. членов, стала во главе рабочих и крестьянских масс, повела их за собой и одержала победу в стране со 150-миллионным населением»²⁰.

Здесь все сказано. В конечном счете так стоит вопрос о гегемонии пролетариата в демократической революции, о чем говорилось уже много раз.

При проведении этой великой стратегической линии в тактическом отношении все двери остаются открытыми при условии понимания диалектической концепции о связи между авангардом и классом, между авангардным классом и другими потенциально революционными классами или слоями.

О таком правильном политическом руководстве говорил Ленин²¹. Единство партии и партийная дисциплина, указывал Ленин, должны быть синтезом сознательности, связи с массами и правильного политического руководства²². Эти условия «не могут возникнуть сразу», а вырабатываются путем соединения правильной революционной теории и практики «действительно массового и действительно революционного движения»²³.

¹⁸ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 7.

¹⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 127.

²⁰ «Проблемы мира и социализма», 1969, № 9.

²¹ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 7.

²² Там же.

²³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 7.

IV. ПРОБЛЕМА ПУТЕЙ РЕВОЛЮЦИИ И НАША ПАРТИЯ

Мы заявляем, повторяя известные слова классиков марксизма-ленинизма, что предпочитаем для нашей страны менее болезненный путь революции. Однако мы всегда говорили: не следует забывать и тем более затемнять тот факт, что наша страна является частью Латинской Америки, находящейся под жестоким господством империализма янки, и поэтому тем более нельзя вносить путаницу в этот вопрос. Империализм Соединенных Штатов Америки осуществляет политику вмешательства, является мировым жандармом. За этим чудовищем, топчущим наш континент, тянется длинный кровавый след. Его союзниками являются антинациональные олигархии и жестокие тиранические режимы. Мы предвидели, что континентальный революционный процесс, который определенным образом вовлекает в свое русло всех нас, будет суровым, трудным и в основном кровопролитным. Рабочий класс и освободительное движение должны быть готовы во всеоружии встретить великие испытания во имя осуществления своей исторической задачи освобождения наших стран от империалистического господства, освобождения наших народов от социального и национального угнетения.

События в драматической форме подчеркнули всю значимость этих предвидений, которые в особо острой форме относятся к нашей стране ввиду ее географического положения и открытого намерения империалистов и находящихся у них на службе диктаторских режимов осуществить интервенцию.

Разве можно не принимать во внимание все это при оценке наших тактических установок и предвидений на будущее?

Из Отчетного доклада XIX съезду Коммунистической партии Уругвая.

1. ЗНАМЕНИТОЕ «ЗЕЛЕНОЕ ДРЕВО» ЖИЗНИ

Победа кубинской революции вновь поставила вопрос о путях революции в Латинской Америке. Она сделала его актуальным, смела с него налет теоретических умозрительных заключений. Таким образом, проблема эта как бы оказалась под открытым небом, подверженной солнечным лучам, ветрам и дождям — всему тому, что мы называем живой действительностью.

Кроме того, 1959 г. стал знаменательным и по другим причинам. Прошло три года после XX съезда КПСС, на котором была показана возможность того, что *некоторые* страны в особенно благоприятных усло-

виях могут прийти к социализму без вооруженного восстания или гражданской войны. Это положение — правильное, но носящее ограниченный и относительный характер — тем не менее превращается во *многих* странах в безоговорочный тезис. Кубинская победа, явившаяся результатом сознательного стратегического выбора вооруженного пути, более того, умелого использования в рамках этого пути такой главной формы или главного метода борьбы, как партизанская война, — эта победа служит как бы противовесом — не без проницательных поставленных историей — указанным преувеличениям.

Для Латинской Америки это событие имело гораздо более глубокое значение. Ведь если правда то, что кубинская революция, как мы уже сказали, — это не первый случай на континенте, когда оружие «берет слово», то тем самым жизнь дарит нам пример — достойный повод для размышлений. Это не формальный, а конкретный ответ на вторую часть методологического требования Ленина. Я бы сказал даже больше: кубинская революция подтверждает необычайную актуальность другого ленинского положения, — положения о том, что в *определенных критических условиях* — а такие условия не раз складывались в разных районах Латинской Америки и существует тенденция к тому, что они снова будут создаваться в тех или иных местах, — революционные организации с их динамической ролью могут увлечь за собой массы и нанести смертельные удары по власти господствующих классов. В работе «Крах II Интернационала»¹ это определяется Лениным как создание *субъективных условий* революции.

Подвиг Фиделя Кастро и его товарищей потряс наши народы. Он доказал объективную социально-историческую зрелость революции в наших странах, существование реальной возможности добиться победы. В антиимпериалистическом революционном сознании и — в меньшей степени — в сознании социалистическом произошел новый сдвиг. Пробуждаются и включаются в борьбу новые поколения революционеров. Буржуазный и социал-демократический реформизм, как, кстати

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 219.

сказать, и социал-реформизм американского образца, истекают кровью — столь глубокие раны им были нанесены.

Многие из новых бойцов, плененные легендарной историей Фиделя Кастро, историей небольшой героической группы, высадившейся с «Гранмы», похода бородатых молодых людей от Сьерра-Маэстры до Гаваны. напоминающего приключенческий фильм, думают, что все дело в буквальном повторении этой партизанской борьбы. Приход многих из этих людей в лагерь борцов за освобождение — это новый положительный факт, симптом «температуры» континента. Вместе с тем, относясь к кубинскому опыту, как к схеме, они его засушивают. Между тем кубинский опыт свидетельствует, помимо всего прочего, именно о разрыве с жесткими схемами. Сами того не желая, эти люди принижают его значение, а иногда даже представляют его в карикатурном виде.

Революция даже в том, что касается ее отдельных эпизодов, всегда имеет поучительный характер. Поучительна и кубинская революция, но в гораздо более широком и глубоком смысле. Ее опыт подчеркивает роль авангарда при определении субъективных факторов в момент, переживаемый ныне Латинской Америкой, перспективу прихода к власти партии и революционных организаций, роль героизма, упорства, а также политической и военной инициативы широких масс, нацеленной на достижение качественных преобразований. Этот опыт свидетельствует о целесообразности партизанской войны как формы борьбы в соответствующих условиях в том случае, если она сочетается с политической проницательностью, правильным выбором момента для восстания, последовательным проведением умелой политики, обеспечивающей поддержку со стороны масс.

Все перечисленные моменты (наверняка можно было бы вспомнить и другие) присущи кубинской революции со всем ее своеобразием. Но все это означает гораздо большее, чем частный опыт этой революции. В нужный момент его следует критически использовать в других странах, то есть применять в соответствии с рас-

становкой сил, существующей в той или иной стране. Речь идет о совершенно необходимом для нас опыте. Он становится общим достоянием, приобретает общеконтинентальное значение. Это значение еще более возрастает, если мы умеем соотнести его с нынешним этапом общественно-исторического развития Латинской Америки, если мы замечаем, как в радикальном характере кубинской революции уже вырисовывается потенциально передовой характер нашей революции, если сумеем предвидеть, что вооруженная борьба явится наиболее вероятным путем достижения нашего национального и социального освобождения. В этом последнем аспекте, поставив в повестку дня нынешнего этапа латиноамериканского революционного процесса проблему власти, Куба кладет конец двусмысленным спекуляциям по поводу путей революции.

Много раз мы повторяли и разъясняли следующее: мы не отрицаем, что при очень благоприятных обстоятельствах в какой-то из латиноамериканских стран народ может прийти к власти относительно мирным путем, но главным направлением освобождения будет вооруженная борьба. Об этом свидетельствует наша история, это показывает социальная и политическая действительность в наших странах, об этом говорят кровавые уроки, преподнесенные империализмом США.

Мы не хотим сказать тем самым, что вооруженная борьба будет «лозунгом борьбы» в любой момент и во всех или почти во всех странах. Такого лозунга может не быть в один момент, в другой момент он может быть выдвинут, на какой-то период он исчезнет, чтобы вновь возникнуть во всем своем значении как призыв к восстанию. Ставить вопрос о *пути революции*, то есть о наиболее вероятном пути к власти, не означает немедленно использовать формы вооруженной борьбы, вытекающие из ее политической целесообразности. С другой стороны, предусматривая путь восстания, можно на подготовительных этапах использовать более или менее мирные формы борьбы, применять различные формы попеременно или в какой-то момент одновременно. Все эти вопросы были нами рассмотрены в соответствии с трудами Ленича. Я сознательно пользуюсь выраже-

нием «лозунг борьбы», потому что Ленин употребляет его в том же самом значении.

С 1897 г. Ленин доказывает, что Россия идет «навстречу революционному подъему», идет к «революции». Он предвидит, что восстание обязательно явится инструментом революции. Однако «только после 9 января 1905 г.» революционные социал-демократы конкретно «поставили его на очередь дня»². Так, с 1898 г. русские революционеры избрали путь восстания. Если мы согласимся с тем, что после кубинской революции завоевание власти становится для рабочего и народного движения *реальной возможностью*, то предвидение вероятного пути естественно из этого вытекает.

В разное время нашей партии приходилось высказываться по вопросу о путях. Можно проследить за тем, как партия ставила этот вопрос в важнейших случаях, стремясь последовательно связывать требования, вытекающие из прояснения революционной перспективы, с определенными национальными тактическими потребностями. В то же время партия изучила методологию, которую применяли Маркс, Энгельс и Ленин при рассмотрении этой проблемы. Результаты такого изучения широко изложены в *первой части* настоящей работы.

На определенном этапе обсуждения партия сочла необходимым твердо сформулировать свою точку зрения по вопросу о пути революции в Латинской Америке. Говоря о наших выводах и о том, как мы к ним пришли, нам придется прибегнуть к цитатам с их документальной точностью, хотя это и повредит стилю изложения материала.

Соответствующие выводы нашей партии были высказаны во многих работах. Ради удобства изложения приведем ниже выдержки из речи «Уругвайские левые силы в час, переживаемый Латинской Америкой». Эта речь была произнесена в период боливийской эпопеи Эрнесто Гевары. В ней мы прямо и ясно высказали наши мысли о наиболее вероятном пути революции. Наша цель состояла в том, чтобы разъяснить этот воц

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 396. (Все цитаты взяты из этой статьи.— Р. А.)

рос, а также выразить боевую солидарность партии с героическим партизаном независимо от особенностей его эпопеи.

2. ПРОСТРАННАЯ ЦИТАТА, ДОКУМЕНТАЛЬНО ОБОСНОВЫВАЮЩАЯ НАШУ ПОЗИЦИЮ³

«Действительно, у наших народов растет стремление к освобождению, и путь наш, товарищи, ясен. Это путь национально-освободительной революции, которая превратится в революцию социалистическую.

Это отвечает историческим условиям. Об этом свидетельствует континентальный процесс развития. И об этом говорит современное положение в мире.

По каким путям пойдет эта революция?

Мы уже много раз говорили, что хотим для нашей страны менее болезненного пути. Мы хотим, чтобы в Уругвае создались более подходящие условия, при которых наш народ, основываясь на собственном опыте и по своей собственной воле, решит изменить существующие структуры и взять власть в свои руки.

Но мы знаем, что живем в Латинской Америке, что нам угрожает империализм и что борьба нашего и других латиноамериканских народов будет трудной и тяжелой.

Мы — не авантюристы, не безответственные люди, не сторонники кровопролития. Нам следует хорошо понимать положение на континенте в этот час Америки, в этот период суровой и кровавой борьбы.

Мы не исключаем частных случаев, которые могут иметь место в истории и возможность появления которых увеличится, если латиноамериканская революция одержит победу в больших странах. Но вместе с тем очевидно, что генеральной линией латиноамерикан-

³ См.: «La izquierda uruguaya en la hora de América Latina», Ed. de la C. de Propaganda del Partido Comunista del Uruguay. Магнитофонная запись речи, произнесенной в связи с годовщиной журнала «Эстудиос». Текст правке не подвергался.

ской революции будет путь вооруженной борьбы. Такова главная гипотеза развития.

...Коротко скажу вот о чем: Ленин ставил этот вопрос в зависимости от определенных условий. В какую эпоху живет мир? В эпоху восходящего капитализма Маркс мог предвидеть некоторые исключительные случаи мирного развития. В эпоху империализма Ленин предвидел, что генеральной линией революции в мире — не только в колониальных странах, но и в Европе — будет путь вооруженного восстания.

Ленин при этом исходит не только из классического положения о том, что господствующие классы добровольно не уступают власти, но и из того, что при империализме репрессивные органы государственного аппарата усилились, что империализм широко развил милитаризм в его различных формах, довел концентрацию репрессивных сил до крайней степени, и все это с целью лишить народы возможности мирным путем прийти к власти. Вместе с тем Ленин постоянно советует изучать обстановку в каждой стране, вопрос о том, способны или нет господствующие классы преградить путь народу к власти, вопрос о географическом положении страны, насколько далеко отстоит она от центров революции. Ленин советует рассматривать ту или иную страну не изолированно, а в ее связях с другими странами, ибо контрреволюция и империализм никогда не считались с границами государств в своем стремлении задушить народы, поднявшие факел борьбы за освобождение.

Совершенно ясно, что Ленин не связывал себе рук и не был догматиком. Он исходил из главной гипотезы о вооруженном восстании в России. Однако начиная с апреля 1917 г. он говорил, что в стране сложились исключительные условия и революция могла носить мирный характер. Почему? Да потому, что существовало двоевластие, господствующие классы были не в состоянии подавить революцию, народ был вооружен, армия разложилась, а лозунги большевиков были способны завоевать на свою сторону большинство народа. И если бы тогда было достигнуто единство сил социалистов и эсеров в Советах, возможно, революция носила

бы мирный характер. Но уже в сентябре эти условия изменились и Ленин вновь выдвинул лозунг восстания. Ленин знал, что в обстановке, в которой находилась Россия, и в империалистическом окружении генеральная линия могла быть только одна: вооруженная борьба.

Мы уже говорили — а здесь следует повторить, чтобы не оставлять незаконченным изложение наших взглядов, — что было бы ошибкой (в которую впадают некоторые) считать, что Ленин пользовался терминами, допускающими двойное толкование, что он как бы говорил: мы за революцию и готовимся к тому и другому пути. Нет, марксистский диалектический метод, который требует, чтобы предвидения выводились из совокупности социальных факторов и из исторического контекста, Ленин не превращал в прагматический или эмпирический подход к проблемам... Если в определенный момент история сделает поворот и создаст исключительные условия, нужно быть готовым к тому, чтобы использовать их, тем более что процесс мирного развития — самый удобный, более легкий, наименее кровавый и самый безболезненный путь для народа; это путь, идти по которому в принципе хотели бы революционеры.

Но Ленин — повторяю еще раз — предвидел определенную линию, предвидел определенное развитие. Он разработал основную гипотезу развития революции, и история подтвердила ее правильность.

Все побуждает нас предвидеть, что борьба в Латинской Америке будет тяжелой и трудной. Поэтому солидарность со стороны тех — я ссылаюсь здесь на слова, сказанные Лениным в России в 1917 г., — кто находится в лучших условиях, т. е. в странах, где можно работать легально и заниматься пропагандистской деятельностью, должна быть большей. Таким образом, в странах, подобных нашей, мы должны многократно усиливать проявления солидарности с народами, переживающими самые трудные моменты своей борьбы.

Можно предвидеть, что революция в большинстве стран Латинской Америки приобретет характер вооруженной борьбы. Это объясняется следующими причи-

нами: зависимостью наших стран от империализма, угрожающего им интервенцией и уже не раз осуществившего такую интервенцию; передовым характером революции в наших странах, где социальные силы четко размежеваны, а авангардные силы имеют большой вес. При этом национальная буржуазия уже не может стоять во главе революционного процесса, хотя и в состоянии участвовать какое-то время на определенных этапах этого процесса. Указанный характер борьбы определяется и тем, что классовая борьба разворачивается в острых формах, что победоносная революция не может явиться не чем иным, как прологом к социалистической революции, что противоречия будут становиться все более острыми и глубокими. Такой характер объясняется и степенью организации контрреволюционных сил.

Ленин подчеркивал, что усиление военно-бюрократической машины на империалистическом этапе суживает возможности мирного пути даже в тех странах, в которых Маркс считал его возможным, поскольку государственный аппарат еще не обладал подобными чертами. Как же можно не разделять этой точки зрения сейчас? Ведь ныне контрреволюционная военщина в союзе с империализмом в континентальном масштабе и всяческими путями создает организации, преследующие одну лишь цель — подавить борьбу наших народов, растоптать их свободу; эти организации имеют одно лишь назначение — сделать наши народы колониальными народами; они призваны выполнить лишь одну историческую функцию — сохранить за империализмом каждую нефтяную скважину, каждую шахту, каждую плантацию, каждое предприятие. Владая всем этим, империализм янки сосет кровь наших народов, обрекает нас на кризис и нищету.

Дело в том, что не только революционные силы видят, каково положение на континенте, это видят и силы контрреволюции. После кубинской революции, когда фактор внезапности потерял свою силу для контрреволюции, последняя постоянно держит под прицелом всех, кто в Латинской Америке поднимает знамя борьбы за независимость, за экономическое развитие, суверенитет, свободу и мир.

Контрреволюция выступает против всего того, к чему стремятся наши народы. В каждом проявлении освободительной борьбы, иногда даже в каждом демократическом выступлении она видит революционную угрозу. Она отстраняет от власти Гуларта и выступает против Боша. Она сметает капитулянтские буржуазные правительства, как, например, правительство Паса Эстенсоро.

Контрреволюция видит влияние кубинской революции не только в латиноамериканской революции, несущей передовой характер, но и в любом движении, развертывающемся на латиноамериканской земле, за мир, свободу, демократию, за экономическое развитие, социальный прогресс и суверенитет.

Наконец, последнее: революция будет, как правило, иметь вооруженный характер по той причине, что многие латиноамериканские народы уже прошли школу гражданской войны и участвовали в партизанской борьбе. Прежде всего против этих народов направляет свои удары контрреволюция, их страны подвергаются иностранной интервенции.

...Когда мы выдвигаем эту главную гипотезу, не следует думать, что мы вдруг стали заниматься революционным фразерством, от которого так устали наш народ и другие народы Латинской Америки. Нет. Революционный процесс — дело каждого народа. Хотя он и находится под влиянием процессов в других странах или же такие процессы взаимно обуславливают друг друга, в то же время предполагается наличие определенных условий в той или иной стране. Революционные процессы в каждой стране находятся в тесной связи с существующей там расстановкой сил, хотя и являются частью общих процессов и взаимно обуславливают друг друга.

...Кроме того, основной революционный путь не следует смешивать со средствами или формами борьбы, которые следует использовать в данный момент, или же со всеми средствами, которые могут быть использованы.

На вопрос, по какому революционному пути следует идти, так же ошибочно отвечает тот, кто говорит,

что нужно готовиться ко всем формам борьбы, как и тот, кто утверждает, что основной путь Латинской Америки — это вооруженная борьба и что в каждой стране следует использовать всего лишь один способ борьбы. Это две карикатуры — сделанные с противоположных позиций — на революционную, марксистско-ленинскую постановку вопроса.

Средства борьбы должны соответствовать условиям, существующим в каждой стране в данный момент.

Основной путь обуславливает формы борьбы и связан с ними. Методы борьбы, носящие в определенный момент второстепенный характер, позднее могут подняться на более высокий уровень. Так же как в нашей стране было бы абсурдом выдвигать ныне вооруженную борьбу в качестве главного средства борьбы и отказываться в конкретных условиях страны от легальных действий, столь же абсурдно было бы рассматривать средства легальной борьбы в качестве главных средств в Боливии, где существование военщины — горилл, с одной стороны, и начавшиеся повстанческие действия народа — с другой, иным образом ставили этот вопрос в повестку дня.

Конечно, не следует отказываться ни от одного из методов борьбы. Нужно ставить их в зависимость от конкретных условий переживаемого момента.

С другой стороны, определение перехода в какой-либо стране к вооруженной, повстанческой, партизанской борьбе или к сочетанию обеих форм борьбы представляет собой сложную задачу. При ее решении нужно принимать во внимание политические условия, существующие в этой стране, международную обстановку, положение в данной стране и в группе стран, политическое положение в государстве, а также учитывать следующее: закрыты или нет легальные пути для рабочего и пародного движения. Эти тезисы тем или иным образом входят составной частью в ленинские положения...

По этим же причинам следует выделить три задачи: первая — оценка революционной ситуации, вторая — определение, в какой момент следует ставить вопрос о захвате власти, третья — в какой день, час и минуту

нужно начать вооруженную борьбу и какой именно вид борьбы должен быть использован. Речь идет, таким образом, о конкретной теме, в отношении которой мы не можем дать общих рецептов на конференции в Уругвае. Эта задача решается главным образом самими народами».

3. МЕТОД ЛЕНИНА И УСЛОВИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Привести эту большую цитату было необходимо. Она ясно выражает наши мысли по этому вопросу, охватывает важнейшие полемические аспекты проблемы, прямо связывает взгляды Коммунистической партии Уругвая с вдохновляющими их методологическими установками — теоретическими положениями Маркса и Ленина. Да простятся нам повторения, так как мы стремимся с документальной точностью изложить нашу точку зрения.

Остается лишь выделить некоторые стороны проблемы.

Как мы уже видели, в соответствии с марксистско-ленинским методом революционный путь оценивается по следующим главным координатам: *главные тенденции данной эпохи и характер структуры государственного аппарата господствующих классов*; сюда следует добавить *другие факторы, как, например, близость или отдаленность какой-либо революционной страны*. В Латинской Америке эти моменты предстают более или менее в следующем виде:

а) *Наша эпоха*, на развитие которой, как известно, воздействует социалистическая система, в качестве могущественного фактора влияет на дело освобождения народов Латинской Америки; но это воздействие в историческом и политическом планах, воздействие, которое может даже в каком-то случае означать известную гарантию более или менее мирного перехода от первого ко второму этапу революции, не может изменить того, что преобладающая роль принадлежит местным факторам, обуславливающим собой весь процесс.

б) *Государственная структура.* Существует очень большой военно-бюрократический аппарат. Более того, этот аппарат гипертрофирован. К тому же во многих странах на протяжении многих лет господствуют тиранические режимы. Репрессивный аппарат систематически расширяется, персонал его проходит подготовку и «специализируется». Этот аппарат представляет собой заблаговременно подготовленную организацию на случай гражданской войны. К армии все в большей степени переходят полицейские функции, которые становятся в ней господствующими. После второй мировой войны империализм США активизирует весь этот процесс. Нет в Латинской Америке такой страны, которая бы в большей или меньшей степени не попала в сети этого империалистического плана, не оказалась вовлеченной в этот процесс. К тому же на континенте создана наднациональная надстройка, охватившая армию, полицию и разведывательные службы. Эта надстройка теснейшим образом связана с репрессивным государственным аппаратом в каждой стране, переплетается с ним. Когда всего этого оказывается недостаточно, США развязывают открытую интервенцию. США действуют сами по себе или с участием других правительств, вместе с Организацией американских государств (ОАГ) или без нее. США косвенно принимают на себя политическую ответственность, в то время как непосредственно военные операции осуществляются «зелеными беретами», морской пехотой и убийцами из ЦРУ. Или же они открыто демонстрируют свое пренебрежение к покрывшей себя позором межамериканской организации и осуществляют открытую интервенцию, не прибегая к маскировке.

По мере развития революции организуется и контрреволюция — так учат Маркс и Ленин. После кубинской революции империализм янки стремится предупредить развитие революционного процесса, его агрессивные действия маскируются превентивной контрреволюцией.

в) Всю латиноамериканскую историю после окончания второй мировой войны можно охарактеризовать как тяжелый и кровавый процесс, как эволюцию, отли-

чающуюся неустойчивостью, скачками и потрясениями. Частые государственные перевороты, борьба народных масс, рабочих, студентов, а в некоторых местах — крестьянства... Во многих странах гражданская война⁴ шла или непрерывно, или то разгораясь, то затухая: вооруженная борьба, действия партизан, изолированные восстания военных, носящие прогрессивный характер, кровавые репрессии, приобретающие иногда массовые масштабы, возникновение военных движений антиимпериалистической и более отчетливо выраженной демократической направленности, стремление организовать вооруженную рабочую и студенческую самооборону, рост экономических и политических забастовок и обострение классовой борьбы, укрепление коммунистических партий на всем континенте, политический и численный рост многих из них. В такой стране, как Чили, развивается передовое демократическое движение, возглавляемое рабочим классом. Это движение поднялось на высоту, позволяющую ему ставить перед собой в качестве ближайшей цели победу на президентских выборах...

С одной стороны, растет и ширится антиимпериалистическое освободительное движение, неизменными участниками которого являются рабочий класс, студенчество и другие передовые слои общества. С другой стороны, борьба становится все более жестокой, контрреволюция организует свои силы, а американский империализм, не пренебрегая использованием реформистских приманок, основную свою ставку делает на олигархию и на горилл — реакционную военщину.

⁴ «... Школа гражданской войны не проходит для народов даром. Это — тяжелая школа, и полный курс ее неизбежно содержит в себе победы контрреволюции, разгул озлобленных реакционеров, дикие расправы старой власти над мятежниками и т. д. Но только отъявленные педанты и выжившие из ума мумии могут плакаться по поводу поступления народов в эту мучительную школу; эта школа учит угнетенные классы ведению гражданской войны, учит победоносной революции, концентрирует в массах современных рабов ту ненависть, которую вечно таят про себя рабы забытые, тупые, невежественные, и которая ведет к величайшим историческим подвигам рабов, созвавших позор своего рабства». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 177—178.)

Капиталистическое развитие (а капитализм господствует в социальных отношениях на континенте) отнюдь не сопровождается подъемом политической демократии и свойственных ей институтов, подобно тому как это было во всемирной истории, когда буржуазия была молодой. Наоборот, капиталистическое развитие происходит в условиях сохранения наследия тиранических режимов. В недалеком прошлом почти на всем континенте такие режимы явились порождением «брачного союза» между иностранным капиталом, с одной стороны, п латифундистами и торговцами-посредниками — с другой. Такие режимы возникли в условиях анархии и гражданских войн после завоевания независимости. Ныне тиранические режимы модернизируются, становятся режимами современных горилл, принимают также форму полуконституционной диктатуры и правительств крупной буржуазии, часто прибегающих к кровавым репрессиям. Речь идет даже о такой крупной буржуазии, как бетанкуровская, апритская, как правители из партии «Колорадо» в Уругвае и т. д., которые еще недавно подновляли цвета своих партийных знамен, клялись и божились в уважении к конституции и священным демократическим принципам. Социальная база многих из этих правительств представлена ныне олигархией из крупной буржуазии, преимущественно монополистической и финансовой, которая с начала 60-х годов становится главенствующей среди господствующих классов большей части Южной Америки. Эта буржуазия модернизирует и технически совершенствует прежний «грубый» стиль правления крупных землевладельцев.

Кроме того, империализм янки приспособил свои планы к международной обстановке, сложившейся после 50-х годов, когда Латинская Америка стала бурлящим континентом. В глобальной стратегии американского империализма нашему континенту отводится особая роль в экономической, политической и военной областях. После событий на Плайя-Хирон все империалистические планы были обновлены, переработаны и усилены в указанных трех направлениях. Эти планы включили в себя возможность применения на континенте теории «локальных войн». По североамериканской схеме перед

каждой из наших стран ставится альтернатива: покорно служить объектом эксплуатации или быть базой агрессии против братских стран, развивающихся в демократическом и антиимпериалистическом направлении. Выступая за боевую солидарность, за необходимую взаимную поддержку наших народов в борьбе, мы говорили о необходимости заменить подобную ненавистную альтернативу, содержащуюся в североамериканских имперских планах, иной альтернативой: *стать полем боя или базой для агрессии.*

Не довольствуясь косвенной агрессией, правительство США вновь открыто провозгласило в последние годы свое «право» на вмешательство. И начало осуществлять это вмешательство. Такую своеобразную «юридическую базу» оно подвело под действия «континентальных жандармов», осуществляющих на практике теорию «идеологических границ». Об этом говорил бывший президент Джонсон и повторил в одном документе, исполненном угроз, Нельсон Рокфеллер.

В области экономики официальная политика империи, известной нашему народу по сокращенному наименованию МВФ (Международный валютный фонд), обостряет все экономические и социальные противоречия, углубляет структурный кризис, что вызывает ответные действия со стороны рабочих и народных масс. Носители такой политики не могут терпеть «подрывной деятельности» — отсюда стремление подавить выступления рабочих и народа. Таким образом сужается политическая база правительств крупной буржуазии. Чтобы быть «сильными», они отказываются от своего «либерализма», от конституционности, от жалких буржуазных форм свободы, даже от свойственного им идеологического филистерства. Это еще более ослабляет их в политическом отношении. Подобно тому как персонаж Свифта держал в руках лилипутов, американский империализм держит эти правительства в своих руках, угрожая заменить их каким-либо гориллой или политиканом-марионеткой. Перед ними стоит роковая альтернатива: превратиться в «тряпку», подобно Бетанкуру, Белаунде, Пачеко и другим, или уступить место представителям военищины — гориллам. А заговорщики, как из-

вестно, не останавливаются ни перед чем. Об этом говорят известные события в Чили, где была предпринята попытка путча, направленная против Фрея.

Иногда госдепартамент или какое-либо иное ведомство Соединенных Штатов поощряет какое-то время тот или иной реформистский эксперимент, но такие эксперименты быстро сгорают в пламени, охватившем Латинскую Америку. При этом правящие круги США отнюдь не находятся в споре ни с открытыми диктатурами, ни с модными ныне президентскими режимами.

Тем самым мы не хотим сказать, что на континенте совершенно исключена возможность существования буржуазной политической демократии. Утверждать подобное с точки зрения социально-исторической означало бы впасть в абсурдный схематизм, означало бы совершать неразумный тактический шаг⁵. Единственное, что мы делаем, — это указываем на *тенденцию*, которая, согласно марксизму, как всякая тенденция, не означает фатальной неизбежности.

Эта тенденция имеет свои объективные причины: 1) огромная угроза со стороны империализма янки, которая проявляется в засилье в экономике наших стран, в военно-политическом вмешательстве и в том значении, которое отводится нашему континенту в глобальной стратегии империализма США; 2) особенности развития капитализма в наших странах, глубина структурного кризиса в них и острота классово-борьбы, отражающая потенциально передовой характер нашей революции.

г) Что же касается географии — фактора, который Ленин в свое время расценивал как элемент, зависящий от обстоятельств и могущий оказать влияние на пути революции, — то лучше не затрагивать его. В доме повешенного не говорят о веревке.

⁵ Во многих случаях мы критиковали дешевый экстремизм, носители которого недооценивают вопрос о формах буржуазного государства, отказываются от борьбы за демократические свободы или высмеивают их. Тем самым этот экстремизм отдалается от революции вместо того, чтобы приблизить на деле час ее наступления. В докладе на нашем XIX съезде этому вопросу мы посвятили целую главу.

* * *

По всем изложенным выше причинам постепенно исчезали — или по меньшей мере крайне сокращались — возможности мирного развития революционного процесса в большей части Латинской Америки. Это «не связывает нам руки» при конкретном рассмотрении любой возможной ситуации. Невозможно, например, заранее предсказать, что может случиться в Чили, если через несколько месяцев объединенные левые силы победят там на выборах. Нам представляется, что было бы неразумно в свете такой реальной возможности не провести этот опыт в полной мере, неразумно заниматься фразеологией и совершать действия, которые могут лишь затруднить достижение и без того трудной победы. С другой стороны, мы видим, какое влияние окажет на Латинскую Америку победа чилийского народа в момент, когда положение в соседних странах — Перу и Боливии — представляет общеконтинентальный интерес, когда народные массы в наших странах приходят в движение, стремясь следовать по пути освобождения. Проявление солидарности есть и будет стратегической целью, стоящей перед каждым народом.

V. ИСТОРИЯ ВОПРОСА В СВЕТЕ ДИСКУССИЙ В ПАРТИИ

Революция учит, несомненно, с такой быстротой и такой основательностью, которые кажутся невероятными в мирные эпохи политического развития. И она учит, что особенно важно, не только руководителей, — но и массы.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 11, стр. 3.

Закон механики гласит, что действие равно противодействию. В истории разрушительная сила революции тоже в немалой степени зависит от того, насколько сильно и продолжительно было подавление стремления к свободе, насколько глубоко противоречие между допотопной «надстройкой» и живыми силами современной эпохи.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 11, стр. 45—46.

1. ПОИСКИ И ДИСКУССИИ

До 1956 г. коммунистические партии Латинской Америки рассматривали вооруженный путь как единственно возможный революционный путь. Это главным образом теоретическая формулировка.

Когда в 1955 г. наша партия предприняла пересмотр (в области теории, идеологии, политики) многих из своих концепций в отношении Уругвая и Латинской Америки с целью выработать цельную теорию освобождения Уругвая, предметом сравнительно широкой дискуссии стал также вопрос о революционном пути. По этому вопросу партия придерживалась общего подхода, хотя и намечала некоторые новые взгляды на момент, переживаемый Латинской Америкой, и по вопросу о вероятном ускорении революционного процесса в этих странах.

В 1956 г. XX съезд КПСС выдвинул известное положение о больших возможностях «мирного» перехода

к социализму в нашу эпоху. Тем самым был придан теоретический характер взглядам, высказанным до этого — сразу же после окончания войны — некоторыми европейскими партиями. Эти взгляды были даже признаны в определенном случае Сталиным, например в его замечаниях к проекту программы Коммунистической партии Великобритании. Положения XX съезда вошли в нашу теоретическую сокровищницу. Наша партия продолжала придерживаться своих предвидений, касающихся главного пути революции в странах континента, но при этом постановку проблемы привела в соответствие с общими положениями, выдвинутыми на указанном съезде. В мае 1956 г. наш Центральный Комитет на своем расширенном заседании рассмотрел два пункта: характерные черты капиталистического развития Уругвая и как они отражаются на расстановке классов и политических партий¹, а также — в качестве рабочей гипотезы — вероятный нуть нашей революции. Как я уже однажды говорил², два товарища сочли тогда целесообразным выразить уверенность в мирном характере развития. Они ссылались на особенности политической истории Уругвая. Их предложение было отвергнуто, во-первых, потому, что, если говорить прямо, оно было по меньшей мере авантюристичным, во-вторых — и это важнейшая причина, — потому, что это предвидение не соответствовало тем идеям, которые зрели в партии по вопросу о вероятных судьбах латиноамериканской революции. А от них мы не могли метафизически отделить развитие событий в Уругвае. И по этому пункту мы уже высказали нашу точку зрения. В начале марта 1956 г. мы предложили координировать солидарную деятельность коммунистических партий Латинской Америки. В документе, содержащем наше предложение, излагались соответствующие аргументы. При этом делались попытки пред-

¹ См.: R. Arismendi, Para un mejor estudio de la correlacion de fuerzas en el Uruguay, "Estudios", 1956, № 3/4.

² См.: R. Arismendi, Algunas de las principales divergencias de los dirigentes chinos con el movimiento comunista, "Estudios", 1963, № 26.

восхитить процесс в его наиболее общих чертах. В документы мы выдвинули гипотезу о начале нового революционного этапа на континенте, о близком подъеме борьбы и о *суровом, трудном и в основном кровопролитном характере* антиимпериалистической и социальной борьбы³.

Этот прогноз в своих существенных чертах продолжал оставаться в силе в ходе изучения и дискуссий, сопровождавших выработку программной декларации 1957 г. Однако по причинам, которые уже не представляет интереса излагать, предпочтение было отдано формулировке, лишь воспроизводившей в несколько измененном виде положения XX съезда и Декларации 1957 г. коммунистических и рабочих партий социалистических стран. Наша формулировка, если смотреть на нее в перспективе, страдала двумя недостатками: могла быть понятой в двойном смысле и являлась воспроизведением, хотя и слегка измененным, текста, имеющего всемирное значение.

В феврале 1959 г., во время обмена мнениями между латиноамериканскими компартиями, мы вновь повторили нашу точку зрения, относившуюся к 1956 г., но актуализировали ее. Мы считали, что на этот раз она была обогащена опытом демократического движения, которое смело ряд диктатур, и кубинским опытом, получившим большой резонанс.

На XVIII съезде нашей партии, состоявшемся в 1962 г., был улучшен текст формулировки 1957 г. С этого момента в вопросе о путях революции партия основывается в своей деятельности на Основной резолюции этого съезда⁴, а позднее — на резолюции XIX съезда.

³ См.: "Acerca de la coordinación de las actividades de los PRCC de América Latina", marzo de 1956.

⁴ «Вместе со всей сотрясаемой конвульсиями Латинской Америкой наша страна идет к революционному решению стоящих перед ней проблем, и, может быть, в недалеком будущем такое решение обеспечит светлые исторические судьбы страны. Это может быть достигнуто лишь путем широкой и суровой борьбы народа. Хотя борьба при благоприятных условиях и может развиваться мирно, без гражданской войны, хотя про-

XVIII съезд принял формулировку, которая в тот момент больше соответствовала нашим реальным тактическим возможностям. Вместе с тем как из содержащегося в основном докладе анализа положения в Латинской Америке и кубинского опыта, так и из самого текста Основной резолюции отчетливо вытекала более правильная методология.

Было решено найти такие *формы* редакции документа, которые в тактическом отношении соответствовали бы характерным чертам положения в Уругвае. В *первой части* настоящей главы мы говорили о языке, которым пользовался Ленин в определенных условиях. Мы цитировали также слова Энгельса из работы «К критике проекта социал-демократической программы 1891 года». Не забудем и того, что Эрнесто Гевара в памятной для нас речи, обращенной в 1961 г. к уругвайскому народу с трибуны Университета Республики⁵, использовал сходные выражения.

В сентябре 1962 г. была принята Вторая Гаванская декларация. XVIII съезд Компартии Уругвая с одобрением отнесся к ней. В декларации содержится непосредственное упоминание о *пути*. Ныне, когда мы перечитываем этот документ, чувство удивления вызывает та

летариат и предпочитает мирный путь и стремится использовать благоприятные условия, если таковые будут иметь место, нельзя забывать об обострении столкновений в Латинской Америке. Такое обострение вызывается империализмом янки, латифундистами и крупной антинациональной буржуазией, которые упорно, с ожесточением защищают свои привилегии и прибегают к самым жестоким репрессиям. Это требует, чтобы рабочий класс и другие слои народа подготовились к борьбе против этих сил, к тому, чтобы нанести им поражение во всех областях. Острота борьбы, которую можно предвидеть, не только не снижает значения движения в защиту демократических свобод, в защиту экономических, социальных и политических завоеваний и требований масс, а, наоборот, подчеркивает его важность на ближайших этапах жизни страны. Такая острота борьбы требует достижения — чем раньше, тем лучше — самого широкого единства народных сил, с тем чтобы противостоять реакции в наиболее благоприятных условиях и на всех уровнях борьбы». (Resolución General del XVIII Congreso, "Estudios", 1962, № 25, p. 149.)

⁵ Discurso de Ernesto Guevara en la Universidad de República. Agosto de 1961.

шумиха, которая поднялась вокруг него⁶. Правильным было бы отметить здесь, что большой заслугой Фиделя Кастро и его товарищей — среди них бессмертного Гевары — было включение в революционную латиноамериканскую проблематику вопроса о *пути* как важного вопроса. Спорят о разных аспектах геваровской концепции восстания, да это и нормально, что в коммунистическом движении идет научная дискуссия по большим проблемам. Однажды нам пришлось обменяться с Че Геварой различными мнениями по ряду вопросов; при этом он всегда прекрасно держался по отношению к нам, всегда был готов к откровенному диалогу между революционерами. История будет только благодарна Че за проявленную им настойчивость, когда он предупреждал о главном пути латиноамериканской революции. И если завтра в какой-то из его тезисов будут внесены поправки или исправления, все равно

⁶ «Субъективные условия каждой страны, т. е. такой фактор, как сознательность, организованность и руководство, могут ускорить или задержать революцию в зависимости от большей или меньшей степени развития; но рано или поздно в каждую историческую эпоху, когда созревают объективные условия, появляется сознательность, возникает организация и руководство и начинается революция.

Произойдет ли это мирным путем или же в мучительных родовых схватках — это зависит не от революционеров, а от реакционных сил старого общества, которые мешают рождению нового общества, порождая противоречиями в старом обществе. Революция — это врач истории, помогающий рождению новой жизни. Она не применяет без надобности насильственных средств, но прибегает к ним без колебаний всякий раз, когда это необходимо, чтобы помочь родам, приносящим порабощенным и эксплуатируемым массам надежду на лучшую жизнь...

Там, где народам закрыты пути, где угнетение рабочих и крестьян носит особенно жестокий характер, где господство североамериканских монополий наиболее сильно, прежде всего необходимо понять, что нельзя и неправильно отвлекать народы пустыми, свойственными приспособленцам иллюзиями о том, что будто у господствующих классов, укрепившихся на всех государственных позициях, держащих в своих руках образование, владеющих всеми средствами пропаганды и имеющих в своем распоряжении громадные финансовые ресурсы, можно законными путями, которых не существует и никогда не будет, отнять власть, которую монополии и отечественные олигархии защищают огнем и мечом, с помощью полиции и армии». («Вторая Гаванская декларация», «Правда», 6 февраля 1962 г.)

история — и не только потому, что его самопожертвование стало символом и примером, — отведет ему место среди великих предвестников будущего. Так произошло с Розой Люксембург, несмотря на то что с некоторыми ее взглядами Ленин не соглашался. Сам Ленин скажет об этой великой революционерке и блестящем теоретике самые теплые слова⁷.

2. ТРЕБОВАНИЯ НОВОЙ ОБСТАНОВКИ

Начиная с 1963—1964 гг. наша партия почувствовала себя обязанной открыто разъяснить в ходе международной теоретической и политической дискуссии свои взгляды на проблему *путей* революции в Латинской Америке. Этому настоятельно требовала сама обстановка на континенте и в нашей стране. С другой стороны, необходимо было определить позицию в отношении китайского кризиса. Вспомним, что китайские руководители пытались использовать в своих целях вопрос о *пути* революции. Мы должны были решить как в области нашей теоретической деятельности, так и в политике две задачи: разоблачить их приемы в полемике, основывающиеся на искажениях и передержках, и в то же время противопоставить наши тезисы взглядам правых ревизионистов в международном движении, поднявших кое-где голову. При этом китайские руководители не замедлили воспользоваться этими правореизионистскими взглядами против всех и вся.

Мы считали, что Латинская Америка и наша страна находятся на определенном этапе в рамках своеобразного периода, характеризующегося политической неустойчивостью, структурным кризисом и революционными потрясениями. Этот период начался в 50-х годах и после кубинской революции приобрел большое историческое значение. Мы стремились разъяснить нашу позицию в ряде исследований и докладов, а также — в ска-

⁷ «...она была и остается орлом; и не только память о ней будет всегда ценна для коммунистов всего мира, но ее биография и полное собрание ее сочинений... будут полезнейшим уроком для воспитания многих поколений коммунистов всего мира». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 422.)

том виде — в вызвавшей большую дискуссию статье, написанной в июле 1964 г. для журнала «Проблемы мира и социализма»⁸. Статья отражала итоги обсуждения, имевшего место в партии после переворота в Бразилии и попытки путча, предпринятой уругвайскими гориллами в июне 1964 г.

Кратко черты новой обстановки представлялись нам следующим образом:

а) В 1963—1964 гг. латиноамериканские страны вступили в новую полосу структурного кризиса. Следовало ожидать сравнительно быстрого ухудшения всего экономического положения. Данные о производстве и внешней торговле, финансовые показатели, стремительно увеличивавшаяся и истощавшая наши страны внешняя задолженность, так называемый «кризис внешнего финансирования», уже дававший о себе знать, — все это свидетельствовало о тяжелом положении на континенте. Следующее пятилетие с его критическими симптомами самым драматическим образом подтвердит такую оценку.

Мы говорили: антагонизм между нашими народами, с одной стороны, и империализмом янки, латифондистами и крупной антинациональной буржуазией — с другой, может приобрести очень острый характер. По мере развития производительных сил усиливаются их противоречия с уже отжившими производственными отношениями. Эти условия, являющиеся объективной основой латиноамериканской революции, наверняка породят новые политические кризисы. О таких кризисах уже свидетельствуют как частые государственные перевороты, так и разгорающаяся в Латинской Америке борьба, приобретающая различные формы⁹.

⁸ Р. Арисмэнди. Некоторые актуальные аспекты революционного процесса в Латинской Америке, «Проблемы мира и социализма», 1964, № 10, или «Estudios», № 31. Статья вошла в сборник «América Latina», Editorial «Paz y Socialismo», Praga, 1966. Она была опубликована также в ряде других книг и журналов, выходящих на разных языках.

⁹ Анализ этого процесса в последующие годы в Уругвае и в Латинской Америке можно найти в многочисленных документах КПУ. Он содержится также в Отчетном докладе XIX съезду, а также в докладах 1968 и 1969 гг. См., например, «Cuadernos de Estudios», № 1.

б) Переворот в Бразилии в 1964 г. — событие общеконтинентального значения. Он свидетельствует о развитии контр наступления империализма янки против наших народов. План такого контр наступления начал осуществляться после поражения империализма США на Плайя-Хирон и карибского кризиса, а с 1963 г. он является частью глобальной стратегии Соединенных Штатов.

Мы писали, что империализм янки, который не мог смириться с существованием революционной Кубы, как и следовало ожидать, пошел в Бразилии на открытое применение насилия, действуя с невероятным цинизмом. Надо полагать, что мировое развитие, приводящее к тому, что в историческом плане революция становится практической проблемой, обостряет «чувствительность» империалистов янки, придает более критический и взрывчатый характер процессам в Латинской Америке. Иначе говоря: для Соединенных Штатов возрастает значение территорий, лежащих к югу от Рио-Гранде. Естественно поэтому предвидеть, что преступная политика империалистов будет носить еще более грубый и жестокий характер. Вскоре США, осуществляя свою международную стратегию, начинают открытую интервенцию во Вьетнаме, высаживают морскую пехоту в Санто-Доминго.

В конце 1965 г. Манфред Коссок, историк из Лейпцигского университета, указывал, что две трети государств Латинской Америки оказались во власти правительств, руководимых армией¹⁰.

в) Лишь политический самоубийца может недооценивать эту сторону новой обстановки. Однако нельзя ограничиться тем, что заметить опасность. Наша партия озабочена поиском правильной перспективы, вытекающей из этой обострившейся ситуации. В противном случае мы не смогли бы попятить диалектической связи, говоря словами Ленина, между контрреволюцией и революцией на этапах перехода к новым, еще более ост-

¹⁰ М. Коссок, *El ejército y la política en América Latina*. Статья переведенная на испанский язык, была прислана нам автором.

рым политическим и социальным кризисам. Вскрывая ошибки людей, принадлежащих к другим политическим течениям, Ленин указывал, что их «...преобладающей чертой является непонимание связи между революцией и контрреволюцией в России, неспособность взглянуть на все пережитое нами, как на одно целое общественное движение, развивающееся по своей внутренней логике»¹¹.

Таким образом, перед нами встал вопрос, к которому мы еще раз вернулись позднее, в начале 1968 г., когда вновь речь зашла об оценке момента, переживаемого Латинской Америкой. Вопрос этот состоял в следующем: на каком этапе революционного процесса мы находимся? Дошел ли до своей высшей точки подъем антиимпериалистического, демократического и народного движения, которое с невиданной силой развернулось после кубинской революции? Вступили ли мы, как полагали некоторые, в мрачное пятилетие? Этот пятилетний период был взят не случайно. Некоторые люди считали, что в Латинской Америке тогда начинался период, допускаявший известные параллели с русской революционной историей: разве в России за этапом подъема, критическая вершина которого приходилась на 1905—1907 гг., не последовало пятилетне столыпинской реакции, продолжавшейся до 1912 г., когда начался новый подъем?

Мы говорили: людей, считавших, что развитие будет носить идиллический характер и превратится в триумфальную прогулку, явное обострение борьбы может привести к утрате перспективы. Мы же, наоборот, думаем, что находимся на переходном этапе, ведущем к еще более крупным революционным битвам. В ходе этих битв американский империализм, естественно, попытается развязать жестокое контрнаступление. Нынешнее время, характеризующееся реакционными военными переворотами, является одновременно периодом нового кризиса политики США, периодом еще большего сужения социальной и идеологической основы их господства, обострения антагонистических противоречий,

¹¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 16, стр. 119.

способствующих созреванию объективных процессов революции¹².

Даже то положение, что Соединенные Штаты открыто используют вооруженные силы наших стран в своих интересах (а это трагический аспект латиноамериканской действительности), следует рассматривать во всем его противоречивом единстве. С одной стороны, невозможно забыть, что вооруженные силы являются существенным звеном репрессивного аппарата в руках господствующих классов и зачастую послушным орудием империализма. С другой стороны, во многих странах армии состоят из выходцев из средних социальных слоев. Иногда эти люди — патриоты, чье чувство национального достоинства оскорблено теми унижениями, которым империя янки подвергает наши страны. В 1964 г., после переворота в Бразилии, мы попытались проанализировать некоторые полемические аспекты этой проблемы¹³. Мы касались уже этого вопроса ранее, говоря о нынешнем положении в Перу и Боливии.

Взрыв в Доминиканской Республике как бы специально демонстрирует нам другой аспект, который приобрел военный вопрос после переворота, осуществленного бразильскими горами.

Мы говорили тогда¹⁴, что даже военное поражение доминиканского народа — свидетельство о верном будущем латиноамериканской революции, которая завершится победой. Борьба в Санто-Доминго показала преобладание революционного действия, несмотря на отдельные частичные отклонения, показала всю непрочность господства американской империи. Патриотическая роль, сыгранная полковником Кааманьо и другими военными, продемонстрировала также,

¹² См.: "Estudios", № 31, или «Проблемы мира и социализма», 1964, № 10.

¹³ См.: "Anotaciones sobre la táctica del movimiento obrero y popular", и "Después del golpe en Brasil", "Estudios", 1964, № 29.

¹⁴ Речь была произнесена в Университете Республики на митинге солидарности, организованном рабочим профсоюзным центром и Федерацией студентов университетов.

что военный аппарат, созданный Соединенными Штатами, — колосс на глиняных ногах. Зловещий замысел Пентагона и Межамериканского совета обороны превратить вооруженные силы наших стран в «иностран- ный легион» может быть обречен на провал. Политика империализма янки приводит к тому, что дискуссия о характере нашего времени и о судьбах наших стран переносится в ряды самих вооруженных сил. Несом- ненно, будут возникать последователи таких людей, как Сомоса, Кастельо, Коста э Силва и Онгапия. Но появятся также новые Кааманьо, Турсио Лимы и многие другие.

В связи с доминиканскими событиями вновь возни- кает вопрос: выступают ли как единое целое офицеры, сержанты и солдаты латиноамериканских армий про- тив своих угнетенных народов? Жизнь начинает давать ответ, ответ еще не полный, но уже в достаточной сте- пени показательный. Он — в растущем числе в ряде стран военных и моряков, ведущих борьбу на стороне народа. А сколько новых военных примкнет к народу завтра? Разве можно сомневаться, что само имя пол- ковника Кааманьо уже порождает сотни вопросов в соз- нании многих военных в наших странах. Сея ветер, империализм пожнет бурю.

В заключение мы хотели бы указать на важность включения этого большого вопроса в число стратеги- ческих проблем, возникающих в связи с движением за народное единство.

* * *

Диалектическая двойственная оценка момента, пере- живаемого Латинской Америкой, требует от нас также диалектического понимания задач, стоящих перед дви- жением. С одной стороны, необходимо более решитель- но определить важность вооруженной борьбы. С другой стороны, такое определение не должно означать ради- калистского сужения рядов революционного движения. От нас требуется широкий подход к вопросам тактики, с тем чтобы использовать новые противоречия, поро- ждаемые империализмом янки, противоречия, сужаю- щие социальную и идеологическую базу его господства.

Это связано с тем, что империализм попирает демократию и суверенитет наших стран, старается свалить национал-реформистские правительства буржуазии, стремится любой ценой — кнутом и штыком — поддерживать нынешнее критическое социально-экономическое положение в Латинской Америке.

Мы настаивали на этих двух аспектах, поскольку бывало так, что их понимали в плане антитезы. К несчастью, такое метафизическое противопоставление дает о себе знать в полемике, идущей на нашем континенте, как раз когда более необходимо было бы приступить к политико-теоретическому синтезу (с включением даже технических вопросов) этой сложной реальности. Боевой дух и правильное использование методов вооруженной борьбы представляются некоторым как нечто противоположное тактической гибкости, даже идущее вразрез с формированием освободительного фронта, т. е. социального и политического союза сил революции¹⁵. Даже в том случае, когда нападкам подвергаются демократические свободы, подобные люди с презрением отзываются о них как о формах буржуазного господства. В то же время другие люди видят в вооруженной борьбе, поставленной в повестку дня империализмом и гориллами, чуть ли не симптом политического инфантилизма.

В упомянутой статье мы говорили:

Чем более насильственной и жестокой становится политика американского империализма, направленная на поддержание своего господства, тем более широкой и гибкой (а отнюдь не сектантской и инфантильной) должна быть тактика освободительного движения и партии рабочего класса. Основное направление нашей политической линии состоит в том, чтобы бороться против империализма янки, а также классов и социальных слоев, находящихся у него на службе, и изолировать их. Это требует от нас умения сочетать основные задачи, имеющие первостепенную важность, достиже-

¹⁵ Говоря об этом ложном противопоставлении, мы вспомнили тогда о критике, которой подверг вьетнамец Нгуен Нге произведение Франца Фанона «Встречи и расхождения». См.: "Insurgencia juvenil", Montevideo, 1969.

ние единства и завоевание на свою сторону большинства рабочего класса в идеологическом отношении, формирование союза рабочих и крестьян, достижение единства средних городских слоев населения с пролетариатом — сочетать все это с политикой, имеющей соответствующие оттенки и способной нейтрализовать или обеспечить благожелательное отношение к революционному движению со стороны всех тех, кто сегодня защищает демократические свободы, экономическое развитие, проведение независимой внешней политики. А именно это американский империализм попирает в грубой форме. Революционный боевой дух, даже субъективная подготовка кадров для революции не противоречат максимальному политическому благоразумию, точной оценке каждого момента в период подъема борьбы, провозглашению промежуточных лозунгов, способных превратить революционный авангард, имеющий прочные корни в массах, в подлинный фактор политического развития.

Добавим: революционеры должны полностью овладеть *всеми возможными формами борьбы*, чтобы быть в состоянии перейти при любых обстоятельствах от одной формы к другой. Они не могут ограничиваться тем, чтобы рассматривать их как общие теоретические положения. Наконец, оценка момента, переживаемого Латинской Америкой, повышает роль партии.

В Латинской Америке, говорили мы, в настоящий момент нельзя говорить о длительном периоде «мирного развития», ибо как общие объективные условия, так и развитие событий в мире, ознаменованное повышением роли социалистической системы и углублением кризиса капитализма, ставят во все большую зависимость переход к революционной ситуации от способности авангарда повести за собой массы на борьбу, от гибкости его тактики, от проявленных в борьбе энергии и боевого духа.

г) Эти предпосылки ведут к логическим выводам: партия считает, что открытое изложение ее взглядов на вооруженный путь как наиболее вероятную революционную перспективу в большей части Латинской Америки необходимо для наших кадров и для нашего народа.

Партия переходит к дальнейшей систематизации своих взглядов по этому вопросу.

Партия продолжает придерживаться своей прежней оценки партизанского движения, начавшегося или развивающегося в ряде стран. Партизанскую борьбу она рассматривает как реакцию на империалистическое насилие, как отражение конвульсивного состояния континента, как поиск путей новыми отрядами революционеров (независимо от совершаемых ими иногда идеологических и политических ошибок). Партия подчеркивает плодотворность партизанского движения как возможной формы борьбы в подходящих с политической точки зрения условиях и в период, лежащий между крупными битвами гражданской войны (подобный пример был изучен Лениным в 1906 г.), или в определенных случаях и ситуациях как формы восстания. В то же время партия предупреждает, что не считает партизанскую борьбу пригодной для любой политической ситуации, как и не считает ее всеобъемлющей формой вооруженной борьбы. Наоборот, мы подчеркиваем, что классическая форма восстания, с таким совершенством использованная Лениным в октябре 1917 г., вероятно, будет действенной в странах нашего континента.

Публично обсуждая эти тезисы, наша партия отнюдь не платила дань «революционной» фразеологии или детской болезни «левизны», которая дает о себе знать в мятежной атмосфере нашего континента. Обсуждение этих вопросов не диктуется и стремлением, как осмеливались легкомысленно утверждать некоторые пугливые «толкователи» нашей политики, приблизиться к определенным взглядам кубинских революционеров, с которыми нас связывает тесная и искренняя дружба.

Мы считали, что сама континентальная действительность обязывает нас иметь ясное представление о путях революции. Это соответствует общей перспективе. Исходя из этой перспективы, в отдельных местах вопрос о вооруженном пути появляется в плане пропагандистской работы; в других же местах он становится вопросом непосредственной подготовки; в некоторых местах он в определенные периоды стоял на по-

вестке дня как «лозунг борьбы». Политическая история нашего континента свидетельствует о длительных и жестоких гражданских войнах, и Гватемала не единственный тому пример. Во всей Латинской Америке заговоры империалистов и олигархии, насилие с их стороны или угрозы такого насилия — обычные и обязательные элементы политической и социальной жизни. И если все это действительность на большей части латиноамериканского континента, то вопрос не является праздным ни в отношении нашей стратегии, ни в отношении перспективы для кадровых партийных работников. Это не пустой вопрос и при оценке политических и технических требований, выдвигаемых перед революционным авангардом.

Следует сделать еще два уточнения.

Во-первых, мы не связываем себя какими-то фаталистическими суждениями. Наоборот, мы говорим, что при благоприятной конъюнктуре, когда имеет место ряд благоприятных политических факторов: особенности исторического развития, географическое положение, ослабление сопротивления господствующих классов, — международное развитие может в той или иной стране привести к расширению возможностей мирного пути. Разве можно отрицать такую возможность для Уругвая при определенных условиях, например при наличии антиимпериалистического правительства в Бразилии или Аргентине? Что же касается превращения такой возможности в действительность, то, конечно, следует всегда ставить первую в зависимость от соотношения сил внутри страны¹⁶. Но можно ли забывать, добавим, что империализм Соединенных Штатов всеми средствами, включая использование реакционной армии, попытается изменить подобное положение?¹⁷

Во-вторых, в свете партизанской борьбы в ряде стран и частых государственных переворотов мы особо изучили различные аспекты диалектической связи меж-

¹⁶ См.: «Estudios», № 31, или «Проблемы мира и социализма», 1964, № 10.

¹⁷ Там же.

ду периодами накопления сил и конкретными «революционными ситуациями».

Мы основывались на опыте и примере борьбы уругвайского народа против попыток государственного переворота в июне 1964 г. В то время мобилизация народных масс, всеобщая забастовка и призыв вести борьбу во всех областях и всеми средствами привели к срыву таких попыток¹⁸. Этому способствовала также твердая демократическая позиция части вооруженных сил.

В те дни в журналах «Проблемы мира и социализма» и «Эстудиос» мы писали: моменты, пережитые нами в июне, обязывают нас подумать о различных сторонах этого опыта. Это тем более правильно, что угроза переворота полностью не устранена. Как мы уже говорили, в настоящее время главная цель нашей тактики состоит в мобилизации и организации рабочего класса и народа, в достижении их единства. Подобная цель относится к периоду накопления сил, что характерно для нынешнего момента в Уругвае. Но эта цель не изменится и в том случае, если мы окажемся в более критической обстановке, например при противодействии реакционному перевороту. В таком случае победа будет зависеть прежде всего от позиции масс, от их понимания целей нашей борьбы, от симпатий и поддержки со стороны наиболее активных в политическом отношении отрядов пролетариата и средних слоев населения. Это первое условие (фактор мобилизации и борьба за сознательность масс) может в то же время оказаться недостаточным для того, чтобы изолировать наиболее реакционные слои и заставить их отказаться от попыток совершить переворот. Перед рабочим классом, перед народом Уругвая возникает проблема, с которой в драматических условиях сталкивались многие страны Латинской Америки. Я говорю о способности быстро перейти от одной формы борьбы к другой. Речь идет как о сохранении народного движения, которое может

¹⁸ См.: «Anotaciones acerca de la tactica del movimiento obrero y popular», «Estudios», 1964, N 30.

быть вынуждено уйти в подполье, так и о возможности бороться с врагом с оружием в руках.

Какие проблемы возникают в стране, где не существует революционной ситуации в ленинском значении этих слов, в стране, находящейся на этапе накопления сил, если реакция развязывает насилие против народа, осуществляя военный переворот? Разве в этих условиях подготовка ко «всем формам борьбы» означает лишь использование «мирного» сопротивления масс и одновременно создание (или сохранение) организации для продолжения работы в нелегальных условиях?

В классическом случае, если в какой-либо данной стране нет революционной ситуации, вопрос о взятии власти мирным или насильственным путем не стоит в порядке дня на первом месте. Вопрос о вооруженной борьбе — это прежде всего политическая проблема, которую следует решать конкретно. Для того чтобы начать вооруженную борьбу, требуется по меньшей мере следующее: а) наличие революционного кризиса; б) точный выбор политического момента для выступления, момента, очень четко определенного Лениным в работе «Марксизм и восстание»; в) неременное завоевание симпатий большинства рабочего класса и народа.

В период накопления сил такие условия отсутствуют. Однако при перевороте, осуществляемом реакционной военной — горилами, не имеющими никакой массовой базы, созревание политических условий может быть ускорено. Борьба народа в защиту своих свобод вначале является гораздо более широкой в отношении расстановки сил, классов и социальных слоев и уже имеющегося уровня сознательности масс по сравнению с соотношением классовых сил, складывающимся при революционной ситуации. В этом смысле реакционный переворот может явиться ускорителем политического кризиса, ускорителем такого процесса накопления сил, при котором, как говорил Маркс, двадцать лет спрессовываются в один. Вместе с тем даже в таких случаях, когда реакция берет на себя инициативу развязывания насилия, выбор методов борьбы по-прежнему зависит от политической обстановки, в частности от настроения масс. *Применение* таких методов в боль-

шой степени оказывается в зависимости от соответствующей предварительной подготовки, от наличия кадров и от боевой инициативы революционного авангарда, способного увлечь за собой большинство рабочего класса и народа.

Ответ ни в коем случае не может быть дан в отрыве от оценки роли масс, но он обязательно должен включать в себя возможность вести борьбу во всех тех областях, где враг выступит против нас. Как же должно быть места бланкистскому уклону или безответственному авантюризму, так нельзя и откладывать борьбу до того дня, когда условия настолько созреют, что *предоставят нам полную инициативу для взятия власти*. Недостаточно героизма меньшинства, жертвующего собой в стороне от великого потока народных решений. Всегда существуют определенные условия для отпора со стороны рабочего класса и народа (манifestации, всеобщая забастовка, демонстрации в сочетании с самозащитой масс, всевозможные выступления тысяч людей, взволнованных, приведенных в движение данным событием и готовых вступить в бой, и т. д.), при которых испытанию подвергается боеспособность партии рабочего класса.

Боевой дух, инициатива и подготовленность рабочего класса и народа сливаются воедино на новом, более высоком уровне, когда авангард находит политические и технические средства, позволяющие ему встать во главе масс в тот момент, когда враг ранит самые чувствительные струны народных убеждений и хочет найти решение вопроса с помощью оружия.

Следовательно, поставить изолированный авангард под огонь врага и дать последнему возможность истреблять лучшие кадры означало бы героическую жертву, но было бы неисправимым безрассудством. Таким же образом явились бы непросительной капитуляцией отступление и сдача позиций из-за отсутствия боевой инициативы и соответствующей подготовки. В подобных случаях никто не может гарантировать победу, тем более когда враг, возможно, имеет огромное преимущество в инициативе. Но победа врага без серьезной борьбы—это фактор деморализации, который

впоследствии сделает очень тяжелой политическую работу авангарда. Ведь в этом случае авангард *не только подвергается ударам, но и страдает его авторитет.*

Именно Ленин напоминал о высказываниях Маркса по этому поводу: капитуляция без борьбы больше деморализует пролетариат, чем жестокое поражение.

Бывают поражения и поражения: некоторые из них превращаются в предпосылки для грядущих замечательных побед, другие же на несколько лет обескровливают рабочее и народное движение¹⁹.

* * *

В заключение скажем, что в последующих документах, в политических и идеологических дискуссиях как на международной арене, так и в Латинской Америке наша партия продолжала подтверждать свои взгляды.

¹⁹ «Проблемы мира и социализма», 1964, № 10.

VI. ПУТЬ, ТАКТИЧЕСКАЯ ГИБКОСТЬ И ИНФАНТИЛЬНОСТЬ

Два мира идей: с одной стороны, точка зрения пролетарской классовой борьбы, которая может в известные исторические периоды идти на почве буржуазной законности, по которой неизбежно приводит к развязке, к прямой схватке, к дилемме: «разбить вдребезги» буржуазное государство или быть разбитым и задушенным. С другой стороны, точка зрения реформиста, мелкого буржуа, который за деревьями не видит леса, за мишурой конституционной законности не видит ожесточенной классовой борьбы, в захолустье каково-нибудь маленького государства забывает великие исторические вопросы современности.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 20, стр. 12—13.

Мы не царь Ксеркс, который велел сечь море цепями. Но разве констатировать факты — значит оставаться бездеятельным, т. е. отказываться от борьбы? Ничуть. Учиться, учиться, учиться! Действовать, действовать, действовать! Надо подготовиться, вполне хорошо подготовиться для того, чтобы совершенно сознательно, с полной энергией использовать ближайшую надвигающуюся революционную волну. Вот в чем суть. Нужна неумолимая партийная агитация и пропаганда, а затем — партийное действие. Но партийное действие, свободное от безумия, будто оно может заменить действие масс. Как много мы, большевики, должны были работать среди масс, прежде чем могли сказать себе: «Готово, вперед!» Поэтому — к массам! Завоевание масс — как предпосылка для завоевания власти.

К. Цеткин, Воспоминание о Ленине, 1966, стр. 26.

1. НАДУМАННЫЕ ОПАСНОСТИ И РЕАЛЬНЫЕ ОШИБКИ

Если так мы ставим проблему революционной стратегии, значит ли это, что мы самым подвергаем партию риску сектантства и инфантильности? Не произойдет ли при этом неизбежного ослабления внимания к определению каждого момента, не будет ли нарушена

последовательность выполняемых задач, не ослабнут ли связи с массами, не впадем ли мы в политический примитивизм, не станем ли мы страдать забвением тактики и от излишней болтливости?

На все это мы можем ответить: боязнь уклона, в данном случае «левого» уклона, не может служить теоретическим и методологическим аргументами для опровержения тезиса, если он научно обоснован и соответствует марксистско-ленинскому учению. А что касается уклонов, то чего только нет на божьем свете!

Однако мы понимаем, что подобная озабоченность в определенной степени законна в Латинской Америке, где постулат вооруженной борьбы иногда метафизически противопоставляется политике. При этом мы имеем в виду тех, кто серьезно защищает этот постулат, а не тех политиканов — участников словесных баталий, которые всем хорошо известны. Демонстрируемые ими чудеса красноречия плохо скрывают их карьеризм и антикоммунизм.

Что же касается оправданного беспокойства, содержащегося в поставленных выше вопросах, то с помощью классиков марксизма-ленинизма мы попытаемся разрешить его в теоретической части данной работы. Нельзя считать, что революционный путь — это лишь тактическая гибкость. В определении этого пути отправной точкой служат объективные условия, которые обычно не являются сиюминутным делом, и именно поэтому они лежат за пределами наших субъективных желаний.

В своей работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» Ленин говорил о восстании как о *возможном и желательном* пути русской демократической революции. *Возможность* — ее оценка должна обязательно связываться с объективностью процесса — является поэтому утверждением *теоретико-методологического* характера; *желательность*, которая исходит из возможности, иначе это был бы чистый субъективизм, становится частью *стратегии* пролетариата и его партии: *стратегического плана*, который воплощает в себе намерение большевистского авангарда ускорить возможное радикальное и народное разви-

гие демократической революции с перспективой облегчить переход к революции социалистической. Тактика сводится к средству продвижения к достижению этой цели — а в деле выбора самого момента действия — штурм, если использовать терминологию того времени, явно взятую из военного языка. Тактические установки конкретизируют стратегическую цель; однако вопрос выбора пути, по Марксу, Энгельсу и Ленину, — это вопрос теории, когда речь идет о его объективном определении, и вопрос стратегии, когда на основе теоретического анализа партия стремится сформулировать свое революционное намерение, т. е. наметить генеральную линию на определенный историко-социальный период.

Выступая в качестве главы уругвайской делегации на конференции Организации латиноамериканской солидарности, я сказал: «Все заставляет думать, что главный путь освободительной борьбы большинства латиноамериканских стран — это путь вооруженной борьбы как наивысшее выражение всех форм народной борьбы. Это вытекает из суждения, которое является следствием такого же беспристрастного анализа, как клинический диагноз». Затем мы обрисовали характерные черты нынешней конкретной исторической ситуации, что нашло свое отражение в соответствующем разделе данной работы.

Совершенно очевидно, что любая стратегия требует тактики, если мы хотим иметь средства для ее реализации. Ленин предупреждал, что пути политической борьбы обычно не похожи на широкий и прямой «тротуар» Невского проспекта¹. Забвение этой истины обходится очень дорого. Действовать в обстановке

¹ «„Политическая деятельность — не тротуар Невского проспекта“ (чистый, широкий, ровный тротуар совершенно прямой главной улицы Петербурга), говорил еще русский великий социалист домарковского периода Н. Г. Чернышевский. Русские революционеры, со времен Чернышевского, неисчислимыми жертвами заплатили за игнорирование или забвение этой истины. Надо добиться во что бы то ни стало, чтобы левые коммунисты и преданные рабочему классу революционеры Западной Европы и Америки не так дорого заплатили за усвоение этой истины, как отсталые россияне». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 55.)

сложных классовых взаимоотношений, принимать срочные решения и руководствоваться при этом лишь исключительно стратегическими понятиями — это все равно, что пользоваться такой мерой времени, как световой год, в нашей повседневной жизни, что больше свойственно лунатику, вместо того чтобы воспользоваться обычным будильником. С другой же стороны, попытка оперировать лишь одними тактическими понятиями в вопросах путей революции равносильна попытке увидеть горизонт, уткнувшись носом в землю.

Опасения, содержащиеся в вопросах, поставленных в начале данной главы, связаны, очевидно, с путаницей в отношении таких категорий, как *пути, формы и средства борьбы*.

Отсутствие четкого понимания различия между этими категориями усугубляется и тем, что знак равенства ставится между категорией *пути революции* и категорией *революционного момента* (при наличии или отсутствии революционного кризиса) или даже категорией *момента взятия власти* или *начала вооруженных операций* с перспективой перехода к восстанию, когда речь идет о методе партизанских действий.

Чтобы завершить изложение нашей мысли, мы обратимся в данной главе к примерам из тактической линии нашей партии и напомним еще о ряде аспектов теоретической и политической деятельности В. И. Ленина. Когда речь идет о деятельности великого вождя, лишний пример не принесет ничего, кроме пользы.

Что касается опыта нашей партии, то, несмотря на его скромность, в данном случае он играет как бы роль свидетеля. Этот опыт свидетельствует против опасений в отношении того, что наша форма постановки вопроса о пути революции несет в себе потенциальный авантюризм, т. е. таит в себе опасность скатывания к экстремизму.

В последние 15 лет Коммунистическая партия Уругвая настойчиво стремится применять марксизм-ленинизм в соответствии с действительностью страны. В области теоретической деятельности партии мы можем найти множество недоработок. Однако в общей картине выделяется момент разработки ее генеральной

инии, теоретических поисков в сочетании с верной революционной практикой. Деятельность партии означает диалектическое развитие пролетариатом национальной истории; ее деятельность основывается, таким образом, на тщательном анализе социально-экономической материальной базы современного Уругвая, позиций и взаимоотношений общественных классов страны и ее политических течений, идеологической (включая сюда и социальную психологию) и государственной надстройки. Все это рассматривается в рамках противоборства, существующего в мире между социализмом и капитализмом, что отражается и в позициях пролетарского интернационализма нашей партии.

Ни тактическая линия партии (включая и ее политическую пропаганду), ни направляемые ею взаимоотношения с массами не дают оснований считать, что наша партия забыла хоть один из уроков Ленина, которые он преподал в знаменитой работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». В своей политической деятельности партия учитывает характерные особенности и стремится использовать все нюансы и противоречия политической обстановки; стержень ее деятельности — развитие опыта самих масс; ее лозунги зачастую становятся лозунгами широких рабочих и народных масс; ее методология обращается в методы борьбы широких слоев народа, в рамках которой «низшие формы» сочетаются со многими из «высших форм», характерные для рабочих и народных выступлений в Уругвае.

В этом отношении многие из классических советов Ленина стали золотым правилом нашей политической деятельности. А некоторые из них как раз и являются лучшим лекарством от потери чувства нового и от сектантской ограниченности.

Ленин указывает: «...обязательно работать там, где есть масса»². И значительная по своей численности, и важная в политическом отношении часть наших товарищей занята организацией или руководством уругвайского рабочего и народного движения. А низовые

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 36.

организации партии находятся в основных центрах концентрации пролетариата.

Ленин высмеивает тех, кто впадает в крайность и требует изобрести «такой рецепт или такое общее правило... которое бы годилось на все случаи... Надо иметь собственную голову на плечах, чтобы в каждом отдельном случае уметь разобраться. В том-то и состоит, между прочим, значение партийной организации и партийных вождей, заслуживающих этого звания, чтобы длительной, упорной, разнообразной, всесторонней работой всех мыслящих представителей данного класса... вырабатывать необходимые знания, необходимый опыт, необходимое — кроме знания и опыта — политическое чутье, для быстрого и правильного решения сложных политических вопросов»³. И последние 15 лет национальной политической жизни плюс международный опыт подтвердили правильность линии партии. Эта линия была испытана в профсоюзной и политической борьбе в различные моменты (моменты широкого демократического развития, наступления реакции, угроз со стороны горилл, продолжительных и напряженных классовых битв за экономические и политические требования, борьбы за рабочее, народное единство, единство левых сил и т. д.). В горниле этой борьбы получили — а многим еще предстоит пройти — закалку члены коллективного руководства партии, тысячи коммунистов, ставших руководителями различных звеньев массового, рабочего, профсоюзного и народного движения Уругвая.

На протяжении этого периода — со всей оградченностью в определенных аспектах опыта одной страны — партии приходилось действовать в различные политические моменты и в зависимости от требований движения переходить в наступление или уходить в оборону или попеременно сочетать то и другое. В ряде моментов партия стремилась использовать противоречия в стане противника или была вынуждена идти на «компромиссы», о которых говорил Ленин⁴, чтобы

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 52--53.

⁴ См.: там же, стр. 51—52.

подготовить новое наступление, используя при этом все «трещины» или другие возможности неблагоприятной для нас ситуации. Однако главное состоит в том, что партия сумела не только сохранить, но и постоянно укреплять авангард пролетариата и народа, закалить новые поколения коммунистов, рожденных в борьбе, коммунистов, убежденных в правоте своей идеологии.

Ленин учит: «... революционная партия пролетариата... не будет заслуживать своего названия, пока не научится связывать вождей с классом и с массами в одно целое, в нечто неразрывное...»⁵. Партия пустила глубокие корни в рабочем классе, и сегодня ее руководители и руководители профсоюзного, народного и левого движения составляют единое руководство борьбы за программу и за реализацию главной тактической линии; более того, значительное большинство рабочих руководителей и значительная часть видных руководителей движения интеллигенции, студенчества и народных масс являются членами нашей партии или Союза коммунистической молодежи.

Наша партия является партией рабочего класса не только в силу учения, которым она руководствуется, но и в силу своего социального состава, в силу широкого представительства в руководстве профсоюзного движения страны; наша партия проводит политику с учетом интересов всего народа и оказывает влияние на передовую интеллигенцию и студенческую молодежь.

Партия является стержнем всей системы рабочих и народных организаций — профсоюзных, крестьянских, студенческих, женских, интеллигенции, средних слоев, которые мобилизуют широкие народные массы на постоянную борьбу за хлеб, за свободу, за прогрессивное и демократическое преобразование, за суверенитет, за солидарность с Кубой и Вьетнамом, против империализма янки.

Относительно разнообразия форм борьбы: наша работа — а в центре ее внимания находятся промышленные предприятия, уличные демонстрации, рабочие, студенческие и народные выступления — предусматривает

⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 33.

сочетание действий масс с парламентской деятельностью, с агитацией — посредством ежедневной газеты радио, газет местных партийных организаций, — с политической и экономической агитацией (демонстрации митинги и т. д.). И сама партия превращается в *партию масс и кадров*. В результате постоянного роста рядов партии численность ее увеличилась более чем в 10 раз. А во время напряженных классовых и антиимпериалистических выступлений, развернувшихся в последние годы, подлинно революционная тактика партии — свободная от оппортунизма и авантюризма, — тактика, способная использовать все «формы» и «стороны общественной деятельности», утвердилась *на практике* в качестве основной линии всего рабочего движения.

Все это является отражением нашей постоянной заботы о сохранении необходимого диалектического единства между стратегической концепцией и политической деятельностью, тесно связанной с опытом масс. Концентрируя свою деятельность в среде рабочего класса на решении вопросов его мобилизации, организации и революционного воспитания, партия настойчиво стремится стать «реальной политической силой», как этого требовал Ленин, и ускорить тем самым процесс революции в Уругвае.

Во всех областях деятельности у партии имеются недостатки и упущения, определенные диспропорции, связанные с ее развитием.

Но уже сегодня партия располагает средствами для их преодоления: это теория уругвайской революции, разработанная в свете учения марксизма-ленинизма, теория, доказавшая свою правильность по существу, теория, которая постоянно обогащается практикой; это опыт, накопленный в борьбе, и прочные связи с рабочим классом и народом; это кадры, объединяющие сегодня основные уроки опыта истории развития уругвайского рабочего движения с эффективной деятельностью тысяч молодых членов нашей партии и Союза коммунистической молодежи.

Партия стремится к тому, чтобы с помощью коллективных усилий достигнуть тех высот марксистской зрелости, которую так блестяще охарактеризовал Ле-

нин: «Марксизм отличается от всех других социалистических теорий замечательным *соединением* полной *научной трезвости* в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюций с самым решительным признанием значения *революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс*, — а также, конечно, *отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать* и реализовать *связь с теми или иными классами*»⁶.

2. О НЕКОТОРЫХ СОВЕТАХ ЛЕНИНА, КОТОРЫЕ СЛЕДУЕТ ИМЕТЬ В ВИДУ

Революция 1905 г. явилась «генеральной репетицией» революции 1917 г. Если начиная с момента написания работы «Две тактики социал-демократии в демократической революции» мы вместе с Лениным проделаем его путь до кануна первой мировой войны, то увидим, что во всех его работах красной нитью проходит тема путей революции.

Подготовка восстания против царизма вообще являлась целью всех русских революционных течений с конца XIX века. Со временем эта цель отходит на задний план для меньшевизма и других течений, попадающих под влияние европейского правого ревизионизма, или «растворяется» в мелкобуржуазном нетерпении эсеров, которые подменяют ее тактикой террора, политическими «крайностями» или «заговором» меньшинства. Только Ленин и большевики неуклонно шли к этой цели, несмотря на все зигзаги исторического процесса, докапываясь до сути каждого этапа революционного процесса и вырабатывая методы, формы борьбы и лозунги в зависимости от соотношения сил, настроения масс, включая наличие политических факторов, способных повлиять на процесс и ускорить наступление политического кризиса в стране⁷. Другими словами, определе-

⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 16, стр. 23.

⁷ Показательно то внимание, которое Ленин уделяет «ускорителям». (См. его статьи о демонстрациях, об экономической и политической борьбе, о студентах: в других случаях он называет такие факторы, как исторические сдвиги, бедствия, вызванные войнами [русско-японской, первой мировой и т. д.])

ния пути восстания в качестве цели и соответствующая тактическая линия, нацеленная как стрелка компаса на подготовку восстания, не толкали Ленина к экстремизму, бланкизму или пустословию, хотя «патентованные теоретики» II Интернационала и обвиняли его в подобном, а меньшевистские болтуны неустанно бросали в его адрес обвинения, граничащие с оскорблениями.

Позднее — в моменты крутых тактических поворотов, но всегда преследовавших цель решения проблемы взятия власти, — Ленин дал следующее определение политики, которая хочет быть научной: «Марксизм требует от нас самого точного, *объективно проверяемого учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента. Мы, большевики, всегда старались быть верными этому требованию, безусловно обязательному с точки зрения всякого научного обоснования политики*»⁸.

За этим определением проступает как методологическая путеводная нить известное требование материалистической диалектики — требование *конкретного анализа конкретной ситуации*, естественно понимая конкретное по Марксу как единство разнообразия.

История рабочего движения свидетельствует о том, что классические уклоны возникали как раз в связи с этим диалектическим соотношением между теорией и политикой, стратегией и тактикой, авангардными действиями и историко-социальной действительностью, рассматриваемой конкретно и реалистично. Ленин, однако, не говорит о них лишь просто как об ошибках. Он вскрывает их механизм, их гносеологическую ограниченность. Это односторонность⁹ в подходе к действительности, более сложной, богатой и многообразной, чем серая и сухая схема, которой оперируют правые ревизионисты, с одной стороны, и анархисты, или «полуанархисты», или те, кто заигрывает с анархистами, — с другой. Все это — ленинские характеристики¹⁰. Первых это приводит к плоскому позитивизму

⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 132.

⁹ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 20, стр. 66.

¹⁰ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 15.

и реформизму¹¹, к филистерству, к отсутствию революционной перспективы и революционной страстности. Они кончают предательством, творя историю наименее благородными частями тела¹². Вторых — к «революционной» пиротехнике анархистского и им подобного характера — Ленин сравнивает эсеров с пиротехниками¹³, — которые с презрением отвергают кропотливую и систематическую работу, которые преувеличивают — в своем отрицании — роль парламента и впадают в «парламентский кретинизм наизнанку»¹⁴, которые боготворят «магическую» силу «прямого действия, заканчивающегося неизменно на самоубийственном пути секты»¹⁵, т. е. все это сводится к политическому ничто, к революционному бессилию. Ленин указывает на изменение в тактике буржуазии: это метод «„либерализма“, шагов в сторону» уступок, или метод насилия¹⁶. Когда преобладает первый метод, поднимают голову реформисты, когда преобладает второй — то пришел их час — считают анархисты, анархистствующие и прочие взбесившиеся мелкие буржуа¹⁷. («И те и другие,—пишет Ленин,—тормозят самое важное, самое насущное дело: сплочение рабочих в крупные, сильные, хорошо функционирующие, умеющие при всяких условиях хорошо функционировать, организации, проникнутые духом классовой борьбы, ясно сознающие свои цели, воспитываемые в действительно марксистском миросозерцании»¹⁸.)

Естественно, что после Октября Ленин взялся за изложение истории тактики большевизма в книге, ставшей настольной. Эта книга внесла основной вклад

¹¹ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 25.

¹² «Люди сами творят свою историю. Но чартисты, Варлены и Либкнехты творят ее своей головой и своим сердцем. А вожди II и III^{1/2} Интернационалов «творят» ее совсем другими частями тела.» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, стр. 176.)

¹³ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 7, стр. 53.

¹⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 19, стр. 84.

¹⁵ Rosa Luxemburgo, *Reforma y Revolución*, Teus Madrid, 1931, p. 164.

¹⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 20, стр. 67.

¹⁷ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 14.

¹⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 20, стр. 66—67.

в дело становления коммунистических партий. «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» решила эту задачу. В книге систематизированы характерные примеры различных ситуаций и свойственная каждой из них борьба течений. В книге показано, как в обстановке многообразия событий большевики неуклонно боролись за объединение сил, руководствуясь при этом бескомпромиссной, принципиальной и горячей революционной страстностью, причем то и другое конкретизировалось в политике, понимаемой как наука и искусство¹⁹.

По этой же причине Ленин требует, чтобы изучался не один отдельно взятый аспект деятельности большевиков, а «**весь период его существования**»²⁰, если мы хотим получить удовлетворительное объяснение победы пролетариата в России «при самых трудных условиях», которые требовали «железной дисциплины».

Если вместе с Лениным — с целью частичного и краткого разъяснения — мы проанализируем некоторые из моментов до и после 1905 г., как мы это и задумали, то мы, несомненно, сможем найти показательные примеры.

Этот анализ поможет нам установить различия и связи, определяемые марксизмом-ленинизмом в отношении ниже рассматриваемых положений, это та тема, к которой мы будем возвращаться постоянно, так как именно здесь кроется суть многих недоразумений:

а) Ленин выдвигает вопрос о подготовке восстания в России как результат *теоретического* анализа и включает цель восстания в стратегический план задолго до возникновения конкретной «революционной ситуации», хотя и в момент, когда в недрах материальной базы царской империи уже созревают объективные революционные предпосылки;

б) сам по себе этот вывод заставляет делать различие между концепциями *методов и форм борьбы* и категорией *пути революции*, хотя между тем и другим существует естественная диалектическая связь. В «Партизанской войне» Ленин определяет марксистский взгляд на *методы и формы борьбы* в связи с конкретно-

¹⁹ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 65.

²⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 6.

исторической обстановкой. В зависимости от условий одни становятся «главными», а другие — «второстепенными», причем одни не должны обязательно полностью исключать другие в каждой ситуации; они могут сменять друг друга, чередоваться, сочетаться. Позднее Ленин скажет в «Детской болезни «левизны» в коммунизме», что «революционный класс... должен уметь овладеть всеми, без малейшего изъятия, формами или сторонами общественной деятельности...»²¹;

в) научный выбор пути и его стратегический постулат не предполагают забвения тактических возможностей или обязательного их ограничения. Наоборот, это обязывает учитывать при решении задач и в выборе методов тактические требования каждого «момента»; это обязывает также не ограничиваться лишь вопросами тактики, то есть не впадать в политическую деятельность, не имеющую революционной перспективы, близорукую, лишенную перспективы. Это требует революционной тактики, т. е. тактики, поставленной на службу стратегии, тактики, связанной с перспективой, с подготовкой кадров, с овладением всеми формами борьбы, понимая это требование не только в оборонительном смысле;

г) путь революции, конкретная «революционная ситуация» и «момент взятия власти» — это разные кате-

²¹ «История вообще, история революций в частности, всегда богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, «хитрее», чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов. Это и понятно, ибо самые лучшие авангарды выражают сознание, волю, страсть, фантазию десятков тысяч, а революцию осуществляют, в моменты особого подъема и напряжения всех человеческих способностей, сознание, воля, страсть, фантазия десятков миллионов, подхлестываемых самой острой борьбой классов. Отсюда вытекают два очень важных практических вывода: первый, что революционный класс для осуществления своей задачи должен уметь овладеть всеми, без малейшего изъятия, формами или сторонами общественной деятельности (доделывая после завоевания политической власти, иногда с большим риском и огромной опасностью, то, что он не доделал до этого завоевания); второй, что революционный класс должен быть готов к самой быстрой и неожиданной смене одной формы другою». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 80—81.)

гории, хотя, естественно, практически они *составляют одно целое в решающей фазе восстания.*

Мы считаем, что одностороннее или схематичное понимание этих диалектических переходов затрудняет поиски истины, разоружает авангард и заодно порождает отступления бланкистского, полуанархистского, волюнтаристского, авантюристского и тому подобного характера в моменты крупных социальных и политических столкновений, в моменты глубокого созревания революционного процесса.

Еще на XVIII съезде нашей партии (август 1962 г.) мы показали, что оппортунизм и авантюризм являются реальными опасностями для движения. Первая выражается в потере революционной перспективы, в приспособлении к концепциям и формам борьбы, свойственным периодам наиболее медленного социального развития. Вторая состоит в том, что оценка факторов революционного действия является плодом нетерпеливости, субъективизма и инфантильности²².

²² XVIII съезд КПУ. Отчетный доклад. В журнале «Эстудиос», 1962, № 15, мы также писали: «Авантюризм — это концепция, которая с тактической точки зрения абстрагируется от учета степени зрелости революционной ситуации, не учитывая «часа» восстания, частично или полностью не учитывает степени социального развития, игру социальных и политических противоречий, роль масс, необходимость завоевания союзников и изоляции противников, пренебрегает правильным сочетанием методов борьбы в зависимости от настроений масс и тех целей, которые преследуются на каждом отрезке, и т. д. Вообще же подобные концепции формируются в тезис, согласно которому авангард сам по себе или — что еще хуже — часть авангарда может по своей воле вызвать революционную ситуацию, взять власть и удержать ее. В этих идеях авантюристского толка кроется также ошибочное толкование кубинского опыта, поверхностное изучение этого опыта, а также взглядов Фиделя Кастро на эту тему. Именно здесь находится точка соприкосновения обоих отступлений.

Эти идеи, зачастую сосуществующие или смешанные с другими, явно оппортунистического характера, оппортунизм же, как говорил Ленин, — это колебания слева направо, являющиеся типичным выражением сомнений, отмечающих классовую особенность мелкого буржуа, с запозданием воспроизводят многие положения социальных течений домарковского периода. И в частности, идеи Огюста Бланки».

На стр. 97—99 настоящей работы мы доказали — и процитировали при этом большой отрывок из работы В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции», — что русские марксисты выдвинули перспективу восстания почти за десять лет до 1905 г. Ленин, однако, разъясняет, что эта стратегическая постановка вопроса имеет различное тактическое значение на каждом этапе революционного процесса. В течение определенного времени, характеризуемого как период *подготовки и накопления сил*, восстание как цель выдвигается в пропагандистском плане (понимание неизбежного хода социального развития и усвоения перспективы партией и массами); затем, на следующем этапе, во время бурного 1905 г., восстание конкретизируется как *прямой боевой лозунг* и организационная задача.

После 1905 г. В. И. Ленин не раз возвращается к этому разъяснению. А после 1907 г., в период так называемой *столыпинской реакции*²³, Ленин вновь обстоятельно разбирает этот вопрос. В этот же период в движении возникают два различных по своему характеру уклона: правого толка и левый. Но, несмотря на это, они дополняют друг друга в своем стремлении ликвидировать партию или посредством роспуска ее организаций, или посредством разрыва ее связей с массами.

Уклон правого толка, питавшийся преимущественно оппортунистическим прошлым меньшевизма, был назван *уклоном «ликвидаторов»*, которые стремились ликвидировать нелегальные организации партии, чтобы приспособить ее к условиям куцей царской законности. Они вели дело к тому, чтобы свести на нет боевой потенциал партии, ее готовность к борьбе в качестве действенной революционной силы с использованием «всех форм» и при любых «обстоятельствах» (вспомним дискуссии на II съезде РСДРП, а также «Шаг вперед, два шага назад» или «С чего начать?», в

²³ Так называют период с 1907 по 1910 г.

которых Ленин отвергает ошибочное противопоставление «политической агитации» «боевой организации»). Против них был вынужден выступить даже «меньшевизированный» Плеханов.

С другой стороны, в рядах большевиков проявляются некоторые «ультралевые» тенденции: это «отзовисты», «ультиматисты» и т. д. Представители этих тенденций повторяют некоторые лозунги, которые, будучи верными в 1905—1907 гг., сегодня уже не соответствовали новой действительности. Они повторяют классические ошибочные «рассуждения анархистов»: «...они, ввиду в корне неправильных представлений о ходе общественного развития, не умеют учесть особенностей конкретного политического (и экономического) положения в разных странах, обуславливающих специфическое значение для известного периода времени то одного, то другого средства борьбы»²⁴.

«Отзовисты» и попутчики предложили бойкотировать парламент, отказаться от всякой легальной деятельности, использовать главным образом *высшие формы* борьбы; при этом они прибегают к звонкой революционной фразе. «У наших героев, — говорит Ленин, — которые заучили обрывки большевистских слов, выходит все наоборот». Сегодня рекомендуются как «возможные», «высшие формы борьбы, неудававшиеся нигде и никогда в мире без непосредственного натиска масс»²⁵.

Ленин посвятил много статей тому, чтобы убедительно доказать необходимость использования средств борьбы в зависимости от характера политического момента и условий революционной борьбы. В частности, в своей работе «О фракции сторонников отзовизма и богостроительства» он проанализировал связи между «низшими» и «высшими» формами борьбы и закономерность их использования в определенных условиях²⁶.

²⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 19, стр. 79—80.

²⁵ Там же, стр. 77.

²⁶ «Какого рода деятельность предполагает больший размах энергии масс, большее влияние масс на непосредственную политическую жизнь, — парламентская ли деятельность по закону, созданному старой властью, или военная пропаганда, подрыв-

Здесь Ленин использует определение, взятое из лексикона своих противников, которое следует отметить: он говорит о существующем в то время политическом моменте, который характеризуется как «межреволюционный» («„Межреволюционный” есть характеристика неустойчивого, неопределенного положения, когда старая власть, убедившись в невозможности править при помощи одних только старых орудий, пытается использовать новое орудие в общей обстановке старых порядков. Это — внутренне-противоречивая, невозможная попытка, на которой самодержавие опять идет, неминуемо идет к краху, опять ведет нас к повторению славной эпохи и славных битв 1905 года. Но оно идет не так, как шло в 1897—1903 годах, ведет народ к революции не так, как вело до 1905 года. Вот это «не так» падо уметь попятить; падо уметь видоизменить свою тактику, прибавляя ко всем основным, всеобщим, первостепенным и важнейшим задачам революционной социал-демократии еще одну, не очень крупную, но специфическую задачу данного момента, нового момента: задачу революционно-социал-демократического использования черносотенной Думы»²⁷).

В другой работе важнейшего тактического звучания — «Против бойкота»²⁸ — Ленин вскрывает диалек-

вающая сразу и напрямик орудия материальной силы этой власти? Подумайте, любезные, и вы увидите, что парламентская деятельность и в указапном отношении стоит позади. А из этого что следует? А из этого следует то, что чем сильнее непосредственное движение масс, чем больше размах их энергии, другими словами: чем больше можно говорить об... «острой и усиливающейся реакции», — тем более возможной, тем более неизбежной, тем более успешной будет становиться и пропаганда в войсках и боевые выступления, действительно связанные с массовым движением, а не сволящиеся к авантюризму оголтелых боевиков. Именно поэтому, о, несправедливо устранинные, большевизм умел выдвинуть и боевую деятельность п пропаганду в войсках особенно сильно в период «острого и усиливающегося» революционного подъема: — именно поэтому большевизм умел проводить (начиная с 1907 года) и окончательно провел в 1909 году отделение своей фракции от того боевизма, который «при острой и усиливающейся реакции» свелся, неизбежно свелся к авантюризму». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 19, стр. 76—77.)

²⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 19, стр. 82.

²⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 16, стр. 30.

тику форм борьбы. Здесь нам следует остановиться на одном мудром предостережении, которое содержит данное ленинское исследование: не смешивать *линию тактики с особым средством борьбы*. («Бойкот, это — не линия тактики, а особое средство борьбы, годное при особых условиях. Смешивать большевизм с «бойкотизмом» такая же ошибка, как смешивать его с «боевизмом»... **Линии тактики** расходятся при всех приемах и средствах борьбы... отнюдь не создавая каких-то специальных, той или иной линии свойственных способов борьбы»²⁹.)

Ленин в своей исторической квинтэссенции истории большевизма — «Детской болезни «левизны» в коммунизме» — придает исключительное значение разгрому этого экстремистского течения («...большевики не могли бы удержать... прочного ядра революционной партии пролетариата в 1908—1914 годах, если бы они не отстояли в самой суровой борьбе **обязательности** соединения с нелегальными формами борьбы форм легальных, с **обязательным** участием в реакционнейшем парламенте и в ряде других, обставленных реакционными законами, учреждений (страховые кассы и проч.)»³⁰).

Именно в этот период Лениным написано множество статей, которые дают разъяснения относительно сочетания четкой стратегии революционного пути с трезвым использованием форм борьбы в рамках реалистичной и гибкой тактики. Среди этих работ я имею в виду «Заметки публициста»³¹, «О некоторых чертах современного распада»³², «Карикатура на большевизм»³³ и «По поводу двух писем»³⁴.

В работе «Карикатура на большевизм» — апрель 1909 г. — Ленин пишет: «В 1897, 1901 и 1905 годах революционные с.-д. различно относились к вопросу о восстании: только после 9 января 1905 г. они поставили его на очередь дня, хотя и в 1897 и в 1901 гг.

²⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 16, стр. 30—31.

³⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 18—19.

³¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 16, стр. 54—66.

³² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 138—147.

³³ Там же, стр. 394—406.

³⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17.

Россия, несомненно, «шла навстречу революционному подъему», шла... к «революции». Недостаточно заучить лозунги, надо уметь думать о том, когда их уместно выдвигать. Пока «подъем» не наступил, пока «революция» в самом узком и непосредственном значении слова не стала настоящим... выставлять лозунг одного из средств борьбы значит изображать из себя карикатуру на революционных с.-д.»³⁵.

В статье «О некоторых чертах современного распада» Ленин добавил к своим аргументам четкую оценку «группкам» и их мелкобуржуазному отчаянию террориста³⁶.

В рамках этой общей диалектической концепции Ленин, который в 1909 г. упорно отстаивает участие в послушной царю Думе, в других условиях, в 1906 г., призывает принять участие в своеобразной «партизанской войне» того периода, или изучает вопрос о возрождении баррикадной тактики 1905 г.³⁷, или подчер-

³⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 396.

³⁶ «...есть своя логика, логика разочарованности в партии и в народной революции, разочарованности в способности масс к непосредственной революционной борьбе. Это — логика интеллигентской взвинченности, истеричности, неспособности к выдержанной, упорной работе, неумения применить основные принципы теории и тактики к изменившимся обстоятельствам, неумения вести пропагандистскую, агитационную и организационную работу при условиях, резко отличных от тех, которые мы пережили недавно. Вместо того, чтобы направить все усилия на борьбу с обывательским развалом, проникающим не только в высшие, но и низшие классы, вместо того, чтобы крепче сплачивать разрозненные партийные силы на отстаивание испытанных революционных принципов, вместо этого неуравновешенные люди, оторванные от классовой опоры в массах, выкидывают за борт все, чему они учились, и провозглашают «пересмотр», т. е. возврат к старенькому хламу, к революционному кустарничеству, к раздробленной деятельности группок. Никакой героизм этих группок и отдельных лиц в террористической борьбе не изменит того, что деятельность их, как людей партии, есть проявление распада. И чрезвычайно важно усвоить себе ту истину, — подтверждаемую опытом всех стран, переживших поражения, революции, — что одна и та же психология, одна и та же классовая особенность, напр., мелкой буржуазии, проявляется и в упынии оппортуниста и в отчаянии террориста». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 142—143.)

³⁷ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 13, стр. 374.

кивает важность тактики массовой борьбы с целью завоевания кругов армии на сторону революции (см. среди других работ «Уроки революции»³⁸ или «Армия и народ»³⁹). Или определяет роль Советов как органов «непосредственной борьбы пролетариата»⁴⁰. Или анализирует роль массовой политической стачки в завершении процесса, ведущего к восстанию; или сочетание различных высших форм борьбы: рабочего взрыва, крестьянского восстания и военного бунта⁴¹.

Ленинский опыт является подтверждением правильности использования — в зависимости от момента — всех форм борьбы, подчиненных стратегическим целям революции, и среди них — пути взятия власти.

В этом смысле нельзя говорить в абсолютных категориях о большем или меньшем значении в революции легальных методов по сравнению с нелегальными, и наоборот. Ленин иногда говорит о них как о *низших и высших* формах борьбы. Но эта оценка, оценка их значения связана *со степенью участия масс и боевого накала их выступлений*. Парламентская деятельность никогда не может сравниться по революционному накалу с крупной массовой политической стачкой⁴²; однако и «вооруженные действия» мелких групп или тактика «политической сенсации»⁴³ социалистов-револю-

³⁸ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 19, стр. 416.

³⁹ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 13, стр. 282.

⁴⁰ Там же, стр. 288.

⁴¹ «Поэтому надо все силы направить на разъяснение в агитации связи между той и другой формой борьбы, на подготовку условий, которые помогли бы слиться в один поток трех ручьям борьбы: рабочему взрыву, крестьянскому восстанию и военному „бунту“». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 13, стр. 318.)

⁴² См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 44.

⁴³ «Не обходится прокламация и без теории экзистенциально-террора. «Каждый поединок героя будит во всех нас дух борьбы и отваги», — говорят нам. Но мы знаем из прошлого и видим в настоящем, что только новые формы массового движения или пробуждение к самостоятельной борьбе новых слоев массы действительно будит во всех дух борьбы и отваги. Поединки же, именно постольку, поскольку они остаются поединками Балмашевых, непосредственно вызывают лишь скоропреходящую сенсацию, а посредством ведут даже к апатии, к пассивному ожиданию следующего поединка». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 384.)

ционеров, против которой боролся Ленин, также не могут стать высшими формами борьбы, так как они не содействуют развитию революционного сознания масс, а в отдельных случаях даже могут отбросить его назад. Это очевидно для Ленина, поэтому он считает боевую рабочую демонстрацию «высшей формой» с точки зрения развития революционного движения, и именно поэтому он развенчивает, например, убийство нескольких царей или тиранов⁴⁴. Парламентская деятельность должна оцениваться той же меркой. В некоторых случаях она может служить для ускорения массового движения, для поднятия его на новую, более высокую ступень, может стать одним из факторов, которые приводят к революционному кризису. Касаясь Англии, Ленин писал: «Мы не можем знать... какой повод более всего разбудит, разожжет, подвинет на борьбу очень широкие... массы». А затем спрашивает: «Возможно, что... «сломает лед» парламентский кризис...»⁴⁵. И напоминает, что во Франции такой мелкий повод «... (дело Дрейфуса)... вплотную» подвел «народ к гражданской войне!»⁴⁶. Этот анализ значения форм борьбы ясно показывает нам все богатство, многогранность, диалектичность ленинской постановки вопроса. Мы можем добавить: при определенных политических условиях сочетание авангардом *массовых действий и парламентской деятельности* может привести к высшим формам классовой борьбы. В Уругвае, например, массовые выступления, начинавшиеся иногда с требования о повыше-

⁴⁴ «Для них ничего не стоит... заменить... политическое восстание пролетариата произведением политической сенсации. Мы же считаем способными иметь действительно и серьезно «агитирующее» (возбуждающее), и не только возбуждающее, но и (это гораздо более важно) воспитывающее действие **только** события, в которых действующим лицом является сама масса, которые порождаются ее настроением, а не инсценируются «с специальной целью» той или иной организацией. Мы думаем, что целой сотне цареубийств не произвести никогда такого возбуждающего и воспитывающего действия, как это одно участие десятков тысяч рабочего народа в собраниях, обсуждающих их насущные интересы и связь политики с этими интересами...» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 7, стр. 60.)

⁴⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 82—83.

⁴⁶ Там же, стр. 83.

нии заработной платы в сочетании с динамичной, непосредственно связанной с рабочим классом и народом борьбой в парламенте, приводили все движение к на более высокой ступени организации и сознания, к острейшим классовым столкновениям, выступлениям демократических сил, в процессе которых рабочие, студенческие и народные массы использовали иногда «высшие формы» борьбы, прибегали иногда к своеобразным боевым методам борьбы.

Марксизм-ленинизм требует конкретно рассматривать вопрос о парламенте и законности. И здесь на нашей стороне не только лаконичное определение Ленина: те, кто не видит, что «легальные методы борьбы также являются революционными», — это «плохие революционеры». Больше того, Ленин подчеркивает преимущества использования парламента даже в часы революции: «Авторы тезиса совершенно запутались и забыли опыт целого ряда, если не всех, революций, свидетельствующий о том, как особенно полезно во время революций соединение массового действия извне реакционного парламента с сочувствующей революции (а еще лучше: прямо поддерживающей революцию) оппозицией внутри этого парламента»⁴⁷.

Что касается «законности», то комментарии Ленина в его работе «Два мира»⁴⁸ относительно идеологической борьбы внутри германской социал-демократической партии дают красноречивую и четкую картину. Один *мир* идей, пишет Ленин, означает приспособление и воспевание уцербной «конституционной законности» — точка зрения реформиста, мелкого буржуа. Другой *мир* идей означает понимание того, что классовая борьба в известные исторические периоды может идти на почве буржуазной законности, но эта борьба неумолимо идет к своей исторической развязке. Одновременно и понимание того, что эта законность по стечению обстоятельств становится поперек дороги буржуазии, создавшей эту законность, как говорит Энгельс в своем знаменитом предисловии к «Классовой борьбе

⁴⁷ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 45.

⁴⁸ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 20, стр. 12—13.

во Франции»⁴⁹. Пролетариат использует законность для укрепления своих рядов, для подготовки к более сложным этапам борьбы.

Может даже случиться — как это происходило в тот период в Германии, — что будет существовать «предреволюционная ситуация» с широким «господством законности»⁵⁰. И что в результате «иронии истории» господствующие классы Германии, создавшие эту законность сегодня, во имя сохранения их классового господства будут вынуждены сломать ее. Близится иной исторический момент, эпоха «величайших революционных битв», и растерянная буржуазия чувствует, что эта законность становится для нее «невыносимой». «Стреляйте первые, господа буржуа!» — в этих словах выразил в 1892 г. Энгельс своеобразие положения и своеобразие тактических задач революционного пролетариата⁵¹. Ленин добавляет: «Социалистический пролетариат ни на минуту не забудет, что ему предстоит... революционная массовая борьба... И в то же время у партии, великолепно использовавшей полувековую законность буржуазии против буржуазии, нет ни малейших оснований отказываться от... удобств в борьбе...»⁵².

Именно от положений, подобных указанному, может зависеть быстрый, скачкообразный переход от момента накопления сил к моменту вооруженной борьбы, которая, разворачиваясь должным образом в обстановке выступлений самых различных видов, может вылиться в самое широкое народное контрнаступление.

Другими словами, диалектика «высших» и «низших» форм борьбы не допускает абсолютной классификации или оценки их революционного значения, если не рассматривать их в конкретных исторических условиях, если не оценивать их влияние на мобилизацию масс и повышение революционного сознания. Именно об этом мы говорили в докладе на XVIII съезде нашей партии: «Революция никогда не может быть результатом — как думают в некоторых кругах средних слоев — какого-то

⁴⁹ См.: К Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 5—110.

⁵⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 20, стр. 16.

⁵¹ Там же, стр. 16—17.

⁵² Там же, стр. 17.

гениального свершения, которое неожиданно пробудит парод, или определенных действий отдельных личностей, или групп, изолированных от масс. Революция подразумевает прежде всего, помимо объективных процессов, способность мобилизовывать, организовывать и руководить борьбой народных масс. Помимо всего прочего, марксизм отличается от бланкизма и анархизма тем, что оценивает роль масс во всех аспектах революционного действия». «...революционер, который не принимает во внимание массы, пренебрегает делом их мобилизации и воспитания, облегчает контрреволюции, даже если он этого не хочет, задачу по изоляции борцов рабочего класса, партии рабочего класса». «Этим мы не хотим сказать — это уточнение было необходимо, имея в виду оппортунистов, — что между различными формами борьбы имеется своего рода глухая стена...»⁵³.

Это положение, как и ряд других, не могут понять в силу своего — говоря философским языком — метафизического образа мышления публицисты определенных «левацких» групп и течений. По их словам, выходит, что «высшее» и «низшее» в области методов или политической борьбы определено всевышним раз и навсегда. Они не понимают, что «высшее» и «низшее» могут сочетаться, чередоваться, что «низшее» в определенный момент может стать «высшим», и наоборот.

К ним полностью применима критика Лениным эсеров⁵⁴. С классовой точки зрения эсеровская партия характеризуется «мелкобуржуазной, полуанархической (или способной заигрывать с анархизмом) революционностью». По сути дела, «во-первых... не могла... понять необходимость строго объективного учета классовых сил и их взаимоотношения перед всяким политическим действием. Во-вторых... видела свою особую «революционность»... в признании... индивидуального террора, покушений», что большевики отвергали «по причинам целесообразности», а не принципиально.

⁵³ Informe del Balance al XVIII Congreso, "Estudios", № 42, p. 125—126.

⁵⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 15—16.

«В-третьих, «социалисты-революционеры» видели «левизну» в том, чтобы хихикать над небольшими сравнительно оппортунистическими грехами немецкой социал-демократии...» наряду с тем, что в области теории они повторяют позиции крайних оппортунистов в вопросах о диктатуре пролетариата, аграрном и т. д. (Здесь ленинский сарказм обращен и против наших «леваков» — противников диктатуры пролетариата и антисоветчиков, — которые выступают в поддержку любого тактического или теоретического проявления оппортунизма — сартровского, чехословацкого или любого другого; хотя, конечно, они выступают — во имя революции! — в роли самых строгих судей ошибок, которые может допустить тот или иной отряд коммунистического движения.)

Для Ленина ни один из методов сам по себе не обладает ни магической силой, ни свойством магического ключа от врат революции. Именно это содержание несет его критика, продолжающая критическое направление Маркса и Энгельса и марксистской мысли, анархистской наивности, влюбленной в чудодейственные свойства «непосредственного действия». И когда эту тактику вновь поднимают на щит эсеры, Ленин пишет две статьи: «Новые события и старые вопросы»⁵⁵ и «Революционный авантюризм»⁵⁶. В этих вопросах Ленин вскрывает тактическое бесплодие «непосредственных действий», так как они не решают основной проблемы любой революционной тактики — проблемы завоевания масс, без участия которых революция невозможна. Как «непосредственные действия», так и методы «политической сенсации» или «эксцитативного террора» порочны в основном: они претендуют на то, чтобы заменить выступления и опыт масс героизмом или действиями отдельной группы. Как тут не вспомнить слова одного революционера-марксиста: герой — на сцене, массы — в зале. А если эти действия имеют место при политически неблагоприятной обстановке, то результат может быть отрицательным и тра-

⁵⁵ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 7, стр. 58—64.

⁵⁶ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 377—398.

гическим. Таковой и была в определенной степени драма народника героического поколения 70-х годов.

Если определять в нескольких словах отличие указанных течений от марксизма-ленинизма, то можно сказать: это сражение против реакции, «поставленное» героями-одиночками или небольшими группками конспираторов, с верой в то, что тем самым они смогут просветить массы. Однако без участия масс это сражение, которое может быть честным и героическим, превращается в отход от направления главного удара. Это влечет за собой неудачи самоотверженных революционеров, которые могли бы отдать свои пламенные сердца делу действительного ускорения хода революции.

Следовать тактике, при которой воспитание масс на их собственном опыте уходит из центра внимания революционной деятельности, — значит извращать ленинское учение. Прибегая иногда в идеологической борьбе к резким выражениям, Ленин указывает, что стремление бросить в решительный бой один лишь авангард является «глупостью» или «преступлением»⁵⁷.

Естественно, что Ленин не верит и в доблесть авангарда, «сидящего на пороге своего дома в ожидании, когда мимо него пронесут труп врага»; он мыслит, создает и руководит действиями динамичной и боевой партии, которая воспитывает массы на их собственном опыте и решительно поддерживает все то, что может способствовать ускорению хода революции, партии, которая в конечном итоге приводит пролетариат к власти, меняет ход истории и открывает путь мировой социалистической революции.

⁵⁷ «Бросить один только авангард в решительный бой, пока весь класс, пока широкие массы не заняли позиции, либо прямой поддержки авангарда, либо, но крайней мере, благожелательного нейтралитета по отношению к нему и полной неспособности поддерживать его противника, было бы не только глупостью, но и преступлением. А для того, чтобы действительно весь класс, чтобы действительно широкие массы трудящихся и угнетенных капиталом дошли до такой позиции, для этого одной пропаганды, одной агитации мало... Таков — основной закон всех великих революций, подтвержденных теперь с поразительной силой и рельефностью не только Россией, но и Германией». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 77—78.)

Именно поэтому противопоставление одних форм революционного действия другим, к которому прибегают некоторые группы, «заигрывающие с анархистами», для нападков на позицию коммунистов, является не чем иным, как политической ловушкой, публичным мошенничеством. Эти группы противопоставляют «радикальные» или «вооруженные» методы методам «политической агитации»; массы, завоеванные в результате пробуждающих их вооруженных действий, — массам, участвующим в профсоюзной и политической борьбе. Ленин уже давно разоблачил всю фальшь этой полемики в своей работе «С чего начать?», в которой он заявил о том, что российская марксистская партия в своей борьбе против царизма должна овладеть всеми формами борьбы. От народовольцев нас отличает, говорил Ленин, не необходимость иметь боевую организацию; нас отличает — помимо теории — политическая тактика, направленная на то, чтобы вести народ к революции при помощи всех средств, которые этому способствуют.

Известно, что наши наиболее очевидные разногласия с некоторыми взглядами Режи Дебре (которые целиком ошибочно приписываются кубинским лидерам) связаны с его идеей, согласно которой партизанский отряд призван стать зародышем новой партии рабочего класса. Следуя учению Ленина, мы всегда считали, что место авангарда завоевывается борьбой. Уже в таких работах, как «Партизанская война» и «Кризис меньшевизма», Ленин сформулировал интересные замечания относительно характера партии в период гражданской войны. Однако проблема идеологии, организации, классов и масс, которые, по мнению Ленина, и вызывают необходимость создания партии, никогда не могут быть решены, если при этом с самого начала отталкиваются от вооруженных действий, не могут быть решены даже самыми удачными и хорошо теоретически обоснованными партизанскими действиями. С другой стороны, мы не знаем ни одного случая, когда эти вопросы были бы решены именно таким образом.

Критические замечания Нгуен Нгуе в адрес Фанона, которые мы приводим в другой главе, состоят, по суще-

ству, в критике отделения вопросов насилия от политических вопросов; в этих замечаниях вскрывается извращение процесса, ведущего к революционному насилию, когда его (этот процесс) отрывают от процесса формирования социальной силы революции.

Эта предпосылка, согласно указанию Ленина, важна в периоды *накопления сил* и «революционной ситуации», даже до момента захвата власти.

Мы приводим две важные цитаты из работ Ленина того периода, который мы рассматриваем.

Первая относится к годам столыпинской реакции. Ленин пишет в «Заметках публициста»⁵⁸: «Этот период, несомненно, есть *переходный* период „между двумя волнами демократической революции”».

«По переходный период потому и есть переходный, что его специфической задачей является подготовка и соби́рание *сил*, а не их непосредственное, не их решительное наступление».

Вторая относится к 1907 году, когда — хотя и при относительном спаде — еще сохраняется конкретная «революционная ситуация» (1905—1907 гг.). Ленин пишет в работе «Вторая Дума и вторая волна революции»⁵⁹: «Положение безусловно революционное. Борьба в самой острой форме безусловно неотвратима».

Но именно потому, что она неотвратима, нам не к чему форсировать, подгонять, подхлестывать ее».

«Поэтому — никаких преждевременных **призывов** к восстанию. Никаких торжественных манифестов к народу... Буря сама идет на нас. Не надо бряцать оружием».

Надо готовить оружие, — и в прямом, и в переносном смысле слова. Надо готовить прежде всего и больше всего сплоченную и крепкую своим сознанием, своей решимостью армию пролетариата. Надо удесятить работу нашей агитации и организации среди крестьянства... Надо сорвать все и всякие идеологические прикрытия и затушевывания революции, надо устра-

⁵⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 19, стр. 247.

⁵⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 384.

нить всякие сомнения и колебания. Надо... сказать... борьба неизбежна»⁶⁰.

Это разнообразие ситуаций с соответствующими им тактическими установками в рамках единого стратегического плана и обязывает намечать политическую линию партии. Ленин призывает относиться к стратегии, тактике и политике как к науке и искусству. Как к науке, когда речь идет об оценке политического момента [«тактика должна быть построена на трезвом, строго объективном учете всех классовых сил данного государства (и окружающих его государств, и всех государств, в мировом масштабе), а также на учете опыта революционных движений»⁶¹], и как к искусству, осуществляя правильное, своевременное и гибкое политическое руководство, которое выработывало бы необходимый опыт масс, умело бы использовать противоречия интересов между врагами⁶² и использовать компромиссы, не поступаясь принципами. (Соединить «преданность идеям коммунизма с умением пойти на все необходимые практические компромиссы, лавирования, соглашательства, зигзаги, отступления и тому подобное...»⁶³.) Одним словом, все, что помогает продвигаться вперед при различных обстоятельствах социальной

⁶⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 384—385.

⁶¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 47.

⁶² «Победить более могущественного противника можно только при величайшем напряжении сил и при обязательном самом тщательном, заботливом, осторожном, умелом использовании как всякой, хотя бы малейшей, «трещины» между врагами, всякой противоположности интересов между буржуазией разных стран, между разными группами или видами буржуазии внутри отдельных стран.— так и всякой, хотя бы малейшей, возможности получить себе массового союзника, пусть даже временного, паткого, непрочного, ненадежного, условного. Кто этого не понял, тот не понял ни грана в марксизме и в научном, современном социализме вообще. Кто не доказал практически, на довольно значительном промежутке времени и в довольно разнообразных политических положениях, своего умения применять эту истину на деле, тот не научился еще помогать революционному классу в его борьбе за освобождение всего трудящегося человечества от эксплуататоров. И сказанное относится одинаково к периоду до и после завоевания политической власти пролетариатом». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 55.)

⁶³ Там же, стр. 80.

и политической борьбы, чтобы «правильно выбрать... момент... чтобы решительным наступлением пролетариата разбить всех их и завоевать политическую власть»⁶⁴.

Ведь для марксиста высшее искусство политического руководства состоит в том, чтобы «уметь найти, нащупать, верно определить конкретный путь или особый поворот событий, подводящий массы... к великой революционной борьбе...»⁶⁵.

Ленин постоянно требовал от коммунистов «соединять величайшую страстность в великой революционной борьбе с наиболее хладнокровным и трезвым учетом бешеных метаний буржуазии».

Ленин оставил нам несколько блестящих обобщений высказываний Маркса и Энгельса о тактике в своей работе «Карл Маркс», в предисловиях к переписке Маркса и Энгельса с Кугельманом, Зорге и другими⁶⁶.

В одной из этих работ Ленин сетует на отсутствие классифицированного исследования вопросов, относящихся к тактике, содержащихся в переписке между Марксом и Энгельсом. Насколько нам известно, такое исследование еще не сделано.

3. ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА ДОПОЛНЯЕТ, НО НЕ ЗАМЕНЯЕТ РЕАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ТАКТИКИ

Наша партия предприняла ряд усилий, чтобы дать обобщенное изложение основ своей стратегии и тактики.

Мы еще раз убедились в том, насколько плодотворным оказалось использование марксистско-ленинской теории, и в особенности ленинского метода, для понимания уругвайской действительности, для разработки общей революционной линии.

Обращение к теории отдаёт метафизикой для неопозитивиста или прагматика; для марксиста же, наоборот, это является обязательным условием «научной серьез-

⁶⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 80.

⁶⁵ Там же, стр. 82.

⁶⁶ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 43—93; т. 14, стр. 371—379; т. 15, стр. 229—249.

ности» и приверженности фактам, которые анализируются в развитии, во всей совокупности связей с реальным движением, что облегчает правильное предвидение и точный политический прогноз. Еще одним подтверждением этого является деятельность нашей партии в недавний период. Эта же деятельность партии заодно явилась резкой отповедью потерпевшим провал изобретателям уругвайского народничества, которые в свое время отвели нам идиотскую роль, заключающуюся в бездумном насаждении схем чужой истории. Если практика является критерием истины, причем то и другое понимается в марксистском смысле, то эта практика коротких, но бурных 15 лет социально-политического развития страны вскрыла верное и ошибочное, ценное и наносное в теоретических и политических позициях всех сил страны. Основная истина нашего анализа, нашего предвидения, наших действий выдержала испытание огнем. Я говорю об этих 15 годах не только потому, что этот период начинается с момента пересмотра нашей деятельности, т. е. партийного кризиса 1955 г., но также и потому, и, может быть, главным образом потому, что начиная с этого года становится ощутимым структурный кризис уругвайского общества, появляются признаки подобного же положения на всем континенте — на сцену выступают рабочие и студенческие массы, в деревне происходит политический отлив «сельской» волпы (пардопанской), в результате выборов становится виден критический разрыв между политической надстройкой, основанной на системе двухпартийности, и новой материальной, социально-экономической базой современного Уругвая, что сказывается и на структуре классов, и на социальном составе населения. Репрессивные меры нынешнего пачекизма, поддерживаемого крупной финансовой буржуазией и североамериканским империализмом, в известный социально-исторический период связаны с кризисными явлениями, которые появились начиная с середины 50-х годов.

Именно тогда началась агония «латиноамериканской Швейцарии», именно тогда начинают тускнеть яркие краски идиллии, как бы предвещающая наступление

нынешнего критического положения. Невозможно было предсказать ход событий, место действия, костюмы и характер персонажей. И хотя любители острых ощущений довольно скоро войдут вместе с Нардоне в Дом правительства, в то время еще никто не мог предсказать пышный состав посредственных комедантов и заранее продуманное преступление, совершенное действующими лицами из среды «рыцарей индустрии», разномастных финансистов⁶⁷ и дипломированных специалистов по женской красоте из Пунта-дель-Эсте и т. д., которые, затаптывая прежний буржуазно-демократический и национал-реформистский Уругвай, одновременно пабивают свои карманы.

Однако первые толчки конца 50-х годов уже несли в себе потрясения 1968—1970 гг., и здесь уже можно было предвидеть основные направления этого процесса. Именно это и сделала наша партия. А между тем так называемые «реалисты» и «нативисты» занимались тем, что подпевали господину Нардоне. Спустя же некоторое время разочарованные суровой действительностью и одновременно ослепленные блеском вступления Кубы на континентальную арену, они вновь начинают стремиться к миру — «к национальным левым»... без коммунистов. Как и «реалисты», «нативисты» продолжают играть в затасканные альтернативы «возрождения испутри» ствола, источенного старыми партиями господствующих классов. Они не могут понять, что кризис уругвайского общества неумолимо толкает его к революции, что есть лишь один способ осуществления этой революции — объединение народа и поспешный шаг за днем, в штпль и в бурю, через неудачи и поражения — путей развития этого единства. Все остальное — это политическое знахарство; это поклонение колдовскому ритуалу, вызывающему быстрые, удобные или поучительные «чудеса».

Мы не будем заниматься ретроспективным изложением этого процесса. Партия своей деятельностью сама непосредственно принимала участие в нем. Достаточно

⁶⁷ Следует вспомнить замечание К. Маркса в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» о финансовой буржуазии и сравнение их методов и вкусов с люмпен-пролетариатом.

перечитать документы наших последних съездов, книги, брошюры и статьи, написанные уругвайскими коммунистами.

Жизнь — высший судья политических находок и ошибок — подтвердила правильность теоретических и политических позиций коммунистов. И этот факт нашел глубокое отражение во всех кругах уругвайских «левых». Это подтверждение в самых различных кругах и сферах теоретической и политической деятельности явилось результатом опыта самих масс и идеологической борьбы. Следствием этого стали изменения в соотношении сил; изменения политического влияния, боеспособности, дальнейшее укрепление связей с массами, с рабочим классом, с передовой интеллигенцией, студенчеством, всеми партиями, группами и течениями упомянутой «левой» (ради выразительности мы прибегаем к использованию этого нечеткого социально-политического определения). Здесь наибольшие потери понесла социалистическая партия. В свое время, когда позволят условия, мы попытаемся проанализировать, с тем чтобы это послужило делу революционного воспитания, без каких-либо агрессивных помыслов, причины кризиса этой партии: начиная с ее реформистского становления и антикоммунистических традиций и кончая ее соскальзыванием на национально-народнические позиции, а затем и на «левацко»-инфантильные. Ясная позиция единства, которую занимает наша партия в отношении рядовых членов социалистической партии, не противоречит нашему идеологическому прогрессу к подобному исследованию, которое может послужить уроком для всего рабочего и пародного движения.

Социалисты, анархисты, сторонники «третьей позиции», народники и другие терпели систематические поражения, в результате чего таяли их ряды не только в те периоды, когда они действовали независимо друг от друга. Они терпели эти поражения и тогда, когда действовали совместно, так как их союзы создаются, разваливаются и вновь сколачиваются без всякого учета понесенных ими поражений и допущенных ошибок. Эти союзы упорно преследуют одну цель — противостоять нашей теории уругвайской революции,

тактике, необходимой для ее осуществления, а в международном плане — противодействовать всему коммунистическому движению. Иные некоторые из этих групп действуют в политической или профсоюзной сфере, преследуя преимущественно или исключительно эту же цель. И все же, несмотря на их внутренние противоречия и раздоры, все это толкает их к погоне за призраком: к созданию фронта, стоявшего бы еще «левее левого». Они считают себя «более революционной силой» — на словах и в методах, — чем широкое сплоченное и боевое рабочее и народное движение, созданное представителями самых различных партийных организаций, и среди них — и *главным образом* — представителями нашей партии. Мы подчеркиваем это не по желанию прихвастнуть или по причинам сектантства. Наша основная роль — в теоретическом, политическом плане, по числу участвующих в этом движении коммунистов — в создании и руководстве этим движением является общепризнанной. Это одна из характерных черт национальной действительности.

Подобные объединения-конгломераты «левее левого» ожидает неизбежная судьба. Об этом свидетельствует и вся история международного рабочего движения. В этой связи мы вспоминаем слова В. И. Ленина, сказанные им по поводу одного из многих пируэтов Троцкого. Эти слова являются как бы определением общих исторических условий, которые способствуют возникновению мелких групп, действующих самостоятельно или в составе «федераций», на определенных этапах революционного процесса. «Такие типы, — пишет Ленин, имея в виду Троцкого, — характерны, как обломки вчерашних исторических образований и формаций, когда массовое рабочее движение в России еще спало и любой группке «просторно» было изображать из себя течение, группу, фракцию, — одним словом, «державу», толкующую об объединении с другими»⁶⁸.

Для подобных групп характерно, что к своей раздробленности, беспорядочности и идеологической нищете они добавляют революционную фразу и пропаган-

⁶⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 25, стр. 205.

ду — как если бы это было открытием — методов, которые могли бы быть выставлены в музее домарковского периода. Уже в 1963—1964 гг.⁶⁹ мы указали на анахронизм подобных концепций и методов. В подобных конгломератах смешиваются путаные националистические идеи потерпевших крушение буржуазных и мелкобуржуазных политических деятелей, классическая двойственность анархизма — радикального в общем плане и реформистского всякий раз, когда речь идет о необходимости практического осуществления своих концепций, — и милый сердцу буржуазии реформизм того или иного профсоюзного лидера, способного даже на заигрывание с «левизной», когда это способствует борьбе против коммунистического движения. Таким образом, их позиции сходятся на общей платформе — платформе, *лишенной всяких принципов.*

⁶⁹ В связи с полемикой по китайскому вопросу. (См.: “Anotaciones sobre la táctica del movimiento obrero y popular”, “Estudios”, № 28, или “Algunos aspectos actuales del proceso revolucionario en América Latina”, “Estudios”, № 31, или «Проблемы мира и социализма», 1964, № 10.)

«С точки зрения тактики, фразеология руководителей КПК направлена на поддержку старых идей и методов, разгромленных Марксом и Лениным, — будь то презрительные выпады в адрес тех, кто использует в революционных целях буржуазный парламент (по сути дела, речь идет о возобновлении полемики «левых» коммунистов с Лениным), или третирование борьбы за непосредственные требования трудящихся, в защиту демократических свобод и легальности революционного рабочего движения. Сегодня в китайские одежды рядятся группы радикальной мелкой буржуазии, которые — поскольку речь идет о методах революционной борьбы — придерживаются изъеденных молью идей относительно «вдохновляющего прямого действия», импортированных различными сектами анархистов в бассейн Рио-де-ла-Платы более полувека назад. В противоположность марксистской ориентации на действия масс эти группы выступают с проповедью о «прямых действиях» групп смельчаков, способных вдохновить парод и ускорить социальную революцию: Эти концепции соприкасаются одновременно с бланкизмом или со старыми концепциями эсеров и народников (подхваченными сегодня молодежью АИРА и определенными националистическими мелкобуржуазными течениями в Латинской Америке) относительно ведущей роли крестьянских, а не пролетарских масс в нашей революции. В подобных концепциях сектантство, фразерство, схематическое противопоставление одних форм борьбы другим сочетаются с антисоветизмом. («Estudios», № 31, p. 34.)

В отличие от тех тенденций, представители которых в своем неистовстве истолковывают на свой собственный лад размах и силу массового движения, наша партия никогда не подходила к профсоюзам доктринерски. Естественно, что идеологическая борьба является неизбежной. Естественно, что среди народной и рабочей массы, которую мы на протяжении этих лет организовывали на социальные и политические выступления, опираясь при этом на объективные явления действительности, углубляющей классовую борьбу во всех областях, возникают и удерживаются на поверхности определенные тенденции и предубеждения, подновляются и пускаются в ход концепции домарковского периода, отжившие свой век с исторической точки зрения. Даже некоторые идеологические мертвецы пускаются в пляс на краю могилы! Однако, не забывая о необходимости идеологической борьбы, линия нашей партии победила и побеждает главным образом потому, что правильность этой линии была подтверждена самой жизнью, опытом рабочих и народных выступлений. И не случайно, что огромное большинство руководителей и активистов профсоюзов или народных организаций, избранных и поддерживаемых массами, являются выразителями наших взглядов, а многие из них вступили в наши ряды в процессе борьбы или разделяют эти взгляды. С другой стороны, не является случайностью и тот факт, что нашей партии принадлежит почетное, хотя и не радостное, первенство среди всех тех, кто был арестован, уволен или подвергался преследованиям в период 1968—1969 гг., был убит и ранен во время демонстраций и уличных баррикадных боев студенчества в 1968 г. И если опыт борьбы является первостепенной причиной нашего успеха, то вторая причина состоит в том, что мы всегда стремимся проводить грань между искренним, честным, но заблуждающимся революционером, радикально настроенным студентом или рабочим, склонными к экстремистской односторонности, и крикливым болтуном и рьяным антикоммунистом, готовым схватить голыми руками раскаленный гвоздь, лишь бы бросить его в коммуниста.

Третья причина заключается в том, что во время

всех этих политических и идеологических столкновений мы всегда руководствуемся замечанием Ленина в отношении борьбы между меньшевиками и эсерами. Это замечание очень показательно. Меньшевики, говорит Ленин, «рассматривают эсеров доктринерски, т. е. как люди доктрины, учитывающие ошибки чужой доктрины, но не видящие, какие реальные интересы реальных масс, двигающих буржуазно-демократическую революцию, выражает или прикрывает эта доктрина»⁷⁰.

Это суждение дает нам методологическое направление: необходимо оценивать людей не по их языковому арсеналу, а по их *классовой принадлежности в революционном процессе*. Другими словами: если эти люди являются потенциальным союзником, даже если они выражают мелкобуржуазную тенденцию, с классовой точки зрения они являются частью движущих сил революции. И хотя их идеи и методы являются ошибочными и с ними необходимо бороться, подобную тенденцию необходимо рассматривать в рамках революционной перспективы.

«Эсеровская доктрина вредна, ошибочна, реакционна, авантюристична, мелкобуржуазна — кричат меньшевики...

Вот тут начинается ваша ошибка... Справедливо, что эсеровская доктрина вредна, ошибочна, реакционна, авантюристична, мелкобуржуазна. Но такие качества не мешают этой quasi-социалистической доктрине быть идейным облачением действительно революционной, а не соглашательской, буржуазии и мелкой буржуазии в России. Ибо доктрина эсеров есть только ручеек в трудовическом, т. е. крестьянско-демократическом потоке. Как только начинается открытая борьба масс и классов, так события сейчас же заставляют всех нас, и большевиков и меньшевиков, признать это, допуская участие эсеров в советах рабочих депутатов, сближаясь с советами крестьянских, солдатских, почтово-телеграфных, железнодорожных и т. д. депутатов, участвуя на выборах в союзе с ними против либералов...»

⁷⁰ В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 17, стр. 349.

Второе суждение Ленина является не менее важным: он говорит, что революция переносит вопрос «на несравненно более высокую почву: *прежде дело шло только о сравнении доктрин и идеологий, о политике групп; теперь дело идет о сравнении исторической деятельности классов и масс, идущих за этой или родственной идеологией. Прежде спрашивали только: верно ли то, что эсеры говорят, верна ли тактика этой идейной организации? Теперь вопрос встал: каково на деле поведение тех слоев народа, которые мнят себя солидарными с эсерами или родственными их основным идеям?..*»

Это ленинское видение очень важно как для понимания проблемы участия мелкой буржуазии, в особенности ее радикальных кругов, в латиноамериканской революции, так и для понимания определенных сторон бунта молодежи. Эта важная проблема для партии пролетариата, проблема, которой нельзя избегать. И эту проблему нельзя разрешить, если рассматривать ее лишь — или преимущественно — доктринерски. Наряду с кардинальной задачей по укреплению союза рабочих и крестьян мы должны выполнить историческую задачу по вовлечению в процесс средних городских слоев, в особенности радикальной мелкой буржуазии с ее наиболее боевым отрядом в лице интеллигенции и студенчества. Здесь перечислены основные движущие силы нашей революции на нынешнем этапе; однако эти же силы в своем большинстве могут пойти к социализму в условиях *нашей эпохи и нашей революции*. Эта задача не ждет и не может ждать до тех пор, пока мы решим идеологические проблемы с мелкобуржуазными и квазисоциалистическими течениями, которые сегодня повсеместно пробиваются сквозь поры латиноамериканского революционного движения. Это тем более важно, когда расхождения в международном коммунистическом движении (которые иногда являются в большей степени в международном масштабе противоречиями одного порядка) сказываются на всех социально-политических и идеологических мировых событиях.

Эта задача является первостепенной, хотя ее следует решать одновременно с другой; идеологическая победа

в борьбе с фальшивыми идеями может быть достигнута на пользу революции только при условии, если в качестве руководящей основы массового движения одержат верх теоретическая и тактическая линия пролетариата.

С другой стороны, фронт, то есть блок социальных сил, объединенных общими антиимпериалистическими и антиолигархическими целями, основывается на единстве, которое не исключает, а предполагает многообразие. Абсурдно думать о предварительном уничтожении идеологии возможного союзника, так как, пока он существует как социальная сила, будет существовать и его идеология. В свою очередь это не означает, что в идеологической области можно соглашаться с любой эклектической или надуманной концепцией.

Эта задача в Латинской Америке сегодняшнего дня является сложной, но решать ее необходимо. Она сложна, во-первых, потому, что мы не всегда трезво подходим к восприятию этих сложностей, являющихся неизбежным следствием количественного роста сил в нашей революции. Это может привести нас к преувеличению степени тех трудностей, которые возникают, а это скроет от нас те социальные сдвиги, которые они в свою очередь отражают. Несомненно, что сектанство, фразерство или авантюризм являются вредными явлениями, они тормозят процесс образования национально-освободительного фронта, облегчают действия противника или могут преградить дорогу начинающимся революционным процессам. А если ко всему этому добавить крикливые и беспринципные нападки мелких группок на коммунистов, то иногда можно забыть, что стрелка неумолимо указывает на необходимость единства всех революционных сил (в революции, самой по себе трудной, суровой, кровопролитной, в борьбе против которой империализм янки возлагает свои надежды как на свое оружие, так и на раздробленность и братоубийственные стычки между силами революции).

Эта задача трудна также и потому, что в мелкобуржуазных, радикальных или квазисоциалистических кругах, вовлеченных в борьбу в последние десятилетия, культивируется полное отрицание коммунистиче-

ского движения, резко критическое отношение к партиям в иллюзорном стремлении разрушить это движение и заменить его группами, якобы стоящими выше его на голову. Как об этом свидетельствует все последнее десятилетие, подобная позиция не способствует исправлению возможных ошибок, недостатков или консерватизма, она лишь усиливает элементы идеологической и организационной раздробленности. Эта позиция — лишь еще один фактор, усиливающий разобщенность, она не вносит ничего положительного в дело создания широкого мощного и сплоченного антиимпериалистического и революционного континентального движения.

Тот факт, что некоторые из этих групп существуют как паразиты за счет разногласий или раскола международного коммунистического движения и примыкают к любой позиции, основанной на спекуляции расколом, свидетельствует об оппортунизме и политическом карьеризме многих из них; именно поэтому они обречены на поражение самой революционной практикой континента, а также — почему бы и нет — процессом укрепления международного единства коммунистического и антиимпериалистического движения, чего требует суровая действительность противоборства социализма с капитализмом, усиление агрессивности империализма и неизбежное ускорение процесса мировой социалистической и национально-освободительной революций.

Мы хотели бы еще раз повторить, что все это не должно скрывать от нас более широкого явления, имеющего глубокие социально-исторические корни: мы имеем в виду бурное вступление широких кругов городских средних слоев, в особенности студенчества и интеллигенции, в лагерь латиноамериканской революции. И это знаменательное явление. Куба в ее значении революционного катализатора и тех характерных особенностей ее победы, которые связаны с расстановкой классов, с ролью партизанского движения, значительно ускорила процесс вступления широких масс средних городских слоев и студенческой молодежи в лагерь революционной борьбы.

Этот процесс, несомненно, имеет традиционные исторические предпосылки. Большая активность мелкой городской буржуазии и в особенности студенчества в политической жизни всегда наблюдалась в истории наших стран. Учитывая различия — к тому же заметные, — думается, что здесь сбывается предупреждение Ленина: «В стране, переживающей эпоху буржуазно-демократической революции, при условиях прогрессирующего накопления горючего материала, эти движения [речь идет о студенческих движениях. — *Р. А.*] могут легко оказаться началом событий, идущих неизмеримо дальше, чем мелкий и частный конфликт из-за ведения дел в одной отрасли государственного управления»⁷¹.

* * *

Одним словом, весь процесс социальных и политических выступлений в Уругвае в последние годы свидетельствует — и это предвестник широкого фронта освобождения — об участии в этой борьбе большого числа рабочих, народных, профсоюзных, студенческих, крестьянских организаций, организаций интеллигенции, которые, будучи вооружены тактикой массовых действий, выступали и выступают против реакционной олигархии империализма янки.

Передовые круги движения составили ядро политического единства, которое стало основным звеном Левого фронта освобождения, связанного тысячами самых тесных уз с социально-политическими рабочими и народными организациями. Становым же хребтом этого мощного и растущего единства, бесспорно, является наша партия.

Доказательством может служить любой взятый нами период обострения социально-политических проблем в рамках многолетнего противоборства правительственной политике предательства национальных интересов. В критические 1968—1969 гг. и в настоящее время эта система рабочего и народного единства несла и несет на себе основную тяжесть борьбы и есть главное действующее лицо. Она является той силой, кото-

⁷¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 181.

рая организовала и организует самые широкие демократические выступления, в них участвуют известные политические деятели, видные представители церкви и культуры страны.

Не следует думать, что отсеивание политических идей и направлений в рамках действий уругвайских левых сил является результатом случайности или политической изворотливости в более или менее благоприятных обстоятельствах. Нет! Это будет проверкой практикой программ и политических позиций; сама действительность выносит приговор линии каждой организации.

4. НЕКОТОРЫЕ ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ТАКТИКИ ПАРТИИ

Мы не будем повторять теоретические и стратегические основы нашей партии. Партийные документы, статьи и исследования, среди них и мои доклады, книги и статьи, содержат достаточное количество данных, необходимых для того, чтобы составить полное представление. Здесь же мы хотели бы уделить внимание определенным аспектам нашей тактики.

В центре внимания партийных съездов всегда стояла забота дать динамичное, по основанное при этом на реализме определение каждого этапа социального и политического процесса. Только таким образом можно направлять ход политического движения, не упуская при этом своей основной цели, только таким образом тактика соответствует жизни.

Уругвай, говорили мы в 1956 г., идет к крупным социальным и политическим потрясениям в условиях, характерных для нашей эпохи и для бурлящей Латинской Америки. Таков был естественный вывод из анализа противоречий и антагонизмов, развивающихся в материальной основе уругвайского общества. Это результат уродливых явлений, свойственных нашему своеобразному капиталистическому развитию, которое переходит в острый структурный кризис. Экономические конвульсии того периода обернутся затем хроническим застоєм, а позже приведут к отставанию самой

экономики. Обострение классовой борьбы и противоречий с империализмом янки характеризует одну из самых важных черт неизбежного будущего. Нынешние проявления политической неустойчивости усилятся в крайней степени; они станут своего рода питательной средой антидемократических выступлений монополистических и помещичьих кругов господствующих классов. И эта действительность с каждым разом все более четко будет определять поляризацию господствующих классов — союзников империализма — и широких масс народа. Прежняя буржуазно-демократическая, закрепленная конституцией политическая надстройка страны начинает трещать по швам. Что касается двухпартийной системы, которая на протяжении многих лет служила господствующим классам основным орудием политического контроля над массами и средством сохранения стабильности режима, то она, столкнувшись с новой социальной действительностью, станет еще одним фактором обострения противоречий, еще одним элементом, способствующим созреванию политического кризиса.

Одним словом, таким было предвидение экономической, социальной и политической обстановки, и впоследствии оно подтвердилось фактами.

При подобных объективных условиях возрастает ответственность партии и значение ее готовности к созданию социальной силы революции. Однако в тот момент наша партия была еще малочисленной, рабочее профсоюзное движение находилось в состоянии раскола и раздробленности, не существовало союзов или связей между различными народными и политическими течениями. И мы поставили перед собой главную задачу: работать над созданием союза рабочего класса и крестьян, интеллигенции, студенчества, средних городских слоев и т. д. и одновременно укреплять партию.

Естественно, что эти цели носят стратегический характер, это цели целого этапа демократической и антиимпериалистической революции. Таким образом, речь идет о том, чтобы наметить их очередность и развитие начиная с определенного момента. Говоря кон-

кретно, необходима отправная точка. В тот период наша тактическая линия заключалась главным образом в том, чтобы расширять, углублять и укреплять организационно единство рабочих в профсоюзах; сплачивать передовые круги народа, в особенности студенчество, вокруг рабочего класса, пропагандировать необходимость единства левых сил — в то время главным образом коммунистической и социалистической партий — в политическом плане; создавать и укреплять партийные организации в основных рабочих центрах и одновременно вооружать партию средствами пропаганды и политического руководства (ежедневная газета, теоретический журнал, партийные газеты на крупных предприятиях и т. д.). Эти главные задачи *тактического момента*, изложенные здесь схематично, увязывались, естественно, с возможностями, возникшими в общих рамках всех экономических, политических, демократических, антиимпериалистических выступлений, всех процессов, которые потрясали страну. Несмотря на свою малочисленность, партия, предпринимая огромные усилия, стремилась находиться в гуще национальной политики, хотя ее организационная деятельность была сконцентрирована в тот период на указанных направлениях. Это и было тем звеном, о котором говорил Ленин.

В этом смысле связь *партия — массы — партия* развивается в то время через три важных *тактических рубежа*: третий, последний из них, еще не пройден, он начался после XIX съезда партии. В отчетном докладе мы уделили много внимания тому, чтобы показать, как партия понимала *концепцию масс* на каждом из *рубежей*. Если, по выражению классиков марксизма-ленинизма, политика — это искусство возможного, то такие простые и общие указания, как *«идти к массам»*, *«руководить массами»*, *«сливаться с массами»*, всегда имеют конкретное выражение, *реальную возможность*, за исключением, естественно, моментов революционного потрясения, когда политическая восприимчивость, динамизм и подготовленность авангарда могут в течение месяцев или недель превратить маленькую партию в авангард всего народа.

Меня должны извинить за то, что я еще раз прибегаю к цитированию, но в интересах документальности я всегда предпочитаю работать, непосредственно ссылаясь на материалы партии. На XIX съезде мы говорили⁷²:

«Возникли новые условия в массовом движении, создались предпосылки для лучшего соотношения сил. Мы находимся на новом этапе, который намерены определить как этап борьбы за руководство широкими массами, за воспитание нового политического сознания, в частности за идеологическое и политическое завоевание большинства рабочего класса.»

Говоря о массах, следует дать определение этой социально-политической категории. Эту категорию — *массы* — не следует рассматривать статично. Ленин дает объяснение этой категории, когда анализирует борьбу против оппортунистических и левацких течений. На определенном этапе движению завоевать массы означает добиться того, что все авангардные силы, включая членов и друзей партии, заняли определенные позиции. Для нас этот этап длился с XVI по XVII съезд партии, до выборов в 1958 г. Этот этап стал демонстрацией единства партии, ее друзей, ее готовности добиться влияния на новые, нарождающиеся силы рабочего движения.

На следующем этапе завоевание масс означает усилие по объединению основных потоков левых сил, по сближению передовых представителей рабочего и пародного движения с теми, кто в те или иные моменты ведет за собой профсоюзы, студенчество и интеллигенцию, руководит крупнейшими экономическими и демократическими выступлениями. Хотя здесь еще остаются проблемы, связанные с достижением полного единства левых сил, задачи данного этапа были выполнены в самом главном. Крупнейшая задача, стоящая сегодня перед нами, задача, которая в своем развитии была определена на XVIII съезде КПУ, состоит в завоевании большинства рабочего класса, в завоевании руководства и влияния среди основных сил народа.

⁷² "Informe de Balance al XIX Congreso", p. 26.

Хотя ныне наша партия стала основным течением в профсоюзном и народном движении, хотя с созданием Левого фронта освобождения и в результате ряда других успешных действий по укреплению единства возникло новое соотношение в среде левых сил, тем не менее когда мы говорим о *массах*, то имеем в виду именно массы, во всем объеме и значении этого понятия. Именно в этом смысл нашей тактики.

Вот почему мы должны учитывать — не ослабляя при этом внимания в отношении реформизма (преобладающей идеологии в нашей стране), — что непонимание гибкости в нашей тактике может перерасти в опасность. Мы должны преодолеть все остатки схематизма, доктринерства или черствости в отношении к новым оттенкам в нашей тактике.

Мы против любых проявлений оппортунизма — как правого, так и «левого». Мы против тех, кто советует нам приспособиться к политической системе двухпартийности, против тех, кто стремится свергнуть работу по воспитанию рабочего движения и боятся обострения классовой борьбы; мы выступаем против всякого узкого синдикализма и низкопоклонства перед господствующими классами. Тактика, которая обращена к массам, к *широким массам*, зиждется прежде всего на способности руководить этими массами и уметь добиваться политического понимания со стороны этих масс. Ленин говорил и о таких моментах в политике, когда счет идет на миллионы людей. В рамках нашей страны мы говорим о многих тысячах.

С этой точки зрения наша тактика тесно связана со стратегическими целями, но она исходит из реальной, повседневной конкретной деятельности по созданию социальной силы революции»⁷³.

В основе политических успехов партии, которые сделали возможным более чем десятикратное увеличение ее рядов и огромный рост Союза коммунистической

⁷³ «Тот, кто не понимает, что в Европе, — где почти все пролетарии организованы, — мы должны завоевать большинство рабочего класса, тот потерян для коммунистического движения, тот никогда ничему не научится...» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 25—26.)

молодежи, лежит верное определение основных направлений ее деятельности, а также и методология определения тактики.

Ниже нам хотелось бы обрисовать некоторые из этих направлений:

а) верный анализ экономического, социального и политического периода, в который вступал Уругвай, и в рамках этого анализа правильная характеристика политического момента и ему соответствующих и возможных тактических задач. С точки зрения революционной перспективы мы охарактеризовали этот этап уругвайского процесса как этап «накопления сил» или как *подготовительный* этап, если использовать этот часто употребляемый Лениным термин, однако характеристику эту не следует понимать как длительный этап медленного социального развития. Он может получить не выданное в обычное время ускорение в обстановке *обострения классовой борьбы или замедлиться в результате сектантских или оппортунистических ошибок или из-за отсутствия решимости и перспективы у революционных сил*. И это следует строго учитывать при осуществлении политического руководства;

б) динамичный подход к роли партии и к ее тактике в целях воспитания масс, прежде всего рабочего класса, на собственном опыте, т. е. как к ускорителю революционного процесса при условии строгого учета объективной действительности. Средства для этого воспитания не возникают исключительно или главным образом в результате стихийной борьбы трудящихся за свои экономические требования; они выковываются при обобщении экономических, демократических и антиимпериалистических требований в *позитивной программе. Разнообразные, последовательные и соответствующие этапам формы агитации и организации, использование соответствующих методов* в зависимости от накала классовой борьбы и настроений масс позволяют превратить программу в цель и средство мобилизации и борьбы. Позитивная программа открывает перспективу, общую для всего движения, и позволяет направить совместную борьбу в более широкие, планируемые рамки, активизирует развитие всего процесса. Однако

при этом необходимо постоянно помнить об одном: движение должно идти вперед, избегая по возможности разрыва между наиболее передовыми и отсталыми кругами широких масс. Здесь следует учитывать два аспекта: первый — сплачивающую роль экономических требований, которые лишь какой-нибудь слишком «умный» профессор политической экономии может принять за «экономизм», и второй — постоянную оценку заряда *энергии* или степени *истощения*, которые непрерывные выступления могут вызвать среди широких слоев рабочего класса или лиц наемного труда вообще. В одном случае воспитание на опыте выливается в сознание и организацию, *в накопление сил*, в другом — столь идиллическая тактика «революционных упражнений» анархистов и им подобных ведет к разочарованности наиболее отсталых масс, к обескровливанию сил движения;

в) боевое выражение интернациональной солидарности с Кубой как стратегической цели всего рабочего и народного движения. В сочетании всех форм борьбы за экономические требования с антиимпериалистическими выступлениями, в частности с задачами солидарности, которые превратили дело поддержки Кубы, народа Доминиканской Республики и народа Вьетнама в выступления, продолжающиеся месяцы и годы, в рамках которых практикуются всеобщие забастовки, демонстрации и другие формы борьбы, в выступления огромных масс народа, стеновым хребтом которых являются рабочий класс и студенчество. В свою очередь эти выступления стали одним из факторов нерушимого союза рабочих и студентов, характерного для Уругвая;

г) активные, смелые и боевые выступления масс в защиту демократических свобод, против угроз государственного переворота или против введения «чрезвычайных мер» в стране, выступления, которые поставили рабочий класс в авангард всего народа, как этого требовал в подобных случаях Ленин. «Рабочий класс при политической стачке выступает как передовой класс всего народа. Пролетариат играет в таких случаях роль не просто одного из классов буржуазного общества, а роль гегемона, т. е. руководителя, передовика,

вождя. Те политические идеи, которые проявляются в движении, носят общенародный характер, т. е. затрагивают основные, самые глубокие условия политической жизни всей страны. Такой характер политической стачки — как отмечают все научные исследователи эпохи 1905—1907 гг. — заинтересовывал в движении все классы и в особенности, конечно, наиболее широкие, многочисленные и демократические слои населения, крестьянство и так далее»⁷⁴.

В этом отношении борьба уругвайского рабочего класса была отмечена выступлениями большого накала в защиту свободы и национального суверенитета; высшей точки они достигают в 1964—1965 гг. и во время грандиозных выступлений 1968 и 1969 гг.;

д) постоянное стремление объединить вокруг рабочего класса самые разнообразные силы; в частности, речь идет о прочном единстве с интеллигенцией и студенчеством. Одновременно это и стремление добиваться единства левых сил, используя разнообразную политическую пассивность и ведя соответствующую идеологическую борьбу. Эта деятельность тысячами путей связана с процессом объединения и мобилизации рабочего класса и народных масс;

е) координация всех средств партийной работы (агитация, печать, радио, парламентская деятельность, профсоюзные активисты, низовые организации и т. д.) и их широкое использование в основных местах выступления рабочего класса, на решающих участках народной борьбы;

ж) планирование партийного строительства. Намечаются основные цели каждого момента, но одновременно распределяются главные силы в местах концентрации рабочих. Организационные проблемы в таких планах строительства и развития партии уже не рассматриваются как чисто внутрипартийные вопросы. Они должны отражать в себе взаимную связь: партия—массы—партия. Хотя, конечно, ясно, что реше-

⁷⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 21, стр. 319; см. мою статью "Anotaciones...", "Estudios", № 31.

вне политических вопросов само по себе не решает организационных задач.

* * *

Еще два суждения относительно сказанного:

Первое: утверждая, что Уругвай переживает перипод накопления сил, а не перипод конкретной «революционной ситуации», наша партия исходит из двух предпосылок, необходимых для политического руководства: а) она рассматривает эти категории диалектически. Мы много раз обращались к тому, как Ленин определял тактику Маркса. И постоянно предупреждали, что подход к ней должен быть динамическим с точки зрения будущего, а не прошлого, что этот подход не должен отражать позиции, которые направлены только на медленные изменения в социальном процессе. Необходимо иметь в виду, говорил Ленин, эту «объективно неизбежную диалектику человеческой истории, с одной стороны, используя для развития сознания, силы и боевой способности передового класса эпохи политического застоя или черепашьего, так называемого «мпрного», развития, а с другой стороны, ведя всю работу этого использования в направлении «конечной цели» движения данного класса и создания в нем способности к практическому решению великих задач в великие дни, «концентрирующие в себе по 20 лет»⁷⁵.

Это диалектическое понимание развития является главным, если мы не хотим потерять пульс истории, если мы не хотим исказить революционную перспективу и упустить те возможности, которые дает нам нынешнее бурное развитие борьбы, с быстрыми перемещениями огромных масс, с вовлечением в революционное русло новых потоков радикальных средних слоев. Было бы наивным считать инфантильность единственной опасностью. Не меньшей, а чаще и большей опасностью является опасность приспособления к процессам, характерным для медленных или относительно медленных периодов социального развития. И это не теоретическая спекуляция. Такая постановка вопроса обнаруживает

⁷⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 78.

два способа видения связи между этапом накопления сил и революционной ситуацией, как мы уже говорили об этом в другой главе. Именно поэтому это связано со всеобщей концепцией политического *руководства*.

Один способ — это диалектическое понимание, о котором мы говорили; другой — это концепция о количественном и поэтапном развитии событий, которая в свое время была официальной точкой зрения «патентованных теоретиков» II Интернационала. В одном находит отражение бурная динамика революции, активная роль партии в завоевании масс, в воспитании масс на собственном опыте вместо надежды на стихийность, противоречивое единство объективных и субъективных факторов в подготовке революционных перемен. В другом — серая перспектива эволюции до тех пор, пока историко-социальная объективность не преподнесет нам на подносе «чуть больше половины» пролетариата. Не напрасно Ленин, который изучал Гегеля с материалистической точки зрения и видел в реформизме позитивистское извращение марксизма, перепесенное на политическое поле деятельности, советовал в марте 1922 г. создавать своего рода общество «материалистических друзей гегелевской диалектики»⁷⁶.

В Уругвае это диалектическое видение социального развития как основы тактики являлось и является фактором подъема рабочего и народного движения, повышения роли партии и ее роста. Оно прямо связано со смелостью определенных тактических лозунгов, с высоким уровнем борьбы в определенных обстоятельствах, с методами и прежде всего с перспективой. С другой стороны, тактическая линия, основанная на такой концепции, оказывает влияние на субъективные взгляды кадров и помогает им сохранять курс в волнах классовых сражений. В Уругвае оно послужило также фактором того, что определенные оппортунистские течения не смогли столкнуться между собой рабочих и студенчество. Наоборот, единство этих сил — выкованное в борьбе и скрепленное кровью — составляет часть стратегии революции в Уругвае.

⁷⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, стр. 30.

Второе уточнение в определенной степени является повторением. Этапы *накопления сил* не следует рассматривать статично. Для Уругвая задачи 1956 г. не повторяются в 1964—1966 гг. или в 1968—1970 гг. Ни река, ни человек уже не те, как сказал бы наблюдательный Гераклит. Поэтому накал и продолжительность борьбы могут поставить страну в период перехода к сражениям еще более высокого уровня. Это предвидение партии, нашедшее драматическое подтверждение в 1968 и 1969 гг., продолжает сохранять свою силу. События идут вперед. Формы этой борьбы, испытывая на себе влияние всех поворотов, выковываются всей экономической, социальной и политической жизнью страны.

VII. КАКОВО ЖЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ?

Призрак бродит по Европе...

К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4,
стр. 423.

В тех явлениях, которые приводят в смятение буржуазию, аристократию и злополучных пророков регресса, мы узнаем нашего доброго друга, Робина Гудфеллоу, старого крота, который умеет так быстро рыть под землей, этого славного минера — революцию.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12,
стр. 4.

1. РЕВОЛЮЦИЯ — КРОТ ИЛИ ПРИЗРАК — УЖЕ ПРИШЛА К НАМ

В хмурый октябрьский день в одной из неприметных деревушек Боливии руки наемных убийц оборвали жизнь Эрнесто Гевары.

Стреляла ненависть, трусость и садизм, а те, кто командовали — пришельцы с севера, — метили не только в честного и страстного революционера, каким был Че, и они действовали не только под влиянием разнужданных страстей. Они отдавали приказы, выступая в качестве слуг империализма; они полагали — в который уже раз, — что тем самым поражают сердце освободительной революции в Латинской Америке. Однако они не понимали и никогда не смогут понять, что они стреляют в призрак. Они способны достичь Луны или создать самые сложные современные механизмы, но они не способны преодолеть ограниченное мышление классов, обреченных историей. И не только потому, что смерть Гевары навсегда оставила его в памяти народной, как он сам сказал в свое время о Камило Сьенфуэгосе. А прежде всего вследствие той марксистской аксиомы, которую Ленин выдвинул в тя-

желые дни первой мировой войны: «Господство капитализма подрывается не потому, что кто-то хочет захватить власть. «Захват» власти был бы бессмыслицей... Никакая сила не разрушила бы капитализм, если бы его не подмыла и не подрыла история»¹. Демократическая, освободительная революция не начала бы свой путь по Латинской Америке во второй половине XX века, если бы и само американское господство и сам кризис общества в этих странах не заставили бы ее пробиваться через все поры. Именно это мы и хотели выразить в то время, когда произошло такое драматическое событие². Мы выражали не только свои чувства, вызванные дружескими воспоминаниями о Геваре. Мы еще раз изложили нашу научную оценку момента, переживаемого Латинской Америкой, и подтвердили свою веру в ясный и актуальный характер перспективы революции.

Очень скоро пробьет час нашего континента. Недаром же в октябре 1967 г. нашей эпохе исполнилось уже 50 лет. И мы услышим его голос, и не только потому что мойры — как в греческой трагедии — заставят заплатить по счету честолюбивого и напыщенного

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 32, стр. 98—99.

² «Глубокая боль, охватившая сегодня сердца тысяч латиноамериканцев, заставляет их одновременно быть твердыми, делает их более прозорливыми, и мы не хотим, чтобы слезы затуманили бы их взор. Эрнесто Гевара идет вместе с нами... со своей улыбкой, о которой некоторые говорили как об пропической улыбке, но которая в действительности отражала раздумье, критические суждения и скромность. Он идет и будет идти вместе с нами до тех пор, пока идут партизаны, пока наш континент, располагающий неисчислимыми богатствами, не перестанет страдать от нищеты, голода, отсталости. Пока льется река пота и крови — с ней не сравнится даже Амазонка — наших пародов, питающая и умножающая богатство 60 североамериканских семей, сидящих на нашей шее и поддерживаемых различными кругами местных помещиков и крупных капиталистов, предающих родину.

Умолкшая винтовка Гевары будет продолжать стрелять до тех пор, пока лицо нашей Америки, рожденной, чтобы быть свободной, не будет очищено от чудовищных язв зловещих тираний...

Нет, революция на нашем континенте не погаснет от того, что вражеская ненависть... поразила сердце одного из лучших в рядах народных мстителей!» (см.: «Estudios», 1967, № 45.)

гориллу Барьентоса. Результаты будут более глубокими, более ощутимыми.

1968 и 1969 годы были годами новых потрясений на континенте. И мы идем к 100-летию со дня рождения Ленина — памятной дате 1970 г. — в период, когда его учение, обогащаемое жизнью и сложной борьбой более чем 200 млн. латиноамериканцев, сливается с выступлениями борцов за независимость, чтобы открыть путь к будущему.

Если мы попробуем сгруппировать основные события прошедших лет для того, чтобы прийти к выводам, то мы увидим довольно красноречивую действительность. Действительность, которая не схожа с «триумфальным маршем» Дарпо, она похожа больше на грандиозную картину непрекращающейся беспощадной борьбы³, борьбы, которая, естественно, является «сложной», как и всякая революция⁴. Но, как сказал бы Ленин: «Волков бояться — в лес не ходить»⁵.

Эти наиболее значительные факты и тенденции 1968—1969 гг. можно было бы, очевидно, классифицировать следующим образом:

1. По континенту прокатывается новая волна разнообразных забастовок, демонстраций и уличных выступлений, главным действующим лицом которых является рабочий класс и студенчество. Партизанские отряды, возникшие в первые годы десятилетия или в его середине, ослабли или распались в некоторых местах; в трудной борьбе они отстаивают свое существование в Колумбии, будучи тесно связанными там с крестьянством, переживают трудности в Гватемале, восстанавливают свои ряды в Никарагуа, испытывают новые формы борьбы в Бразилии... Однако характерной чертой этого момента является углубление содержания

³ «Тяжелым и трудным путем идет русская революция. За каждым подъемом, за каждым частичным успехом следует поражение, кровопролитие, надругательства самодержавия над борцами за свободу. Но после каждого «поражения» все шире становится движение, все глубже борьба, все больше масса втянутых в борьбу и участвующих в ней классов и групп народа». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 13, стр. 331.)

⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 321.

⁵ Там же.

рабочих забастовок, которые выливаются в «высшие формы» борьбы в некоторых странах, забастовки, которые в сочетании с бунтарскими выступлениями студенчества и других кругов проявляют максимум энергии и боевитости. Прежде всего это относится к Уругваю, Аргентине, Чили, забастовки меньшего накала мы видим в других странах. Рабочий класс связывает экономические требования с борьбой за свободу и национальный суверенитет, опирается на беднейшие слои и начинает сплачивать вокруг себя всех защитников демократии и национальной независимости. Эти выступления рабочих — всеобщие забастовки, продолжительные стачки, уличные выступления, занятия предприятий и т. д. — происходят одновременно или сливаются, объединяются в единых действиях в зависимости от проблем в каждой стране с бунтарскими выступлениями студенчества, которые — от Мексики до Уругвая — обретают более или менее выраженный революционный характер. В эти действия вовлекаются новые слои интеллигенции. В результате взрыва народного негодования падает военная диктатура в Эквадоре. В этой обстановке вояж Рокфеллера на юг от Рио-Браво вызвал проявление народной ненависти к империализму США.

Массовое движение и массовые выступления, характерные черты которых проявляются одновременно или попеременно в тех или иных странах и которые развиваются в различном темпе, — эти выступления уже становятся характерной чертой континентальной действительности.

2. Во-вторых, хотя и во-первых с исторической точки зрения, исполняется десятилетие кубинской революции. Сам ее возраст является доказательством ее триумфа. Блокада, установленная янкп — хотя она и сохраняет свое отрицательное воздействие, — была прорвана много раз, и не только в результате солидарности СССР и других стран социалистического лагеря, но и в результате укрепления международного престижа кубинской революции. Это десятилетие отмечено двумя фактами бесспорной важности: а) перед лицом Латинской Америки, охваченной кризисом и крушением

надежд, Куба своими экономическими достижениями показывает выход из тупика; б) на основе независимости и интернационального братства постоянно крепнет кубино-советская дружба и связи Кубы с другими социалистическими странами; все это имеет колоссальное значение для латиноамериканцев. Домыслы и клевета некоторых «левацких» кругов, которые считали, что кубинцы своей кровью сделают за нас революцию — как будто мало кубинцев пало в борьбе за свою собственную свободу, — теряются в гуле ветров, дующих над континентом, как крики чаек в шторм. Престиж кубинской революции и Фиделя Кастро — это пароль для наших народов.

3. В эти годы происходят не совсем обычные события в Перу и Боливии. Они объективно демонстрируют глубину кризиса социально-экономической структуры этих стран и обострение антагонизма между национальными интересами наших стран и империализмом янки. В отношении этих событий нельзя применять слова, сказанные М. Коссоком по поводу кризисов в африканских и арабских странах, как и его утверждения о том, что «временная функция армии» «компенсировала слабость национальной буржуазии, которая еще не сформировалась», и одновременно «политическую и организационную слабость народного движения»⁶. В Латинской Америке капитализм уже имеет свою историю, и именно в этой его истории — в этой экономической базе и классовых формациях — и следует искать ключи к подобным явлениям и возможные средства достижения цели. Однако оба эти факта свидетельствуют о том, что необходимо безотлагательно решать внутренние противоречия материальной основы обществ в наших странах. Это показатель сложной действительности, которая выливается в своеобразные взрывы или просачивается, как вода сквозь прогнившие трубы, указывая пролетариату и передовым революционным организациям на объективную зрелость ситуации, на актуальность создания субъективного

⁶ М. Коссок, *Eu ejército y la política en América Latina*.

фактора и своеобразия, которое в подобной обстановке могут иметь «пути подхода» к революции.

4. В Чили после провала реформизма демократов, разрекламированного в свое время в качестве альтернативы кубинской революции, вновь возникает возможность победы на президентских выборах блока, который непосредственно выражает союз рабочего класса, передовой интеллигенции, трудящихся слоев деревни и мелкой городской буржуазии. Победить на выборах — это еще не значит завоевать власть, как очень тонко заметил недавно Луис Корвалан. Но...

Глупость или злонамеренность кроется в вопросах, подобных тем, которые задал один журналист: а будут ли выборы и выиграют ли они их? С точки зрения латиноамериканской революции планирование такой победы закономерно, но даже один факт того, что возникает эта реальная возможность, является еще одним свидетельством острых проблем континента.

Когда все эти факты объединены, то мы видим, что это не изолированные события, а тенденции и нам следует подумать об определении характеристики момента, переживаемого Латинской Америкой.

Мы можем, если этого хотят, выдвинуть целый ряд вопросов, с тем чтобы продемонстрировать свою добросовестность. Нынешние взрывы — были ли они своего рода всплесками, моментами подъема, после которых следует спад? А мятежный дух студенчества — что это: явление времени, своего рода климакс наоборот, непокорность или еще того меньше — мода, порожденная молодостью? Или — если мы захотим продемонстрировать свое глубокомыслие — это отрицание «общества потребителей» или отрицание отрицания социализмом и ленинизмом империализма?

Каждой полемике свое место. Здесь же, если говорить серьезно, ответы могут быть даны, если мы прибегнем к двум условиям: а) поставив эти факты в плане последних 15 лет и б) поступив подобным образом с основными показателями экономического развития почти во всех странах Латинской Америки.

Рассмотрим, хотя лишь в основных чертах, первое: период 1952—1954 гг. Это боливийская революция,

штурм Монкады, восстание демократических сил в Гватемале и определение целей революции. Народные выступления в ряде стран. 1956 год: высадка Фиделя Кастро—реализация революционной ситуации на Кубе. 1957—1958 гг.: падение тираний в ряде стран; в мае 1957 г. — свержение Рохаса Пинильи в Колумбии. Январь 1958 г. — национальная забастовка, народные выступления в Каракасе, к которым присоединяются военно-морской флот и другие силы, падает диктатура Переса Хименеса. Партизанские отряды Маруланды сражаются в Колумбии. Крупные и продолжительные забастовки в Аргентине. Январь 1959 г. — победа кубинской революции, начало волны выступлений на всем континенте. 13 ноября 1960 г. — начало борьбы Ионга Сосы и других военных в Гватемале; потерпев поражение, они начинают затяжную партизанскую борьбу в сельской местности. Позднее возникает еще ряд партизанских отрядов. Выборы в Чили, которые показывают, что левые силы могут победить. Победа Чедди Джагана в Гайяне. Антиимпериалистические выступления, демонстрации солидарности с Кубой в 1959—1962 гг. В 1963 г. начинаются партизанские действия в ряде стран. Восстание частей морской пехоты и населения Карупано и Пуэрто-Кабельо, городские и сельские партизанские отряды в Венесуэле. Кровавые столкновения в зоне Панамского канала в 1964 г. События в Бразилии, приход к власти Гуларта, его свержение в результате переворота. 1964 г.: грандиозные выступления рабочих и студентов в ряде стран — Уругвай, Венесуэла и другие — в связи с исключением Кубы из ОАГ. 1965 г.: Доминиканская Республика. И мы могли бы продолжать называть новые страны, характеризуя период 1966—1967 гг.

Однако и перечисленных фактов достаточно.

Что касается второго, то достаточно взять из официальных документов цифры, которые характеризуют застой производства, — о развитии! О «Союз ради прогресса»! — аграрный кризис, хронический дефицит торгового и платежного балансов, относительное снижение доли латиноамериканских стран в мировой торговле, усугубление диспропорции между импортом

и экспортом и начиная с 1963—1964 гг. резкий рост внешнего долга, что дополняет грабеж результатов народного труда империализма. Или то, что специалисты из Экономической комиссии для Латинской Америки (ЭКЛА) называют «кризисом внешнего финансирования», невыносимо жесткие тиски, которые не только усугубляют все критические показатели, вызывают экономическую неустойчивость, крушения, но и ведут к неизбежным взрывам. Нынешний кризис в Уругвае — один из примеров.

Что же следует предвидеть, исходя из анализа этой материальной базы революционного процесса? Возможность подъема или уменьшения тенденции, которая прослеживается на протяжении более чем десятилетия?

Поставить вопрос—это значит и дать на него ответ.

Нет ничего необычного и в том, что в жизни этих стран возникают новые явления, которые несколько лет назад показались бы немислимыми, не объяснимыми для поверхностного наблюдателя. Я имею в виду уже упомянутый процесс в армиях, перемены, «пробуждение» католической церкви, во внутренних противоречиях которой и в перемещениях на постах не следует видеть лишь отражение евангелических дебатов. И здесь виден «мохнатый хвост дьявола» классовой борьбы и подъема национально-освободительной борьбы.

И если Мефистофель смог вернуть молодость Фаусту, мудрому, по дряхлому старцу из легенды, то почему этот не совсем падший ангел латиноамериканской революции не может обновить, хотя бы частично, кровь церковного организма?

2. КАК ОХАРАКТЕРИЗОВАТЬ НЫНЕШНИЙ МОМЕНТ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ?

Рокфеллер в своем докладе Никсону пишет, что бурный прием, оказанный ему латиноамериканскими народами, не был случайным, за ним стояли более глубокие причины. И хотя данная им интерпретация является поверхностной, он все же был вынужден привести некоторые причины, корни которых глубоко

кроются в реальной действительности. Для этого представителя верхушки финансовой империи «демонстрации и насилие» являются выражением «всеобщего разочарования в связи с провалом попыток добиться более быстрого подъема уровня жизни». США обвиняются «в провале Союза ради прогресса»... Народ также «воспользовался» визитом для того, чтобы обрушиться на правительства своих стран, которые не удовлетворяют его «нужды». «Более того, с целью ослабить престиж и дискредитировать Соединенные Штаты и одновременно свои правительства подрывные и антиамериканские элементы овладели ходом демонстраций, которые первоначально преследовали лишь стремление выразить жалобы на свое положение и ожесточили демонстрантов. Показательно... что акты насилия имели место как в демократических странах, так и в тех, где существуют военные правительства»⁷.

Что касается эффективности демонстраций на континенте, то в этом отношении Рокфеллер вряд ли мог сказать что-либо новое Никсону, который в свою бытность вице-президентом уже пережил свою собственную одиссею в «обеих Америках», сопровождавшуюся градом камней, народными демонстрациями и плевками студентов. С помощью своих помощников он мог бы, используя время между двумя вояжами, описать «горячий» прием, оказанный Эйзенхауэру и Джонсону в Латинской Америке. И может быть, даже Дин Раск имел бы возможность поместить здесь историческую фотографию, на которой запечатлен момент, когда Ролан Рохас своим плевком выразил наше отношение к политике США во Вьетнаме, в Доминиканской Республике.

Нефтяной магнат и финансовая олигархия отчасти правы: не сама по себе личность Рокфеллера, хотя и у него есть бесспорные личные «заслуги», явилась причиной взрыва народного негодования. Оно было выражением более глубокой действительности, и здесь даже военные правительства не смогли ничего поделать.

⁷ См.: N. Rockefeller, La calidad de la vida de las Americas, Documentos y referencias, Embajada de los E. E. U. U., Montevideo.

Уже не в первый раз американские «эксперты» — как из интеллигенции, так и из интеллигенции (разведки) — характеризуют Латинскую Америку как «континент в состоянии революции». Иногда они говорят это в интересах психологической войны; однако в основном таково их суждение о действительности, которая беспокоит их и вызывает с их стороны жандармские действия и интервенции. Даже Рокфеллер, если отбросить в сторону всю мишуру его слов об экономической помощи, находит в своем докладе вполне конкретные выражения, когда с надеждой говорит о полицейских силах и об использовании местных армий для подавления народных выступлений.

С другой стороны, публицисты из лагеря революции настойчиво ищут — особенно после победы на Кубе — характеристику положения на континенте, положения, которое меняется от одной страны к другой, от одного момента к другому, по который в целом продолжает свой путь по восходящей, накапливая «горючий материал» при каждом повороте структурного кризиса, во время каждого социального или политического кризиса, при каждом перевороте военной или после каждой империалистической интервенции. Сегодня уже никто не сомневается в том, что это движение необратимо. Старый кот появляется в разных местах, при различных формах борьбы, в необычных формах демократического и антиимпериалистического процесса в Перу и Боливии, в доселе не виданной возможности в Чили, в непрекращающейся гражданской войне в некоторых странах, находящихся под властью горилл, в подъеме рабочего движения как реальной авангардной силы в ряде стран, в студенческом мятеже, в радикализации интеллигенции, в произведениях литературы и искусства. Не следует забывать и об уже упомянутых противоречиях внутри церкви. Разнообразие форм, особенности и многообразие методов работы, ложные выходы не могут скрыть основного — старый кот много и хорошо трудится на нашем континенте.

Если мы познакомимся с работами некоторых из наших уважаемых публицистов, то увидим, что они называют период, переживаемый ныне Латинской Аме-

зкой, «предреволюционным периодом». Все мы согласны с тем, что после победы на Кубе произошло «качественное изменение» континентального процесса. В ряде других работ говорят о продолжительно конвульсивном характере политического и социального курса континента в последнее десятилетие. За всеми этими определениями скрывается концепция, которая отражена в резолюциях ОЛАС и в некоторых других документах.

Главное — это не слова. Имя не делает вещи, как сказали бы некоторые философы средних веков. Самое главное — это политико-теоретическое осмысливание подобной ситуации в целях оценки вызываемых ею явлений, в целях определения перспективы нашей борьбы.

Мы не хотим ломать копыя, защищая какую-либо попытку обобщить наши характеристики. Только лишь с целью разъяснения хотелось бы напомнить, что мы определили нынешний момент, переживаемый Латинской Америкой, как «революционную ситуацию общего типа». Другими словами, как ситуацию, когда объективно созревают или уже созрели революционные предпосылки, когда один за другим происходят социальные и политические потрясения, когда сужается социальная и идеологическая основа господства правящих классов и империализма, когда реформистские панацеи быстро теряют свою силу, когда новые социальные слои раздвигают границы революции, когда политическая неустойчивость, материальная причина которой кроется в углублении социально-экономического кризиса, становится характерной чертой повседневности, причем составной частью этой неустойчивости являются антидемократические тенденции господствующих классов и их крайнее проявление — частые перевороты горилл и подъем рабочих и народных выступлений. Другими словами, это момент, или общая ситуация, перехода к крупным и продолжительным революционным столкновениям. С одним дополнением: предвидение возможного развития экономики этих стран, для которой характерно углубление структурного кризиса, подчеркивает важность прогноза на целый период времени.

Этот «момент» в нашей партийной литературе мы определили как «революционную ситуацию общего типа», подчеркивая — конечно, мы глупы, но не настолько — отличие этой ситуации от конкретной «революционной ситуации» или революционного кризиса, классическое определение которых дал Ленин в своих работах «Крах II Интернационала» и «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Конкретные ситуации революционного кризиса неоднократно имели место в Латинской Америке, в различных ее странах, и наступали они в силу действия различных ускорителей; иногда они вызывали новые, но ограниченные политические ситуации, так как революционное движение не поднималось до уровня, позволяющего ставить на повестку дня проблемы власти. Ленин также предупреждал нас и в этом отношении. «Для марксиста не подлежит сомнению, что революция невозможна без революционной ситуации, причем не всякая революционная ситуация приводит к революции». Необходимо, чтобы, помимо революционного кризиса — «национального кризиса», как его называет Ленин в «Детской болезни «левизны» в коммунизме», то есть помимо объективных факторов, существовала бы и «субъективная перемена», а именно: «способность революционного *класса* на революционные массовые действия, достаточно *сильные*, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже в эпоху кризисов, не «упадет», если его не «уропят».

Эти субъективные перемены, как говорит Ленин — и мы все помним это, — не являются делом лишь авангарда и его действий при любых обстоятельствах. Ленин считает, что рабочий класс и его сознание являются первостепенным фактором в деле формирования субъективных условий, то есть для того, чтобы повести массы на штурм власти. Ленин неоднократно подчеркивает, что это отличает марксизм от бланкизма. Именно это и является главной мыслью его исторического письма «Марксизм и восстание». Ясно, что от политической инициативы и тактики авангарда, от его готовности быть им на деле, ведя за собой класс и массы, зависит судьба революции.

Все это, естественно, связано с революционным кризисом, продолжительность которого также нельзя смешивать с моментом «штурма власти», другими словами — продолжительность кризиса нельзя измерять короткими периодами или точными часами самых мощных взрывных действий масс. Ленин считает, что в России конкретная революционная ситуация существует начиная с января 1905 г., когда он, как мы видим, выдвигает «боевой лозунг» вооруженного восстания и массовой забастовки. Однако восстание в Москве происходит в декабре 1905 г.; а пишут, что, по мнению Ленина, созревание этого процесса должно было закончиться к весне 1906 г.

Эта конкретная революционная ситуация длится до 1907 г. Ленин отказывается до конца 1907 г. снять с повестки дня лозунг организации восстания.

Другими словами, «конкретная ситуация» не означает «революции в точный срок».

Мы проводим различие между концепцией революционного кризиса и концепцией того, что мы называем «революционной ситуацией» общего типа.

Когда мы оперируем этой второй концепцией, мы имеем в виду ситуации, подобные тем, что были определены Лениным в двух случаях: Россия, которая «идет к революции», после 1897 г., которая начиная с 1903 г. идет к «революционному подъему», которая приходит к застою и к революционному кризису 1905—1907 гг., которая проходит через период реакции до 1910—1911 гг., а затем с 1912 г. до первой мировой войны переживает новую фазу подъема революции. В полемике с «отзовистами» Ленин характеризует этот переходный период как «межреволюционный»; в своих «Заметках публициста» он объясняет, что этим выражением характеризует период «между 2 волнами революции»⁸. Другими словами, он не пользуется лишь черной и белой красками при оценке периода столыпинской реакции. Он держит в поле зрения весь процесс: объективные факторы продолжают действовать, революционный опыт пролетариата обогатился оружи-

⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 19, стр. 248.

ем массовой забастовки и восстания, революционная демократия — крестьянство и мелкая буржуазия — вновь бурлит, появились зародыши разложения в армии и т. д. За явлениями столыпинской реакции Ленин усматривает — и не только в теоретическом плане — четкую перспективу революции. И действительно, в 1909 г., когда Ленин начинает упорную борьбу против «левацких» уклонов, возникших в среде большевиков, когда реакция действует еще в полную силу, он дает нам следующую концепцию в работе «На дорожку»: «Революционные классы России разбиты в первой кампании, по революционное положение остается. В новых нормах и иным путем — иногда гораздо более медленно, чем мы бы желали, — революционный кризис надвигается еще раз, назревает снова. Длительная работа подготовки к нему более широких масс... должна быть выполнена нами...»⁹

В этот период Ленин настойчиво выступает в защиту небольшой задачи — участия в реакционной Думе... Как же так? Что же это: лишь просто публицистический прием или глубокая и богатая идея? В России не существует конкретной «революционной ситуации», той, которую классически определяет «Крах II Интернационала» или «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». В своей работе «Об оценке текущего момента», само название которой наводит на размышления, Ленин писал тогда: «Опыт русской революции, как и опыт других стран, неопровержимо свидетельствует, что когда есть налицо объективные условия глубокого политического кризиса, то самые мелкие и наиболее, казалось бы, удаленные от настоящего очага революции конфликты могут иметь самое серьезное значение, как повод, как переполняющая чашу капля...»¹⁰

С другой стороны, это не единственный раз, когда Ленин считает, что существует «революционная ситуация» общего типа, то есть присутствует совокупность объективных факторов, которые неизбежно ведут к революционным взрывам. В своем обширном труде о Ев-

⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 360—361.

¹⁰ Там же, стр. 280.

ропе в период мировой империалистической войны Ленин постоянно использует эту категорию в качестве путеводной нити всей своей стратегической и тактической концепции превращения войны империалистической в войну гражданскую. Излишне пояснять, что Ленин подразумевает не идентичные ситуации, или одновременные революции, или революции «в заданный срок». Именно в этот период он дополняет свою теорию социалистической революции положением относительно «самого слабого звена», вытекающего из закона неравномерного, скачкообразного развития капитализма.

В своей работе «Социализм и война», написанной в июле—августе 1915 г., в критический момент для европейского рабочего движения, Ленин пишет:

«Война, несомненно, породила самый резкий кризис и обострила бедствия масс невероятно. Реакционный характер этой войны, бесстыдная ложь буржуазии всех стран, прикрывающей свои грабительские цели «национальной» идеологией, все это на почве объективно-революционной ситуации неминуемо создает революционные настроения в массах. Наш долг — помочь осознать эти настроения, углубить и оформить их. Эту задачу правильно выражает лишь лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую, и всякая последовательная классовая борьба во время войны, всякая серьезно проводимая тактика «массовых действий» неминуемо ведет к этому. Нельзя знать, в связи с 1-ой или 2-ой империалистической войной великих держав, во время нее или после нее возгорится сильное революционное движение, но во всяком случае наш безусловный долг систематически и неуклонно работать именно в этом направлении»¹¹.

Эти же самые положения Ленин вновь четко определяет в «Проекте резолюции левых социал-демократов к первой международной социалистической конференции»:

«...война создает революционную ситуацию, порождает революционные настроения и брожения в массах...»

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 325.

Ленин говорит о начале «прояснения революционного сознания масс».

«Империалистическая война открывает собой эру социальной революции. Все объективные условия новейшей эпохи ставят на очередь дня революционную массовую борьбу пролетариата».

«Долг социалистов — не отказываясь ни от единого средства легальной борьбы рабочего класса, соподчинить их все этой насущной... задаче, развивать революционное сознание рабочих, сплачивать их в интернациональной революционной борьбе... стремиться к превращению империалистической войны... в гражданскую войну... за завоевание политической власти пролетариатом...»¹²

Подобные же положения мы встречаем в работах «Социализм и война», «Крах II Интернационала», «Оппортунизм и крах II Интернационала», «Честный голос французского социалиста»¹³.

Как мы уже говорили, Ленин не делает вывода о революции «в заданный срок». В этом можно убедиться по приведенной цитате из работы «Социализм и война» («Нельзя знать в связи с 1-ой или 2-ой империалистической войной... возгорится сильное революционное движение...»). С другой стороны, Ленин не ставит проблему в плане теоретического предвидения наподобие предвидения, которое сделал Маркс в «Манифесте Коммунистической партии»; им не является даже его тезис о том, что вся империалистическая система созрела для революции. Нет, это более конкретное понятие, соответствующее определенному периоду, который еще не является периодом кризиса или конкретной революционной ситуации. Об этом свидетельствует и то, что свою работу «Письма из далека», написанную сразу же после свержения царизма, он начинает словами, напоминающими о его теоретической и политической работе последних четырех лет: «Первая революция, порожденная всемирной империалистической

¹² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 284—285.

¹³ См.: там же, стр. 307—350; стр. 209—265; т. 27, стр. 115—128; т. 27, стр. 5—13.

войной, разразилась. Эта первая революция, наверное, не будет последней».

История подтвердила правоту Ленина. Наконец, в своей полемике с Аксельродом («Оппортунизм и крах II Интернационала») Ленин выражает следующее суждение по этой теме: «Милейший Аксельрод забывает только, что в 1901 г. в России никто не знал и не мог знать, что первый «решительный бой» наступит через четыре года... И, тем не менее, тогда только мы, революционные марксисты, были правы: мы высмеивали Кричевских и Мартыновых, призывавших к немедленному штурму. Мы только советовали рабочим повсюду гнать в шею оппортунистов и всеми силами поддерживать, обострять и расширять демонстрации и другие массовые революционные выступления. Совершенно аналогично теперешнее положение в Европе: было бы бессмысленным призывать к «немедленному» штурму. Но было бы позором называться социал-демократом и не посоветовать рабочим разорвать с оппортунистами и всеми силами укреплять, углублять, расширять и обострять начинающееся революционное движение и демонстрации. Революция никогда не падает с неба совершенно готовой, и в начале революционного брожения никто никогда не знает, приведет ли оно и когда к «настоящей», к «доподлинной» революции»¹⁴.

3. ГРОЗА «ПОВЕРХ НЕВОЛЬНЫХ ВОД»

Мы подошли к последнему разделу данной главы нашей работы, в которой напомним наши тактические и политические концепции, постоянно сверяя их с основными трудами Ленина, написанными гением-трудяником в течение всей его жизни.

Что сказать в заключение? Что же, как не слова, обращенные к нашей Америке, израненной, но встающей во весь свой могучий рост среди порывов бури!

В годы мрачного царизма Пушкин призывает ветры, как живые существа, взрыть воды апатии:

¹⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 125.

Взыграйте, ветры, взойте воды,
Разружьте гибельный оплот.—
Где ты, гроза — символ свободы?
Промчись поверх невольных вод.

В нашей Латинской Америке каждый день открывает нам имена новых героев и борцов за свободу, бурные воды обрушиваются на «гибельный оплот», судьба которого уже помечена кубинской революцией.

От нас, от партий и революционных организаций, от единства народа, правильности политических решений и революционной страстности зависит приход времени, когда звезды уступают место рассвету.

И в этом деле с нами — бессмертное учение Владимира Ильича Ленина.

«И мы завоеваем массы, — скажет оп Кларе Цеткин, — если и в большом и в малом станем действовать... Нужно, Клара, всегда думать о массах, и тогда вы совершите революцию, как мы ее совершили: с массами и через массы»¹⁵.

¹⁵ К. Цеткин, Воспоминания о Ленине, стр. 36.

Опыт исследования ленинской теории восстания и партизанской войны

Нашей первой задачей является создание истинно революционной партии... Но это только подготовительная школа... Вторая ступень будет заключаться в том, чтобы, организовавшись в партию, научиться готовить революцию... Мы победили в России потому, что на нашей стороне было не только бесспорное большинство рабочего класса... но и потому, что половина армии, непосредственно после захвата нами власти, и $\frac{9}{10}$ крестьянской массы в течение нескольких недель перешли на нашу сторону...

В. И. Ленин

Ждать «формального» большинства у большевиков наивно: ни одна революция этого не ждет.

В. И. Ленин

Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на революционный подъем народа. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой переломный пункт в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее колебания в рядах врагов и в рядах слабых половинчатых нерешительных друзей революции. Это в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании и отличается марксизм от бланкизма.

В. И. Ленин

Ленин в Октябре:

МАРКСИЗМ И ВОССТАНИЕ

Вооруженное восстание есть особый вид политической борьбы, подчиненный особым законам, в которые надо внимательно вдуматься. Замечательно рельефно выразил эту истину Карл Маркс, писавший, что вооруженное «восстание, как и война, есть искусство».

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 382—383.

1. ЗАГОВОР ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ НАРОДНЫХ МАСС?

На рубеже 30-х годов итальянец Курцио Малапарте добился однодневной известности публикацией своей бездарной книжки¹. То были годы первой советской пятилетки и большого экономического кризиса, под ударами которого трещали устои мирового капитализма. То были годы революционного подъема и в то же время наступления фашизма. Финансовая олигархия, святая святых крупного бизнеса, бросила отряды штурмовиков против народных масс, перед которыми безжалостный скальпель кризиса обнажил прогнившее нутро капиталистического строя.

Успех Малапарте был вызван не столько содержанием, сколько броским заголовком книги «Техника государственного переворота». Он отвечал запросам потенциальных путчистов и фашистских заговорщиков, которые мечтали получить катехизис — пособие в осуществлении темных авантур и их освящение как «великих свершений истории».

Малапарте подтасовал исторические события по потребности фашизму, к которому и сам склонялся.

¹ См.: Curzio Malaparte, Técnica del golpe de estado, Ed. Ulises, Madrid, 1931.

Однако теперь, когда прошло столько времени, эта книжонка может сыграть роль, о которой и не подозревал ее автор. Она послужит нам в качестве иллюстративного материала, помогающего понять диаметрально противоположность между социалистической революцией и государственным переворотом, между теорией восстания К. Маркса и В. И. Ленина, включая его специфические законы, и «техникой государственного переворота» — термин, использованный Платанцем.

Злонамеренно и с полнейшим пренебрежением к исторической правде Малапарте сочиняет длинный диалог между В. И. Лениным и Троцким. В этом диалоге Ленин отстаивает свои главные идеи о роли масс в революции, об оценке восстания не как заговора или дела одной партии, а как результата выступления передового класса, который опирается на «революционный подъем народа» и возглавляет его. В объективных условиях революционной ситуации В. И. Ленин предлагает выбрать наиболее благоприятный с политической и военной точек зрения момент, а с технической стороны — развить принципы К. Маркса, который советует подходить к восстанию как к искусству. Эти принципы он сам воплощает в оперативном плане взятия власти, прежде всего — в Петрограде. Все этому Троцкий противопоставляет тактический план, который в сочиненной Малапарте небылице и привел якобы к победе 25 октября 1917 г. И, как пишет Малапарте, вопреки мнению В. И. Ленина этот тактический план, названный «техникой коммунистического государственного переворота», был осуществлен Троцким. В этом будто бы и состоял «секрет» победы, авторство которой В. И. Ленин якобы присваивает себе.

В чем же состоит пресловутый план Троцкого? Да именно в мысли о захвате власти отважным меньшинством путем неожиданного и энергичного выступления. Это тезис о путче, заговоре, государственном перевороте, противопоставленный концепции рабочего и народного восстания, рассматриваемого также и с технической стороны. Восстание, утверждает В. И. Ленин, не переворот или заговор одной партии, оно опи-

рается на передовой класс и на всенародный подъем. Троцкий отвечает: «Весь парод не нужен для восстания. Нужны немногочисленные войска, хладнокровные, решительные, овладевшие тактикой восстания». И добавляет: «Нам нужна не масса рабочих, дезертиров и перебежчиков, а ударный отряд».

Малапарте не останавливается на этом. Ленин предлагает военный план, согласно которому врагу надо нанести удары в жизненно важных центрах, причем военные и политические действия должны быть согласованны, что обеспечит быструю победу восстания. Именно этот план был осуществлен 25 октября, и именно он вошел в историю. Но наш «Наполеон» — Малапарте — снисходительно посмеивается над премудростью его военной тактической концепции. В его опусе ленинской «сложности» Троцкий противопоставляет собственный план и претворяет его в жизнь. Он организует тысячу человек, руководствуясь мыслью: «Восстание — не искусство, а машина. Чтобы привести ее в движение, нужны технические специалисты».

Малапарте завершает свою писанину, как и следует из его логики, советами относительно предупредительных акций полиции. Его резюме заслуживало бы включения в антологию по политической глупости. Но и из глупости можно извлечь уроки. Это мы и пытаемся сделать. Он пишет: «Ленин—стратег, идеолог, *deus ex machina* * революции, а создателем техники большевистского государственного переворота является Троцкий. В современной Европе правительства, выступая против коммунистической опасности, должны защищаться не от стратегии Ленина, а от тактики Троцкого. Стратегию Ленина нельзя понять, рассматривая ее в отрыве от общего положения России в 1917 г. Что же касается тактики Троцкого, то... ее применение не зависит от обстоятельств, необходимых в стратегии Ленина... Вот почему любая европейская страна всегда сталкивается с опасностью коммунистического государственного переворота».

* «Бог из машины» (лат.) — развязка, наступающая в результате вмешательства неожиданных сил или непредвиденного стечения обстоятельств.— Прим. перев.

Здесь Малапарте подчеркивает две вещи, на которых следует остановиться. Мысль В. И. Ленина связывает восстание с определенной социально-политической ситуацией и с ролью рабочего класса и пародных масс в целом. Это — не «техника», рассчитанная на любое применение независимо от условий, места и времени. Это — не заговор конспиративной военной организации и не операция экспертов по государственным переворотам, примеру которых следуют фашистские выучки или нынешние специалисты из ЦРУ. Конечно, ленинский подход не исключает технику военных операций. Вот все, что только можно извлечь из карикатурной сцены, вышедшей из-под пера писателя, который подтверждает смысл своей фамилии *.

Нас не интересует здесь объяснение истинной роли Троцкого в Октябре. Исторические документы подтверждают, что восстание в Петрограде, завершившееся взятием Зимнего дворца, является претворением в жизнь теоретической, политической и технической концепций В. И. Ленина, которые проявились также в основных задачах военного плана, в расстановке и оперативном использовании сил. Все это, включая отдельные детали истории, было выяснено гораздо раньше в связи с выходом в свет пространного сочинения меньшевика Суханова о русской революции. Тот старался приписать роль В. И. Ленина примерно в том же духе, что и Малапарте. Притом издатель книги Троцкого попытался узаконить эту презренную писанину. Разгоревшаяся вокруг этого историческая дискуссия сорвала подобные попытки. Вся очевидность исторических фактов бросается в глаза, когда по письмам В. И. Ленина в Центральный Комитет партии, по его статьям и другим документам за период от июля до октября 1917 г. следуешь его путем.

Анализируя особые обстоятельства, сделавшие возможным мирный путь развития русской революции, мы определяем и политический момент, когда В. И. Ленин предлагает перейти к подготовке вооруженного

* Малапарте — по-испански означает «дрянная часть». — *Прим. перев.*

взятия власти. Революционный кризис, позволивший свергнуть царя в феврале 1917 г., привел к возникновению условий для социалистической революции. Главная проблема того времени — завоевать большинство рабочего класса и получить большинство в Советах рабочих, крестьянских и солдатских депутатов². «Пока нет насилия над массами, нет иного пути к власти. Мы не бланкисты, не сторонники захвата власти меньшинством»³. После июля мирный путь становится невозможным; государственный аппарат переходит на сторону буржуазии; хозяйственная разруха усиливается; растет возмущение масс. Единственный способ спасти Россию от катастрофы⁴ и добиться мира — осуществить социалистическую революцию, захватить власть Советами путем вооруженного восстания. По настоянию В. И. Ленина большевики приступают к организации восстания, с 10 октября оно становится директивой партийной организации. Сначала партия признает необходимость и срочность восстания, затем выбирает наиболее благоприятный момент и, наконец, устанавливает день взятия власти. События, развернувшиеся 25 октября после залпа «Авроры», приводят большевиков к власти. Получает конкретное содержание лозунг «Вся власть Советам!», и принимается программа *мира, хлеба и земли*, которая собирает вокруг пролетариата огромные массы крестьян и солдат. Всемирная история совершает поворот. Наступает новая эпоха, наша эпоха.

Пятьдесят лет спустя Ле Зуан, Первый секретарь Партии трудящихся Вьетнама—партии Хо Ши Мина, от имени героического народа Вьетнама горячо изложил эту основополагающую истину марксизма-ленинизма следующим образом: «В истории борьбы вьетнам-

² «Сознательные рабочие за единовластие Советов рабочих, батрацких, крестьянских и солдатских депутатов — за единовластие, подготовленное прояснением пролетарского сознания, освобождением его от влияния буржуазии, а не авантюрами». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 148.)

³ Там же, стр. 147.

⁴ В. И. Ленин публикует в октябре важную брошюру «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», в которой изложена программа революции. (См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 151—199.)

ского народа против французских колонизаторов одно движение за спасение родины сменялось другим, вспыхивали вооруженные восстания; в ходе вооруженной борьбы вьетнамским патриотам удавалось создавать базы в труднодоступных горных районах и длительное время сражаться. Восстание Фан Динь Фунга, например, длилось 10 лет, а восстание Хоанг Хоа Тхама — примерно 30 лет. Однако ни одно из них не привело национально-освободительное движение к победе. Поражения в освободительных битвах прошлого объясняются многими причинами; но они показали, что для достижения победы необходимо, чтобы революция обязательно стала делом борьбы широких народных масс, поистине народным движением. Как указывал В. И. Ленин, революция должна быть делом народных масс»⁵.

2. ПОЛИТИКА И ОРУЖИЕ, ОРУЖИЕ И ПОЛИТИКА...

Учение о восстании и его применение на практике не являются приложением к марксистской теории социалистической революции. Оно естественно вытекает из этой теории, из его диалектико-материалистического обоснования, из идеи классовой борьбы и всемирно-исторической миссии пролетариата, из научной уверенности в том, что процессы социально-политического развития приводят к революции. Историю не может «делать» по своему усмотрению даже самая наилучшая партия, она — воплощение преобразующей деятельности масс. В этой концепции революции нет места фатализму, идеям, которые подчиняют стихийному движению масс свершения героического праздника революции. Партия — не секта заговорщиков, не вооруженный отряд, который скрупулезно планирует операцию и делает ставку на внезапный государственный переворот. Партия — авангард пролетариата, ведущего класса революции. Но партия должна правильно оце-

⁵ Ле Зуан, Избранные статьи и речи, М., 1971, стр. 105—106.

нить момент и повести народ на борьбу. При таких обстоятельствах «история сделала коренным политическим вопросом сейчас вопрос **военный**»⁶. В одной из своих работ о 1905 г. В. И. Ленин пишет: «Возьмите военное дело. Ни одни социал-демократ, знающий хоть сколько-нибудь с историей, учившийся у великого знатока этого дела Энгельса, не сомневался никогда в громадном значении военных знаний, в громадной важности военной техники и военной организации, как орудия, которым пользуются массы народа и классы народа для решения великих исторических столкновений. *Социал-демократия никогда не выдвигала на первый план военных вопросов, пока не было налицо условий начавшейся гражданской войны.* Но теперь все социал-демократы выдвинули военные вопросы если не на первое, то на одно из *первых мест*, поставили на очередь изучение их и ознакомление с ними народных масс. Революционная армия должна практически применить военные знания и военные орудия для решения всей дальнейшей судьбы русского народа, для решения первого, насущнейшего вопроса, вопроса о свободе»⁷.

* * *

С более общей точки зрения, то есть в *плане теоретического* исследования, уже можно сделать некоторые предварительные выводы.

Первый вывод. В ленинской теории возможность вооруженного восстания связывается с определенными историческими условиями. Поэтому идеальные условия — наиболее благоприятные обстоятельства для его планомерного и научного осуществления — должны соответствовать конкретной «революционной ситуации». Основа такой ситуации, наиболее характерный пример которой типологически воплощается в общенациональном кризисе⁸, строго объективна. Эта основа определяет комплекс объективных факторов революции; *в конкрет-*

⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 264.

⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 10, стр. 340.

⁸ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 70.

ной революционной ситуации эти факторы связываются воедино и прямо воздействуют на всю политическую картину общества. В. И. Ленин определяет черты, которые идеально укладываются в этот критический момент в истории страны или группы стран. «Лишь тогда, когда «низы» не хотят старого и когда «верхи» не могут по-старому, лишь тогда революция может победить. Иначе эта истина выражается словами: революция невозможна без общенационального (и эксплуатируемых и эксплуататоров затрагивающего) кризиса»⁹.

Как же этот общенациональный кризис сказывается на тех и на других?

1) Необходим «правительственный кризис, который втягивает в политику даже самые отсталые массы... обессиливает правительство и делает возможным для революционеров быстрое свержение его»¹⁰.

В своем труде «Урах II Интернационала» В. И. Ленин формулирует эту политически очень острую мысль так: «Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов... Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов»¹¹.

По мысли Ленина, затруднения у «верхов» вызываются не только политикой или грабительскими акциями правительства и даже не только ее политическим кризисом, но и тем, как все это сказывается на поведении народных масс, на степени нарастания возмущения, протеста рабочих и всего народа, на их выступлениях, как тесно и диалектично все это сливается воедино. Мероприятия правительства и, более того, «правительственный кризис... втягивает в политику даже самые отсталые массы»¹². Из этого диалектического сочетания гнета и протеста, политического бес-

⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 69—70.

¹⁰ Там же, стр. 70.

¹¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 218.

¹² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 70.

силы и изоляции правительства, с одной стороны, и роста политической активности масс, которая порождает и усиливает бессилие правительства,— с другой, возникает второе ленинское условие победы революции.

2) Это условие — субъективный фактор, второй полюс того «короткого замыкания», которое обозначается термином «революционный кризис».

В. И. Ленин излагает эту мысль в двух произведениях. В работе «Крах II Интернационала» он дает сжатое определение: «Не из всякой революционной ситуации возникает революция, а лишь из такой ситуации, когда к перечисленным выше объективным переменам присоединяется субъективная, именно: присоединяются способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно сильные чтобы сломать (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не «упадет», если его не „уронят”»¹³.

В «Детской болезни «левизны» в коммунизме» Ленин пишет: «Значит, для революции надо, во-первых, добиться, чтобы большинство рабочих (или во всяком случае большинство сознательных, мыслящих, политически активных рабочих) вполне поняло необходимость переворота и готово было идти на смерть ради него...»¹⁴. Это построение передового класса, которые можно определить как степень сознательности и боеспособности *большинства политически активных* масс, вписываются в указанную выше совокупность политических перемен, толкающих на историческую арену даже самые отсталые массы. «Признак всякой настоящей революции: быстрое удесятерение или даже увеличение во сто раз количества способных на политическую борьбу представителей трудящейся и угнетенной массы, доселе апатичной»¹⁵. «Значительное повышение ... активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обста-

¹³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 219.

¹⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 70.

¹⁵ Там же.

новкой кризиса, так и самими «верхами» к самостоятельному историческому выступлению»¹⁶.

Именно эта политическая картина (как правительственный кризис, так и активизация широких масс) определяет объективную основу, или объективные факторы революционной ситуации. Способность революционного класса на действия, достаточно сплывшие, чтобы сломить (или надломить) власть господствующих классов, называется в марксистско-ленинской науке субъективным фактором.

В. И. Ленин поясняет, что в России в 1905 г. и в революционные эпохи в Западной Европе, в Германии 60-х годов прошлого века, в России в 1859—1861 и в 1879—1880 гг. бывали революционные ситуации, которые не приводили к победе революции, иначе говоря, имелись объективные факторы, но революционные общественные силы не смогли или не сумели сорвать уже созревший плод.

Внимательное изучение работ В. И. Ленина, которые к тому же строго соответствуют идеям К. Маркса и Ф. Энгельса, позволяет сделать еще несколько наблюдений, приближающих нас к марксистско-ленинской теории восстания.

Второй вывод. Восстание, как и любая другая форма борьбы, представляет собой прежде всего политическую проблему, а затем уже военную или техническую. Определение наличия *объективной* революционной ситуации — это политическая оценка. То же самое надо сказать и об определении разных подготовительных *моментов* на пути к решающему *часу*, то есть ко дню и часу развязывания революционных действий. Используя военную терминологию, мы говорим, что они отличаются как «марш на сближение» от «атаки». В подготовительные моменты формы борьбы могут выражаться в агитации и организации массовых рабочих выступлений, политической перегруппировке крестьян, привлечении городских средних слоев и определенных военных кругов в лагерь революции и т. д.

¹⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 218.

На основе опыта революции 1905 г. В. И. Ленин с большой настойчивостью ставит вопрос о завоевании армии на сторону революции¹⁷.

Субъективные условия (оптимальная зрелость которых при наличии объективных условий подсказывает идеальный момент для взятия власти) относятся к сознательности и боевитости не *авангарда, а класса*, то есть не только партии, но и пролетариата. В ленинской теории эти термины не могут механически противопоставляться друг другу. Без партии, способной возглавить пролетариат, иначе говоря класс или его наиболее активное и сознательное большинство, готовое идти на смерть ради революции, нечего и думать о политически и технически запланированном восстании. Однако героическая воля авангарда не может подменить класс. Бросить в бой один только авангард, говорит В. И. Ленин,—значит совершить глупость или преступление¹⁸.

В период революционной ситуации эта диалектика взаимосвязи класса и его авангарда распространяется на еще более обширный и сложный комплекс всего народа. Марксизм открыл ту истину, что рабочий класс не может победить, когда он остается в изоляции. В этой истине обобщен опыт европейских демократических революций XIX века, особенно опыт Парижской Коммуны. Это обобщение принадлежит К. Марксу и Ф. Энгельсу. К. Маркс скажет, что без крестьянского хора соло пролетариата завершится лебединой песней¹⁹. В. И. Ленин долгие годы разрабатывал с точки зрения теории и тактики тему рабоче-крестьянского союза и великолепно воплотил эту идею в союз рабочих, кре-

¹⁷ См. труды В. И. Ленина о 1905 г.: «Уроки московского восстания» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 13, стр. 369—377); «Революционная армия и революционное правительство» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 10, стр. 335—344); «Доклад о революции 1905 года» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 306—328) и другие работы.

¹⁸ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 78.

¹⁹ В своем труде «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» К. Маркс пишет: «...Пролетарская революция получит тот хор, без которого ее соло во всех крестьянских странах превратится в лебединую песню». (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 607.)

стьян и солдат во время социалистической революции в России.

Когда в марксистско-ленинском учении говорится о широких массах, то имеются в виду прежде всего те массы, которые входят в понятие «народ», то есть движущие силы революции. Однако эта тема раскрывает перед нами еще одну стратегическую и тактическую грань. Речь идет о нейтрализации средних слоев, которых иногда относят к «промежуточным», то есть колеблющимся между главным врагом и народом. Этот более или менее благожелательный нейтралитет — ленинский термин — способствует почти полной изоляции главного врага.

Эти основополагающие установки марксистско-ленинской теории восстания замечательно изложил В. И. Ленин в небольшой по объему известной работе «Марксизм и восстание», которая была написана в качестве руководства для ЦК партии большевиков. «Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на революционный подъем народа. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой переломный пункт в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее колебания в рядах врагов и в рядах слабых половинчатых нерешительных друзей революции. Это в-третьих»²⁰.

В. И. Ленин сопоставляет и устанавливает разницу в обстановке, ведущей к Октябрю, и во время польской демонстрации, когда большевики старались удерживать массы от перехода к решительным действиям, чтобы избежать преждевременного восстания. Тогда как раз отсутствовали три необходимых условия. «...3—4 июля восстание было бы ошибкой: мы не удержали бы власти ни физически, ни политически»²¹. Теперь (в Октябре) «за нами большинство народа... А в этом гвоздь общенародного характера революции»²².

²⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 242—243.

²¹ Там же, стр. 244.

²² Там же.

Это письмо было написано 13—14 сентября. В. И. Ленин посоветовал принять две меры:

а) составить политическую декларацию с изложением непосредственной программы, в сущности знаменитого лозунга *мира, хлеба и земли*;

б) двинуть все силы большевиков «на заводы и в казармы: ...там нерв жизни, там источник спасения революции...»²³.

«Ставя вопрос так, сосредоточив всю фракцию на заводах и в казармах, мы правильно учтем момент для начала восстания»²⁴.

Позднее Ленин с исключительной точностью выбирает дату восстания 25 октября (7 ноября) 1917 г.

Назначение дня или часа взятия власти должно быть, по Ленину, результатом правильного учета момента. В нем снова будут совпадать факторы собственно политические с военно-техническими. Даже подготовительные действия следует определять, исходя из оценки политического и военного положения, а не по заранее предписанному рецепту. В русской революции 1905 г., например, массовая политическая стачка ускорила восстание; в отличие от Октября этот процесс не следовал по заранее выработанному плану. Такие вещи, как секретность, военная инициатива, взрыв народного негодования в связи с кровавым или особенно ненавистным актом правительства, порой неконтролируемые и стихийные выступления или авантюристические действия групп, которые преждевременными акциями наносят ущерб плану и облегчают правительственные мероприятия, переход реакции в наступление и т. д., — все это может положительно или отрицательно сказаться на выборе того или иного часа и на судьбе самого восстания.

Но когда решение принято, учит Ленин, нужно действовать в политической и технической областях в соответствии с известными заветами К. Маркса, иначе говоря относиться к восстанию, как к искусству. «Вооруженное восстание есть особый вид полити-

²³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 247.

²⁴ Там же.

ческой борьбы, подчиненный особым законам», — пишет В. И. Ленин ²⁵.

В «Советах постороннего» В. И. Ленин подытоживает мысли К. Маркса о главных правилах восстаний и затем применяет их практически к ситуации в России, воплощая в определенный план.

«Из главных правил этого искусства Маркс выставил:

1) **Никогда не играть** с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо **идти до конца**.

2) Необходимо собрать *большой перевес сил* в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей **решительностью** и непременно, безусловно переходить **в наступление**. «Оборона есть смерть вооруженного восстания».

4) Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.

5) Надо добиваться **ежедневно** хоть маленьких успехов (можно сказать: **ежечасно**, если дело идет об одном городе), поддерживая, во что бы то ни стало, **«моральный перевес»**.

Маркс подытожил уроки всех революций относительно вооруженного восстания словами «величайшего в истории мастера революционной тактики Дантона: смелость, смелость и еще раз смелость».

В применении к России и к октябрю 1917 г. это значит: одновременное, возможно более внезапное и быстрое наступление на Питер, непременно и извне, и изнутри, и из рабочих кварталов, и из Финляндии, и из — Ревеля, из Кронштадта, наступление всего флота, скопление **гигантского перевеса сил** над 15—20 тысячами (а может и больше) нашей «буржуазной гвардии» (юнкеров), наших «вандейских войск» (часть казачков) и т. д.

Комбинировать наши **три главные силы**: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой **каких угодно потерь** были удержаны

²⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 383.

жаны: а) телефон, б) телеграф, в) железнодорожные станции, г) мосты в первую голову.

Выделить самые решительные элементы (наших «ударников» и рабочую молодежь, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и для участия их везде, во всех важных операциях, например:

Окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска, — такая задача, требующая искусства и тройной смелости.

Составить отряды наилучших рабочих с ружьями и бомбами для наступления и окружения «центров» врага (юнкерские школы, телеграф, телефон и прочее) с лозунгом: погнубнуть всем, но не пропустить неприятеля.

Будем падеяться, что в случае, если выступление будет решено, руководители успешно применяют великие заветы Дантона и Маркса.

Успех и русской и всемирной революции зависит от двух-трех дней борьбы»²⁶.

3. ТИПИЧНЫЕ УКЛОНЫ: ОТ МАРКСИЗМА К БЛАНКИЗМУ, ОТ ЛЕНИНИЗМА К СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЗМУ

1 июля 1921 г. В. И. Ленин произнес речь в защиту тактики Коммунистического Интернационала на III конгрессе Коминтерна.

Это прекрасный, глубоко поучительный документ. Живой стиль, находчивая ирония, которой устная форма изложения придает впечатление бодрости, подчеркивает важность основных положений. В нем раскрываются действительно главные направления революционной тактики марксизма, а именно взаимоотношения класса и партии, проблема участия масс во взятии власти. Иными словами, здесь поставлены кардинальные вопросы руководства большинством рабочего класса со стороны партии. Такой подход, естественно, включает в себя диалектическое, а не формальное оп-

²⁶ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 383—384.

ределение понятия «большинство» пролетариата в ленинском учении о революции и партии.

Дискуссия вызвана определенными поправками, которые предложили несколько делегатов от европейских партий в расчете изменить тезисы, отредактированные В. И. Лениным.

Что же они хотят изменить? В проекте тезисов сказано: «III конгресс Коммунистического Интернационала приступает к пересмотру вопросов тактики в условиях, когда в целом ряде стран объективное положение обострилось в революционном смысле и когда организовался целый ряд коммунистических массовых партий, нигде, впрочем, не взявших в свои руки фактического руководства большинством рабочего класса в их действительной революционной борьбе»²⁷.

В поправках предлагалось вычеркнуть слово «большинство». Первые же слова В. И. Ленина звучат очень сурово: «Нам, русским, эти левые фразы уже до тошноты надоели. Мы — люди организационные. При выработке наших планов мы должны идти организованным путем и пытаться найти верную линию»²⁸. Ленин напоминает, что ни одна партия не имеет за собой большинства рабочего класса. Тот, кто не понимает, что в странах, где, как в Европе, «почти все пролетарии сорганизованы, — мы должны завоевать большинство рабочего класса, тот потерян для коммунистического движения, тот никогда ничему не научится, если он в течение трех лет великой революции этому еще не научился»²⁹. Затем Ленин выступает против того дорота, что в России революция победила, хотя партия была очень мала³⁰. Да, она была маленькой партией, отве-

²⁷ Цит. по: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 24—45.

²⁸ Там же, стр. 23.

²⁹ Там же, стр. 25—26.

³⁰ «Здесь заявили, что в Чехословакии коммунистическая партия насчитывает от 300 до 400 тысяч членов, что необходимо привлечь большинство, создать непобедимую силу и продолжать привлечение новых рабочих масс. Террачини уже готов к нападению. Он говорит: если в партии уже есть 400 тысяч рабочих, то зачем нам еще? Вычеркнуть!.. Он боится слова «массы» и хочет его вытравить». (Там же, стр. 26.)

чает Ленин. «Но с памп было, помимо того, и большинство Советов рабочих и крестьянских депутатов всей страны... Где это у вас? С памп была почти что половина армии, в которой тогда числилось, по меньшей мере, 10 миллионов человек. Разве за вами большинство армии?» И, обращаясь к тов. Террачини, добавляет: «Стои! Решительная борьба! Иначе Коммунистический Интернационал погуб!».

В. И. Ленин объясняет, что большевики победили с относительной легкостью потому, что подготовили революцию во время империалистической войны, а затем, при определенных объективных условиях, их программа позволила привлечь большинство рабочего класса и вообще широкие массы. Миллионы рабочих и крестьян хотели мира, и большевики провозгласили его. Крестьяне доверились эсерам, но те потерпели крах, а большевики приняли их аграрную программу, чтобы обеспечить союз рабочих и крестьян. Это было делом партии, доказательством ее способности руководить массами.

В. И. Ленин делает два вывода: 1) надо создать настоящую партию; 2) партия должна научиться готовить революцию в разное время и в различной обстановке.

А для этого надо научиться руководить, быть авангардом на деле.

Эта речь Ленина нацелена преимущественно против «левого» уклона, претендовавшего на то, чтобы «сделать» революцию силами одной партии, уклона, который смешивает функцию авангарда с исторической массой класса, который пытается захватить власть без участия масс. В известном смысле это было отступлением от марксизма-ленинизма к бланкизму и другим домарксовым течениям. На них указывает Ленин, когда снова и снова повторяет накануне Октября: «Опирайтесь не на заговор!» Вспоминается также, что на заре пролетарского движения Буонаротти завещал нам красивое наименование организации Гракха Бабефа³¹.

³¹ См.: Ф. Буонаротти, Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабефа, М., 1948.

Однако если мы хотим получить полную картину взглядов В. И. Ленина на проблему «завоевания большинства масс», то следует связать эту дискуссию 1921 г. по крайней мере с некоторыми его произведениями, написанными после июля 1917 г., такими, например, как «Письмо к товарищам», «Удержат ли большевики государственную власть?», «Большевики должны взять власть» и другие. Надо принять во внимание также «Письмо к немецким коммунистам», «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата» или речь по итальянскому вопросу на III конгрессе Коммунистического Интернационала. Здесь перед нами ленинская постановка вопроса раскрывается с другой стороны, которая отделяет ее от социал-демократизма, от позитивистских, либеральных идей, от формализма демобуржуазного толка.

Итак, мы столкнулись с двумя типичными уклонами, которые на протяжении многих лет вновь и вновь проявляются в нашем движении и вне его, то открыто, то в завуалированном виде, несмотря на то, что история уже вынесла им смертный приговор. Речь идет об оппортунизме социал-демократического толка и об идеях, граничащих с бланкизмом или похожих на него.

Известный и активный революционер XIX века, сторонник создания коммунистического общества Огюст Бланки верил в возможность совершения революции силами заговорщической группы, организованной по-военному для того, чтобы внезапным ударом захватить власть. Заслуги Бланки как революционера и человека действия, как предшественника коммунистической пролетарской организации все же не могут скрыть его теоретической незрелости и несостоятельности тактической концепции, которая отличается от марксистской в двух главных вопросах, а именно в отрицании необходимости наличия объективной ситуации для взятия власти и роли масс в революции. К. Маркс в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» назвал Бланки и его единомышленников «действительными вождями пролетарской партии»³². Но

³² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 126.

Маркс не преминул подвергнуть критике ошибки Бланки. Ф. Энгельс также дал свою оценку Бланки во «Введении к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции» в следующих выражениях: «Воспитанные в школе заговорщичества, спаянные свойственной этой школе строгой дисциплиной, они полагали, что сравнительно небольшое число решительных, хорошо организованных людей в состоянии в благоприятный момент не только захватить власть, но и, действуя с огромной, ни перед чем не останавливающейся энергией, удерживать ее с помощью этого в своих руках до тех пор, пока не удастся вовлечь народные массы в революцию и сплотить их вокруг небольшой кучки вожаков»³³.

Два примера из долгой и боевой жизни этого замечательного революционера наглядно иллюстрируют суждение Ф. Энгельса. Верный своим взглядам, Бланки создавал в разное время заговорщические организации. В 1837 г. он основал Общество времен года. В 1839 г. Бланки решил, что наступила благоприятная обстановка для восстания. Правда, оружия он не достает, но надеется пополнить его из арсеналов. Он назначает выступление на день конных бегов, которые отвлекут внимание полиции и буржуазных политических деятелей. В назначенный час 500 вооруженных революционеров, рассредоточенных по улицам Сен-Дени и Сен-Мартэн, направляются к ратуше и занимают ее. Там их окружают монархические войска, разгораются двухдневные кровопролитные бои, в результате которых восстание было подавлено. Раненому Бланки удастся скрыться, но вскоре его арестовывают³⁴.

Второй пример, почти классический, очень хорошо известен. В 1870 г. французская армия терпит поражение, и это вызывает обстановку народного негодования. 14 августа Бланки решает, что настал подходящий момент, и предпринимает наступление. У него тайная, конспиративная организация в 2500 членов, довольно хорошо вооруженных, что он считает достаточным для

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 198.

³⁴ Данные приведены по книге: A. Blanqui, Textes Choisis, Editions Sociales, Paris, p. 50—51.

взятия власти и последующего привлечения масс на свою сторону. План Бланки состоит в том, чтобы занять казарму пожарных на бульваре Ла Виллет, пополнить там запасы оружия и затем провозгласить республику. Попытка восстания терпит провал; многие ее участники брошены в тюрьмы и осуждены на смерть. Однако три недели спустя, 4 сентября, поражение армии при Седане вызывает восстание масс и происходит падение правительства. Исследователь замечает по этому поводу, что назревала революционная ситуация, но бланкисты, следуя своей концепции, ошиблись в выборе момента, так как еще не произошло событие, которое привело бы массы в движение³⁵.

Классики марксизма указывают также на то, что бланкизм совершает еще одну ошибку, полностью отождествляя партию с военной организацией. Даже в часы восстания, когда вся партия подчиняет свою деятельность этой высшей цели, партийные организации и революционные военные организации разграничивают свои функции, координируя усилия. Без этого невозможно выполнить задачу революционной мобилизации масс.

Накануне Октября, так же как во времена разработки В. И. Лениным учения о партии в 1902—1905 гг., меньшевики обвиняют Ленина в бланкизме. После Октября ренегат Каутский подхватывает это обвинение против большевиков. В работе «Марксизм и восстание» и в других произведениях той поры Ленин подчеркивает различия в своем подходе к восстанию и бланкизмом. Это размежевание вместе с тем направлено и против социал-демократизма. В «Письме к товарищам» Ленин полемизирует с Зиновьевым и Каменевым. В частности, он отвечает на два обвинения: одно относится к вопросу о привлечении большинства народа, а второе касается военного заговора и бланкизма. Что касается второго вопроса, имеет смысл напомнить классический ленинский текст. Каменев и Зиновьев пишут: «Марксистская партия, с другой стороны, не может сводить вопрос о восстании к вопросу о военном

³⁵ См.: A. Neuberger, *La msurreccion armada*, Ed. Roja, Madrid, 1932.

заговоре...» В. И. Ленин отвечает: «Марксизм есть чрезвычайно глубокое и разностороннее учение. Неудивительно поэтому, что обрывки цитат из Маркса,— особенно если приводить цитаты некстати,— можно встретить всегда среди «доводов» тех, кто рвет с марксизмом. Военный заговор есть бланкизм, если его устраивает не партия определенного класса, если его устроители не учли политического момента вообще и международного в особенности, если на стороне этой партии нет доказанного объективными фактами сочувствия большинства народа, если развитие событий революции не привело к практическому опровержению соглашательских иллюзий мелкой буржуазии, если не завоевано большинство рабочих «полномочными» или иначе себя показавшими органами революционной борьбы вроде «Советов», если в армии (буде дело происходит во время войны) нет вполне назревшего настроения против правительства, затягивающего несправедливую войну против воли народа, если лозунги восстания (вроде «вся власть Советам», «земля крестьянам», «немедленное предложение демократического мира всем воюющим народам в связи с немедленной же отменой тайных договоров и тайной дипломатии» и т. п.) не приобрели пророчайшей известности и популярности, если передовые рабочие не уверены в отчаянном положении масс и в поддержке деревни, поддержке, доказанной серьезным крестьянским движением, или восстаньем против помещиков и зажимающего их правительства, если экономическое положение страны внушает серьезные надежды на благоприятное разрешение кризиса мирными и парламентскими средствами»³⁶.

Другое возражение относится к определению, что же такое «большинство народа», которое надо принимать во внимание в подобных ситуациях. В работе «Большевики должны взять власть» В. И. Ленин уже говорил: «Ждать «формального» большинства у большевиков наивно: ни одна революция этого не ждет»³⁷. Теперь Ленин повторяет свою концепцию и хорошо

³⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 415—416.

³⁷ Там же, стр. 241.

ее аргументирует. «Педанты» не считаются «ни капли с реальной обстановкой революции». Они желают «получить наперед гарантии, что во всей стране партия большевиков получила ровнехонько половину голосов плюс один голос».

В. И. Ленин противопоставляет ожиданию педантами подходящего момента голосования, который выпадает крайне редко, понятие *реальной обстановки*, Ленин включает, конечно, в это понятие также и результаты выборов как показатель оценки симпатий масс (в Петрограде и в Москве большевики собирают в августе соответственно 33 и 49% голосов). Но Ленин подчеркивает позицию крестьянских Советов, которые высказываются против коалиции с буржуазией, крестьянские восстания как показатель перехода парода на сторону большевиков, настроения солдат, жаждущих мира. Особенно подчеркивается, что у большевиков — большинство в Советах Петрограда и Москвы. «А что доказала корниловщина? Она доказала, что Советы действительно сила».

В. И. Ленин настаивает на том, что для восстания нужна «сознательная, твердая и непреклонная решимость сознательных биться до конца» — с одной стороны, а с другой — «сосредоточенно-отчаянное настроение широких масс, которые *чувствуют*, что полумерам ничего теперя спасти нельзя». «Именно к этому сочетанию наученной опытом сосредоточенности сознательных и близкого к отчаянию настроения ненависти к локаутчикам и капиталистам у широчайших масс развитие революции привело на деле и рабочих и крестьянство».

Критерий «большинства», необходимого для революции, согласно Ленину, — понятие динамичное, изменчивое. Оно должно исходить из реальных тенденций в движении масс, но также учитывать способность авангарда возглавить массы и руководить ими.

Поэтому В. И. Ленин не исключает возможности того, что революция может быть начата и весьма небольшой партией и доведена до победного конца³⁸. Это при условии поддержки со стороны масс. «Не всегда

³⁸ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 32.

необходимо абсолютное большинство; но для победы, для удержания власти, необходимо не только большинство рабочего класса... но и большинство эксплуатируемых и трудящихся сельского населения»³⁹.

В Октябре за большевиков было «активное большинство революционных элементов народа обеих столиц»⁴⁰ — Петрограда и Москвы; они увлекли за собой миллионы солдат и крестьян, когда, взяв власть, начали безотлагательно проводить в жизнь ту программу, которую ожидали от них массы⁴¹.

В. И. Ленин подводит итог этому рассуждению о динамичной взаимосвязи между партией, передовым классом и массами в «Письме к немецким коммунистам»: «Завоевание на нашу сторону большинства пролетариата — вот «главнейшая задача»... Это завоевание большинства мы, конечно, не понимаем формально, как понимают рыцари мещанской «демократии» из II 1/2 Интернационала. Когда в Риме в июле 1921 года весь пролетариат пошел за коммунистами против фашистов, и реформистский пролетариат из профсоюзов, и центристский из партии Серрати, это было **завоевание большинства рабочего класса на нашу сторону.**

Это было еще далеко, далеко не решающее, только частичное, только мимолетное, только локальное завоевание. Но это было завоевание большинства»⁴².

³⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 32—33.

⁴⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 239. См. также: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 40, стр. 6—7.

⁴¹ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 29. См. также: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 40, стр. 1—24.

⁴² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 98.

Партизанская война как частный случай вооруженного восстания пролетариата и угнетенных народов

«Кровавый день» в Варшаве и других городах Польши, покушение на Столыпина, убийство Мина, все это возбудило всеобщий интерес к вопросу о «партизанских выступлениях», — мы употребляем то выражение, которое стало обычным в партии...

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 13, стр. 365.

Наш Объединительный съезд, несомненно, отверг решительно всякую «экспроприацию», так что в этом отношении ссылки Польской социалистической партии на РСДРП абсолютно неосновательны. Несомненно также, что ИПС, организовав «выступление» 2(15) августа, не считалась ни с целесообразностью его, ни с настроением широких масс, ни с условиями рабочего движения. Необходимость считаться со всеми этими обстоятельствами очевидна, и в проекте большевистской резолюции... она подчеркнута в особом пункте. Но обсуждению подлежит, по нашему мнению, ИПС-овское извращение тактики партизанских выступлений, а не самая эта «тактика» вообще...

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 13, стр. 393.

Партизанская борьба есть неизбежная форма борьбы в такое время, когда массовое движение уже дошло на деле до восстания и когда наступают более или менее крупные промежутки между «большими сражениями» в гражданской войне.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 7.

ВВЕДЕНИЕ

Включение партизанской войны в теорию вооруженного восстания рабочего класса и национально-освободительных движений — естественный результат круп-

ных революционных преобразований нашей эпохи. основополагающий исторический поворот — свершение Великой Октябрьской социалистической революции — поднял бурю, которая долгие годы назревала в лоне капитализма, и в частности среди униженных и оскорбленных империализмом народов (сначала в Азии, а после второй мировой войны в Африке и в Латинской Америке). И если в социально-историческом плане практика сотен миллионов подтвердила ленинскую мысль о социалистической революции как соединении всех потоков мирового освободительного движения, разве могла эта всеокрушающая лавина, разве мог этот безбрежный разлив могучего потока истории не вобрать в себя целую гамму народных починов, пополняя тем самым победоносный революционный опыт, главную сокровищницу форм борьбы за власть?

Сама русская революция не следовала заранее утвержденным канонам. Ее собственный ход отмечен такими внезапными поворотами, такими сложными ходами, которые подвергли большевиков испытаниям в способности заменять лозунги, а также за недели или месяцы переходить с одного пути революции на другой. Так можно ли вообразить себе, чтобы в этом, неудержимом порыве народов, которые устремились в брешь, проделанную русскими коммунистами в стене векового угнетения, не появился бы новый опыт, обогащающий великую ленинскую концепцию вооруженного восстания.

Целиком отдавшись беспримерной эпопее семнадцатого года, В. И. Ленин с удовольствием и твердостью утверждает творческие достоинства всех революций. Он вскрывает здесь самое существо диалектического метода, его безусловную связь с жизнью: «Чудес в природе и в истории не бывает, но всякий крутой поворот истории, всякая революция в том числе дает такое богатство содержания, *развертывает такие неожиданно-своеобразные сочетания форм борьбы и соотношения сил борющихся*, что для обывательского разума многое должно казаться чудом»¹.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 11.

В самом деле, «неожиданно-своеобразные сочетания форм борьбы и соотношения сил борющихся», порой представляющиеся чудесным явлением, характеризуют революционные движения нашей эпохи. Непредвзятый анализ позволяет сделать следующий вывод: весь ход современной революции подтвердил правильность общих законов вооруженной борьбы, сформулированных марксизмом, подтвердил теорию К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина об условиях развертывания вооруженного восстания и политических и военно-технических требованиях, которым оно подчиняется. Но это подтверждение проявляется в жизни не в виде простого повторения пройденного, не в виде копирования. Во множестве случаев эти общие закономерности должны были конкретизироваться, проявляться в особенном и частном данного исторического периода, каждого континента и каждого народа. Другими словами, подтвердились общие законы вооруженного восстания, но почти нигде не повторились ставшие ныне классическими условия Октября 1917 г.

I. РЕВОЛЮЦИЯ — НЕ КОПИЯ, А АКТ ГЕРОИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА КАЖДОГО НАРОДА

Ах, то ли дело поглощать
За томом том, страницу за страницей!

Гёте

После победы большевиков и последовавшего затем поражения восстаний в Западной Европе мир стал свидетелем китайской революции — второго революционного акта гигантских масштабов. Китайская революция следует своеобразными путями, одни из которых были предусмотрены коммунистами, а другие явились следствием поражения городских восстаний в Шанхае и Кантоне, что заставило коммунистов перейти к формам затяжной партизанской войны. Исторические, социально-экономические, демографические и географические особенности Китая, а в числе их и соседство с Советским Союзом, оказали решающее влияние на этот многообразный почти тридцатилетний процесс, на формы борьбы (демократическая революция получает помощь от СССР, и в ходе этой революции формируются передовые части армии, происходит классовое размежевание между буржуазией и пролетариатом, вспыхивают восстания в Шанхае, Кантоне, Наньчане и других районах, терпят поражения передовые силы, включая часть армии, затем возникают красные сельские опорные базы, начинается затяжная партизанская война, происходит образование революционных армий, а после того, как СССР добивается победы над японской армией в Маньчжурии и передает огромное количество военного снаряжения красным китайским войскам, наконец торжествует социалистическая революция). В то же время гражданская война в Испании имеет другие характерные черты.

Начало третьему акту положила вторая мировая война, в него вписывается и китайская революция.

Германский империализм во главе с нацизмом и при поддержке фашистских правительств Италии и других стран начинает распространять свое господство на Европу, нападает на СССР, встречает сопротивление антигитлеровской коалиции, главным образом получает отпор со стороны советского народа. В этой войне решающую роль сыграл Советский Союз — социалистическая держава, что наложило особый отпечаток на всю войну и ее результаты. Эта главная особенность происходящих событий дополняется неспособностью правящих классов Европы выступить в роли защитников национального существования своих стран, тем самым они толкают народы начать движение Сопротивления. Оба эти фактора придают всей борьбе не только патриотический (против оккупации) и демократический (против преступного фашистского режима), но и глубоко социальный характер (передовой и революционный). Авангардная роль коммунистов в движении Сопротивления еще четче обрисовывает эту сторону великой битвы. Что касается *форм борьбы*, то надо отметить распространение различных типов партизанских выступлений в оккупированных зонах как наиболее характерную черту. В нескольких странах эти выступления превращаются в стратегические сражения за власть, то есть становятся не только или не преимущественно актами сопротивления или саботажа, актами стратегической помощи союзным войскам, но и началом вооруженного восстания. Почти повсюду после разгрома германо-фашистских войск Советским Союзом партизанская война в городах и селах перерастает в общее вооруженное восстание. В одних случаях центры его находятся в городах — Праге, Париже, на севере Италии, городах Болгарии, в других оно соединяется с мощными партизанскими армиями (Югославия). В Азии, как уже говорилось, китайская революция имеет новые особенности. В Корее и Вьетнаме партизанская война с самого начала носит характер общенационального вооруженного восстания, то есть означает начало вооруженной революции. Вьетнам — наиболее яркий пример, когда партизанская война, начатая по решению марксистско-ленинской партии в местном масштабе,

служит подготовкой к последующему всеобщему восстанию. Это произойдет в благоприятных условиях, связанных с разгромом Японии. Восстание побеждает, но в связи с высадкой французских войск вьетнамцы вынуждены распространить партизанские действия на всю страну, придавая им форму движения, а иногда ведя и позиционную войну. Интересно отметить, что партизанская война начинается там как *подготовка или как фактор всеобщего вооруженного восстания, которое предусмотрительно связывается с критическим моментом и строго приурочивается к благоприятному повороту в национальной и международной обстановке*². С исторической точки зрения восстание на Индокитайском полуострове относится к последствиям второй мировой войны, как это случилось и в некоторых других странах Африки и Азии.

Наконец, на третьем этапе общего кризиса капитализма кубинская эпопея и национальная война в Алжире пополняют историю революций двумя блестящими победами. В обоих случаях партизанское выступление становится преимущественной формой начала вооруженной борьбы; и там и тут она разворачивается как начало восстания, которое должно стать всеобщим, и выступает как *катализатор или как фактор, ускоряющий революционный кризис*. В обоих случаях сначала речь идет об антиимпериалистических и демократических революциях. И в обоих случаях легко выделить различные характерные черты процесса и даже вида действий, осуществляемых до первого выстрела партизан и после него. Эта разница становится еще нагляднее, если подвергнуть анализу другие политические или военные стороны этого процесса. Но в обоих случаях партизанская война представляет собой форму борьбы, выбранную для начала восстания до того, как *полностью созрели типичные условия конкретной революционной ситуации*.

Мы не включаем в этот очерк нынешние события в Южном Вьетнаме: там сочетаются столь многообраз-

² См.: General Vo Nguyen Giap, Guerra del pueblo, ejército del pueblo, La Habana, p. 26—28, 48—51, 93, 104.

ные обстоятельства и элементы, что рассмотрение их увело бы нас в сторону от гораздо более скромной цели, которую преследует эта работа. Наконец, партизанская война ведется ныне в Африке — в португальских колониях и в Родезии (Зимбабве). Она идет в некоторых местах в Латинской Америке. Были попытки развернуть ее в Колумбии, Гватемале, Венесуэле, Боливии, Перу, Парагвае. Участники партизанских выступлений рассматривали эту форму борьбы как начало вооруженного восстания или как одно из выступлений, которое позднее вольется в это восстание в зависимости от того, какой оборот примет революция в этих странах, во всем регионе или в группе стран³.

Даже если мы выступаем только как хроникеры или, хуже того, как нотариусы, все же следует отметить, что партизанские выступления появились на арене мировой революции не только в гораздо более внушительном количестве, но и в новом качестве, а именно как весьма распространенная повстанческая форма антиколониального и освободительного движения.

Сверяясь с этим довольно пространном списком фактов, упрямых фактов, по любимому выражению Ленина, мы можем пойти еще дальше в определении этого явления. Его отправные положения в общих чертах таковы:

1) за пятьдесят с лишним лет нашей эпохи, овеянных всеми бурями революции, народы наглядно показали военно-политическую эффективность партизанской войны также и в борьбе с самыми могущественными империалистическими армиями (нацистские войска в Европе, французские — во Вьетнаме и Алжире, североамериканские — в Южном Вьетнаме; в других случаях — кубинская победа и продолжение латиноамериканских партизанских выступлений, например под командованием М. Маруланды Велеса в Колумбии, несмотря на сосредоточение против них довольно крупных и мощных репрессивных сил);

³ В Колумбии борьба начинается с крестьянской самообороны и затем превращается в партизанскую войну.

2) практика партизанской войны рассматривается как опыт революционной борьбы народов, отмеченный жертвами, подчас и ошибками технического порядка или ошибками в политической концепции революционного процесса. В то же время этот опыт приобретает значение и в теоретическом плане, как всегда случается с явлениями, вызванными к жизни творческим почином масс;

3) партизанская война, вспомогательная операция в других вооруженных действиях большего значения, или перестрелка «между большими сражениями в гражданской войне» или национально-освободительных битвах, приобрела более значительное содержание в некоторых случаях, даже оказалась включенной в марксистско-ленинскую теорию вооруженного восстания;

4) партизанская война является дальнейшим развитием, разумеется не единственным, этой теории в условиях нашей эпохи, причем она не говорит просто «нет» общим закономерностям вооруженного восстания, сформулированным К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным, как, кажется, думают некоторые люди, а представляет собой их диалектическое развитие применительно к особым условиям.

Партизанские выступления, как они проявляются на современном этапе, представляют собой форму борьбы, к которой прибегают революционеры в определенных социально-политических ситуациях, например в условиях жестокой тирании, при прямом господстве империализма, когда страна оккупирована иностранными регрессивными силами, или в других подобных случаях. Кроме подобной политической ситуации, которая грубо попирает интересы всего народа, партизанская война требует определенного соотношения сил, то есть наличия многих элементов революционной ситуации, но не обязательно всех ее элементов, ибо она рассматривается сквозь призму подготовки всеобщего восстания как один из его факторов. Другими словами, имеются благоприятные условия, но они до известной степени нейтрализуются военно-техническим могуществом врага, так как в этом случае авангард не может воспользоваться обычными средствами политической

деятельности для усиления субъективного процесса с тем, чтобы после его вызревания бросить массы на повстанческое выступление. Тогда перед авангардом встает дилемма: или ждать стихийного взрыва, который наступит неизвестно когда, или прибегнуть к чрезвычайным и энергичным средствам (одна из высших форм этих средств в данном случае представлена партизанской войной). Партизанская война должна послужить катализатором, в противном случае она политически обречена на гибель.

Однако же для первого исхода необходим комплекс субъективных условий и социально-политических обстоятельств, которые позволяют надеяться на то, что партизанские операции усилят «способность революционного класса на революционные массовые действия, достаточно сильные, чтобы сломить (или надломить) старое правительство, которое никогда, даже и в эпоху кризисов, не «упадет», если его не „уронят”»⁴.

Иначе говоря, к партизанской войне прибегают тогда, когда правящие классы, поддержанные интервенцией и использующие репрессивную технику империалистов, могут задержать взрыв возмущения народных масс, несмотря на усиление глубокого народного и патриотического возбуждения, которое не находит выхода, и когда не остается надежды на то, чтобы авангард обычными средствами изменил такое положение вещей или подтолкнул массы к революционному кризису;

5) партизанская война — как операция со стратегическим прицелом на захват власти — обязательно разворачивается в рамках, ограниченных двумя определяющими моментами — военно-техническим и социально-политическим (хотя непосредственно в жизни оба эти момента неизменно выступают в неразрывной связи, как это бывает со всеми явлениями, с точки зрения диалектики). Игнорирование любого из них может привести к поражению или низвести партизанское движе-

⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 219. Так Ленин определил созревание субъективных предпосылок в своей классической работе «Крах II Интернационала».

ние до уровня непомерно растянутого предприятия, которое оказывает совершенно незначительное влияние на борьбу за власть. Два аспекта и в то же время цели партизанской войны состоят в том, чтобы а) устранить военно-техническое превосходство противника, компенсировав неравенство таким типом операций, который ставит на службу вооруженных революционеров время, местность, мобильность и т. д.; б) нащупать и установить постоянный контакт с народными массами через определенную программу и соответствующую систему связей, которые действительно превращают партизанскую войну в важный фактор полного созревания субъективных предпосылок для революции и которые вливаются в большой поток народных действий с последующим перерастанием во всеобщее восстание, в общенациональное классовое сражение за власть;

б) мы не думаем, что партизанская война станет всеохватывающей формой вооруженного восстания. Однако нетрудно предвидеть, что ее роль — как формы борьбы — возрастет в определенных зонах мира и в некоторых районах Латинской Америки. Такой поворот событий будет объясняться не волюнтаристскими решениями или какими-то уклонами в определении курса нашей революции. Прежде всего это будет естественный результат объективных условий, свойственных нашей эпохе. По мере роста международного влияния СССР и мировой социалистической системы, обострения противоречий, присущих третьему этапу общего кризиса капитализма, подъема социального и антиимпериалистического движения, которое неизбежно будет все активнее выступать против репрессивного режима, уподобляющегося иногда режиму военной оккупации империализмом янки и его агентурой, будет расширяться круг социальных слоев, классов, организаций и политических группировок, готовых включиться в вооруженную борьбу. Сценарий, разрабатываемый иностранными угнетателями и местными «гориллами», неизбежно предопределит в ряде стран выбор этого метода борьбы. Географические условия Латинской Америки создают подходящий театр для

подобного рода операций и, как это уже неоднократно случалось, их предпримут независимо от того, созрели или нет все необходимые условия, люди, которые выступают против тирании, постыдного гнета янки, тяжелых социальных последствий слаборазвитости, нищенского прозябания наших народов, в то время когда их окружают неисчислимые природные богатства, присвоенные иностранцами.

Итак, если эти выводы не страдают преувеличениями, если нарисованная картина соответствует реальному положению, нельзя не считаться с их неизбежными последствиями. Наш долг, долг коммунистов, заключается в том, чтобы находиться в самой гуще повседневных событий и проявлять себя как настоящий авангард, который твердо прокладывает курс в любую бурю. С теоретической точки зрения мы должны, с одной стороны, точно определить это явление, а с другой — связать его с общей перспективой международной антиколониальной и социалистической революции.

Мы должны видеть эти *факты и тенденции* без каких бы то ни было шор, не смущаясь тем, что порой они не укладываются в те или иные рамки известных нам книг. На нас не должно оказывать парализующее влияние и то положение, что некоторые мелкобуржуазные группы высказывают ошибочные суждения, которые ведут к односторонним выводам и изолированным выступлениям. Вспомним, что существеннейшей стороной заветов В. И. Ленина является творческий подход к жизни, способность открыть тысячелик образ героического развития революции. В противном случае мы рискуем попасть в число объектов разящей иронии великого вождя Октября, который относил иных из своих противников к типу чеховского «человека в футляре». С другой стороны, стоит только поднять голову и оглянуться окрест, как мы увидим, что наш смертельный враг — империализм США — занят пристальным изучением этой стороны нашей действительности, снедаемый желанием упредить наши народы и даже перехватить у них выковываемое ими оружие: столь разрекламированными стратегией и практикой антиповстанче-

ских и антипартизанских операций он пытается противодействовать процессу, который, как можно предвидеть, развернется в ряде мест.

Следовательно, сам собой напрашивается вывод об обязательности отнесения этого своеобразного исторического опыта к классическим положениям марксизма-ленинизма о вооруженном восстании.

Нам могут сказать, что уже сделано немало в этом направлении, причем не только в теоретической области. Кто же сомневается в этом? Мы не разделяем идей тех, кто чернит коммунистические партии, кто становится на ошибочную и достойную сожаления точку зрения ради мнимого восхваления партизанских действий. Нельзя забывать, что существеннейшая часть этого опыта вошла в богатую историю международного коммунистического движения; нельзя забывать о том, что советские коммунисты обильно полили своей кровью обширные просторы Европы и Азии; и, кроме того, именно коммунистические партии Европы и Азии внесли свой вклад в борьбу нашей эпохи, действуя с винтовкой и партизанской гранатой в руках. Но верно и то, что кое-где в нашем движении существует предубеждение, а порой даже просто отрицательное отношение к этому опыту.

Так зачем же медлить с рассмотрением этого вопроса и теоретическим выяснением, относится ли *эта форма борьбы* к марксистско-ленинской теории вооруженного восстания? Почему не поставить вопрос прямо и определенно? Зачем проявлять робость или консервативность в ответах на острые вопросы или в подходе к проблемам, которые при правильном их освещении еще более подтвердят авторитет коммунистических партий и еще больше развенчают напыщенную бессодержательную болтовню всех этих псевдопартизан, всех этих «игроков в революцию», всех тех, кто пытается сверкать фальшивым золотом.

Заняв эту позицию, нам легче будет добиться взаимопонимания с искренними революционерами, которые действительно стремятся найти путь освобождения, берясь за оружие, но допускают традиционные ошибки из-за политической наивности, хватаются за идеи и так-

тику домарксовского социализма или, движимые тем *революционным нетерпением*, о котором предупреждали Ф. Энгельс и В. И. Ленин, отвергают многообразие форм классовой и национально-освободительной борьбы. Мы никогда не добьемся такого взаимопонимания, если станем в позу теоретической недоступности, впадем в то доктринерство, которое бичевал В. И. Ленин в меньшевистской критике по адресу русских эсеров⁵, доктринерство, которое нетрудно принять за пассивность, а то и реформизм. Не достигнув взаимопонимания с этими искренними революционерами, мы не сможем помочь им критично подойти к себе и преодолеть собственные ошибки.

Кроме того, о некоторых новых явлениях, вызываемых революционным нетерпением, не легко судить или их классифицировать, если проявлять к ним манихейский подход*. Зачастую в них сочетаются положительные черты, вызванные процессом революционизации, с отрицательными теоретическими и политическими положениями, обобщениями и претензиями, на исключительность. Если мы отделим зерно от плевел, это поможет более широкому пониманию современного революционного практического опыта и обогащению теории и практики латиноамериканской революции.

Движимые стремлением содействовать этому, мы попытаемся вновь взглянуть на эту тему в свете известных методологических установок В. И. Ленина.

В свою очередь такой подход вынуждает нас возвращаться к уже упомянутым ранее событиям и изложенным выше положениям. Однако стремление добиться ясности заставляет нас повторяться и возвращаться к пройденному.

⁵ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 349—353.

* Манихейство — религиозное учение о борьбе двух начал — добра и зла.— *Прим. перев.*

II. ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ЛЕНИНСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Марксизм ни в каком случае не ограничивается возможными и существующими только в данный момент формами борьбы, признавая неизбежность новых, неведомых для деятелей данного периода форм борьбы с изменением данной социальной конъюнктуры. Марксизм в этом отношении учится, если можно так выразиться, у массовой практики, далекий от претензий учить массы выдумываемым кабинетными «систематиками» формам борьбы.

В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 14,
стр. 1—2.

В. И. Ленин учит подходить с исторических позиций к появлению и совершенствованию любых форм борьбы, если только они не представляют собой пустых мечтаний, кабинетных выдумок, чуждых творческому гению масс. Такова методологическая исходная посылка. Придерживаясь ее, мы должны рассмотреть избранную тему под тремя главными углами зрения:

а) рассмотреть ее, исходя из ее реального места в истории и в практике современной революции;

б) рассмотреть, с одной стороны, ее существенное сходство с классическим вооруженным восстанием, то есть подтвердить действенность известных общих законов, изученных К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным, и в данном отдельном случае, а с другой стороны, вскрыть своеобразие партизанской войны, иначе говоря, закономерности ее развития;

в) изучить ее проявления и характерные черты применительно к процессу латиноамериканской революции.

Понятно, что настоящая работа не рассматривает чисто военные аспекты данного вопроса и нам остается лишь отослать интересующихся этой стороной проблемы к превосходным очеркам, которые написали о партизанской войне ряд революционных руководителей различных стран, в том числе и стран Латинской Америки.

1. ОПИСАНИЕ МЕТОДА В. И. ЛЕНИНА

Нам неоднократно приходилось подчеркивать, что существо диалектического метода, метода В. И. Ленина, заключается в конкретно-историческом изучении любого явления. Оценка той или иной формы борьбы также требует такого подхода. Следовательно, нас менее всего интересует то, что в данную тему привнесено от кабинетных выдумок и «доктринерских рецептов». Согласно В. И. Ленину, марксист не выдумывает, а лишь обобщает, организует, придает сознательность тем формам борьбы революционных классов, которые возникают сами собою в ходе движения. Марксист признает неизбежность новых форм борьбы⁶.

⁶ «Какие основные требования должен предъявить всякий марксист к рассмотрению вопроса о формах борьбы? Во-1-х, марксизм отличается от всех примитивных форм социализма тем, что он не связывает движения с какой-либо одной определенной формой борьбы. Он признает самые различные формы борьбы, причем не «выдумывает» их, а лишь обобщает, организует, придает сознательность тем формам борьбы революционных классов, которые возникают сами собою в ходе движения. Безусловно враждебный всяким отвлеченным формулам, всяким доктринерским рецептам, марксизм требует внимательного отношения к идущей массовой борьбе, которая с развитием движения, с ростом сознательности масс, с обострением экономических и политических кризисов порождает все новые и все более разнообразные способы обороны и нападения. Поэтому марксизм безусловно не зорекается ни от каких форм борьбы. Марксизм ни в каком случае не ограничивается возможными и существующими только в данный момент формами борьбы, признавая неизбежность новых, неизвестных для деятелей данного периода форм борьбы с изменением данной социальной конъюнктуры. Марксизм в этом отношении учится, если можно так выразиться, у массовой практики, далекий от претензий учить массы выдумываемым кабинетными «систематиками» формам борьбы. Мы знаем,— говорил например, Каутский, рассматривая формы социальной революции,— что грядущий кризис принесет нам новые формы борьбы, которых мы не можем предвидеть теперь.

Во-2-х, марксизм требует безусловно исторического рассмотрения вопроса о формах борьбы. Ставить этот вопрос вне исторически-конкретной обстановки значит не понимать азбуки диалектического материализма. В различные моменты экономической эволюции, в зависимости от различных условий политических, национально-культурных, бытовых и т. д., различные формы борьбы выдвигаются на первый план, становятся глав-

Всякий раз, когда требуется ответить на вопрос о пригодности определенной формы борьбы, гениальный русский революционер руководствуется двумя следующими координатами: а) определить *историческую обстановку*, из которой вытекает данное явление, б) быть готовым, без догматических шор, *обобщить творческий опыт масс*. И все-таки, даже употребляя выражение «две координаты», я чувствую неудовлетворенность слишком узким смыслом этих слов. Ведь в конечном счете требование неограниченного и подвижного рассмотрения конкретных явлений пронизывает весь ленинский анализ, все его определения. *Конкретный анализ конкретной ситуации* — краеугольный камень его методологии.

Именно поэтому В. И. Ленин смог так плодотворно и с такой научной скрупулезностью развивать марксистскую теорию и ее метод при самых неожиданных поворотах событий, оставаясь верным К. Марксу, развивать марксизм. Прекрасный пример этого дает исследование им вооруженных действий латышских марксистов и других сил после поражения 1905 г.

В. И. Ленин не дает увлечь себя избитыми аналогиями. Партизанские действия в том виде, в каком они существовали тогда в русской революции, действительно весьма своеобразны. Эти действия выполняют небольшие группы, которые совершают неожиданные нападения или прибегают к «экспроприациям» (конфискации денежных средств) и т. п.⁷ С формальной точки

ными формами борьбы, а в связи с этим, в свою очередь, видоизменяются и второстепенные, побочные формы борьбы. Пытаться ответить да или нет на вопрос об определенном средстве борьбы, не рассматривая детально конкретной обстановки данного движения на данной ступени его развития — значит покидать совершенно почву марксизма». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 1—2.)

⁷ «Интересующее нас явление есть вооруженная борьба. Ведут ее отдельные лица и небольшие группы лиц. Частью они принадлежат к революционным организациям, частью (в некоторых местностях России *большую часть*) не принадлежат ни к какой революционной организации. Вооруженная борьба преследует две различные цели, которые необходимо строго отличать одну от другой; — именно, борьба эта направлена, во-пер-

зрения эти действия можно принять за сектантскую злость бланкизма или за террористическое бессилие анархизма или эсеров. Марксизм в России родился и вырос в борьбе с этими течениями.

Однако В. И. Ленин не останавливается на внешней схожести явлений. Он подходит к партизанским выступлениям исторически, рассматривая их на фоне общего положения царской России, потрясенной революционными событиями. С этой целью Ленин ставит многочисленные, не допускающие уверток вопросы, за которыми видна определенная методология.

Что представляет собой это явление? Каковы его формы? Каковы его причины? Время возникновения и степень распространения? Каково его значение в общем ходе революции? Его отношение к организуемой и руководимой коммунистами борьбе рабочего класса?

Распределив эти вопросы таким образом, мы видим, что *первые из них относятся к конкретной характеристике события, вторые рассматривают его на определенном историческом фоне и вводят в курс русской ре-*

вых, на убийство отдельных лиц, начальников и подчиненных военно-полицейской службы;— во-вторых, на конфискацию денежных средств как у правительства, так и частных лиц. Конфискуемые средства частью идут на партию, частью специально на вооружение и подготовку восстания, частью на содержание лиц, ведущих характеризуемую нами борьбу. Крупные экспроприации (кавказская в 200 с лишним тысяч рублей, московская 875 тысяч рублей) шли именно на революционные партии в первую голову,— мелкие экспроприации идут прежде всего, а иногда и всецело на содержание «экспроприаторов». Широкое развитие и распространение получила эта форма борьбы, несомненно, лишь в 1906 году, т. е. после декабрьского восстания. Обострение политического кризиса до степени вооруженной борьбы и в особенности обострение нужды, голодовки и безработицы в деревнях и в городах играли крупную роль в числе причин, вызвавших описываемую борьбу. Как преимущественную и даже исключительную форму социальной борьбы, эту форму борьбы восприняли босяцкие элементы населения, люмпены и анархистские группы. Как «ответную» форму борьбы со стороны самодержавия следует рассматривать военное положение, мобилизацию новых войск, черносотенные погромы (Седлец), военно-полевые суды». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 4—5.)

волюции после 1905 г., третьи оценивают его, исходя из интересов общего хода революции и роли, которую рабочий класс и его партия должны сыграть в ней.

В. И. Ленин отвечает на все эти вопросы и каждый из них в отдельности. Он сразу берет быка за рога, верный своему призванию революционера и мыслителя. Он не пытается спрятаться за частоколом авторитетных цитат и не усаживается в мягкое кресло «теоретического» судьи, который призван судить события. Напротив, Ленин направляет разящие удары против тех, кто занимает эту обывательскую и созерцательную позицию, точно так же, как он сделал это, воюя с Плехановым в связи с его отношением к 1905 г. Здесь сразу вспоминаются, между прочим, замечательные страницы предисловий к русским переводам писем К. Маркса к Л. Кугельману или писем К. Маркса, Ф. Энгельса и других к Ф. А. Зорге и др., — предисловий, вызывающих столь значительный интерес.

В. И. Ленин приходит к выводу, что эти особые типы вооруженной борьбы, которые применяют небольшие группы, а порой и отдельные лица и которые распространяются в 1906 г., после поражения декабрьского восстания 1905 г., представляют собой продукт политической борьбы, обостряющейся до перерастания в вооруженные действия, а также следствие нужды и лишений народа; это один из ответов на преступное насилие, на царские репрессии.

Ленина ничуть не смущает тот факт, что анархисты и, более того, люмпен-пролетариат возвели эти действия в ранг *главной и даже исключительной формы борьбы*. Нечего ссылаться, пишет он, на то, что повторяется старый терроризм, который *отгалкивал от революционеров широкие круги населения*. «Назвать анархизмом, бланкизмом, терроризмом эту деятельность латышских с.-д. никто не решится. Но почему? Потому, что здесь ясна *связь новой формы борьбы с восстанием, которое было в декабре и которое называет вновь... Распространение «партизанской» борьбы именно после декабря*, связь ее с обострением не только экономического, но и политического кризиса несомненны. Старый русский терроризм был делом *интеллигента-заго-*

ворщика; теперь партизанскую борьбу ведет, по общему правилу, рабочий-боевик или просто безработный рабочий. Бланкизм и анархизм легко приходят в голову людям, склонным к шаблонам, но в обстановке восстания, столь ясной в Латвийском крае, непригодность этих заученных ярлычков бьет в глаза... Надо принять во внимание эту обстановку, подумать об особенностях промежуточного периода между крупными актами восстания, надо понять, какие формы борьбы порождаются при этом неизбежно, а не отделяться заученным подбором слов...»

Подвергнув это явление всестороннему анализу, Ленин приходит к определению партизанских действий: «Партизанская борьба есть неизбежная форма борьбы в такое время, когда массовое движение уже дошло на деле до восстания и когда наступают более или менее крупные промежутки между «большими сражениями» в гражданской войне». «Это явление абсолютно неизбежное» в такую эпоху, когда «восстание не сможет вылиться в старую форму единичных актов, ограниченных очень коротким промежутком времени и очень небольшой местностью»;

«...восстание принимает более высокие и сложные формы продолжительной, охватывающей всю страну гражданской войны, т. е. вооруженной борьбы между двумя частями народа. Такую войну нельзя себе мыслить иначе, как ряд немногих, отделенных большими сравнительно промежутками времени, крупных сражений и массу мелких стычек в течение этих промежутков. Раз это так,— а это несомненно так,— то социал-демократия непременно должна ставить своей задачей создание таких организаций, которые бы в наибольшей мере способны были руководить массами и в этих крупных сражениях и, по возможности, в этих мелких стычках».

Эти строки, столь характерные для Ленина и по форме и по содержанию, как бы предваряют события, их теоретическое истолкование и полемические положения сохраняют актуальность до наших дней. Их устремленность в будущее выделяет их теоретическую и методологическую ценность, тем более что

они подтверждены опытом всемирной истории. И все же нам вряд ли удастся постигнуть их содержание, если мы вырвем из контекста этот или любой другой абзац «Партизанской войны» и будем обращаться с ними, как с библейскими текстами, пригодными для включения в тот или иной катехизис. Ведь действенность этого произведения, его плодотворность в смысле урока на будущее проистекают именно из неразрывной связи с реальной историей, из того, что оно дало творческий и правильный ответ на вопросы того времени. Пусть не воспринимается это как какой-то парадокс: в этом мы находим еще одно подтверждение диалектической взаимосвязи развития общества и общественной мысли.

В. И. Ленин не отрывается от действительности русской революции, и в частности от *определенного момента в ее развитии*, рассматривая события 1905—1907 гг. Эта действительность — объективная и субъективная — позволяет ему положительно судить о партизанских выступлениях против царизма.

Ленин неизменно выдвигает на первый план «выбор момента»⁸: условий для восстания, которые сохраняются и даже углубляются в России, несмотря на его поражение в Москве в декабре 1905 г. Без такой ситуации было бы ошибкой переходить к наступательным военным операциям. Это значило бы впасть в *бланкистский* уклон, иначе говоря это значило бы ошибочно полагать, что военная операция может создать социально-политические условия для революции при любых обстоятельствах, даже тогда, когда еще не выявилась перспектива восстания. С другой стороны, В. И. Ленин неоднократно отвергал подобное обвинение, выдвигавшееся меньшевиками относительно восстания 1905 г. и последующих партизанских операций⁹. «Правда ли, что декабрьская борьба была бланкизмом? Нет, неправда. Бланкизм есть теория, отри-

⁸ Во многих своих работах В. И. Ленин даже в заголовках подчеркивает важность такого подхода, а в 1917 г. определение значения оценки момента появляется в его «Письмах о тактике».

⁹ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 5.

дающая классовую борьбу. Бланкизм ожидает избавления человечества от наемного рабства не путем классовой борьбы пролетариата, а путем заговора небольшого интеллигентного меньшинства. Был ли такой заговор или что-либо похожее на него в декабре? Ничего похожего на заговор не было. Это было классовое движение огромных масс пролетариата, пустившего в ход чисто пролетарское орудие борьбы, стачку, и присоединившего к себе невиданные на русской политической арене массы полупролетариев (железнодорожники, почтовые служащие и т. д.), крестьян (Юг, Кавказ, Прибалтийский край) и мелких буржуа городов (Москва). Посредством жупела «бланкизм» буржуазия хочет принизить, опорочить, оклеветать борьбу народа за власть»¹⁰.

Следовательно, нельзя наклеивать ярлык бланкизма на эти партизанские операции и тем более сравнивать их со «старым терроризмом».

В скупых, но точных выражениях В. И. Ленин вскрывает ошибочность концепции «старого терроризма», унаследованной в качестве тактической линии всеми мелкобуржуазными течениями, анархическими, полуанархическими и им подобными. Эти тенденции отталкивались от «заговора небольшого интеллигентного меньшинства», не учитывающего настроения масс.

«Террор был результатом — а также симптомом и спутником — неверия в восстание, отсутствия условий для восстания»¹¹. Эта слабость террора приводила к тому, что он «был мстью отдельным лицам», тогда как партизанские действия являются не мстью, а военными операциями. Эти последние «не только не являются результатом неверия в восстание или невозможности восстания, а, напротив, являются необходимой составной частью происходящего восстания. Конечно, во всем и всегда возможны ошибки, возможны неуместные попытки выступлений не вовремя; возможны увлечения и крайности, которые всегда и безусловно вредны

¹⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 13, стр. 76—77.

¹¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 180.

и способны повредить самой верной тактике»¹². Но, говоря о крайностях, В. И. Ленин не забывает и другой крайности, а именно «недостаточной инициативности наших боевых дружин... малой решительности их выступлений», непонимания причин, которые порождают партизанские выступления и их связи с общим ходом революции. Поэтому Ленин советует поощрять партизанские выступления как составную часть подготовки восстания, так как партией признается, что пролетариат уже готов к нему.

Несмотря на поражение в декабре 1905 г., «мы не имеем оснований снимать с очереди вопрос о восстании». Ленин отвергает предложения о перестройке заново партийной тактики на том основании, что переживаемый момент — момент реакции. Надо учитывать общую картину, объективные условия, сохранение обстановки восстания. «Мы не можем и не должны отчаиваться в том, что удастся, наконец, слить три разрозненные потока восстаний — рабочие, крестьянские и военные — в одно победоносное восстание. Мы должны готовиться к этому, не отказываясь, конечно, от использования всех и всяческих «легальных» средств к расширению пропаганды, агитации и организации...»¹³

В подобный момент партизанские выступления неизбежны и могут даже принять форму затяжной и упорной партизанской борьбы¹⁴. Во время этой партизанской войны и в связи с моментом восстания некоторые акции, например так называемые «экспроприации», обычно подвергавшиеся критике марксистами с точки зрения их тактической нецелесообразности и которые Ленин приемлет при соблюдении ряда строгих условий, могут приобрести иное содержание и даже иметь место.

¹² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 181. В. И. Ленин подчеркивает, что там, где восстание лучше подготовлено, где сделан упор на массовую борьбу пролетариата, мы не наблюдаем проявления «старого терроризма».

¹³ Там же, стр. 180.

¹⁴ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 149—172. В. И. Ленин настаивает на этой мысли в своей статье «Кризис меньшевизма».

Ясно, что эти приемы, которые анархисты и выходцы из люмпен-пролетариата превратили в «исключительную форму борьбы» (тогда как в действительности они как раз и не являются ни главными, ни тем более исключительными), должны быть политически обусловленными¹⁵. Иначе говоря, надо обязательно изучать их конкретную целесообразность, как следует оценивать политическую и военную целесообразность того или иного партизанского выступления, чтобы избежать пороков старого терроризма, который отталкивал широкие массы от революционеров.

* * *

Как мы уже попытались показать в другом разделе этой книги, русская революция в течение длительного времени проходит в *революционной ситуации общего характера*. В. И. Ленин дает ей определение главным образом в статье «На дороге»¹⁶. В свою очередь эта ситуация проходит различные фазы в своем развитии. Она выливается в конкретную революционную ситуацию, революционный кризис в 1905—1907 гг.; затем наступает период торжества реакции (Ленин охарактеризовал его также как межреволюционный); наконец, она вступает в новую фазу подъема в 1911—1912 гг., проходит через империалистическую войну и приводит к Февральской революции 1917 г. Осенью 1906 г., когда В. И. Ленин писал свой очерк, посвященный партизанской войне, русская революция находилась на очень своеобразном этапе. Царское самодержавие усовершенствовало формы преступного насилия над народом, прибегло к погромам, убийствам студентов, рабочих, революционеров; оно даже применило артиллерию для обстрела городов и деревень. *Вооруженная борьба революционеров была, с одной стороны, ответом*

¹⁵ В «Партизанской войне» В. И. Ленин говорит об этом в сноске, но он рассматривает этот вопрос и в других работах, особенно в «Тактической платформе к объединительному съезду». (См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 228—229.)

¹⁶ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 360.

на царское насилие, а с другой — формой борьбы, подготавливавшей новое восстание.

Исторически русская революция выдвигала за десятилетие с 1896 по 1906 г. самые разнообразные формы борьбы¹⁷. Партизанская война — это форма борьбы, порождаемая новыми условиями. В. И. Ленин признает и поощряет признание партией этой особой формы вооруженной борьбы с самодержавием. Он высмеивает и жестоко разносит тех социал-демократических публицистов, которые пугаются этого явления и выставляют против него заученные фразы, надеясь предохранить партию от любых пятнающих ее контактов с непролетарскими слоями населения, в том числе с деклассированными элементами. В. И. Ленин отвечает этим публицистам: «...никогда партия пролетариата не может считать партизанской войны [в той форме, в какой она выступала тогда в русской революции.— Р. А.] единственным или даже главным средством борьбы... это средство должно быть подчинено другим, должно быть соразмерено с главными средствами борьбы, облагорожено просветительным и организующим влиянием социализма»¹⁸.

¹⁷ «Припомним историческое развитие выдвинутых ею форм борьбы. Сначала экономические стачки рабочих (1896—1900), затем политические демонстрации рабочих и студентов (1901—1902), крестьянские бунты (1902), начало массовых политических стачек в различных комбинациях с демонстрациями (Ростов 1902, летние стачки 1903, 9-е января 1905), всероссийская политическая стачка с местными случаями баррикадной борьбы (октябрь 1905), массовая баррикадная борьба и вооруженное восстание (1905, декабрь), парламентская мирная борьба (апрель—июнь 1906 г.), крестьянские частичные восстания (осень 1905 — осень 1906 годов)». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 3.)

¹⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 9. «А без этого последнего условия все, решительно все средства борьбы в буржуазном обществе приближают пролетариат к различным непролетарским слоям вверху или внизу от него и, будучи предоставлены стихийному ходу вещей, истрепываются, извращаются, протитуются. Стачки, предоставленные стихийному ходу вещей, извращаются в «Alliances» — соглашения рабочих с хозяевами против потребителей. Парламент извращается в публичный дом, где шайка буржуазных политиканов торгует оптом и в розницу «народной свободой», «либерализмом», «демо-

Ленин советует партии участвовать в партизанских действиях, организовывать и совершенствовать их.

Итак, для Ленина партизанские выступления, как они проявляются в ходе русской революции,— это «неизбежные» и «необходимые» события периода 1905—1907 гг.

В. И. Ленин исходит из того, что поражение московского восстания не устранило возможность нового восстания. И если пролетариат ряда районов Петербурга, например, оказался в тот момент истощенным до такой степени, что не смог даже участвовать в декабрьской политической стачке, все равно «гражданская война кипит», подталкиваемая объективными условиями и примером геройского пролетариата Москвы. Гигантские задачи, перед которыми он стоял, «не могли быть решены сразу. Но эти задачи поставлены теперь перед всем народом ясно и отчетливо».

Рассматривая в этой перспективе происхождение и роль партизанского движения, Ленин отвергает любой авантюризм.

«Правительству,— пишет В. И. Ленин,— крайне выгодно было бы подавлять по-прежнему разрозненные выступления пролетариев. Правительству хотелось бы немедленно вызвать рабочих на бой и в Питере, при самых невыгодных для них условиях. Но рабочие не поддадутся на эту провокацию и сумеют удержаться на своем пути самостоятельной подготовки следующего всероссийского выступления»¹⁹.

Ленин советует сберечь, «елико возможно, силы пролетариата, истощенного стачечной борьбой», но в то же время решительно выступает против любой

кратией» республиканизмом, антиклерикализмом, социализмом и всеми прочими ходкими товарами. Газета извращается в общедоступную сводницу, в орудие развращения масс, грубой лести низменным инстинктам толпы и т. д. и т. п. Социал-демократия не знает универсальных средств борьбы, таких, которые отгораживали бы пролетариат китайской стеной от слоев, стоящих немного выше или немного ниже его. Социал-демократия в различные эпохи применяет различные средства, всегда обставляя применение их строго определенными идейными и организационными условиями». (Там же, стр. 9—10.)

¹⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 151.

попытку считать преждевременно завершенным повстанческий этап русской революции²⁰.

Наконец, Ленин постарался привести в систему свои взгляды о партизанской форме борьбы в специальном очерке «Партизанская война». Но они излагаются не только в этом ставшем классическим произведении.

Мы рассматриваем как методологически очень важную — для любой попытки выяснить ленинский критерий оценки партизанских действий — всю совокупность написанных в то время работ. Я имею в виду работы: «Современное положение России и тактика рабочей партии»²¹, «Тактическая платформа к Объединительному съезду РСДРП»²², «Доклад об Объединительном съезде РСДРП»²³, «К событиям дня»²⁴, «Об организации масс и о выборе момента борьбы»²⁵, «Кризис меньшевизма»²⁶.

Мы не можем здесь дать обзор этих работ, но мы можем найти на их страницах характерные черты методологии, получившей свое выражение в систематизированном виде в очерке «Партизанская война», хотя одна из перечисленных выше работ, а именно «Кризис меньшевизма», была написана некоторое время спустя.

Во всех этих работах В. И. Ленин подчеркивает неизбежность и целесообразность партизанской тактики, не преминув подвергнуть критике ее неправильное применение в том или ином конкретном случае. Но его замечания не имеют ничего общего с огульным филистерским и ханжеским отрицанием этой тактики. Он придерживается марксистской концепции, весьма отличной от «старого терроризма» или восхваления вдохновляющей роли героического и активного меньшинства (речь идет о тезисах эсеров и народников), но утверждающей свои собственные взгляды на ход

²⁰ См. статью В. И. Ленина, написанную в конце декабря 1905 г. «Рабочая партия и ее задачи при современном положении». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 150—153.)

²¹ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 175—182.

²² Там же, стр. 221—238.

²³ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 13, стр. 1—66.

²⁴ Там же, стр. 365—367.

²⁵ Там же, стр. 287—290.

²⁶ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 149—172:

российского восстания с включением в него правильно применяемых партизанских действий.

Изю всей ленинской постановки вопроса следует выделить, в сжатой форме, некоторые кардинальные положения и критерии оценок.

1. *Оценка явления.* Отвлекаясь от допущенных тактических ошибок, надо признать, что само явление вызвано определенными объективными переменами, оно представляет собой выражение и составную часть общего хода русской революции; следовательно, речь идет о «неизбежном» и необходимом явлении.

2. *Оценка момента.* Партизанская тактика верна, если она применяется в революционный момент, даже если еще нельзя переходить к всеобщему вооруженному восстанию, как это отмечает В. И. Ленин в цитированном выше «Письме к петербургским рабочим». «Само собою разумеется, — говорит Ленин в другой статье, — что мы должны рассмотреть этот спорный вопрос не с точки зрения желательности того или иного пути деяния, а с точки зрения объективных условий момента и учета общественных сил»²⁷.

Исходя из этого методологического критерия, В. И. Ленин напишет: «В общем и целом мы считаем обострение партизанской борьбы в России после роспуска Думы плюсом. Истребительная и беспощадная партизанская борьба с насильниками правительства представляется нам своевременной и целесообразной»²⁸.

Поэтому позиция революционной партии рабочего класса не может сводиться к указанию на ошибки и к размежеванию позиций. Она должна наметить и проводить свою собственную линию партизанских выступлений. «Но осуждению подлежит, по нашему мнению, ППС-овское извращение тактики партизанских выступлений, а не самая эта «тактика» вообще»²⁹.

В. И. Ленин намечает этот курс в тезисах «Тактическая платформа к Объединительному съезду РСДРП»³⁰.

²⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 178.

²⁸ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 13, стр. 356.

²⁹ Там же, стр. 393.

³⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 221—238.

Он ссылается на это в порядке указания также в статье «К событиям дня».

3. *Оценка настроения масс.* Кроме оценки момента, которая, естественно, обуславливает все другие тактические соображения, В. И. Ленин требует строгого учета настроения широких масс. Даже при наличии ситуации революционного кризиса, допускающего партизанские действия, необходимо, согласно Ленину, оценить конкретным образом отклик, который вызовет каждое из этих действий в массах, притом как в общенациональном, так и в местном масштабе. В пункте 5 (раздела «Партизанские боевые выступления») из «Тактической платформы к Объединительному съезду» требуется, чтобы «принимались во внимание условия рабочего движения данной местности и настроение широких масс»³¹. В статье «О партизанском выступлении ППС» говорится: «Несомненно также, что ППС, организуя «выступление» 2 (15) августа, не считалась ни с целесообразностью его, ни с настроением широких масс, ни с условиями рабочего движения. Необходимость считаться со всеми этими обстоятельствами очевидна»³². В другой своей статье Ленин поясняет: «Крайности нехороши ни в чем, необходимость считаться с настроением широких масс при организации партизанских выступлений не подлежит сомнению ни для кого из социалистов... Хватать через край никогда не следует»³³. Поэтому, говорит Ленин, партия, исходя из конкретной оценки положения, «отвергает один вид партизанских действий, признает другой и рекомендует третий».

4. Наконец, партизанские действия должны производиться *«под контролем партии и притом так, чтобы силы пролетариата не растрчивались понапрасну»*³⁴. Одна из задач этих действий состоит в том, чтобы воспитывать кадры и боевые дружины для признанного неизбежным и необходимым восстания.

³¹ Там же, стр. 229.

³² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 393.

³³ Там же, стр. 365.

³⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 229.

В этом сжатом изложении ленинских произведений о партизанской войне нам представляется полезным выделить два момента.

Первый момент относится к тому, что порой теория вооруженного восстания гениального вождя преподносится в искаженном виде. В некоторых сочинениях мы встречаемся с утверждениями, что Ленин допускает вооруженную борьбу и советует вести ее *только в том случае, когда создается благоприятная конъюнктура совпадения объективных условий с субъективными*, т. е. так, как это именно и произошло 25 октября 1917 г. Рассмотрением этого вопроса мы уже занимались в первой части настоящей главы при анализе категории «*революционная ситуация*» и ее значения для ленинизма. Но здесь следует подчеркнуть, основываясь на сказанном В. И. Лениным о партизанской войне, что последняя рассматривается им, конечно, если она применяется в подходящий момент, как фактор, подготавливающий вооруженное восстание, как фактор, формирующий законченную революционную ситуацию.

В статье «Кризис меньшевизма» В. И. Ленин высмеивает Ларина за то, что «его мысль рабски следует старым образцам: североамериканскому и польскому восстанию». Ларин не хочет знать о других типах восстания, попадая в смешное положение, когда он критикует русскую революцию за то, что она «не идет путем «формального» и «форменного» ...вооруженного восстания».

В. И. Ленин подвергает осмеянию меньшевистского публициста за то, что тот связывает себе руки «историческими примерами», вместо того чтобы изучить особенности русской революции, в том числе «изменение отношения стачки к восстанию», или «роль крестьянства и войска», или «необходимость соглашения с революционно-демократическими элементами войска»³⁵.

Ленин специально отводит много места полемике с тем, чтобы разгромить упрощенческую концепцию меньшевистского публициста, который судит о револю-

³⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 152—153.

ции по схеме, мыслит ее себе лишь как длительный период подготовки, увенчивающийся внезапным восстанием³⁶. Ленин описывает путь революции как быстрое нарастание боев, слияние мелких и отдельных выступлений по всей России, рост крестьянских выступлений и так далее...

«Описываемое вами положение дел есть не что иное, как длительная **партизанская война**, прерываемая рядом все более широких и сплоченных **взрывов солдатских восстаний**. Вы повторяете сердитые и брачные слова по адресу «партизан», «анархистов», «анархобланкистов-большевиков» и проч. и сами в то же время рисуете картину революции по-большевистски!»³⁷

«...Вы просмотрели те особые формы борьбы, которые породило русское восстание, более затяжное, более упорное, с более длительными промежутками между крупными сражениями, чем восстания старого типа»³⁸.

Второй момент касается ответственности партии за выбор той или иной формы борьбы.

Следует поддерживать, поощрять и вести партизанскую борьбу в прямой зависимости от подготовки и конкретного развития процесса вооруженного восстания в России. И если таких условий нет, то партия должна выдвинуть соответствующие моменту задачи, а не отдавать дань общим фразам, пустозвонству, погоне за сенсационными радикальными, более или менее, выступлениями, которые, будучи оторваны от своей объективной основы и от масс, равнозначны прыжкам в пропасть. В своем очерке «Русская революция и задачи пролетариата»³⁹ Ленин разбирает этот вопрос с теоретической стороны, подкрепляя его ссылками на оценки К. Маркса, высказанные им в ходе революций 1848—1850 гг. Ленин комментирует там же статью К. Каутского о московском восстании.

³⁶ Несомненно, длительные периоды подготовки нового подъема, нового натиска или новых форм движения вполне возможны. Но не будьте же доктринерами, господа...» (Там же, стр. 153.)

³⁷ Там же, стр. 153—154.

³⁸ Там же, стр. 155.

³⁹ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 209—220.

К. Маркс, указывает Ленин, не увильивает от трудного вопроса, не играет со словом «революция», а отвечает конкретно, определенно. Несмотря на поражение восстаний в различных европейских странах, Маркс с 1847 по 1850 г. «продолжал звать к вооружению и восстанию, готовить его, не понижая своим скептицизмом и растерянностью настроения рабочих. Лишь тогда, когда Маркс показал неизбежность «истощения» «действительной революции», — лишь тогда он переменял взгляд. И, переменяв взгляд, Маркс прямо и открыто потребовал коренной перемены тактики, полного прекращения подготовки восстания, ибо такая подготовка могла быть тогда лишь игрой»⁴⁰.

Говоря об этих важнейших решениях, Ленин подчеркивает ответственность партии, которая призвана рабочим классом и историей играть ведущую роль⁴¹.

Итак, этот труд Ленина прямо показывает комплекс теоретических, политических и технических проблем, выдвигаемых той или иной ситуацией.

* * *

Я вовсе не претендую на то, чтобы отождествлять изученные В. И. Лениным события с партизанской войной, которая наблюдалась, скажем, в Латинской Америке. Но разве можно отрицать, что выводы, к которым пришел гениальный революционер, выходят далеко за рамки непосредственно рассмотренного им явления?

С одной стороны, Ленин вооружает нас компасом, методологией, чтобы правильно подойти к тем новым явлениям, которые неизменно будут порождаться матерью-революцией, а с другой — открывает перед

⁴⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 211—212.

⁴¹ «Этот пример Маркса мы должны всегда иметь перед глазами в теперешний трудный момент. К вопросу о возможности «действительной революции» в ближайшем будущем, об основной «форме движения», о восстании и его подготовке мы должны отнестись с величайшей серьезностью, но борющаяся политическая партия обязана решить этот вопрос прямо и определенно... без всяких недомолвок. Партия, которая не сумела бы составить себе ясного ответа на такой вопрос, не заслуживала бы названия партия». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 12, стр. 212.)

нами с гениальной прозорливостью в перспективе то явление, которое станет известным позднее как «затяжная гражданская война», осуществленная столькими народами мира.

И если мы добавим к этому определению тот очевидный факт, что партизанская война во многих случаях превратилась в форму стратегической борьбы, в особую фазу начала восстания, вооруженного сражения пролетариата и угнетенных народов за власть, или в форму затяжной войны в перерыве между крупными сражениями гражданской войны, значит, мы, марксисты-ленинцы, обязаны подходить к этому явлению непредвзято и с большой революционной смелостью.

Нам представляется ошибочным, если мы не хотим удариться в догматизм, прикрываемый антидогматическими рассуждениями, возведение партизанской войны в ранг универсального рецепта ведения вооруженной борьбы, рассмотрение ее как исключительного проявления такой борьбы или, больше того, как единственной формы борьбы. Подобная односторонность наносит ущерб непредвзятому анализу проблемы. Но однобокий подход в свою очередь находит естественный противовес в лице ошибок иного порядка, например в предубежденном созерцании этого явления, хотя оно имеет многолетние революционные традиции и неизбежно будет распространяться по мере того, как социальные противоречия и агрессивность империализма янки станут подталкивать новые и новые отряды патриотов, социальных реформаторов и рабочих-революционеров на более решительные, более энергичные действия, порой граничащие с отчаянными выступлениями. Кроме того, чужие ошибки не оправдывают собственных. Если крайности других превращаются в пугало, мешающее нам правильно и всесторонне подойти к тому или иному явлению, то тем самым происходит демонстрация всего лишь близорукости, а отнюдь не показ объективной и ответственной оценки действительности. Наш собственный взгляд не прояснится от того, что мы будем твердить об ошибках иных борцов, которые недооценили политической деятельности, роли масс и погибли в дорогом обошедшемся и заранее обреченном, пусть

даже героическом предприятии. Тем не менее не следует отвергать рассматриваемое нами явление по причине пиротехнической партизанщины, которой злоупотребляют многочисленные любители революционной фразеологии.

Мы должны рассматривать это явление в свете последних достижений нашего учения, которое объясняет нашу роль авангарда, дает простор для инициативы как в области теории, так и в преобразующей деятельности.

Конечно, и Ленин также подчеркивает это, о каждой форме борьбы можно судить с точки зрения ее *военной целесообразности*, не говоря уже о *целесообразности политической*, когда тот или иной прием следует применить в той или иной стране и при различных обстоятельствах; но мы не сможем понять ничего в том, что происходит в значительной части мира, и в том числе в Латинской Америке, если не поймем или побоимся понять, что партизанская война развивается здесь в силу историко-социальных причин и что ее значение будет возрастать по мере обострения столкновений с империализмом и классовых антагонизмов. *Кроме того, мы не должны рассматривать историческую роль определенного явления или судить о причинах, порождающих его и превращающих в весьма важную составную часть революции колониальных и зависимых народов, в превратном свете известных ошибок и поражений. Тем более недопустимо исказить перспективу, выдвигая на передний план одни лишь поражения или преимущественно поражения.* С этой точки зрения никакая форма борьбы не выдержит критики, ибо на другую чашу весов можно положить также достаточно весомый груз. Вооруженные восстания, поднятые в жизненно важных городских центрах, также неоднократно подвергались подобной критике со стороны оппортунистов: от Парижской Коммуны до московского восстания, от вооруженных восстаний в Восточной и Центральной Европе, последовавших за русской революцией, вплоть до недавнего восстания в Доминиканской Республике. Кстати, в отношении последнего: и у нас в Уругвае находятся люди, кото-

ые — только этого еще не хватало — поспешают со своими теоретически-политическими поучениями, конечно же преподносимыми с «левых» позиций...

Мы не стремимся заглушить критику, которая в конечном счете содействует преодолению ошибок. Но критика критике рознь. Одно дело — позиция К. Маркса в отношении парижских коммунаров или позиция В. И. Ленина в отношении дружинников 1905 г. Другое дело — оппортунистическое и негативистское охаивание их опыта. Понятно, что подобная очернительская критика порой находит себе пищу, используя те или иные действия коммунистических партий или других революционеров.

Такой отрицательный подход приводит к забвению мудрого завета великого Ленина о том, чтобы голова революционера была холодной, а сердце — горячим.

Если бы мы распространили критикуемый нами метод анализа на все формы социальной деятельности, на все переплетение разных форм борьбы, вооруженных и невооруженных, парламентских и внепарламентских, политических, социальных, подпольных и легальных, то мы ровным счетом ничего бы в них не поняли. Вместо анализа мы получили бы бессмысленный набор фраз.

Вдобавок, к счастью, жизнь всегда богаче, сложнее, хитрее любого теоретического понятия. Такова многократно повторенная Лениным мысль. Здесь стоит вспомнить горькое сетование Вагнера (из «Фауста» Гёте) на жизнь, которая постоянно выходит за рамки содержания учебников, накопленных в самых богатых библиотеках. И Ленин с удовольствием приводит эту цитату.

Разумеется, мы не преуменьшаем значения теории. Снисходительно отзываться о ней, что также порой случается в наших краях, — значит возводить в догму собственное невежество, импровизировать, что иной раз приводит к торжественному громогласному заявлению об изобретении зонтика⁴².

⁴² «По нашему мнению, отсутствие теории отнимает право существования у революционного направления и неизбежно осуждает его, рано или поздно, на политический крах». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 379.)

Речь идет на самом деле об обогащении нашей теории новыми выводами, подсказанными действительностью, которая помогла их сделать и которая — и только она — может помочь пересмотреть их.

И если появляется и развивается какая-то форма борьбы, со своими ошибками и недостатками, но и с потенциальными задатками, которые позволяют ей преодолевать ошибки и совершенствоваться, то прежде всего надо удостовериться, если мы хотим остаться на позициях марксистско-ленинской методологии, соответствует ли она реальной действительности и, более того, укладывается ли она в эту действительность. Можно и должно спорить о тех тенденциях и событиях, которые в ней заключены и которые можно направлять, руководствуясь единой теоретической концепцией, но нельзя отвергать ее в принципе или полагать, что перед нами всего лишь продукт произвольных действий определенных лиц или просто-напросто результат проведения полуанархистской или бланкистской тактики, употребляя ленинскую терминологию. К тому же мы можем удостовериться, что рождению этого явления на нашем континенте предшествовал его триумфальный марш по другим континентам; что разные революции, руководимые коммунистическими партиями, с успехом применяли эту форму повстанческой борьбы на других широтах; что с ней познакомилась вся Европа, где она была организована также коммунистами, сражавшимися с нацизмом. Мы можем еще добавить, что ее появление в Латинской Америке привело к триумфу на Кубе, к удивлению многих революционных организаций. Так какую же позицию следует занять после всего этого? Изучать, обобщать этот опыт, включить его вместе с латиноамериканским опытом в марксистскую теорию вооруженного восстания, овладеть этой формой борьбы и найти подходящее место в пестрой, но чреватой взрывом социально-политической картине Латинской Америки? Или выйти из положения, отделавшись подвернувшейся цитатой или красивой фразой, рискуя к тому же оторваться от реального хода событий?

И если мы изберем последнее, то нам следует вспомнить следующие слова великого Ленина: «...мне становится обидно за унижение самой революционной в мире доктрины»⁴³.

Мы выбираем первое направление как в теории, так и в действии. Поэтому мы полагаем, что заслуживает тщательного рассмотрения вопрос о том, почему эта форма борьбы приобрела столь большое значение в современных социальных и национально-освободительных сражениях, почему она с такой силой пронизывает события и революционные проблемы Латинской Америки и — рикошетом — доктрину антиреволюционной войны империализма янки, которые затрачивают на выяснение секретов этой темы и мнимых законов антипартизанских действий огромные технические средства и миллионы долларов.

Я думаю, что на такой вопрос недостаточен следующий ответ: *кубинская победа с использованием партизанской войны и последующее теоретическое обобщение ее выдающимися деятелями этой революции распространили этот опыт на континент в качестве теории и в качестве практики*. В подобном объяснении содержится изрядная доля правды. Действительно, кубинская революция всколыхнула наши народы, превратила проблему власти в вопрос практики и тем самым оказала влияние на концепции и методы различных организаций. Кроме того, пример Кубы завладел воображением многих революционеров, передовых антиимпериалистических борцов. *Изучение кубинского партизанского опыта обязательно для любого человека или любой организации, которая включается в борьбу за власть в Латинской Америке*.

Но такой ответ претендует на широкое доказательство и, как всякое упрощение, останавливает нас на полпути с точки зрения всеобъемлющего объяснения этого явления и практики, которую оно выражает и обобщает. Во-первых, он не отвечает на вопрос, почему партизанская война в нашу эпоху стала составной частью революционного исторического опыта во

⁴³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 14 стр. 3.

всем мире. Во-вторых, он не позволяет понять проявления этой формы в Гватемале, Колумбии, Венесуэле, Боливии, Перу, Парагвае и других странах. Не вдаваясь в анализ особенностей, а тем более трудностей и ошибок, допущенных в ходе этой борьбы, скажем, что по крайней мере в некоторых из этих стран она претендовала на роль главной формы или одной из самых острых форм борьбы за власть. Следовательно, она вызвана к жизни неоспоримым процессом, составляет часть революционной действительности Латинской Америки, а не продукт разгоряченного воображения. Никакая форма борьбы не могла бы сохраняться, если бы она была только продуктом экспорта, своеобразным черенком, привитым к иссохшему стволу.

Следовательно, эта форма борьбы порождена причинами, которые надо искать, во-первых, в характере нашей эпохи, во-вторых, в особенностях латиноамериканской ситуации и, в-третьих, в своеобразных обстоятельствах, присущих определенной стране или группе стран.

* * *

Как мы уже говорили, применение ленинской методологии требует от нас: а) поставить данное явление в его конкретно-исторические рамки, б) исследовать конкретным образом взаимоотношение между присутствующими ему особыми законами и общими закономерностями вооруженного восстания, в) изучить генезис и распространение этого явления в Латинской Америке.

Перейдем же к рассмотрению этих трех аспектов.

2. К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ МЕСТЕ ПАРТИЗАНСКОЙ ВОЙНЫ В СВЯЗИ С ХАРАКТЕРОМ НАШЕЙ ЭПОХИ

Появление партизанской войны стратегического значения как начала вооруженного восстания, антиимпериалистического и демократического, рабочего и народного, и ее распространение — одна из особенных черт,

свойственных крупным социальным и национально-освободительным битвам нашей эпохи.

Ее растущее значение, повторяем, вызвано переменами в современной действительности со времен русской революции. Занимается заря самой революционной эпохи всемирной истории, эры социализма, когда уже начались революции на Востоке, которые после рождения Советского Союза ускоряют свой ход, качественно изменяют свое историческое содержание и превращаются в продолжительную борьбу народов Азии с империализмом. Во многих местах эта борьба приобретает характер затяжной партизанской войны. Китайская революция, начавшись в 20-е годы, растягивается, захватывая годы второй мировой войны. В этот период в лесистых горах Центральной Америки Сесар Аугусто Сандино развернул длительную и победоносную борьбу против североамериканских интервентов и их прислужников. В 1924 г. Луис Карлос Престес во главе небольшого отряда прошел с боями всю Бразилию. Вторая мировая война обогатила опыт партизанских операций не только практикой больших мастеров в этом деле — советских бойцов, — но и успешным партизанским опытом других стран, в частности азиатских. В Греции и Испании партизанские отряды держались целые годы после окончания войны.

Все это теоретическое и политическое богатство нашло себе широкое применение и было приумножено в годы, последовавшие за победой над германским фашизмом и японским милитаризмом, причем основной вклад в эту героическую эпопею внес Советский Союз и в ней приняли участие — в той или иной форме — сотни миллионов людей. Образование мировой социалистической системы, крушение германского и японского милитаризма, ослабление империализма, английского, французского и итальянского, — все это ускорило подъем борьбы колониальных и зависимых народов. Многие партизанские отряды азиатских стран, первоначально нацеленные на борьбу с японскими агрессорами, продолжали свои операции. Развитие национальной революционной войны во Вьетнаме особенно ярко показывает значение партизанской войны

как составной части общего восстания. А Дьенбьенфу был, можно сказать, провозвестником упорных битв Алжира и его последующей победы. Другие проявления партизанских действий встречаются в странах Африки и Азии, а вскоре и кубинская герилья (партизанская война) завершается победой в относительно короткий срок. Партизанские выступления происходят своим чередом...

Итак, в них отражается действительность нашего времени, которая характеризуется образованием мировой социалистической системы, распадом колониальной системы империализма и зрелостью — в международном плане — социалистических, антиимпериалистических, демократических, передовых революций. Эти общие условия не предполагают одновременного для всех стран или районов созревания классических революционных условий, но они приводят к ускорению борьбы бесчисленного множества сил, порой достаточно пестрых по своему социальному облику, которые жаждут найти пути к своему освобождению. И это особенно заметно в обширных зонах колониального господства или зависимости от империализма. Мы уже ссылались на одно из положений Заявления Московского совещания коммунистических и рабочих партий в 1960 г. Указанное положение исходит из того, что раньше революционные ситуации возникали преимущественно в связи с войной (Парижская Коммуна, революции 1905 и 1917 гг., последствия второй мировой войны) или в условиях хозяйственной разрухи и самого острого политического кризиса, в узловых пунктах переплетения острых классовых противоречий. Но в нашу эпоху такие взаимосвязанные факторы, как противоборство в международном масштабе социализма и капитализма, распад колониальной системы на третьем этапе общего кризиса капитализма, создают картину постоянно обостряющихся противоречий, что приводит к значительному возрастанию роли революционных сил в формировании условий для взятия власти.

«Это не значит, разумеется, что во всех без исключения странах капитализма существует своего рода

«перманентная» революционная ситуация. Но это значит, во-первых, что в цепи капитализма в каждый или почти каждый данный момент существует одно, а чаще всего несколько слабых звеньев, где такая ситуация сложилась. И во-вторых, это значит, что возрастает роль субъективного фактора, или, иными словами, формирование революционной ситуации все больше зависит от активных, решительных, умелых действий самих революционных сил»⁴⁴.

Если эта оценка верна, то следует подумать над тем, что наряду с активными, энергичными действиями возникают формы вооруженной борьбы, которые в случае их применения при подходящих политических, географических и технических условиях могут содействовать складыванию конкретной революционной ситуации. Эти слова не следует понимать в волюнтаристском смысле, тем более не следует думать, что достаточно одной решимости действовать, чтобы возник революционный кризис и пришла победа. Они указывают лишь на то, что не только политическая агитация может быть фактором, ускоряющим созревание субъективных условий.

Развертывание партизанской войны — это выражение противоречивой всемирной действительности, которую определяет международная революционная действительность, постоянное противоборство империализма, повседневно прибегающего к «доводам» оружия, с социалистическим лагерем и восстанием колониальных и зависимых народов. Тем не менее в условиях неравномерности социального развития эта ситуация во многих странах еще не достигла полной зрелости, хотя уже дают о себе знать могучие революционные тенденции, отличающиеся участием разнообразных социальных слоев и классов, которые стремятся ускорить наступление часа освобождения. Обычные средства политического руководства массами во многих случаях наталкиваются на жестокие, кровавые и преступные репрессии со стороны империалистов и их прислужников. В ответ передовые слои переходят к революцион-

⁴⁴ «Проблемы мира и социализма», 1962, № 11, стр. 33.

ному насилию, в одних случаях проявляя при этом недостаточную подготовленность или политическую незрелость, а в других — рассчитывая уравновесить военный перевес угнетателей партизанскими действиями и правильной политической тактикой. Разрушительная мощь современного оружия, известные специфические черты социального состава населения в явно выраженных аграрных странах с малочисленным населением редких городских центров, этой арены классического рабочего восстания, — все это с еще большей силой выделяет эффективность партизанской войны как формы восстания.

Мы совсем не хотим сказать, что гипертрофированный милитаризм, чудовищная концентрация и смертоносность современного оружия исключают возможность победы такого вооруженного восстания, главным очагом которого оказалось бы городское восстание. В подобную ошибку впадают иногда слишком рьяные пропагандисты партизанской войны, преподносимой ими в качестве универсального рецепта. *Эти люди, греша односторонностью, забывают о социальных и политических предпосылках, о географических факторах, т. е. о предпосылках, которые в тех случаях, когда их творчески учитывали, почти всегда приводили к успеху партизанской войны. Мы же думаем, напротив, что по мере углубления революционного процесса в мире и в Латинской Америке с новой силой возродится и обновится классическая форма вооруженного восстания в ряде стран и районов. Более того, подъем и распространение партизанских выступлений могут привести к законченной революционной ситуации, причем очаг вооруженной борьбы переместится и восстание в главных политических и социальных центрах снова станет осью борьбы за власть, а партизанские действия из главного отправного пункта вооруженной борьбы превратятся во вспомогательную форму решающего сражения.*

Нам представляется ошибкой недооценка реальной возможности подобного хода событий; нам кажется неправильным тот взгляд, согласно которому вооруженные действия надо предпринимать только тогда,

когда возникнут классические условия или когда главный военный фактор победы, например городское восстание, станет уже вопросом практики. Факты говорят о другом.

Наконец, распространенность партизанской войны вызывается глубокими социальными и политическими мотивами, но она имеет и технические причины. С этой точки зрения партизанская война — это ответ народа на кажущееся всемогущество современных военных средств. Это ответ слабого пока в военном отношении (но сильного с социальной и исторической точек зрения) вооруженному до зубов угнетателю; тем самым народ выбирает себе высшую форму борьбы, которая ему более выгодна. Генерал Во Нгуен Зиап выделяет это техническое обстоятельство, когда определяет партизанскую войну во Вьетнаме. Приведем здесь полностью соответствующий отрывок из его книги «Народная война, народная армия», ибо это позволяет нам дать наглядное представление также относительно прочих обстоятельств:

«Затяжная война во Вьетнаме потребовала также соответствующих приемов борьбы, приспособленных к самой природе революционной войны и к соотношению сил в такой момент, который характеризовался явным превосходством врага и еще очень слабой материальной и технической базой народной армии. Этот метод называется партизанской войной... Партизанская война — это война народных масс экономически отсталой страны, восставшей против сильно вооруженной и хорошо натренированной армии агрессора. Если враг силен, то его избегают; если враг слаб, его атакуют; его современному оружию противопоставляется безграничный героизм, необходимый, чтобы сломить его, нападая на него и уничтожая его, смотря по обстоятельствам, сочетая военные операции с политическими и экономическими действиями; при этом нет какого-то твердого водораздела: фронт проходит повсюду, где есть враг»⁴⁵.

⁴⁵ Gen. Vo Nguyen Giap, Guerra del pueblo, ejército del pueblo, ya cit., p. 64.

Вьетнамский генерал Хоан Ван Тхай пишет: «Эти формы (партизанские формы борьбы) соответствуют тактике победоносного противопоставления слабого сильному, рудиментарного современному. Эти формы приводят к тому, что враг, несмотря на любое превосходство в воздушных, морских, моторизованных силах и в другом снаряжении, не может найти средств, способных эффективно противодействовать им»⁴⁶.

Ясно, что по мере распространения партизанской войны, которая организуется все более правильным образом в результате участия революционных партий и групп, технические средства также могут быть усовершенствованы. Может случиться, что подвижность, наступательность и тактическое превосходство, свойственные партизанским действиям, будут расти с каждым боем в результате применения современного оружия, которое затем пополнится захваченным у врага. Но по общему правилу партизанская война всегда будет начинаться тогда, когда военное соотношение сил в целом неблагоприятно для революционеров, ибо в противном случае они прибегли бы к вооруженному восстанию как единичному акту, вместо того чтобы проходить тяжелую школу наращивания более или менее мелких схваток, уклоняясь от решительных сражений и ставя на службу повстанцу во все больших размерах пространство и время.

3. ОСОБЕННОСТИ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ И ОБЩИЕ ЗАКОНЫ ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ

Если мы освободимся в ходе нашего анализа от любых предвзятых положений (независимо от того, предлагаются ли они под видом бунта ради ликвидации других застывших положений или нет), то встретим множество своеобразных черт партизанской войны как стратегии народной борьбы, но подчиненной действию известных общих законов, которые отличают марк-

⁴⁶ Gral. Hoan Van Thai, Algunos aspectos de la guerra de guerrillas en Viet Nam, Ed. en Lenguas Extranjeras, p. 18.

систско-ленинскую теорию восстания от буржуазных и мелкобуржуазных концепций. Постараемся же выяснить эту диалектическую взаимосвязь в теоретическом плане, не вдаваясь в рассмотрение сугубо технических вопросов.

На первый взгляд эта партизанская война так, как она проявляется на арене современной революции, отличается от типичного восстания, подобного образцовой операции большевиков Петрограда или равного ей, следующими главными особенностями:

1. В то время как при типичном вооруженном восстании час и день начала военных действий практически совпадают с часом и днем взятия власти, партизанская война основана на стратегии, разделяющей эти два момента. Одна из характернейших черт хорошо подготовленного восстания, рассматриваемого «как искусство», заключается в том, чтобы выиграть за считанные часы или дни битву за власть благодаря исключительно наступательной тактике против политических, экономических (энергетика и коммуникации), военнотехнических центров определенной страны. Партизанская война, взятая в ее обобщенном виде, а именно сельская партизанская война, преднамеренно исходит из стратегии «затяжной войны», она избегает главных политических населенных центров и вообще крупных городов, так как там сосредоточена максимальная военная мощь врага, а партизанская война имеет целью подвергать врага ударам на протяжении долгого времени, измотать его, принуждая к борьбе там, где он не может развернуть свои войска, не может легко и быстро обнаружить свою мощь и свои преимущества.

В классическом вооруженном восстании превосходящая военная сила государственного аппарата (продукт организации, подготовки, профессионализации кадров, естественной концентрации, не ограничиваемой секретностью, и т. д.) должна быть компенсирована и превзойдена полным совмещением критических факторов революционной ситуации, выбором подходящего момента, даже часа начала операции. При этом полностью используются такие факторы, как неожиданность, внезапный удар по центрам «нервной» системы,

способный парализовать врага, возможное использование или нейтрализация части вооруженных сил, и прежде всего используется фактор боеспособности революционного класса и его авангарда, способных увлечь за собой остальной народ. Напротив, партизанская война исходит из того, что в данный момент невозможно добиться такого внезапного исхода. В одних случаях потому, что такая попытка уже окончилась поражением после первоначальных успехов (Китай, Вьетнам после восстаний в Ханое и Сайгоне и французской интервенции и т. д.). В других случаях потому, что восстание, даже восстание, подготовленное по всем правилам искусства, не имеет шансов на победу в короткий срок или имеется уверенность в последующей интервенции мощных сил врага, которые могут, вероятно, разгромить повстанцев в регулярной войне даже и после их первоначальных успехов. В качестве такого примера можно назвать положение в странах Европы после их оккупации немецко-фашистскими войсками: здесь окончательная победа зависела, если брать широкий стратегический аспект, от разгрома гитлеризма Советским Союзом, партизанские операции в свою очередь способствовали этому разгрому. Наконец, может представиться такой случай, когда общая социально-политическая картина благоприятствует революции, но типичное вооруженное восстание не вписывается в ближайшую перспективу, так как рост субъективного фактора не соответствует зрелости объективных условий, а военно-полицейская сила репрессивного аппарата сдерживает массовый взрыв; в этом случае партизанская война рассчитана на то, чтобы подтянуть отстающие участки, сгладить неравномерность и ускорить весь процесс. Несмотря на очевидные различия между ними, сюда могут быть отнесены примеры Кубы и Алжира.

2. Собственно технические законы партизанской войны представляют собой применение общих законов войны к частным случаям, обусловленным вышеуказанными обстоятельствами. Высший принцип любой вооруженной операции — добиться абсолютного превосходства в решающем месте и в решающих условиях —

(К. Маркс и В. И. Ленин с военной четкостью приспособляют его к нормам типичного восстания) становится в партизанской войне общей директивой для множества схваток, для каждой тактической операции, а не только для отдельных сражений. Этот принцип ставится на службу такой стратегии, которая призвана помешать врагу обратить это положение против партизан. Наступательность тактики, основанная на достоверности информации, внезапности, мобильности, способности нанести удар, скрыться, а затем снова атаковать, при максимальном знании и использовании всех выгод местности — вот что характеризует формы партизанских операций. В то же самое время стремление навязать решающее сражение — в идеальных для военного специалиста условиях окружения и полного уничтожения противника — это главная форма противопартизанской операции.

3. Как известно, В. И. Ленин оставил нам в качестве одного из великих заветов знаменитый тезис: «Для марксиста не подлежит сомнению, что революция невозможна без революционной ситуации, причем не всякая революционная ситуация приводит к революции»⁴⁷.

Мы уже постарались доказать, что В. И. Ленин показал здесь, как и в другом случае, характеризующем совпадение *объективных и субъективных* факторов, законченную идеальную картину, в которой нуждаются и которую желают иметь марксисты для штурма, чтобы взять власть. Но Ленин никогда не утверждал, что история не поставит их в иные обстоятельства, когда марксисты окажутся вынужденными взяться за оружие с намерением создать ситуацию, увенчивающуюся взятием власти. Больше того, после 1905 г. Ленин изучал другую возможность, а именно партизанские операции, которые подготавливают назревающее новое восстание.

Как раз наиболее важной особенностью партизанской войны является то, что она не всегда возникает в условиях конкретной, типичной и идеальной рево-

⁴⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 218.

люционной ситуации. В одних случаях партизанская война связана с революционной ситуацией общего характера (возможно, в Европе, оккупированной нацистами, или в зонах Азии, Африки и Латинской Америки), но при этом нельзя сказать, что в момент начала вооруженных операций в той или иной стране обязательно полностью совпадали все рассматриваемые факторы. В других случаях, например в Китае после упоминавшегося поражения в 1927 г., образуются красные опорные базы, одно из значений смысла существования которых состоит в *стратегическом выжидании, в предвидении того, что эволюция приведет со временем к революционной ситуации в общенациональном масштабе*. Если произойдет последнее, как тогда проанализировала это явление Коммунистическая партия Китая, то небольшие красные районы станут одним из факторов, способствующих созданию условий, которые позволят взять власть во всей стране. Об этом же ясно говорил и генерал Хоан Ван Тхай: «На этапе, предшествовавшем августовской революции 1945 г., именно благодаря развертыванию партизанской войны в районах, где это было возможно, удалось создать революционные условия для успешного проведения восстаний в областном масштабе и общего восстания. На том этапе партизанская война была формой вооруженного восстания для захвата власти, была вопросом революционной стратегии»⁴⁸.

На Кубе, как это проанализировали Фидель Кастро и другие ее руководители, партизанская война с ее своеобразными чертами вписалась в общий социальный процесс, который оказал огромное воздействие на массы и завершился свержением диктатуры; вероятно, можно сказать, что в 1958 г. Куба уже являла собой

⁴⁸ Hoan Van Thai, op. cit., p. 18. В некоторых местах партизанская война началась с вооруженной самообороны в крестьянских районах. Наиболее типичный пример тому — борьба, начатая Маруландой, одним из руководителей Коммунистической партии Колумбии, которая продолжается уже более 20 лет. См.: "Diario de un guerrillero colombiano", Buenos Aires, 1968; Agenas J. Diario de la resistencia de Marquetalia. Praga, 1969; "Colombia en pie de lucha", Praga, 1966

картину совершенно типичной конкретной революционной ситуации.

4. Общие законы вооруженного восстания проявляются особенным образом в партизанской войне. Мы даем такое название сочетанию принципов и норм, которыми марксистско-ленинская партия должна руководствоваться, когда принимает столь ответственное решение перейти к вооруженной борьбе за власть. Ими руководствовался В. И. Ленин в своей теоретической и тактической деятельности в русской революции. Одни его указания относятся к принципам, другие имеют тактическое значение, то есть меняются в зависимости от политических или военно-технических перемен. Но и последними отнюдь нельзя пренебрегать. «Не играть с восстанием», — неоднократно предупреждают К. Маркс и В. И. Ленин. Это предупреждение распространяется решительно на все случаи. В этой области недопустимы никакие опрометчивые решения, здесь нет места ставке на случай. *Эмоциональные реакции или политическая нетерпеливость не заменяют научного анализа ситуации и хладнокровного принятия соответствующих решений. За ошибки приходится расплачиваться слишком дорогой ценой. Пренебрежение общими нормами, которые определяют возможность успеха и которые связывают повстанческое предприятие с определенной расстановкой социальных классов и политических сил, может стоить жизни ценнейшим революционным кадрам и в то же время может надолго отдалить дату победы революции.*

Напротив, *научное отношение к моменту восстания с его строгими правилами отнюдь не уменьшает революционный пыл и неприменную смелость мысли и действия*, которые для этого требуются.

Эти нормы предохраняют от наиболее распространенных ошибок: от мещанской боязни революционного насилия, когда оно требуется, и от ее незваного, но неперемногого спутника — авантюризма. Эти уклоны с чуть ли не фатальным постоянством выплывают на поверхность в периоды революционного подъема или жестоких репрессий, часто следующих вслед за поражением. Иногда эти уклоны проявляются в классиче-

ских формах, в других случаях — в замаскированном виде. Они могут обнаружиться в виде одностороннего истолкования исторического процесса, что выражается в приспособливании к политическому моменту относительного затишья, а на противоположном полюсе — в виде бланкистского низведения тактического богатства к одной-единственной форме вооруженного действия.

Эти однобокие рецепты с претензией на исключительность известны ныне, и они изучаются североамериканскими экспертами психологической войны так же, как их «зеленые береты» и другие убийцы — душители народов — изучают антипартизанские операции. Распространители их «серой» или «черной» пропаганды пишут в журналах и газетах, делая ставку на эти уклоны как на средство раскола и развала партий, групп и движений, являющихся потенциальными союзниками в нашей освободительной борьбе.

И даже кажется естественным, что вокруг партизанской войны разгорается спор между односторонними и взаимоисключающими точками зрения. Это дает им столь обильную пищу! Ведь именно партизанская борьба растягивается на длительный срок с момента начала вооруженной борьбы до момента взятия власти. Вот в этот-то разрыв и устремляются оба уклона, играя на нем. Одни отвергают партизанскую войну с порога, ссылаясь на классические образцы, отлучая целомудренным декретом, вынесенным от имени теории. Другие обожествляют ее, приписывая ей чудодейственные свойства.

Авантюризм возводит в ранг теории саму партизанскую борьбу, причем ни место, ни время его уже не интересуют. Если не обязательно считаться с наличием типичной революционной ситуации, то каждый революционер или группа, к которой он принадлежит, в его глазах становится чем-то вроде Зевса — хозяином своих собственных громов и молний революции. Замечательный исторический опыт, достойный изучения и включения в арсенал нашей латиноамериканской борьбы, авантюризм превращает то ли в психологическую реакцию, то ли в волюнтаристскую концепцию

восстания или, того хуже,— в предмет спекуляций. Не менее отрицательным представляется и бесперспективность, бескрылость в вопросах теории и тактики, которые завораживают других, обрекая на прозябание. А в живой жизни эти типы дополняют один другого, они оказывают взаимные услуги, запутывая вопрос настолько, что в конце концов становится трудно разобраться, о чем же идет спор. И вот авантюризм преподносит шоры обыденщине, которая признает в историческом процессе одни общие закономерности или прототипы, забывая, что русская революция, прежде чем она стала классической, беспощадно разломала подставленные ей костыли известных посылок, выдававшихся за классические.

И перед нами развертывается диалог, целиком построенный на этих фальшивых посылках. Его было бы забавно слушать, если бы речь не шла о судьбах нашей революции.

Одни кричат: подходят только партизанские действия! Все остальное, в смысле форм борьбы, оценки момента революции, даже выбора формы вооруженной борьбы,— это реформизм или предательство.

Другие им отвечают: превозносить современную партизанскую борьбу с ее потенциальными возможностями? Доказывать ее животворность в освободительной эпопее Латинской Америки? Искать ее истоки в известных особенностях нашей революции? Утверждать о ее ответственности в определенных условиях? Изучать ее, подходя к ней как к частному случаю вооруженного восстания в свете марксистско-ленинской теории? Фу! Да ведь это же значит впасть в партизанщину, в левый оппортунизм!

Можно было бы продолжать это «доказательство от противного», применяя его к полемике, которая внешне выглядит куда мудренее и сложнее. Но мы вовсе не преувеличиваем: порой заходят еще дальше, и тогда мы можем прийти к опасному теоретическому противопоставлению *партизанского отряда партии рабочего класса*, а случается и такое.

На самом же деле, как сказал бы коренной уругваец, нам нечего отрачивать космы, которые пачкали бы

пиджак, но незачем и тереть лысину, пока не обнажатся мозги...

И в данном случае нам может помочь обращение к Ленину. В диалектическом мышлении — основе его метода — надо обрести способность разглядеть своеобразие новых форм революции, не отдавая себя во власть близорукости эмпиризма, и непременно надо считаться с общими закономерностями, позволяющими научно анализировать события.

Не стоит забывать, что ставшие классическими произведения В. И. Ленина, которые излагают общие законы вооруженного восстания, были написаны им в ответ на нападки тех, кто приклеивал ему ярлык бланкиста! Я имею в виду «Марксизм и восстание» и «Письмо к товарищам» — два самых важных документа в период подготовки Октября, которые мы разбирали в первой главе.

А все, что могло быть от авантюризма в отдельных неудачных попытках партизанской борьбы в Латинской Америке, состоит именно в забвении общих закономерностей.

Постараемся же обобщить высказывания В. И. Ленина по этим вопросам, выделив некоторые черты:

1. Для марксиста любая форма вооруженной борьбы, а потому и форма партизанской борьбы, может рассматриваться только в тесной связи с определенной экономической, политической и социальной ситуацией; военно-техническая сторона, которая может стать решающей, если правильно оценивается политический момент, никогда не может сама по себе заменить необходимые социально-политические условия.

2. Исход всякой вооруженной борьбы определяется в конечном счете не только тем, отвечает ли она объективным условиям, которые оправдали бы ее; этот исход зависит от того, опирается ли авангард или ведущие эту борьбу социальные силы на поддержку масс и способны ли они затем вовлечь эти массы в битву за власть. Партизанские действия требуют определенных политических условий и необходимой поддержки масс. Без этого невозможно увлечь «большинство наро-

да» с позиций благожелательного созерцания этой борьбы на позиции активного сотрудничества с революционерами. Ясно, что процесс завоевания масс, «большинства», настаивал В. И. Ленин, надо рассматривать в динамике, в диалектическом взаимоотношении массы и авангарда, а не оппортунистически. Это результат *комплексного взаимодействия программы, агитации и революционных действий партии* — авангарда, который помогает массам учиться на собственном опыте, а не отсиживаться в ожидании кризиса или стихийного взрыва возмущения.

3. Выбор момента для начала вооруженной борьбы также не безразличен для партизанских действий. Он не обладает такой настоятельной непреложностью, какая наблюдается в классическом восстании, но нельзя недооценивать заботу о благоприятной конъюнктуре. Бывают моменты, когда можно рассчитывать на большее сотрудничество масс, на почин наиболее активных слоев, когда больше народных волнений, когда очевиднее изоляция правительства, а в другое время этого не наблюдается.

Забвение потенциальных выступлений масс или их недооценка — опасная ошибка. Не учитывать роли масс в планах вооруженного восстания — значит впасть в бланкизм, который полагает, что все необходимые условия могут быть созданы самой вооруженной борьбой.

4. Эта борьба должна руководствоваться определенной программой, ориентироваться на известную социальную силу, иметь классовую цель; в связи с этим авангард пролетариата, коммунистическая партия, должен определить свое отношение к ней — будет ли он участвовать в этом высшем вооруженном выступлении или организует его.

Руководящая роль революционной партии рабочего класса является неизменным условием победы социалистической революции. Вооруженная борьба не только не исключает этого требования, а делает его еще более настоящим. Могут быть исключения из этого правила, но в конце концов они вызывают впоследствии осложнения и трудности.

Проявляются ли эти общие закономерности в повстанческих партизанских действиях?

Конечно, да. Социально-политическая картина, при которой решают начать партизанские действия, может не отвечать условиям конкретной и зрелой революционной ситуации. Но если нет известных условий, тем более если можно предвидеть, что в перспективе партизанской борьбе нечего рассчитывать на подталкивание событий к возникновению конкретной революционной ситуации, то было бы авантюрой бросаться в подобные операции. Если бы не было Батисты, не имели бы такого отклика штурм казарм Монкада, нападение на президентский дворец или высадка с «Гранмы». В годы правления Прио, несмотря на коррупцию и отдельные преступления этого режима, еще не сложились политические условия, которые впоследствии вызвали героические марши в Сьерра-Маэстра. Без Баррьентоса вряд ли приобрели бы такое звучание в боливийском и континентальном масштабах вещи выстрелы в Ньянкауасу, несмотря на поражение этой партизанской попытки и гибель Че Гевары. Не зря Ф. Энгельс и В. И. Ленин — применительно к классическому вооруженному восстанию, генерал Во Нгуен Зиап, Фидель Кастро и Эрнесто Че Гевара — применительно к партизанской войне — так настойчиво подчеркивают условие: когда «легальные пути борьбы закрыты». Никто не поверит, будто они проповедуют филистерскую легальность во что бы то ни стало. Дело в том, что такая предпосылка входит в число политических факторов восстания, ибо тогда существует пробный камень, на котором массы оттачивают свой опыт, он сказывается на позиции мелкой буржуазии и даже других слоев населения, принадлежащих к демократическому лагерю. Ленин напоминает об этом в «Письме к товарищам»: «...если экономическое положение страны внушает серьезные надежды на благоприятное разрешение кризиса мирными и парламентскими средствами»⁴⁹. В другой части нашей книги много места отведено замечаниям Ф. Энгельса о легальности. Мы

⁴⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 416.

могли бы сослаться — когда речь идет о партизанской войне — на многочисленные выступления Фиделя Кастро. В свою очередь Эрнесто Гевара в своей книге «Партизанская война» по этому поводу пишет: «Конечно, когда речь идет об условиях, необходимых для революции, нельзя думать, что они могли быть целиком созданы партизанским очагом. Но надо исходить из того, что всегда существует минимум необходимых условий, которые делают возможным создание и укрепление первого партизанского очага.

Иными словами, надо ясно показать народу, что борьбу за социальные требования невозможно вести лишь мирными средствами. Ведь мир нарушается именно эксплуататорскими силами, которые незаконно удерживаются у власти.

В этих условиях недовольство народа приобретает все более решительные формы и размах и выливается в сопротивление, которое в определенный момент приводит к началу борьбы, вызванной действиями властей.

Там, где правительство пришло к власти более или менее демократическим путем (пусть даже при этом дело и не обошлось без фальсификации) и где поддерживается по крайней мере видимость конституционной законности, возникновение партизанского движения исключено, поскольку еще не исчерпаны возможности борьбы мирными средствами»⁵⁰.

И в своем предисловии к книге генерала Во Нгуен Зиапа, ссылаясь на мнение вьетнамского руководителя, Гевара снова, на этот раз уже прямо, настаивает на том, что «вооруженная борьба оказывается возможной при тех условиях, когда потерпели неудачу мирные методы освободительного движения»⁵¹.

Не будем пока ссылаться еще и на суждения Эрнесто Гевары и Фиделя Кастро об Уругвае, суждения, на основании которых лишь глупец мог заподозрить тех, кто их высказал, в оппортунистических настроениях⁵².

⁵⁰ Э. Че Гевара, Партизанская война, М., 1961, стр. 12.

⁵¹ E. Che Guevara, Prologo a "Guerra del pueblo, ejército del pueblo"; Obras 1957—1967, La Habana, 1970, t. I, p. 180.

⁵² См.: E. Che Guevara, Obras 1957—1967, La Habana, 1970, t. II, p. 472.

4. ВОЗНИКНОВЕНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ПАРТИЗАНСКОЙ ВОЙНЫ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Специальное изучение различных попыток развертывания партизанских действий в Латинской Америке после победы кубинской революции не входит в задачи данной книги. По-видимому, к тому же это нам не по силам. К сожалению, еще не настало время, чтобы коммунистические партии и другие организации оказались в состоянии предпринять коллективное исследование этого явления с необходимой научной выдержанностью, которая не исключает, а, напротив, предполагает готовность вести спор. С другой стороны, еще свежи в памяти и даже не остыли жаркие полемические схватки, вызванные в континентальном революционном движении перипетиями партизанской войны в некоторых странах. Мы вовсе не стремимся выступать в качестве безответственных зачинщиков новых схваток. Мы особенно заинтересованы в том, чтобы выявить некоторые моменты, которые определяли позицию партии, вдохновляемую принципами боевой солидарности, независимо от разницы взглядов или оттенков мысли с отдельными участниками латиноамериканских партизанских действий. По отношению к самому крупному из этих событий — исторической попытке Гевары в Боливии — наша позиция была позицией полной и последовательной солидарности, хотя мы всегда отдавали отчет в риске, сопровождавшем это небывалое предприятие, риске, усугубленном расколами, которые произошли уже после начала этой операции.

Большое плодотворное коллективное исследование партизанской войны, которая идет в последнее десятилетие в Латинской Америке, должно было бы ответить на те же вопросы, которые В. И. Ленин поставил в связи с русской действительностью. Последовательность этих вопросов могла бы выглядеть примерно так:

Как появляется, распространяется и какие формы принимает партизанская война в Латинской Америке?

Кто ее участники?

Каковы ее причины?

Каково ее отношение к общему развитию революции в Латинской Америке? Каковы ее связи с рабочим классом и его партиями?

Если мы берем за отправной пункт то положение, что независимо от частного исхода тех или иных партизанских действий эта форма борьбы окончательно вошла в арсенал коллективного опыта наших народов, то ответы на поставленные вопросы представили бы интерес не только для историка, изучающего наше недавнее прошлое. Они живо интересуют и теоретиков и тактиков. Ведь таким образом познается практика нашей освободительной революции.

В связи с этим здесь уместно напомнить о следующем высказывании В. И. Ленина:

«Мы не имеем ни малейших претензий на то, чтобы навязывать практикам какую-нибудь сочиненную форму борьбы, или даже на то, чтобы решать из кабинета вопрос о роли тех или иных форм партизанской войны в общем ходе гражданской войны в России. Мы далеки от мысли видеть в конкретной оценке тех или иных партизанских выступлений вопрос **направления** в социал-демократии. Но мы видим свою задачу в том, чтобы помочь по мере сил **правильной теоретической** оценке новых форм борьбы, выдвигаемых жизнью;— в том, чтобы бороться беспощадно с шаблонами и пред-рассудками, мешающими сознательным рабочим правильно поставить новый и трудный вопрос, правильно подойти к его разрешению»⁵³.

⁵³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 11—12.

К советским читателям книги «Ленин, революция и Латинская Америка»¹

I. НЕОБХОДИМЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

Когда мои советские друзья сообщили мне больше года назад, что имеется намерение перевести на русский язык эту книгу и издать ее в Советском Союзе, я, признаюсь, испытал наряду с чувством благодарности определенное беспокойство. Конечно, не в первый раз мне приходится встречаться с советским читателем, образованным и чрезвычайно требовательным в теоретических вопросах, — многие мои работы, в том числе несколько книг, уже раньше удостоились чести быть опубликованными в Советском Союзе, а помимо этого, в СССР много людей, знающих испанский язык — в том числе немало ученых, занимающихся исследованием общественных проблем стран Латинской Америки и жадно поглощающих наши издания. Но мое беспокойство имело и имеет другие причины.

Цель этой книги — изучение основных аспектов теории международной социалистической революции в связи с современной борьбой в Латинской Америке.

Наши народы участвуют в этой революции, привнося в нее свой собственный опыт. Этот опыт отличается своеобразными и порой даже никогда ранее не встречавшимися чертами, и следует предполагать, что в ходе развития революции еще больше проявится ее своеобразие в каждой стране. В то же время это еще одно свидетельство теоретической и методологической ценности ленинизма. И нынешнее десятилетие, начало которого

¹ В Уругвае эта работа вышла в 1972 г. под названием: R. Arismendi, Uruguay y América Latina en los años 70. Montevideo, Ediciones Pueblos Unidos, 1972, p. 100.

отмечено 100-летием со дня рождения В. И. Ленина, еще более блестяще подтверждает это положение.

Следует сказать, что мы не пытались рассмотреть все проблемы нашего революционного времени, связанные с учением гениального вождя. Эту задачу даже приблизительно нельзя выполнить без коллективного участия всех коммунистов, по крайней мере нашего континента. В этом смысле данная работа ограничена соответствующими рамками, не следует рассчитывать на то, что она может служить своего рода вычислительной машиной, имеющей ответы на все вопросы.

Кроме того, в отличие от других ценных трудов, написанных в связи со столетием со дня рождения В. И. Ленина, мы преследуем гораздо более скромные цели — хотим показать, как теоретическая и политическая линия Коммунистической партии Уругвая вдохновляется ленинизмом и как некоторые наши конкретные проблемы связаны со значительной частью латиноамериканской проблематики. И уже исходя из этого — и только из этого — мы расширили наши поиски на сферу сопоставлений и разъяснений, данных международным коммунистическим движением.

Не покажется ли неполной для советского читателя книга, которая имеет такие ограниченные цели?

В кратком пояснении «От автора», которое предшествует этой книге, мы уже говорили о первоначальной цели данной работы. Мы намеревались резюмировать в первом томе книги выводы, к которым мы пришли в других весьма разрозненных работах, входящих в виде отрывков или извлечений в доклады, статьи, брошюры и книги о материальной базе латиноамериканской революции, то есть показать социально-экономическую эволюцию капиталистической зависимой структуры Латинской Америки с конца второй мировой войны. Этот том, который остался на уровне папок с материалами и заметок, должен был выполнять прежде всего дидактические функции, поскольку в отличие от того, что было лет десять назад, сегодня существуют обстоятельные и многочисленные труды ученых-коммунистов, в том числе советских, а также экономистов, находящихся под влиянием марксизма —

в Аргентине, Чили, Уругвае, Колумбии и т. д., — которые глубоко осветили эти темы, что, кстати говоря, было результатом и превосходной их разработки со стороны коммунистических партий.

Хотя эта часть книги не была написана, это не означает, что концепции по данному вопросу, вытекающие из социально-политического анализа латиноамериканского революционного процесса, — концепции, на которых основана книга, не являются строго научными обобщениями или не приближаются к ним. Это ни в коем случае не измышления и не абстрактные гипотезы. Отсутствие первого тома фактически помешало только аналитическому изложению в экономическом плане тех исследований, которые ранее позволили осуществить теоретический синтез. И именно поэтому мы ссылаемся при формулировке выводов, концепций и категорий на материалы, уже опубликованные Коммунистической партией Уругвая за последние пятнадцать лет, в том числе на мои книги, доклады, очерки и статьи (некоторые из них переведены на русский язык). Мы решили не включать, даже частично, экономический анализ в виде отдельных глав в эту книгу. Это нарушило бы ее единство, было бы излишним отступлением, повлияло бы на ее структуру и еще больше увеличило бы размер работы, в которой и без того уже около 500 страниц, а кроме того, сам характер труда обязывает часто прибегать к цитатам, что и так осложняет ее изложение и затрудняет ее чтение и может создать впечатление — если речь идет о партийном работнике, который, как и мы, занят неотложными вопросами, — что ему приходится иметь дело со слишком педантичным изложением вопросов.

Нам кажется также, что советский читатель может задать нам и другие вопросы, как, например:

— Не следовало ли нам включить более детальное изложение нашего опыта единого антиимпериалистического и антиолигархического фронта в его различных формах и проявлениях, — фронта, проблемы которого рассматриваются в докладах и резолюциях XVII, XVIII и XIX съездов партии, или краткое объяснение нашей стратегии и тактики, содержащееся в двух

основных главах работы «Встречи и расхождения университета с революцией», в нашей лекции, прочитанной перед студентами в 1955 г., с которой начинается книга «Мятежный дух молодежи»?

— Или, может быть, мы должны были уточнить положения нашей тактики, подвергающейся испытанию с 1968 г., как это делается в книге «Два анализа: уругвайская ситуация и ее перспективы»? ²

Мы думаем, что этого делать не следует, поскольку мы попытались кратко изложить существенную часть этих положений в соответствующих главах нашей книги. Но другое дело — анализ событий после февраля 1970 г. 1970 г. завершился новым поворотом событий в Латинской Америке, прежде всего в результате победы Народного единства в Чили. В Уругвае этот год также ознаменовался завершением целого исторического этапа процесса накопления революционных сил — образованием Широкого фронта. В декабре того же 1970 г. собрался XX съезд нашей партии, который стал для нас новым, более высоким этапом разработки и обобщения нашей деятельности. С того времени прошло 18 месяцев, в ходе которых мы обогатились новым опытом, начало создаваться новое соотношение сил, что потребовало от нас продолжения анализа и обобщений, неотделимых от бурных повседневных боев.

Все это требует от нас включения в книгу новых оценок и новых суждений. Данное обращение к советскому читателю позволяет нам подчеркнуть некоторые стороны рассматриваемой темы. Легче идти по этому пути, чем актуализировать отдельные главы или добавлять новые, хотя бы по соображениям времени, — и нам всегда приходится писать как бы на ходу.

Наконец, мы хотим отметить еще один факт и выразить нашу благодарность.

Это полемическая книга, такая же полемическая, как и события 60-х гг. для международного коммунистического движения. Может быть, поскольку эта книга была попыткой резко поставить некоторые про-

² См.: "Cuadernos de Estudios", № 1, septiembre 1969.

блемы, она имела успех, выразившийся в ее быстром и широком распространении; однако такая постановка проблемы привела к некоторым недоразумениям. Например, в одном авторитетном органе, имеющем широкое международное хождение, об этой книге было написано, что она содержит спорные аспекты. Автор признает это вполне естественным. Уже В. И. Ленин в работе «Что делать?» предупреждал против застоя, когда речь идет о теоретической работе или об определении идеологических позиций. Но, к несчастью, сказать, что то или это является спорным, не означает спорить — это скорее ведет к ликвидации подлинной критики, а к пей мы все должны быть готовы, чтобы не оказаться персонажем, о котором говорил Стендаль: нет никого злее отвергнутой красавицы или оскорбленного автора...

Мы хотим также выразить нашу благодарность журналу «Коммунист» — высокой официальной трибуне КПСС — за обширную рецензию, посвященную данной работе, что является для нас важным стимулом, а также журналу «Латинская Америка», издаваемому Институтом Латинской Америки Академии наук СССР, за его благожелательный комментарий. Эти мнения имеют для автора, воспитанного в течение более 40-летнего пребывания в рядах Коммунистической партии в духе интернациональной любви к стране Октября и Ленинской партии, неопределимое значение. Мы выражаем нашу признательность и авторам этих статей.

II. ЧИЛИ — ВЕХА НОВОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

Откройте глаза, оскорбленные народы,
Везде есть Сьерра-Маэстра.

Пабло Неруда

1. РАЗВИТИЕ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

С лета 1970 г. в Южном полушарии, когда мы написали последнюю строку книги «Ленин, революция и Латинская Америка», до зимы 1972 г.¹ на континенте произошел ряд новых важных событий. Не все они имеют одинаковое историческое значение и одинаково качественно важны; но в совокупности все они свидетельствуют о необратимой тенденции того курса на развитие революции, начало которому положила Куба более десяти лет назад.

С одной стороны, эти события свидетельствуют о бурном характере времени, переживаемого Латинской Америкой, которое мы определили как «революционную ситуацию общего характера», а с другой стороны, о развитии четырех главных направлений, которые в 1969 г.² господствовали в многообразии социально-политической и идеологической борьбы на континенте.

Тогда мы объединили эти наиболее важные тенденции в четыре большие группы:

1) рост выступлений рабочего класса и народных масс, особенно студентов, — выступлений, которые углубляются и расширяются и в некоторых случаях в ряде стран достигают уровня «высших форм» борьбы. Одновременно угасают или проявляют тенденцию к замиранию партизанские движения, начатые во многих местах в течение десятилетия: одни были разгром-

¹ Лето в Южном полушарии — декабрь, январь и февраль; зима в Южном полушарии — июнь, июль, август. — *Прим. перев.*

² См. гл. 7-ю II части «Ленин и пути революции».

лены военным путем, а другие просто прекратили свое существование в результате развития новой политической обстановки. Приходя к такому выводу, мы не забывали, что в двух или трех странах некоторые группы попытались осуществлять с конца 60-х гг. так называемые городские партизанские выступления. Несмотря на это, для момента, переживаемого Латинской Америкой, характерно подлинное преобладание движения масс с растущим участием рабочего класса как действующей силы. И при всем этом важность подобного положения умалывается международной буржуазной печатью, которая намеренно придает большее значение похищению какого-нибудь банкира, чем систематическим выступлениям сотен тысяч трудящихся, участвующих в стачках, политических демонстрациях и всеобщих забастовках, и росту революционного сознания трудящихся;

2) окончательное укрепление международного положения кубинской революции, о чем свидетельствует ослабление империалистической блокады и дальнейшее развитие кубинско-советской дружбы и солидарности, а также дружбы и солидарности Кубы с социалистическим лагерем;

3) на этом фоне предстает перед нами все значение событий в Перу и в Боливии. Они предупреждают революционные авангарды об объективном назревании критического положения во многих странах и настоятельно требуют создания социально-политической силы демократической и антиимпериалистической революции, то есть создания фронта освобождения. Эти события показывают, что в рамках нынешней ситуации так называемые *пути подхода* часто являются оригинальными и многообразными и в некоторых случаях на этом этапе руководство процессом может паходиться в руках отдельных слоев мелкой буржуазии «в военной форме или без нее»;

4) на этом фоне проявилась и возможность победы на выборах народа Чили со всем ее континентальным значением.

С тех пор ход событий подтвердил развитие этих основных тенденций.

Эти тенденции подтверждаются положением Кубы, во многих аспектах неотделимым от развития освободительного движения Латинской Америки³. Они подтверждаются и систематическими массовыми выступлениями, и ростом роли рабочего класса. Подобную оценку, по нашему мнению, подтверждает и образование политических фронтов и движений народного единства в различных странах. Несмотря на отрицательный исход противоречивого боливийского процесса, события в Эквадоре и Панаме, после событий в Перу, подчеркивают, насколько важно найти путь подхода к революции в условиях столь острого кризиса, как тот, который переживают латиноамериканские общества.

В сентябре 1970 г. народ Чили одержал победу на выборах. И несмотря на все заговоры, Альенде 3 ноября занял пост президента.

В декабре XX съезд нашей партии подтвердил, что «мы присутствуем при крутом повороте в исторической борьбе наших народов за освобождение от американского империализма и от реакционных и антинациональных олигархий»⁴.

Различны «характеристики победивших движений» — в тот момент речь шла о Чили, Перу и Боливии, — «различны формы социального и политического процесса», и «различна степень участия рабочего класса и народных масс в непосредственном руководстве неизбежными преобразованиями». Но «несмотря на различия *этапов, форм и уровня* революционного развития» в каждой из стран и несмотря на «различный *классовый характер* социальных и политических сил, стоящих во главе этих движений», эти движения в целом представляют собой веху новой континентальной действительности, шаг вперед, имеющий стратегическое значение для всего антиимпериалистического движения, и они приводят к новому соотношению сил, одним словом, являют собой качественное изменение.

³ Приезд Фиделя Кастро в Чили так же, как и его краткое пребывание в Перу и его поездка в страны Африки и в социалистические страны, делают этот вывод еще более очевидным.

⁴ Informe Central al XX Congreso del PCU, Rodney Arismendi, "Estudios", p. 17—18.

2. ПРОБНЫЙ КАМЕНЬ ДЛЯ ОДНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Мы считаем, что эта оценка момента, переживаемого Латинской Америкой, сохраняет всю свою силу и в настоящее время.

Вспомним раздел периодизации основных революционных моментов на континенте,—периодизации, к которой мы стремились во многих работах и которая произведена в данной книге.

Мы взяли в качестве исходного пункта первое пятилетие 50-х гг., то есть момент, когда структурный кризис этих обществ начинает выявляться во всей остроте и глубине, порождая новую политическую обстановку. Это обстоятельство связано с третьим этапом общего кризиса капиталистической системы. Обусловленная общим кризисом, подобная обстановка в свою очередь является фактором, влияющим на мировой процесс.

Две революции — боливийская и гватемальская, соответственно возглавлявшиеся национальной буржуазией и мелкобуржуазной интеллигенцией — студентами и молодыми офицерами, — отмечают начало нового периода.

После перерождения боливийская революция, которая исторически является также лебединой песней возможности руководства или гегемонии так называемой национальной буржуазии в нашей демократической и антиимпериалистической революции и вторжения в Гватемалу, организованного ЦРУ, и после свержения Арбенса этот процесс не останавливается. Во всем — от роста рабочих и студенческих забастовок до укрепления или создания коммунистических партий во всех странах, от новых тенденций в литературе и искусстве до взрывов народного гнева, сметающего ненавистные тирании, — ощущается биение революционного времени.

Через пять лет после падения революционной Гватемалы и грубой угрозы, прозвучавшей в выступлении Фостера Даллеса в Каракасе, отлучить любой режим в Западном полушарии, который мог бы «пахнуть» коммунизмом, Фидель Кастро обосновывается в Гаване,

расположенной под самым носом у американской империи.

Кубинская революция, которая за короткий срок осуществила свои радикально-демократические и антиимпериалистические задачи, провозглашает социалистические цели. Таким образом, начинается новый исторический период. Этот поворотный пункт не определяется формальными особенностями своеобразия самой борьбы. Определение ему дает сама великая история.

Победа революции на Кубе характеризуется прежде всего двумя моментами, один из которых имеет всемирно-историческое, а другой — широкое латиноамериканское значение. Эти моменты: а) заявление о приверженности марксизму-ленинизму, предшествующее вступлению в социалистический лагерь, и б) глубина кризиса латиноамериканских обществ и вытекающее из этого положение о проблеме народной власти как конкретно-исторической цели перед нашими народами. Тем самым континентальный процесс получает могучий стимул.

Этот период охватывает несколько больше десятилетия. Он начинается с Кубы и кончается Чили.

Чилийская победа отмечает начало нового исторического периода. Она — узловой пункт качественного изменения, хотя к ней и прибавляются другие события, такие, как установление прогрессивного антиимпериалистического правительства в Перу, что свидетельствует о многогранности революционного развития в момент поворота. Так мы его и оценили, попутно предостерегая против любого упрощения и схематизма.

Общую картину — в момент вступления наших народов в этот период — можно охватить только в ее диалектическом становлении. Ее определяют все взаимодействующие друг с другом факторы, как в большой и подвижной мозаике от Кубы до Чили, и, в другом плане, от изменений различного значения, происшедших в Перу, Эквадоре и Панаме (потерпевшая поражение Боливия продолжает занимать важное место, являясь поучительным уроком), до углубления борьбы классов, сопровождаемой ростом политической роли

и масштабов выступлений пролетариата, выступлениями части средних слоев, занятых умственным трудом, процессами, происходящими в лоне церкви и в вооруженных силах и т. д., а также сужением социальных, политических и идеологических основ империалистического господства США и образованием политических народных коалиций в различных странах, например в Уругвае, Аргентине, Венесуэле, Коста-Рике, Сальвадоре и др.

Тем не менее определяющую роль в этом качественном изменении играет победа чилийского народа. События, развернувшиеся там после победы народа на выборах, выражают существо нашей эпохи, как Куба выразила его еще раньше своим героизмом.

Это обстоятельство создает новую головоломку для империализма, но одновременно огорчает и многих европейских и даже североамериканских авторов, которые готовы солидаризироваться только с толкованиями мелкобуржуазных революционных групп или предложить себя в качестве придворных советников латиноамериканской революции. Куба уже не нужна им после провала глупой попытки противопоставить ее СССР и социалистическому лагерю. Чили парализовало их активность не столько крахом нелепых схем, сколько решающей ролью рабочего класса и коммунистов, находящихся в центре событий.

Суждения «крайних левых» нужны этим людям для того, чтобы затемнить классовое содержание политических факторов, групп и партий и таким образом отождествить различные по своей социальной природе силы, участвующие в антиимпериалистическом революционном движении, то есть для того, чтобы отвергать всемирно-историческую роль пролетариата в революции в нашу эпоху.

Это затемнение позволяет им подчинить теоретико-политические и идеологические определения обожествлению методологии. Вполне естественно, что теоретический вакуум заполняется затасканной «третьей позицией». Антисоветизм европейских ревизионистов сочетается у них с культом «прямого действия» латиноамериканской мелкой буржуазии.

Эти новомодные теоретики прибегают к жульничеству, изобретенному Аяа де ла Торре *, хотя, конечно, они не собираются открыто встать на позиции этого столь известного, но еще не похороненного политического труппа. И это относится даже к тем, кто клянется «марксизмом-ленинизмом» собственного изготовления. В свои молодые годы этот дряхлый старик, основатель АПРА, тоже ведь претендовал на должность верховного жреца «индо-американского марксизма».

Историческое значение чилийской победы нужно рассматривать прежде всего с классовой точки зрения, то есть в соответствии с революционной концепцией пролетариата, и уже затем, во вторую очередь, нужно видеть в Чили передовой отряд антиимпериалистического и демократического движения Латинской Америки. Иными словами, победу в Чили нужно рассматривать в ее двояком качестве: как часть международной социалистической революции и в то же время как выражение и фактор национально-освободительного движения наших народов.

Что касается первой стороны вопроса, то необходимо отметить, что в Чили одержал победу, по существу, союз пролетариата с широкими средними слоями города и деревни, что это произошло в стране, где господствуют капиталистические отношения, хотя и зависимой от империализма, и что эта коалиция сплачивается вокруг ее стового хребта — прочного союза коммунистической и социалистической партий, вокруг программы, которая четко ориентирована на социализм после осуществления переходных демократических и антиимпериалистических мероприятий.

Эта ясная теоретическая оценка не уменьшает ценного значения второй неотъемлемой стороны вопроса, а именно связи чилийского процесса со столь своеобразной проблематикой большинства народов нашего

* Аяа де ла Торре, Виктор Рауль (р. 1895) — перуанский реакционный политический деятель, один из основателей Американского народно-революционного альянса (АПРА), позднее получившего название «народной партии», которая выражает интересы крупной буржуазии и иностранного капитала, но использует «революционную» демагогию.— *Прим. ред.*

континента, стоящих перед демократическим и национально-освободительным этапами борьбы. Эта оценка не ведет нас к сектантству, напротив, сектантство всегда вытекает из теоретической путаницы и, как правило, является излюбленной формой выражения взглядов радикализировавшегося мелкого буржуа. Тот, кто сомневается в этом, может, хотя бы бегло, прочесть Маркса и Ленина...

3. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ОСЬ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ И АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ НАШИХ НАРОДОВ

С другой стороны, чтобы дать научную оценку новой ситуации, необходимо вспомнить совокупный, диалектический, идущий по восходящей спирали, а не по кругу характер исторического развития. Чили на пороге 70-х гг., как было с Кубой в течение всего предшествующего периода, не есть, рассматривая это событие с исторической и политической точек зрения, только Чили. Это Куба плюс Чили. Чилийский феномен — это событие, имеющее большое значение для Латинской Америки не только потому, что знамя социализма развевается над узкой полосой земли у подножия Анд. Это — распространение социализма на континенте. Это — срыв натиска американских империалистов и местных олигархий, которые сначала стремились ликвидировать социализм на Кубе, а потом запретить его в границах непокорного острова, особенно с того момента, когда они увидели, что поддержка Кубы Советским Союзом и социалистическим лагерем и международная солидарность мешают им ликвидировать столь опасное «нововведение».

Это — отправной пункт для характеристики нового момента латиноамериканской действительности.

Это — главное событие, характеризующее поражение латиноамериканской стратегии Вашингтона с момента боев на Плайя-Хирон. В свете этого определения приобретают другие контуры, самую ясную политическую перспективу, также и события, происшедшие

до сентября 1970 г., которые сами по себе имеют социально-прогрессивный и национально-освободительный характер, как и события в Перу.

Чили сегодня — это основа для появления «повой Кубы», а ведь руководители американского империализма поставили перед собой задачу не допустить этого. Они подчинили этой цели свои основные плапы, используя все возможное: от почившего в бозе «Союза ради прогресса» вплоть до культивирования гориллизма, характеризующегося убийствами и продажей интересов родины, центром которого продолжает быть Бразилия; от антикоммунистической психологической войны и контроля над средствами массовой информации до антипартизанских курсов и придания полицейских функций армиям. Тем не менее история, как всегда, сказала свое последнее слово. И появилась «новая Куба», на этот раз на *«большой земле»*, в одной из немногих стран с давними традициями существования политических партий и демократических институтов.

Диаметральное различие форм революционных процессов в Чили и на Кубе, которое отрезает путь всяким готовым рецептам и догматизму, и глубокое *национальное* своеобразие и различие в отношении *путей* между тем и другим процессом отходят на второй план перед одинаковым историческим содержанием.

Оказывается, что Куба не была просто делом Фиделя и его товарищей, которые якобы с помощью маскировки могли обмануть бдительность империалистов, и она не была просто случайностью на *столбовой дороге* освобождения наших народов. И еще в меньшей степени она была крайним средством, к которому прибегли кубинские революционеры, чтобы получить поддержку Советского Союза в борьбе против агрессивности и дипломатической грубости правителей США. Не годится и дополнительная версия — «гениальное» открытие Сартра об идеологическом прагматизме Кубы.

Ответ гораздо проще, что подтверждается и историей: социализм — революция нашей эпохи — это окончательный ответ на вопросы, выдвинутые нашими народами в социальном и национальном плане. Это — историческое преодоление всех форм социальной и на-

циональной эксплуатации. И имеет смысл повторить эту мысль в году, когда празднуется образование Союза Советских Социалистических Республик.

Латиноамериканская революция совпадает по своей направленности с социалистической революцией и с ее победоносным выражением, мировой социалистической системой, не только *объективно*, то есть не только потому, что они выступают против одного и того же врага, империализма, не из-за заинтересованности правительств, стремящихся к независимости своих стран, в экономической и политической помощи социалистического лагеря. Корни этого единства являются историческими и соответствуют существованию нашей эпохи. И точно так же, как Корейская Народно-Демократическая Республика, Вьетнам и Китай⁵, находясь в условиях тысячелетней отсталости Азии и принимая участие в освободительном движении, пошли после второй мировой войны по пути Советского Союза благодаря непосредственному и решающему воздействию страны Ленина, Куба и Чили, далекие от Евразийского континента и находясь в тени империалистического колосса — США, подтверждают знаменье эпохи, неизбежность мировой победы социализма.

Поэтому мистификацией и антисоветской демагогией является включение в «третий мир» Вьетнама и Кубы, что пытаются сделать некоторые европейские авторы или оппортунистические идеологи левацких групп этих стран; но тут им, как камень в желчном пузыре, напоминает о себе Чили. Они рассуждают по классическим буржуазным образцам, деля мир на «бедные» и «богатые» нации. Им не важно, какие производственные отношения являются социальной основой. Они строят на основании количественного подсчета схематическую диалектику экономического развития обществ, чтобы устранить — всего лишь! — классовую борьбу и вопрос о власти. Таким образом, они в состоянии повто-

⁵ В свете развития мировой социалистической и антиимпериалистической революции еще яснее виден трагический и катастрофический характер раскольнических действий китайского руководства и беспринципная поддержка им самых различных антикоммунистических движений.

рять модный вздор о «сверхдержавах» или делать замечания по поводу «обуржуазивания» Советского Союза и социал-демократизации коммунистических партий, и притом самым невежественным образом, с позиций инфантилизма или рядясь в философские одежды, как это сделал бывший социал-демократ Герберт Маркузе.

Идеологическому укреплению латиноамериканского революционного движения способствует высказывание Фиделя Кастро:

«На нас произвело впечатление многое в связи с посещением Советского Союза. В первую очередь громадные успехи в области науки и техники, большие успехи в социальной области, преобразование городов, значительные успехи в области образования и культуры. Но на нас произвел впечатление прежде всего советский народ... то обстоятельство, что в этой стране сохраняются лучшие революционные традиции, дух 1917 г. и вся сила марксистско-ленинских идей»⁶.

4. НОВЫЕ ПЕРЕДОВЫЕ РЕЖИМЫ, РУКОВОДИМЫЕ ВОЕННЫМИ, И РОЛЬ РАБОЧИХ И НАРОДНЫХ МАСС

Чили и Куба в историческом и социальном плане представляют собой ведущую ось для всего демократического и антиимпериалистического движения континента. Их пример в межамериканском плане показывает, какую роль должен играть пролетариат в каждой стране в союзе с классами и социальными слоями, призванными войти в Фронт освобождения.

Дело обстоит так теоретически и практически, хотя, конечно, еще необходимо пройти определенные этапы или раскрыть пути подхода и собственные политические пути в соответствии с неоспоримыми национальными особенностями. Иными словами, мы ни на шаг не отступаем от тезиса, общего для коммунистических партий Латинской Америки, относительно характера

⁶ Речь 26 июля 1972 г., опубликованная в виде брошюры Отделом пропаганды Коммунистической партии Уругвая.

революции в этих странах и ее обязательных этапов и еще меньше от тех исследований, которые провели мы и которые свидетельствуют о *расширении путей подхода к революции*. Мы распространяем это понятие не только на формы перехода к социалистической революции, которые Ленин — в своих классических трудах — советовал искать, но также и на те формы, которые облегчают более быстрое приближение к революционно-демократической и антиимпериалистической фазе и вступление в нее⁷.

XX съезд Коммунистической партии Уругвая как раз подчеркнул актуальность этой важнейшей тактической задачи: «Найти конкретную дорогу к единству каждого народа, испытать возможные собственные пути подхода к революции, создать единство рабочего класса и широких масс, единство всех патриотических, демократических и прогрессивных сил — вот что является ныне, в этот решающий час для Латинской Америки, великим мандатом истории»⁸.

Чтобы понять это, достаточно вспомнить перемены, происшедшие с 1968 г. в Перу, боливийские события, военный переворот в Эквадоре, прошедший под знаменем борьбы за независимость и демократию и приведший уже к некоторым важным переменам, хотя нам еще трудно дать ему характеристику; эволюцию событий в Папаме, после того как генерал Торрихос срывает переворот, организованный правительством США, решительно поддерживает патриотические требования относительно зоны канала, объявляет национализацию электрической и телефонной компании — филиала американского треста, несмотря на угрозу репрессий, завязывает различного рода связи с Кубой и в какой-то мере обращается за поддержкой к парод-

⁷ Во второй части интересной работы «Ленинизм и мировое революционное рабочее движение» под общей редакцией Е. И. Кускова, А. М. Румянцева и Т. Т. Тимофеева можно найти исторический обзор постановки этого вопроса Лениным и ее отражение в действиях германской, чехословацкой и других коммунистических партий, особенно в отношении лозунга «рабочего правительства» и «переходных требований».

⁸ Informe Central al XX Congreso, "Estudios", № 58, p. 22—23.

ным массам. Последние меры — образование Народной ассамблеи, освобождение арестованных партизан — подтверждают эту его ориентацию.

Эти своеобразные политические движения являются частью повой латиноамериканской действительности. В трех случаях — с Перу, Эквадором и Панамой — мы видим на первом плане военных. В одном случае — в Боливии — прогресс и поражение связаны со сближением и расхождением рабочих и народных слоев с национально-революционным крылом военных, возглавлявшимся генералом Торресом. И если бы недостаточная идейная и тактическая спаянность не осложнила в значительной степени этот процесс, Боливия, может быть, выделилась бы среди всех этих режимов своим широким участием в событиях рабочих и народных масс.

В то же время в Перу правительство генерала Веласко Альварадо продолжало проводить радикальные реформы и усилило свою независимую внешнюю политику. Тем самым оно подчеркивает прогрессивность своих позиций.

По всей вероятности, перуанское движение, родившееся в результате своеобразного союза радикальной мелкой буржуазии и некоторых слоев национальной буржуазии, — союза, скрывающего за сплоченностью вооруженных сил, которая ограничивает его возможности и в определенной мере затушевывает противоречия, — развивается в направлении усиления политического и правительственного руководства со стороны национально-революционных представителей мелкой буржуазии. Если эта оценка подтвердится, то ее значение должно быть понято не только в рамках борьбы и классовых сдвигов внутри перуанских границ, но и в связи с присутствием социализма на Кубе и Чили и в соответствии с международной действительностью, на которую оказывает влияние социалистическая система.

Мы не торопимся заявлять, что люди, связанные со средней буржуазией и поэтому не выходящие за пределы ограниченной концепции — национально-реформистского кругозора, уже не имеют в Перу решительно никакого влияния на власть или же потеряли все свое

влияние. Но является фактом то, что правительство Веласко не остановилось на проведении радикальных реформ и мер, сознательно направленных на экономическое и политическое освобождение Перу⁹. А это расширяет базу народной поддержки правительства. Одновременно налицо успехи независимого рабочего движения, руководимого коммунистами.

Проблему участия рабочего класса, всех широких масс народа в принятии политических решений будет ставить все более и более энергично сама жизнь. Решающее участие армии, которое облегчило начало и развитие перемен, несет с собой ограничения, которые могут быть преодолены — раньше или позже — на основе народного единства. Вследствие этого еще не дан ответ на важный вопрос, касающийся созидания социально-политической силы перуанской революции. А опыт Перу имеет большое значение, если судить как по поддержке, которую мы все в Латинской Америке с самого начала оказали Перу, так и по радикализму проведенных реформ. Конечно, лучший путь — это путь создания не многоклассовой правительственной партии, а фронта, иначе внутри народа могут увеличиться противоречия, когда пролетариат окажется в подчиненном положении в социальном, политическом и идеологическом плане, как это происходит в некоторых странах Африки. Похоже, что многие видные руководители и члены правительства Перу придерживаются реалистических воззрений на этот столь важный вопрос.

В соответствии с марксизмом-ленинизмом эти движения, которые ныне имеют различные степени радикализации и охватывают ряд стран и которые могут распространиться и дальше, должны рассматриваться с классового точки зрения, что не исключает необходимости соблюдения правильной политической линии поведения коммунистов, когда дело касается защиты

⁹ Пленум ЦК Перуанской коммунистической партии, прошедший в начале сентября 1972 г., подчеркивает сохранение прогрессивной направленности процесса развития страны и ставит новые боевые задачи укрепления солидарности. Вместе с тем он выступил с инициативой преодоления некоторых отрицательных сторон существующего положения.

демократических и антиимпериалистических позиций. Это подчеркнул и XX съезд нашей партии:

«Мы, коммунисты, полагаем, что социализм — это более высокая форма, способная окончательно разрешить проблемы национального и социального освобождения наших народов. Это подтверждает все современное политическое развитие. Но мы считаем, что демократический радикализм и защита политической и экономической независимости приведут — если будут проводиться последовательно — к необходимости социалистического преобразования.

Именно поэтому мы являемся самыми решительными борцами — до конца, — как говорил Ленин, за антиимпериалистические и демократические преобразования. Но при этом мы не проявляем нетерпения и не призываем быть экстремистами, ибо все это ведет к расколу лагеря антиимпериалистических сил или к попыткам перепрыгнуть через обязательные этапы, которые могут быть предписаны объективной действительностью.

Поддерживая передовые реформы и меры национально-освободительного характера, мы стремимся выковать единство трудящихся масс, и прежде всего рабочего класса, ибо эти социальные силы наиболее заинтересованы в нынешних радикальных демократических преобразованиях, а также являются наиболее решительными знаменосцами социалистического будущего. Это единство народных масс и передовых слоев вооруженных сил должно, раньше или позже, дать ответы на нынешние насущные требования и на новые вопросы, которые будут выдвинуты неумолимой действительностью»¹⁰.

Во всех указанных случаях мы имеем дело с выступлением вооруженных сил с позиций, политически противоположных позиции фашиствующих и компрадорских правящих кругов в стиле бразильских или подобных им в других странах. Мы уже подчеркнули важность этой особой черты латиноамериканской революции.

¹⁰ Informe Central al XX Congreso, "Estudios", № 58, p. 18—19.

Однако нужно заметить, чтобы нас правильно поняли, что мы не определяем этот путь как обязательный выбор. По принципиальным и тактическим соображениям мы предпочитаем путь единства народа, включая военных, как лучший путь перехода к революционным преобразованиям.

О правильности такой концепции свидетельствует также в настоящий момент, переживаемый Латинской Америкой, образование народных фронтов или коалиций в ряде стран в конкретных поисках упомянутых путей подхода, фронтов, которые добиваются подлинного участия в них рабочих и народных масс. Среди этих организаций в Уругвае выделяется Широкий фронт, в Аргентине — «Национальная встреча аргентинцев», в Венесуэле — Новая сила и им подобные в ряде других стран.

Эта концепция сохраняет силу даже в случае возникновения политической обстановки, в которой важную роль будут играть военные. Трагические события, имевшие место в Боливии, говорят об активной роли масс в решающие часы при совпадении по времени, иногда случайном, их действий с действиями национально-революционных слоев вооруженных сил. Необходимо понять, что отсутствие подлинного фронта освобождения, как и отсутствие взаимопонимания в отношении целей и этапов между правительством Торреса и народными силами, было самым лучшим подарком врагу и никакой героизм в последнюю минуту не мог этого компенсировать.

Боливийская Народная ассамблея, которая должна была стать фактором объединения народа, основой для формирования необходимого антиимпериалистического фронта и главным орудием поддержки и диалога с правительством, истощила свои силы из-за больших словопрений и инфантильности организаций, входивших в нее и неспособных понять тяжелую ответственность участия в революции. Не следует забывать и об ошибке Торреса, который не смог или не сумел вовремя освободиться от ряда старших офицеров, связанных с американским империализмом, с Бразилией и со старыми эксплуататорскими классами.

Единство рабочего класса и народа, само по себе представляющее лучшую альтернативу власти, также является серьезнейшим фактором, если есть намерение оказывать положительное влияние в более сложных ситуациях, когда процесс идет по путям, не избранным нами в качестве предпочтительных, но на нынешнем этапе, переживаемом Латинской Америкой, подлежащим включению в число возможностей, которые следует предвидеть.

Многие явления континентального и национального масштаба, оказывающие влияние на умонастроения интеллигенции и студенчества, начинают сейчас особенно тревожить отдельные слои офицеров. Среди процессов, происходящих в кругах новых военных Латинской Америки, в силу своего положения лучше знающих социально-экономическую действительность¹¹, мы видим то, что несколько вольно можно было бы назвать процессом «интеллектуализации» со всеми видами путаницы, которая, с другой стороны, очень характерна для колеблющейся интеллигентской мелкой буржуазии этих стран.

Преувеличение этой тенденции влечет за собой риск беспринципной позиции, выливающейся в военный

¹¹ «Агрессивность американского империализма и его пренебрежение суверенитетом наших стран, его экономические рецепты, которые углубляют кризис и обостряют еще больше положение слаборазвитости; явное противоречие между громадными естественными богатствами наших стран, которые не используются или находятся во власти иностранных капиталистов, и бедностью и отсталостью населения; нищета и социальная и культурная отсталость широких масс в противоположность богатству и коррупции незначительных правящих меньшинств; кровавые тирании или открытый антидемократизм в стиле Пачеко, поддерживаемые США в союзе с финансовыми и помещичьими олигархиями,— все это усиливает негодование народов усугубляет тяжесть удела интеллигентов, экономистов, ученых, техников и т. д., пробуждает отдельные круги вооруженных сил, ставит в порядок дня настоятельную необходимость национальных демократических преобразований. Наличие в международном масштабе социалистического лагеря и стран, покончивших с колониализмом, представляет собой стимул для латиноамериканцев» (Informe Central al XX Congreso, "Estudios", № 58, p. 22).

патернализм*»; но эта тенденция существует, и ее потенциальная революционная направленность является уже историческим фактом, составной частью процесса пробуждения континента. Тут нужно добавить, что некоторые интеллигенты используют «оружие критики», а другие вполне могут пользоваться и «критикой оружия», если употреблять терминологию Маркса¹².

И когда выступают друг против друга молодой офицер, в сознание которого проникли националистические концепции, и радикализовавшийся студент-экстремист, причем один из них еще проникнут духом антиреволюционной проповеди борьбы с повстанческим движением, а другой полон упрощенного антимилитаризма, они не понимают, что оба в туманной форме выражают одно и то же явление, а именно потрясение средних слоев в условиях кризиса наших обществ, в революционный период, переживаемый миром. Иными словами, в них идейно преломляется социальный и национальный процесс, который должен найти политическое выражение в могучем русле рабочего и народного единства для борьбы против империализма и олигархии.

Покончить с этим ненормальным положением — это большая задача, которая требует повышения роли коммунистов и подлинно революционных сил в деле разъяснения обстановки и разработки тактики.

В нашей книге мы считаем политической близорукостью игнорирование участия военных в латиноамериканской революции. Но в то же время нам кажется беспринципным хвостизмом требовать военной альтернативы, забывая о всякой классовой оценке обстановки и о подлинном знании целей, ибо тогда эта альтернатива будет означать своеобразный патернализм.

В этом мы твердо уверены. Хотя нужно добавить — мы не отрицаем и возможности переплетения путей под-

* Военный патернализм (по аналогии с термином «патернализм», применяемым для характеристики отношений между предпринимателями и рабочими) — отношения между армией и населением, как «между родителями и детьми», при игнорировании противоречий между ними. — *Прим. перев.*

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., издание второе, т. I, стр. 422.

хода в том случае, если рабочее и народное движение сильно, если оно создало свой собственный фронт освобождения и этот фронт является реальной политической силой, но события вышли за пределы, предусмотренные его решениями. Политическая инициатива, динамичная роль рабочего класса, реальный удельный вес масс всегда будут способствовать выходу на сцену антиимпериалистических и антиолигархических политических сил, и будет открыт путь к созданию подлинного народно-освободительного единства.

5. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ «ЧИЛИЙСКОГО ПУТИ К СОЦИАЛИЗМУ»

Нужно сказать и относительно своеобразного чилийского опыта, особенно если иметь в виду то внимание, которое в данной книге уделяется проблеме путей революции.

Победа Народного единства, имеющего явно социалистические цели, предстает перед широкими массами континента как расширение путей революции. Эта победа, достигнутая в рамках буржуазно-демократических учреждений в результате успеха на выборах, свидетельствует о действенности политической борьбы в сочетании с многосторонними действиями масс и полным использованием легальных возможностей, тогда как Куба со своей стороны показала действенность партизанской борьбы в соответствующих условиях для достижения власти.

С точки зрения народов Латинской Америки победу одержала концепция чилийского революционного развития, разделяемая главными руководителями Народного единства, и в частности изложенная и политически зрело применяемая (хотя иногда это приводит к острой полемике) Коммунистической партией Чили. Объединенный народ, возглавляемый рабочим классом и последовательно руководимый своими политическими партиями, эффективно действует в благоприятной обстановке и приходит к правительственной власти относительно мирным путем. За короткий срок он проводит в жизнь

важные программные требования. Несмотря на острую и вполне естественную классовую борьбу и на империалистический заговор, враги чилийского народа до сих пор не смогли навязать ему гражданскую войну.

Эта особенность расширяет притягательность социалистической революции для новых слоев населения. Не забудем в связи с этим замечаний В. И. Ленина по поводу венгерской революции 1919 г., о которых мы упомянули в нашей книге.

Чилийский опыт имеет большое значение. Мы должны изучить его со всей серьезностью. Но в то же время надлежит предупредить против действий тех, кто торопится универсализировать этот опыт в отношении *линий* и *путей*, и этого мудро не делают сами чилийские коммунисты¹³. Эти люди ведут себя точно так же, как

¹³ «Формы этого процесса будут, очевидно, меняться от страны к стране, как это и происходит. История каждого народа и соотношение социальных и политических сил наложат свою печать на ход событий, обусловят, возможно, «пути подхода» народа к власти, определят ожесточенность классовых боев, степень радикализации процесса, своеобразие фаз приближения к национально-освободительной революции или вступления в нее и ее перехода к социализму, а также реальные возможности интервенции империалистов и горилл соседних стран. Как правило, они заставят нас вести ожесточенную и трудную борьбу, а во многих местах постараются насильственно преградить народу путь к власти, предопределив вооруженный путь революции».

Мы неоднократно повторяли, цитируя классиков марксизма-ленинизма, что мы «предпочитаем» «наименее болезненный» путь национального и социального освобождения народов, но мы не можем и не должны забывать политические особенности, существующие в значительной части Латинской Америки, а именно агрессивное вмешательство американского империализма в сообщничестве с местными олигархиями, горилл и частое нарушение всех демократических норм и прав народа. Ясно, что было бы нелепо недооценивать, заняв безответственную позицию, всякую реальную возможность «мирного» прогресса революции, любую возможность и вероятность завоевания власти без уплаты тяжелой цены гражданской войны. Если бы мы так сделали, мы сползли бы на смешную позицию некоторых уругвайских публицистов и политиков, которые, будучи столь «левыми», упорно предсказывали роковую неизбежность победы Алессандро в Чили, чтобы доказать правильность своего фразерства и своего упорного антикоммунизма.

Чили дает нам именно сегодня свой ценный опыт, который может повториться в благоприятных условиях, как это недопо-

некоторые публицисты, которые не так давно стремились превратить во всеобщий рецепт кубинский путь, тоже поучительный.

Чили оригинальным способом испытывает одну из форм так называемого мирного пути к социализму. Я называю так этот путь ради удобства выражения — известно, что Коммунистическая партия Чили называет избранный путь *«невооруженным»*. Она хочет подчеркнуть, что этот путь исключает среди форм борьбы только вооруженное восстание и гражданскую войну, но включает возможность многообразных форм действия масс, иногда насильственных, но всегда в условиях острой классовой борьбы¹⁴.

Чилийская ситуация возникла не в результате «завоевания прочного парламентского большинства», как говорится в формулировке Декларации 1957 г. и Заявления 1960 г. Победа была достигнута на президентских выборах, причем большинство в законодательном органе по-прежнему принадлежит противникам Народного единства, это большинство в значительной своей части состоит из злобных врагов.

Еще раз подтверждается важность, подчеркнутая К. Марксом, «традиций», «обычаев» и «учреждений» в ходе революционной борьбы каждой страны. Чили «идет по пути своего социального освобождения, в борьбе не против деспотического или диктаторского режима, а против ограничений либеральной демократии». «Чили стоит перед необходимостью приступить к построению социалистического общества по новому способу», «предусмотренному классиками марксизма, но никогда ранее не осуществлявшемуся. Эти мыслители предполагали, что первыми в осуществлении этого способа будут

кратно говорила наша партия, в той или другой стране». (Informe Central al XX Congreso, "Estudios", № 58, p. 19—20.)

¹⁴ Победа Чили была достигнута на выборах, но этот «невооруженный путь» мог воплотиться и в других формах. Об этом говорил и Корвалан в статье, относящейся к 1961 г. Он говорит, что этот путь «не просто и не обязательно путь через выборы. Это прежде всего путь борьбы масс, которые могут даже в определенный момент прийти к власти без выборов, используя другие каналы... другие обстоятельства». (Луис Корвалан, Путь победы, М., 1971, стр. 27.)

более развитые нации, возможно Италия и Франция, с их могучими марксистскими рабочими партиями»¹⁵.

Основные законы перехода от капитализма к социализму действуют и будут действовать во всех обстоятельствах. Незыблемые принципы марксизма-ленинизма не обязывают принимать какую-то всеобщую неизменную модель; они требуют конкретизации этих законов в национальных и социальных рамках, объективно определенных историей одной или нескольких стран и условиями прихода к власти рабочего класса и народа¹⁶.

Особенности чилийского процесса, в том числе приход к власти путем выборов, в рамках своеобразия политической истории Чили, ее традиций и буржуазно-демократических учреждений не имеют прецедента в анналах международного рабочего движения. Можно найти ситуации подобные, но не идентичные.

С этой точки зрения чилийский опыт представляет всемирно-исторический интерес.

Мы как-то говорили, что этот путь подхода к власти дает громадное преимущество, не заставляя народ приносить жертвы, неизбежные в гражданской войне. К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин подтверждают, что мы, рабоче-революционеры, всегда должны предпочитать наименее болезненный путь к социализму. Но этот «путь» в свою очередь содержит особые трудности, которые нужно иметь в виду. Они вытекают из того, что народ и правительство должны действовать в рамках юридических учреждений, которые задуманы как гарантия капиталистических производственных отношений и неизбежно должны будут подвергнуться глубоким изменениям, причем необходимо будет также сломать соответствующую часть государственного аппарата, выполняющую антинародные репрессивные функции.

Чилийские революционеры с самого начала поняли сложность ситуации. «Народ создал правительство, кото-

¹⁵ Из послания С. Альеде конгрессу, 1971 г.

¹⁶ «..При всем многообразии специфичности чилийской действительности нельзя упускать из виду общие законы, которые действуют при переходе к социализму». (Луис Корвалан, указ. соч., стр. 330.)

рое является частью политической власти. Ему нужно укрепить это завоевание и еще дальше двинуться вперед, добиться, чтобы весь государственный аппарат перешел в его руки в рамках плюралистского общества. Кроме того, нужно изгнать империализм и олигархию, вытеснить их из центров экономической власти и поставить всю политическую и экономическую власть на службу национальному прогрессу, благосостоянию масс, культуры и новой морали»¹⁷.

Противоречие между рабочим классом и широкими народными массами, с одной стороны, и олигархией и империализмом — с другой, приобретает всеобщий характер: оно охватывает в ходе беспощадной борьбы всю чилийскую жизнь. Этот процесс борьбы в результате своего развития стал необратимым.

Эта конфронтация, которая резко обострилась после того, как были осуществлены первые мероприятия, направленные против монополий и местной крупной буржуазии, наблюдается на всех уровнях. И нужно иметь в виду, что американских агентов и крупную буржуазию не остановят в их стремлении сорвать работу и свергнуть правительство национального и социального освобождения никакие моральные или юридические нормы. Число совершенных ими преступлений свидетельствует о том, что потомки тех общественных классов, которые не поколебались изгнать из страны О'Хиггинса — национального героя — и обречь на смерть Бальмаседу, охотно превзошли бы, если бы могли, рекорды своих дедов. При этом революционное правительство должно действовать в рамках юридических норм, которые противоречат только что появившейся социально-экономической действительности, ему жизненно необходимо заменить их новой конституцией. И хотя это звучит парадоксально, именно правые стремятся спровоцировать революционное правительство на любое нарушение этих норм, связывающих его действия, иными словами, на преждевременные акты, которые ранили бы традиционную приверженность

¹⁷ L. Corvalan, Informe al Pleno de CC del Partido Comunista de Chile, "El Siglo". 27.XII.1970.

чилийского народа к соблюдению законов. Таким образом, правые стремятся помешать правительству достигнуть своей главной политической цели, состоящей в том, чтобы повести за собой значительное большинство населения, особенно они стремятся помешать включению в революционную борьбу широких слоев городской и сельской мелкой буржуазии. Прежде всего они стремятся найти предлоги для оправдания своих мятежных действий.

В то же время существуют буржуазные слои, которые призывают к примирению, к тому, чтобы остановиться на полдороге¹⁸ и забыть, что цель структурных перемен — это вступление в период перехода от капитализма к социализму.

И правительство Альенде не может не учитывать действительный уровень сознательности и объективные обстоятельства, чтобы не попасть в сети врага. И вместе с тем оно не может остановиться в своих действиях, если не хочет отречься от самого себя.

Это непрерывное продвижение вперед должно, однако, происходить с учетом политической обстановки, ибо в противном случае оно может объединить против себя все силы оппозиции — фашистскую, которая делает ставку на гражданскую войну или реакционный государственный переворот, и буржуазно-демократическую, которая все еще верит, что ей удастся сдержать чилийскую революцию в определенных рамках, допускающих отступление.

Умение проводить гибкую политику — а чилийцы, по их собственному выражению, «очень хитроумный народ» — имеет значение в том случае, если оно приводит к единству народа, к боевой мобилизации новых масс, иными словами, если это выражается в способности помочь миллионам мужчин и женщин из народа

¹⁸ «Нам предлагают сделать перерыв. Пытаются добиться того, чтобы все осталось в том же положении, в каком оно находится сейчас. Расставляют сети примирения или угроз. Сочетают лицемерную лесть с подготовкой к восстанию, понимая, что, если народное правительство остановится посреди русла реки, не перейдя ее, оно подвергнется громадным опасностям, которые могут оказаться непреодолимыми». (O. Millas, Informe a la Conferencia del Partido Comunista de Chile, octubre de 1971.)

занять определенные политические позиции и приобрести к участию в деятельности правительства, особенно в связи с тем, что классовая борьба и национально-освободительная битва, которые раскалывают все общество, имеют место также и внутри чилийской государственной системы с той очевидной выгодой, что исполнительная власть в отношении принятия политических решений находится в руках рабоче-народной коалиции.

Действительно, завоевание или незавоевание всей власти — это ключ, который позволяет определить, пойдет ли развитие интереснейшей чилийской ситуации по более или менее болезненному пути. Это завоевание нельзя ускорить ни главным образом насильственными мероприятиями, ни, конечно, анархистскими действиями. Прежде всего речь идет о политической, экономической и идеологической битве. Необходимо быть начеку и наготове в условиях подрывных действий со стороны местной реакции и империалистов, но фаталистическое ожидание гражданской войны некоторыми ультралевыми группами играет на руку врагу.

Против всех опасностей первая и наилучшая исходная позиция в битве, которую ведет народное правительство, — это глубокая и многосторонняя мобилизация масс, действуя на этот раз *сверху и снизу* — как требовал В. И. Ленин, — неустанное стремление расширить социальную базу правительства, добиться боевого укрепления сплоченности Народного единства, правильно использовать политические противоречия, особенно в лагере христианской демократии, и, конечно, использовать политическую власть против фашистских заговорщиков.

В результате этого чрезвычайно возрастает роль политического руководства Народного единства, что является и искусством, и наукой, как говорили классики марксизма-ленинизма. В частности, если принять во внимание социалистические цели чилийского правительства, то решающим образом вырастает ведущая политическая и идеологическая роль рабочего класса, авангарда и стового хребта народной коалиции. Без руководства рабочего класса никогда не будет

социализма. И это положение сохраняет свою силу как для борьбы против выступлений правых, так и для борьбы против «политического безумия» левого ребячества.

Что касается второго вопроса, то позиции МИР* и других групп, которые стремятся исказить представление о правительстве Альенде, нападая на него за «реформизм» и прибегая к самому грязному антикоммунизму, объективно льют воду на мельницу реакции. Будущее покажет, способны ли эти группы изменить свои позиции или же история сохранит за ними жалкую роль «левых эсеров» в русской революции, а также некоторых анархистов и троцкистов во время национально-освободительной войны в Испании.

Ожесточеннейшая классовая борьба подвергает испытанию плодотворную деятельность правительства Альенде, политическую инициативу и ответственность Народного единства, испытанную зрелость коммунистической партии и давний прочный союз коммунистов и социалистов. 1972 год свидетельствует о росте агрессивности фашистских партий и групп, как и буржуазной оппозиции, и об усилении экономической блокады, организованной империалистами США и скоординированной с заговорщической деятельностью.

И словно для того, чтобы никто не забывал, что центральной задачей является полное завоевание власти, «суды», в которых преобладают явные контрреволюционеры, и законодательная власть, большинство которой принадлежит врагам нынешнего строя, координируют свои действия с действиями экономических саботажников, фашистских бандитов из организации «Патриа и либертад»** и с аптичилийскими агрессивными действиями американских монополий, чье имущество было экспроприровано в Чили.

Принципиально важно отметить, что правительство Альенде, несмотря на все препятствия, выполнило

* МИР — «Революционное движение левых» — ультралевая экстремистская организация. — *Прим. ред.*

** «Патриа и либертад» — «Родина и свобода» — демагогическое название антиправительственной реакционной организации. — *Прим. ред.*

основные пункты своей программы менее чем за два года.

Если подвести первый и краткий итог его деятельности, то становится очевидной сила ударов, нанесенных в Чили экономической мощи империализма, крупной буржуазии и латифундистов.

В экономическом плане были осуществлены главные задачи революционно-демократического и национально-освободительного характера, которые в свою очередь, поскольку они одновременно носят антикапиталистический характер, подготавливают решение других задач, свойственных периоду перехода к социализму, в ходе процесса полного завоевания власти рабочей-народной коалицией. Эти меры в основном являются экономическими, но, по мере того как будут меняться производственные отношения, они станут глубоко политическими, то есть являются частью битвы за всю полноту власти. И наоборот, необходимо рассматривать эти факторы в рамках диалектической по существу своему картины так называемого чилийского пути к социализму.

Что касается национально-освободительных мер, то это их значение совершенно очевидно. Рядом актов, в частности национализацией медной промышленности, ликвидированы экономические основы империалистического господства. Но с самого первого дня, восстановив отношения с Кубой, а потом с ГДР, КНДР, ДРВ, КНР и другими странами, укрепив связи с СССР и со всем социалистическим лагерем, заняв суверенную позицию во внешних отношениях, определив позиции солидарности с Перу, начав вдохновлять движения национального сопротивления других стран Латинской Америки и т. д., правительство Альенде качественно определило задачи «второй независимости» — революционную цель освобождения от империализма.

Путем других экономических мер — созданием общественного сектора и ускорением проведения аграрной реформы — правительство подорвало в основе социальную мощь основных эксплуататорских классов, крупной финансово-монополистической промышленной и торговой буржуазии и латифундистов.

Напомним очень кратко основные из отмеченных достижений.

Программа Народного единства наметила осуществить на этом этапе, который мы назвали бы подходом к переходному периоду от капитализма к социализму¹⁹, создание экономического сектора общественной собственности с руководящими функциями по отношению ко всей экономике, который, однако, должен сосуществовать в течение довольно продолжительного периода с секторами смешанной собственности и частной собственности. В чисто экономическом и финансовом плане этот первый сектор и до какой-то степени второй создадут материальные предпосылки для планирования. В общественно-политическом плане на этом этапе острое направлено против империалистического господства, против латифундизма и особенно против крупной монополистической буржуазии.

Все значение этого «сектора общественной собственности» вытекает из программы Народного единства и из правильной оценки роли монополий в чилийской экономике, которая содержится в ряде документов Народного единства. Программа Народного единства требует провести национализацию, помимо предприятий, уже находящихся в собственности государства, «крупной меде-, селитро-, йодо-, железо- и угледобывающей промышленности», «финансовой системы», главным образом «частных банков и страховых компаний», «внешней торговли», «крупных торговых предприятий и монополий», «основных промышленных монополий» и вообще «тех отраслей, которые обуславливают экономическое и социальное развитие страны» (производство и распределение электроэнергии, железнодорожный, воздушный и морской транспорт, связь, производство, очистка и сбыт нефти и нефтепродуктов, черная метал-

¹⁹ Чили еще не переживает этот период, классически определенный Марксом и Лениным и относящийся ко всему социалистическому лагерю. И мы употребляем выражение «подход», чтобы не сказать «переход» к «переходному периоду от капитализма к социализму», который классически определяется как диктатура пролетариата.

лургия, цемент, нефтехимия, тяжелая химия, производство целлюлозы и бумаги).

Программа определяет, что при национализации будут учитываться и охраняться «интересы мелких акционеров».

Эта программная цель в нынешних условиях развития чилийской экономики означает национализацию сотни с небольшим монополистических предприятий, которые давали примерно половину валовой продукции и контролировали почти все виды обращения товаров. Этот сектор общественной собственности и смешанный сектор (некоторые отрасли обрабатывающей промышленности, рыболовство, торговля и горное дело), связанный с первым через посредство государственного управления и рабочего контроля, играют ведущую роль во всей экономике. Они являются ведущими в экономико-финансовой деятельности на данном этапе подхода к периоду перехода к социализму. В то же время сохраняется своеобразный сектор частной собственности, в который в основном входят все слои немонополистической буржуазии и мелкой буржуазии. В то же время аграрная реформа, ускоряя ликвидацию помещичьей собственности, вместе с тем сохраняет индивидуальную собственность, стимулирует кооперацию на разных уровнях и создает новые формы государственной собственности в деревне.

Значительная часть этих целей была достигнута правительством Альенде в этот относительно краткий период.

В то же время были приняты многочисленные меры, направленные на повышение народного благосостояния — в области зарплаты, образования, жилья, здравоохранения и т. д. И все это в условиях ожесточенной классовой борьбы, трудностей и серьезных проблем. Ведь перед нашим взором происходит революция!

Достигнув этих целей, Народное единство укрепляет и расширяет свою власть. Если оно добьется широкого народного участия в осуществлении власти и рабочего контроля над экономикой, успешно справится с тысячами трудностей, возникающих из-за внешней блокады

и внутренней заговорщической деятельности, и разрешит таким образом насущные проблемы производства, торговли, финансов и повышения уровня жизни трудящихся масс, то Чили без гражданской войны сможет вступить в период перехода к социализму. Так может быть решена сложная историческая задача. Работу такого характера можно осуществить не с помощью порывов мелкобуржуазной истерии, а благодаря ясной и твердой политике, направленной против коварного и сильного врага, за спиной которого стоит американский империализм.

Правильно поступает правительство Чили, и правильно поступают наши товарищи коммунисты, когда они действуют твердо, но с повышенным чувством ответственности, однако, когда это необходимо, умеют двигаться осторожно и осмотрительно.

Перед ними стоят проблемы всемирно-исторического значения. Они идут по дорогам, до сих пор не хоженым, предвиденным лишь частично и только в теоретическом плане.

Такой характер, например, на этом пути носит кардинальная проблема слома буржуазно-государственной машины, то есть завершения завоевания всей полноты власти.

Это не относится — как уже указывал Ленин — к рычагам экономического управления и к парламентским формам (Народное единство требует замены нынешнего парламента Народной ассамблеей), а также и к другим аспектам проблемы, связанным с судьбами государственных служащих, народного образования, техники, здравоохранения и т. д. Но государственный аппарат должен будет качественно измениться, лишиться своего бюрократического характера и соответствовать новой социально-экономической и классовой действительности.

Но это относится, конкретно говоря, к репрессивному аппарату. По данному вопросу мы полагаем, что эта неизбежная работа по слому государственной буржуазной машины и ее замене машиной с другим классовым содержанием может быть в некоторых странах облегчена идеологическим воздействием на военные кадры.

Причем успех этого воздействия иногда может быть обеспечен всем предшествующим опытом, уже давшим положительные результаты²⁰.

Момент полного завоевания власти будет для Чили также моментом вступления в период перехода к социализму, причем этот период всегда и при любой форме будет по своему содержанию диктатурой пролетариата. Но это не обязательно повлечет за собой отход от плюрализма или отступление в отношении предоставления политических прав представителям старых разбитых классов.

В конечном счете только сама жизнь даст ответ на это. Прежде всего все будет зависеть от краха планов американского империализма и побежденных эксплуататорских классов, направленных на то, чтобы навязать Чили вооруженное насилие, толкнуть этот смелый народ на гражданскую войну со всеми ее ужасными последствиями.

А пока для народов Латинской Америки солидарность с чилийским народом неразрывно связана с судьбой нашего собственного освобождения.

²⁰ «При этом огромное значение имеет позиция армии, которая выполняет в государственном механизме функцию главного органа его защиты...» «Переход армии на сторону революции или по крайней мере позиция благожелательного нейтралитета как бы обезоруживает государство перед лицом натиска революционных сил». (У. Кгасин, *Lenin, la revolución y nuestra época*, М., р. 147.) «С другой стороны, тот же самый опыт подтверждает всеобщее значение марксистской идеи о сломах буржуазной государственной машины...» «...Для осуществления слома буржуазной государственной машины в развитых странах капитализма с глубокими демократическими традициями необходим и более длительный отрезок времени. Разумеется, менее резкие и более постепенные формы слома буржуазной государственной машины возможны лишь при условии решающего перевеса сил на стороне рабочего класса, поддержки социалистической революции огромным большинством народа». (Ю. А. Крагин, *Ленин, революция, современность*, М., 1967, стр. 266—267.)

III. ВРЕМЯ СИНТЕЗА В ИНТЕРЕСАХ НОВЫХ ПОБЕД

Только когда корни крепки, дерево может долго жить, а корень победы — в народе.

Хо Ши Мин

1. НАСТОЯТЕЛЬНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ КОЛЛЕКТИВНОГО ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОБОБЩЕНИЯ НАКОПЛЕННОГО БОГАТОГО ОПЫТА

Сейчас, в 70-е годы, никто уже не ставит под вопрос глубину континентального революционного процесса. Действительность с лихвой доказала за два прошедших пятилетия, что потрясения в наших странах не конъюнктурные явления. Мы являемся свидетелями кризиса латиноамериканских обществ, нынешняя структура которых подорвана противоречиями, имеющими тенденцию обострения и создания еще больших объективных предпосылок для революционных преобразований. Подобный кризис в каждой стране протекает с различной глубиной и социально и политически выражается в различных степенях революционного кипения. Уже не раз он достигал в некоторых местах уровня общенационального кризиса, однако политическая активность и уровень поддержки массами передовых организаций, возможно, оказались недостаточными, чтобы найти выход из этого кризиса путем революции.

Однако, несмотря на мнения скептиков, кризисные потрясения наблюдаются на всем континенте. Об этом свидетельствуют победы, которым мы радуемся, а также и поражения. Учет подъема освободительной борьбы народов нельзя вести в одной конторской книге, регистрирующей только победы. Если бы было так, то 1905 год — всего лишь один пример — мог показаться вспышкой молнии, меж тем как исторически он явился неугасимым светом.

Трещит весь остов империалистического господства, о чем свидетельствуют Куба, Чили, Перу, Эквадор, Панама; размах выступлений рабочих и широких народных масс, в частности в Аргентине и в Уругвае, образование фронтов освобождения и укрепление и рост коммунистических партий; революционное брожение средних классов и другие показатели. Но об этом же свидетельствуют и поражения, часто вызванные ошибками, а иногда и тем, что историческая обстановка обострилась прежде, чем рабочие партии, народные организации или фронты оказались в состоянии выполнить субъективные задачи революции. Во всех сражениях окончательный успех слагается из побед и поражений. Иными словами, для правильного диагноза мы должны учесть и доминиканский взрыв, и перипетии событий в Боливии, и другие события на нашем континенте, столь щедро орошенном кровью, столь облагороженным мученичеством тысяч революционеров, павших в борьбе за свободу в течение последнего десятилетия.

Кризис зависимой капиталистической экономики, усложненный пережитками полуфеодальной и докапиталистической отсталости, несомненно, будет обостряться. Прочная на первый взгляд антинациональная репрессивная диктатура в Бразилии — главном бастионе стратегии янки в Южной Америке — оказывается колоссом на глиняных ногах. Непрочные результаты экономического роста, основанного на захвате ее жизненных центров империалистическим капиталом и сопровождаемого углублением нищеты, копят заряд для новых взрывов. Солидарность с бразильским народом — это долг, потребность для всего континента.

Мы полагаем, что сохраняем объективность, когда считаем, что 70-е годы будут для Латинской Америки периодом ускорения всего патриотического, демократического, освободительного и социалистического революционного процесса.

Было бы легкомысленным забывать, что мы прошли трудный и опасный путь, очень тяжелый, часто кровавый, и что такой характер нашего пути в основном сохранится и в дальнейшем. Мы говорим это, будучи свободными от чувства фатализма, прекрасно понимая

расширение всех наших возможностей, чему могут способствовать и нынешние победы. Американский империализм не был и не будет «бумажным тигром» для наших народов на нынешнем этапе национального и социального освобождения. Заговор, который сегодня зреет вокруг Чили, сопровождается передачей функций жандарма гориллам Бразилии и созданием специальных полицейских сил и фашистских банд во всех странах. А методы заговорщиков, как об этом свидетельствуют прежде всего события в Бразилии, сравнимы с гитлеровскими методами.

Но в то же время мы потеряли бы из вида революционную перспективу, если бы забыли очевидный урок прошедшего периода — американский империализм и олигархии не являются непобедимыми. Окончательно пал геополитический миф о том, что мы фатально привязаны к США. Итоги десятилетия, начавшегося с кубинской революции, показывают, что США не удалось остановить развитие освободительной борьбы по восходящей спирали.

Ведь с тех пор мы в Америке стали свидетелями многообразных форм борьбы. Рабочие забастовки и улличные бои; выступления студенческих и народных масс; партизанские бои; военные мятежи, имеющие патристический и передовой характер, соединенные с народными восстаниями, как, например, в Доминиканской Республике; легальная и нелегальная, парламентская и внепарламентская, социальная, политическая, вооруженная борьба и борьба других видов и т. д. — все эти формы борьбы имели место на этом этапе. Прибавим к этому военный переворот в Перу, сочетание революционной всеобщей забастовки в Боливии с решительной позицией генерала Торреса, а также победу на выборах в Чили. Эти формы — пусть одни из них потерпели неудачу, другие принесли победу, одни были тактически правильны, другие несвоевременны — тем не менее исторически знаменуют, даже в случае теоретической и тактической ошибки, момент революционных потрясений и являются результатом борьбы наших народов.

Простое перечисление этих фактов подтверждает правильность предупреждения В. И. Ленина относи-

тельно того, что нельзя ожидать «чистой» социальной революции, о чем мы и упоминали в этой книге.

А на пройденном участке пути всего хватало. Даже «революционных взрывов части мелкой буржуазии со всеми ее предрассудками» и «движений политически несознательных пролетарских и непролетарских масс против угнетения» в их многочисленных формах...

Все эти способы, которыми классы и социальные слои проявляют себя в общественных взрывах и потрясениях, отражают или преломляют объективную революционную обстановку, являются частями великой героической панорамы развития революции, которая особенно выразительно вырисовывается в странах, закабаленных империализмом. И это происходит именно так, несмотря на естественные противоречия, на специфику развития идеологических способов их выражения, на правильность или ошибочность — частичную или полную — теоретических и тактических концепций или одних только методов. Иными словами, несмотря на повелительную необходимость для рабочего класса и его партии уметь спланировать и сражаться, объединять классы и социальные слои, потенциально или активно революционные, и преодолевать теоретическую беспомощность или тактическую ошибочность своих концепций, и даже принимать на вооружение в некоторые моменты новые методы борьбы, и обучаться им, как советовал Ленин, хотя и ставить их в соответствие с другими, чтобы это средство борьбы было «облагорожено» просветительным и организующим влиянием социализма»²¹.

Иначе говоря, необходимо привнести марксизм-ленинизм в подобное «пестрое» революционное движение, характеризующееся в своей совокупности также тактической односторонностью, оппортунистическими и экстремистскими наклонностями даже в период объединения своих сил.

В этом состоят трудности, которые партия должна преодолеть для того, чтобы выполнять свою роль авангарда. Единство и идеологическая борьба всегда будут координатами, которыми обязательно должна опреде-

²¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 14, стр. 3.

ляться деятельность рабочей партии, начиная с первых ее шагов и вплоть до периода перехода от капитализма к социализму.

В. И. Ленин любил говорить о *революционном потоке*, понимая революцию как нечто весьма отличное от снабжения питьевой водой крупного города. Мы не должны забывать, что победа передовой идеологии никогда не будет результатом только теоретического спора; она должна вытекать из правильной революционной практики, которую создают жизнь и опыт масс.

Это обстоятельство не должно толковаться в ущерб идеологической борьбе; напротив, оно требует включения этой борьбы в рамки экономических и политических действий; оно требует вести ее постоянно как один из видов проявления реальной политической боеспособности партии.

Заслонить идеологическую борьбу практикой означает отказаться от авангардной роли, хотя, с другой стороны, доктринерство объективно ведет в том же направлении. Ведь теоретическая борьба не приведет к тому, что не будет достигнуто практикой борющихся масс.

Идеологическая борьба является неотъемлемой частью революционной практики.

Следовательно, если справедливо сейчас и было справедливо прежде охватить и понять размах, отраженный также в заблуждениях и в ошибках революционного процесса, который нашел свое выражение во всех формах борьбы за прошедшее десятилетие, то необходимо, особенно когда спираль находится на новом восходящем витке, сделать выводы, хотя бы частичные, на основе этого опыта и попытаться поставить ряд кардинальных задач и задач по критическому преодолению ошибок.

Шестидесятые годы обострили идеологические споры. Это было время поисков, отказа от некоторых застывших точек зрения, критического осмысливания старых схем, а наряду с этим и время попыток воскресить другие схемы, зародившиеся в домарксистский период; но это было и время подлинного открытия новых дорог, а также и умышленного манипулирования полуправдами. В конечном счете, несмотря на все это, это был

период еще более прочного утверждения марксизма-ленинизма, победившего нападки справа и слева на кардинальные положения Маркса и Ленина о партии, о ее классовом характере и ее идеологии.

Это были годы стремительного включения радикальной мелкой буржуазии в антиимпериалистическую борьбу, годы выступлений студентов и молодежи, годы зарождения, затухания или застоя многих партизанских движений, годы роста антиимпериалистической деятельности военных, годы положительных изменений в церковных кругах... Годы перехода в лагерь революции новых социальных сил. Относительно многих из этих вопросов мы высказали наше мнение в самой книге «Ленин, революция и Латинская Америка» и не будем его повторять.

Кроме того, все это происходит в условиях международной социалистической революции; в условиях окончательного распада колониальной системы со всеми ее своеобразными проблемами; в условиях диалектического сочетания борьбы за мир во всем мире и революции; в условиях научно-технической революции; в условиях появления новых возможностей для борьбы пролетариата в некоторых странах Западной Европы... Наконец, в условиях усилий по восстановлению единства международного коммунистического движения.

Обеспокоенность общественной мысли и встречные поиски путей латиноамериканцами, естественно, неотделимы от мирового опыта и от острой политической и идеологической борьбы во всем мире.

Мы считаем, что в конечном счете достигнут успех. Но именно потому, что латиноамериканская революция двинулась вперед, теоретические и тактические требования сегодня выросли. Мы должны бороться не только более энергично, но и более умело. И *«быть трезвее»*, как советовал Ленин в одном известном случае.

Может быть, будет полезным широкий и активный обмен мнениями и критическими суждениями между революционерами Латинской Америки, в первую очередь между коммунистами.

Речь идет не о том, чтобы пуститься в странствия за новыми рецептами (чилийским, перуанским, кубин-

ским и т. д.). В таком случае мы ничему не научимся. А жизнь, трагически или комически, посмеялась бы над такой классификацией, как это сделала кубинская революция, перечеркнувшая разные мудреные формулы, как это сделала победа парода Чили на выборах, которая вызвала политико-теоретическое заикание у множества обычно весьма болтливых «ультралевых».

Но, конечно, остается великий «рецепт», выработанный Марксом, Энгельсом и Лениным для всех революций. *Побеждают те исторические решения, в которых главным действующим лицом выступают рабочие и народные массы. Создание социально-политической силы революции на всех этапах и при всех обстоятельствах — первая великая задача революционера. А передовая роль рабочего класса и марксистско-ленинской партии в рядах этой силы — объединенного народа — является предпосылкой и гарантией перехода к социализму.*

2. О НЕКОТОРЫХ ИДЕЙНЫХ И ТАКТИЧЕСКИХ СПОРАХ

С этой точки зрения история показывает, что мы переходим на новую ступень в поисках путей объединения пролетариата и средних слоев для осуществления антиимпериалистической и демократической революции и что этот прогресс означает преодоление ошибочных идей и положений, которые, кроме всего прочего, имеют своей целью поношение коммунистических партий.

Изобретатели этих идей называли догматичными и поэтому не соответствующими основным чертам латиноамериканской революции кардинальные положения марксизма об авангардной роли пролетариата, не стесняясь при этом прикрываться фальсифицированными цитатами из трудов Маркса и Ленина.

Иногда, стремясь найти замену пролетариату как авангарду, они говорили о зажигательной роли мелких, но героических групп, возникавших, естественно, из среды мелкобуржуазной интеллигенции; другие дополняли этот начальный тезис, пропагандируя возможности повстанческих действий деревенской бедноты, чтобы выдвинуть в качестве гегемона деревенского

бедняка вместо рабочего и поменять местами положение ленинской концепции рабоче-крестьянского союза; третьи преувеличивали роль отверженных, деклассированных элементов и люмпенов в революционном действии. Они возвращались от Маркса к Бакунину, что не мешало им в споре по поводу путей и движущих сил революции отрицать всю систему союзов рабочего класса с другими классами и социальными группами, способными объединиться против империализма и олигархии. В этом чистом «обреризме» * марксистская концепция пролетариата растворяется в туманной категории *несчастных*, более подходящей для религиозной литературы, чем для социальной науки, и более близкой к «униженным и оскорбленным» Достоевского, чем к историческому материализму. Здесь уже видны следы «блестящего» пропагандиста колониальных восстаний Ф. Фанона, и поныне являющегося классиком мелкобуржуазной путаницы, из-за его неспособности понять значение классовой борьбы в диалектике социалистической и антиимпериалистической революции нашего времени. Даже название его главной книги — «Обреченные этой земли» — стоит ближе к библейскому тексту, чем к Коммунистическому Манифесту.

Но эти концепции, которые в области литературы имеют свои особые значения и привкус — вспомним слова Ленина о Толстом, — в области революционной теории приводят к неожиданным дилеммам и сюрпризам. В этом случае речь идет уже не о громадном революционном потенциале пробуждающихся колониальных и зависимых пародов, поднимающихся на освободительную борьбу, которая соединяется с социалистической революцией, открывшей перед ней дорогу в Октябре 1917 г., — речь идет о том, чтобы классифицировать масштабы нищеты и под этим углом зрения провозглашать взгляды мелкого буржуа «третьего мира» более передовыми, чем последовательная деятельность пролетария-коммуниста; провозглашать более революционным какое-нибудь крестьянское восстание в Африке —

* Обреризм — латиноамериканская анархо-синдикалистская теория, от слова «обреро» — рабочий. — *Прим. перев.*

вообще говоря, несомненно, революционное, — чем строительство коммунизма в СССР и других странах Европы и — логически продолжая эти рассуждения — на Кубе, в КНДР и ДРВ, не говоря уже о Чили.

Европейский социал-демократ начал спор с Лениным, потому что Ленин, исходя из научного анализа, показал большое значение революции колониальных и зависимых народов для разгрома империализма и историческое слияние этой революции с международной социалистической революцией. Нынешние критики подходят к этой проблеме с противоположной стороны. Они льстят себя реакционно-утопической надеждой противопоставить революцию народов, угнетенных империализмом, социалистическому лагерю и международному рабочему классу, причем очень часто радикализированный интеллигент, примыкающий к таким идеям и использующий их даже для того, чтобы оправдать крайне «левую» позицию, не осознает полностью, что такая постановка вопроса имеет правооппортунистический характер. Зато буржуазный национал-реформист, или просто буржуазный националист, полный решимости не выходить за границы буржуазного общества, это осознает. Такие люди стремятся поставить себе на службу национально-освободительные стремления всего народа и даже воспользоваться революционным — то есть нереформистским — порывом радикализированной мелкой буржуазии, квазисоциалиста — интеллигента или студента. С этой целью они могут разработать самую экстремистскую методологию, только бы она уменьшила или свела на нет независимую роль рабочего класса. Крайне революционная внешность форм борьбы затемняет роль классов, что отражается и в выборе методологии. Как учил Ленин — *без революционной теории нет революционной практики.*

Если оставить в стороне суждения морального порядка, то можно сказать, что, может быть, самым показательным и живописным примером выразителей таких взглядов на нашем континенте является Хуан Доминго Перон.

С другой стороны, характерно, что организации, состоящие главным образом из представителей средних слоев и которые ставят себе задачу прибегать к «вооруженной борьбе», называемой чаще «прямым действием», придерживаются националистических концепций и даже считают их зачастую марксизмом-ленинизмом. Это делается ими и тогда, когда они недооценивают значения теории и подводят *идеологическую* базу под определенные методы борьбы.

Мы не недооцениваем национализм угнетенных наций во всем его демократическом значении. Такова концепция Ленина. Наоборот, не так давно мы повторяли, что патриотическая, антиимпериалистическая и демократическая позиция может выступать в форме националистической идеологии мелкой буржуазии и даже буржуазных слоев. Рабочий класс, идеология которого является интернационалистской по содержанию и национальной по форме, внимательно подходит к вопросу о возможном союзе с такими течениями. Но никогда нельзя допускать, чтобы пролетариат идейно подчинился подобным течениям и перешел на националистические позиции. Все, что есть действительно революционного в национализме средних слоев Латинской Америки, имеет корни в нынешнем процессе революции, заимствовано у пролетариата и его идеологии, является уступкой пролетарской точке зрения или отступлением перед ней²².

С этой точки зрения мы с сожалением констатируем, что группы или движения, столь экстремистские по своим методам, так близоруки в отношении идей и что революционеры, часто честные и решительные, считают, что это даже своего рода заслуга.

Коренной вопрос по-прежнему — это теория классовой борьбы.

Общий недуг, который был присущ многим партизанским движениям на континенте, состоял именно в этом. Если мы просмотрим большую часть их документов, мы обнаружим в них этот основной недостаток.

²² R. Arismendi, La revolucion uruguaya en la hora del Frente Amplio, Ediciones Pueblos Unidos, Montevideo, p. 37—38.

Идейная путаница и пренебрежение теорией и политической соединяются с безудержным превознесением одного из методов борьбы.

В общих чертах революционеру-националисту угнетенной нации, естественному союзнику коммуниста в патриотической и социально-прогрессивной борьбе, трудно правильно оценить роль социальных классов в революции. Мне скажут, что именно поэтому он является националистом. Это банальная истина. Однако важно заметить, что это заставляет националиста питать предубеждение против теории классовой борьбы, как если бы она была уловкой коммунистов, движимых стремлением к гегемонии. И если, кроме того, предрасудки националиста сделали его сектантом, он подумает, что вся эта теория просто одна из фигур тех «мировых шахмат», в которые играют СССР и социалистический лагерь.

Наш долг — при контактах с националистами — соблюсти правильное соотношение между единством и идеологической борьбой, что сегодня приобретает громадное практическое значение как для нас, так и для них. Потому что, не говоря уже о ложном, механическом противопоставлении национального интернациональному, а патриотического интернационалистическому, националисты могут стать игрушками той же самой классовой борьбы и империализма, жизненно заинтересованного в том, чтобы отделить национально-освободительный поток от международной социалистической революции. Поэтому разъяснительная работа и практическая деятельность должны разрешить проблему, которая сегодня возникает, несмотря на существование ряда правительств националистического характера, возглавляемых военными, и которая уже правильно решается в тех странах, где создаются фронты освобождения.

Кстати, я не могу противостоять искушению сделать одно замечание. Андре Мальро — человек столь своеобразной личной судьбы, использующий свои *антимемуары*, чтобы отождествить де Голля с Францией и вычеркнуть коммунистов, партию расстрелянных и «маки», из истории, — делает такое замечание: «*Де Голль бредит*

Францией, как Ленин бредил пролетариатом, Мао — Китаем и, может быть, Неру — Индией»²³.

И добавляет: «Он (де Голль) солидарен с марксизмом в отношении коллективной (он сказал бы *национальной*) собственности на средства производства, но не в отношении преувеличения роли классовой борьбы»²⁴.

Если мы оставим в стороне намеренное смешение государственно-монополистического капитализма с социализмом, то ложный антагонизм между *пролетариатом* и *нацией* бросается в глаза, как и абсолютно надуманные параллели. Мальро — это противник, который знает, что делает.

Прямое или косвенное отрицание роли рабочего класса и значения оценки движущих сил революции было превращено в оружие для того, чтобы разгромить этих «бедных и заблудших» коммунистов, цепляющихся якобы за старую ветошь этих «левых приверженцев буржуазных институтов» — как заявлял не один такой «капитан Аранья» *, добровольно удалившийся в изгнание, чтобы таким образом нажить себе политический капитал.

И мы не обобщаем эту оценку, хотя, может быть, имеем на это право. По крайней мере мы имеем право на соответствующий ответ. Мы проводим различие между заблуждающимися, которые ведут серьезные исследования, и теми, кто паразитирует на внутренней полемике в революционном лагере, так же как в области действия мы умеем отличать тех, кто удостоверяет теоретическую ошибку своей кровью, от педантичной наглости мелкобуржуазного интеллигента, который никогда не пожертвует даже каплей своей крови.

С другой стороны, отрицание указанных истин касается не только теории классовой борьбы и социализма: игнорируется тот факт, что теория объективно подтверждается наличием 50 миллионов пролетариев в Латинской Америке.

²³ “La hogera de encinas”, Ed. Sur, p. 22, часть “Antimemorias” издана отдельно.

²⁴ Ibid., p. 26.

* «Капитан Аранья» — фольклорный персонаж, человек, который подстрекает людей на какие-либо действия, а сам остается в стороне.— *Прим. перев.*

И не только это.

Наши противники заклеили как реформистскую заурядность систематические организованные и боевые действия миллионов рабочих, которые в Уругвае, Аргентине, Чили и в других странах, проводя экономические и политические забастовки, частичные или общие, тем самым участвовали во многих из самых важных революционных битв нашего времени. В качестве примера подобных суждений можно привести книгу одного уругвайского автора, осмеявшего более 15 всеобщих забастовок, которые в условиях самых жестоких репрессий и ценой тысяч арестованных осуществил в течение ста дней 1968 г. пролетариат нашей страны, руководимый коммунистами. Эти страницы мы, марксисты-ленинцы, должны были бы переиздать — не для того, чтобы заклеить позором лично этого автора, но как правдивый документ политического мышления некоторых слоев мелкой буржуазии в часы радикализации и кризиса — и заняться изучением этого документа в партийных школах.

Ясно — и мы отмечаем это в нашей книге, — что во время различных «форм перехода» или на «путях подхода» и даже на антиимпериалистическо-демократическом этапе может случиться и случается так, что отдельные слои, главным образом слои мелкой буржуазии, могут оказаться в руководстве всего движения. Но это не мешает активному участию рабочего класса, особенно потому, что только он может руководить переходом к социализму.

В этих случаях деятельность марксистско-ленинской партии — даже самой небольшой — всегда будет выражать общие интересы пролетариата, теоретическую и политическую точку зрения всего исторического движения, единство тактической гибкости — к которой обязывают обстоятельства — с обобщенным опытом мирового рабочего и революционного движения. Свободные от ограниченных интересов, от мелкой сектантской борьбы от мелочных стремлений к верховенству, коммунисты будут всегда принципиально ответственными за судьбу всего движения — даже в тех случаях, когда на первом плане будут находиться представители сред-

них слоев—в военной форме или без нее. Мы демократы-антиимпериалисты и патриоты «до конца», потому что мы не теряем из вида нашу цель — социализм.

3. ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ ОДНОГО ПРОФЕССОРА

Отрицание или уменьшение авангардной роли рабочего класса сопровождалось — как мы уже указывали — игнорированием положения В. И. Ленина относительно важности революционной теории для революционной практики, а также недооценкой значения работы, направленной на выковывание политической силы революции, сознательного союза пролетариата и средних слоев, то есть освободительного фронта в любой форме. Победа Народного единства в Чили, образование фронтов в Уругвае, Аргентине и других странах говорят о проведенном обобщении полученного опыта, что является еще одной победой марксизма-ленинизма.

В то же время еще не смолкают жалобы некоторых из этих специалистов по латиноамериканской революции, которые оказались и у нас «по счастливой случайности». Например, А. Гандер Фрэнк позволяет себе называть чилийское Народное единство и Широкий фронт Уругвая *«реформистскими коалициями, созданными в целях выборов»*, которые действуют в тылу движений «прямого действия», и, «может быть, временно». «Во время глубоких социально-экономических кризисов, как, например, сейчас, эти движения укрепляются, но трудно представить себе, как они могли бы дать какое-либо конкретное решение, чтобы устранить зависимость, сверхэксплуатацию и буржуазную власть, связанную с ними»²⁵.

Критика вьетнамца Нгуена Нге по адресу Фанона, о которой я говорю в этой книге, предвосхищает ответ тем, кто противопоставляет «вооруженную борьбу» необходимой коалиции или фронту социальных классов и слоев, призванных осуществить революцию.

²⁵ См.: J. Rodríguez Elizondo, "El cerco sontra Chile", Revista "Principios", № 145, mayo — junio 1972.

Уже немногие поддерживают сегодня известное положение Р. Дебре, который превращает «вооруженный очаг» — путем его последовательного расширения — в освободительный фронт и даже передовую партию, иными словами, который ставит с ног на голову процесс соотношения между политическими и военными факторами и сводит революционную теорию к анализу роли одной из форм вооруженного восстания. Это *принижение теории* — парадоксальное в человеке, который хвалится тем, что он «ученик Альтгуссера», — нужно ему для того, чтобы перепрыгнуть через положение Ленина относительно партии и через основную мысль Маркса и Энгельса о всемирно-исторической роли рабочего класса. Как далеко все это от книги Эрнесто Че Гевары «Партизанская война» независимо от того, разделяем мы или нет целиком его теорию восстания!

Гандер Фрэнк в данном случае, очевидно, понимает под «вооруженной борьбой» «прямое действие», по-видимому смешивая его с «партизанской войной», как ее обычно мифологизируют²⁶ в некоторых европейских университетах и в пестрых группах латиноамериканской мелкой буржуазии. Что касается обвинения в реформизме, которое распространяется даже на деятельность правительства Альенде, то эти обвинения только доказывают, на каком астрономическом расстоянии от марксизма-ленинизма находится этот добрый профессор, который плохо разбирается в диалектике революционного процесса с ее противоречивыми связями реформы и революции, в расстановке политических сил, призванных осуществить качественные преобразования, в использовании методов и форм борьбы, в соотношениях между теорией и политикой и в единстве последних

²⁶ В. И. Ленин, издеваясь над этим мифологизированным суждением анархистов о «прямом действии» говорил: «Слепая вера в чудодейственную силу всякого *action directe*; выхватывание этого «непосредственного воздействия» из общей социально-политической конъюнктуры без малейшего ее анализа; словом, «произвольно механическое понимание общественных явлений»...очевидно». (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 190—191.)

для подвода масс к революции и во время революции и т. д. Упрощенчество, которым всегда характеризовался анализ производственных отношений и соотношения классовых сил в большинстве стран Латинской Америки, осуществлявшийся Гандером Фрэнком, упрощенчество, которое привело его к общей постановке вопроса, устраняющей фазы нашей революции, является так же, как и его требования «прямого действия», «произвольным механическим пониманием социальных явлений». Он просто не может разобраться в диалектическом соотношении между демократической и антиимпериалистической революцией и революцией социалистической.

Если социально-экономические отношения какой-либо страны свойственны зависимым капиталистическим странам, марксист-ленинец выводит отсюда, что революция должна освободить эту страну от империалистического ига — такая задача неотделима от других коренных демократических изменений, связанных с самого начала с антикапиталистическими мерами. Это означает быстрое поступательное движение к периоду перехода к социализму, если этот процесс осуществляется при решающем влиянии рабочего класса, интересы которого выражаются его партиями. Это происходит в Чили и может произойти в других странах нашего континента. Так рассуждал В. И. Ленин.

Гандер Фрэнк приходит к противоположному выводу — революция должна быть социалистической с самого начала, без этапов и, конечно, без «путей подхода». Так или почти так звучат слова нашего профессора²⁷.

²⁷ Родригес Элисондо цитирует ту фразу, в которой Г. Фрэнк бросает общее обвинение в том, что борьба против «десаррольизма» [«Десаррольизм», от исп. слова «десаррольо» (развитие) — теория, постулирующая буржуазное развитие Латинской Америки. — *Перев.*] «не могла бы вестись на условиях марксистских моделей 14, 13, 12, в соответствии с которым и в Латинской Америке есть еще районы с двойственным характером развития, в которых феодальный сектор ожидает еще своего освобождения со стороны национальной и антиимпериалистической буржуазии». Как если бы кто-либо, кроме глупца, мог утверждать подобное! О таком «марксизме» мы никогда не слыхали, но зато мы очень хорошо знаем, кто клеветает на коммунистов.

Но давайте раскроем подоплеку этого теоретического суждения. Родригес Элисондо подводит итоги откровения этого ментора революций, вскрывая их цель.

«В настоящее время в Латинской Америке антиимпериалистическая борьба должна осуществляться через классовую борьбу.

Народная мобилизация против ближайшего классового врага в национальном и местном масштабах вызывает более энергичное выступление против империалистического врага, чем то, которое могла бы дать прямая антиимпериалистическая мобилизация.

Националистическая мобилизация с помощью политического союза наибольшего числа антиимпериалистических сил не бросает надлежащим образом вызова непосредственному классовому врагу и, как правило, даже не заканчивается подлинным и необходимым столкновением с империалистическим врагом»²⁸.

Родригес Элисондо разоблачает опасный правый оппортунизм, который скрывается под фразеологией нашего профессора: «В общем, забудем, что существует империализм. Не будем поощрять союз могучих сил против империализма...» «будем иметь в виду, что борьба классов происходит в плоскости, отличной и не зависящей от плоскости антиимпериалистической борьбы».

4. НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ПАРТИЗАНСКОЙ БОРЬБЕ

Клевета на нашу партию и другие коммунистические партии Латинской Америки, состоящая в обвинении нас в реформизме за то, что мы не используем методов вооруженной борьбы независимо от соотношения сил, находит питательную почву в отрицании марксистско-ленинской теории и революционной практики, которая ей соответствует. Есть даже люди, повторяющие глупость анархистского происхождения, что теория и идеология имеют небольшое значение, что главное — это добиться совпадения действий. Это дей-

²⁸ J. Rodríguez Elizondo, op. cit., p. 75.

ствие при этом понимается в духе «культы прямого действия» или стихийных беспорядков, которые политически дают пищу врагу²⁹.

Что касается революционной действенности — или отсутствия действенности — различных методов и форм борьбы, то мы попытались дать — с помощью В. И. Ленина — определение этого вопроса в целой главе настоящей книги. Действенны те формы, которые соответствуют правильному определению политического момента, содействуют приобретению опыта массами и росту их революционного сознания.

Текущее десятилетие будет в решающей степени способствовать выяснению данного вопроса.

Опыт многих партизанских движений, в том числе опыт болезненного и кровавого поражения в Бразилии и очень тяжелые удары, нанесенные тупамаросам в Уругвае, будут способствовать более глубокому и критическому суждению по этим вопросам.

Что касается партизанского движения в его совокупности и методов его оценки В. И. Лениным, то мы не думаем, что нужно вносить изменения в то, что написано в данной книге. Мы по-прежнему считаем правильной эту попытку освещения проблемы. Мы даже считаем ее еще более правильной в нынешний момент спада или очень малых масштабов партизанских выступлений в ряде стран.

В данной книге мы утверждаем главным образом, что общие законы вооруженного восстания, изложенные Марксом, Энгельсом и Лениным, годны и для партизанской войны, хотя эти законы своеобразно проявляются в специфике данного явления.

Мы напоминали мудрую фразу В. И. Ленина: «Но осуждению подлежит, по нашему мнению, ППС-овское **извращение** тактики партизанских выступлений, а не самая эта «тактика» вообще»³⁰.

²⁹ «Мелкобуржуазные революционеры, обвиняющие коммунистов в реформизме, не в состоянии понять, что революционный дух не связан с определенными методами борьбы и что методы сами по себе не обладают классовым содержанием» (Габор Карцог).

³⁰ Цитируется на стр. 456 данной книги.

И хотя Ленин не говорил о явлениях, тождественных тем, которые происходят в Латинской Америке, его положение распространяется на все случаи, то есть на обстоятельства, когда партизанская война является частичным методом борьбы и когда она входит составной частью в действия, которые должны быть началом вооруженного восстания. Такие формы борьбы всегда обусловлены социально-политическим положением и возможностью повести массы на штурм власти. Мысль К. Маркса — отмечали мы на стр. 424 — отличается от бланкизма в двух жизненных вопросах — необходимость наличия объективной ситуации для взятия власти и роль масс в революции.

По отношению к партизанским выступлениям — главным образом в сельской местности — в многочисленных районах континента наша партия заняла принципиальную позицию, связанную с внимательным изучением вопроса в общем и целом и в его частностях.

Мы стали свидетелями поразительных фактов, отражающих освободительную борьбу на континенте. Во многих случаях участниками их были выходцы из средних слоев интеллигенции, и нередко они были честными революционерами, которые пытались «сделать революцию» с помощью военного — или, если угодно, военно-политического — акта, невзирая на то, существовал ли революционный кризис, они надеялись вызвать его своими просветляющими сознание масс актами, и даже тогда, когда не существовало признаков «предреволюционной ситуации». Очень часто они возводили в теорию презрение к политическим действиям и к действиям рабочего и народного движения. Политическая борьба масс, борьба в профсоюзе оценивалась ими с точки зрения инфантильного схематизма. Они рассматривали массы как своего рода резервную армию или вспомогательную силу, которую могут по своему произволу использовать отряды партизан, часто неизвестные массам.

В некоторых странах группы, которые предпринимали подобные действия, хвастались своими наскоками на коммунистические партии. Дело дошло до того, что руководитель небольшого партизанского отряда в Ко-

лумбии ответил на предложение единства со стороны Марауланды — бойца-ветерана крестьянской войны — тем, что поставил ему условие порвать с партией, к руководству которой он принадлежит. Мы могли бы привести и другие примеры, если бы это сегодня имело какую-либо цель.

Наша партия заняла по отношению к партизанскому движению позицию, учитывающую его классовое происхождение, его характер отпора насилию империалистов и тиранов. Она приняла на себя обязательства, которые солидарность накладывает даже по отношению к заблуждающимся революционерам. Но мы всегда указывали на ошибки в концепции восстания и даже в понимании политического — конъюнктурного — момента многими из этих движений. В конечном счете их революционное мышление было в основном волонтаристским.

По многим из этих причин их постигла неудача. Но мы совершили бы ошибку в освещении вопросов, в историческом толковании и политической оценке, если бы стали полагать, что размах усилий партизан в эти годы объясняется только неправильной теорией. Латиноамериканская партизанская война родилась не только из-за ошибок теоретического плана. Она была плодом социально-политической обстановки на Южноамериканском континенте и его отпора американскому империализму, хотя ошибочность теории и политики некоторых ее представителей была очевидной.

Поэтому мы не считаем, что нынешние серьезные поражения партизанского движения приведут к роковому и окончательному исчезновению этого явления. Его социальные и политические причины остаются в силе. А революционный процесс на континенте будет ускоряться. Мы сказали в данной книге, что метод партизанской войны навсегда вошел — после Кубы — в арсенал освобождения наших народов. Нужно только включить его в цельную концепцию революционного процесса, чтобы он был свободным от бланкизма, от элементов анархистского происхождения типа террористической практики или «слепой веры» в магические свойства «прямого действия».

Чтобы возродиться из пепла и снова обрести свое значение, партизанская война должна вернуться к тому, чем она действительно является, — а именно стать методом, а не всеобъемлющим учением. Таким образом, она вновь обретет свои основные заслуги, подтвержденные кубинской революцией, — творческим вкладом в проблематику нашего освобождения.

Иными словами, наступил час, когда метод партизанского движения должен покончить с «партизанщиной». Тогда оценка опыта 60-х годов будет иметь диалектический характер, она поведет к теоретическому и критическому развитию и не будет чистым формализмом доктринерского отрицания. Иными словами, марксистско-ленинская критика не может отречься от своих неотъемлемых обязательств и прав, но для того чтобы выполнить эти обязательства и осуществить эти права, она должна знать, что нельзя просто так стереть, как губкой с доски, опыт, характерный для десятилетия сложной революционной истории.

Правильное использование этой формы борьбы должно исходить — не теряя своеобразия, которое сделало эту форму плодотворной на Кубе, — из марксистско-ленинского понимания, то есть из законов революции, действующих на этапе восстания. И такое развитие этой борьбы будет означать подлинное уважение к памяти героев, павших в партизанских боях за свободу континента, во многих случаях жертв ошибочной или по крайней мере не скорректированной должным образом теоретически-политической концепции сил, борющихся за власть.

Начнем с того, что мы не осмеливались бы утверждать, что все неудачные партизанские движения в Латинской Америке были с самого начала обречены на неудачу, хотя мы уверены, что в большинстве случаев, в свете марксистско-ленинской теории, поражение было наиболее вероятным.

Нельзя также упрощать и сваливать в кучу все эпизоды этой сложной и трагической истории. Среди этих партизанских движений есть и такие, которые со своей исторически чистой «партизанщиной» будут отмечены только как печальные авантюры, в то время как

другие имели большее значение на политической арене. Некоторые, как, например, в Колумбии — в результате действия объективных причин и истории, — выступают в качестве составной части перспективы захвата власти, в которой сочетаются многие факторы. В Гватемале, где наблюдаются тяжелейшие условия борьбы, уже давно имеет место терроризм и гражданская война. Было бы нелепо спорить о «нужности» или «ненужности» применения оружия в подобных случаях.

Поэтому необходимо добавить несколько критических замечаний — естественно и логично вытекающих из суждений нашей партии — в целях содействия прояснению теоретико-политического сознания тех, кто верит в партизанское движение как во всеобщую форму борьбы и думает, что проблема власти во многих из наших стран зависит только от вооруженной инициативы решительной группы революционеров, а в то же время они якобы сталкиваются с «нехорошими» коммунистами, цепляющимися за свои устарелые и реформистские схемы. Следовательно, для этих людей вопрос состоит в том, чтобы тянуть нас за собой или двигаться вперед через наш политический труп. Но так как коммунистические партии с каждым днем укрепляют свои ряды почти по всей Латинской Америке, а во многих странах происходит то, о чем мы говорили, и, наконец, ввиду того, что столько партизанских движений терпят неудачу, такое объяснение оказывается слишком простым и слишком... антикоммунистическим.

Кроме того, оно не разъясняет причин — пусть не трагедии, но, во всяком случае, результата действий героических бойцов, имена которых будут начертаны, несмотря на все наши разногласия, на обелиске, который будет воздвигнут в честь победы континентальной революции, как это сделал Ленин на обелиске у стен Кремля, увековечив имена людей, чью теоретическую или политическую деятельность он сам до этого подверг сокрушительной критике. Подобное объяснение не освещает причин разложения некоторых движений после первоначального успеха и мужественных действий, участники которых не выдержали поражения или сами

себя погубили, ведя себя далеко не как революционеры под пытками и в условиях преследований.

И ответ на этот вопрос нельзя дать путем ссылки на роль вождей. Когда говорят: *«не хватило своего Фиделя Кастро»*, этим говорится много, поскольку нельзя игнорировать роль личности в истории, но говорится и мало в отношении изучения особых причин некоторых неудач и еще меньше в отношении объяснения того, как человек, готовый умереть с оружием в руках, может, подвергнувшись репрессиям или пыткам, выдать своих товарищей, обрекая их на смерть и все предприятие на гибель.

И мы не говорим об изолированных случаях или о второстепенных работниках. Такое всегда может случиться. Но история революций — и особенно коммунистических партий, даже самых маленьких и слабых — это история бойцов, которые побеждают пытки и этим побеждают политическую смерть.

Мы думаем, что подход к этому вопросу нам показывает бразилец Марко Морейра Альвес — оговоримся, что мы разделяем не все его суждения, высказанные в книге, премированной «Домом Америк», — когда он берет быка за рога и рассказывает о горьком опыте Бразилии. Он напоминает, что убийство главных руководителей партизанского движения в 1967—1971 гг. произошло из-за признаний, вырванных под пыткой. Он упоминает о таких людях, как Карлос Маригелла, Камара Феррейра и Карлос Ламарка, известных революционерах, из которых два первых имели большой опыт деятельности, — все они заслуживали всяческого уважения, несмотря на то, согласны ли мы или нет с их деятельностью в последние годы. *«Согни революционеров были арестованы, и многие погибли, потому что их товарищи не выдержали физической боли...»* «Бразильский опыт учит, что у жертвы, которая начинает индивидуализировать свое страдание и создает себе иллюзию возможности остаться в живых, всегда уменьшается способность к сопротивлению. Только те, кто способен соразмерять значимость своих собственных страданий со значимостью общей борьбы за освобождение нашей земли, могут вести себя, вися головой вниз

в «пау де ара»*, как подлинны́е представители угнетенных, и таким образом сохранить свою тайну. Такая стойкость может быть результатом только глубокого политического убеждения. К несчастью, группы городских партизан пренебрегли политической подготовкой своих кадров, и за это пренебрежение приходится платить с лихвой, когда имеешь дело с пыткой»³¹.

С другой стороны, можно привести длинный список имен тысячи коммунистов в той же самой стране, вышедших победителями из всех пыток, которым их подвергали.

Было бы большим упрощением говорить, что любой, кто вооружен правильной идеологией, побеждает пытку, и наоборот. Однако замечание Море́йры Альвеса по существу правильно, хотя и ограничено. И когда подобное явление повторяется в массовом масштабе в других странах, то первая мысль, которая приходит на ум, — это то, что мы имеем дело с последствиями пренебрежения теорией и политикой, которые заменяются доведенным до мифологических масштабов воспеванием методологии — эта черта уже критиковалась ранее в нашей работе. И это воспевание сопровождается легкомысленным пониманием борьбы классов и национально-освободительной борьбы, которая считается сравнительно легкой — хотя и говорят о «длительной войне», — пусть только какая-либо группа бросится в бой с решимостью и с оружием в руках. В отличие от распространенной фразы Мао: «*Винтовка рождает власть*», власть завоевывается действиями объединенного народа, возглавляемого рабочим классом и его партией, *сила которой возникает прежде всего из ее теории, из политической способности вести массы на борьбу и из закалки ее кадров, а эта закалка в основном заключается не в мужестве — которое нужно иметь, — но в идеологической стойкости*³², в революционной закалке. При этом не сле-

* Пау де ара (порт.) — крытый грузовик, здесь, видимо, название способа пытки. — *Прим. перев.*

³¹ Марсо Море́йра Alves, Un grano de mostaza, Premio Testimonio 1972, La Habana, p. 139—140.

³² Один из персонажей романа «Мать» М. Горького сказал, что сначала нужно вооружить голову, а потом уже руки.

дует пренебрегать ни на миг и значением винтовки.

Если бы мы послушались канадской женщины-профессора Рене Леско Бодуэп, мы должны были бы думать наоборот. Она приходит к невероятному выводу относительно латиноамериканской партизанской войны. Она доказывает — в статье, полной неточностей и фальсификаций, — что почти все начатые партизанские движения потерпели поражение. Но она утешается тем, что мы якобы являемся свидетелями «укрепления идеологии» и «ослабления движения». Побеждающая «идеология» — это как раз и есть тезис Р. Дебре³³.

А мы думаем как раз наоборот. Партизанская борьба будет жить в Латинской Америке, как мы уже говорили. Но зато переживает кризис постановка вопроса — не всегда равнозначная, — которая превратила эту борьбу в схему и которая, наряду с различными предубеждениями и предрассудками, помешала необходимому изучению кубинского опыта.

Терпит поражение теория об «активном меньшинстве», в руках которого находятся ключи от революционного процесса, терпит поражение поставленная с ног на голову концепция политической зависимости методов от соотношения сил. И с треском потерпела крушение мысль о том, что идейно пестрая и теоретически убогая группа может заменить марксистско-ленинскую партию.

В двух недавних работах — одна из них принадлежит венгру Габору Карцогу, а другая — советскому публицисту Юрию Красину — рассматривается партизанское движение на основе точек зрения, с которыми мы вполне солидарны. Иными словами, в этих работах не только критикуются определенные позиции, но делается попытка рассмотреть проблему в ее правильном освещении. Красин выступает против волюнтаристской претензии представить партизанское движение в качестве движущей силы революции и вместе с тем освещает все стороны этого вопроса. В частности, он отмечает

³³ R. Lesco Baudoin, Boletín uruguayo de sociología, febrero 1972.

активную роль авангарда в образовании конкретной революционной ситуации. «Пока революционная ситуация не сложилась полностью, но наметились черты политического брожения, активная деятельность авангарда, в том числе при благоприятных условиях и вооруженная борьба, может ускорить ее созревание и перерастание в революцию. Так произошло в ходе кубинской революции»³⁴.

Красин вспоминает наше мнение, когда мы в репортаже в журнале «Ринашпта» в 1967 г. утверждали, что в «предреволюционной ситуации» «способность авангарда вмешиваться в процесс — это неотъемлемый компонент самого процесса»³⁵.

И он добавляет: «Однако в «теории очага» вооруженная борьба не средство ускорения начавшегося массового политического брожения, а *первоисточники и первопричина* революции»³⁶.

Дело обстоит именно так, особенно из-за отрицания ленинской теории партии.

Вышеупомянутый канадский профессор из Монреаля говорит об этом с определенным удовлетворением:

«Сила партизанского движения оказалась более пригодной, чем партия, к тому, чтобы взять на себя роль естественного авангарда вооруженной борьбы в Латинской Америке. Этот факт влечет за собой чрезвычайно важные последствия, поскольку в дальнейшем прогресс революции на этом континенте требует ставить основное ударение на развитии партизанской войны, а не на укреплении коммунистических партий или на создании новых партий. Считают, что *партия не может играть роль передовой революционной силы, а ее участие в революционном взятии власти не необходимо*»³⁷.

В общем, ну его, Лепина, и его теорию. Какая радость! С 1917 г. мы терпим этих коммунистов с их упрямыми утверждениями, что проблема партии — это

³⁴ Ю. Красин, Дialeктика революционного процесса, стр. 103.

³⁵ Там же, стр. 103—104.

³⁶ Там же, стр. 104.

³⁷ R. Lescor Baudoin, op. cit.

ключ к социалистической революции! И да здравствует «идеология», хотя бы партизанское движение терпело неудачу!

Нам очень жаль, что мы не способны облегчить душевные страдания уважаемой дамы. 70-е годы будут отмечены еще большей ролью коммунистических партий в жизни американских стран.

Прошедшее десятилетие было десятилетием испытания для наших партий. Мы впали бы в идеализацию и поверхностность, если бы сказали, что выдержали все испытания без трудностей или без отставания от темпа истории. В нынешний период, когда к нам предъявляются самые высокие требования, необходимы коллективное подведение итогов и самокритика. Но, в общем, движение в целом преодолело препятствия, укрепилось, многому научилось, развилось, подтвердило свое постоянное присутствие и во многих местах активно развертывало революционную борьбу.

Мы должны подняться на уровень этих задач, не проявляя сектантства, которое может закрыть перед нами дорогу, и без вывихов, которые могут принизить теорию, ослабить нашу политику и подорвать наш классовый дух.

IV. НЕКОТОРЫЕ СТОРОНЫ УРУГВАЙСКОГО ОПЫТА

Насилие — на каждом твоём шагу
И живёшь в насилии, хотя этого
и не хочешь.

Хуан Кунья

1. АЛЬТЕРНАТИВА НАРОДНОЙ ВЛАСТИ

«В свете нынешних событий,— говорили мы с трибуны XX съезда нашей партии,— видимо, оправдывается предупреждение, сделанное на предыдущих съездах, суть которого — рассматривать события на континенте в зависимости от двух тесно связанных истин. Эти истины, внешне явно противоположные... выражают диалектический ход революции. Так, с одной стороны, мы подчеркивали необходимость найти в социально-политических условиях и в условиях революционного момента каждой страны столбовую дорогу или кратчайший путь, который облегчил бы достижение единства народа и развитие процессов его освобождения. Никакая общая истина, никакой исторический рецепт или аналогия не могут полностью охватить своеобразие данных обстоятельств, которые должны преобразовать мы сами. Но, с другой стороны, мы впали бы в мелочный партикуляризм, если бы не заметили, что даже наша уругвайская действительность, *одна из наиболее своеобразных*, является частью обстановки в Латинской Америке, подвергающейся революционным потрясениям, на континенте, на котором ускоряются экономические, социальные, политические, национальные процессы и созревают объективные условия революционного преобразования, поставившего на повестку дня целого периода вопрос об освобождении. *Задача достижения народной власти сегодня есть конкретная историческая цель. И проблемы единства народа, субъективных фак-*

торов, и в частности проблема партии, с каждым днем все больше выявляются в качестве кардинальных вопросов победы революции»³⁸.

И съезд счел как раз характерной чертой нового положения в Уругвае созревание предпосылок для альтернативы прогрессивной демократической власти. «Необходимость добиться при этом такого правительства, которое будет осуществлять программу демократических преобразований и возвращения национального суверенитета, в котором будут участвовать рабочий класс и широкие массы трудящихся, становится центральной задачей начинающегося периода».

Такая оценка главных задач *целого периода* основывалась на анализе объективных факторов, в том числе на изучении кризисных процессов в материальном базисе уругвайского общества и их отражения на классовой и антиимпериалистической борьбе и на надстройке.

Очень кратко и схематично, как это всегда бывает при простом перечислении, можно сказать, что нынешний момент в Уругвае характеризуют следующие постоянные факторы:

а) глубина структурного кризиса;

б) социальная поляризация, ускори́вшаяся не только в результате роста значения рабочего класса и масс наемных тружеников, но вследствие изменения структуры господствующих классов, когда на первый план выдвинулась олигархия крупных монополистических буржуа — финансовых, промышленных и торговых, — а также лати́фундистов, причем главным действующим лицом стал банкир. Эта олигархия, тесно связанная с американским империализмом, с 1960 г. заняла основные высоты политической власти. А с момента прихода к власти администрации Пачеко — душителя свободы, — администрации продажной и коррумпированной, олигархия через своих самых приближенных людей захватила и главные министерские посты;

в) обострение структурного экономического кризиса, который стал еще более глубоким из-за политики

³⁸ Informe Central al XX Congreso del PCU, "Estudios", № 58, p. 20.

олигархии и использования рецептов Международного валютного фонда, где верховодят США, усилило борьбу классов, особенно активизировало действия рабочего класса и средних городских слоев и укрепило их единство. Они упорно сражались в защиту своих прав, за программу, содержащую их насущные требования. Основная сила единства и руководства рабочего класса и системы народных организаций — коммунистическая партия — выросла численно, политически и идейно; она стала *реальной политической силой*;

г) с 1968 г. правительство Пачеко стало прибегать к репрессиям во всех их формах. Тысячи рабочих были арестованы, а десятки тысяч испытали на себе действие военных законов. Чрезвычайные меры. Закрытие газет. Налеты на учебные заведения. Сотни трудящихся ранены во время уличных столкновений. Убийства студентов. Но репрессии не смогли сломить рабочее и народное движение. Забастовки, стачки и демонстрации развивались — под руководством Национального конвента трудящихся и с участием прежде всего коммунистов — в течение всех этих лет.

Рядом с рабочим и народным движением и на основании других концепций начали действовать группы, стремившиеся создать «очаги вооруженной борьбы», среди которых только Движение за национальное освобождение («тупамарос») приобрело значение и сохранило преимущество своих действий;

д) правительственная политика и народная борьба вызвали в стране новое положение. Экопомпеческий кризис, беззастенчивый грабеж, осуществляемый олигархией, и репрессии, с одной стороны, и действия рабочих и широких народных масс — с другой, ускорили кризис надстройки. Этот кризис в политическом плане выразился в подрыве двухпартийной системы, а в идеологическом — в кризисе господствующей национально-реформистской идеологии, что создавало лучшие условия народного единства.

* «Тупамарос» — от имени Тупака Амару — вождя восстания в XVIII в. перуанских индейцев против испанских колонизаторов.— *Прим. ред.*

Высокий уровень накопленных сил, достигнутый рабочим классом и народом — подтверждает XX съезд, — является главной чертой, характерной для начала этого нового периода.

На этом фоне появился Широкий фронт. В него вошли христианско-демократическая партия, коммунисты, социалисты, отдельные группы и политические деятели, вышедшие из так называемых традиционных партий. С самого начала в него вошли силы, которые в 1962 г. создали Левый фронт освобождения. К нему присоединились затем различные другие движения. Важно отметить участие в Широким фронте значительного контингента военных деятелей, в том числе нескольких генералов, а также многих известных в стране представителей научных работников, преподавателей, деятелей литературы и искусства. Фронт избрал своим президентом генерала Сереньи и вице-председателем выдающегося профессора медицины доктора Кроттодживи.

С самого начала по всей стране были созданы сотни низовых комитетов.

И хотя Широкий фронт готовился к выборам в ноябре 1971 г., он был создан не только для участия в выборах, а как форма единства народа для завоевания власти.

Согласно своей Декларации принципов и своей программе, Широкий фронт является демократическим, прогрессивным и антиимпериалистическим движением. В Декларации он определяется как объединение широких слоев народа против крупного капитала, латифундизма и империализма. Его предложения: независимая внешняя политика; национализация банковского дела, мясохладобойной промышленности и внешней торговли; аграрная реформа, меры по промышленному и сельскохозяйственному развитию; освобождение государственного сектора от империализма, в который тот проник с помощью займов; план ближайших и перспективных мероприятий с целью разрешения проблем народного благосостояния, культуры и здравоохранения. В качестве формы правления он предложил участие народа в управлении и представительство рабочих и трудящихся в деятельности всех центров по руководству

народным хозяйством и выдвинул план глубоких реформ в структуре государственных и судебных органов.

В отличие от чилийского Народного единства он не ставит перед собой социалистических целей.

По своей программе и по своим действиям Широкий фронт в политической области решительно отстаивает требования демократических свобод и народных прав, попираемых продажными и репрессивными правящими кругами.

С такой точки зрения это реальное объединение партий, политических руководителей, профсоюзных лидеров, интеллигентов, военных и религиозных деятелей, которые вместе встали на общие позиции сопротивления такому правительству — в парламенте и вне его, участвуя также в многочисленных демонстрациях во время похорон убитых студентов.

Одновременно с этим Широкий фронт выступил как знаменосец всех социально-экономических и политических требований, демократической и антиимпериалистической платформы, за что неустанно боролись, особенно в период 1968—1970 гг., широкие массы, особенно рабочий класс, студенты и радикально настроенная часть средних слоев.

Для коммунистов создание фронта, политического соединения двух аспектов — единства масс и единства партий — это высший этап в созрании социально-политической силы революции. Это коалиция пролетариата и средних слоев. Это конкретный путь подведения народа к власти.

Мы, коммунисты, стремились в течение многих лет выковать эту социально-политическую силу. Так же, как К. Маркс и В. И. Ленин, мы сознавали, что без выполнения этой задачи народ может победить только в исключительных случаях.

Мы работали таким образом, чтобы объединить рабочий класс и широкие слои трудящихся, и сегодня они совместно борются под знаменами Национального конвента трудящихся. Вокруг рабочего класса спланиваются студенты и интеллигенция из средних слоев. Мы боремся за то, чтобы объединить левые силы, и в настоящий момент опыт нашего предшественника — Левого

фронта освобождения — вливается в более широкое русло Широкого фронта. Мы стремимся создать сильную коммунистическую партию. В период созыва XX съезда мы отметили ее рост и ее глубокие корни в рабочем классе, ее постоянное участие в битвах народа.

Эта активная и систематическая работа была становым хребтом расширения, продолжения и углубления действий рабочих и широких народных масс. Она была также фактором, способствовавшим, в редких до того времени масштабах, развитию массового опыта, который вырос из революционного сознания многих тысяч трудящихся и людей из народа. Без этого фактора — решающего для революционного подъема — Уругвай окончательно скатился бы к фашиствующей диктатуре или же испытал бы отрицательное влияние разобщения и дробления сил после проигранных войн или после авантур, которые как раз потому и являются таковыми, что не имеют народных корней и от рождения неспособны воплотиться в опыте масс.

Из великих испытаний 1968—1970 гг. рабочее и широкое народное движение вышло окрепшим, несмотря на тяжелые удары и на серьезные поражения, несмотря на клевету и злобный антикоммунизм некоторых групп.

Этот результат нужно считать существенным фактором созревания нового политического этапа. Без этих крупных массовых боев, проводившихся под правильным политическим руководством, нельзя было бы представить себе Широкий фронт. Эта констатация не уменьшает заслуг партий и личностей, которые сделали возможным его создание.

Историческим событием является возвращение к союзу коммунистов и социалистов в рамках Широкого фронта и дальнейший прогресс наших братских отношений, основанных на совпадении принципов и на очевидной тактической близости.

Если судить по полной домислов статье Р. Дебре³⁹, весь уругвайский процесс (социальный кризис и кризис двухпартийной системы, действия масс, поля-

³⁹ R. Debrau, "Tupamaros, aprender de ellos", Casa, № 72

ризация классов, поллитическое единство и т. д.) — все это результат действий «очага» тупамаросов. Дебре дает нам не реальную оценку революционного пути Уругвая, а придуманную и искаженную версию, которую распространяют телеграфные агентства. В нашей стране якобы происходит драма, действующими лицами которой являются тупамаросы и правительство. Революционная борьба масс, глубокая и многообразная, затушевывается и превращается в невзрачный фон для этого «вестерна»*. И в этом случае словно и нет никаких действий рабочего класса и широких народных масс и всех их партий — все мы становимся кучкой статистов киноавантюры. И Р. Дебре даже допускает, что тупамаросы проявляют терпение, так как не полемизируют с коммунистами и другими деятелями, занятыми более или менее безобидной работой⁴⁰.

Этот политический иллюзионист характеризует революционную борьбу масс — не только пропагандистскую, но основанную на постоянном действии и ведущуюся самыми различными методами — как распространение манифестов и тому подобную мирную просветительскую деятельность.

Поэтому он и не понимает Широкого фронта. Вместо рассмотрения его как альтернативы власти он называет его «приемлемой альтернативой для участия в выборах»⁴¹. На практике, рассматривая страну и Латинскую Америку через замочную скважину, он воспринимает народное единство, нацеленное на достижение власти, как конъюнктурную операцию. А это уже постоянный правый уклон, несмотря на то что впадает в него этот «великий специалист» по революции.

26 марта 1971 г. гигантским митингом в Монтевидео открылась избирательная кампания Широкого фронта, ознаменовав вступление Уругвая на путь, с которого нет возврата. Об этом свидетельствуют мобилизация масс благодаря деятельности фронта, число и активность его низовых комитетов, приток трудящейся

* «Вестерн» (англ.) — ковбойский фильм. — *Прим. перев.*

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Ibid.

и студенческой молодежи в его ряды, поддержка его профсоюзными руководителями, общенациональный отклик. Но об этом же свидетельствуют и злобная кампания, развязанная реакцией, вмешательство США и Бразилии, режим политического насилия, отсутствие свобод, психологическая война, сопровождаемая закрытием газет Широкого фронта, покушения и провокации.

Введение государственного контроля над средним образованием, который правительством был поручен фашиствующей и продажной группе, что вызвало отпор учащихся, преподавателей и родителей, было использовано министерствами внутренних дел и национальной обороны для усиления всех видов насилия. Был открыто пущен в ход отряд «Эскадрон смерти», члены которого убили и искалечили несколько студентов. Покушения, организованные полицией и руководимыми ею отрядами, следуют одно за другим. Совершаются нападения на комитеты Широкого фронта, на Коммунистическую партию, на Союз коммунистической молодежи и другие организации, входящие во фронт, — в среднем по два нападения каждые три дня. Вместе с политической кампанией устрашения нападения фашистских отрядов и сил, сформированных полицией, имели целью запугать Широкий фронт, а также толкнуть его на то, чтобы он отказался от своей деятельности в массах и заменил ее позицией «удара на удар» (то есть в соответствии с инициативой врага и на территории, выбранной им). Происходили даже покушения на генерала Сереньи, кандидата в президенты от Широкого фронта.

Реакция учла, что это будут первые выборы с обязательным голосованием — не меньше 25% избирателей из числа людей, наиболее далеких от политического опыта и старшего возраста, особенно женщины, должны будут голосовать впервые. Также в первый раз голосовали и солдаты (кадровые, а не призывники).

Кампания террора, направляемая непосредственно США и Бразилией, делала ставку на антикоммунизм и на страх перед гражданской войной. Кроме того, она преследовала цель отождествить Широкий фронт с тупамаросами. Между тем это движение никогда не считало образование фронта народного единства желательной

гипотезой при возможном развитии уругвайской революции. Однако после создания Широкого фронта, видя его влияние на массы, его представители заявили, что это положительный опыт.

В отношении так называемой «проблемы насилия» позиции Широкого фронта были предельно ясны с самого начала. Речь генерала Сереньи 25 марта 1971 г. содержит принципиальные высказывания по данному вопросу. Указав на социальные и политические причины создавшегося положения, он сказал: «Страна живет в состоянии насилия, которого она не знала с эпохи гражданской войны, она переживает действительно самый глубокий кризис в своей истории»⁴². «...Широкий фронт — это единственный исторический выход для Уругвая, потому что это единственная сила, которая может принести умиротворение, которого мы все жаждем...» «Это последняя, решающая попытка Уругвая найти законный, демократический, мирный выход. Мы, Широкий фронт, даем такой мирный выход, и мы не допустим, чтобы была растоптана наша судьба». «Мы не хотим насилия, но и не боимся насилия. Мы не хотим ни хаоса, ни беспорядка. Существующий режим — это не установленный порядок, а установленный беспорядок». «Именно те, кто не хочет менять положение дел, являются носителями насилия и беспорядка»⁴³.

В течение всего 1971 г. действия профсоюзного и народного движения наложили отпечаток своих требований на избирательную кампанию.

Широкий фронт получил на выборах 20% голосов. В Монтевидео, политическом центре, в котором сосредоточено 70% рабочего класса страны, большая часть учебных заведений и почти половина населения страны, фронт был второй по числу голосов политической силой, получив примерно один голос из трех. Он завоевал пять мест в сенате (из 30), 18 мест депутатов (из 99) и большое число голосов во всех населенных центрах страны, хотя представительство там и не является пропорциональным.

⁴² Gral. Liber Seregni, Discursos Ed. Arca, p. 15.

⁴³ Ibid, p. 15.

Несмотря на поражение на выборах, Широкий фронт вышел из избирательной кампании всего через девять месяцев после своего рождения как могучая сила, имеющая общенациональное влияние, как альтернатива власти благодаря своей программе, своим корням в массах и своим боевым связям с пролетариатом и прогрессивными слоями населения.

Если смотреть объективно и с необходимой трезвостью, то можно утверждать, что еще не было условий для победы на выборах, особенно во внутренних районах страны. Но результаты могли быть лучшими. Очень значительные слои масс, стремящиеся к глубоким революционным преобразованиям, голосовали за фронт, но ему не удалось увлечь за собой еще более широкие массы, тех, которые выступали против правительства, но в конечном счете предпочли голосовать за основного кандидата буржуазного блока⁴⁴.

Избранным оказался сеньор Бордаберри, возглавлявший правительственные списки, он был избран благодаря особенностям уругвайской избирательной системы, действовавшей в его пользу. В то время как его кандидатура получила только 22% всех голосов.

Борьба уругвайского народа перешла теперь в новую фазу, характеризующуюся особой остротой. Кризис уругвайского общества, проявившийся прежде всего в экономической области, а затем в размахе и глубине классовой борьбы, не может иметь решений в рамках политики, приемлемой для олигархии и империализма, хотя паллиативные решения могут и найтись.

При оценке нового положения после выборов и не допуская хвядания, столь свойственного колебаниям настроений мелких буржуа, наша партия установила точные координаты политической картины, что необходимо было сделать для правильной оценки значения революционных действий.

Оценка партии говорила о чертах неустойчивости и опасности момента, переживаемого Уругваем, по она открывала и перспективы продолжения борьбы.

Неустойчивость положения вызывается фактической

⁴⁴ См.: "Estudios", № 62.

неспособностью правительства справиться с кризисом, его узкой социальной базой, относительно небольшим числом голосов, поданных за него на выборах, что обусловило, в частности, и невозможность для него иметь устойчивое большинство в парламенте. Опасность же положения кроется в породивших ее классовых силах, в фашистских организациях, созданных в период правления Пачеко и все еще действующих, в сохранении чрезвычайного положения, в тенденциях некоторых кругов п государственных органов к кровавому сведению счетов с рабочим и общенародным движением.

Однако существенно новым в политическом положении являются орудия борьбы, созданные этим движением: наличие — наряду с Национальным конвентом трудящихся (НКТ) и с системой рабочих и народных организаций — Широкого фронта, его программы, его возможностей действовать в парламенте п на улице, на всех направлениях борьбы.

Самое важное — это продолжать борьбу за насущные и программные требования, за народные свободы п права, выковывать вокруг этих требований самое широкое единство народа, в том числе п тех масс, которые были временно разделены избирательной кампанией.

Широкий фронт сразу перенес свои действия на улицы, профсоюзы организовывали демонстрации п забастовки, начались новые схватки. В парламенте различным оппозиционным силам удалось добиться частичной отмены мер безопасности п установления срока до 30 апреля для освобождения политических заключенных. 13 апреля широкая 24-часовая всеобщая забастовка, к которой присоединились мелкие торговцы, стала новой вехой в развитии массовых действий. А прошло ведь только полтора месяца с момента прихода к власти нового правительства. Необходимость перемен была очевидна. Народ не собирался ни вернуться к тому, что он назвал «пачекато» (строим Пачеко), ни оставить все по-прежнему.

Однако 14 апреля произошло резкое изменение соотношения сил. Тупамаросы начали выполнение своего

плана — который, по их мнению, имел большие перспективы, — убив в результате четырех покушений бывшего министра, одного из высших чинов полиции, офицера морского флота и еще одного чиновника, обвиняя их в том, что они являются членами «Эскадрона смерти».

Широкие массы отрицательно отнеслись к этим покушениям, и этим воспользовались репрессивные отряды, которые через несколько часов убили, не вступая в бой, несколько тупамаросов, в том числе одного из их командиров, и арестовали ряд других руководителей. Очевидно, полиция готовилась к отпору и знала, где найти этих людей. Вечером полицейские силы, штурмовавшие Центральный Комитет Коммунистической партии, симулировали столкновение; в конце концов им пришлось убраться, но это произошло лишь после того, как они пзбили, ограбили мужчин и женщин, находившихся там. Несомненно, что твердость членов нашей партии сорвала кровавую баню и крупную провокацию.

Положение было чрезвычайно серьезно. Резкая отрицательная перемена в соотношении сил объясняется: а) отвращением масс к покушениям и отходом от борьбы народных кругов, озадаченных случившимся; б) туманной радикализацией настроений значительной части вооруженных сил, сбитой с толку случившимся, особенно молодого офицерства, радикализацией, которая в данной ситуации могла быть использована олигархией и реакцией; в) включение в некоторые репрессивные органы тех полицейских отрядов и полуполицейских формирований, которые по совету своих бразильских вдохновителей были готовы решить на «индонезийский манер» спор с левыми.

Все рабочее и народное движение оказалось под угрозой предстать ответственным за события, которых оно не развязывало и которые объективно послужили на руку врагу, стремившемуся выжать из них всю возможную политическую выгоду.

В тот же самый вечер 14 апреля — при голосах «против» только со стороны Широкого фронта — Генеральная ассамблея страны голосует за введение «военного положения» и ликвидацию гарантий прав личности

На практике это означает усиление репрессий и в определенной степени установление руководства учреждениями страны со стороны вооруженных сил.

Ранним утром 15 апреля одиннадцать бомб взорвались в домах левых деятелей, в том числе доктора Кроттоджини, вице-президента Широкого фронта.

Через два или три дня было задержано много руководителей тупамаросов, при этом несколько человек было убито.

В ночь с 16 на 17 апреля в помещении 20-го райкома Коммунистической партии Уругвая были убиты 8 рабочих-коммунистов. При этом был ранен один капитан — возможно, его ранил какой-то провокатор, входивший в состав полицейских или военных отрядов, действовавших там.

Через несколько часов трудящиеся этого района заняли фабрики. На следующий день забастовка распространилась на всю страну. Трудящиеся, студенты, банковские служащие и другие заняли фабрики и места работы, приняли резолюции протеста и громадной колонной направились на похороны убитых рабочих, у гробов которых, находившихся в здании Центрального Комитета партии, был поставлен почетный караул. На следующий день всеобщая забастовка продолжалась.

Происшедшее потрясение изменило политическое положение. Лагерь господствующих классов явно раскололся на фашистов и нефашистов. Профсоюзы и различные политические силы, в том числе Широкий фронт, вновь отвоевали некоторые сферы легальной деятельности. Становится легальным распространение в печати и по радио информации о забастовочных выступлениях. 22 апреля состоялся большой митинг, организованный партией, 29 апреля — митинг Широкого фронта, 1 мая была проведена большая демонстрация Национального конвента трудящихся.

В этой трудной обстановке Широкий фронт выдвинул важный политический лозунг. 29 апреля — в речи Сереньи — он поднял знамя мира («умиротворение для перемен; перемены для мира»), акт, имевший немедленный отклик в народе.

Предложение состояло из двух частей. На ближайшее время предлагалось путем *переговоров*, а не путем *истребления* людей решить вопрос о «войне», начавшейся так кроваво. В перспективе ставится вопрос, что не может быть подлинного мира без свобод и прав, без разрешения насущных социально-экономических требований населения. Насилие имеет причину — действия продажных правящих кругов, направленные на удушение свободы, вплоть до убийства, господство олигархии и империализма, наживающихся на страданиях народа.

Лозунг *умиротворения* — это знамя борьбы. Он требует «перемен для мира». Борьба за умиротворение переплетается с борьбой рабочих и широких народных масс за их требования, с программными требованиями демократии и национального суверенитета, полного восстановления свобод и прав, с осуждением фашизма и требованием применения резких санкций против террористических банд.

Этот лозунг и есть ответ, соответствующий нынешнему соотношению сил, и в то же самое время это оружие, чтобы преградить путь реакции, и оружие борьбы за демократические перемены. И его могут понять самые широкие массы. Речь идет не о заключении пакта с правительством и не о демобилизации народа. Напротив, он имеет значение лишь как требование борющегося народа — найти демократический выход.

И прежде всего этот ответ не позволяет направить страну по трагическому пути, устраивает непосредственную перспективу «гватемализации» страны, если можно так употребить это выражение, которое используется для характеристики быстрого роста взаимного кровопролития без участия масс, цикла террора, в котором уничтожаются революционеры и другие активные представители народа и на который отвечают новыми террористическими актами. Причем в этой ужасной игре всегда выигрывают империализм и реакция.

Лозунг Широкого фронта подхватывается НКТ, профсоюзами и народным движением, он пропизывает всю их борьбу. Одновременно он паходит отклик в социальных и политических кругах, далеких от фронта. Таким

образом, он способствует расширению отвоеванных демократических свобод.

С другой стороны, он позволяет представить в подлинном свете политическое положение. Вместо ложной дилеммы — «*порядок или мятеж*» — он выдвигает дилеммы: «*умиротворение или уничтожение*», «*олигархия или народ*», «*родина или империализм*».

Одновременно с этим вместо вводящего в заблуждение противопоставления — *левые против военных* — он выдвигает *единство народа* — как тех, кто носит военную форму, так и тех, кто не носит ее, — против олигархии, фашизма и империализма.

2. НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ТУПАМАРОСАХ

Политическая правильность постановки вопроса фронтом подтвердилась в короткое время. В первые месяцы имелись десятки убитых, в том числе четыре солдата и два офицера, погибших в результате покушений тупамаросов, а при этом погибли многие члены Движения за национальное освобождение* — при сопротивлении, при аресте или просто были убиты, когда их разыскивали, очень часто по доносу других, — доносу, сделанному иногда под пыткой.

Новый фактор в данном положении возник вследствие тяжелых ударов, полученных тупамаросами. Очень быстро были арестованы основные их кадры, захвачено большое количество оружия и раскрыта тщательно созданная система убежищ, госпиталей, «народных тюрем» и т. д. Примерно 2 тыс. человек были переданы в руки военных трибуналов. Систематически и широко стали применяться пытки.

И что еще серьезнее, кадровые работники и сами руководители тупамаросов под пытками дают показания, а это имеет как материальные, так и моральные последствия, проистекающие из-за подобной нестойкости.

* Движение за национальное освобождение — официальное название организации «тупамаросов». — *Прим ред.*

Движение за национальное освобождение, без сомнения, было одной из самых серьезных попыток создания партизанского движения на основе «вооруженного очага». И можно сказать, что его участники проявили боеспособность, смекалку и инициативу, стремясь достигнуть своих целей. Они осуществили множество актов, получивших громкую огласку, начиная с похищений и покушений до осуществления действий, имевших политические цели и направленных против представителей олигархии. Они организовали до отчаяния смелые побег из тюрем.

Главные руководители этого движения и подавляющее большинство его участников происходят из средних слоев интеллигенции и студенчества.

Наша партия заняла по отношению к ним свою известную принципиальную позицию. Она заявила, что считает их по существу честными революционерами, деятельность которых вызвана радикализацией средних слоев, особенно ускорившейся в 1968—1970 гг. Но партия не солидаризировалась с их концепцией революционного процесса, что очевидно из чтения глав данной книги.

В одном критическом выступлении мы сказали, что это не наш путь, вспоминая фразу Ленна, подтвердившую революционный творческий характер марксизма и сказанную им, когда его брат был повешен после раскрытия подготовки покушения на царя.

Тунамаросы — за которыми следует признать ряд революционных достоинств — в то же время страдали, по нашему мнению, принципиальными ошибками, свойственными бланкизму, и тем, что мы называли *идеологизацией* методов «прямого действия». К этому добавляется отсутствие цельной революционной теории; их теоретические взгляды вообще не изложены более или менее четко ни в одном их документе. Может быть, самое важное из определений, данных ими, — это определение национализма: *«социализм в Латинской Америке будет националистическим, и наоборот»*. Эта фраза с самого начала противоречит действительности — Куба интернационалистична, как и Чили. Национализм не есть патриотизм. А социализм по существу интерна-

ционалистичеп, хотя он и олицетворяет самый подлинный патриотизм.

Это отсутствие теоретического определения своей позиции не есть заслуга. Мы не напрасно, следуя за Марксом и Энгельсом, признаем историческую необходимость партии рабочего класса.

Может быть, на примере тупамаросов раскрылось во всем своем драматизме, как ни в каком другом движении, противоречие между инициативой, организацией и средствами для вооруженной революции и пренебрежением правильной оценкой соотношения сил, революционного момента.

В некоторых из своих документов они довольно живо отражают это обстоятельство. Они, например, говорят, что после их успехов — преувеличенных, если говорить об их подлинном влиянии на процесс, — перед ними встали две возможности: в политическом отношении стать силой, руководящей массами; в военном отношении превратиться из «очага» в революционную армию. И именно неспособность дать ответ на обе возможности, неспособность понять, а не неспособность вообразить и пожелать привела к их нынешнему трагическому кризису.

В другом их документе, видимо от марта 1972 г., накануне проведения в жизнь нового плана, мы находим два важных высказывания; во-первых, что героизма или решительных действий недостаточно, чтобы сломить власть олигархии; во-вторых, что тактика «удар за удар» — они называют это *«диалогом с правительством»* — истощается, причем массы ее не понимают («непонятный язык, который не может усвоить большая часть народа»). Тем не менее они возобновляют осуществление своего плана путем террористических действий 14 апреля. И предлагают «перейти... к прямому и систематическому нападению на репрессивные силы в качестве главного способа действий».

В этом же самом документе они выдвигают в качестве «максимальной цели» задачу «привести правительство к краху, чтобы его можно было заменить новым, с косвенным участием самой *организации*. Добиться признания организации (путем проведения амнистий)

и роспуска наиболее репрессивных органов. Осуществить меры, направленные к выполнению некоторых пунктов нашей программы. Поставить режим в такое положение, чтобы наша борьба имела определяющий характер в данной зоне».

Эта политическая линия в конечном счете передает другим — вооруженным силам? — осуществление программных целей, явно очень ограниченных.

Наконец, отличие ленинской концепции вооруженной борьбы от некоторых из главных идей Движения за национальное освобождение подтверждается также и планом, осуществление которого было начато в апреле. Тупамаросы выбрали наилучший политический момент — вскоре после выборов, когда народ еще ожидал возможной демократизации.

Этими заметками мы не думаем исчерпать все аспекты, все значение и перспективы движения тупамаросов. Мы просто повторили — добавив к ним недавние примеры — известные взгляды, которые партия никогда не скрывала.

3. ПЕРЕД НАМИ КРУТОЙ ПУТЬ, НО МЫ ИДЕМ ВПЕРЕД

Уругвай переживает напряженный политический период. Все данные говорят о глубоком кризисе национальной экономики. И хотя некоторые признаки политической неустойчивости уменьшаются и намечаются перспективы демократических преобразований, это еще не означает, что исчезла возможность провокаций и фашистских авантур. Покушения полуполицейских формирований приводят к гибели новых людей. Происходит наглое вмешательство бразильских и американских агентов.

Одной из черт нынешнего положения является продолжение активных действий масс, главным образом рабочих. Участники забастовок по профессиям, всеобщих забастовок и демонстраций выступают против замораживания зарплаты, выдвигают требования свобод и программу действий, предусматривающую решение проблем, порожденных этим кризисом.

Другая черта, новая в политической истории Уругвая, — это участие в политической жизни вооруженных сил, несмотря на репрессивный характер их задач.

Политика олигархии, подчиненной Вашингтону, привела страну к экономической катастрофе и облила ее кровью. Только объединенный народ сможет спасти родину Артигаса от нависшей опасности. Программные задачи ясны, хотя политическая обстановка и очень сложна. Мы уже вступили на путь, ведущий к освобождению. И мы идем по этому пути.

Родней Арисменди

Август — сентябрь 1972 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕРТЫ ЛЕНИНА — РЕВОЛЮЦИОНЕРА-КОММУНИСТА И ВОЖДЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ	27
1. Два человека... и весь народ	29
2. Правильная линия, пролетарская партия плюс революционная страстность старого поколения	35
3. Прежде всего—профессиональный революционер	42
4. Ленин идет в Смольный	51
5. «Без революционной теории не может быть и революционного движения»	55
ЛЕНИН, ДИАЛЕКТИКА И УЧЕНИЕ О ПАРТИИ	59
1. Философия, политика и революция	61
2. Эволюции и революции	68
3. О любви и ненависти уважаемых	73
4. «Ленин против Маркса»; Маркс против Маркса	80
5. Учение о партии — часть теории социалистической революции	89
6. Не только ячмень растет по Гегелю, но и партия	94
7. Кто же герои нашего времени — роботы или сознательные борцы?	103
ЛЕНИН И ПУТИ РЕВОЛЮЦИИ	109
<i>Часть первая. Ленин: учение и история</i>	111
I. Актуальность теоретических и методологических предпосылок	111
1. Учить революцию	111
2. Насильственная революция как исторический закон	112
3. Tактические шаги и стратегическое предвидение	115
4. Меняется соотношение между различными способами борьбы	119
5. Не возводить исключения в правило	124
6. Tворчески развивать теорию, неизменно сохраняя верность принципам	127
II. Метод Маркса и Ленина при определении путей революции	131

1. Элементарные принципы социалистической революции	131
2. «Обобщение опыта», освещенное глубоким философским мирозерцанием	135
3. Общее правило всякой действительно народной революции	140
4. Речь идет о самой вероятной форме революционного перехода	141
5. Военно-бюрократическая структура государства и историческая эпоха: самые важные методологические ориентиры	144
6. «Мирный путь» в критике Ф. Энгельсом Эрфуртской программы	151
7. География — фактор, который может оказать влияние на отдельные случаи выбора путей революции	161
8. Оценка общего соотношения сил	164
9. Марксизм или эмпиризм?	166
10. Возможность «мирного пути» в русской социалистической революции	169
11. Вместо резюме	191
III. Постановка вопроса о «путях» в наше время	201
1. «Мирный путь» в текстах Декларации 1957 г. и Заявления 1960 г.	201
2. Об отставании в текущей разработке проблемы	207
3. Угроза раскола движения как фактор политико-теоретического отставания	213
4. Историческое оправдание постановки вопроса о путях на XX съезде КПСС	217
5. С методологической точки зрения важно установить, когда и каким образом происходили случаи мирного перехода	224
6. Насколько «мирным» является знаменитый «мирный путь»?	236
7. Упоминание роли парламента заслуживает специального раздела	245
Некоторые выводы к главе	266
<i>Часть вторая. Коммунистическая партия Уругвая, момент, переживаемый Латинской Америкой, и пути революции</i>	<i>273</i>
I. Воспоминание, которое могло быть прологом	273
1. Грозовые тучи над побережьем	274
2. Рассвет 1959 г. Фидель вступает в Гавану	278
II. Кубинская революция как выражение исторического момента, переживаемого Латинской Америкой	280

1. «Кубинские пальмы» и «континентальная революция»	280
2. Вопросы и ответы на ту же тему	284
III. Еще раз о диалектике демократической и социалистической революции и кое-что о Перу и Боливии	294
1. Некоторые предварительные соображения	294
2. Характер, цели и этапы революции	298
3. Классы, народ, армии	305
IV. Проблемы путей революции и наша партия	318
1. Знаменитое «зеленое дерево» жизни	318
2. Пространная цитата, документально обосновывающая нашу политику	323
3. Метод Ленина и условия в Латинской Америке	329
V. История вопроса в свете дискуссий в партии	336
1. Поиски и дискуссии	336
2. Требования новой обстановки	341
VI. Путь, тактическая гибкость и инфантильность	355
1. Надуманные опасности и реальные ошибки	355
2. О некоторых советах Ленина, которые следует иметь в виду	363
3. Идеологическая борьба дополняет, но не заменяет реального значения тактики	384
4. Некоторые основные аспекты тактики партии	396
VII. Каково же положение в Латинской Америке?	407
1. Революция — крот или призрак — уже пришла к нам	407
2. Как охарактеризовать нынешний момент в Латинской Америке?	414
3. Грога «поверх невольных вод»	423
ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕНИНСКОЙ ТЕОРИИ ВОССТАНИЯ И ПАРТИЗАНСКОЙ ВОЙНЫ	425
Ленин в Октябре: марксизм и восстание	427
1. Заговор или революция народных масс?	427
2. Политика и оружие, оружие и политика	432
3. Типичные уклоны: от марксизма к бланкизму, от ленинизма к социал-демократизму	441
Партизанская война как частный случай вооруженного восстания пролетариата и угнетенных народов	450
Введение	450
I. Революция — не копия, а акт героического творчества каждого народа	453
II. Опыт применения ленинской методологии	463
1. Описание метода В. И. Ленина	464
2. К вопросу об историческом месте партизанской войны в связи с характером нашей эпохи	486

3. Особенности партизанского движения и общие законы вооруженного восстания	492
4. Возникновение на современном этапе партизанской войны в Латинской Америке	504

**К СОВЕТСКИМ ЧИТАТЕЛЯМ КНИГИ
«ЛЕНИН, РЕВОЛЮЦИЯ И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА»**

I. Необходимые пояснения	506
II. Чили — веха нового революционного периода	511
1. Развитие основных тенденций	511
2. Пробный камень для одного определения	514
3. Социалистическая ось демократической и антиимпериалистической борьбы наших народов	518
4. Новые передовые режимы, руководимые военными, и роль рабочих и народных масс	521
5. Некоторые аспекты «чилийского пути к социализму»	529
III. Время синтеза в интересах новых побед	542
1. Настоятельная необходимость коллективного теоретического обобщения накопленного богатого опыта	542
2. О некоторых идейных и тактических спорах	548
3. Злоключения одного профессора	555
4. Несколько замечаний о партизанской борьбе	558
IV. Некоторые стороны уругвайского опыта	569
1. Альтернатива народной власти	569
2. Несколько слов о тупамаросах	583
3. Перед нами крутой путь, но мы идем вперед	586

**Родней Арисменди
ЛЕНИН, РЕВОЛЮЦИЯ
И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА**

Редактор В. Ткаченко
Художник Б. Астафьев
Художественный редактор В. Пузанков
Технические редакторы Е. Гоц и Н. Капустин
Корректор Н. Шарганова

Сдано в производство 31/VII 1974 г.
Подписано к печати 18/VI 1975 г.
Бумага 84×108¹/₃₂, тип № 1. Бум. л. 9¹/₄.
Печ. л. 31,08+0,1 п. л. вклеек. Уч.-изд. л. 29,3
Изд. № 20034. Цена 2 р. 80 к. Заказ 5822
Тираж 7500 экз.

Издательство «Прогресс» Государственного
комитета Совета Министров СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли
Москва, Г-21, Zubовский бульвар, 21

Московская типография № 5
Союзполиграфпрома при Государственном
комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.
Москва, Мало-Московская, 21.